ЛИТЕРАТУРНАЯ,

МУЗЫКАЛЬНАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

СОБСТВЕННОСТЬ

съ точки зрѣнія науки гражданскаго права и по постановленіямъ законодательствъ: Сѣверной Германіи, Австріи, Франціи, Англіи и Россіи

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Литературная собственность, ея понятіе, исторія, объектъ и субъектъ

Изслѣдованіе

И. Г. ТАВАШНИКОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. И. Попова, Поварской пер., д. № 2

1878

ЛИТЕРАТУРНАЯ,

МУЗЫКАЛЬНАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

СОБСТВЕННОСТЬ

съ точки зрѣнія науки гражданскаго права и по постановленіямъ законодательствъ: Сѣверной Германіи, Австріи, Франціи, Англіи и Россіи

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Литературная собственность, ея понятіе, исторія, объектъ и субъектъ

Изслѣдованіе

И. Г. ТАВАШНИКОВА

СССР. Институт ... Ц. И. К.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. И. Попова, Поварской пер., д. № 2

1878

394746

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе V
Опечатки VIII

Глава I.

Понятіе литературной собственности, опредѣляемое писателями прошлаго столѣтія.

Вмѣсто введенія 1
Сознаніе авторскихъ правъ, выраженное Лютеромъ и Пиркгеймеромъ 8
Воззрѣнія на литературную собственность Фрича, Бейера, Бирибаума, Гундлинга, Турнгейзена, Бемера, Элерса, Грефа и др. . . 10
Воззрѣнія Стефана Пюттера 19
Воззрѣнія Канта, Фихте и Гегеля 26
Воззрѣнія на литературную собственность, господствовавшія во Франціи до первой революціи 38

Глава II.

Понятіе литературной собственности, опредѣляемое писателями нынѣшняго столѣтія.

1. Группа писателей, совершенно отрицающихъ существованіе литературной собственности и основывающихъ авторскія права на привилегіи:
Ученіе Локре 52
Ученіе Ренуара 57
Воззрѣнія Гербера 90
Воззрѣніе Спасовича. 95
2. Группа писателей, считающихъ авторскія права не собственностью, а правомъ имущественнымъ:
Ученіе Вехтера 101
Ученіе Іолли 206
Ученіе Клостермана 113
3. Группа писателей, считающихъ авторскія права правами личности:
Воззрѣніе Блунчли и Безелера 120
Ученіе Гарума 124
Воззрѣніе Дана 136
4. Группа писателей, считающихъ авторскія права правомъ собственности:
Ученіе Крамера 138
Воззрѣніе неизвѣстнаго автора статьи въ «Rechtslexicon» Weiske 144
Воззрѣніе Фолькмана 149
Ученіе Гейдемана 152
Ученіе Лабуле 160
Воззрѣніе Эйзенлора 162
Нашъ взглядъ на литературную собственность . . . 166

Глава III.

Историческій очеркъ литературной собственности съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.

Положеніе книжнаго дѣла и литературной собственности въ древней Римской Имперіи и въ средніе вѣка 174

стр.

Вліяніе изобрѣтенія книгопечатанія на развитіе книжнаго дѣла и первыя привилегіи 186
Историческій ходъ и судьба привилегій въ Германіи 192
Историческое движеніе привилегій во Франціи 201
Положеніе книжнаго дѣла и отношеніе правительства къ авторскимъ правамъ въ Англіи 283
Регламентація литературной собственности въ Германіи. . . . 293
Регламентація ея въ Пруссіи 297
Сѣверогерманскій законъ 11 іюня 1870 года. 301
Регламентація книжнаго дѣла въ Австріи 304
Регламентація ея во Франціи 308
Регламентація ея въ Англіи. 324
Регламентація ея въ Россіи 344

Глава IV.

A. Объектъ литературной собственности.

Понятіе его, опредѣляемое нами и различными писателями. . . 351
Постановленія о немъ въ законодательствахъ Сѣверной Германіи, Австріи, Франціи, Англіи и Россіи 371
Виды этого объекта: 1) Различнаго рода компиляціи 375
2) Дополненія, примѣчанія, комментаріи и сборники пѣсень, сказокъ и пословицъ . . 386
3) Частныя письма 394
4) Лекціи, публичныя рѣчи, проповѣди и публичныя импровизаціи 404
5) Газеты и періодическія изданія 420
6) Манускрипты и посмертныя сочиненія . . 438
7) Сочиненія псевдонимныя и анонимныя . . 456
8) Переводы 463
9) Офиціальные акты и законы 487
10) Словари 499
11) Календари. 500
12) Заглавія литературныхъ произведеній и имя автора . . . . . —

Глава V.

B. Субъектъ литературной собственности.

1) Авторъ, соавторство и сотрудничество. 508
2) Субъекты на основаніи правопреемства:
а) Заказчикъ 515
б) Издатель и редакторъ 516
Постановленія законодательствъ Сѣверной Германіи, Австріи, Франціи, Англіи и Россіи объ авторѣ, заказчикѣ, издателѣ и редакторѣ 521
в) Наслѣдники 535
г) Юридическія лица 547

Приложеніе. Конвенція между Россіею и Франціею въ 1861 г. и между Россіею и Бельгіею въ 1862 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Литературная собственность, эта весьма важная отрасль гражданскаго оборота, породившая за границею не малое число спеціальныхъ сочиненій, находится въ нашей отечественной литературѣ почти въ эмбріологическомъ состояніи. Не смотря на ея живой и громадный интересъ, ей доселѣ посвящено у насъ лишь одно небольшое изслѣдованіе г. Спасовича, которое стремится исчерпать все ученіе о ней какъ относительно ея цивилистической стороны, такъ и относительно криминальной. Къ сожалѣнію, г. Спасовичъ слишкомъ съузилъ свою задачу и представилъ лишь крайне сжатый очеркъ, далеко не соотвѣтствующій той роли, которую играютъ на нынѣшнихъ рынкахъ произведенія ума. Желая, по мѣрѣ своихъ силъ, восполнить этотъ важный пробѣлъ въ нашей юридической литературѣ, авторъ предлагаемой книги принялъ на себя трудъ подробнѣе ознакомить нашу юридическую публику съ положеніемъ литературной собственности въ наукѣ и въ дѣйствующемъ законодательствѣ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ. Но по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, ему не удалось воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что было написано объ этомъ институтѣ; а потому онъ вынужденъ былъ сосредоточить свое вниманіе на важнѣйшихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ объ авторскомъ правѣ, полагая, что подробное ознакомленіе читателя съ этими послѣдними можетъ дать возможность составить себѣ довольно опредѣленный и вѣрный взглядъ на юридическое существо литературной собственности и на

наиболѣе приличествующее ей мѣсто въ общей системѣ гражданскаго права. Чтобы читатель, желающій провѣрить взгляды какъ самого автора, такъ и цитируемыхъ имъ писателей, не нашелся въ трудно осуществимой необходимости справляться съ подлинными сочиненіями, авторъ передаетъ воззрѣнія означенныхъ писателей ихъ собственными словами съ такою полнотой, которая можетъ навлечь на него упрекъ, что онъ наполнилъ свою книгу отрывками изъ разныхъ сочиненій. Но предвидѣвши возможность такого упрека еще въ самомъ началѣ своего труда, онъ тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ и полезнымъ не отступать отъ усвоеннаго имъ метода изложенія. Въ этомъ случаѣ онъ руководился тѣмъ соображеніемъ, что нашъ читатель поставленъ въ положеніе гораздо болѣе неблагопріятное, чѣмъ читатель иностранный: въ то время, какъ послѣдній имѣетъ всегда подъ руками богатую литературу на своемъ родномъ языкѣ по каждому спеціальному вопросу, которою и можетъ воспользоватьея въ своихъ выгодахъ, нашъ читатель вынужденъ довольствоваться тѣмъ, что предлагаетъ ему авторъ даннаго спеціальнаго изслѣдованія на русскомъ языкѣ. Почти всѣ источники и пособія такого изслѣдованія для огромнаго большинства русскихъ читателей недоступны, во-первыхъ, потому, что они написаны на иностранныхъ языкахъ, а во-вторыхъ, потому, что ихъ необходимо спеціально выписывать изъ-за границы, такъ какъ въ нашей книжной торговлѣ ихъ неимѣется. Въ виду этого авторъ льститъ себя надеждою, что русская публика безъ чувства досады отнесется къ нѣкоторой растянутости его изслѣдованія, безъ сомнѣнія, излишней для истинныхъ спеціалистовъ гражданскаго права, но весьма полезной для огромнаго большинства читателей, на которыхъ, по крайнему разумѣнію автора, должно быть разсчитано всякое ученое сочиненіе въ области права.

Въ предлагаемой книгѣ авторъ выполняетъ лишь часть той задачи, которую онъ принялъ на себя, оставляя за собою право выполнить ее всецѣло въ ближайшемъ будущемъ.

Въ слѣдующемъ томѣ будутъ изложены конецъ ученія о литературной собственности и все ученіе о собственности художественной и музыкальной. При изложеніи авторъ придерживался и будетъ придерживаться общепринятой нѣмецкой системы, считая ее наиболѣе пригодною для правильнаго научнаго анализа юридическихъ институтовъ. А потому онъ начинаетъ съ анализа понятія литературной собственности, при чемъ излагаетъ съ возможною подробностью различныя воззрѣнія ученыхъ юристовъ на это понятіе; затѣмъ предлагаетъ относительно полный историческій очеркъ литературной собственности, отъ котораго переходитъ къ ученію объ объектѣ и субъектѣ этой собственности. Авторъ приложилъ все свое стараніе къ тому, чтобы по мѣрѣ своихъ силъ всесторонне и добросовѣстно выполнить свою задачу. Не ему судить, насколько онъ приблизился къ этой цѣли. Во избѣжаніе недоразумѣній авторъ проситъ читателей внести предварительно въ текстъ книги указанныя въ спискѣ опечатокъ исправленія.

И. Табашниковъ.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНІЯ.

Стр.	строка	напечатано	слѣдуетъ читать.
9	7 сверху	Пикгеймеру	Пиркгеймеру.
—	17 »	произведеніе	произведеніе и
34	3 снизу	онношеніи	отношеніи
53	17 сверху	право	права на
64	5 »	договоръ	договоры
101	1 »	Вахтеръ	Вехтеръ
102	9 »	н	и
106	18 »	должна	должны
—	19 »	принята	приняты
117	14 снизу	подъ ихъ	ихъ подъ
121	13—14 снизу	никого	никакого
146	4 сверху	ограченнаго	ограниченнаго
160	16 «	пришелъ	идетъ
—	2 снизу	Не	Но
178	5 »	размѣщать	размѣщать ихъ
190	8 »	nemoa udeat	nemo audeat
216	11—12 сверху	скрѣпныхъ	скрѣпленныхъ
217	11—12 »	вопросовъ	вопроса
219	16—17 »	нажившихъ	наживавшихъ
222	4 сверху	Sac	Sacy
228	10 »	съ нимъ	съ ними
238	15 »	odjoints	adjoints
245	2 »	что	чтобы
273	13 »	Не	Но
276	2 »	множество	много
285	8 снизу	авторомъ	авторамъ
289	3 сверху	онъ но	но онъ
291	5 снизу	является	является и по
296	15 »	ст.	въ ст.
319	вмѣсто строкъ отъ 5—7 снизу		Сказанная имъ по этому поводу весьма любопытная рѣчь осталась однако безъ всякаго практическаго результата.
351	18 »	Глава V	Глава IV
384	1 сверху	текста	текстъ
388	3 »	дошедшій	дошедшаго
408	14 снизу	этотъ	этотъ не
422	1 »	смому	самому
462	16 сверху	превдонимнымъ	псевдонимнымъ
467	20 »	писателю	читателю
478	6 »	разсматриваются	разсматривается

ГЛАВА I.

Воззрѣнія на юридическую природу литературнаго произведенія, господствовавшія у писателей прошлыхъ двухъ столѣтій. Нравственность и естественное право, какъ главные доводы этихъ писателей противъ контрафакціи; причина отсутствія у нихъ болѣе серіозныхъ юридическихъ доводовъ.

Съ самаго изобрѣтенія письменности люди не переставали писать и сочинять, и древнія времена завѣщали намъ не мало великихъ произведеній, дошедшихъ до насъ лишь благодаря средству передавать мысли письменными знаками. Несмотря на то, вопросъ о литературной собственности возникъ лишь съ открытіемъ искусства книгопечатанія, т. е. съ 1445 г., и теперь еще не можетъ быть сочтенъ разрѣшеннымъ окончательно. Въ то время, какъ другіе институты гражданскаго права, по времени своего зарожденія, далеко уступающіе такъ называемому авторскому праву, давно уже заняли соотвѣтствующее имъ мѣсто въ общей системѣ науки гражданскаго права и перестали быть предметомъ споровъ еще въ Римѣ, институтъ литературной собственности доселѣ находится въ состояніи броженія, и не только не пользуется еще постояннымъ мѣстожительствомъ въ системѣ частнаго права, но и самое понятіе его не можетъ быть названо выясненнымъ окончательно.

Достаточно даже поверхностнаго взгляда, чтобы ненормальность такого положенія вещей стала вполнѣ ясною. Съ одной стороны интеллигенція неустанно трудится надъ развитіемъ и просвѣщеніемъ человѣчества и улучшеніемъ его матеріальнаго благосостоянія, постоянно и неуклонно продолжаетъ оказывать ему безчисленныя и величайшія услуги созданіемъ и развитіемъ наукъ, искусствъ и худо-

жествъ, превращаетъ человѣка въ истиннаго царя окружающей его природы и раскрываетъ ему законы бытія вселенной, а съ другой человѣчество, какъ будто не сознаетъ, чѣмъ оно обязано представителямъ своихъ умственныхъ силъ, и только въ прошломъ столѣтіи рѣшилось признать за ними исключительное право извлекать матеріальныя выгоды изъ ихъ умственныхъ произведеній и то въ ограниченномъ размѣрѣ. Въ наше время почти всѣ законодательства цивилизованныхъ государствъ предоставляютъ автору право полнаго и исключительнаго распоряженія своимъ произведеніемъ лишь на время его жизни; наслѣдникамъ же автора они даютъ это право *только* на извѣстный срокъ. Такимъ образомъ ему отказываютъ въ томъ, чѣмъ пользуются рѣшительно всѣ люди съ самаго зарожденія понятія о собственности. Между тѣмъ, увлекаясь ролью двигателей и просвѣтителей человѣчества, сами авторы въ большинствѣ своемъ не только примиряются съ означеннымъ отношеніемъ положительныхъ законодательствъ къ литературнымъ произведеніямъ, но даже стараются подыскать ему научное оправданіе, и вслѣдствіе того видятъ въ литературномъ произведеніи не собственность въ общепринятомъ смыслѣ, а собственность sui generis, нѣчто междуполое въ ряду остальныхъ институтовъ гражданскаго права. Это приводитъ насъ къ необходимости заняться, прежде всего, изслѣдованіемъ самого понятія литературной собственности, которое всего лучше можетъ выясниться изъ обзора цѣлаго ряда воззрѣній, выраженныхъ на этотъ институтъ учеными юристами.

Обозрѣвая совокупность этихъ воззрѣній, нельзя не замѣтить странныхъ колебаній, особенно бросающихся въ глаза у писателей послѣдняго времени. Чѣмъ старѣе писатель, тѣмъ тверже и увѣреннѣе онъ отправляется отъ понятія авторскаго права, какъ безусловной собственности автора на его литературное произведеніе. Между новыми писателями замѣчается сначала полное отрицаніе за авторомъ какихъ-либо вещныхъ правъ на его произведеніе, въ

замѣнъ которыхъ за нимъ признается лишь право на вознагражденіе за трудъ; слѣдовательно, у писателей этой категоріи авторъ разсматривается, какъ наемщикъ общества, а его произведеніе, какъ работа, со дня ея окончанія и врученія обществу становящаяся общественнымъ достояніемъ; за нимъ сверхъ того признается еще личное право авторства, т. е. право считаться непосредственнымъ творцомъ даннаго литературнаго произведенія. Чѣмъ ближе мы подходимъ къ нашему послѣднему времени, тѣмъ болѣе мы замѣчаемъ у писателей стремленіе придать авторскому праву вещную оболочку. Они не соглашаются считать его собственностью и слѣдовательно приписать ему всѣ юридическія послѣдствія послѣдней, но за то усматриваютъ въ немъ право имущественное и даже вещное, и на этомъ основаніи относятъ его къ обширной области этого рода правъ. Но такъ какъ, съ ихъ точки зрѣнія, авторское право не подходитъ ни подъ одинъ изъ извѣстныхъ наукѣ типовъ правоотношеній, то они или совершенно обходятъ вопросъ о его классификаціи, т. е. они или вовсе не указываютъ ему подобающаго мѣста въ общей системѣ науки гражданскаго права, или же выражаются на этотъ счетъ очень неопредѣленно и туманно.

Подобныя колебанія, какъ мы постараемся доказать ниже, объясняются историческими судьбами этого института, со времени изобрѣтенія книгопечатанія ставшаго предметомъ алчной хищности различныхъ издателей по ремеслу и не находившаго себѣ никакой юридической защиты въ прежнихъ законодательствахъ, вслѣдствіе чего писатели и издатели вынуждены были выпрашивать эту защиту, какъ милости. Новые писатели, обратившись къ изученію авторскаго права, стали лицомъ къ лицу съ страннымъ отношеніемъ къ нему всѣхъ законодательствъ цивилизованныхъ государствъ, и будучи подавлены этимъ наглядным единомыслiемъ послѣднихъ, приняли историческій фактъ за существо института и направили свои силы на оправданіе этого факта съ научной точки зрѣнія. Они ищутъ объясненія его не въ

исторіи, гдѣ его собственно слѣдуетъ искать, а въ существѣ самого института, въ его юридическихъ свойствахъ, будто бы обусловливающихъ собою постановленія современныхъ законодательствъ.

Писатели нашихъ дней, какъ мы сказали выше, стремятся придать авторскому праву имущественную оболочку, усматривая въ немъ лишь имущественное пользованіе авторомъ своимъ сочиненіемъ. Такимъ образомъ, они отступаютъ отъ воззрѣнія тѣхъ своихъ предшественниковъ, которые, видя въ литературномъ произведеніи общественное достояніе, признавали за авторомъ лишь право на вознагражденіе за трудъ. Слѣдовательно, они открываютъ собою обратное движеніе, неизбѣжно, по нашему мнѣнію, долженствующее привести къ тому, изъ чего исходили писатели прошлаго столѣтія. Да иначе и быть не можетъ. Воззрѣніе, котораго придерживались писатели начала XIX столѣтія, выработалось подъ вліяніемъ къ этому времени окончательно утвердившагося нынѣшняго отношенія къ литературному произведенію положительныхъ законодательствъ. Подобное воззрѣніе противно не только справедливости, но и вообще наукѣ права; а писатели, пытавшіеся придать ему научное оправданіе, измѣнили своему прямому назначенію быть служителями истины и низвели науку съ подобающей ей высоты на степень служебнаго и подчиненнаго отношенія явленіямъ дѣйствительной жизни. Это заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ о цѣли и назначеніи науки и ея представителей, дабы при дальнѣйшемъ изложеніи не возвращаться вновь къ этому предмету.

Наука не можетъ и не должна рабски подчиняться фактамъ жизни; она идетъ своимъ особымъ путемъ, и если заимствуетъ свой матеріалъ изъ жизни, то единственно для того, чтобъ очистить его отъ постороннихъ примѣсей и привести въ разумный порядокъ и гармонію съ высшими началами правды и справедливости. Освѣщая своимъ свѣтомъ явленія жизни, она указываетъ ей дальнѣйшее направленіе и выясняетъ законы, которыхъ ей слѣдуетъ дер-

жаться при своемъ поступательномъ движеніи. Только въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать въ наше время часто высказываемое желаніе, чтобы теорія и практика шли рука объ руку, чтобъ они находились между собою въ постоянномъ единеніи. Съ своей стороны, вполнѣ раздѣляя это желаніе, мы рѣшаемся, однако, утверждать, что союзъ этотъ не долженъ быть равнымъ, что гегемонія въ немъ должна принадлежать именно наукѣ, т. е. теоріи, а не практикѣ. Получая отъ послѣдней сырой матеріалъ, наука расплачивается съ нею отвлеченными отъ него вѣчными истинами, добытыми путемъ логическаго мышленія, чуждаго всякаго частнаго интереса, всякой національности. Она установляетъ вѣчные законы, обязательные для всѣхъ временъ и народовъ и настолько прочные, что ихъ не можетъ поколебать никакая земная сила, какъ бы всемогуща и грозна она ни была. Въ этомъ именно смыслѣ ее можно назвать всемірною законодательницею, и вотъ почему всякій разумный законодатель, стремящійся создать прочные законы для своего народа, обращается прежде всего къ наукѣ, и ея указанія и совѣты кладетъ въ основаніе своего законодательнаго зданія. Исторія намъ показываетъ, что всѣ законодательства, построенныя не на научныхъ началахъ, а на національныхъ основахъ, на такъ-называемомъ обычномъ правѣ или на произволѣ законодателя, съ теченіемъ времени становятся бременемъ для народа и рушатся подъ ударами научной критики и смутнымъ стремленіемъ общества къ тѣмъ вѣчнымъ истинамъ, которыя составляютъ главное содержаніе науки права. Въ подтвержденіе этого достаточно указать на примѣръ двухъ государствъ, именно Англіи и нашего отечества. Англія, эта классическая страна обычнаго права, давно уже ощущаетъ всѣ связанныя съ нимъ неудобства и въ послѣднее время ясно обнаруживаетъ стремленіе ввести у себя юридическій порядокъ, господствующій въ континентальной Европѣ и выработавшійся подъ непосредственнымъ вліяніемъ научныхъ элементовъ тамошняго общества. Наше отечествен-

ное законодательство, какъ всякому русскому юристу извѣстно, составилось изъ отдѣльныхъ указовъ и законоположеній, изданныхъ по поводу частныхъ случаевъ. И что же? Теперь, когда новые судебные уставы дали возможность нашей юридической жизни воспрянуть отъ глубокаго сна, въ который она была погружена, и широко распустить свои крылья, мы вдругъ узрѣли, что у насъ есть не систематически построенные законы, а лишь зачатки ихъ; мы нашлись въ необходимости умѣрить быстрое движеніе нашей юридической жизни и затормозить ея истинно грандіозные успѣхи, единственно благодаря отсутствію у насъ законовъ, прошедшихъ чрезъ дистилирующее горнило науки.

Чтобы ни говорили сторонники обычнаго права и національности въ правѣ, мы вмѣсто всякаго отвѣта укажемъ на примѣръ почти всѣхъ цивилизованныхъ государствъ Европы и въ особенности нашего отечества, гдѣ новые судебные уставы отнюдь нельзя назвать продуктомъ самобытнаго развитія нашего юридическаго строя. Не смотря на то, кто-же рѣшится сказать, что это заимствованіе вредно отозвалось на нашей жизни и кто отважится отрицать благодѣтельныя его послѣдствія? Національность и традиціи имѣютъ глубокій смыслъ только въ политической жизни народа; въ области же права, имѣющаго своимъ главнымъ назначеніемъ опредѣленіе и огражденіе личныхъ и имущественныхъ интересовъ частныхъ лицъ, національныя традиціи, по меньшей мѣрѣ, неумѣстны. Здѣсь нужны только тѣ средства и пути, которыя ближе всего приводятъ къ цѣли—огражденію частныхъ интересовъ; что же касается того, какимъ именно народомъ найдены эти средства, то для частнаго права это вопросъ совершенно праздный. Примѣръ всей Европы показываетъ, что народы ея другъ у друга заимствуютъ всѣ наиболѣе цѣлесообразные институты, лишь видоизмѣняя и принаровливая ихъ къ мѣстнымъ климатическимъ и топографическимъ условіямъ. Подобное перенесеніе повсемѣстно даетъ благотворные плоды именно потому, что всѣ эти институты обобщены и приве-

дены въ гармонію съ вѣчными началами правды, съ родною для всѣхъ народовъ наукою права.

Эти вѣчныя начала добиваются представителями науки путемъ усиленныхъ и долговременныхъ размышленій и путемъ глубокаго логическаго анализа жизненныхъ явленій. Подвигаясь по этому пути, ученые получаютъ возможность открывать истину и совершенно опредѣленно сознавать и указывать отступленія отъ нея въ дѣйствительной жизни. Вслѣдствіе этого они весьма часто являются въ роли апостоловъ правды, которыхъ современное имъ человѣчество не всегда умѣетъ понять и надлежаще оцѣнить. Тѣмъ не менѣе истинные ученые не страшатся такого отношенія къ нимъ человѣчества и неуклонно идутъ по своему надлежащему пути. Но тотъ, кто поддается давленію современной жизни и готовъ во всѣхъ ея явленіяхъ видѣть выраженіе вѣчной правды и защищать ихъ, какъ таковыя, тотъ не истинный ученый, а диллетантъ науки.

Исходя изъ этихъ именно соображеній, мы рѣшились выше высказать, что писатели XIX столѣтія, стремящіеся опредѣлить существо авторскаго права на основаніи повсемѣстно дѣйствующихъ законоположеній и направляющіе свой скептицизмъ не противъ этихъ послѣднихъ, а противъ своихъ предшественниковъ, отступаютъ отъ прямаго назначенія науки—стоять выше всякихъ случайныхъ авторитетовъ и подчиняютъ ее законодательной практикѣ, отправляясь отъ законоположеній послѣдней, какъ отъ непреложной истины. Краткій очеркъ воззрѣній, высказанныхъ на занимающій насъ институтъ учеными прошлаго и нынѣшняго столѣтія, представитъ самое наглядное доказательство тому.

Изобрѣтеніе книгопечатанія, которое французскій король Людовикъ XII [1]) назвалъ изобрѣтеніемъ скорѣе божественнымъ, чѣмъ человѣческимъ, породило новый источникъ дохода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя отрасли промышленности.

---

[1]) *Renouard*, Traité des droits d'auteurs. Paris. 1838. T. I-й, стр. 28.

Писатели получили возможность трудиться не для чести только и славы, но и для матеріальныхъ благъ, извлекая изъ продажи своихъ сочиненій иногда весьма значительныя денежныя выгоды. Но лишь только люди, ищущіе легкой наживы, замѣтили, что отпечатанныя книги съ жадностью покупаются публикой и что продажа такихъ книгъ весьма прибыльна, какъ немедленно же набросились на это дѣло и стали беззастѣнчиво перепечатывать и продавать въ свою пользу большую часть изъ вновь выходящихъ книгъ. Отнимая такою перепечаткой у уполномоченныхъ авторами издателей принадлежащія имъ выгоды, эти литературные пираты наносили еще большій вредъ самимъ писателямъ, ибо цѣнность ихъ сочиненій, въ виду возможности и безнаказанности перепечатки, все болѣе и болѣе понижалась. Понятно, что подобное положеніе дѣлъ не могло остаться безъ протеста и жалобъ со стороны писателей; и дѣйствительно такія жалобы встрѣчаются уже довольно рано. Такъ, Лютеръ [2]) въ 1525 году въ своемъ предисловіи къ «Истол-

---

[2]) «Отчего это—пишетъ Лютеръ въ своемъ увѣщаніи, обращенномъ къ типографщикамъ и помѣщенномъ тамъ же,—отчего это, любезные господа типографщики, вы одинъ у другаго такъ открыто грабите, воруете чужое и взаимно развращаете другъ друга? Развѣ вы стали уличными разбойниками и ворами? или вы думаете, что Богъ васъ благословитъ и пропитаетъ чрезъ такія злыя дѣла и козни? Я началъ свои проповѣди отъ Богоявленія до Пасхи, тутъ подбился ко мнѣ пѣкій парень, наборщикъ, питающійся отъ нашихъ трудовъ, укралъ у меня мою рукопись, прежде чѣмъ я ее окончилъ, унесъ ее и отпечаталъ, уничтоживъ наши издержки и трудъ. Погоди, Господь покажетъ тебѣ, что ты отъ этого выиграешь. Ты тать и дашь отвѣтъ за это предъ Богомъ. Еще можно было бы помириться съ этимъ ущербомъ, еслибъ они (типографщики) мои книги не печатали съ такими ошибками и такъ постыдно.... Безпримѣрная вещь, мы употребляемъ на сочиненія издержки и труды, а другіе пользуются отъ нихъ выгодами, оставляя намъ убытки.... Поэтому берегитесь, любезные типографщики, такъ ворующіе и и грабящіе. Вѣдь вы знаете, что апостолъ Павелъ писалъ къ Ѳессалоникійцамъ: никто не долженъ поступать съ своимъ братомъ противозаконно и корыстолюбиво, ибо Господь мститель за все сія. Это изреченіе сбудется когда нибудь и надъ вами. Да и отъ такого грабительства вы не станете богаче, ибо Соломонъ говоритъ: въ домѣ безбожника суета заключается, но домъ праведнаго благословится. А Исаія говоритъ: ты грабишь, такъ что жъ, и тебя въ свою очередь ограбятъ...

кованію апостольскихъ посланій и евангелія отъ Филипова поста до Пасхи», увѣщеваетъ людей, занимающихся печатаніемъ книгъ, не грабить и не красть произведеній своихъ ближнихъ, и горько жалуется, что наборщикъ, укравъ у него рукопись его проповѣдей даже еще до ея окончанія, отпечаталъ и издалъ ее въ свѣтъ. Точно также Эразмъ Ротердамскій въ письмѣ къ Пикгеймеру отъ 27 января 1522 г. [3]) жалуется, что изъ самой лавки издателя по имени Фробена крадутъ экземпляры тѣхъ книгъ, на бойкій сбытъ коихъ можно разсчитывать, перепечатываютъ и продаютъ по пониженной цѣнѣ; между тѣмъ Фробенъ тратитъ большія деньги на корректоровъ и на самыя книги.

Это беззащитное положеніе печатныхъ произведеній заставило писателей прошлыхъ столѣтій обратиться къ опредѣленію природы контрафакціи и отыскать основаніе ея противозаконности. Основаніе это они безъ труда нашли въ правѣ собственности автора на его произведеніе вывели отсюда, что перепечатка безъ разрѣшенія автора или его законнаго представителя и преемника равносильна обыкновенному воровству. Неограниченное же право автора на его произведеніе казалось имъ до того естественнымъ, что въ большинствѣ случаевъ они не считали нужнымъ останавливаться на его анализѣ, а главнѣйшимъ образомъ направляли свои доводы противъ цѣлой плеяды контрафакторовъ, подобно чумной заразы подкашивавшихъ и разрушавшихъ всякое управомоченное изданіе. Къ тому же понятіе литературной собственности не встрѣчало еще прин-

См. *Вехтера*, Das Verlagsrecht. Erste Hälfte. Stuttgart 1857, стр. 5, прим. 5.

[3]) „Ubi quid novi operis prodit, quod putent fore vendibile mox unus atque alter suffuratur ex ipsius Frobenii officina exemplar, excudit ac venditat minimo. Interim Frobenius immensam pecuniam impendit in castigatores, frequenter et in exemplaria.“ См. *Вехтера*, тамъ же, стр. 6 прим. 5. Эразму же Ротердамскому приписываютъ первую мысль о выдачѣ привилегій для защиты отъ контрафакціи, такъ какъ онъ первый просилъ для означеннаго Фробена двухлѣтнюю привилегію на всѣ его изданія, ручаясь за ихъ полную благонамѣренность. См. *Laboulaye et Guiffrey*, la propriété littéraire etc. Paris 1859, стр. 519.

ципіальнаго отрицанія со стороны нѣкоторой части тогдашней интеллигенціи, какъ это было впослѣдствіи [4]), а слѣдовательно, не было и внѣшняго побужденія къ подробному анализу этого понятія. Сочиненія болѣе древнихъ изъ этихъ писателей стали нынѣ библіографическою рѣдкостью даже въ самой Германіи; у насъ же ихъ вовсе нѣтъ не только въ продажѣ, но и въ Императорской Публичной Библіотекѣ. А потому мы нашлись вынужденными воспользоваться подлинниками двухъ-трехъ изъ нихъ, а относительно остальныхъ мы по необходимости ограничиваемся тѣмъ, что говоритъ объ нихъ Вехтеръ [5]), писатель, наиболѣе основательно изложившій все ученіе о такъ называемыхъ авторскихъ правахъ.

Въ противоположность приведеннымъ выше Лютеру и Эразму Ротердамскому, безъ всякихъ научныхъ толкованій указывавшимъ на противозаконность контрафакціи, другіе писатели основывались на болѣе или менѣе теоретическихъ соображеніяхъ. Но при полнѣйшемъ отсутствіи въ тогдашнихъ законодательствахъ какихъ-либо опредѣленій насчетъ литературной собственности и при совершенномъ молчаніи о ней римскаго права, неудивительно, что соображенія эти ограничивались лишь почвою нравственности и естественнаго права. Такъ *Агасферъ Фричъ* ([6]), *Адріанъ Бейеръ*, ([7]) а за нимъ и *Бирнбаумъ* ([8]) утверждаютъ, что несправедливо и противно христіанскимъ догматамъ предвосхищать ожидаемую другимъ выгоду, а Бейеръ прибавляетъ,

---

[4]) См. предисловіе къ ниже называемому сочиненію Пюттера.

[5]) *Вехтеръ*, тамъ же, стран. 61 — 85 гдѣ въ сжатомъ очеркѣ вся литература изслѣдуемаго предмета доведена до 1857 года.

[6]) *Ahasverus Fritsch*, Tractatus de typographis, bibliopolis, chartariis et bibliopegis. Ien. 1675.

[7]) *Adrian Bejer*, Kurzer Bericht von der nützlichen und vortrefflichen Buchhandlung und derselben Privilegien. Iena 1690. 4. § 70. стр. 52.

[8]) *J. A. Birnbaum*, Eines aufrichtigen Patrioten unpartheiische Gedanken über einige Quellen und Wirkungen des Verfalls der jetzigen Buchhandlung, worin insonderheit die Betrügereien der Bücherpränumerationen entdeckt, und zugleich erwiesen wird, dass der unbefugte Nachdruck unprivilegirter Bücher ein allen Rechten zuwiderlaufenden Diebstahl sei. Schweinfurt 1733. 8.

что отсутствіе привилегіи на исключительное изданіе книги еще не указываетъ на отсутствіе всякаго права, помощи, грѣха и наказанія. «Естественное право, говоритъ онъ, разумъ указываетъ всякому не трогать того, что принадлежитъ другому. Изъ того, что человѣческая злоба, а отчасти глупость вынудили правительство запретить воровство подъ страхомъ наказанія, не слѣдуетъ еще, что до этого воровство было законно». Исходя изъ того же воззрѣнія, *Лейпцигскій юридическій факультетъ* (ibid. стр. 63 прим. 5), въ мнѣніи своемъ отъ 1706 года, приходитъ къ заключенію, что перепечатка даже непривилегированныхъ книгъ есть воровство. «Книга, говоритъ онъ, все равно, издаетъ ли авторъ ее самъ, или продаетъ ее книгопродавцу, есть истинная и законная собственность перваго или послѣдняго. Подобно тому какъ вообще никто не имѣетъ права отнимать принадлежащее другому противъ его воли, такъ точно несправедливо безъ всякаго права отнимать у другаго книгу посредствомъ контрафакціи. Если же авторъ и добивается привилегіи, то въ этомъ отнюдь нельзя усматривать впервые выраженное имъ желаніе пріобрѣсти собственность на свою книгу, а изъ этого скорѣе слѣдуетъ, что онъ желаетъ имѣть готовую защиту (paratam executionem)».

Другой писатель прошлаго вѣка, именно *Гундлингъ*, [9]) принимаетъ на себя защиту правъ издателей, пріобрѣтающихъ издаваемыя ими книги непосредственно отъ авторовъ. «Спрашивается, говоритъ онъ, можетъ ли кто-либо безъ согласія издателя перепечатывать изданную имъ книгу? На этотъ вопросъ не трудно отвѣтить, если разсудить, что̀ такое издатель, что требуетъ авторъ издаваемаго сочиненія, вступая въ сдѣлку съ издателемъ, и къ чему стремится при этомъ контрафакторъ? Нельзя отвергнуть, что издатель,

---

[9]) *Gundlingiana,* darinnen allerhand zur Jurisprudenz, Philosophie, Historie, Critic, Litteratur und übrigen Gelehrsamkeit gehörige Sachen abgehandelt werden. Fünf und viertzigstes und letztes Stück, Halle im Magdeburgischen, A. 1732, статья: Rechtliches und Vernunftmässiges Bedenken von dem schändlichen Nachdruck andern gehöriger Bücher, стр. 160—186.

который издержался, нерѣдко, слѣдовательно, употребилъ весь свой наличный капиталъ и уплатилъ за согласіе автора, пріобрѣтаетъ на данное сочиненіе безповоротное право. Мысли.... принадлежатъ составителю сочиненія: но право напечатать ихъ и по отпечатаніи продавать листы, называемые книгою, остается за издателемъ. Такого ius quaesitum не могутъ отнять у него ни одинъ человѣкъ и ни одинъ ангелъ, если онъ особенно не уполномоченъ къ тому высшею и небесною силой (Potenz). Верховная власть, князья, короли и государи также не властны отнимать у кого либо изъ своихъ подданныхъ такимъ образомъ ex contractu licito et permisso пріобрѣтенное право, потому что контрагенты полагаются на то, что они такимъ способомъ даютъ другъ другу безповоротное право и взаимно могутъ пріобрѣсти его. Можно ли отнять у кого-либо пріобрѣтенное право путемъ владѣнія, это не относится къ statu controversiae.

«Но и заграничныя и у чужихъ народовъ живущія лица точно также не властны предпринимать подобную перепечатку, такъ какъ право остается правомъ, и всѣмъ людямъ предписано, чтобъ они не вредили своему ближнему; положеніе это или должно быть признано безспорнымъ, или необходимо заключить, что нѣмецъ обязанъ считать своими ближними только своихъ земляковъ, швейцарецъ швейцарцевъ, французъ французовъ, голландецъ голландцевъ и т. д. Это было бы столь же странно, какъ и неразумно; отсюда слѣдовательно, выясняется, что иностранное государство или верховная власть не властны уполномочить своихъ подданныхъ къ такому предпріятію, которое можетъ причинить ущербъ имуществу другихъ людей, живущихъ среди мирной націи. Такъ какъ правители считаются самыми благоразумными изъ всего народа и притомъ представляютъ его, то тѣмъ менѣе можно повѣрить, что они уполномочены переступать законы природы и разума или свободно разрѣшать своимъ подданнымъ причинять очевидную утрату своему ближнему, ничѣмъ ихъ не обидѣвшему. Правители

скорѣе поступятъ очень хорошо, когда съ позоромъ отошлютъ отъ себя тѣхъ, которые подбиваютъ ихъ къ такой несправедливости, или когда обложатъ ихъ значительными наказаніями, такъ какъ они не страшатся и т. д. (стр. 163—166).

«Ибо можно ли назвать иначе, какъ не завистливою алчностью и непростительнымъ своекорыстіемъ, когда кто-либо не можетъ вынести, чтобы купецъ получилъ прибыль отъ своихъ денегъ и товаровъ, или въ потѣ лица трудился для того, чтобы дозволеннымъ способомъ отложить что либо для себя и своего семейства, или съ помощью сбереженія расширилъ свою торговлю и промыселъ? Но зависть есть постыдный порокъ, а алчность корень всякаго зла; она притягиваетъ къ себѣ все, что ей не принадлежитъ, она жнетъ, гдѣ не сѣяла, она крадетъ и хватаетъ противъ воли собственника... (стр. 166).

«Поэтому подобные опасные преступники и контрафакторы не могутъ жаловаться, если ихъ клеймятъ ненавистнымъ прозвищемъ воровъ или обвиняютъ въ ковáрствѣ и обманѣ. Кто не желаетъ получить или выслушать такую похвалу (eloge), тотъ не долженъ препятствовать выгодамъ и правомѣрной торговлѣ другаго, но долженъ позаботиться о другомъ честномъ средствѣ для пріисканія случая получить кусокъ хлѣба.

«Кто думаетъ иначе, тотъ не постыдится конечно ограбить виноградникъ своего ближняго или сдѣлаться мазурикомъ подъ тѣмъ пустымъ оправданіемъ, что онъ не могъ вынести, чтобы тотъ, кого онъ подстерегъ и обобралъ, имѣлъ что-либо одинъ; такимъ способомъ онъ могъ бы доставить себѣ участіе во всѣхъ чужихъ выгодахъ, если бы только осуществленіе этого было для него возможно. Подобнымъ злымъ людямъ слѣдовало бы переселяться въ Ирландію, гдѣ нѣкоторые жители считаютъ хищничество и грабежъ чѣмъ-то дозволеннымъ и при этомъ молятъ у Бога помощи для полученія благословенной добычи; или если Ирландія имъ не нравится, то пусть отправятся къ татарамъ, коихъ

никакъ нельзя убѣдить, что кража есть грѣхъ и беззаконіе, такъ какъ они съ юности къ ней привыкли» (стр. 166—168).

Эти и другіе въ такомъ же родѣ доводы противъ дозволенности и правомѣрности контрафакціи Гундлингъ излагаетъ характеристическимъ языкомъ, составляющимъ смѣсь нѣмецкихъ, латинскихъ и французскихъ словъ. Говоря, что начало привилегіямъ положилъ Эразмъ, который въ письмѣ къ Пиркгеймеру, придворному Карла V и любимцу этого императора, просилъ пожаловать издателю Фробену двухлѣтнюю привилегію на всѣ его изданія, Гундлингъ продолжаетъ:

«Нѣтъ спору, Эразмъ полагалъ, что книги Фробена не должны быть перепечатываемы въ теченіе двухъ лѣтъ; теперь же книгопродавцы хотятъ пользоваться болѣе продолжительнымъ срокомъ, котораго имъ не разрѣшаютъ. Но изъ приведеннаго письма легко видѣть, что Эразмъ имѣлъ въ виду то обстоятельство, что Фробенъ ни одной книги не могъ напечатать безъ того, чтобъ она не была перепечатана другими злонамѣренными и своекорыстными типографщиками. Поэтому онъ полагалъ, что его добрый другъ будетъ доволенъ и тогда, когда онъ будетъ хоть на два года огражденъ отъ такихъ гарпій. Но отсюда далеко еще не слѣдуетъ, что при отсутствіи императорской, королевской или курфюршеской привилегіи всякій имѣетъ право перепечатывать книги, купленныя издателемъ и отпечатанныя съ большими издержками, или что такая перепечатка можетъ быть совершена по истеченіи столь короткаго срока (двухъ лѣтъ). Ибо уже было достаточно ясно показано, что нѣтъ надобности въ привилегіи, ne quis furto res alienas auferat, aut damnum mihi inferat. Съ этою обязанностью мы являемся на свѣтъ Божій, такъ какъ всѣ люди имѣютъ прирожденное право на неприкосновенность своей чести, тѣла жизни и имущества. Привилегіи только возбраняютъ продажу контрафактныхъ книгъ и защищаютъ угнетенныхъ отъ лукавыхъ художествъ плутовъ и поддѣлывателей тѣхъ сочи

неній, кои принадлежатъ другому управомоченному торговцу».

Столь же рѣшительнымъ защитникомъ литературной собственности является писатель прошлаго столѣтія, *Турнгейзенъ*, [10]) который подвергаетъ ее гораздо болѣе подробному анализу, чѣмъ его предшественники. Подобно имъ онъ контрафакцію прямо называетъ furtum и считаетъ привилегіи лишь облегченіемъ для преслѣдованія ея, а отнюдь не неизбѣжнымъ условіемъ существованія какого-либо права. Но признавая за авторомъ право собственности на его произведеніе, онъ тѣмъ не менѣе допускаетъ нѣсколько случаевъ, въ коихъ контрафакція можетъ быть юридически дозволена. Къ числу ихъ онъ относитъ случаи, когда ни авторъ, ни издатель не терпятъ отъ перепечатки никакого вреда или потому, что они принадлежатъ далекому чужестранному государству, съ коимъ не существуетъ никакой взаимной книжной торговли, или потому, что они допускаютъ даровое расходованіе наличнаго запаса экземпляровъ и тѣмъ фактически отказываются отъ своего исключительнаго издательскаго права, или наконецъ потому, что книга по своей древности стала res communis. Кромѣ того онъ допускаетъ контрафакцію какъ возмездіе (реторсію) противъ издателей тѣхъ государствъ, гдѣ она разрѣшается, и наконецъ въ общественныхъ интересахъ противъ такого издателя, который оказался недостойнымъ исключительнаго права изданія вслѣдствіе требованія чрезмѣрно высокой цѣны за необходимую или полезную книгу. Онъ одинъ изъ первыхъ вдается также въ разсмотрѣніе нѣсколькихъ спеціальныхъ вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ указываетъ, по его мнѣнію, надлежащую юридическую точку зрѣнія.

Говоря о защитникахъ литературной собственности, нельзя пройдти молчаніемъ современника Турнгейзена,

---

[10]) *Thurnheisen*, Dissertatio jurid. inauguralis de recusione librorum furtiva, zu Teutsch dem unerlaubten Bücher-Nachdruck. Basil 1738. Ср. также Jolly, die Lehre vom Nachdruck. Heidelberg 1852, стр. 17.

Бэмера, [11]) излагающаго въ своемъ «Введеніи къ искусстному употребленію актовъ», отчетъ коммиссіи, авторомъ которой, какъ полагаетъ Іолли, былъ онъ самъ. Писателю, по словамъ Бэмера, принадлежитъ право собственности на книгу, которую съ большимъ трудомъ онъ самъ произвелъ. Изъ этого права собственности вытекаетъ для него исключительное право на воспроизведеніе и размноженіе книги, каковое право принадлежитъ и издателю, который по отношенію къ нему является преемникомъ автора путемъ договора объ изданіи. Общее право, говоритъ далѣе Бэмеръ, не терпитъ, чтобы кто-либо неправильно обогащался въ ущербъ другому. За этимъ отчетомъ слѣдуетъ выведенные изъ него responsi juris, въ коихъ авторъ какой-то книги названъ истиннымъ ея собственникомъ; его исключительное право по природѣ своей содержитъ въ себѣ не только право свободнаго распоряженія, но и въ особенности право устраненія другихъ отъ пользованія этою вещью, т. е. книгою. Отсюда Бэмеръ выводитъ, что издатель, купившій эту книгу, вріобрѣлъ право, въ силу коего онъ можетъ осуществлять противъ всякой перепечатки ея jus prohibendi и требовать отъ контрафакторовъ возмѣщеніе ущерба.

Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести еще нѣсколькихъ писателей, точно также не останавливавшихся на подробномъ анализѣ самого понятія литературной собственности, но принимавшихъ послѣднюю какъ нѣчто непреложное, не подлежащее никакому спору и толкованію. Такъ *Элерсъ* (Ehlers) не допускаетъ даже никакого сомнѣнія противъ того, что произведеніе человѣческаго ума есть собственность и что авторъ такого произведенія можетъ дѣлать изъ него любое употребленіе. Вслѣдствіе того онъ полагаетъ, что авторъ или уполномоченный имъ издатель могутъ пользоваться всѣми тѣми правами, какія принадле

---

[11]) *Just Henning Böhmer*, Kurze Einleitung zum geschickten Gebrauch der Acten. Frankf. und Leipzig 1734. Новое изданіе. 1756 стр. 507—528.

жать собственнику всякой иной вещи. Равнымъ образомъ *Грефъ* (Gräff) считаетъ законною собственностью писателя все то, что онъ произведетъ собственными силами, не нарушая при этомъ собственности третьихъ лицъ; такъ какъ рукопись есть плодъ умѣнья и труда писателя, то она есть его собственность. А потому онъ можетъ предоставить ее издателю съ тѣмъ, чтобы онъ одинъ въ правѣ былъ ее отпечатать. Путемъ договора объ изданіи писатель даетъ своему издателю такое право изданія, по которому послѣдній относится къ этой рукописи точно также, какъ фабрикантъ къ матеріалу для работъ на его фабрикѣ; слѣдовательно собственность издателя заключается въ исключительномъ правѣ печатать данную книгу. Совершенно такихъ же воззрѣній держатся *Билицъ* (Bielitz), *Дюпре* (Duprèe), *Шретеръ* (Schröter), *Кругъ* (Krug), *Бергеръ* (Berger) и *Лейзеръ* (Leyser) [12]).

Выше мы объяснили, почему писатели этой группы не даютъ никакого юридическаго анализа литературной собственности. Но могутъ спросить еще, почему вообще въ ихъ доводахъ замѣчается такъ мало юридическаго и не служитъ ли это обстоятельство наглядным доказательствомъ мнимаго существованія литературной собственности? Дѣло въ томъ, что положеніе разсмотрѣнныхъ писателей было исключительное. Съ одной стороны они терпѣли чрезвычайно обидныя оскорбленія, выражавшіяся въ безцеремонномъ посягательствѣ на ихъ священнѣйшія права, а съ другой они не только не находили никакой защиты въ современныхъ имъ положительныхъ законодательствахъ, но даже не могли опереться на авторитетъ римскаго и каноническаго правъ, ни единымъ словомъ не упоминающихъ о контрафакціи. Оставалось прибѣгнуть къ другимъ обычнымъ въ то время авторитетамъ, т. е. къ предписаніямъ нравственности и естественнаго права и подъ сѣнью этихъ отвлеченныхъ, безпочвенныхъ наукъ ограждать то, отъ за-

[12]) См. объ этихъ писателяхъ *Вехтера*, Verlagsrecht, стр. 65—67.

С.С.С.Р. ИНСТИТУТ К. Маркса и Ф. Энгельса

щиты чего отказывалось внѣшнее законодательство. Вотъ почему нельзя къ этимъ писателямъ относиться съ такою ѣдкостью, какъ относится къ нимъ, наприм. Іолли, и уличать ихъ въ отсутствіи пониманія того института, о которомъ они писали. Если мы у нихъ не находимъ подробнаго и основательнаго анализа авторскаго права, то отсюда еще нельзя выводить, что они лишены были всякаго пониманія этого послѣдняго.

Институтъ этотъ въ то время только что зародился и еще не успѣлъ настолько окрѣпнуть, чтобы предъявить къ жизни и законодательству опредѣленныя и вполнѣ сформированныя требованія. Защитники его не успѣли осмотрѣться, освоиться съ своимъ положеніемъ, осмыслить главнѣйшія основанія своей защиты и выразить ихъ настолько ясно и убѣдительно, чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ правотѣ ихъ ходатайства. Таковъ историческій ходъ всякаго новаго дѣла. Ни одинъ институтъ не вырабатывался сразу, ни одно изобрѣтеніе не прививалось къ жизни въ одинъ моментъ, а все шло постепенно, сначала нетвердо и ощупью, а потомъ все рѣшительнѣе и увѣреннѣе. Тѣмъ не менѣе окончательный результатъ дедукціи названныхъ писателей, т. е. признаніе за авторомъ права собственности на его произведеніе, мы рѣшаемся назвать вполнѣ правильнымъ и думаемъ, что новѣйшіе писатели, относящіеся къ нему весьма скептически, нѣсколько поторопились произнести надъ нимъ свой смертный приговоръ, тѣмъ болѣе, что въ ихъ собственныхъ соображеніяхъ и выведенныхъ оттуда результатахъ замѣчаются, какъ будетъ доказано ниже, такая неустойчивость и такія разногласія, которыя значительно превосходятъ мнимое непониманіе авторскаго права древними писателями. Отрицая и разрушая совершенно опредѣленное понятіе права собственности автора, новые писатели или ничего не воздвигаютъ на мѣстѣ разрушеннаго, или создаютъ нѣчто химерическое, нѣчто совершенно лишенное твердой почвы и блуждающее въ

обширной области гражданскаго права, не зная, гдѣ пріютиться.

Но по мѣрѣ того, какъ выдаваемыя правительствами прошлаго столѣтія привилегіи на исключительное право изданія отдѣльныхъ сочиненій пріучали тогдашнее общество къ мысли о правомѣрности перепечатки сочиненій непривилегированныхъ или утратившихъ привилегію за истеченіемъ срока, на который она была выдана, писатели того времени стали ощущать серіозную потребность въ научномъ выясненіи юридическаго свойства принадлежавшихъ имъ правъ на ихъ творенія; потребность эта была тѣмъ сильнѣе, что контрафакція нашла себѣ защитниковъ въ средѣ самихъ литераторовъ, посвятившихъ правомѣрности ея даже цѣлыя ученыя разсужденія. Плодомъ такого положенія вещей было нѣсколько серіозныхъ и солидныхъ изслѣдованій по занимающему насъ предмету, изъ числа коихъ изслѣдованіе *Стефана Пюттера* [13]) должно быть поставлено во главѣ какъ по ясности и простотѣ изложенія, такъ и по глубинѣ юридическаго анализа, вполнѣ научнымъ пріемамъ и эрудиціи. Имѣя подъ руками подлинное сочиненіе этого писателя, мы изложимъ содержаніе его съ гораздо большею полнотой, чѣмъ это мы дѣлали доселѣ, тѣмъ болѣе, что сами противники литературной собственности отдаютъ полную справедливость его основательности.

Многіе, говоритъ онъ, еще доселѣ склонны искать полнаго и окончательнаго разрѣшенія всѣхъ вновь возникающихъ юридическихъ вопросовъ въ Юстиніановомъ и каноническомъ правахъ и считать дозволеннымъ все то, что въ нихъ не запрещено. А такъ какъ относительно контрафакціи въ нихъ не содержится никакого запрещенія, то отсюда простой выводъ, что она дозволена (§ 2).

Но для всякаго очевидно, что въ этихъ кодексахъ точно

---

[13]) *Johann Stephan Pütter*, der Büchernachdruck nach ächten Grundsätzen des Rechts. Göttingen. 1774.

также не можетъ содержаться какихъ-либо постановленій о контрафакціи, какъ и о вексельныхъ сдѣлкахъ или употребленіи пороха, ибо книгопечатаніе, векселя и порохъ появились гораздо позднѣе самихъ этихъ кодексовъ. Поэтому послѣдніе могутъ служить лишь къ тому, чтобы путемъ аналогіи показать, какъ разрѣшены были бы случаи этого рода, еслибъ они встрѣтились редакторамъ этихъ кодексовъ. Кромѣ того нужно еще принимать во вниманіе мѣстные законы и обычаи. Но когда этотъ способъ не даетъ никакого отвѣта на данный вопросъ, или когда дѣло идетъ о томъ, слѣдуетъ ли при современномъ устройствѣ европейскихъ государствъ считать что-либо правомъ или безправіемъ, то остается лишь поглубже вникнуть въ самую природу вещи и примѣнить или начала естественнаго права или аналогическіе выводы изъ общихъ правъ или правила общепринятаго обычнаго права всѣхъ или нѣсколькихъ европейскихъ націй (§ 3). Вопросъ о правомѣрности или неправомѣрности контрафакціи есть именно такой вопросъ и по своему громадному вліянію на нравы, религію и науку долженъ интересовать не одну какую-либо страну, но всѣ государства, взаимно заинтересованныя въ его правильномъ разрѣшеніи (§ 4).

Описывая затѣмъ впечатлѣніе, произведенное введеніемъ книгопечатанія и громадныя, неисчислимыя услуги этого изобрѣтенія и разсматривая книгопечатаніе какъ отрасль промышленности и торговли, Пюттеръ задается вопросомъ (§ 12), что собственно служитъ матеріаломъ книгопечатанія? Вопросъ этотъ, говоритъ онъ, можно разсматривать съ двухъ сторонъ. Съ чисто матеріальной стороны предметомъ книгопечатанія служатъ бумага и типографская краска; это тоже, что при писаніи бумага и чернила или при рисованіи полотно и краски. Гораздо важнѣе другая сторона— содержаніе печатуемаго. Это содержаніе въ ученыхъ сочиненіяхъ есть плодъ умѣнія и прилежанія въ формѣ обыкновенно еще не отпечатанной *рукописи*, а иногда и *экземпляра* уже отпечатаннаго сочиненія. Слѣдовательно въ книго-

печатаніи можно различать *ученую* и *чисто матеріальную матерію*.

Возможны случаи, говоритъ *Пюттеръ* (§. 14), когда предназначенное къ печати находилось уже въ рукахъ многихъ въ силу одинаково законныхъ основаній; когда слѣдовательно по отношенію къ нему никто не можетъ претендовать на преимущественное право, но всякій одинаково управомоченъ отпечатать его, не имѣя нужды употреблять съ этою цѣлью сдѣланный другимъ печатный оттискъ, равно какъ и не нуждаясь для этого въ особой уступкѣ или другомъ правооснованіи (titulus). Случаи эти основаны на *общей и естественной свободѣ изданія*, которою всякій можетъ воспользоваться, не будучи въ правѣ удержать отъ изданія другихъ. Къ этому разряду относятся (§ 15) всѣ классическіе греческіе и римскіе писатели, библія въ ея основномъ текстѣ (вульгата), исторіографы древнихъ и среднихъ вѣковъ до открытія книгопечатанія, словомъ всѣ книги, которые до этого послѣдняго событія ходили по рукамъ только въ рукописяхъ. Оттиски такихъ сочиненій, сдѣланные съ рукописи, а не съ другаго печатнаго оттиска, нельзя было назвать контрафакціею. Чтобы получить исключительное право печатанія подобныхъ рукописей, требовалась особенная привилегія отъ верховной мѣстной власти, выдававшаяся обыкновенно на такой срокъ, въ теченіе котораго издатель, по приблизительному разсчету, могъ выручить какъ затраченный на напечатаніе капиталъ, такъ и соотвѣтствующіе ему проценты (§. 16). Кромѣ названныхъ выше видовъ сочиненій есть еще такія, которыя всякій можетъ печатать независимо отъ времени ихъ составленія. Сюда относятся календари и собранія литературныхъ произведеній, дотолѣ ходившихъ по рукамъ лишь въ отдѣльныхъ оттискахъ и рукописяхъ, каковы ученыя произведенія умершаго уже писателя, публичные документы, законы, сочиненія, принадлежащія государству, учебныя книги, пѣсенники и т. п. Исключительное право печатанія ихъ можетъ быть получено только тѣмъ же путемъ, то-есть посредствомъ привилегіи

(§. 19. и 152). Совсѣмъ въ другомъ положеніи находятся тѣ произведенія, которыя впервые составлены какимъ-либо ученымъ и имѣютъ появиться въ печати лишь въ первый разъ. «Они съ самаго своего возникновенія безспорно состоятъ въ собственности ихъ автора, подобно тому, какъ всякій въ правѣ считать своею собственностью все, что обязано своимъ существованіемъ его искусству и трудолюбію». Будетъ ли то вполнѣ новое сочиненіе или только примѣчанія и другіе плоды особаго труда, посвященнаго ученымъ какому-нибудь древнему сочиненію, это совершенно безразлично. «На всѣ подобные труды никто безъ согласія автора ихъ не можетъ присвоивать себѣ никакого права. Только авторъ такого сочиненія, или по его смерти его наслѣдники, или тотъ, кому законнымъ способомъ передана собственность на это сочиненіе, могутъ по своему произволу опредѣлить, должно ли послѣднее появиться въ печати и какимъ образомъ». (§. 20). Такимъ образомъ всякій писатель, если это разрѣшено ему цензурою, можетъ, буде захочетъ, самъ отпечатать свое сочиненіе, подарить, промѣнять или продавать его отдѣльными экземплярами или оптомъ по какой ему угодно цѣнѣ, точно также какъ никому не возбраняется предоставлять другому подъ любыми условіями свои собственные продукты или работу своихъ рукъ (§. 21). По большей части однако ученые передаютъ свою рукопись третьему лицу, съ тѣмъ чтобъ оно отпечатало ее на свой счетъ и продавало въ свою пользу, причемъ авторъ или другой собственникъ рукописи вступаетъ съ такимъ издателемъ въ особое соглашеніе относительно условій изданія, т. е. относительно платежа за рукопись, способа печати, формата, бумаги, количества экземпляровъ и числа изданій. Этимъ способомъ рукопись переходитъ къ издателю, пользующемуся ею на правахъ полнаго или ограниченнаго собственника, смотря по особо заключеному имъ съ собственникомъ рукописи договору и слѣдовательно вполнѣ или отчасти заступающему мѣсто автора (§. 22 и 23). Такъ какъ не только по римскому праву, но и по естественному

и всѣмъ правамъ въ мірѣ и въ особенности по одинаковымъ торговымъ обычаямъ всей Европы не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что соглашеніе двухъ сторонъ насчетъ истиннаго назначенія товаровъ и платежа подлежащей за нихъ цѣны составляетъ сущность всякой торговой сдѣлки, то въ примѣненіи къ книжной торговлѣ на основаніи всѣхъ этихъ правъ можно съ полнымъ основаніемъ сказать, что подобно тому какъ аптекарь съ продажею отдѣльныхъ аптекарскихъ товаровъ не продаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ своихъ фармацевтическихъ правъ, такъ и книгопродавецъ, продающій отдѣльные экземпляры издаваемой имъ книги, не продаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ своего права изданія. Слѣдовательно, покупщикъ отдѣльнаго экземпляра, перепечаткою его наносящій ущербъ осуществленію и пользованію издателемъ принадлежащими ему правами изданія, присвоиваетъ себѣ больше правъ, чѣмъ ему слѣдуетъ въ силу купли, такъ какъ изъ двухъ товаровъ, изъ коихъ онъ пріобрѣлъ только одинъ, онъ желаетъ присвоить себѣ и другой, не пріобрѣтенный имъ. А потому издатель можетъ предъявить къ нему искъ объ убыткахъ на вполнѣ справедливомъ основаніи (§. 44).

Въ силу господствующаго въ европейскомъ книжномъ рынкѣ направленія книжные торговцы считаютъ себя взаимно обязанными не присвоивать себѣ никакого права изданія надъ купленною книгою въ ущербъ управомоченному издателю; «слѣдовательно, эту обязанность, лежащую въ основѣ всякой книжной торговли, слѣдуетъ разсматривать какъ подразумѣваемое условіе, какъ общій pactum adiectum tacitum». Каждый собственникъ экземпляра можетъ дѣлать съ нимъ, что угодно, но если онъ присвоитъ себѣ на него право перепечатки, не взирая на причиняемый тѣмъ вредъ управомоченному издателю, то «это не только пойдетъ гораздо далѣе того, что по цѣли книжной торговли содержится въ каждой отдѣльной продажѣ книги, но и весьма скоро разрушитъ это столь выгодное для публики учрежденіе» (§. 45). Но спрашивается, получаетъ ли первый издатель, вступающій въ договоръ только съ писателемъ, ius prohibendi противъ

третьихъ лицъ? Или можетъ ли быть обязателенъ для контрафактора издательскій договоръ, въ которомъ онъ не принималъ участія? На это Пюттеръ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: «Какъ всякая собственность, законно пріобрѣтенная посредствомъ правильнаго договора, сама собою исключаетъ каждое третье лицо, не нуждаясь для этого въ особомъ пріобрѣтеніи ius prohibendi..., такъ и издательское право, разъ пріобрѣтенное путемъ договора, само собою даетъ ius prohebendi противъ всякаго третьяго лица, которое пожелаетъ вторгнуться въ пользованіе этимъ исключительнымъ правомъ или нанести ему ущербъ. Да и что можетъ уполномочить третье лицо дѣлать предметомъ своего корыстолюбія ту книгу, которую я написалъ, не давъ ему на это никакого права? На какомъ основаніи онъ присвоилъ бы себѣ такой матеріалъ для своей фабрикаціи, который уже имѣетъ своего собственника? Развѣ законно пріобрѣтенная собственность должна быть предоставлена произволу всякаго?» (§. 48). Доказывая затѣмъ (§. 49), что въ покупкѣ отдѣльнаго экземпляра не заключается покупка основной матеріи (Grundstoff) книги, Пюттеръ продолжаетъ. «Изъ того, что этотъ родъ собственности, принадлежащій издателю на его изданіе, по свойствамъ своимъ не позволяетъ ему, подобно другимъ собственникамъ, огораживать ее частоколомъ, обносить стѣною и рвами, загораживать воротами и вообще физически ограждать отъ чужаго посягательства, вовсе не слѣдуетъ, что у него меньше правъ чѣмъ у другихъ собственниковъ, подобно тому какъ дрова въ лѣсахъ или плоды, растущіе на пашняхъ, лугахъ, огородахъ, не суть publici juris только потому, что мѣста эти не обнесены рѣшеткою, или принадлежащіе мнѣ голуби не могутъ быть пойманы другимъ лишь потому, что они далеко улетѣли въ поле, если только они не утратили привычки возвращаться въ свой голубятникъ. Въ силу общихъ началъ права, противъ желанія третьяго лица присвоить чужую вещь или участіе въ чужомъ правѣ, напр. въ чужомъ правѣ охоты, допускается искъ, т. н. actio negatoria, по которому отвѣтчикъ долженъ доказать принадлежность ему

присвоиваемаго имъ права, въ противномъ случаѣ присуждается къ воздержанію отъ дальнѣйшаго его осуществленія и возмѣщенію причиненнаго его присвоеніемъ ущерба. Этотъ искъ имѣетъ полное примѣненіе и къ контрафакціи, такъ какъ контрафакторъ издаетъ чужую книгу противъ воли автора и издателя (§. 50).

Вотъ въ главныхъ чертахъ ученіе о литературной собственности изложенное этимъ знаменитымъ юристомъ прошлаго столѣтія. Нельзя однако не согласиться съ *Jolly* [14]), что, не смотря на глубину и объемъ познаній Пюттера, аргументація его страдаетъ нѣкоторою неточностью. У него нѣтъ указаній на то, что онъ собственно считаетъ *ученою матеріею*, т. е. содержаніемъ книги; а это обстоятельство даетъ его противникамъ право приписывать ему не свойственныя ему идеи, въ родѣ той, что, по его мнѣнію, литературная собственность автора и издателя простирается не на внѣшнюю форму данной книги, т. е. не на форму и связь выраженныхъ въ ней мыслей, а на самыя эти мысли. Равнымъ образомъ не выдерживаетъ никакой критики допускаемое Пюттеромъ существованіе между книгопродавцами—издателями подразумѣваемаго договора, въ силу коего они взаимно обязываются не перепечатывать непринадлежащихъ имъ книгъ. Къ признанію наличности такого договора нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ, да въ немъ и надобности нѣтъ, ибо запрещеніе контрафакціи зиждется не на договорѣ, а на пріобрѣтенномъ правѣ собственности или пользованія. Непонятно также, почему Пюттеръ предоставляетъ всѣмъ неограниченное право перепечатыванія такихъ книгъ, какъ учебники, на составленіе коихъ авторами ихъ можетъ быть потрачено много труда и времени и въ коихъ могутъ найдти себѣ выраженіе какъ опытность и начитанность автора, такъ и завѣтныя его идеи и своеобразный методъ изложенія. Неясное пониманіе Пюттеромъ литературной собственности особенно наглядно вы-

---

[14]) *Jolly* ib. стр. 19.

ражается въ томъ, что къ числу книгъ, печатаніе коихъ подчиняется законамъ естественной свободы, онъ относитъ и сборники сочиненій умершаго писателя, дотолѣ разсѣянныхъ въ публикѣ въ отдѣльныхъ оттискахъ и рукописяхъ. Трудно понять, какимъ образомъ авторъ или его наслѣдники могутъ утратить всякое право на принадлежащее имъ сочиненіе только потому, что издателю угодно было переплести его вмѣстѣ съ другими сочиненіями того же автора и издать такой сборникъ въ видѣ отдѣльной книги. Но съ другой стороны мнѣніе Іолли, будто аргументація Пюттера въ тотъ періодъ, когда онъ жилъ, могла привести скорѣе къ юридической допустимости, чѣмъ къ юридической отвергаемости контрафакціи, представляется намъ ничѣмъ не доказаннымъ. Если бы Пюттеръ вполнѣ ясно представлялъ себѣ различіе между содержаніемъ мысли и ея внѣшнею формой, то дедукцію его можно было бы назвать совершенно убѣдительною, не смотря на безпокойное сгребаніе доказательствъ, въ которомъ упрекаетъ его Іолли.

Собственность на литературное произведеніе настолько близка была сердцу всякаго мыслителя, выливавшаго продукты своего мышленія въ форму сочиненій, настолько живо затрогивала интересы всѣхъ литераторовъ, что ее не могли пройдти молчаніемъ первѣйшіе мыслители своего времени, каковы: Кантъ, Фихте и Гегель. И дѣйствительно первые два изъ нихъ посвятили разсматриваемому институту особыя статьи, а третій останавливается на литературной собственности и контрафакціи въ своемъ сочиненіи, посвященномъ философіи права.

Въ аргументаціи своей *Кантъ* [15]) не даетъ прямаго опредѣленія юридическаго характера авторскихъ правъ; онъ не называетъ ихъ открыто литературною собственностью, но въ своихъ доводахъ исключительно имѣетъ въ виду до-

---

[15]) *Immanuel Kant's* sämmtliche Werke in chronologischer Reihenfolge (herausgegeben von G. Hartenstein, Vierter Band. Leipzig 1867, стр. 205—213. Von der Unrechtmässigkeit des Büchernachdrucks. Статья эта напечатана была въ Berliner Monatsschrift въ маѣ 1785 г.

казать неправомѣрность контрафакціи. Тѣмъ не менѣе изъ смысла и связи его аргументовъ само собою обнаруживается, что и онъ принимаетъ автора за истиннаго собственника своего произведенія. Считая контрофактора лицомъ, ведущимъ чужія дѣла безъ порученія ихъ хозяина, другими словами, усматривая въ контрафакціи negotiorum gestio, онъ въ доказательство этого строитъ два силлогизма, изъ коихъ одинъ направленъ на защиту правъ издателя, а другой служитъ опроверженіемъ притязанія контрафактора.

Первый силлогизмъ выраженъ у него въ слѣдующей формѣ: «кто управляетъ дѣлами другаго отъ его имени и противъ его воли, тотъ обязанъ возвратить этому другому или его уполномоченному всѣ выгоды, какія самъ хозяинъ могъ бы получить отъ такого управленія дѣлами, и возмѣстить всякій ущербъ, который ему причиненъ этимъ управленіемъ. Контрафакторъ есть именно тотъ, кто управляетъ дѣлами автора и т. д. Слѣдовательно, онъ обязанъ отвѣтственностью предъ послѣднимъ или его представителемъ и т. д.». Самыя элементарныя понятія естественнаго права, говоритъ Кантъ, предписываютъ, чтобы незаконно вмѣшивающійся въ дѣла другаго подлежалъ за такое вмѣшательство извѣстной отвѣтственности; такое именно вмѣшательство проявляетъ контрафакторъ, а слѣдовательно онъ долженъ подлежать всѣмъ послѣдствіямъ своего незаконнаго образа дѣйствія. «Въ книгѣ, продолжаетъ Кантъ, авторъ держитъ рѣчь къ своему читателю, а напечатавшій книгу, чрезъ свои экземпляры, говоритъ не отъ своего имени, а всецѣло отъ имени автора. Именно автора онъ выставляетъ говорящимъ публично, а самъ лишь служитъ посредникомъ для передачи этой рѣчи публикѣ. Кому бы ни принадлежалъ экземпляръ этой писанной или напечатанной рѣчи, но употребленіе его для себя или для продажи есть дѣло, которое всякій собственникъ экземпляра можетъ вести отъ своего имени и притомъ какъ ему угодно. Но заставлять кого-либо *говорить публично*, передавать публикѣ его рѣчь какъ его именно рѣчь, значитъ говорить отъ его име-

ни и какъ бы обратиться къ публикѣ съ слѣдующими словами: «чрезъ меня писатель буква въ букву сообщаетъ вамъ вотъ это, учитъ васъ тому-то и т. д.; самъ я не беру на себя никакой отвѣтственности, не отвѣчаю даже за смѣлость, которую писатель принимаетъ на себя, говоря чрезъ меня публично; я только передаю вамъ его слова». Очевидно, что такое дѣйствіе можетъ быть совершено только отъ имени другаго лица, а никакъ не отъ имени самого издателя. Хотя послѣдній и служитъ *нѣмымъ орудіемъ передачи рѣчи автора публикѣ*, но какъ такое орудіе онъ можетъ дѣйствовать только отъ имени другаго».

Объясняя затѣмъ весьма оригинальнымъ образомъ причины незаконности контрафакціи, Кантъ останавливается на слѣдующемъ вопросѣ: изъ того факта, что издатель продаетъ публикѣ сочиненіе даннаго автора, а слѣдовательно, уступаетъ ей собственность на экземпляръ этого сочиненія, не вытекаетъ ли само собою согласіе издателя (а стало быть и автора, уполномочившаго послѣдняго) на любое употребленіе этого экземпляра, а слѣдовательно и на перепечатку его, какъ бы непріятно это ни было издателю? На вопросъ этотъ Кантъ отвѣчаетъ отрицательно, въ формѣ слѣдующаго силлогизма: «*положительное (bejahendes) право на личность другаго никогда не можетъ быть выводимо изъ одной собственности на вещь. Между тѣмъ, право изданія есть положительное право на личность, значитъ оно отнюдь не можетъ быть выводимо изъ собственности на извѣстную вещь (экземпляръ сочиненія)*».

Изданіе есть управленіе дѣлами другаго по его уполномочію; слѣдовательно, оно является положительнымъ правомъ на личность (автора); а потому авторъ отвѣчаетъ за дѣйствія издателя (quod quis facit per alium, ipse fecisse putandus est). Другими словами, Кантъ причисляетъ договоръ объ изданіи къ разряду тѣхъ договоровъ, изъ коихъ вытекаютъ права и обязанности чисто личнаго свойства. Покупка экземпляра книги еще не служитъ доказательствомъ заключенія такого договора между покупателемъ и

авторомъ, а потому и не даетъ первому права на личное дѣйствіе послѣдняго, выражающееся въ публичной рѣчи. «Изданіе, говоритъ онъ, есть рѣчь къ публикѣ (чрезъ посредство печати) отъ имени автора, значитъ есть дѣйствіе, совершаемое отъ имени другаго. Отсюда право издателя есть право на лицо автора, право не только защищаться противъ него въ любомъ употребленіи своей собственности, но и заставлять его признавать своимъ то дѣло, которое издатель ведетъ для себя».

Всѣ приведенныя соображенія Канта могутъ быть сведены къ слѣдующимъ простымъ положеніямъ: постояннымъ собственникомъ, хозяиномъ сочиненія остается все-таки авторъ его. Издатель есть лишь лицо, уполномоченное послѣднимъ передать публикѣ путемъ продажи отпечатанныхъ оттисковъ сочиненія мысли и слова автора; это повѣренный автора, въ силу спеціальнаго договора получающій по отношенію къ послѣднему извѣстныя права и несущій извѣстныя обязанности. Всякій, принимающій на себя изданіе безъ такого договора, незаконно совершаетъ тѣ же дѣйствія, что и управомоченный издатель, вторгается въ дѣла послѣдняго и мѣшаетъ ему осуществлять свои права и обязанности. За подобный незаконный образъ дѣйствія онъ обязанъ возмѣстить истинному издателю всѣ причиненные тѣми дѣйствіями убытки.

Эта юридическая конструкція знаменитаго философа носитъ въ самой себѣ элементы своей смерти и разрушенія, и нельзя не согласиться съ Іолли [16]), что сами принципы, на коихъ она построена, грѣшатъ противъ истины. И въ самомъ дѣлѣ издатель отнюдь не можетъ быть названъ повѣреннымъ автора, ибо онъ, продавая сочиненіе послѣдняго, дѣйствуетъ не отъ его имени и не въ его интересахъ, а исключительно отъ своего имени и въ своихъ собственныхъ интересахъ. Онъ не получаетъ отъ автора никакого полномочія на веденіе дѣлъ, и сдѣлка его съ по-

[16]) *Jolly*, ib. стр. 24.

слѣднимъ никоимъ образомъ не можетъ быть подведена подъ понятіе mandatum. Сличая договоръ объ изданіи съ выработавшимися уже типами сдѣлокъ, скорѣе можно видѣть въ немъ куплю-продажу или наемъ, смотря по намѣренію сторонъ, чѣмъ mandatum. Сочиненіе есть вещь, которую собственникъ ея (авторъ) можетъ или совершенно продать или уступить во временное пользованіе; сообразно этому, издатель можетъ стать или неограниченнымъ распорядителемъ этой вещи, ея собственникомъ, извлекая изъ нея всевозможныя выгоды, или получить лишь право пользоваться выгодами ея въ ограниченномъ размѣрѣ; но въ обоихъ случаяхъ пользованіе, осуществляемое издателемъ, исключаетъ собою пользованіе автора, чего не можетъ быть при управленіи чужими дѣлами по довѣренности. Мало того, договоръ довѣренности во всякое кремя можетъ быть уничтоженъ не только по обоюдному соглашенію, но и по одностороннему, распознаваемо выраженному желанію одного изъ контрагентовъ, между тѣмъ какъ договоръ объ изданіи сохраняетъ свою силу независимо отъ желанія того или другаго контрагента.

Столь же невѣрно сравненіе контрафакціи съ negotiorum gestio, ибо послѣднее по самой природѣ своей есть управленіе дѣлами въ интересахъ хозяина, между тѣмъ, какъ контрафакторъ печатаетъ и продаетъ чужую книгу исключительно для себя; онъ не вмѣшивается въ чужія дѣла, но прямо присвоиваетъ себѣ непринадлежащее ему пользованіе чужою вещью и, слѣдовательно, совершаетъ уголовное преступленіе.

Гораздо правильнѣе строитъ свое воззрѣніе на нашъ институтъ другой не менѣе извѣстный философъ прошлаго столѣтія, *Фихте* [17]), который, подобно Канту, посвятилъ небольшую статью вопросу о неправомѣрности контрафак-

---

[17]] *Johann Gottlieb Fichte*'s sämmtliche Werke, herausgegeben von J. H. Fichte. Achter Band. Berlin 1846. (Beweis der Unrechtmässigkeit des Büchernachdrucks. Ein Räsonnement und eine Parabel).

ціи. Опровергая, съ свойственною ему ясностью, послѣдовательностью и силою, тогдашняго защитника контрафакціи, Реймаруса [18]), онъ останавливается на составѣ литературной собственности и съ своей точки зрѣнія опредѣляетъ права автора, издателя и публики. Читатели вѣроятно не посѣтуютъ на насъ, если мы передадимъ соображенія Фихте возможно полнѣе и, главнѣйшимъ образомъ, придерживаясь его подлинныхъ выраженій.

Исходною точкою онъ ставитъ не требующее, по его мнѣнію, никакого доказательства положеніе, что намъ необходимо принадлежитъ собственность на тотъ предметъ, присвоеніе котораго другимъ физически невозможно. Отсюда вопросъ: имѣется ли что-нибудь подобное въ книгѣ? На это Фихте отвѣчаетъ слѣдующимъ анализомъ книги вообще. Въ ней, говоритъ онъ, можно различать два элемента: *тѣлесный*, т. е. печатную бумагу, и *умственный*. Собственность на первый чрезъ продажу безспорно переходитъ къ покупателю, который можетъ сдѣлать изъ него любое употребленіе. Но такъ какъ книга никогда или по крайней мѣрѣ очень рѣдко покупается только ради бумаги, то можно думать, что съ покупкою ея пріобрѣтается право и на умственный элементъ книги. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, распадается на *матеріальный* элементъ — это содержаніе книги, излагаемыя въ ней мысли, и на *форму* этихъ мыслей—это способъ ихъ изложенія, взаимная ихъ связь, обороты рѣчи и выраженія. Первый чрезъ простую передачу книги очевидно не становится еще нашею собственностью. Мысли не переходятъ изъ рукъ въ руки, не покупаются звонкою монетой и не ста-

---

[18]) Изъ представленнаго у *Höpfner* (Der Nachdruck ist nicht rechtswidrig. Grimma 1843) списка произведеній по нашему институту видно, что Реймарусъ написалъ два сочиненія: Der Büchèrverlag in Betrachtung der Schriftsteller, der Verleger und des Publicums nochmals erwogen. Hamburg 1773 и Erwägung des Verlagrechts in Ansehung des Nachdrucks. Hamburg 1792. 8. Къ какому именно изъ нихъ относятся возраженія Фихте, на это философъ не указываетъ.

новятся нашими лишь вслѣдствіе того, что мы покупаемъ книгу, въ которой онѣ изложены, несемъ ее домой и ставимъ въ свой книжный шкапъ. Чтобы сдѣлать ихъ нашими, нужно еще кое-что прибавить: нужно книгу прочитать, вдуматься въ ея содержаніе, если оно не вполнѣ пошло, разсмотрѣть это содержаніе съ различныхъ сторонъ и такимъ образомъ ввести ее въ нашу собственную сферу мыслей. Но такъ какъ безъ обладанія книгою это невозможно, а ради одной бумаги ее не покупаютъ, то покупка ея должна дать намъ право и на усвоеніе мыслей автора. Но чтобы возможность этого усвоенія превратилась въ дѣйствительность, необходимо потрудиться. Такъ усвоены были мысли всѣхъ великихъ мыслителей прошлаго времени и такъ же будутъ усвоиваться мысли будущихъ мыслителей. Это сомышленіе есть единственно приличный эквивалентъ за обученіе ума, будетъ ли оно устное или письменное. Уму человѣка прирождено стремленіе добиваться единомыслія съ собою, и всякій внѣшній признакъ удовлетворенія этому стремленію служитъ для ума самою пріятною наградой за весь потраченный имъ трудъ. Никто конечно не захочетъ читать лекціи въ пустой аудиторіи или писать книги, которыхъ никто не читаетъ. Было бы безумiемъ считать, что платимыя за обученіе деньги суть эквивалентъ его. Эта плата есть лишь возмѣщеніе того, что учитель долженъ дать тѣмъ, которые въ то время, какъ онъ думаетъ для другихъ, для него охотятся, ловятъ рыбу, сѣютъ и жнутъ.

Разъ обнародованная книга даетъ возможность усвоивать изложенныя въ ней мысли, и эта возможность въ силу самой природы своей становятся общимъ достояніемъ. «Но *форма* этихъ мыслей, связь идей и знаковъ, въ коихъ онѣ выражены, не можетъ подлежать ничьему освоенію вслѣдствіе невозможности послѣдняго». У каждаго есть своя послѣдовательность идей, своя особая манера составлять себѣ понятія и взаимно ихъ связывать; противъ этого спорить никто не станетъ. Всякая мысль воспринимается нами по

аналогіи съ нашею манерою мыслить, и только такая переработка дѣлаетъ чужія мысли нашими. Невѣроятно, чтобы два человѣка думали объ извѣстномъ предметѣ совершенно одно и тоже, въ той же послѣдовательности идей и въ тѣхъ же образахъ, если они другъ о другѣ ничего не знаютъ; впрочемъ безусловно отрицать возможность этого нельзя; но вотъ что безусловно можно отрицать, это то, что человѣкъ, заимствующій мысли у другаго, можетъ ввести ихъ въ систему своихъ мыслей въ той же точно формѣ, какую онѣ получили у этого другаго. «А такъ какъ чистыя идеи безъ чувственныхъ образовъ немыслимы, а тѣмъ болѣе не могутъ быть изображаемы предъ другими, то само собою разумѣется, всякій писатель долженъ давать своимъ мыслямъ извѣстную форму и не можетъ имъ дать другой формы кромѣ своей; однако сообщая свои мысли, онъ можетъ не пожелать сдѣлать общею и эту *форму*, которая навсегда остается его исключительною собственностью.

«Отсюда вытекаетъ двоякое право писателя: право воспрепятствовать всякому не считать его авторомъ данной книги и право воспрепятствовать всякому посягать на его исключительную собственность, простирающуюся на данную форму, и завладѣвать ею». Развивая эти мысли далѣе, Фихте между прочимъ говоритъ, что право цитировать другихъ писателей ихъ же собственными словами основано на молчаливомъ договорѣ между писателями, но и тутъ нельзя одобрить приведеніе безъ очевидной надобности особенно большихъ цитатъ подлинными словами.

«Ни одинъ профессоръ, продолжаетъ онъ, не потерпитъ, чтобы кто-либо перепечаталъ его лекціи; но ни одинъ изъ нихъ никогда еще не былъ противъ того, чтобы его слушатели старались усвоить себѣ духъ и общія ихъ начала и развивали то и другое устно или письменно». Различіе это основано на томъ, что въ первомъ случаѣ присвоивается форма, принадлежащая исключительно профессору, во второмъ же его мысли путемъ размышленія вводятся въ кругъ собственныхъ идей слушателя.

Прилагая эти соображенія къ взаимнымъ отношеніямъ издателя и автора, Фихте приходитъ къ тому заключенію, что ни рукопись, ни форма изложенныхъ въ ней мыслей не передаются въ распоряженіе издателя, ибо послѣдняя неотчуждаема, а первая сама по себѣ лишена рыночной цѣны. Издатель не получаетъ отъ автора никакой собственности, но пріобрѣтаетъ подъ извѣстными условіями лишь право опредѣленнаго *узуфрукта* на собственность автора, т. е. на его мысли, облеченныя въ данную форму. Издатель слѣдовательно можетъ продавать не мысли автора и ихъ форму, а лишь возникшую путемъ печати *возможность* усвоить эти мысли; онъ повсюду стало быть дѣйствуетъ не отъ своего имени, а отъ имени и по порученію автора. Подтвержденіемъ этихъ положеній Фихте считаетъ зависимость отъ автора числа изданій и количества экземпляровъ и отвѣтственность автора, а не издателя за содержаніе книги. Не касаясь затѣмъ остальныхъ соображеній этого философа, не имѣющихъ прямаго отношенія къ нашему предмету, мы замѣтимъ только, что Фихте заканчиваетъ статью весьма остроумною сказкой, дѣйствіе которой происходитъ во времена калифа Гарунъ-аль-Рашида. Хитрый, ловкій, изворотливый и рѣчистый купецъ крадетъ у другаго купца исцѣляющее многіе болѣзни лекарство подъ названіемъ arcanum, исключительная продажа котораго уступлена этому послѣднему купцу химикомъ-изобрѣтателемъ этого лекарства. Пойманный и представленный къ калифу, воръ произноситъ въ свою защиту рѣчь, въ которой Фихте сумѣлъ блистательно сгруппировать всѣ возраженія противъ исключительнаго права автора или издателя на данное литературное произведеніе и показать ихъ чисто софистическій характеръ.

Анализъ, сдѣланный Фихте литературному произведенію, совершенно правиленъ, и всѣ новѣйшіе писатели въ этомъ онношеніи не пошли дальше Фихте. Но за то его опредѣленіе юридической природы правъ издателя хотя и стоитъ значительно выше опредѣленія Канта, тѣмъ не менѣе да-

леко не можетъ быть названо правильнымъ, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія теоріи гражданскаго права. Съ перваго взгляда дѣйствительно можетъ показаться, что между узуфруктомъ и правомъ изданія существуетъ полное сходство; но ближайшее разсмотрѣніе этихъ двухъ институтовъ приводитъ къ совершенно противоположному убѣжденію. Вещь, отданная въ узуфруктъ, остается собственностью хозяина ея, который можетъ распоряжаться ею настолько, насколько тому не препятствуетъ лежащій на ней узуфруктъ; а потому хозяинъ можетъ ее продать, заложить, обложить повинностями, лишь бы только всѣмъ этимъ не нарушался узуфруктъ. По окончаніи послѣдняго она снова возвращается въ неограниченное распоряженіе ея собственника. Совсѣмъ не то мы находимъ въ полномочіяхъ издателя. Онъ можетъ пріобрѣсти на сочиненіе, какъ вещь, или полное право собственности, съ прекращеніемъ котораго сочиненіе вовсе не возвращается къ ея первоначальному собственнику, никогда впрочемъ не теряющему своего права авторства, или временное пользованіе выгодами его, опредѣляемое каждый разъ особымъ договоромъ издателя съ собственникомъ сочиненія, а отнюдь не природою института, какъ при узуфруктѣ. Далѣе узуфруктуарій можетъ извлекать изъ данной ему въ узуфруктъ вещи всевозможныя выгоды, сохраняя лишь въ цѣлости субстанцію вещи; напротивъ того временный издатель можетъ пользоваться вещественными выгодами отъ сочиненія лишь въ томъ размѣрѣ, въ какомъ это предоставляетъ ему спеціальный договоръ съ авторомъ или его юридическимъ преемникомъ. Равнымъ образомъ взаимныя права и обязанности контрагентовъ тамъ и тутъ имѣютъ мало сходныхъ чертъ, въ подтвержденіе чего достаточно указать, что узуфруктъ, какъ личный сервитутъ, не можетъ быть отчуждаемъ и не переходитъ по наслѣдству, между тѣмъ какъ право изданія такимъ ограниченіямъ не подлежитъ, если они прямо не выражены въ договорѣ.

Мысли *Гегеля* [19]) о литературной собственности изложены въ такой туманной формѣ, что остается лишь позавидовать Іолли (ibid. стр. 32) и Гаруму (ibid. 19), которымъ удалось понять ихъ настолько ясно, чтобы передать содержаніе ихъ въ нѣсколькихъ и притомъ весьма округленныхъ словахъ. Что Гегель считаетъ литературное произведеніе собственностью, это несомнѣнно вытекаетъ между прочимъ изъ того, что онъ излагаетъ нашъ институтъ въ раздѣлѣ о собственности подъ рубрикою: отчужденіе собственности.

Способъ выраженія, говоритъ онъ, можетъ дать литературному произведенію внѣшность такой вещи, которая можетъ быть воспроизводима и другими, такъ что пріобрѣтатель послѣдней вмѣстѣ съ возможностью усвоить себѣ высказанныя въ этомъ произведеніи мысли (каковая возможность въ произведеніяхъ литературы служитъ единственнымъ побужденіемъ и цѣною пріобрѣтенія) получаетъ еще «общій способъ выразиться такимъ именно образомъ и производить много такихъ именно вещей», т. е. вещей, вполнѣ одинаковыхъ съ купленною имъ книгою.

Въ произведеніяхъ художественныхъ созданная художникомъ вещь до такой степени носитъ на себѣ печать его творчества и искусства, что для копировки ея необходимъ особый умственный и техническій навыкъ. Напротивъ того, въ произведеніяхъ литературы и въ изобрѣтеніяхъ форма, дающая имъ значеніе внѣшней вещи, обусловлена чисто механическимъ сочетаніемъ отдѣльныхъ абстрактныхъ знаковъ или извѣстнымъ механизмомъ, такъ что, будучи таковою, она можетъ быть воспроизведена всякимъ владѣющимъ самымъ обыкновеннымъ навыкомъ.

Пріобрѣтатель экземпляра послѣдняго рода вещей получаетъ на него полное право собственности, но авторъ или изобрѣтатель такой вещи остается собственникомъ того способа воспроизведенія ея, коимъ могутъ воспользоваться всѣ

---

[19]) *Georg Wilhelm Friedrich Hegel's* Werke Berlin 1840 m. 8, стр. 105 и сл. (Grundlinien der Philosophie des Rechts) §§ 68 и 69.

вообще въ одинаковой степени, ибо для него не требуется ни особеннаго навыка, ни умственной подготовки. «Этотъ способъ авторъ или изобрѣтатель непосредственно не отчудилъ, а удержалъ за собою какъ свое особое выраженіе. Возможность воспроизводить такую вещь механическимъ способомъ авторъ или изобрѣтатель ея можетъ или оставить за собою, или отчудить какъ цѣнность, или не придавать ей ровно никакого значенія и отдавать вмѣстѣ съ отдѣльнымъ экземпляромъ. Она именно есть та сторона вещи, которою послѣдняя является для ея творца съ значеніемъ имущества; она можетъ быть отдѣлена и отличается отъ того употребленія, къ коему вещь непосредственно предназначена. Такъ какъ она есть часть дѣлимаго по своей природѣ внѣшняго употребленія, то оставленіе ея за собою при отчужденіи остальной части употребленія не есть удержаніе за собою господства безъ *utile*.

И такъ Гегель отличаетъ собственность на отдѣльный экземпляръ отъ собственности на общедоступный способъ воспроизводить и размножать книгу. Первая съ продажею экземпляра переходитъ всецѣло къ покупателю, вторая остается за авторомъ и служитъ ему источникомъ дохода, составляетъ такъ-сказать имущественную сторону его книги. Слѣдовательно, книга можетъ подлежать двоякому пользованію: съ одной стороны, она даетъ возможность усвоить себѣ изложенныя въ ней мысли, а съ другой она является вещью, приносящею доходъ. Эти два вида пользованія отнюдь не связаны между собою неразрывно и по волѣ автора могутъ быть отдѣлены и отчуждены порознь или соединены и проданы вмѣстѣ. Но одно отчужденіе экземпляровъ книги никоимъ образомъ не предполагаетъ отчужденія и втораго вида пользованія.

Съ этими соображеніями знаменитаго философа также трудно согласиться, какъ и съ соображеніями двухъ его не менѣе знаменитыхъ предшественниковъ, Канта и Фихте. Дѣло въ томъ, что создавшій литературное произведеніе авторъ, въ силу самого акта созданія, получаетъ на это

произведеніе право собственности: слѣдовательно онъ можетъ распорядиться имъ какъ ему угодно. Произведеніе его есть вещь, которая можетъ быть искусственно воспроизводима; каждая копія его можетъ быть разсматриваема какъ отдѣлившійся отъ главной вещи плодъ. Этотъ послѣдній, чтобы стать въ свою очередь плодоносящею вещью, долженъ въ силу естественнаго порядка вещей подвергнуться извѣстному процессу перерожденія, т. е. онъ долженъ превратиться изъ плода, допускающаго одно лишь потребленіе, въ самостоятельную вещь, приносящую въ свою очередь плоды. Такимъ образомъ пріобрѣтатель экземпляра сочиненія можетъ воспользоваться имъ только какъ плодомъ главной вещи, т. е. сочиненія. Чтобы сдѣлать этотъ экземпляръ плодоносящею вещью, пріобрѣтатель долженъ подвергнуть его извѣстной переработкѣ и этимъ способомъ создать изъ него новую вещь, способную въ свою очередь приносить плоды. Слѣдовательно авторъ или его юридическій преемникъ могутъ отчуждать или плоды ихъ вещи въ видѣ отдѣльныхъ экземпляровъ сочиненія или самую эту плодоносящую вещь, т. е. само сочиненіе. Но продажею того или другаго на покупателя переносится не только право пользованія, какъ говоритъ Гегель, но и самое право собственности. Въ силу сказаннаго въ отчужденіи отдѣльныхъ экземпляровъ или самого сочиненія нельзя, какъ думаетъ Гегель, видѣть двухъ видовъ внѣшняго пользованія одною и тою же вещью, ибо это пользованіе простирается не на одну и ту же вещь, а на двѣ самостоятельно существующія вещи.

Представивъ этотъ краткій очеркъ воззрѣній на авторское право, господствовавшихъ въ прошломъ столѣтіи въ средѣ нѣмецкихъ ученыхъ, считаемъ необходимымъ перейдти къ изложенію уже не просто спокойныхъ научныхъ воззрѣній, а полемическихъ доказательствъ *французскихъ* борцовъ за неограниченное право собственности автора на его литературное произведеніе. Во Франціи, гдѣ посягательство правительства на имущественную сторону автор-

скаго права получило самое рѣзкое выраженіе и затронуло самые жгучіе интересы и писателей и издателей, изученіе нашего института не могло идти тѣмъ спокойнымъ и безстрастнымъ путемъ, которымъ оно шло въ Германіи вслѣдствіе отсутствія означенныхъ причинъ, а необходимо должно было получить оттѣнокъ страстности и горячаго полемизма со всѣми ихъ неизбѣжными аттрибутами: личностями, многословіемъ, декламаціею и т. п.

Французское правительство прошлаго столѣтія, которое своею крайнею разнузданностью и безумною расточительностью привело себя къ гибели, набрело на несчастную мысль обратить произведенія литературы въ источникъ государственнаго, или лучше сказать, королевскаго дохода и съ свойственною тому времени безцеремонностью объявило право автора не принадлежностью послѣдняго въ силу природы вещей, а уступкою государства, королевскою милостью, оказываемою писателю и издателю въ уваженіе къ ихъ трудамъ, заслугамъ и затратамъ. Выдвинувъ на первый планъ этотъ новый принципъ, французское правительство не задумалось провести его до крайнихъ предѣловъ, благодаря чему оно сочло себя даже въ правѣ даровать полную амнистію всѣмъ контрафакторамъ прошлаго времени и такимъ образомъ лишить издателей и авторовъ всякой юридической защиты противъ самыхъ беззастѣнчивыхъ перепечатокъ, произведенныхъ до означенной амнистіи.

Такое поведеніе правительства вызвало цѣлую бурю въ средѣ заинтересованныхъ лицъ, и съ одной стороны къ правительству стали поступать во множествѣ прошенія отъ разныхъ издателей, въ коихъ нерѣдко съ самою безпощадною логикой доказывалась неприкосновенность издательскаго права, а съ другой появилось значительное количество памфлетовъ и пасквилей, въ искусствѣ составленія коихъ французамъ съ давнихъ поръ принадлежитъ пальма первенства. Въ этихъ прошеніяхъ и памфлетахъ рядомъ съ язвительными насмѣшками и укоризнами, направленными противъ лицъ, стоявшихъ въ то время во главѣ правительства, раз-

сѣяно не мало столь мѣткихъ и справедливыхъ замѣчаній насчетъ существа нашего института, что мы не считаемъ себя въ правѣ обойдти ихъ молчаніемъ. Главнѣйшіе документы и статьи, относящіеся къ этой эпохѣ борьбы или лучше сказать протеста общества противъ беззаконнаго образа дѣйствія правительства по отношенію къ авторскому праву, изданы и коментированы трудами двухъ лицъ: *Эд. Лабулэ* и *Гифре* [20]), въ особенности послѣдняго. Такъ какъ большая часть помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ статей сходится въ доводахъ, доказывающихъ безусловное право собственности писателей на ихъ сочиненія, то мы не станемъ останавливаться на каждой изъ нихъ порознь, а ограничимся лишь тѣми, въ коихъ доводы эти получили наиболѣе категорическое выраженіе. Но въ виду того, что въ вышеназванныхъ прошеніяхъ просители постоянно доказываютъ безправный образъ дѣйствія провинціальныхъ книгопродавцевъ и неосновательность ихъ притязаній, необходимо замѣтить, что первый толчокъ помянутымъ мѣрамъ правительства дали французскіе провинціальные книгопродавцы, съ завистью взиравшіе на своихъ парижскихъ собратій по ремеслу. Парижъ какъ теперь, такъ и тогда былъ центромъ не только экономической, но и литературной жизни. Почти всѣ лучшія произведенія французской литературы печатались и издавались въ Парижѣ при посредствѣ тамошнихъ книгопродавцевъ. На долю провинцій доставались лишь литературные объѣдки. Вслѣдствіе того самыми крупными барышами пользовались только парижскіе издатели, провинціальные же должны были пробавляться мелочами и ради улучшенія своихъ финансовъ очень часто прибѣгали къ контрафакціямъ. Однако рискъ, сопряженный съ такого рода противозаконнымъ занятіемъ, заставилъ ихъ обратиться на путь легальности. Чтобы продолжать свои перепе-

[20]) *Ed. Laboulaye et G. Guiffrey*, La propriété littéraire au XVIII siècle. Recueil de pièces et de documents, publiés par le comité de l'association pour la défense de la propriété littéraire et artistique avec une introduction et des notices. Paris 1859.

чатки безъ всякой для себя опасности, они стали оказывать нравственное давленіе на правительство въ смыслѣ отмѣны постоянныхъ привилегій на печатаніе отдѣльныхъ сочиненій и предоставленія всѣмъ полной свободы перепечатки всего уже изданнаго въ свѣтъ по истеченіи извѣстнаго срока, на который выдана первая привилегія на изданіе книги. Такъ какъ ихъ неоднократныя домогательства совпали съ фискальными интересами расточительнаго дореволюціоннаго правительства, съ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, повсемѣстно отыскивавшаго новые источники для покрытія своихъ прогрессивно возраставшихъ дефицитовъ, то оно воспользовалось мольбами этихъ якобы угнетенныхъ торговцевъ для обложенія частныхъ произведеній печати непомѣрно высокимъ налогомъ, и чтобы расчистить путь этой фискальной мѣрѣ, оно издало въ 1777 году знаменитые шесть arrêts, о которыхъ рѣчь будетъ впереди, въ историческомъ очеркѣ авторскаго права. Эти arrêts похоронили во Франціи литературную собственность, такъ что послѣдовавшее за ними общественное движеніе съ цѣлью отстоять ея существованіе производитъ впечатлѣніе скорѣе надгробной тризны въ честь безжалостно умерщвленнаго института, чѣмъ истинной борьбы за ея существованіе [21]).

Замѣчательно однако, что всѣ указанные протесты исходили не столько отъ самихъ писателей, непосредственно заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, сколько отъ издателей. Писатели же того времени въ огромномъ большинствѣ случаевъ хранили глубочайшее молчаніе, словно дѣло ихъ вовсе не касалось. Это легко объясняется положеніемъ, въ которое они сами себя поставили. Справедливо упрекаетъ ихъ *Linguet* [22]) въ продажности и угодливости предъ сильными міра сего, качествахъ, отнявшихъ у нихъ всякое значеніе въ глазахъ правительства. Администрація, говоритъ

---

[21]) См. обо всемъ этомъ у *Лабуле* и *Гифре* в. п. с. Introduction и стр. 124 и сл., 144 и сл.

[22]) Тамъ же, стр. 232 и сл. Opinion de Linguet touchant l'arrêt sur les privilèges.

онъ, никогда не справляется съ ихъ мнѣніемъ и интересами, никогда не выслушиваетъ ихъ тамъ, гдѣ ихъ голосъ долженъ былъ бы имѣть наибольшій авторитетъ. «Быть можетъ, продолжаетъ онъ, литераторы сами себѣ обязаны этимъ презрѣніемъ администраціи. Никогда они и не старались уяснить этотъ интересный предметъ. Разобщенные между собою, они предались разрознивающимъ, безславящимъ и безчестящимъ ихъ интригамъ; никогда они не умѣли совокупными силами защищать свое достояніе. Изъ какого-то чувства деликатности они даже старались показать, что презираютъ его, и потому лишь съ краскою въ лицѣ дерзали заявлять свое право собственности на свои произведенія. Униженно сгибаясь предъ презрѣннѣйшимъ изъ презрѣнныхъ для полученія жалкихъ пенсій, они, по крайней мѣрѣ публично, показываютъ, что презираютъ честный, законный и славный заработокъ, который общественное уваженіе связываетъ съ продажею хорошаго сочиненія; ни разу они не сдѣлали дружнаго усилія, чтобы побудить правительство оказать защиту этому ихъ достоянію и прекратить разбойническое расхищеніе его... Конечно легче плѣнить метресу или лакеевъ какого-нибудь министра, чѣмъ націю; легче выманить у власти ежегодное жалованье подъ именемъ пенсіи, чѣмъ убѣдить публику покупать дурную книгу».

Какъ бы то ни было, громкія жалобы и настойчивыя домогательства объ отмѣнѣ вышепомянутыхъ arrêts подѣйствовали на совѣсть даже такого неразборчиваго на средства правительства, какимъ было дореволюціонное французское; оно почувствовало потребность оправдаться предъ общественнымъ мнѣніемъ и выставить за свое дѣло литературныхъ ратоборцевъ. Роль такихъ витязей приняли на себя академикъ *Сюаръ* (ibid. стр. 270 и сл.), который въ своей брошюрѣ: *Discours impartial sur les affaires de la librairie*, восхвалялъ принципы помянутыхъ arrêts и силился доказать ихъ справедливость и пользу для дѣла печати, и неизвѣстный авторъ брошюры: *Lettre à un magistrat*. Про-

тивъ этихъ двухъ панегиристовъ мѣропріятій правительства выступилъ аббатъ *Плюке* въ трехъ письмахъ адресованныхъ къ другу [23]). Мы остановимся лишь на третьемъ, какъ имѣющемъ непосредственное отношеніе къ предмету нашего изслѣдованія.

Авторъ Lettre à un magistrat, коснувшись вопроса о правахъ писателя на его произведеніе, силился доказать, что они не подойдутъ подъ понятіе собственности и при этомъ сдѣлалъ слѣдующее опредѣленіе ея: «собственность есть принадлежащее всякому индивиду право пользоваться своею вещью, извлекая изъ нея всѣ возможныя выгоды, насколько этому не противится природа самой вещи и насколько это дозволяютъ законы той страны, въ которой живетъ индивидъ». Воспользовавшись этимъ опредѣленіемъ, Плюке съ ироніею и рѣдкимъ искусствомъ побиваетъ своего противника его же оружіемъ. Онъ принимаетъ это опредѣленіе на вѣру и разбираетъ его по пунктамъ.

1. *Собственность*, начинаетъ Плюке, *есть право пользоваться своею вещью, извлекая изъ нея всевозможныя выгоды.* Согласенъ; слѣдовательно, написанное мною сочиненіе есть моя вещь, моя собственность и именно по праву извлекать изъ него выгоды. Если это сочиненіе не выходитъ изъ моего портфеля, то для меня оно безусловно безплодно; единственное же средство извлечь изъ него какую-нибудь выгоду заключается въ обнародованіи его. Если въ этотъ моментъ обнародованія собственность ускользаетъ изъ моихъ рукъ и можетъ стать вашею, то ни въ одинъ моментъ сочиненіе не было моею вещью, т. е. моею вещью полезною, вещью, изъ которой я могъ бы извлечь какую-нибудь выгоду; это вполнѣ очевидно. По мнѣнію же нашихъ против-

---

[23]) Тамъ же, стр. 277 и др. Lettres à un ami par l'abbé Pluquet (1778—1779), sur les arrêts du conseil du 30 août 1777 concernant 1) la librairie et l'imprimerie, 2) sur les affaires actuelles de la librairie и 3) corccnant les affaires de la librairie.

никовъ, лишь только книга путемъ печати появляется въ свѣтъ, то она становится общимъ достояніемъ; слѣдовательно я не обладаю ею уже въ тотъ моментъ, когда вслѣдствіе появленія въ свѣтъ она становится кое-чѣмъ, становится дѣйствительно полезною собственностью. Если въ это время всякій можетъ отнять ее у меня, то я никогда ее не имѣлъ и не буду имѣть; сочиненіе никогда не будетъ моею полезною вещью, т. е. вещью, отъ которой я могу извлечь какую-нибудь пользу; это вполнѣ очевидно.

2. *Собственность можетъ существовать лишь настолько, насколько это допускаетъ природа самой вещи.* Эта вещь можетъ быть такова, что я не въ состояніи буду запретить другимъ пользоваться ею. Такъ, на моихъ дверяхъ привѣшанъ мною большой фонарь, чтобы свѣтить собственно мнѣ; но я не могу запретить проходящимъ пользоваться имъ. Играя на скрипкѣ, я не могу воспрепятствовать другимъ слушать мою игру, хотя я играю только для себя. Согласитесь, что эти сравненія превосходны и побѣдоносно доказываютъ, что у меня могутъ отнять мое сочиненіе, лишь только оно явится въ свѣтъ. Возможно-ли, чтобы авторъ не сознавалъ комической стороны этихъ сравненій или ихъ примѣненія? Пусть тысячи проходящихъ пользуются свѣтомъ моего фонаря, пусть сотни людей наслаждаются моею игрою на скрипкѣ; но я не утрачу оттого собственности на мой инструментъ; мало того, я извлеку изъ него ту выгоду, которую могу, которую захочу извлечь. Пользованіе имъ другими ни на одну іоту не уменьшитъ моего собственнаго пользованія...

3. *Изъ объекта собственности можно извлекать только ту выгоду, которая разрѣшается законами страны, гдѣ живетъ собственникъ.* Въ этомъ мы вполнѣ соглашаемся съ нашимъ оппонентомъ. Но если принципъ вѣренъ, то долженъ быть вѣренъ и логическій выводъ изъ него, а выводъ этотъ приводитъ къ обезпеченію литературной собственности. Въ самомъ дѣлѣ никто, какъ прекрасно выразился нашъ оппонентъ, не рождается собственникомъ; всякій

рождается только съ своимъ тѣломъ. Имущество пріобрѣтено первымъ владѣльцемъ чрезъ заимку (occupatio), а законъ освятилъ эту первую оккупацію распаханнаго, засѣяннаго поля предоставленіемъ вѣчнаго права собирать съ него плоды. Эти сравненія превосходны и выбраны какъ будто для насъ. Первая оккупація есть основаніе, законъ превращаетъ ее въ собственность, и произрастающіе плоды принадлежатъ мнѣ навсегда. Но когда я написалъ книгу, то я нахожусь въ состояніи первой оккупаціи, если не по содержанію, то по способу отношенія къ матеріалу; она есть поле, которое я первый распахалъ и заставилъ приносить плоды; слѣдовательно продажа ея принадлежитъ мнѣ... я первый оккупировалъ эту книгу, этотъ частный предметъ, и никто уже въ ущербъ мнѣ не долженъ завладѣвать имъ... Литературная, какъ и всякая иная собственность, способна къ такого рода ограниченіямъ, на которыя никогда не жаловались. Авторъ, окончивъ свое сочиненіе, не можетъ напечатать его безъ первоначальнаго разрѣшенія, безъ новаго разрѣшенія по истеченіи срока первому, безъ тысячи другихъ формальностей... Но все это суть препятствія, ограниченія, а не посягательства на право собственности. Новые arrêts не только посягаютъ, но даже отрицаютъ ее. Ставя преграды частной собственности, правительство дѣлаетъ это единственно изъ необходимости и ради общаго интереса. Новые же arrêts просто вырываютъ у меня мою собственность, чтобы передать ее другому; этотъ другой конечно въ выигрышѣ, но что выиграетъ общество оттого, что мое сочиненіе будетъ продавать онъ, когда я самъ могу продавать его» и т. д.

Столь же безъискусственною простотой отличаются доводы, изложенные въ Lettre à M. D. отъ 19 декабря 1778 г. [24]). Авторъ этого письма говоритъ между прочимъ слѣдующее:

---

[24]) См. тамъ же стр. 396 и сл. Ср. также *Ed. Laboulaye*, Etudes sur la propriété littéraire en France et en Angleterre. Paris 1858, стр. VII и VIII.

«Собственность, какъ видите, есть исключительное право, пріобрѣтаемое трудомъ или промысломъ, и человѣкъ имѣетъ исключительное право на все, что существуетъ чрезъ его трудъ или прилежаніе или что составляетъ ихъ результатъ; никто другой кромѣ него не въ правѣ завладѣть этимъ результатомъ или воспользоваться имъ безъ согласія его виновника. Вотъ возникновеніе и сущность всякой собственности. Это легко примѣнить къ вопросу о литературной собственности.

«Отъ природы никто не рождается съ исключительнымъ правомъ на тѣ или другія познанія; науки суть достояніе, общее всѣмъ людямъ; но отъ природы никто не рождается съ знаніемъ истинъ, вытекающихъ или зависящихъ отъ нихъ; необходимо размышлять, трудиться, прилагать стараніе, чтобы пріобрѣсти познанія, чтобы передавать ихъ, чтобы составить сочиненіе по какой-либо отрасли человѣческихъ знаній. Слѣдовательно сочиненіе есть плодъ труда его автора; стало быть авторъ имѣетъ на свое сочиненіе исключительное право; онъ имѣетъ на него право собственности, такъ что никто другой кромѣ него не имѣетъ права пользоваться его сочиненіемъ или сообщать его другимъ безъ его согласія, точно также какъ не имѣетъ права засѣивать чужое поле безъ согласія собственника этого поля, или собирать жатву на полѣ, обработанномъ и засѣянномъ другимъ.

«Передача этого сочиненія другимъ есть жатва или плодъ поля, обработаннаго авторомъ; всякій, сообщающій его другимъ безъ согласія автора, жнетъ поле, которое авторъ разработалъ и засѣялъ, на которое онъ имѣетъ исключительное право; слѣдовательно сочиненіе принадлежитъ автору даже и тогда, когда онъ его издалъ, и принадлежитъ только ему; никто другой не имѣетъ на него права...

«Покупатель отпечатанной копіи сочиненія не вліялъ и не могъ вліять на составленіе послѣдняго; значитъ путемъ покупки этой копіи онъ не могъ стать собственникомъ самого сочиненія, собственникомъ котораго остается на

всегда авторъ, даже когда оно будетъ напечатано; оно есть плодъ его труда и старанія, а не плодъ или результатъ труда или старанія того, кто купилъ копію сочиненія».

Кромѣ этихъ доводовъ въ названныхъ статьяхъ и прошеніяхъ встрѣчается много другихъ, не столько юридическихъ, сколько экономическихъ и основанныхъ на естественномъ чувствѣ справедливости. Укажемъ изъ нихъ лишь на нѣкоторые. Процвѣтаніе литературы, говоритъ, напримѣръ, Linguet [25]), несомнѣнно увеличиваетъ славу государства, доставляетъ драгоцѣнный предметъ для торговли, даетъ средство улучшенія нравовъ и служитъ орудіемъ для управленія умами; по всѣмъ этимъ основаніямъ литература постоянно и справедливо занимала почетное мѣсто въ ряду главныхъ заботъ администраціи. Не подлежитъ потому никакому сомнѣнію, что люди, призванные самою природой къ литературнымъ занятіямъ, должны пользоваться особенною пощадою и что слѣдуетъ болѣе остерегаться опасности отъ униженія этихъ людей, чѣмъ опасности, проистекающей отъ ихъ распущенности. Если продажа книги, въ особенности послѣ извѣстнаго времени, идетъ соотвѣтственно ея достоинству, то авторъ, сочиненія коего выдержали это испытаніе, увидитъ увеличеніе своего состоянія вмѣстѣ съ возрастаніемъ уваженія къ нему; умирая, онъ передастъ своимъ нисходящимъ имущество, которое сдѣлаетъ ихъ въ одно и тоже время достопочтенными и богатыми, но не обреченными на одну пустую славу. Какъ самъ авторъ, при жизни своей, избѣжалъ нравственнаго паденія, обусловливаемаго покровительствомъ свыше, такъ и потомство его уйдетъ отъ этого паденія, вызываемаго бѣдностью. Безъ уловокъ, безъ интригъ состояніе его будетъ съ каждымъ днемъ возрастать и всеобщее довѣріе будетъ безпрестанно поддерживать въ немъ изобиліе.

Таковы въ общихъ чертахъ доводы въ пользу литературной собственности; съ разными варіяціями они повто-

[25]) *Laboulaye* и *Guiffrey* l. c. стр. 237.

ряются и въ мемуарахъ, представленныхъ въ это смутное для нашего института время издателями-книгопродавцами высшимъ правительственнымъ агентамъ. Но такъ какъ стремленія ихъ направлены на защиту своихъ, а не авторскихъ интересовъ, то на правахъ самого автора они останавливаются гораздо меньше, чѣмъ на правахъ издателя; собственность автора нужна имъ лишь для того, чтобы доказать свою собственность. Издатель, говорятъ они, пріобрѣтая отъ автора его рукопись, становится на его мѣсто, дѣлается его юридическимъ преемникомъ. Онъ вознаградилъ автора за уступленное ему право, онъ истратился на печатаніе и изданіе уступленной ему рукописи, а потому имѣетъ полное основаніе считать себя собственникомъ отпечатанной книги и распоряжаться ею такъ, какъ могъ бы распорядиться ею самъ авторъ. Къ тому же, издательское дѣло обладаетъ тѣмъ свойствомъ, что затраченные капиталы возвращаются весьма медленно и слишкомъ долго приходится ожидать того времени, когда къ издателю станетъ поступать чистый доходъ. Кромѣ того, изданіе книги сопряжено съ большимъ рискомъ, такъ какъ въ противоположность другимъ фабрикантамъ издатель не можетъ соразмѣрять своего производства съ запросомъ на него. Онъ вынужденъ сразу отпечатать большое количество экземпляровъ, а между тѣмъ книга можетъ совсѣмъ не пойдти и тѣмъ самымъ ввести своего издателя въ безполезныя затраты. Кладовыя многихъ издателей завалены грудами книгъ, съ самаго своего рожденія осужденныхъ на неподвижность. А потому лишать издателей потомственной и неограниченной собственности на пріобрѣтенныя ими сочиненія, значитъ стремиться къ ихъ полному раззоренію и осудить книжное дѣло на смерть. Впрочемъ, въ болѣе подробномъ видѣ со всѣми этими доводами мы встрѣтимся еще разъ въ исторической части настоящаго изслѣдованія.

Однако всѣ эти соображенія и жалобы остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Какъ бы то ни было, разсматривая ихъ безотносительно, нельзя не признать, что въ нихъ

содержится не малая доля истины, проявляющейся и въ наше время. Паденіе цѣнъ на литературный трудъ, замѣчаемое въ новое время, не мало обязано и тому неопредѣленному положенію, въ которое ставится издатель новѣйшими законодательствами. Пріобрѣтая отъ автора его произведеніе, онъ рѣшительно не въ состояніи опредѣлить срока, въ теченіе котораго онъ одинъ, безъ всякаго участія постороннихъ лицъ, будетъ пользоваться этимъ произведеніемъ. Онъ долженъ принять въ разсчетъ, какъ рискъ быстрой смерти автора и остающійся затѣмъ узаконенный срокъ исключительнаго права, такъ и возможность того весьма холоднаго пріема со стороны публики, который встрѣчаютъ многія, хотя и очень дѣльныя сочиненія, но не посвященныя интересу дня, и соотвѣтственно этому онъ долженъ опредѣлить стоимость пріобрѣтаемаго имъ права изданія. Очевидно, что результатъ этого разсчета говоритъ далеко не въ пользу автора, который, вслѣдствіе того, за свой часто тяжкій, кропотливый трудъ вынужденъ довольствоваться самымъ скуднымъ вознагражденіемъ. Крайняя несообразность подобнаго положенія вещей особенно рѣзко бросается въ глаза по отношенію къ такимъ произведеніямъ, которыя выше своего времени, до которыхъ современное имъ человѣчество еще не доросло, а потому не способно не только оцѣнить ихъ глубокій смыслъ, но даже просто понять ихъ. Исторія показываетъ, что подобныя произведенія встрѣчаютъ въ началѣ равнодушный или враждебный пріемъ, и что лишь съ ростомъ и развитіемъ общества ихъ начинаютъ понимать и уважать. Но въ это то время, въ силу положительныхъ законовъ нынѣшняго столѣтія, они становятся общественнымъ достояніемъ и служатъ источникомъ обогащенія не потомства автора, а ловкихъ промышленниковъ, при ничтожныхъ затратахъ получающихъ большія выгоды, по всей справедливости принадлежащія нисходящимъ или родственникамъ автора.

Немногимъ лучше положеніе писателей, съ удовольствіемъ читаемыхъ во всякое время. Если они не доживутъ до

полнаго роста своей славы и не успѣютъ потому собрать дань, хоть сколько-нибудь соотвѣтствующую ихъ трудамъ и талантамъ, то ихъ будетъ сопровождать въ могилу безотрадное сознаніе, что чрезъ 50 лѣтъ (по нашему законодательству) ихъ кровное достояніе, по соизволенію самого закона, выйдетъ изъ рукъ своихъ естественныхъ собственниковъ и безъ всякаго возмездія перейдетъ въ руки промышленниковъ. Нѣсколько лѣтъ спустя сочиненія Державина, Жуковскаго, Грибоѣдова, Пушкина, Гоголя и др. появятся въ чисто промышленныхъ изданіяхъ и доставятъ не мало ничѣмъ не заслуженныхъ выгодъ ихъ издателямъ. Говорятъ, что такой порядокъ вещей выгоденъ для общества, что лучшія литературныя произведенія, становясь, по истеченіи извѣстнаго времени, общественнымъ достояніемъ, быстрѣе распространяются въ массѣ народа, дѣлаются по своей цѣнѣ болѣе доступными каждому и надолго сохраняются для общества. Но опытъ доказываетъ всю несостоятельность этого мнѣнія. Многія весьма почтенныя сочиненія вовсе исчезли изъ продажи и стали библіографическою рѣдкостью, благодаря именно отсутствію издателей. Потомки и родственники авторовъ этихъ сочиненій, хотя матеріально и нравственно заинтересованы въ распространеніи послѣднихъ, не рѣшаются однако на изданіе ихъ единственно изъ страха конкурренціи со стороны ремесленныхъ издателей. Эти послѣдніе обыкновенно предпринимаютъ изданіе лишь такихъ произведеній, въ успѣшномъ сбытѣ коихъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, и почти никогда не рѣшаются перепечатывать старыя сочиненія, успѣхъ коихъ еще неизвѣстенъ. Очевидно, что выгодный сбытъ изданія, предпринятаго родственниками автора, покажетъ имъ неосновательность ихъ опасеній, пробудитъ ихъ алчность и вызоветъ раззорительную для родственниковъ конкурренцію, раззорительную потому, что эти ремесленные издатели, будучи полными хозяевами книжной торговли, не преминутъ воспользоваться всѣми возможными для нихъ средствами, чтобы пустить въ ходъ свое изданіе и вытѣснить чужое.

Таковы практическія послѣдствія срочности авторскаго права, установленной новѣйшими законодательствами. Они, безъ сомнѣнія, нисколько не вліяютъ на юридическое существо института, опредѣляемое не положительными законами, а природою юридическихъ отношеній, входящихъ въ его составъ. Но они важны для насъ въ томъ отношеніи, что служатъ блестящимъ доказательствомъ тѣсной связи между практикою и теоріею права. Чѣмъ вѣрнѣе опредѣляется существо его съ теоретической стороны, тѣмъ ближе оно подходитъ къ естественной справедливости и тѣмъ благотворнѣе вліяніе его на жизнь. Правильно построенный наукою институтъ частнаго права ведетъ за собою и правильное разрѣшеніе положительными законами относящихся къ нему отдѣльныхъ случаевъ. Напротивъ того, неправильности въ такомъ построеніи приводятъ къ такимъ анормальнымъ явленіямъ, отъ которыхъ много страдаетъ какъ частный, такъ и общественный интересъ. Вотъ почему ученые не должны забывать, что ихъ назначеніе — это идти впереди законодательства и указывать ему наиболѣе вѣрные и безопасные пути. Въ занимающемъ насъ вопросѣ они уклонились отъ этого призванія, и мы видимъ рядъ неестественныхъ явленій, которыя отчасти уже указаны выше и будутъ еще указаны въ теченіи послѣдующаго изложенія. Явленія эти, правда, мало вызываютъ жалобъ въ обществѣ; но это объясняется отчасти равнодушіемъ массы ко всему, что не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ ея будничной обстановкѣ, отчасти же привычкою. Нынѣшнее отношеніе положительныхъ законодательствъ къ авторскому праву существуетъ уже болѣе столѣтія; общество успѣло присмотрѣться къ нему, успѣло притерпѣться къ вытекающему изъ него злу и теперь считаетъ его явленіемъ обыкновеннымъ, нормальнымъ, точно также, какъ оно считало нормальнымъ множество другихъ явленій, окончательно уничтоженныхъ успѣхами наукъ и народнаго просвѣщенія. Нѣтъ сомнѣнія, что съ теченіемъ времени и это зло должно будетъ уступить тому же вліянію и уничто-

житься подъ его нравственнымъ давленіемъ; но теперь оно получаетъ жизненныя силы не только отъ законодательныхъ, но и отъ научныхъ авторитетовъ, стремящихся, во что бы то ни стало доказать цѣлесообразность существующаго порядка въ области авторскаго права. Стремленіе это привело многихъ изъ новѣйшихъ писателей къ послѣдней крайности и выродилось у нихъ въ попытку стерѣть съ лица земли литературную собственность и даже самое названіе это предать осмѣянію. Надлежащая оцѣнка этихъ попытокъ будетъ представлена въ нижеслѣдующей главѣ, къ изложенію которой мы и переходимъ

ГЛАВА II.

Воззрѣнія на литературную собственность писателей новаго времени и критическая оцѣнка этихъ воззрѣній: — 1) Писатели, совершенно отрицающіе существованіе литературной собственности и основывающіе авторское право на привилегіи: Локре, Ренуаръ, Герберъ и Спасовичъ.—2) Писатели, признающіе авторское право правомъ имущественнымъ и хотя отвергающіе привилегіи, но отвергающіе также литературную собственность: Вехтеръ, Іолли и Клостерманъ.—3) Писатели, основывающіе авторское право на правѣ личности и подобно писателямъ первыхъ двухъ группъ отвергающіе литературную собственность: Блунчли, Безелеръ, Гарумъ и Данъ.—4) Писатели, считающіе авторское право правомъ собственности: Крамеръ, статья въ Rechtslexikon Weiske, Фолькманъ, Гейдеманъ, Лабуле и Эйзенлоръ.—Нашъ взглядъ на литературную собственность.

Изъ группы писателей, считающихъ авторское право привилегіею, какъ по времени, такъ и по оригинальности воззрѣнія прежде всего заслуживаетъ быть упомянутымъ французскій юристъ—практикъ, баронъ *Локре* [1]). Вся его аргументація обнаруживаетъ желаніе теоретически оправдать дѣйствующіе во Франціи законы объ авторскомъ правѣ. Они-то очевидно послужили базисомъ его дедукціи и привели его къ весьма своеобразнымъ заключеніямъ.

---

[1]) Le baron *Locré*, Discussions sur la liberté de la presse, la censure, la propriété littéraire, l'imprimerie et la librairie, qui ont eu lieu dans le conseil d'état pendant les années 1808, 1809, 1810 et 1811. Paris 1819. Часть 2-я. Глава 1: De la propriété littéraire.

Самое естественное и священное право человѣка, говоритъ Локре, есть, безъ сомнѣнія, право его на свои мысли, комбинаціи ума, различные результаты своихъ умственныхъ способностей. Но право это само по себѣ не установляетъ никакой матеріальной собственности, способной быть предметомъ юридическихъ сдѣлокъ; по отношенію къ другимъ оно ограничивается властью передавать свои мысли словеснымъ или письменнымъ путемъ; по отношенію къ самому автору оно есть «исключительная и неотчуждаемая собственность на продуктъ его творенія и участіе въ уваженіи и славѣ, коихъ заслуживаетъ его трудъ». Сообщеніе своихъ мыслей другимъ посредствомъ устнаго слова не переноситъ на другаго никакой собственности; оно, по самой природѣ своей, неотчуждаемо и можетъ породить лишь право на гонораръ, соразмѣрный важности и пользѣ сообщенія. Но безъ спеціальной оговорки при самомъ сообщеніи оно не лишаетъ никого право дальнѣйшую передачу воспринятыхъ мыслей. Локре уподобляетъ автора свѣточу, сообщающему свой огонь другимъ свѣтильникамъ и оттого нисколько не теряющему своего собственнаго огня.

Совсѣмъ другое нужно сказать, когда авторъ начерталъ образъ своихъ мыслей на бумагѣ. Этотъ рукодѣльный процессъ порождаетъ рукопись, т. е. обыкновенную матеріальную собственность, могущую стать предметомъ юридическихъ сдѣлокъ. Но собственность эта отлична отъ самого произведенія; она не есть это произведеніе, а лишь образъ, копія его. Эта копія можетъ быть воспроизводима до безконечности, и каждая новая копія образуетъ частную собственность, отличную отъ всѣхъ другихъ. Само же произведеніе едино и не воспроизводимо; собственность на него неразрывно связана съ авторомъ и не можетъ быть ни продаваема, ни уступаема, ни завѣщаема, ни инымъ образомъ переносима на другаго. Слѣдовательно, авторъ, начертавшій на бумагѣ образъ своихъ мыслей, въ дѣйствительности обладаетъ двумя собственностями: 1) собственностью на *само произведеніе*, собственностью умственною и

неотчуждаемою, и 2) собственностью на *рукопись*, собственностью матеріальною и отчуждаемою, существеннымъ образомъ происходящею отъ первой. Далѣе, такъ какъ авторъ располагаетъ и правомъ опредѣленія количества копій, подлежащихъ отпечатанію и распространенію, то отсюда слѣдуетъ третье право, которое можно назвать *правомъ копіи*, обыкновенно обозначаемое въ книжной торговлѣ словами: *литературная собственность*. Въ этомъ смыслѣ литературная собственность постоянно пребываетъ въ лицѣ автора; онъ можетъ ее уступить другому, но тогда она прилагается лишь къ индивидуальной и опредѣленной копіи; ибо авторъ никогда не можетъ утратить права на пересмотръ, исправленіе и передѣлку своего сочиненія, неразрывно связаннаго съ его личностью. Онъ можетъ дѣлать съ этого сочиненія новыя копіи и уступить ихъ другому книгопродавцу, удовлетворивши перваго, имѣющаго, въ силу природы авторскаго права, лишь право на экземпляры, а не на само сочиненіе.

Но со смертью автора собственность на сочиненіе (propriété de l'ouvrage) прекращается и исчезаетъ, и остается лишь *собственность на рукопись*, которая переходитъ къ наслѣдникамъ. Въ ихъ рукахъ уже нѣтъ права, неразрывно связаннаго съ лицомъ автора, а есть лишь обыкновенное, производное отъ перваго право, могущее быть предметомъ юридическихъ сдѣлокъ. Но лишь только это право на рукопись отчуждено и вслѣдствіе того стало публичнымъ, то каждый пріобрѣтатель отдѣльной копіи получаетъ на нее титулъ владѣнія, во всѣхъ отношеніяхъ равный титулу наслѣдниковъ, а слѣдовательно, онъ получаетъ на нее и права, одинаковыя съ правами наслѣдниковъ на тотъ же предметъ.

Безъ сомнѣнія, справедливость требуетъ, чтобы книгопродавецъ, пріобрѣтшій рукопись отъ автора или его наслѣдниковъ, могъ вознаградить себя за издержки и труды по мануфактурной операціи; законъ долженъ обезпечить ему достаточный для того срокъ; но этотъ законъ лишь отсро-

чиваетъ *общее право* въ пользу частнаго лица, оказавшаго заслугу полезнымъ предпріятіемъ, изъ котораго онъ по справедливости долженъ получить возможность извлечь выгоду; въ этомъ случаѣ законодатель дѣйствуетъ только какъ *регуляторъ пользованія общею собственностью*, а не какъ *раздатчикъ права копіи* или литературной собственности. Такимъ образомъ возникаетъ еще два вида литературной собственности: *частная* и *общественная*. Къ нимъ можно присоединить третью, именно *право копіи* (droit de copie), вытекающее изъ временной отсрочки общаго права, въ силу формальнаго акта общественной власти. Это право Локре называетъ *привилегированною собственностью*. Такимъ образомъ Локре насчитываетъ шесть видовъ литературной собственности, а именно: 1) собственность на сочиненіе, 2) собственность на рукопись, 3) частная литературная собственность или частное право копіи въ размѣрѣ соизволенія автора, 4) собственность на копію или экземпляръ, 5) общая литературная собственность и 6) привилегированная литературная собственность.

Эта лѣстница собственностей, на которыя у Локре распадается авторское право, какъ нельзя яснѣе показываетъ, что онъ не имѣлъ никакого яснаго представленія о дѣйствительной природѣ права собственности. Право авторства или право считаться творцомъ даннаго произведенія не имѣетъ никакого реальнаго объекта, но непосредственно связано съ лицомъ автора; оно есть потому чисто личное право, которое съ правомъ собственности ничего общаго не имѣетъ; слѣдовательно, propriété de l'ouvrage, какъ называетъ его Локре, есть понятіе для гражданскаго права совершенно безразличное: оно не можетъ стать предметомъ юридическихъ сдѣлокъ, ибо его, подобно родству, нельзя ни продавать, ни уступать, ни инымъ образомъ отчуждать; самое нарушеніе его влечетъ за собою не гражданскія послѣдствія, а чисто уголовныя, т. е. послѣдствія карательнаго свойства. Что же касается остальныхъ перечисленныхъ выше видовъ литературной собственности, то понятія ихъ опре-

дѣляются у Локре до того неясно, что трудно сдѣлать имъ какую-либо опредѣленную критическую оцѣнку, такъ какъ Локре безъ всякаго разбора употребляетъ слово собственность какъ въ примѣненіи къ дѣйствительной собственности, такъ и въ примѣненіи къ производнымъ отъ нея правамъ. Напримѣръ, такъ называемая имъ (3) частная литературная собственность есть ничто иное, какъ логическое послѣдствіе того, что Локре называетъ собственностью на рукопись. А между тѣмъ у него она фигурируетъ въ качествѣ самостоятельной собственности. Собственность на само сочиненіе онъ, какъ уже сказано, неразрывно связываетъ съ чисто личнымъ правомъ считаться авторомъ сочиненія, и потому у него со смертью автора прекращается и эта собственность. Но очевидно, что самое сочиненіе и право авторства суть двѣ вещи разныя и могутъ существовать независимо другъ отъ друга. Сочиненіе можетъ утратиться, исчезнуть, тѣмъ не менѣе авторъ его будетъ непрестанно считаться именно его авторомъ, и если бы первое впослѣдствіи нашлось, то нашедшій все-таки не въ правѣ былъ бы присвоить себѣ авторство; наоборотъ, изъ того что данное лицо авторъ извѣстнаго сочиненія, вовсе не слѣдуетъ, что оно и собственникъ его. Сочиненіе, т. е. внѣшняя форма его, въ силу какого-либо пріобрѣтательнаго основанія, можетъ принадлежать другому лицу, а авторъ останется при своемъ личномъ правѣ авторства и притомъ такъ, что присвоеніе имъ своего сочиненія для матеріальнаго пользованія будетъ посягательствомъ на чужую собственность.

Далѣе онъ предоставляетъ автору право лишь на рукопись и ея воспроизведеніе; что же касается до сочиненій, передаваемыхъ путемъ устнаго слова, то воспроизводить ихъ, если этого прямо не запретилъ авторъ, имѣетъ право всякій, не нуждаясь въ особомъ его разрѣшеніи. Такимъ образомъ прочитанная лекція, публично произнесенная рѣчь могутъ быть безпрепятственно распространяемы каждымъ не только устно, но и путемъ печати, и въ этомъ видѣ могутъ да-

же стать доходною статьею для лицъ, не принимавшихъ ни малѣйшаго участія въ составленіи подобныхъ сочиненій. Слѣдовательно авторъ работаетъ въ этихъ случаяхъ для обогащенія другихъ, и по мнѣнію Локре, долженъ тутъ довольствоваться только случайнымъ гонораромъ, почетомъ и славою. Локре не пришелъ бы къ такой нелѣпости, еслибъ сосредоточилъ свое вниманіе на имущественной сторонѣ литературнаго произведенія. Онъ увидѣлъ бы въ немъ тогда вещь, обязанную своимъ происхожденіемъ умственной дѣятельности автора, а потому подлежащую его исключительному и неограниченному господству. Вмѣсто указанныхъ видовъ, не выдерживающихъ даже снисходительной критики, онъ выставилъ бы лишь одну, именно собственность автора на внѣшнюю форму своего произведенія и увидѣлъ бы въ этой формѣ реально существующую вещь, которая не исчезаетъ со смертью автора и можетъ переходить къ его наслѣдникамъ и другимъ юридическимъ преемникамъ въ томъ же видѣ и съ тѣми же свойствами, какими она обладала въ рукахъ самого автора.

Переходимъ теперь къ одному изъ наиболѣе важныхъ и сильныхъ противниковъ литературной собственности, мнѣніе коего оказало немаловажное вліяніе на германскихъ ученыхъ, посвятившихъ занимающему насъ институту спеціальныя изслѣдованія. Мы говоримъ о французскомъ юристѣ *Ренуарѣ* [3]).

---

[3]) *Augustin-Charles Renouard,* Traité des droits d'auteurs, dans la littérature, les sciences et les beaux arts. Paris 1838, томъ I-й, стр. 434 и сл. Свои одиннадцать положеній, направленныхъ главнѣйшимъ образомъ противъ наслѣдственности авторскаго права, онъ располагаетъ въ видѣ заглавій отдѣльныхъ параграфовъ, въ которыхъ болѣе или менѣе подробно развиваетъ эти положенія. Кромѣ того во 2-мъ томѣ у него есть много отдѣловъ, касающихся нашего института, но они написаны какъ бы случайно, безъ ясной системы и часто рядомъ съ процессами о контрафакціи. Это-то отсутствіе сколько-нибудь выдержанной системы очень затрудняетъ пользованіе его сочиненіемъ. Тѣмъ не менѣе по полнотѣ собраннаго въ немъ законодательнаго матеріала и подробному историческому очерку движенія законоположеній, касающихся нашего института, оно должно быть названо однимъ изъ главныхъ источниковъ при изученіи авторскаго права.

Онъ начинаетъ съ того, что писатели имѣютъ право пользоваться продуктомъ своихъ сочиненій. Это право принадлежитъ имъ въ силу естественной справедливости и историческаго хода обстоятельствъ. Но для того, чтобы доказать, что авторъ въ правѣ извлекать пользу изъ своего творенія, едва ли нужно призывать на помощь естественную справедливость и исторію. Гражданскіе плоды даннаго сочиненія принадлежатъ автору именно потому, что онъ, а не кто иной, творецъ сочиненія. Это столь же ясно, какъ и то, что только соорудившій зданіе или его юридическій преемникъ имѣетъ исключительное право извлекать изъ него всякія дозволенныя выгоды.

То, что я создалъ своимъ трудомъ, талантомъ, умомъ, проницательностью, терпѣніемъ и находчивостью, то принадлежитъ мнѣ и исключительно мнѣ. Это первая основа собственности, это первоначальный способъ пріобрѣтенія, это главнѣйшее условіе общежитія.

Общество, продолжаетъ далѣе Ренуаръ, съ изданіемъ сочиненія пріобрѣтаетъ право пользованія имъ. Чтобы представить образчикъ тѣхъ юридическихъ доказательствъ, которыми Ренуаръ подкрѣпляетъ свои положенія, мы выпишемъ дословно доводы, приведенные имъ въ подтвержденіе этого афоризма. «Съ изданіемъ книги, говоритъ онъ, авторъ уже не остается наединѣ съ своею мыслью; его твореніе проникло во всѣ умы, которымъ онъ сообщилъ выраженіе его. Это фактъ безспорный. Рождается ли изъ этого факта какое-нибудь право для общества?

«Можно задать себѣ вопросъ, въ правѣ ли авторъ, который изданіемъ своей книги передалъ другимъ свои идеи и въ замѣнъ того получилъ вліяніе, почетъ, а иногда и вещественную пользу, произвольно по полученіи всѣхъ этихъ выгодъ разорвать союзъ, заключенный имъ съ публикою, и взять обратно все свое приношеніе. Неужели же онъ станетъ игнорировать, что если публика извлекла пользу отъ знакомства съ его сочиненіемъ, то и онъ съ своей стороны извлекъ пользу, получивъ читателей? неужели онъ станетъ

отрицать, что писатель, даже самый оригинальный, есть продуктъ своего и предшествующихъ вѣковъ, по крайней мѣрѣ столько же, сколько и своего собственнаго генія; что общее достояніе доставило ему элементы разработанныхъ имъ идей; что, возвращая ихъ цивилизаціи, отъ которой онъ ихъ получилъ, онъ выполняетъ свою обязанность предъ человѣчествомъ и платитъ своимъ современникамъ и потомству долгъ признательности, которою онъ обязанъ своимъ современникамъ и предкамъ?

«Какъ ни важны эти соображенія, но ихъ можетъ быть мало для того, чтобъ связать самого автора не моральнымъ, а инымъ обязательствомъ и чтобъ создать противъ его лица формальное право, возбраняющее ему во время его жизни замедлять или прекращать свои интеллектуальныя сношенія съ публикою.

«Но когда автора болѣе не существуетъ, то никто уже не въ правѣ желать, чтобы его произведеніе погибло, и никто не въ правѣ ставить преграды распространенію, которому онъ обрекъ послѣднее. Сообщить свои мысли публикѣ, значитъ ясно обнаружить намѣреніе придать имъ продолжительность и жизнь; но вѣдь только публичность гарантируетъ сочиненію жизнь, воплощаетъ мысль въ тѣло, которое можетъ стать безсмертнымъ, и препятствуетъ исчезнуть вмѣстѣ съ физическими органами того, кто ее усвоилъ. Юридическіе преемники автора, получающіе права только отъ него, возмутятся противъ его воли, если будутъ препятствовать обращенію его сочиненія. Напрасно самъ авторъ сталъ бы выражать желаніе, чтобы послѣ него договоръ, заключенный имъ съ публикой, остался безъ исполненія; идеи, при жизни своей введенныя имъ въ сферу идей публики, сохраняются ею въ силу непреложнаго факта, въ силу безповоротнаго даренія, лучше сказать въ силу отчужденія, цѣна или мзда за которое, отчасти уже полученная при жизни авторовъ, будетъ вѣчно отожествляться съ памятью объ нихъ; публика имѣетъ формальное право сохранять эти идеи въ своемъ владѣніи» (стр. 435—437).

Едва ли нужно особенно доказывать, что всѣ эти доводы построены на пескѣ, что эта декламація болѣе приличествуетъ адвокату, говорящему съ трибуны, чѣмъ ученому, опредѣляющему существо гражданскаго института съ научной точки зрѣнія. Сочиненіе принадлежитъ автору, говоритъ Ренуаръ, пока онъ его не обнародовалъ. Но если такъ, то и машина принадлежитъ творцу ея до тѣхъ поръ, пока онъ не возвѣститъ объ ней всенародно, напримѣръ, посредствомъ международной выставки. Авторъ, правда, много заимствуетъ изъ общаго фонда, созданнаго умственною дѣятельностью предшествующихъ вѣковъ и его современниковъ. Но вѣдь изъ того же фонда и столь же, а можетъ быть, еще больше заимствуетъ всякій ремесленникъ, всякій творецъ новой вещи, всякій земледѣлецъ и всякій промышленникъ. Развѣ тѣ средства и орудія, которыми пользуются эти лица при своихъ спеціальныхъ занятіяхъ, не суть продукты умственной дѣятельности предшествующихъ поколѣній? Развѣ соха, плугъ, борона, топоръ, рубанокъ, долото, бухгалтерія, паровходъ, желѣзная дорога и т. п. вновь изобрѣтаются каждымъ изъ этихъ лицъ? Развѣ всѣ эти средства и орудія открыты безъ всякаго участія умственной дѣятельности человѣчества? Для созданія ихъ нужны были процессы мышленія, точно также, какъ и для созданія литературнаго произведенія. Но кто же рѣшится сказать, что взращенный земледѣльцемъ хлѣбъ, выстроенный корабельнымъ мастеромъ корабль и т. д. принадлежатъ не виновникамъ ихъ появленія на свѣтъ, а обществу? Литературное произведеніе создается умственною дѣятельностью автора; до этой дѣятельности оно вовсе не существовало и своимъ появленіемъ въ свѣтъ обязано исключительно ей. Авторъ его сотворилъ, вдохнулъ въ него жизнь, далъ ему тѣло; слѣдовательно, оно принадлежитъ ему и никому другому. Оно его собственность въ силу процесса созданія, оно плодъ его творчества. А между тѣмъ у него отнимаютъ его созданіе, лишь только онъ возвѣститъ о его существованіи и покажетъ его свѣту.

Авторъ, говоритъ Ренуаръ, не имѣетъ права опредѣлять

судьбу своего творенія на случай своей смерти на томъ основаніи, что сообщеніемъ своихъ идей онъ обнаружилъ намѣреніе дать имъ продолжительное существованіе, и что, вводя ихъ въ кругъ идейпублики, онъ уже не можетъ взять ихъ обратно. Совершенно справедливо. Но дѣло въ томъ, что кромѣ идей авторъ даетъ публикѣ еще нѣчто другое, и это другое подлежитъ его неограниченному господству. Всякое сочиненіе представляетъ собою не однѣ разрозненныя мысли, витающія въ пространствѣ безъ опредѣленнаго назначенія, а мысли, воплощенныя въ извѣстную форму, расположенныя въ извѣстной логической связи, построенныя по напередъ придуманному плану и имѣющія видъ строго очерченнаго, замкнутаго цѣлаго. Въ этомъ видѣ мысли его являются уже вещью видимою, ощущаемою, словомъ вещью, имѣющею реальное бытье. Эта то вещь и есть твореніе автора, его собственность; изъ нея онъ можетъ дѣлать любое употребленіе, какое только допускается ея природой. Пусть выраженныя въ литературномъ произведеніи отдѣльныя мысли становятся общественнымъ достояніемъ; пусть обнародованіе ихъ отнимаетъ у автора право на нихъ, но ихъ внѣшняя, видимая и ощущаемая связь, ихъ наглядное очертаніе, ихъ такъ сказать тѣлесная оболочка принадлежитъ самому автору и будетъ принадлежать ему до тѣхъ поръ, пока его право на нея не утратится посредствомъ законнаго способа прекращенія собственности.

Далѣе Ренуаръ полагаетъ, что авторъ уже при жизни достаточно вознаграждается за свое произведеніе вліяніемъ, почетомъ, а иногда и матеріальными выгодами. Хотя доводъ этотъ далеко нельзя назвать юридическимъ, такъ какъ онъ относится скорѣе къ области морали, чѣмъ права, но и онъ грѣшитъ противъ дѣйствительности. Весьма немногимъ литераторамъ достаются въ удѣлъ почетъ, вліяніе и матеріальное обезпеченіе. Такихъ счастливцевъ можно перечесть по пальцамъ. Огромное же большинство ихъ обыкновенно бываетъ жертвой нужды, равнодушія общества и административныхъ притѣсненій и преслѣдованій. Развѣ великій Галилей не сидѣлъ въ тюрьмѣ за свое замѣчательное от-

крытіе? Развѣ многіе другіе весьма извѣстные писатели не были изгоняемы изъ своего отечества за свои сочиненія, къ которымъ потомство относилось съ уваженіемъ и благодарностью? Да едва ли какое государство не только средневѣковое, но и новѣйшее вполнѣ свободно отъ упрека въ подобныхъ преслѣдованіяхъ. Достаточно заглянуть въ страницы исторіи Франціи, этой наипросвѣщеннѣйшей страны стараго и новаго свѣта, чтобы убѣдиться, какъ часто писатели ея вынуждены были совершать невольные вояжи по чужимъ краямъ, дабы уйдти отъ отечественной бастиліи или другихъ французскихъ тюремъ. А почетъ и вліяніе?—Да въ чемъ же они выражаются? спросимъ мы на это. Стоитъ только писателю пойдти въ своемъ сочиненіи противъ общественнаго настроенія, не попасть въ тонъ читателямъ, и ему нѣтъ другой награды, кромѣ вражды, ненависти и охлажденія къ нему общества. Пущенныя въ ходъ идеи часто глубоко западаютъ въ душу читателей и общества, пускаютъ въ ихъ сердцахъ и умахъ крѣпкіе корни, ростутъ въ нихъ и зрѣютъ, а самъ виновникъ ихъ, вмѣсто благодарности за оказанное имъ благодѣяніе обществу, нерѣдко вынужденъ спасаться отъ преслѣдованій послѣдняго бѣгствомъ и скитаніемъ на чужбинѣ безъ средствъ и крова, или даже, оставаясь въ своемъ отечествѣ и пользуясь признаніемъ своихъ литературныхъ заслугъ, онъ тѣмъ не менѣе долженъ кое-какъ сводить концы съ концами и вести полубѣдную, а иногда и совсѣмъ голодную жизнь. Не это ли почетъ и вліяніе, ради которыхъ авторъ долженъ отказаться отъ наслѣдственной и неограниченной собственности на свое произведеніе? Но оставимъ эти житейскіе счеты и возвратимся къ аргументаціи Ренуара.

Законъ, касающійся этой матеріи, говоритъ онъ, *только тогда будетъ хорошъ, когда онъ не будетъ приносить въ жертву ни права авторовъ праву общества, ни права общества праву авторовъ.* Это положеніе необходимо вытекаетъ изъ предшествующихъ двухъ. Если существуютъ эти два права, то оба они должны пользоваться одинаковою защитой. Полное примиреніе ихъ—вотъ въ чемъ задача за-

конодателя и вотъ принципъ, положенный въ основу почти всѣхъ законовъ объ авторскомъ правѣ. Что авторъ имѣетъ право на свое сочиненіе, въ этомъ Ренуаръ не сомнѣвается; но вопросъ въ томъ, какое это право, временное или вѣчное? Вѣчность этого права имѣетъ много сторонниковъ. Она защищалась д'Эрикуромъ, Дидеро, Лэнге, Вольтеромъ, генералъ-адвокатомъ Сегье и сотнею другихъ. Выраженіе *литературная собственность* вошло въ общее употребленіе и мнѣніе сторонниковъ ея оказало столь сильное вліяніе, что даже редакторы законовъ, ограничивающихъ авторское право извѣстнымъ періодомъ времени, сочли своею обязанностью начать съ того, что изъ всѣхъ видовъ собственности они объявили эту собственность самою священною, самою законною и самою неприкосновенною. Тѣмъ не менѣе законодательства всѣхъ народовъ, кромѣ Англіи (въ силу commun law) и Голландіи (съ 1796 — 1811 и съ 1814—1817 г.) ограничиваютъ авторское право извѣстнымъ временемъ.

«Еслибъ мнѣ пришлось, говоритъ Ренуаръ, выбирать болѣе авторитетное между этими явленіями, то я не колеблясь сказалъ бы, что всемірная практика просвѣщенныхъ націй должна имѣть гораздо большій вѣсъ, чѣмъ единомысліе теоретиковъ, хотя бы оно было и полное. Въ самомъ дѣлѣ, достойно удивленія, что практика, господствующая нераздѣльно, идетъ противъ признанныхъ идей, противорѣчитъ образцовымъ фразамъ, дѣйствуетъ наперекоръ излюбленному тезису, принятому и проповѣдываемому почти всѣми писателями. Кто-нибудь тутъ непремѣнно находится подъ вліяніемъ предубѣжденія, которое слѣдуетъ искоренить, подъ вліяніемъ господствующаго заблужденія, которое нужно разсѣять».

Чтобы не походить на тѣхъ сторонниковъ литературной собственности, которые ради признанія ея существованія готовы на всевозможные уступки, сводящія ее къ временному праву, Ренуаръ обращается къ разсмотрѣнію основныхъ принциповъ авторскаго права. Бли-

жайшій путь для разрѣшенія сомнѣній насчетъ этого права есть опредѣленіе того, что такое собственность. «Она, говоритъ онъ, какъ обыкновенно всѣми принято опредѣлять ее, есть всецѣлое и безусловное право на вещи, пріобрѣтаемыя чрезъ первую оккупацію, мѣну, договоръ со включеніемъ купли-продажи, дареніе, естественное преемство, опредѣляемое волею закона, и завѣщательное преемство, опредѣляемое волею человѣка». Оставляя въ сторонѣ высокопарныя разсужденія Ренуара о святости права собственности, его назначеніи, субъектѣ и т. д., переходимъ прямо къ его разсужденіямъ объ авторскомъ правѣ. Всѣ вещи въ природѣ, продолжаетъ онъ, можно разбить на два класса: подлежащія и не подлежащія освоенію единичныхъ лицъ. Къ какому же изъ этихъ двухъ классовъ слѣдуетъ отнести произведенія ума, труды наукъ, литературы и искусствъ? «Что такое эти произведенія, эти труды?—Новая комбинація результатовъ мысли. Но можно ли сомнѣваться, что мысль по существу своему не поддается никакому исключительному освоенію? Переходя въ другіе умы, она не перестаетъ принадлежать уму, изъ коего она исходитъ; она подобна огню, который, распространяясь и сообщаясь далѣе, не слабѣетъ въ очагѣ.

«Изъ того что ограниченіе мысли исключительнымъ освоеніемъ не необходимо, родъ человѣческій въ правѣ заключить, что оно не дозволено. Пусть поле, плодъ, и вообще предметъ, природа коего допускаетъ освоеніе, будутъ предоставлены всѣмъ или всѣ разомъ захотятъ овладѣть ими; въ этомъ случаѣ никто ими не воспользуется. Напротивъ, распространеніе мысли, далеко не вредя ей, укрѣпляетъ, увеличиваетъ и размножаетъ ее; будучи счастливъ, что всѣ могутъ пользоваться ею, родъ человѣческій почерпаетъ въ ней свое достоинство и свою жизнь. Распространять, улучшать, восполнять ее, вотъ въ чемъ заключается наибольшій прогрессъ человѣчества».

Авторъ несомнѣнно имѣетъ полное право желать, чтобы дѣти его воспользовались его твореніемъ. «Но пусть осте-

регутся! самыя прекрасныя истины вырождаются и рушатся, если ихъ преувеличиваютъ. Трудъ отцовъ долженъ идти въ прокъ дѣтямъ; но давая право неопредѣленной собственности на предметы, существо коихъ не требуетъ, чтобъ они навсегда оставались въ исключительномъ обладаніи, не слѣдуетъ давать поводъ говорить, что трудъ отцовъ имѣетъ своимъ результатомъ безсрочное и безпредѣльное поощреніе праздности дѣтей въ ущербъ всего общества. Простирать передачи путемъ наслѣдства за предѣлы тѣхъ случаевъ, когда наслѣдство неизбѣжно, это значитъ идти далѣе закрѣпленія собственности, это значитъ основать дворянство, это значитъ воздвигнуть на развалинахъ общаго права изъятія и милости, отвергаемыя нашимъ соціальнымъ строемъ» (стр. 437—449).

Вотъ къ какимъ ужасамъ, по мнѣнію Ренуара, приведетъ вѣчность авторскаго права. Допустимъ, что наслѣдственная собственность на сочиненіе будетъ поощрять праздность и тунеядство потомства въ ущербъ обществу. Но разсуждая такъ, нужно быть послѣдовательнымъ, нужно признать вмѣстѣ съ тѣмъ, что къ тѣмъ же результатамъ приводитъ преемственный переходъ въ одномъ и томъ же родѣ вотчинъ, помѣстій и другихъ недвижимостей. Слѣдовательно, Ренуару нужно было бы сказать, что потомственная собственность не только на сочиненія, но и на всякія другія вещи вредно отзывается на интересахъ общества и поощряетъ тунеядство людей, получившихъ эти вещи путемъ наслѣдства. Мы не сомнѣваемся, что онъ съ благочестивымъ ужасомъ отшатнулся бы отъ такого антиюридическаго заключенія; тѣмъ не менѣе оно прямо вытекаетъ изъ его доводовъ. Да и что теряетъ общество отъ такой наслѣдственности сочиненія? Рѣшительно ничего. Мысли, какъ это признаетъ и Ренуаръ, будучи разъ обнародованы, остаются въ немъ навсегда и уже не могутъ быть взяты обратно. Усвоенныя изъ изданнаго сочиненія, они перерабатываются, развиваются и распространяются не только безъ всякаго участія автора этого сочиненія, но быть мо-

жетъ, и въ противность его волѣ. Еслибъ авторъ извлекъ изъ продажи свое сочиненіе, то онъ отнялъ бы у общества не мысли свои, а лишь форму ихъ, слѣдовательно, не причинилъ бы ему ни малѣйшаго ущерба. Точно также не причинитъ ему ни малѣйшаго ущерба и то, что сочиненіе будетъ принадлежать потомству автора, которое будетъ воспроизводить и продавать его въ свою пользу. Предположимъ, что льготный срокъ наслѣдниковъ истекъ и сочиненіе стало общественнымъ достояніемъ. По воззрѣнію противниковъ литературной собственности, это моментъ, когда общество получаетъ возможность безвозмездно пользоваться этимъ достояніемъ. Дѣйствительно ли это такъ? Нѣтъ, общество по отношенію къ нему остается въ томъ же положеніи, въ какомъ оно было до этого момента. Безвозмездностью пользуются только издатели, у которыхъ общество покупаетъ отдѣльные экземпляры точно также, какъ оно покупало ихъ у автора и его наслѣдниковъ. Спрашивается теперь, не справедливѣе-ли, чтобъ доходъ, выручаемый отъ продажи этихъ экземпляровъ, шелъ въ пользу лицъ, связанныхъ съ авторомъ единствомъ происхожденія и крови, чѣмъ въ пользу торгашей, не только не принимавшихъ ни малѣйшаго участія въ составленіи сочиненія, но и не имѣвшихъ никакой связи съ авторомъ? Но чтобы вы, защитники литературной собственности, ни говорили, возражаетъ Ренуаръ, вы не въ состояніи уничтожить того знаменательнаго факта, что законодательства всѣхъ государствъ отвергаютъ наслѣдственность авторскаго права. Это доводъ отвѣтимъ мы, который сохраняется всегда про запасъ. Къ нему обыкновенно прибѣгаютъ, когда истощатся или окажутся безсильными всѣ соображенія, построенныя по логическимъ законамъ мышленія. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть проще? весь міръ держится извѣстнаго начала, слѣдовательно, оно справедливо и цѣлесообразно. Но развѣ не такъ разсуждали въ древности, защищая институтъ рабства? Развѣ не тоже возраженіе встрѣчали проповѣдники христіанскихъ догматовъ, громившіе язычество

и его нравственный кодексъ? Развѣ не тоже могли возразить лицамъ, добивавшимся отмѣны крѣпостнаго права и феодальныхъ порядковъ? Во всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ случаяхъ можно было сказать, да быть можетъ и говорили, что такъ дѣлается вездѣ, слѣдовательно, такъ и должно быть. Но доводъ этотъ слишкомъ самъ за себя говоритъ, чтобы стоило останавливаться на его опроверженіи. Пусть имъ пользуются люди, не знающіе другой мудрости, кромѣ будничной; пусть для нихъ онъ составляетъ омегу всякихъ наукъ; ученаго же, обозрѣвающаго историческіе и современные факты такъ сказать съ высоты птичьяго полета, подобныя возраженія могутъ скорѣе унизить чѣмъ возвысить; вмѣсто того, чтобъ отыскать и указать законъ, управляющій данными явленіями, онъ самыя явленія называетъ закономъ только потому, что они повторяются повсемѣстно.

Но вся бѣда въ томъ, что Ренуаръ не хочетъ признать за формою мысли самостоятельнаго существованія. Онъ считаетъ ее нераздѣльною частью самой мысли, ея внѣшнимъ проявленіемъ, обладающимъ совершенно такими же свойствами, какъ и сама мысль. Какъ эта послѣдняя можетъ быть безпрепятственно освоиваема и передаваема всякимъ, такъ и форма ея можетъ быть пріобрѣтаема и воспроизводима всякимъ желающимъ, потому что она есть сама мысль въ ея внѣшнемъ выраженіи (стр. 449 — 450). Но еслибъ между мыслью и ея формой существовала такая тѣсная связь, то съ прекращеніемъ одной прекратилась бы и другая. Стоило бы автору или кому другому, напримѣръ правительству, желающему уничтожить нравственное вліяніе данной книги на настроеніе умовъ, скупить и конфисковать всѣ экземпляры этой книги какъ распроданные, такъ и не распроданные, чтобы всѣ изложенныя въ ней мысли были совершенно уничтожены. Но вѣдь самъ Ренуаръ утверждаетъ, что такое уничтоженіе невозможно; мысль, разъ проявившаяся во внѣ, не можетъ быть взята обратно; вы можете отнять у меня книгу, но вы не вырвете изъ моей головы заимствованныхъ изъ этой книги мыслей. Да-

лѣе если бы существовала такая тѣсная, неразрывная связь между мыслью и ея формой, то послѣдняя не могла бы такъ безконечно видоизмѣняться, какъ она въ дѣйствительности видоизмѣняется. Кѣмъ бы мысль ни была воспринята, ктобъ ее не проявлялъ во внѣ, она всегда будетъ одна и та же, она ни на іоту не измѣнитъ своего существа, своего содержанія; но ея внѣшняя форма мѣняется и будетъ мѣняться безконечно по мѣрѣ того, какъ ее будутъ выражать различныя личности. Эта внѣшняя форма есть продуктъ чисто субъективной, индивидуальной дѣятельности, есть результатъ не пользованія общественнымъ капиталомъ, а примѣненія личныхъ силъ и способностей. Въ романахъ Тургенева, Гончарова, Писемскаго, въ комедіяхъ Гоголя, въ стихотвореніяхъ Пушкина и Лермонтова читатель едвали встрѣтитъ много мыслей, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ исключительно этимъ литераторамъ; но за то внѣшняя форма этихъ мыслей до того своеобразна, до того типична, что достаточно разъ ее прочесть или прослушать, чтобы безъ всякихъ колебаній признать въ ней дѣло генія или таланта единичнаго лица. Какимъ дикимъ диссонансомъ зазвучали бы въ ушахъ всякаго почитателя названныхъ литераторовъ слова, что изящная, высокохудожественная форма, въ которую облечены ихъ произведенія, есть принадлежность всего общества, а не ихъ личности; что еслибъ они хотѣли оставаться полными собственниками этой формы, то не должны были бы показывать ее обществу.

Уже выше мы говорили, что форма мысли не есть нѣчто отвлеченное, воображаемое, мыслимое, а имѣетъ реальное бытье; она состоитъ изъ связи звуковъ, которыхъ мы воспринимаемъ внѣшнимъ чувствомъ слуха, и изъ связи знаковъ или буквъ, которыхъ мы видимъ и воспринимаемъ внѣшнимъ чувствомъ зрѣнія; отъ сочетанія этихъ звуковъ и этихъ знаковъ, воспринимаемыхъ внѣшними чувствами, въ представленіи человѣка возникаетъ одинъ или цѣлый рядъ образовъ, точно также какъ тоже возникаетъ и отъ сочетанія впечатлѣній, производимыхъ предметами внѣшней природы;

тотъ предметъ, представленіе о которомъ мы получаемъ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, мы называемъ вещью, *res*; то, что мы представляемъ себѣ безъ помощи этихъ чувствъ, мы называемъ идеею, мыслью, чувствомъ. Такъ какъ форма мысли не можетъ быть освоена безъ помощи внѣшнихъ чувствъ, то мы имѣемъ полное основаніе назвать ее вещью. Ниже мы постараемся доказать, что форма эта имѣетъ значеніе вещи и для гражданскаго оборота. А теперь послѣдуемъ далѣе за Ренуаромъ, чтобы исчерпать всѣ доводы, приводимые имъ въ защиту своего отрицанія литературной собственности. Мы особенно подробно останавливаемся на воззрѣніяхъ этого писателя именно потому, что господствующій нынѣ взглядъ на авторское право нашелъ себѣ въ его сочиненіи наиболѣе полное выраженіе. Опровергая его доводы, мы вмѣстѣ съ тѣмъ опровергаемъ и всѣхъ его послѣдователей.

Не признавая за авторомъ права собственности на его сочиненіе, Ренуаръ естественно долженъ былъ прійдти къ отрицанію самого названія литературной собственности. Слова, говоритъ онъ, имѣютъ огромную важность; если они не вѣрны, то и въ обозначаемыхъ ими понятіяхъ произойдетъ путанница. «Я не боюсь сказать, что предразсудки, затемняющія разсматриваемый нами предметъ, получаютъ свою главную силу отъ того, что писатели, заинтересованная сторона въ этомъ спорѣ, дали выраженію *литературная собственность* право гражданства и этимъ пріучили умы къ своимъ притязаніямъ».

По его мнѣнію, англійское выраженіе *copy right* (право копировать) и нѣмецкое *Verlagsrecht* (право изданія) гораздо вѣрнѣе. Въ нихъ первый источникъ мысли не смѣшивается съ ея воспроизведеніемъ, а матеріальная собственность на всякій изъ экземпляровъ съ интеллектуальнымъ обладаніемъ его содержаніемъ; между тѣмъ какъ въ выраженіи *литературная собственность* все это перепутывается между собою (стр. 455—457).

Но и въ этомъ отношеніи можно поспорить съ Ренуа-

ромъ. Если слова выражаютъ извѣстныя понятія, то только потому, что люди согласились или привыкли связывать съ ними эти именно, а не другія понятія. Равнымъ образомъ и термины получаютъ извѣстный, строго опредѣленный смыслъ только потому, что ихъ привыкли принимать за выраженіе строго опредѣленныхъ понятій. Если совокупность правъ, принадлежащихъ автору, согласились назвать литературною собственностью, то подъ этимъ названіемъ должна разумѣться только эта совокупность, а не смѣсь того, что указываетъ Ренуаръ. Путать термины и прилагать ихъ къ несоотвѣтствующимъ понятіямъ свойственно лишь людямъ, вовсе не посвященнымъ въ дѣло или не получившимъ спеціальнаго образованія. Такихъ людей не спасетъ отъ заблужденія никакая терминологія. Вѣдь называетъ же Локре право издателя на отпечатаніе и распродажу извѣстнаго количества экземпляровъ правомъ собственности; а между тѣмъ въ окончательномъ результатѣ своей аргументаціи онъ совершенно сходится съ Ренуаромъ. Но независимо отъ этихъ соображеній, мы считаемъ это названіе вполнѣ пригоднымъ именно потому, что оно обозначаетъ совокупность такихъ правомочій автора, въ которыхъ выражается именно право собственности, а не иное какое либо право. Неограниченная власть распоряжаться формою своего сочиненія, исключать пользованіе всякаго третьяго лица этою формой, возстановлять свое нарушенное владѣніе ею обычными средствами возстановленія собственности и владѣнія, конечно на сколько эти средства примѣнимы къ подобному нарушенію, развѣ всѣ эти правомочія не выражаютъ собою именно права собственности, а не иное какое либо право?

Но если, какъ думаетъ Ренуаръ, созданіе книги не даетъ творцу ея права собственности на нее, а лишь право на вознагражденіе, то спрашивается: на какомъ основаніи онъ можетъ требовать такого вознагражденія? Потому, отвѣчаетъ Ренуаръ, что онъ своею книгою оказываетъ услугу обществу (стр. 457—460) и за эту услугу можетъ вполнѣ

основательно ожидать справедливаго возмездія. «Къ какому классу, продолжаетъ далѣе Ренуаръ, принадлежатъ авторы? Отвѣтъ нашъ уже извѣстенъ. Мы не причисляемъ ихъ къ тѣмъ баловнямъ Провидѣнія, на долю коихъ выпало удержаніе части матеріальныхъ вещей, находящихся въ исключительномъ обладаніи нѣкоторыхъ. Они стоятъ, и въ этомъ ихъ слава, во главѣ тѣхъ, кои живутъ мѣною своихъ трудовъ и услугъ на матеріальные предметы, принадлежащіе другимъ въ собственность. Необходимо, чтобъ этотъ трудъ, какъ и всякій другой, оплачивался и чтобъ онъ вознаграждался матеріальною цѣною. Лишить рабочаго его заработка всегда несправедливо. По отношенію же къ автору, этому первѣйшему рабочему, этому виновнику главнаго благо человѣчества: широчайшаго, быстрѣйшаго и полнѣйшаго обращенія идей, это было бы неблагодарностью; это значило бы путемъ самаго близорукаго разсчета обрекать на безплодіе обильнѣйшую мину богатствъ, источникъ всѣхъ богатствъ; это повело бы къ соціальной сумятицѣ» (стр. 460).

Въ чемъ же должно выражаться это вознагражденіе? Указывая на различныя неудобства, сопряженныя съ вознагражденіемъ со стороны общественной власти, Ренуаръ приходитъ къ тому заключенію, что лучшее мѣрило достоинства книги, слѣдовательно значенія и важности оказанной авторомъ ея услуги есть сама публика; въ покупкѣ ею отдѣльныхъ экземпляровъ книги и выражается вознагражденіе, соотвѣтствующее достоинству услуги автора. Правда, произвольно назначаемая имъ цѣна этимъ экземплярамъ имѣетъ видъ налога; но хотя самъ по себѣ налогъ всегда сопряженъ съ неудобствами для публики, тѣмъ не менѣе, когда онъ доставляетъ болѣе, чѣмъ отнимаетъ, то онъ можетъ быть названъ справедливымъ. Въ данномъ случаѣ, доставляя автору матеріальную поддержку, онъ даетъ книгѣ возможность появиться въ свѣтъ и принести обществу свою долю пользы, что, конечно, стоитъ больше платимаго автору налога. Затѣмъ, Ренуаръ разсматриваетъ два способа, коими налогъ этотъ, по его мнѣ-

нію, можетъ быть взимаемъ: 1) это запрещеніе всякому иному, кромѣ самого автора и его юридическаго преемника, воспроизводить и продавать сочиненіе; 2) предоставленіе этого права всякому подъ условіемъ уплаты извѣстнаго оброка автору. Первая система установляетъ привилегію, вторая — ренту. Ренуаръ доказываетъ, что эта послѣдняя, кромѣ другихъ неудобствъ, представляетъ непобѣдимыя трудности при самомъ взиманіи и что она потому отвергается всѣми законодательствами, усвоившими вмѣсто того систему привилегій, предназначенныхъ къ охраненію монополіи эксплоатаціи самимъ авторомъ или его юридическими преемниками. Всѣ дѣйствующія нынѣ законодательства, говоритъ онъ, усвоивая эти привилегіи, пожелали, чтобъ они были временны. Практическіе мотивы этого желанія были указаны высокимъ умомъ Наполеона I въ одномъ изъ засѣданій государственнаго совѣта отъ 2 Сентября 1808 г. (стр. 461—466).

Приводимъ дословно это пресловутое мнѣніе великаго полководца, съ своею обычною легкостью и смѣлостью разрубившаго одинъ изъ гордіевыхъ узловъ въ гражданскомъ правѣ, именно опредѣленіе характера и пространства авторскаго права.

«Вѣчность собственности въ семействахъ авторовъ, говоритъ Наполеонъ, приведетъ къ неудобствамъ. Литературная собственность есть собственность безтѣлесная, которая, будучи теченіемъ времени и преемственными переходами раздроблена между множествомъ индивидовъ, кончится нѣкоторымъ образомъ тѣмъ, что перестанетъ существовать для всѣхъ; ибо какимъ образомъ большое число собственниковъ, часто далеко другъ отъ друга живущихъ и спустя нѣсколько поколѣній едва знающихъ другъ друга, согласятся и подѣлятъ между собою расходы на перепечатку общаго имъ автора? А между тѣмъ, если это имъ не удастся и если имъ однимъ будетъ принадлежать право изданія, то лучшія книги незамѣтно выйдутъ изъ обращенія.

«Кромѣ того, представится другое, не менѣе важное

неудобство. Прогрессъ просвѣщенія будетъ остановленъ, такъ какъ комментировать и дѣлать примѣчанія къ сочиненіямъ не будетъ дозволено; толкованія, примѣчанія и комментаріи не могутъ быть отдѣлены отъ текста, на печатаніе котораго не имѣютъ права.

«Сверхъ того, сочиненіе доставило автору и его наслѣдникамъ всѣ выгоды, которыя онъ по естественному ходу вещей могъ отъ него ожидать, если онъ обладалъ исключительнымъ правомъ продавать его въ теченіи всей своей жизни, а наслѣдники въ теченіи десяти лѣтъ, слѣдовавшихъ за его смертью.

«Впрочемъ, если хотятъ оказать вдовѣ и дѣтямъ автора еще большее покровительство, то пусть ихъ собственность продлятъ до 20 лѣтъ» (стр. 387—388).

Мнѣніе это особенно нравится противникамъ литературной собственности и съ ихъ стороны встрѣчаетъ самое живое сочувствіе. Но сколько бы они имъ не восхищались, оно не въ состояніи выдержать научнаго испытанія и при прикосновеніи строгой критики превращается въ мыльный пузырь. Впрочемъ, прежде, чѣмъ мы займемся опроверженіемъ его, остановимся на доводахъ, приведенныхъ Ренуаромъ относительно оказываемой авторомъ услуги обществу.

Не говоря о томъ, что далеко не всякую книгу можно разсматривать, какъ услугу обществу, что нерѣдко читателю приходится сожалѣть о даромъ потраченныхъ деньгахъ и времени на покупку и прочтеніе книги, мы обратимъ вниманіе лишь на то, что оказанная услуга предполагаетъ, съ одной стороны, явное или подразумѣваемое приглашеніе предпринять данное дѣйствіе съ цѣлью оказанія услуги, а съ другой — согласіе на совершеніе этого дѣйствія, однимъ словомъ, предполагаетъ обоюдную сдѣлку, которая одной сторонѣ даетъ право требовать, а на другую возлагаетъ обязанность давать вознагражденіе за оказанную услугу. Во взаимныхъ отношеніяхъ автора къ публикѣ ни одного изъ этихъ элементовъ не существуетъ. Авторъ создаетъ свое произведеніе безъ вѣдома и согласія

публики, которая узнаетъ о составленномъ имъ сочиненіи лишь съ момента обнародованія послѣдняго. Публика покупаетъ или не покупаетъ это сочиненіе, смотря потому, соотвѣтствуетъ ли оно ея вкусамъ и потребностямъ или нѣтъ. Однимъ словомъ, взаимныя отношенія тутъ таковы же, какъ и при куплѣ-продажѣ всякаго инаго товара. Если авторъ, предлагая публикѣ свой продуктъ, оказываетъ ей услугу, то такую же услугу оказываетъ ей и всякій купецъ, и слѣдовательно, придерживаясь мнѣнія Ренуара, необходимо было бы поставить на одну доску и купца и автора, и подчинить авторскія права законамъ, регулирующимъ торговлю вообще.

Но очевидно, что подобныя отношенія автора къ публикѣ нисколько не уясняютъ не только существа авторскихъ правъ, но и нынѣшняго отношенія къ нимъ положительныхъ законодательствъ.

Еслибъ авторъ пользовался защитою закона единственно въ смыслѣ возмездія за оказанную имъ услугу обществу, то достаточно было бы гарантировать ему исключительное право продажи перваго изданія, такъ какъ количествомъ отпечатанныхъ экземпляровъ онъ самъ показалъ, во что онъ цѣнитъ свою услугу и, слѣдовательно, за сколько онъ готовъ уступить ее обществу. Покупкою изданныхъ экземпляровъ общество пріобрѣло бы право собственности на данное сочиненіе и могло бы распорядиться имъ по своему произволу. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, всѣ положительныя законодательства цивилизованныхъ государствъ гарантируютъ автору исключительное право продажи не одного, а неопредѣленнаго числа изданій и притомъ не только самому автору лично, но и его наслѣдникамъ въ теченіе извѣстнаго срока. Очевидно, что *ratio* такихъ законоположеній заключается вовсе не въ стремленіи вознаградить автора за оказанную услугу, такъ какъ установленіе одного общаго мѣрила для оцѣнки такой услуги привело бы къ полнѣйшему абсурду, а въ чемъ-то другомъ, чего Ренуаръ и его послѣдователи не могутъ или не хотятъ уяс-

нить себѣ. Давая авторамъ и ихъ наслѣдникамъ привилегію, заключающуюся въ исключительномъ правѣ эксплоатаціи даннаго сочиненія, положительныя законодательства, если только они дѣйствительно руководствуются мыслью о возмездіи за оказанныя услуги, поступаютъ въ высшей степени несправедливо, третируя всѣхъ авторовъ одинаково. Очевидно, напримѣръ, что услуга автора поваренной книги и услуга автора ученаго сочиненія, открывающаго новую отрасль знанія, далеко не уравновѣшиваютъ другъ друга, а между тѣмъ оба они пользуются одинаковыми правами по отношенію къ своимъ произведеніямъ.

Но независимо отъ этихъ соображеній, положеніе, въ которое Ренуаръ и его послѣдователи ставятъ автора, приводитъ къ отрицанію за послѣднимъ какого бы то ни было первоначальнаго права. Развивая далѣе ихъ теорію, оказывается, что авторъ пользуется извѣстными преимуществами по отношенію къ своимъ сочиненіямъ именно потому, что законодателю угодно было дать ихъ. Преимущества эти стало быть не болѣе, какъ милость, оказываемая автору ради поощренія трудолюбія, и въ этомъ качествѣ она можетъ быть всегда отнята у него. Стоитъ только, чтобы господствующее нынѣ благосклонное отношеніе къ писателямъ измѣнилось и чтобы законодатель нашелъ литературныя произведенія не заслуживающими никакого поощренія, и авторъ будетъ лишенъ и тѣхъ немногихъ правъ, которыми онъ пользуется теперь. Такимъ образомъ положеніе писателя представляется въ гораздо худшемъ видѣ, чѣмъ положеніе всякаго инаго не только непосредственнаго производителя матеріальныхъ вещей, но и преемственнаго пріобрѣтателя послѣднихъ. Земледѣлецъ, столяръ и всякій иной ремесленникъ, произведши вещь, тѣмъ самымъ пріобрѣтаютъ на нее неотъемлемое право собственности и притомъ не милостью закона, а силою самаго факта производства этой вещи, лишь признаваемаго и защищаемаго закономъ. Еслибъ законодатель отказалъ этому факту въ признаніи, то онъ пошатнулъ бы одну изъ главнѣйшихъ

основъ общежитія и сдѣлалъ бы невозможнымъ существованіе самого государства. Напротивъ того, писатель, создающій новое литературное произведеніе, слѣдовательно, производящій новую, еще не существовавшую вещь, получаетъ на эту послѣднюю, по мнѣнію противниковъ литературной собственности, не полное господство, а лишь временное пользованіе, обусловленное терпимостью и благосклонностью законодателей; эти послѣдніе, думаютъ они, ради поощренія автора лишь отсрочиваютъ осуществленіе правъ, принадлежащихъ обществу на данное литературное произведеніе съ самаго момента обнародованія послѣдняго. Такимъ образомъ, созданіе литературнаго произведенія, весьма часто дающаго толчокъ прогрессивному движенію всего человѣчества, открывающаго новые міровые законы и обусловливающаго своимъ появленіемъ безконечный рядъ новыхъ открытій, ставится этими противниками ниже созданія какой-нибудь иной матеріальной вещи, нерѣдко обязанной своимъ появленіемъ именно созданію даннаго литературнаго произведенія. Если я выстроилъ домъ, разбилъ на своей землѣ садъ, состроилъ машину и т. п., то я пріобрѣтаю полное и потомственное право собственности на эти вещи; но если я сочинилъ книгу, написалъ и отпечаталъ статью въ журналѣ или газетѣ, то я не получаю никакого права ни на эту книгу, ни на эту статью; но чтобы ради этого я не бросилъ писать и чтобы дать мнѣ возможность не умерѣть съ голоду, такъ какъ составленіе книгъ и вообще литературныхъ произведеній требуетъ очень много времени, напряженнаго вниманія и труда, то мнѣ, въ видѣ милости, даютъ привилегію исключительнаго права воспроизведенія и продажи мною же созданной вещи. Хороша логика! Къ чести современныхъ законодательствъ, они вовсе не солидарны съ нею, и если отказываютъ автору въ потомственной собственности на его произведеніе, то въ силу другихъ соображеній, о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

Обратимся теперь къ мнѣнію Наполеона I, дословно

приведеннаго выше, и посмотримъ, дѣйствительно ли онъ, какъ увѣряютъ Ренуаръ и Гарумъ, попалъ прямо въ сердце вопроса и единственно съ помощью своего здраваго смысла разрѣшилъ его именно такъ, какъ и слѣдовало разрѣшить.

Литературная собственность, говоритъ Наполеонъ, есть собственность безтѣлесная; но уже выше мы доказали, что литературныя произведенія нельзя причислять къ вещамъ безтѣлеснымъ, что они имѣютъ наружную оболочку, по которой могутъ быть распознаваемы и отличаемы отъ другихъ однородныхъ съ ними вещей. Далѣе Наполеонъ полагаетъ, что преемственные переходы и раздробленіе этой собственности приведутъ къ невозможности для самихъ наслѣдниковъ автора пользоваться его произведеніемъ. Но такая заботливость законодателя выходитъ изъ предѣловъ его обязанностей. Въ дѣйствительной жизни очень часто случается, что имущество, нераздѣльное по самой природѣ своей, или по закону, достается по наслѣдству нѣсколькимъ лицамъ совокупно. Хотя такое общее владѣніе представляетъ очень много неудобствъ для самихъ владѣльцевъ, но на этомъ основаніи ни одинъ законодатель не считаетъ себя въ правѣ отнимать такое имущество у владѣльцевъ и дѣлать его общественнымъ достояніемъ. Онъ оставляетъ его въ общемъ владѣніи до тѣхъ поръ, пока совладѣльцы находятъ это удобнымъ для себя и не требуютъ вмѣшательства власти для производства между ними раздѣла. Тоже слѣдуетъ сказать о литературномъ произведеніи, доставшемся по наслѣдству нѣсколькимъ лицамъ вмѣстѣ. Они владѣютъ имъ сообща, пока находятъ это удобнымъ для себя; а затѣмъ они производятъ между собою полюбовно или чрезъ посредство суда дѣлежъ. Слѣдовательно неудобства, о которыхъ говоритъ Наполеонъ, не касаются вовсе ни общества, ни законодателя и легко устраняются обыкновенными цивильными способами производства раздѣла имущества, находящагося въ общемъ владѣніи.

И такъ, подобный способъ обладанія литературнымъ произведеніемъ вовсе не приведетъ къ тому, какъ думаетъ

Наполеонъ, что лучшія книги незамѣтно выйдутъ изъ обращенія. Эта опасность, какъ мы показали выше, рождается не изъ неограниченной литературной собственности, а изъ нынѣшняго отношенія къ ней положительныхъ законодательствъ. Если бы сочиненіе было наслѣдственнымъ достояніемъ, то въ сохраненіи его въ обращеніи ближе всего и болѣе всѣхъ заинтересованы были бы наслѣдники, для которыхъ оно представлялось бы не только памятью о своемъ предкѣ, но и источникомъ дохода. Между тѣмъ, благодаря господствующему нынѣ порядку, очень многія книги, обладающія несомнѣнными научными и другими достоинствами, съ теченіемъ времени становятся библіографическою рѣдкостью и постепенно забываются. Сверхъ того, противъ нерадѣнія наслѣдниковъ къ своимъ интересамъ существуетъ самое дѣйствительное средство, заключающееся въ давности; въ силу нея имущество, собственникъ котораго въ теченіе извѣстнаго промежутка времени явно или подразумѣваемо проявилъ свое нежеланіе владѣть имъ, поступаетъ въ разрядъ имуществъ ничьихъ.

Наполеонъ указываетъ еще на невозможность коментировать сочиненія, относительно коихъ не существуетъ свободы перепечатки. Но вѣдь и нынѣшнимъ порядкомъ это неудобство вовсе не устраняется и тѣмъ не менѣе на это никто не жалуется; напротивъ того, новѣйшими законами перепечатка чужаго сочиненія, хотя бы и съ цѣлью коментированія, преслѣдуется какъ контрафакція. Но независимо отъ этого жизнь находитъ средства обходить необходимость перепечатки, и новѣйшая критика, которая есть въ своемъ родѣ комментарій, очень часто даетъ до того подробный отчетъ о данномъ сочиненіи, что устраняетъ необходимость читать самый подлинникъ. Тѣмъ не менѣе въ этихъ случаяхъ авторъ не имѣетъ ни юридическаго, ни нравственнаго права преслѣдовать такого критика.

Что же касается до положенія Наполеона, будто авторъ, обладая при жизни исключительнымъ правомъ продажи своего сочиненія, извлекъ изъ него всѣ выгоды, которыя

по естественному порядку вещей онъ могъ отъ него ожидать, то слѣдуя такой логикѣ, нужно было бы отнимать дома, сады и вообще имущество, изъ котораго собственники по приблизительному разсчету извлекли уже всѣ обыкновенныя выгоды и съ лихвой возвратили потраченный на пріобрѣтеніе такого имущества капиталъ. Ограждая частное имущество отъ посягательства третьихъ лицъ, законодательство руководится главнымъ образомъ не заботою о томъ, чтобы частный собственникъ извлекъ изъ своего имущества всѣ возможныя выгоды, ибо въ такомъ случаѣ оно должно было бы отказывать въ своей защитѣ лицамъ, нежелающимъ или неумѣющимъ извлекать такихъ выгодъ, а единственно желаніемъ обезпечить юридическій порядокъ и неприкосновенность частнаго лица и имущества. Пользованіе же и извлеченіе выгодъ зависятъ вполнѣ отъ произвола и умѣнія частнаго хозяина, на котораго государство не въ правѣ оказывать никакого непосредственнаго давленія.

И такъ, пресловутое мнѣніе Наполеона I, приводимое Ренуаромъ въ подкрѣпленіе своего воззрѣнія, оказывается въ результатѣ до того шаткимъ, что не можетъ выдержать даже снисходительной критики, не говоря уже о строгой.

Но возвратимся снова къ разбираемому писателю, и чтобы покончить съ его воззрѣніемъ, остановимся еще на нѣкоторыхъ его соображеніяхъ и окончательномъ выводѣ изъ всѣхъ его предшествующихъ выводовъ. Выше мы видѣли, что задачу законодателя относительно регулированія авторскихъ правъ Ренуаръ полагаетъ въ примиреніи правъ автора съ правами общества. Справедливость требуетъ, думаетъ онъ, чтобы авторъ, оказавшій услугу обществу изданіемъ своей книги, получилъ за нее соотвѣтствующее вознагражденіе. Наиболѣе пригоднымъ и цѣлесообразнымъ вознагражденіемъ для автора со стороны общества можетъ быть только предоставленіе ему исключительнаго права воспроизведенія своего сочиненія; право это Ренуаръ считаетъ привилегіею и доказываетъ далѣе, что вѣчность такихъ привилегій повлечетъ за собою уничтоженіе правъ

общества (стр. 467—472). Предоставлять автору вѣчную монополію, значило бы другимъ путемъ прійдти къ послѣдствіямъ, тожественнымъ съ послѣдствіями права собственности, что повело бы къ дороговизнѣ книгъ и ихъ исчезновенію. «Вѣчная дороговизна книгъ, говоритъ онъ, безусловное разрушеніе всякой конкурренціи какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, замедляя обращеніе идей, причинили бы соціальному прогрессу смертельный вредъ. Не одно общество теряло бы отъ этого; это повело бы также къ уменьшенію славы и памяти объ авторѣ; самое дорогое и самое благородное его желаніе, именно желаніе распространенія его идей, было бы скомпрометировано и обмануто... Мгновенная дороговизна вслѣдствіе временныхъ привилегій имѣетъ свои неудобства, но объясняется необходимостью: вѣчность же дороговизны была бы неизлечимымъ зломъ».

Необходимость въ распространеніи хорошихъ сочиненій увеличила бы контрафакціи, которыя стали бы оттого единственнымъ коррективомъ вѣчной монополіи: «публичное потворство служило бы извиненіемъ преступленію, которое не можетъ быть терпимо, ибо оно опасно и пріучаетъ общественное мнѣніе презирать права частныхъ лицъ и законы. Постоянно открытая премія въ пользу заграничной промышленности задушила бы національную книжную торговлю и разрушила бы всѣ выгоды авторскихъ правъ ради обогащенія контрабанды. Когда привилегія только временна, то жертва не такъ велика и справедливость ея очевидна; не смотря на то и она можетъ быть охранена лишь путемъ неусыпной бдительности. Что же было бы, если бы привилегія не имѣла конца?»

Могутъ сказать, говоритъ Ренуаръ, что вѣчность авторскихъ правъ создастъ для семейства автора такое достояніе, которое навсегда избавитъ это семейство отъ нищеты и нужды. Многимъ аргументъ этотъ можетъ показаться вполнѣ уравновѣшивающимъ неисправимое зло, причиняемое памяти объ авторѣ вѣчною дороговизною его книги. «Но

для осуществленія этого аргумента слѣдовало бы запретить отчужденія, лишающія это семейство право на сочиненіе автора и дозволить ихъ самому автору лишь на ограниченное время; это было бы единственнымъ средствомъ избѣгнуть зрѣлища бѣдствующаго семейства автора рядомъ съ благоденствующимъ цессіонаріемъ».

Называя такой порядокъ вещей страннымъ и противорѣчащимъ общимъ законамъ, Ренуаръ перифразируетъ затѣмъ вышеприведенные доводы Наполеона I. «Всѣ эти гипотезы, продолжаетъ онъ, безумны. Если и случается, что знаменитое имя носятъ люди, обреченные на бѣдность, то это частныя несчастія, которыя могутъ быть исправляемы. Государство можетъ показать себя столь же великодушнымъ по отношенію къ національнымъ свѣтиламъ, какъ и Вольтеръ по отношенію къ семейству Корнеля... Когда сынъ наслѣдуетъ поле своего отца, когда покупатель наслѣдуетъ продавцу, когда наконецъ собственность передается другому какимъ бы то ни было способомъ, то новый собственникъ пріобрѣтаетъ во всемъ объемѣ права, принадлежавшія предшествующему собственнику; будучи безусловнымъ хозяиномъ своей вещи, онъ можетъ пользоваться или не пользоваться ею, онъ можетъ сохранить ее или уничтожить. Слѣдовательно сингулярные преемники въ собственности или привилегіи автора будутъ навсегда единственными законными собственниками всѣхъ экземпляровъ книги, изъ коихъ ни одинъ никогда не появится въ торговлѣ, если онъ первоначально не выйдетъ изъ ихъ рукъ или изъ рукъ ихъ прикащиковъ либо повѣренныхъ. Тутъ-то и обнаруживается возможность громадной опасности; тутъ уже приходится опасаться не частичной потери книги вслѣдствіе ея дороговизны, а потери полной. Когда обыкновенный ходъ человѣческихъ сдѣлокъ приведетъ извѣстное сочиненіе въ руки спекуляторовъ, когда отдаленность поколѣній, хотя бы привилегія не выходила изъ семейства, ослабитъ или изгладитъ благоговѣніе къ родовому имени, то участь сочиненія будетъ предоставлена всевозможнымъ

равнодушнымъ разсчетамъ. Съ этого времени уже нечего говорить, что обнаруженная мысль не можетъ и не должна исчезнуть, а пріобрѣтается человѣчествомъ. Мало того, что жадности всякаго наслѣдника не будетъ возбранено парализовать обращеніе сочиненія, мало того, что его алчность будетъ въ состояніи безнаказанно замедлять его, увеличить цѣну отдѣльныхъ экземпляровъ, но всякій вельможа, всякое подозрительное правительство, всякій авторъ-соперникъ, всякій конкурентъ за ничтожную сумму денегъ могутъ получить власть уничтожить сочиненіе. Наслѣдникъ Паскаля могъ бы продаться іезуитамъ и наложить запрещеніе на *Провинціаловъ*. Съ этого времени утратитъ всякое значеніе долгъ идеями, заимствуемыми всѣми людьми у циркуляціи, съ этого времени прекратится обязанность людей возвращать обществу то, что величайшіе геніи, умы самые оригинальные обязаны своему вѣку, вѣкамъ предшествующимъ, своему воспитанію и всему тому, что они видѣли и чувствовали въ мірѣ, въ книгахъ и въ бесѣдѣ съ величайшими умами всѣхъ временъ! Произведенія ума не будутъ уже принадлежать человѣчеству; они навсегда станутъ товаромъ, который можно будетъ котировать на биржѣ... Этихъ послѣдствій достаточно для осужденія догмы литературной собственности. Хотя теоріи становятся убѣжденіемъ людей путемъ изслѣдованія ихъ причинъ, но оцѣнка ихъ производится по послѣдствіямъ; теорія есть регуляторъ практики, но за то практика есть пробный камень теоріи. Если принципъ собственности, будучи приложенъ къ произведеніямъ мысли, не можетъ привести къ инымъ послѣдствіямъ, кромѣ невозможныхъ и опасныхъ; мало того, если онъ не приводитъ къ результатамъ, полезнымъ для человѣчества или для благосостоянія общества, то на этомъ одномъ основаніи уже можно смѣло утверждать, что по отношенію къ означеннымъ произведеніямъ онъ не есть принципъ истинный; ибо если полезность не есть основаніе системъ, то она тѣмъ не менѣе служитъ ихъ контролемъ; насколько несомнѣнно, что она не создаетъ права, настолько же слѣ-

дуетъ вѣрить въ ту высшую и разумную гармонію, которая въ законахъ, управляющихъ человѣчествомъ, постоянно сочетаетъ справедливое съ полезнымъ.

«Разсматриваемая философски въ своихъ основаніяхъ, литературная собственность есть заблужденіе; олицетворенная практически въ своихъ послѣдствіяхъ, она есть соціальное зло».

Въ заключеніе Ренуаръ ставитъ такую альтернативу: или литературная собственность должна быть поколеблена въ основаніи признаніемъ, что ненарушимость и вѣчная преемственность существуютъ лишь въ теоріи и что принципъ ея можетъ быть разрушенъ исключеніями, когда дѣло коснется его практическаго примѣненія, или прійдется отрицать, что вѣчность и ненарушимость суть характеристическія особенности собственности.

«Трудности эти исчезнутъ, если, отказавшись отъ путанныхъ идей ради возвеличенія словъ, согласятся признать въ обнародованіи книги то, что въ немъ такъ прекрасно, такъ легко, такъ пріятно видѣть, именно оказанную услугу».

Длинный рядъ вышеизложенныхъ соображеній приводитъ Ренуара къ тому окончательному выводу, что привилегія не должна прекращаться въ теченіи всей жизни автора и нѣкоторое время послѣ его смерти. Этого требуетъ самая строгая справедливость и этимъ охраняются интересы автора и его семейства, мысль о будущности котораго не должна леденить писателя среди его работъ.

Повидимому самъ Ренуаръ чувствовалъ зыбкость избранной имъ почвы, и чтобы не дать своей главной идеѣ вполнѣ увязнуть въ ней, онъ прибѣгаетъ къ запугиванію и застращиванію и рисуетъ картину ужасныхъ послѣдствій признанія литературной собственности, предъ которыми, казалось бы, должны содрогнуться сами защитники послѣдней. Увлекшись мастерствомъ своей фантазіи, онъ самъ начинаетъ вѣрить въ реальное существованіе всего имъ изображаемаго и чѣмъ больше растетъ въ немъ эта вѣра,

тѣмъ рѣшительнѣе и смѣлѣе становятся его выводы. Однако всмотрѣвшись пристальнѣе въ его послѣднія соображенія, не трудно убѣдиться, что они, подобно предшествующимъ, построены на пескѣ и кажутся убѣдительными лишь потому, что высказаны тономъ полнаго убѣжденія. Прежде всего намъ кажется весьма сомнительнымъ тотъ аргументъ, что задача законодателя по отношенію къ авторскимъ правамъ должна заключаться въ примиреніи интересовъ общества съ интересами автора. Въ самомъ дѣлѣ имѣетъ-ли общество какое либо право на созданную авторомъ книгу и могутъ ли страдать его интересы оттого, что собственность на послѣднюю будетъ принадлежать не обществу, а автору? На оба эти вопроса мы не обинуясь отвѣтимъ отрицательно. Когда въ созданіи какой-либо вещи принимаютъ участіе два или нѣсколько лицъ, путемъ-ли личной дѣятельности или путемъ доставленія матеріала, то всѣ эти лица становятся совмѣстными собственниками созданной вещи и отношенія ихъ другъ къ другу опредѣляются правилами, дѣйствующими относительно общей собственности. Литературное произведеніе есть созданіе писателя; ему оно обязано своимъ появленіемъ на свѣтъ, онъ далъ ему душу и тѣло, онъ вдохнулъ въ него жизнь, словомъ въ немъ онъ сотворилъ нѣчто такое, чего до этого времени не существовало. Спрашивается теперь, принимало ли какое-либо непосредственное участіе въ созданіи этой вещи общество? Очевидно нѣтъ.—Какъ нѣтъ, возражаетъ Ренуаръ, вѣдь общество дало автору массу готовыхъ идей, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ не только нынѣшнему, но и всѣмъ предшествующимъ вѣкамъ; только благодаря этому умственному капиталу, авторъ получилъ возможность создать свое сочиненіе, свою книгу. Можно ли послѣ этого сомнѣваться въ правѣ общества на послѣднюю?—Но вѣдь идеи вовсе не составляютъ частной собственности того или другаго общества; онѣ принадлежатъ столько же обществу, сколько и автору, или лучше сказать, не принадлежатъ никому въ отдѣльности. Подобно воздуху и водѣ въ океанѣ, подобно

свѣтиламъ въ небѣ, ими могутъ пользоваться всѣ вообще люди. Никто не рѣшится сказать, что воздухъ и вода, въ смыслѣ стихій, или небесныя свѣтила принадлежатъ обществу, хотя оно дѣйствительно и постоянно ими пользуется; почему же можно сказать, что идеи принадлежатъ обществу, хотя по природѣ своей онѣ не могутъ подлежать ничьему исключительному обладанію? Какъ воздухъ и вода только тогда могутъ стать предметомъ частнаго обладанія, когда частное лицо, ограничивъ ихъ объемомъ опредѣленнаго вмѣстилища, тѣмъ самымъ получитъ реальную возможность устранить третьихъ лицъ отъ пользованія ими, такъ и идеи могутъ стать чьею-либо собственностью лишь тогда, когда, будучи включены въ извѣстное вмѣстилище или внѣшнюю форму, войдутъ въ сферу частнаго обладанія, словомъ когда частное лицо получитъ возможность положить на нихъ печать своего господства и устранить третьихъ лицъ отъ пользованія ими въ предѣлахъ его обладанія.

Но разъ, возражаетъ Ренуаръ и другіе, авторъ предоставилъ свою книгу общему пользованію, онъ тѣмъ самымъ отказался отъ всякаго исключительнаго права на нее. Доводъ этотъ есть такой же мыльный пузырь, какъ и всѣ другіе доводы противниковъ литературной собственности. Изъ того, что авторъ предоставляетъ свою книгу въ пользованіе всякому желающему, нельзя заключить, что онъ отказался отъ своего исключительнаго права на нее, точно также какъ и изъ того, что хозяинъ пруда или сада предоставляетъ пользованіе этимъ прудомъ или садомъ всякому желающему, нельзя выводить, что онъ отказался отъ своего права собственности на нихъ. Книга точно также не перестанетъ быть собственностью автора только потому, что читатели усвоиваютъ себѣ изложенныя въ ней идеи, какъ и прудъ не перестанетъ принадлежать хозяину его только потому, что изъ него черпаютъ воду желающіе. Заимствовавъ изъ книги мысли, я могу сдѣлать изъ нихъ любое употребленіе; но въ обоихъ случаяхъ книга и прудъ не

выйдутъ изъ власти своихъ хозяевъ; это совершенно ясно. Пусть мысли распространяются изъ моей книги далѣе до безконечности, пусть общество исчерпаетъ все содержаніе ея и сдѣлаетъ его общимъ достояніемъ, но самый источникъ, откуда текутъ эти мысли, не выйдетъ изъ моего обладанія до тѣхъ поръ, пока я этого самъ не захочу. Нужды нѣтъ, что я самъ воспользовался готовыми идеями, а не создалъ ихъ; но я не оставилъ ихъ въ томъ видѣ, какъ получилъ, я разработалъ ихъ, скомбинировалъ, далъ имъ внѣшнюю оболочку, далъ имъ форму, на которой лежитъ печать моего собственнаго творчества, я сдѣлалъ изъ нихъ вещь, находящуюся въ предѣлахъ моего частнаго обладанія, и вслѣдствіе того имѣю на нее исключительное право. Предоставивъ пользованіе ею другимъ, я не могу запретить извлекать изъ нея ея мысли; но я могу запретить всякому присвоивать ее во всемъ ея составѣ, присвоивать ее какъ самостоятельную вещь и пользоваться ею какъ таковою на правахъ хозяина. Если я выкопалъ на своей землѣ прудъ, который наполняется водою изъ естественныхъ ключей, то матеріалъ для этого пруда я взялъ у стихіи, принадлежащей всѣмъ безъ исключенія; тѣмъ не менѣе никто не станетъ отрицать, что прудъ этотъ принадлежитъ мнѣ исключительно и никогда не перестанетъ принадлежать мнѣ, пока я самъ того не захочу. Нужды нѣтъ, что вода изъ этого пруда въ видѣ рѣчки выходитъ изъ границъ моей земли, и протекая по чужимъ землямъ, становится предметомъ посторонняго обладанія; это обстоятельство нисколько не умаляетъ моихъ правъ на самый прудъ, который обязанъ своимъ существованіемъ исключительно мнѣ и находится въ предѣлахъ моего частнаго господства. Точно также не умалитъ моихъ исключительныхъ правъ на мою книгу то обстоятельство, что мысли изъ нея текутъ далѣе и при своемъ теченіи становятся предметомъ пользованія разныхъ лицъ.

И такъ, авторъ при созданіи своей книги ничего не беретъ изъ того, что принадлежитъ обществу по какому-либо

исключительному праву. Слѣдовательно, общество не принимаетъ никакого непосредственнаго участія въ возникновеніи книги; а отсюда въ силу логической необходимости само собою вытекаетъ, что оно и не имѣетъ никакого права на созданіе автора, на его книгу.

Но забудемъ на время обо всѣхъ этихъ соображеніяхъ и станемъ на точку зрѣнія Ренуара и его послѣдователей. Общество, говоритъ онъ, даетъ автору идеи, безъ которыхъ невозможно было бы появленіе его книги, слѣдовательно, оно даетъ ему матеріалъ для его творчества. Чтобы быть послѣдовательнымъ, Ренуару необходимо было бы вывести, что общество создало книгу совмѣстно съ авторомъ и что потому имъ обоимъ принадлежитъ на нее общее право собственности. Но выводъ этотъ повидимому совершенно чуждъ этому ярому противнику литературной собственности. Вмѣсто того, чтобы держаться логической послѣдовательности, онъ постоянно уклоняется въ сторону и приводитъ соображенія или не имѣющія подъ собою никакой почвы, или построенныя на мнимыхъ требованіяхъ блага общества. Мы уже показали выше, что вѣчность авторскихъ правъ не только не принесетъ никакого ущерба обществу, но совершенно наоборотъ будетъ для него гораздо выгоднѣе срочности этихъ правъ. Ренуаръ однако думаетъ иначе. Авторъ, говоритъ онъ, желаетъ распространенія своей книги, а потому оставленіе ея въ постоянной власти наслѣдниковъ, могущихъ затормозить это распространеніе, противорѣчило бы желанію автора. Этотъ силлогизмъ можно сопоставить съ слѣдующимъ: собственникъ прекраснаго и обширнаго сада, дозволивъ публикѣ свободный входъ въ него, тѣмъ самымъ выразилъ свою волю, чтобы садомъ пользовались всѣ желающіе; а потому оставленіе сада въ исключительномъ и постоянномъ обладаніи наслѣдниковъ этого собственника, могущихъ затормозить означенное пользованіе или даже совершенно прекратить его, противорѣчило бы его желанію. Далѣе, изданіемъ своей книги, говоритъ Ренуаръ, авторъ оказываетъ услугу обществу; справедливость тре-

буетъ, чтобъ услуга эта получила достойное вознагражденіе; изъ всѣхъ видовъ вознагражденія, какія можно предложить автору, онъ отдаетъ предпочтеніе исключительному праву автора отчуждать свою книгу въ теченіе своей жизни, предоставляя наслѣдникамъ это право лишь на короткое время. Держась этой аргументаціи пришлось бы согласиться съ слѣдующимъ абсурдомъ: извѣстный предприниматель выстроилъ на своей землѣ народный театръ, приносящій обществу большую пользу; этою постройкою предприниматель оказалъ обществу несомнѣнную услугу; справедливость требуетъ, чтобъ эта услуга получила достойное вознагражденіе; если такимъ вознагражденіемъ признать пожизненное пользованіе предпринимателемъ доходами съ его театра и временное пользованіе ими его наслѣдниковъ, то по истеченіи срока такого пользованія слѣдовало бы отнять театръ у наслѣдниковъ и сдѣлать его общимъ достояніемъ, подобно тому какъ тоже практикуется относительно сочиненій. Оставленіе книги въ вѣчной собственности юридическихъ преемниковъ автора, думаетъ Ренуаръ, повлекло бы за собою вѣчную дороговизну книгъ, что было бы неизлечимымъ зломъ; польза общества требуетъ, чтобы причина такой дороговизны была уничтожена; причина же ея есть вѣчная собственность, или какъ онъ выражается, вѣчная монополія на книгу; слѣдовательно, подобная монополія не должна быть допускаема. Еще большее зло, отвѣтимъ мы, прогрессивно возрастающая дороговизна квартиръ; благо общества требуетъ, чтобы причина такого вздорожанія была уничтожена; но она ближайшимъ образомъ кроется въ вѣчномъ правѣ собственности домохозяевъ на ихъ дома; отсюда, придерживаясь логики Ренуара, слѣдуетъ заключить, что это право по истеченіи извѣстнаго срока необходимо отнять у домохозяевъ и предоставить ихъ дома общему пользованію. Вотъ къ какимъ рогатымъ заключеніямъ приводитъ теорія Ренуара и его послѣдователей. Едва ли нужно еще доказывать, что, придерживаясь ея, блага общества, какъ его понимаетъ Ренуаръ, не только

не было бы соблюдено, но напротивъ того, достигнуты были бы результаты прямо противоположные, ибо само бщество было бы расшатано въ своихъ основаніяхъ. Одно изъ главнѣйшихъ побужденій человѣка жить въ обществѣ есть сохраненіе неприкосновенности его права собственности; ради спокойнаго пользованія этимъ правомъ человѣкъ поступается своею естественною свободою и добровольно подчиняется множеству, часто весьма тяжкихъ ограниченій, прямо противорѣчащихъ его личному благу и совершенно не мыслимыхъ внѣ жизни въ обществѣ. Ограничьте человѣка въ пользованіи этимъ правомъ или отнимите у него послѣднее, и вы сдѣлаете его равнодушнымъ къ интересамъ общества, а подъ часъ даже прямо врагомъ этихъ интересовъ. Почему коммунизмъ такъ ненавистенъ для человѣчества? потому именно, что онъ между прочимъ принципіально отрицаетъ право собственности и на мѣсто его ставитъ тотъ или другой видъ временнаго пользованія. И такъ, литературная собственность не противорѣчитъ ни интересамъ, ни правамъ общества на книгу, а потому законодателю нѣтъ никакой надобности примирять эти интересы и права съ интересами и правами автора. Задача законодательства по отношенію къ послѣднему ничѣмъ не отличается отъ задачи его по отношенію къ другимъ гражданамъ: и тамъ и тутъ оно обязано оградить спокойное пользованіе законно пріобрѣтенными правами. Такъ какъ авторъ, создавъ книгу, становится ея неограниченнымъ хозяиномъ, ея собственникомъ въ силу признаннаго закономъ первоначальнаго пріобрѣтательнаго основанія (созданія вещи), то законодательство обязано озаботиться, чтобъ его право собственности было ограждено отъ насилія и произвольныхъ ограниченій со стороны третьихъ лицъ. Вотъ точка, отъ которой должно отправляться всякое разумное законодательство въ разсматриваемомъ институтѣ, а отнюдь не какое-то неопредѣленное, тягучее, эластичное и капризное благо общества. Это пресловутое благо уже неоднократно служило мотивомъ и оправданіемъ многихъ возмутительныхъ преступленій про-

тивъ частныхъ лицъ; оно отличается такою гибкостью и тягучестью, что на немъ можно строить всевозможныя причудливыя теоріи, не исключая коммунистическихъ, точно также разсчитанныхъ на благо общества. А потому слѣдуетъ крайне осторожно пользоваться этимъ звучнымъ терминомъ, неоднократно получавшимъ и получающимъ въ прежнее и въ новое время не только антіюридическое, но даже кровавое примѣненіе.

Почти къ такимъ же результатамъ, какъ и Ренуаръ, приходитъ извѣстный нѣмецкій юристъ *Герберъ* [1]). Безусловно отрицая право собственности автора на его произведеніе, онъ утверждаетъ, что если авторъ и пользуется защитою противъ контрафакціи, то не въ силу какого-либо естественнаго права, принадлежащаго ему на его сочиненіе, а въ силу запрещающаго таковую положительнаго закона (стр. 272). Такимъ образомъ Герберъ придаетъ послѣдствію значеніе причины, а причинѣ значеніе послѣдствія. Существуетъ законъ, запрещающій перепечатку чужаго сочиненія безъ разрѣшенія автора, — это причина жизни авторскаго права; всякій авторъ можетъ воспользоваться этимъ закономъ, — это послѣдствіе этой причины; выхоитъ, что авторское право существуетъ не само по себѣ и не въ силу какого-либо естественнаго основанія, лишь освященнаго законодателемъ своимъ авторитетомъ, какъ это слѣдуетъ сказать о правѣ собственностт, правѣ владѣнія и т. д., а въ силу самого законодательнаго постановленія. Какъ только послѣднее будетъ отмѣнено, то авторскія права сами собою рушатся, ибо исчезнетъ основаніе ихъ существованія, и авторъ по отношенію къ своему сочиненію долженъ будетъ стать, какъ выражаются нѣмцы, vogelfrei. Отсюда съ логическою необходимостью вытекаетъ, что писатели обязаны существованіемъ своихъ правъ на сочиненіе исключительно милости законодателя, и что будучи та-

[1]) *Gerber* въ „Gesammte Abhandlungen“, статья „Ueber die Natur der Rechte des Schriftstellers und Verlegers“, стр. 262 и слѣд.

ковою, милость эта всегда можетъ быть взята назадъ, какъ только того пожелаетъ законодатель. Это теорія, господствовавшая въ практикѣ прежняго времени вплоть до конца прошлаго столѣтія. Въ то время всякое сочиненіе могло быть перепечатано каждымъ желающимъ; авторы же и ихъ издатели, если желали оградить себя отъ этого, обязаны были испросить у верховной власти особое разрѣшеніе на исключительное право печатанія даннаго сочиненія, каковое разрѣшеніе носило названіе привилегіи. Въ наше время эти привилегіи утратили всякій смыслъ не только потому, что онѣ стали общимъ закономъ, но и потому, что непосредственныя права автора на его произведеніе перестали быть предметомъ сомнѣнія, и сознаніе ихъ святости и неприкосновенности проникаетъ изъ нѣдръ общества въ нѣдра положительныхъ законодательствъ.

Любопытно однако прослѣдить, какія соображенія привели Гербера къ его чрезвычайно странному выводу. Литературная собственность, говоритъ онъ, и теперь еще находитъ себѣ защитниковъ, но часто случается, что выраженіе: «литературная собственность» употребляется, какъ удобная, быстро понимаемая формула, обозначающая такое право, для котораго еще не найдено другаго общепринятаго техническаго выраженія. Наоборотъ, случаи, въ коихъ серіозно относятся къ этой собственности и въ примѣненіи къ ней говорится о виндикаціи, владѣніи, сервитутахъ, довольно рѣдки; по мнѣнію Гербера, собственность эту рѣшительно можно причислить къ тѣмъ явленіямъ, кои, не смотря на ихъ кажущуюся жизненность, заключаютъ въ себѣ зародышъ близкой смерти. Отвергая такимъ образомъ дѣйствительное существованіе этого института, Герберъ полагаетъ, что первоначальное право автора не есть самостоятельно субъективное право, изъ коего прямо вытекаетъ защита противъ контрафакціи (стр. 266—267). Противоположное мнѣніе, думаетъ онъ, основано на ложно направленномъ чувствѣ юридической эстетики. Сторонники его могутъ быть уподоблены архитектору, который для постройки обыкновен-

ной кухни воздвигаетъ стѣны цѣлаго замка. Если кто пишетъ книгу или рисуетъ картину, то можно ли назвать эту его дѣятельность юридическимъ дѣйствіемъ, юридическимъ актомъ? Нѣтъ, отвѣчаетъ Герберъ. Само по себѣ, писаніе книги столь же мало составляетъ правоотношеніе, какъ и мышленіе, чтеніе, разсказъ исторіи, словомъ, какъ необозримое множество тѣхъ дѣяній, въ коихъ проявляется свободная, не направленная на частное господство дѣятельность лица. Конечно, большая часть этихъ дѣяній допускаетъ юридическое пониманіе; писаніе можетъ быть мыслимо, какъ основаніе возникновенія собственности на рукопись, говоря точнѣе, какъ превращеніе массы собственной бумаги въ рукопись; рисованіе можетъ быть мыслимо, какъ основаніе возникновенія собственности на разрисованную доску; но едва-ли нужно еще прибавлять, что эта вполнѣ подчиненная точка зрѣнія лишена тутъ всякаго значенія. Было бы смѣшнымъ педантствомъ, продолжаетъ онъ, еслибы кто безъ всякаго отношенія къ чему-либо конкретному и безъ всякаго повода объявилъ прогулку въ своемъ саду и сидѣніе на стулѣ юридическимъ дѣйствіемъ лишь на томъ основаніи, что въ нихъ въ тоже время содержится осуществленіе права собственности. Когда книга въ рукописи готова, то составъ ея слѣдующій. Авторъ выполнилъ умственный трудъ и далъ ему незыблемую внѣшнюю форму. Оконченная имъ рукопись есть объектъ его права собственности, подлежитъ его свободному распоряженію и пользуется общею защитою права собственности.

Что касается умственнаго содержанія этой рукописи, то особое право на него юридически вовсе немыслимо. Если кто-либо съ позволенія или безъ позволенія автора читаетъ его произведеніе и усвоиваетъ себѣ мыслительное содержаніе его, то объ искѣ, вытекающемъ изъ похищенія мыслительнаго имущества, тутъ и рѣчи быть не можетъ. Все, что въ этомъ отношеніи приводилось въ качествѣ содержанія авторскаго права, сводится къ тому, что авторство даннаго лица есть историческій фактъ. Если писатель предъ-

являетъ къ публикѣ притязаніе на признаніе его авторомъ ученаго открытія, то это нисколько не отличается отъ того, когда полководецъ требуетъ признанія его побѣдителемъ въ данномъ сраженіи. То обстоятельство, что отъ автора зависитъ хранить въ тайнѣ мысли, изложенныя въ его сочиненіи, столь же мало составляетъ особое право автора, какъ и право всякаго человѣка унести съ собою свой опытъ въ могилу. Юридическая защита мыслей, независимо отъ своей практической неосуществимости, служила бы не столько защитою, сколько униженіемъ этихъ мыслей и вырожденіемъ права, ибо всякій видъ умственной дѣятельности могъ бы быть отнесенъ къ области корыстныхъ дѣяній.

Своею рукописью, продолжаетъ Герберъ, авторъ можетъ распорядиться, какъ ему угодно; главнѣйшій и обыкновеннѣйшій способъ употребленія ея есть воспроизведеніе ея путемъ печати; а потому отъ воли автора вполнѣ зависитъ отпечатать или вовсе не отпечатывать своей рукописи. Свобода такого распоряженія не есть какая-либо особая принадлежность автора, а относится къ обширному классу дѣяній такъ-называемой естественной свободы, которую нельзя называть правомъ, не заслуживъ упрека въ педантизмѣ. Но когда авторъ отпечаталъ рукопись (стр. 270 и слѣд.), то ея умственное содержаніе онъ сдѣлалъ достояніемъ всей вообще публики. Всякій пріобрѣтатель отдѣльнаго экземпляра имѣетъ на него полное право собственности. Не будь закона, запрещающаго перепечатку, онъ могъ бы свободно перепечатывать его на свой счетъ и распространять далѣе. Этимъ не было бы нарушено никакого права автора; но за то этимъ нанесенъ былъ бы его интересамъ чувствительный уронъ, и притомъ не только денежный, но и умственный, покоющійся на возможности повторительнаго распоряженія (напр. необходимой передѣлки при второмъ изданіи). Эти-то *интересы* право ограждаетъ путемъ запрещенія контрафакціи [5]).

---

[5]) Съ этимъ воззрѣніемъ очень сходно воззрѣніе *Гепфнера* (Der Nach-

Изъ изложеннаго легко усмотрѣть, что Герберъ не видитъ или не желаетъ видѣть въ литературномъ произведеніи ничего инаго, кромѣ голыхъ мыслей. Ему нѣтъ дѣла до того, что эти мысли авторъ облекъ въ особую, ему одному принадлежащую форму, что расположивъ ихъ въ извѣстной связи и выразивъ ихъ опредѣленными словами, придавъ имъ опредѣленный оттѣнокъ и сдѣлавъ ихъ распознаваемыми для внѣшнихъ чувствъ, онъ создалъ дѣйствительно существующую, а не воображаемую только вещь, и притомъ вещь, имѣющую рыночную цѣну и способную приносить плоды. По его мнѣнію, какъ только эта вещь увидѣла свѣтъ, то она перестаетъ принадлежать ея творцу, а становится достояніемъ общества. Но въ виду того, что интересы автора сильно пострадали бы, если бы онъ былъ устраненъ отъ исключительнаго пользованія созданною имъ вещью, на которую онъ, впрочемъ, по мнѣнію Гербера, не имѣетъ никакого права, то законодательства берутъ эти интересы подъ свою защиту и съ этою цѣлью запрещаютъ контрафакцію. Такимъ образомъ, изъ аргументаціи Гербера вытекаетъ, что законодательства приносятъ общественный интересъ въ жертву частному и тѣмъ прямо нарушаютъ коренное правило, въ силу котораго, при столкновеніи интересовъ частныхъ съ общественными, первые должны уступить послѣднимъ. Почему именно въ вопросѣ о литературномъ произведеніи государства дѣйствуетъ такимъ образомъ, отступая тѣмъ самымъ отъ своего прямаго назначенія—защищать частный интересъ лишь настолько, насколько онъ не вредитъ общественному, на это Герберъ

---

druck ist nicht rechtswidrig. Grimma 1843). „Контрафакцію, утверждаетъ онъ (стр. 14, § 3), нельзя одолѣть положеніями философскаго права; авторъ и издатель могутъ быть ограждены отъ предпринимаемаго противъ ихъ воли механическаго воспроизведенія изданнаго ими въ свѣтъ сочиненія только путемъ постановленій положительнаго права“. Мы не станемъ оставливаться на подкрѣпляющихъ это положеніе дальнѣйшихъ доводахъ этого криминалиста, старающагося ниспровергнуть всякую идею о правѣ собственности автора на его произведеніе, ибо они главнымъ образомъ имѣютъ въ виду уголовную сторону нашего института.

не даетъ никакого отвѣта. Если государство беретъ подъ свою защиту интересы автора, несмотря на то, что онъ не имѣетъ никакого права на свое отпечатанное сочиненіе, то почему же ему не взять подъ свою защиту и интересы всякаго владѣльца, домъ котораго отличается своеобразною архитектурою, и не запретить третьимъ лицамъ строить такіе же точно дома? Вѣдь и интересы такого домовладѣльца могутъ страдать оттого, что явится много подобныхъ же домовъ? Вотъ къ какимъ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ приводитъ желаніе во чтобы то ни стало отстоять предвзятую идею. Одно изъ двухъ: или авторъ имѣетъ первоначальное право на свое произведеніе и право это лишь признано и санкціонировано законодательствомъ, или же право его производно и вытекаетъ изъ отдѣльныхъ постановленій положительныхъ законовъ. Въ первомъ случаѣ юридическая природа авторскаго права такова, что оно всецѣло подходитъ подъ понятіе права собственности; во второмъ же оно существуетъ лишь на столько, насколько допускаетъ законъ, и можетъ быть сокращаемо, видоизмѣняемо и даже уничтожено, смотря по желанію законодателя. Счастье человѣчества, что доселѣ законодатели цивилизованныхъ государствъ не обнаруживаютъ ни малѣйшаго поползновенія воспользоваться правомъ, которое предоставляютъ имъ Локре, Ренуаръ, Герберъ и др. ихъ единомышленники. Въ противномъ случаѣ писателямъ пришлось бы навсегда отказаться отъ мысли питаться отъ своего пера и зарыть свои таланты въ землю, а человѣчеству замерзнуть на томъ пунктѣ развитія, на которомъ застало бы ихъ означенное желаніе законодателей.

Гоненія, воздвигнутыя многими изъ новѣйшихъ писателей противъ литературной собственности, отозвались и въ нашемъ отечествѣ, гдѣ эта послѣдняя нашла себѣ не столько убѣдительнаго, сколько краснорѣчиваго и рѣшительнаго противника въ лицѣ г. *Спасовича* [6]), къ аргумен-

[6]) *В. Спасовичъ*, Права авторскія и контрафакція. С.-Петербургъ 1865 г.

таціи котораго мы и переходимъ. Литературная собственность, полагаетъ онъ (стр. 18), есть только метафора, «и если бы заведена была собственность литературная и индивидуальная, то она пришла бы тотчасъ въ столкновеніе съ не менѣе почтенными правами общественнаго пользованія произведеніями.

«То, что нѣмцы называютъ Verlagsrecht (стр. 32 и сл.), англичане copy-right, а французы propriété littéraire et artistique, есть въ сущности право имущественное. Всѣ имущественныя права раздѣлены римскими юристами на права вещныя и права по обязательствамъ, но право авторское не подходитъ ни подъ ту, ни подъ другую рамку. Съ правами вещными оно сходится въ томъ отношеніи, что оно есть право безусловное, защищаемое противу всѣхъ и каждаго, кто бы вздумалъ его нарушить. Съ этой стороны оно никоимъ образомъ не можетъ быть пріурочено къ правамъ обязательственнымъ. Но право авторское не можетъ считаться правомъ вещнымъ, потому что право вещное должно имѣть предметомъ своимъ извѣстную вещь, а не дѣйствіе другихъ лицъ; такой же вещи въ томъ, что называется литературною собственностью, нѣтъ». Приводя затѣмъ слова Жюля Симона, сказанныя на брюссельскомъ конгрессѣ въ 1858 году, г. Спасовичъ въ утѣшеніе писателямъ прибавляетъ: «Сочинителямъ нечего оскорбляться пустяками. Амбиція ихъ можетъ оставаться въ покоѣ. Не всякая привилегія по существу своему ненавистна; есть привилегіи справедливыя, основательныя, противъ которыхъ никто не вооружается, таковы, напримѣръ, привилегіи на изобрѣтенія, которымъ право авторское приходится роднымъ братомъ. Разница между ними лишь та, что первыя даются каждому изобрѣтателю отдѣльно, правов же авторское, выросшее изъ привилегіи, установлено для цѣлаго класса лицъ и не нуждается въ особомъ пожалованіи».

Еще рѣзче идеи эти г. Спасовичъ защищаетъ въ дру-

томъ мѣстѣ [7]), гдѣ онъ не ограничивается уже однимъ отрицаніемъ литературной собственности, но установляя, по его мнѣнію, главный принципъ авторскихъ правъ, старается провести его послѣдовательно и на основаніи его указываетъ тѣ измѣненія, какія желательно было бы видѣть въ современныхъ законодательствахъ по отношенію къ авторскимъ правамъ. Заслуга г. Спасовича заключается въ томъ, что, развивая и примѣняя теорію своихъ единомышленниковъ, онъ совершенно послѣдовательно пришелъ къ такимъ крайностямъ, которыя опровергаютъ и разрушаютъ эту теорію лучше всякихъ придуманныхъ доказательствъ. Во избѣжаніе повторенія, мы не станемъ останавливаться на опроверженіи доводовъ г. Спасовича, направленныхъ противъ «вѣковѣчности» авторскаго права, ибо въ нихъ, кромѣ ѣдкаго сарказма и игриваго языка, мы не находимъ ничего, принадлежащаго собственно ему; мы ограничимся лишь тѣми выводами, которые онъ дѣлаетъ изъ установленнаго имъ главнаго принципа авторскаго права. Принципъ этотъ есть *привилегія*. А такъ какъ привилегія есть изъятіе отъ дѣйствія общихъ законовъ, то самъ собою рождается вопросъ: изъятіемъ отъ дѣйствія какихъ именно общихъ законовъ служитъ авторское право? Отвѣта на это у г. Спасовича мы не находимъ, но изъ всей его аргументаціи можно видѣть, что съ правами автора приходятъ въ столкновеніе «болѣе почтенные», какъ онъ выражается, интересы общества и что первыя служатъ ограниченіемъ послѣднихъ.

Такимъ образомъ отвергнувъ съ одной стороны всякій первоначальный источникъ авторскаго права и основавъ послѣднее на милости законодателя, а съ другой—усмотрѣвъ въ авторскомъ правѣ ограниченіе или лучше стѣсненіе общественныхъ интересовъ, г. Спасовичу естественно было прійдти къ мысли, что современныя законодательства слишкомъ ужъ

---

[7]) „Вѣстникъ Европы“ за Іюнь 1874 г., статья подъ заглавіемъ: „Вопросъ о такъ называемой литературной собственности“.

много заботятся объ авторѣ и чрезмѣрно его защищаютъ и что подъ вліяніемъ этой заботливости они забыли о болѣе важныхъ общественныхъ интересахъ. На этомъ основаніи онъ находитъ, что существующіе нынѣ сроки пользованія исключительнымъ правомъ на изданіе и распространеніе литературнаго произведенія ужъ слишкомъ длинны, что ихъ съ пользою для дѣла можно было бы значительно сократить, что сокращеніе это пошло бы въ прокъ обществу, въ которомъ вслѣдствіе того книги стали бы обращаться легче и быстрѣе и что это обстоятельство весьма много способствовало бы быстротѣ прогресса. Отсюда остается сдѣлать еще одинъ шагъ и отнять у автора и то немногое, чѣмъ онъ пользуется теперь. Исключительность авторскаго права идетъ въ разрѣзъ съ общественными интересами, замедляетъ обращеніе идей, задерживаетъ прогрессъ; слѣдовательно, она должна быть совершенно уничтожена и литературное произведеніе должно стать res omnium communis. Этотъ шагъ г. Спасовичъ дѣйствительно дѣлаетъ, но нѣсколько робко и нерѣшительно. Прежде всего, думаетъ онъ, необходимо похерить международные трактаты между большими государствами, разчитанные на всемірное признаніе исключительности авторскаго права; слѣдовательно, скажемъ мы, необходимо предоставить гражданамъ чужаго государства полнѣйшую возможность безнаказанно перепечатывать всякое иностранное сочиненіе и извлекать изъ него тѣ матеріальныя выгоды, которыя по всей справедливости принадлежатъ автору. Крайняя безтактность и несправедливость такой мѣры не требуетъ особенныхъ доказательствъ, и въ видѣ опроверженія ея достаточно указать, что все болѣе и болѣе развивающееся знакомство съ иностранными языками и всемірное значеніе наукъ и искусствъ увеличиваетъ потребность въ чтеніи подлинныхъ сочиненій, а не переводовъ съ нихъ, и что даже въ нашемъ отечествѣ, гдѣ знаніе языковъ составляетъ какъ бы привилегію высшихъ слоевъ общества и весьма мало распространено въ остальныхъ слояхъ, рѣдкій порядочный студентъ не имѣетъ двухъ-трехъ уче-

ныхъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ. Слѣдовательно, не говоря уже о контрабандной торговлѣ контрафактными изданіями, которой отмѣна такихъ трактатовъ оказала бы самую существенную услугу и доставила бы обильнѣйшую пищу, авторъ терпѣлъ бы уронъ и оттого, что его сочиненія продавались бы исключительно въ пользу промышленниковъ въ предѣлахъ иностранныхъ государствъ.

Но г. Спасовичъ на этомъ не останавливается, а идетъ еще далѣе и утверждаетъ, что нѣкоторые виды литературнаго производства не должны бы вовсе подлежать защитѣ отъ контрафакціи. Сюда онъ относитъ публичныя рѣчи и пренія, газетныя статьи и др., число которыхъ, полагаетъ онъ, можетъ возрасти (стр. 463 и сл). Точно также неумѣстно, по его мнѣнію, запрещеніе безъ соизволенія наслѣдниковъ печатать тѣ посмертныя сочиненія, которыя «имѣютъ значеніе не сами по себѣ, но потому, что съ ними связано воспоминаніе объ историческомъ лицѣ» (стр. 456 и сл.). «Можно себѣ представить, восклицаетъ онъ, какими терніями усѣянъ былъ бы путь издателей всякаго историческаго старья, всякаго періодическаго «Архива», «Старины» отъ оставленія богатой почвы подъ паромъ на какіе-нибудь полвѣка, отъ образованія искуственныхъ залежей, которыя по большей части такъ и пропадутъ» и т. д. Издатели указываемыхъ г. Спасовичемъ періодическихъ журналовъ, казалось бы, должны быть очень благодарны ему за эту тираду, ибо если бы къ ней отнеслись серіозно и исполнили совѣтъ г. Спасовича, то это, повидимому, въ весьма значительной степени сократило бы ихъ расходы на изданіе. Но въ дѣйствительности ни эти издатели, ни семейства авторовъ, ни общество отъ этого не только ничего не выиграли бы, но напротивъ того были бы положительно въ убыткѣ: семейства потому, что не разчитывая на гонораръ, они утратили бы одно изъ главнѣйшихъ побужденій къ обнародованію означенныхъ сочиненій, а издатели и общество потому, что вслѣдствіе означеннаго необнародованія лишились бы пользованія этими сочиненіями. Не говоримъ уже о томъ, что без-

защитность, предлагаемая г. Спасовичемъ какъ правило, идетъ въ разрѣзъ съ укоренившимся убѣжденіемъ народовъ о неприкосновенности всякаго пріобрѣтеннаго права, что она рѣшительно ни на чемъ основана кромѣ ложно понимаемыхъ общественныхъ интересовъ и что она не можетъ опереться ни на одно изъ выработанныхъ наукою коренныхъ началъ гражданскаго права. Вотъ къ какимъ парадоксамъ привело г. Спасовича стремленіе послѣдовательно провести принципъ, положенный имъ и его единомышленниками въ основу авторскихъ правъ. Слѣдовало бы ожидать, что проводя этотъ принципъ до конца, г. Спасовичъ прійдетъ къ полному отрицанію всякаго авторскаго права. Но до этой крайности онъ еще не дошелъ, предоставляя вѣроятно своимъ будущимъ единомышленникамъ пойдти далѣе по проторенной имъ тропѣ и дойдти до тѣхъ геркулесовыхъ столбовъ абсурда, добраться до которыхъ у него самого не хватило храбрости. Онъ ограничивается лишь требованіемъ сокращенія срока защиты авторскаго права и смягченія отвѣтственности контрафакторовъ назначеніемъ имъ одного лишь денежнаго штрафа. Нельзя не удивляться, что этотъ во всякомъ случаѣ даровитый криминалистъ взялъ на себя защиту такого крайне неблагодарнаго, несправедливаго, безполезнаго и даже прямо вреднаго дѣла, какъ отрицаніе за авторомъ всякаго первоначальнаго права на его произведеніе.

Переходимъ теперь ко второй группѣ писателей, которые хотя и отвергаютъ вѣчность авторскаго права, но тѣмъ не менѣе признаютъ за авторомъ не производное, а первоначальное право на его произведеніе. Не усматривая въ послѣднемъ признаковъ вещи (res) въ римскомъ смыслѣ этого слова, они не рѣшаются отнести авторское право къ категоріи вещныхъ правъ; но здравый смыслъ не позволяетъ имъ также считать его привилегіею или наградою за оказанную обществу услугу, какъ это дѣлаютъ писатели предшествующей группы. Что-бы выйдти изъ этой диллемы, они даютъ авторскому праву своеобразныя опредѣленія, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и переходимъ. Изъ писателей этой

группы заслуживаютъ особаго разсмотрѣнія лишь *Вахтеръ*, *Іолли* и *Клостерманъ*, отличающіеся полнотою, опредѣленностью и законченностью своихъ воззрѣній.

Начнемъ съ *Вехтера* [8]). «Авторъ, говоритъ онъ, создаетъ имущественный объектъ, имѣющій рыночную цѣну (das Autorrecht, стр. 1, 3 и 6). Отсюда, кажется, слѣдовало бы вывести, что такъ какъ объектъ этотъ обязанъ своимъ существованіемъ автору, то послѣдній имѣетъ на него право собственности. Но Вехтеръ не только далекъ отъ такого вполнѣ логическаго вывода, но напротивъ того, всѣми силами протестуетъ противъ него. Въ вопросѣ о существѣ авторскаго права слѣдуетъ, говоритъ онъ, различать три точки зрѣнія: 1) право творить сочиненіе и защита этого права; 2) интересъ, который авторъ, какъ виновникъ возникновенія умственнаго созданія, можетъ имѣть въ области литературы или искусства и который можетъ быть названъ духовнымъ, умственнымъ, хотя выраженіе это не вполнѣ точно, и 3) матеріальное пользованіе сочиненіемъ для имущественныхъ цѣлей. Первыя двѣ точки зрѣнія ничего общаго съ правомъ не имѣютъ, и потому должны быть оставлены въ сторонѣ. Съ сферою права соприкасается только третья; а потому юридическая защита имѣетъ мѣсто лишь тамъ, гдѣ дѣло идетъ о матеріальномъ пользованіи сочиненіемъ для имущественныхъ цѣлей. «Но главное содержаніе этого права состоитъ не въ правомочіи

---

[8]) *Oscar Waechter*, Das Verlagsrecht mit Einschluss der Lehren von dem Verlagsvertrag und Nachdruck nach den geltenden deutschen und internationalen Rechten. Stuttgart 1857 и 1858, 2 тома. *Его-же* Das Autorrecht nach dem gemeinen deutschen Recht. Stuttgart 1875. Предметъ и аргументы этихъ двухъ сочиненій одни и тѣ же, съ тою лишь разницею, что въ послѣднемъ сочиненіи они изложены въ болѣе сжатомъ видѣ, чѣмъ въ первомъ, и что въ догматическую часть послѣдняго Вехтеромъ внесены всѣ тѣ измѣненія, какія произошли въ институтѣ авторскаго права съ изданіемъ новаго закона Сѣверо-германскаго союза отъ 11 іюня 1870 года. Въ виду этого, мы будемъ ссылаться на оба сочиненія разомъ, причемъ не преминемъ воспользоваться и тѣми соображеніями, которыя изъ перваго сочиненія не перешли во второе.

предпринимать воспроизведеніе, а въ исключительности автора (или юридическаго преемника) противъ третьихъ лицъ; она-то именно и придаетъ названному правомочію характеръ безусловнаго имущественнаго права. Благодаря этой защитѣ, этому авторскому праву, авторство получаетъ имущественную цѣну, которая можетъ быть передана издателю». Такимъ образомъ, право автора или заступающаго его мѣсто издателя состоитъ именно въ исключительности воспроизведенія и обусловленной ею возможности *пользоваться* литературнымъ произведеніемъ, каковую возможность законъ предоставляетъ автору на опредѣленное время (ibid. стр. 4). Въ области права, слѣдовательно, сочиненіе получаетъ значеніе лишь съ того момента, когда оно появляется на книжномъ рынкѣ и оцѣнивается тамъ на деньги:

«Если авторское право, говоритъ онъ (ibid. стр. 12 и сл.), по существу своему есть право имущественное, то его нельзя считать, какъ это дѣлали многіе, собственностью. Ибо понятіе собственности относится только къ юридическому господству надъ *тѣлесными* вещами. Но и объ *аналогическомъ* примѣненіи этого понятія къ умственнымъ произведеніямъ, о такъ называемой *литературной собственности* и рѣчи быть не можетъ, ибо на такое произведеніе немыслимо именно то юридическое господство, которое принадлежитъ собственнику тѣлесной вещи и дѣлаетъ его таковымъ. Хотя не подлежитъ сомнѣнію, что средство, чрезъ которое умственное произведеніе появляется на свѣтъ, именно рукопись, книга, художественное произведеніе, есть объектъ собственности; но юридическое господство, доставляемое этою дѣйствительною собственностью на матеріальный объектъ, до того отличается отъ юридической власти, даваемой авторскимъ правомъ, что объ аналогическомъ распространеніи того, что примѣняется къ означенному господству, на эту власть не можетъ быть и рѣчи. Авторъ или его юридическій преемникъ, какъ таковые, господствуютъ не надъ матеріальнымъ объектомъ, во владѣніи, не-

посредственномъ пользованіи и распоряженіи которымъ они могутъ быть защищены противъ чужаго посягательства. Это господство автора надъ его воплощеннымъ продуктомъ, проявляемое имъ въ качествѣ собственника послѣдняго, не можетъ быть нарушено воспроизведеніемъ этого продукта третьимъ лицомъ; авторъ, напротивъ того, ищетъ защиты противъ такого дѣйствія (воспроизведенія этого продукта), которое желаетъ совершить съ этою его вещью владѣлецъ экземпляра воплощеннаго продукта, или даже законный собственникъ этого экземпляра, напр. купившій книгу или художественное произведеніе; авторъ желаетъ тѣмъ самымъ ограничить свободу третьихъ лицъ, не исключая и собственника этой вещи, между тѣмъ, какъ взятое въ отдѣльности воспроизведеніе этой вещи вовсе не касается сферы его права собственности».

Точно также не можетъ быть и рѣчи объ аналогической собственности на *субстанцію* сочиненія, ибо разъ обнародованная мысль не подлежитъ уже исключительному господству ея автора, да и самъ авторъ, обнародуя ее, не желаетъ такого господства. Въ своемъ исключительномъ распоряженіи онъ можетъ удержать лишь то, что находится въ связи съ имущественною стоимостью его работы и пользованіемъ этою стоимостью. Что же касается до полномочія на исключительное воспроизведеніе и обнародованіе умственнаго произведенія, то оно вовсе не подходитъ подъ понятіе собственности, и подводить его сюда, значило бы лишить собственность ея существеннаго значенія и растворить ее въ понятіи имущественнаго права вообще... Назвать умственною собственностью имущественное право автора Вехтеръ считаетъ опаснымъ потому, что выраженіе «собственность» получило бы тутъ смыслъ аномаліи. Нельзя также согласиться съ нѣкоторыми, что съ обнародованіемъ сочиненія имущественное право автора уменьшается, ограничивается и видоизмѣняется правомъ публики.

«Конечно, говоритъ онъ (ibid. стр. 15), съ обнародованіемъ сочиненія умственное содержаніе послѣдняго ста-

новится доступнымъ публикѣ и дѣлается предметомъ умственнаго оборота. Но подобно тому, какъ владѣлецъ сада, открывая его для публики, тѣмъ самымъ не даетъ еще всякому гуляющему въ немъ право присвоивать деревья и цвѣточныя клумбы, такъ и авторъ, обнародуя свое произведеніе, тѣмъ самымъ не передаетъ его еще во власть контрафакторовъ».

«Но такъ или иначе, исключительность автора дѣйствительно находитъ свой предѣлъ въ требованіяхъ свободы оборота. Интересъ общества требуетъ, чтобы слишкомъ продолжительная исключительность отдѣльнаго лица не изъяла сочиненіе изъ общаго пользованія или не затруднила послѣднее. Этимъ объясняется, съ одной стороны, необходимость безусловной свободы пользованія содержаніемъ изданнаго сочиненія для новыхъ произведеній, а съ другой— временныя границы (срочность) для исключительности автора. Интересъ автора, заключающійся въ этой исключительности, съ истеченіемъ опредѣленнаго числа лѣтъ въ главномъ является обыкновенно удовлетвореннымъ и исчерпаннымъ, ибо такова природа литературнаго или артистическаго оборота. А за тѣмъ вступаетъ въ свои права то общее начало, по которому свобода оборота не должна быть чрезмѣрно ограничиваема въ пользу отдѣльнаго лица. Законодательство удовлетворяетъ этому интересу общества тѣмъ, что по истеченіи опредѣленнаго сплошнаго времени дѣлаетъ сочиненіе общимъ достояніемъ».

При всемъ нашемъ уваженіи къ почтеннымъ трудамъ этого мыслителя, мы не можемъ не сказать, что въ вопросѣ о существѣ авторскаго права онъ оказывается гораздо слабѣе всѣхъ предшествующихъ писателей. Послѣдніе клали въ основаніе авторскаго права тотъ или другой принципъ, и отправляясь отсюда, болѣе или менѣе послѣдовательно приходили къ своимъ окончательнымъ выводамъ. Напротивъ того, Вехтеръ, опровергая ихъ теоріи, самъ не даетъ ничего опредѣленнаго, ничего такого, изъ чего слѣдовало бы исходить при регулированіи нашего института. Съ од-

ной стороны, онъ совершенно правильно утверждаетъ, что сочиненіе получаетъ юридическое значеніе лишь съ момента появленія его на книжномъ рынкѣ и оцѣнки его тутъ на деньги, что только съ этого времени оно становится объектомъ авторскаго права; съ другой же — онъ безусловно отвергаетъ всякую мысль о правѣ собственности автора на этотъ объектъ. Но если сочиненіе есть объектъ, имѣющій рыночную цѣну, и если оно принадлежитъ автору, то естественно спросить: на какомъ основаніи, на какомъ титулѣ оно принадлежитъ послѣднему, и что такое авторское право? Первый изъ этихъ двухъ вопросовъ Вехтеръ оставляетъ безъ отвѣта; что же касается втораго, то отвѣтъ его до того неопредѣленый, что равносиленъ отсутствію всякаго отвѣта. Авторское право, говоритъ онъ, есть право имущественное; мы полагаемъ, что такое опредѣленіе совершенно подобно тому, какъ если бы кто-либо для опредѣленія лошади въ зоологическомъ отношеніи, сказалъ, что она относится къ классу млекопитающихъ. Подъ имущественнымъ правомъ разумѣется совокупность самыхъ разнообразныхъ правоотношеній, укладывающихся въ двѣ весьма обширныя сферы гражданскаго права: въ право вещное и право по договорамъ и обязательствамъ; въ предѣлахъ каждой изъ этихъ двухъ сферъ есть цѣлая масса дѣленій и подраздѣленій, цѣлая масса институтовъ, имѣющихъ свои отличительные признаки. Къ какому же изъ нихъ пріурочить авторское право, это у Вехтера остается невыясненнымъ. Авторское право есть право имущественное, вотъ и все. Прекрасно, значитъ его можно подвести подъ владѣніе, собственность, сервитуты, подъ самые разнообразные договоры и обязательства, только не подъ семейное и наслѣдственное право. Но подъ собственность Вехтеръ не желаетъ его подводить, и самая мысль о литературной собственности является въ его глазахъ кощунствомъ противъ установившаго въ юриспруденціи понятія собственности вообще. Собственность, находитъ онъ, предполагаетъ непремѣнно юридическое господство надъ тѣлеснымъ объектомъ; авторское право есть гос-

подство надъ объектомъ, имѣющимъ рыночную цѣну. Слѣдовательно, съ этой стороны, можно бы думать, оно совершенно сходно съ собственностью. Но господство и объектъ, доказываетъ Вехтеръ, не имѣютъ тутъ ничего общаго съ господствомъ и объектомъ собственника. Спрашивается, что же они такое сами по себѣ? — Неизвѣстно, отвѣтимъ мы за Вехтера, ибо самъ онъ на это не отвѣчаетъ. Эта неопредѣленность и это молчаніе, это оставленіе самыхъ существенныхъ вопросовъ въ институтѣ авторскаго права безъ всякаго отвѣта служитъ, по нашему мнѣнію, достаточнымъ доказательствомъ затруднительнаго положенія Вехтера и несостоятельности его главнѣйшихъ выводовъ. А потому мы не станемъ останавливаться на подробномъ опроверженіи сихъ послѣднихъ, ибо, въ противномъ случаѣ, намъ пришлось повторить все то, что мы развивали уже выше при опроверженіи теоріи Ренуара; но не можемъ не сказать, что въ дальнѣйшемъ изложеніи монографіи Вехтера представляютъ своего рода chef d'oeuvre и должна быть принята за основаніе при изслѣдованіи отдѣльныхъ составныхъ частей нашего института.

Другой писатель этой группы, именно *Іоллц* [1]), точно также считаетъ авторское право правомъ имущественнымъ, но въ отличіе отъ Вехтера старается установить основаніе обязательной силы этого права. Разобравъ выраженныя до него воззрѣнія на этотъ институтъ и отвергнувъ ихъ всѣ до одного, онъ излагаетъ свой собственный взглядъ, отличающійся столько же оригинальностью, сколько и неосновательностью. Прежде всего онъ задается мыслью изслѣдовать авторское право по законодательнымъ постановленіямъ Германскаго Союза и восхваляетъ при этомъ германское законодательство за то, что, «обойдя каменную глыбу много прославленной и много проповѣдуемой такъ называемой литературной собственности, оно охраняетъ

[1]) *Julius Jolly.* Die Lehre vom Nachdruck. Nach den Beschlüssen des deutschen Bundes dargestellt. Heidelberg 1852.

права автора лишь въ формѣ запрещенія контрафакціи и эту защиту, насколько она реализируется запрещеніемъ контрафакціи, съ благоразумною умѣренностью ограничиваетъ имущественными правами, принадлежащими автору на его произведеніе» (стр. 81). Далѣе слѣдуютъ доказательства въ пользу невозможности какой-либо литературной собственности, не представляющія собою ничего оригинальнаго и новаго и въ заключеніе излагается собственный взглядъ Іолли на источникъ обязательной силы авторскаго права. «Если, говоритъ онъ (стр. 86 и сл.), въ силу вышеизложенныхъ основаній нельзя одобрить такъ наз. литературную собственность автора, заключающую въ себѣ исключительное право распоряженія и пользованія, то защита писателя противъ вытекающаго изъ механическаго размноженія и распространенія его сочиненія имущественнаго ущерба вполнѣ оправдывается какъ общими основаніями, такъ и издавна укоренившимся въ народѣ правосознаніемъ». Обращаясь къ этому правосознанію, онъ утверждаетъ, что оно построено на правильныхъ основаніяхъ, для доказательства чего достаточно, по его мнѣнію, одного безпристрастнаго взгляда на разсматриваемыя отношенія; затѣмъ онъ предупреждаетъ, что онъ не станетъ объяснять существо авторскихъ правъ внутреннею природой мыслей, ибо онѣ именно въ силу этой природы не могутъ стать объектомъ права. «Но съ одной стороны потребность и любовь къ чтенію, продолжаетъ онъ, въ наше время столь велики и столь распространены между всѣми, а съ другой отдѣльный экземпляръ книги съ помощью искусства книгопечатанія и его машинъ можетъ быть доведенъ до такой дешевой цѣны, что многіе изъ публики охотно готовы платить за отдѣльный экземпляръ цѣну, высшую противъ суммы издержекъ на его отпечатаніе. Этими обстоятельствами объясняется, что уже довольно рано возникла коммерческая спекуляція, имѣющая своимъ предметомъ какъ печатаніе литературныхъ произведеній, на сбытъ которыхъ можно разсчитывать, такъи продажу полученныхъ такимъ образомъ отдѣльныхъ отпечатанныхъ

экземпляровъ публикѣ. Но такъ какъ въ отдѣльномъ экземплярѣ оплачивается не столько разрисованная печатными буквами бумага, сколько изображаемое этими знаками содержаніе книги, то справедливость требуетъ, чтобы получаемая отъ этой операціи воспроизведенія и распространенія прибыль доставалась главнымъ образомъ тому, кто создалъ собственно оплачиваемое въ отдѣльномъ экземплярѣ, т. е. писателю. Нужды нѣтъ, что писатель, берущійся за перо подъ вліяніемъ надежды на денежную прибыль, самъ свидѣтельствуетъ о себѣ, что чрезъ него говоритъ не внутренняя сила духа или не святая любовь къ правдѣ; тѣмъ не менѣе справедливость и даже правомѣрность требуетъ, чтобы имущественная стоимость, которая въ силу нашихъ нынѣшнихъ отношеній возникаетъ чрезъ его работу, принадлежала главнѣйшимъ образомъ ему самому. Изъ того, что дѣяніе писателя доставляетъ ему почетъ и изъ того, что мы главнымъ образомъ только того писателя считаемъ истиннымъ пастыремъ духа, который пишетъ не ради презрѣнной корысти, мы не можемъ вмѣстѣ съ защитниками контрафакціи выводить заключеніе, будто созданная литературнымъ произведеніемъ имущественная стоимость есть достояніе всѣхъ вообще. Кто отрекается отъ притязанія на особое почитаніе со стороны современниковъ и потомства или въ сознаніи посредственности своихъ силъ вовсе не дѣлаетъ этого почитанія предметомъ своего особаго стремленія, тотъ тѣмъ самымъ еще не отказывается отъ заключающейся въ его трудѣ имущественной стоимости; или кто стяжалъ себѣ этотъ почетъ, тотъ тѣмъ самымъ еще не принялъ на себя юридической обязанности довольствоваться имъ и предоставить матеріальное вознагражденіе за свои усилія другимъ. Еще глупѣе и безсодержательнѣе чѣмъ утрированное, навязываемое писателю намѣреніе удовлетворить своимъ сочиненіемъ только стремленію своего духа, а не пріобрѣтенію денегъ, представляется другое приводимое въ пользу контрафакціи основаніе, что книги суть одно изъ главнѣйшихъ средствъ распространенія просвѣщенія, а

потому въ интересѣ всего человѣчества слѣдуетъ заботиться о возможной дешевизнѣ ихъ; дешевизна же эта между прочимъ можетъ быть достигнута тѣмъ, что всякому будетъ дозволена перепечатка разъ обнародованнаго сочиненія и такимъ образомъ путемъ конкуренціи будетъ установлена возможно низкая цѣна. Не говоря уже о томъ, что даже поверхностное знакомство съ условіями оборота показываетъ, что при принципіальной дозволенности контрафакціи не могла бы существовать правильная книжная торговля и что прекращеніе послѣдней неизбѣжно повлекло бы за собою необыкновенную дороговизну книгъ, не говоря уже объ этомъ, воззрѣніе, что единичное лицо безъ всякаго вознагражденія должно жертвовать плодами своего труда, дабы другіе тѣмъ легче и удобнѣе могли насладиться ими, такое воззрѣніе съ точки зрѣнія права представляется, выражаясь снисходительно, въ высшей степени удивительнымъ». Сверхъ того противъ контрафакціи говоритъ и строй нашей книжной торговли. Изданіе книги требуетъ обыкновенно столько практическаго навыка и знакомства съ столькими различными частностями, по большей части недоступными для писателя, что онъ по необходимости долженъ передавать это дѣло ремесленнымъ издателямъ. Если же такой порядокъ вещей мы признаемъ цѣлесообразнымъ и полезнымъ для общества, то мы должны принять и условія существованія этого порядка, «а эти условія въ юридическомъ созерцаніи народа, превращающаго житейскія отношенія въ юридическія, должны получить видъ правоположеній, слѣдовательно, должны быть признаны таковыми юристами и освящены какъ таковыя законодателемъ». Доказывая далѣе, что контрафакція убьетъ издательское дѣло, и обращаясь снова къ существу авторскаго права, Іолли приходитъ къ тому результату, что право это состоитъ въ запрещеніи чего-то третьимъ лицамъ, въ требованіи отъ нихъ воздержанія отъ извѣстнаго дѣйствія, и что слѣдовательно оно не можетъ быть мыслимо въ иной юридической формѣ, кромѣ той, которая усвоена всѣми положительными законодательствами.

«Во всей системѣ гражданскаго права, говоритъ онъ, нѣтъ другой подходящей сюда формы». Точно также не можетъ быть допущено сопоставленіе авторскаго права съ промысловымъ. «Писатель не желаетъ единственно и исключительно осуществить промыселъ, но онъ хочетъ одинъ воспользоваться тѣмъ пріобрѣтеніемъ, которое связано съ созданнымъ имъ сочиненіемъ». Промысловыя права обыкновенно основаны на общественномъ интересѣ, будучи даваемы съ тѣмъ, чтобы сдѣлать возможными слишкомъ дорого стоющія промышленныя приспособленія. Напротивъ того авторское право основано единственно на собственныхъ, юридически защищаемыхъ денежныхъ интересахъ автора.

Несмотря на справедливыя замѣчанія, разсѣянныя тамъ и сямъ въ книгѣ Іолли, въ юридическомъ построеніи понятія авторскаго права ему также мало посчастливилось, какъ и Вехтеру. Авторское право, утверждаетъ онъ, имѣетъ обязательную силу потому, что оно установлено германскимъ народнымъ правосознаніемъ, другими словами обычнымъ правомъ германскаго народа. Это правосознаніе явило уже много доказательствъ своего существованія, а потому сомнѣваться въ послѣднемъ представляется излишнимъ. Но спрашивается теперь, на чемъ же въ свою очередь основано это правосознаніе? На требованіяхъ справедливости, практической пользѣ и цѣлесообразности, отвѣчаетъ Іолли. Такова въ немногихъ словахъ аргументація Іолли. Народъ защищаетъ автора отъ контрафакціи, потому что справедливость требуетъ, чтобы оплачиваемое въ каждомъ экземплярѣ содержаніе книги шло въ пользу того, кто былъ виновникомъ этого содержанія. Тотъ же народъ защищаетъ автора отъ контрафакціи, потому что необходимо поддержать издательскій промыселъ, безъ чего онъ прійдетъ въ совершенный упадокъ и книги ужасно вздорожаютъ. Цѣль всякаго изданія есть денежная выгода, и защита отъ контрафакціи необходима потому, что она даетъ возможность достигнуть этой цѣли. Всѣ эти доводы столь же блистаютъ отсутствіемъ чисто юридическихъ соображеній, сколько и

присутствіемъ соображеній чисто практическихъ. Взявшись опредѣлить юридическій характеръ авторскаго права съ цивилистической стороны, Іолли намѣтилъ лишь содержаніе этого права, но не построилъ никакой юридической конструкціи, которая давала бы возможность прямо опредѣлить юридическія свойства этого института и дать ему соотвѣтствующее мѣсто въ общей системѣ гражданскаго права. Не говоря уже о томъ, что его доказательства ведутъ за собою цѣлый рядъ вопросовъ, отвѣта на которые мы у него не находимъ, не говоря о томъ, что защита автора отъ контрафакціи съ цѣлью вознагражденія его за трудъ заставляетъ спросить, какъ долго должна продолжаться эта защита, должна ли она ограничиваться первымъ изданіемъ, или тянуться до конца дней автора, и если такъ, то почему же ее предоставляютъ еще наслѣдникамъ автора и т. д., мы полагаемъ, что самая исходная точка аргументаціи Іолли совершенно неправильна. Справедливо замѣчаетъ ему Гарумъ [10]), что и германское правосознаніе должно дать о себѣ отчетъ, что сама по себѣ справедливость не есть еще право основаніе, что столь же справедливо было бы, чтобы прибыль отъ извѣстнаго дѣла, ведомаго исключительно факторомъ, безъ всякаго вмѣшательства со стороны собственника, доставалась преимущественно не собственнику, а фактору, не имѣющему, какъ извѣстно, никакого права на нее, и что прибыль отъ изданія за рѣдкими исключеніями достается всецѣло не автору, который могъ бы получить ее по справедливости, а издателю. Само существованіе обычая, скажемъ мы, не служитъ еще ручательствомъ за его умѣстность и цѣлесообразность. И законъ и обычай могутъ быть построены на такомъ началѣ, которое легко объясняется обстоятельствами даннаго времени, степенью развитія народа или законодателя, господствовавшими въ данное время убѣжденіями, предразсудками,

---

[10]) *Peter Harum*, die gegenwärtige österreichische Preszgesetzgebung. Wien 1857 стр. 48.

нравами и т. д., но которое съ точки зрѣнія науки права должно быть безусловно отвергнуто какъ противорѣчащее или нравственнымъ законамъ и справедливости, или общепризнаннымъ принципамъ соціологіи, политики и т. п. Наука обязана указать на это противорѣчіе и опредѣлить способъ къ устраненію его; этимъ она способствуетъ отмѣнѣ непригоднаго закона и введенію въ дѣйствующее законодательство болѣе правильныхъ принциповъ. Тотъ ученый юристъ, который самый законъ или обычай считаетъ безусловною истиною потому только, что онъ законъ или обычай, и ставитъ ихъ исходною точкою своей аргументаціи, тотъ ученый, говоримъ мы, уклоняется отъ своего прямаго назначенія: быть проводникомъ истины въ дѣло законодательства и тѣмъ противодѣйствовать застою или неправильному движенію его, и низводитъ себя на степень простаго комментатора. Іолли впалъ именно въ эту ошибку; считая постановленія современныхъ законодательствъ объ авторскомъ правѣ безспорною истиною, онъ отнесся къ нимъ не какъ ученый критикъ, а какъ простой комментаторъ; онъ не оцѣниваетъ ихъ съ научной точки зрѣнія, а старается подъискать оправдывающія ихъ соображенія. Постановленія эти таковы, что изъ нихъ нельзя вывести право собственности автора на его произведеніе, и вотъ Іолли направляетъ всѣ силы своего ума къ тому, чтобы доказать несостоятельность литературной собственности; современные законы даютъ автору ограниченное временемъ пользованіе его произведеніемъ, и Іолли подбираетъ резоны, чтобы истолковать это ограниченіе какъ требованіе справедливосеи и т. д. Но отыскивая и подбирая искусственныя доказательства, онъ не замѣчаетъ, что оставляетъ по себѣ большіе пробѣлы и недомолвки, которые совершенно парализуютъ его усилія.

Переходимъ теперь къ третьему писателю, который по солидности своего сочиненія, посвященнаго нашему институту, можетъ быть поставленъ рядомъ съ Вехтеромъ. Мы

говоримъ о *Клостерманѣ*[11]). Подобно Вехтеру и Іолли, онъ отвергаетъ всякую мысль о привилегіи, какъ основаніи авторскаго права, но въ его опредѣленіи юридической природы этого права, въ его юридической конструкціи господствуетъ такая же, если не большая шаткость и неопредѣленность, чѣмъ у двухъ названныхъ выше писателей. Слѣдуя принятому нами методу, мы изложимъ его ученіе съ возможною полнотою и по возможности его же словами.

«Творческая дѣятельность человѣческаго ума, говоритъ онъ (стр. 112 и сл.), проявляется въ трехъ различныхъ направленіяхъ, въ направленіи къ истинному, прекрасному и цѣлесообразному; сообразно этимъ направленіямъ она выражается въ представленіяхъ логическомъ, эстетическомъ и телеологическомъ. Равнымъ образомъ и средства, чрезъ которыя проявляется умственная дѣятельность, различаются по этимъ тремъ направленіямъ. Логическое мышленіе выражается въ словахъ, эстетическое представленіе изображается въ пространственныхъ формахъ и телеологическое творчество въ движущихся и преобразующихъ матерію силахъ.

«Тремя означенными направленіями обусловливаются объекты умственной собственности, которыя суть сочиненія, художественныя произведенія и техническія изобрѣтенія и продукты. Если свободная дѣятельность въ этихъ направленіяхъ въ обыкновенномъ смыслѣ принадлежитъ ихъ автору, то для того, чтобы продуктъ ея могъ стать предметомъ умственной собственности, необходимо еще кое-что прибавить. Умственный продуктъ долженъ быть способенъ къ механическому воспроизведенію и это воспроизведеніе должно доставлять имущественный интересъ.

«Такимъ образомъ умственная собственность есть имущественное пользованіе механическимъ воспроизведеніемъ

---

[11]) *R. Klostermann*, das geistige Eigenthum an Schriften, Kunstwerken und Erfindungen nach deutschem und internationalem Rechte. Erster Band. Berlin 1871.

продукта умственнаго труда. Она состоитъ въ неограниченномъ и исключительномъ правѣ воспроизводить этотъ продуктъ.

«Въ лицѣ автора, которому это право первоначально принадлежитъ, оно проявляется прежде всего, какъ основанное на естественной свободѣ управленіе, существованіе коего не зависитъ отъ пріобрѣтенія особаго права. Никому не можетъ быть возбранено воспроизведеніе своихъ сочиненій, художественныхъ произведеній и изобрѣтеній въ любомъ количествѣ экземпляровъ, если только онъ не отказался отъ этого права въ пользу третьяго лица. Поэтому управомочіе автора размножать свое произведеніе не прекращается также съ потерею умственной собственности. Художникъ или изобрѣтатель можетъ продолжать размноженіе своего произведенія и по истеченіи законнаго срока защиты, но не на основаніи исключительнаго права, а наравнѣ съ другими.

«Слѣдовательно управомочіе на воспроизведеніе получаетъ характеръ права лишь благодаря исключительности, а существо умственной собственности состоитъ въ ограниченіи свободы третьихъ лицъ, коимъ воспрещается означенное размноженіе помимо воли автора.

«Въ силу этого умственная собственность относится къ тѣмъ классамъ правъ, которыя обозначались словомъ *регальныя привилегіи* (Gerechtigkeiten) или слишкомъ узкимъ названіемъ *промысловыхъ правъ* (Gewerbeberechtigungen) и которыя всѣ сходятся въ томъ, что только управомоченный въ правѣ совершать извѣстныя дѣйствія (исключительное право охоты, желѣзнодорожная привилегія, право принужденія къ браку—Mahlzwang и м. др.). Она отличается отъ остальныхъ привилегій нынѣшняго права главнымъ образомъ тѣмъ, что исключительное управомочіе не ограничено предѣлами извѣстнаго округа, но границы его опредѣляются единственно предметомъ или вмѣстѣ предметомъ и способомъ воспроизведенія.

«Умственная собственность не имѣетъ тѣлеснаго объекта.

Тѣмъ не менѣе она, какъ и остальныя регальныя привилегіи (Gerechtigkeiten), принадлежитъ къ правамъ вещнымъ (dingliche Rechte). Она не принадлежитъ, подобно правамъ требованія, опредѣленному лицу лишь по отношенію къ опредѣленнымъ другимъ лицамъ, но проявляетъ свое дѣйствіе по отношенію ко всѣмъ лицамъ, и управомоченный можетъ осуществить и преслѣдовать ее противъ всякаго. А потому и по отношенію къ первоначальному и производному пріобрѣтенію, по отношенію къ отчужденію, осуществленію и преслѣдованію она подчиняется тѣмъ же правиламъ, какъ и вещныя права вообще.

«Умственная собственность не имѣетъ тѣлеснаго объекта и потому не составляетъ вида собственности на вещи (dominium rerum). Понятіе собственности нельзя распространять такимъ образомъ, чтобъ оно примѣнялось къ простому исключительному управомочію совершать извѣстныя дѣйствія, не ограниченныя пространственными и тѣлесными предѣлами.

«Подъ собственностью можетъ быть разумѣемо только полное и исключительное господство надъ вещью, слѣдовательно, надъ тѣлеснымъ объектомъ. Если и говорятъ о собственности на безтѣлесныя вещи, то подъ ними разумѣютъ лишь совокупность тѣлесныхъ вещей, которая, какъ напр. наслѣдство или приданое, хотя сами по себѣ и представляютъ абстрактное понятіе, но въ дѣствительности совмѣщаютъ въ себѣ извѣстное число тѣлесныхъ вещей. Въ составъ наслѣдства могутъ входить и безтѣлесныя права, но хотя перенесеніе понятія собственности на эту совокупность тѣлесныхъ и безтѣлесныхъ предметовъ и содержитъ въ себѣ распространеніе, но вовсе не измѣняетъ первоначальнаго понятія».

И такъ, говоритъ далѣе Клостерманъ (стр. 116), между собственностью на произведеніе ума и собственностью на вещь нѣтъ ничего общаго, кромѣ названія; но это названіе принято повсюду и столь же старо, какъ и признаніе самого авторскаго права. «Употребленіе этого названія

(стр. 118) часто оспаривалось новѣйшими писателями-юристами. Но нападки ихъ направлены только противъ смѣшенія умственной собственности съ собственностью на вещи и противъ непозволительнаго распространенія понятія собственности, которое послужило ближайшимъ поводомъ къ господствующему названію. Однако возраженія ихъ не могутъ устранить этого принятаго законодательствомъ и наукою названія. Можно съ удобствомъ пользоваться словами: умственная собственность, не подвергая тѣмъ никакому сомнѣнію генерическаго отличія авторскаго права на продукты ума отъ собственности на вещь. Слѣдовательно, терминъ умственная собственость имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и другіе общепринятые юридическіе термины, которые приводятъ къ противорѣчію лишь при буквальномъ ихъ пониманіи, какъ напр. предполагаемое полномочіе, духовное родство, моральное лице и т. п.» Въ заключеніе Клостерманъ доказываетъ, что всѣ остальныя названія не могутъ быть сочтены удачными.

Эта аргументація Клостермана страдаетъ еще большею темнотою, чѣмъ аргументація Іолли и Вехтера. Представляя собою попытку оправдать господствующее названіе авторскаго права, Клостерманъ не признаетъ однако въ послѣднемъ дѣйствительной собственности, а подобно Вехтеру [12]) и отчасти Гомейеру [13]) относитъ его къ разряду такъ назыв. Geverbeberechtigungen, придавая имъ характеръ вещныхъ правъ. Но если авторское право не имѣетъ ничего общаго съ собственностью на вещи, то къ нему не должно быть примѣняемо и названіе собственности, ибо одна исключительность этого права, какъ утверждаетъ и самъ Клостерманъ, еще не есть такой признакъ, который уполномочивалъ бы подводить его подъ понятіе собственности. Исклю-

---

[12]) *Oscar Wächter.* Das Verlagsrecht, Erste Hälfte. Stuttgart 1857. § 11, стр. 113.

[13]) *Homeyer,* Das Gesetz von 11 Juni 1837 und das geistige Eigenthum. Berlin 1838. См. *Вехтера* Das Verlagsrecht. стр. 84, прим. 89.

чительность свойствена не только собственности, но и всей совокупности правъ, входящихъ въ разрядъ вещныхъ; она есть признакъ, отличающій и владѣніе, и сервитуты, и залогъ. Слѣдовательно называть на основаніи этого признака авторское право собственностью, значило бы то же, что и называть лошадь человѣкомъ только потому, что и въ человѣкѣ и въ лошади есть развитая нервная система. Что-нибудь одно: или авторское право не есть собственность, и тогда слѣдуетъ совершенно отвергнуть терминъ — литературная собственность, или оно есть дѣйствительная собственность, и тогда означенный терминъ имѣетъ полнѣйшее право на существованіе.

Подведеніе авторскаго права подъ такъ-называемыя Gewerberechte, подъ эти обломки феодальнаго порядка вещей, продолжающіе еще свое существованіе въ Германіи и другихъ государствахъ, должно быть названо весьма грубою ошибкой, непростительною для такихъ солидныхъ и серіозныхъ ученыхъ, какъ Вехтеръ и Клостерманъ. Обращаясь къ юридическому характеру этихъ по большей части феодальныхъ правъ, для которыхъ у насъ не существуетъ даже спеціальнаго названія, необходимо замѣтить, что подведеніе подъ ихъ понятіе правъ вещныхъ не имѣетъ за собою никакого основанія. Права эти основаны на привилегіи и суть ничто иное, какъ одинъ изъ видовъ осуществленія регальныхъ правъ государства. Вотъ, напримѣръ, какъ о нихъ говоритъ Герберъ [14]): «Есть нѣкоторыя права, пріобрѣтеніе коихъ изъято отъ свободнаго произвола лицъ и принципіально принадлежитъ государству, предоставляющему правомочіе на него исключительно общественной власти. Но фактически оно не всегда пользуется этимъ правомочіемъ, а часто уступаетъ его частнымъ лицамъ, уполномочивая ихъ на то въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особою привилегіею. Такія правомочія суть такъ называемыя *ре-*

---

[14]) *C. F. v. Gerber*, System des deutschen Privatrechts. Zwölfte verbesserte Auflage. Jena 1875. § 67, стр. 175—179.

галіи; они отличаются отъ верховныхъ правъ своимъ частнымъ характеромъ, а отъ остального имущества казны тѣмъ, что являются не отдѣльно осуществленными управомочіями, а исключительною возможностью осуществленія опредѣленнаго класса правъ, и принадлежатъ государству не какъ случайному субъекту, а государству, какъ таковому. Объекты этихъ регалій совершенно разнообразны и не имѣютъ между собою никакой внутренней связи, такъ какъ особое направленіе регальности зиждется на внѣшнихъ основаніяхъ и историческихъ случайностяхъ... Частныя лица путемъ полученія привилегіи пріобрѣтаютъ право на осуществленіе извѣстной регаліи, пріобрѣтаютъ такъ называемую *Gerechtigkeit*. Но этимъ отнюдь не передается имъ сама регальность, ибо привилегія есть лишь одна изъ многихъ формъ, въ которыхъ государство въ отдѣльныхъ случаяхъ осуществляетъ свое регальное право... Пріобрѣтенная регалія (Gerechtigkeit) есть дѣйствительное частное право, которое можетъ быть защищаемо даже противъ самого государства обыкновенными исковыми и владѣльческими средствами защиты и которое обладатель его можетъ свободно отчуждать». Предметомъ этихъ регальныхъ привилегій могутъ быть исключительное право охоты, рыбной ловли, добыванія руды, содержанія мельницъ, почтовой гоньбы, содержанія телеграфовъ и т. п. Слѣдовательно привилегіи эти даютъ исключительное право на совершеніе извѣстныхъ дѣйствій, которыя могутъ имѣть, но могутъ и не имѣть никакой связи съ данною вещью, а потому относить ихъ къ разряду правъ вещныхъ не представляется никакого основанія. Такимъ образомъ, если даже признать классификацію Клостермана правильною, то все-таки пришлось бы отвергнуть его мнѣніе о вещности авторскаго права.

Но изъ вышеизложеннаго легко усмотрѣть, что въ пользу подведенія авторскаго права подъ означенныя привилегіи нельзя привести рѣшительно никакихъ разумныхъ основаній. Государство не имѣетъ никакого права на сочиненіе, ибо, какъ и самъ Клостерманъ говоритъ, литературное

произведеніе есть продуктъ свободной творческой дѣятельности человѣческаго ума, а право на размноженіе сочиненія основано на естественной свободѣ. Въ исторіи нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы государство когда-либо признавало печатаніе сочиненій своимъ регальнымъ правомъ и чтобъ оно когда-либо считало себя въ правѣ уступать пользованіе ими, какъ своею особою регаліею. Дѣйсвительно было время, когда игнорированіе авторовъ положительнымъ законодательствомъ приводило многихъ къ заключенію, будто обнародованное сочиненіе есть *res omnium communis*; право на перепечатку сочиненія считалось въ то время не исключительною принадлежностью государства, а принадлежностью всѣхъ и каждаго. Такъ какъ такой порядокъ вещей былъ крайне вреденъ для писателей, а вмѣстѣ и для интересовъ государства, то послѣднее, въ силу своихъ верховныхъ, но не регальныхъ правъ, разрѣшало частныя изъятія изъ этого порядка въ пользу авторовъ и издателей. Но то были аномаліи, которые съ теченіемъ времени должны были исчезнуть. Если попытка нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ ученыхъ узаконить эти аномаліи должна быть названа абсурдомъ, то еще большимъ абсурдомъ является попытка Гомейера, Вехтера и Клостермана, желающихъ подвести авторское право подъ понятіе привилегіи, даруемой государствомъ на основаніи своего регальнаго права. Къ тому же она прямо противорѣчитъ самими этими писателями признанному началу, что авторское право не зависитъ ни отъ какой привилегіи, а обусловлено единственно свободною творческою дѣятельностью. По истинѣ удивительно, что поставивъ это начало отправною точкою своего изслѣдованія, они, при дальнѣйшемъ изложеніи, совершенно забываютъ о немъ и приходятъ къ результатамъ, діаметрально противоположнымъ ему.

Достаточно бѣглаго безпристрастнаго взгляда на довольно длинный рядъ вышеизложенныхъ мнѣній ученыхъ, чтобы вполнѣ убѣдиться, къ какимъ противорѣчіямъ, несообразностямъ, колебаніямъ и даже совершеннымъ нелѣпо-

стямъ приводятъ предвзятая идея и предубѣжденіе противъ извѣстнаго положенія. Оторванное отъ своей родной почвы, авторское право въ рукахъ этихъ ученыхъ становится мячикомъ, легко перелетающимъ отъ одной крайности къ другой. То оно награда за трудъ, то привилегія, то имущественное, то вещное право, то послѣдствіе государственной регаліи и т. д. Съ тѣхъ поръ, какъ паложительныя законодательства приняли это злополучное право подъ свою защиту, оно носится по горизонту науки безъ всякаго опредѣленнаго назначенія и по дуновенію того или другаго ученаго или легко передвигается съ одного мѣста на другое, или паритъ въ пространствѣ, подобно птицѣ, высматривающей мѣсто, куда ей удобнѣе было бы спуститься.

Чтобы закончить нашъ очеркъ воззрѣній, выраженныхъ учеными юристами на разсматриваемый институтъ, намъ остается сказать еще о двухъ группахъ писателей, отправляющихся при опредѣленіи его юридическаго характера отъ двухъ различныхъ между собою точекъ зрѣнія. Личность автора есть исходная точка одной группы и литературная собственность исходная точка другой. Мы остановимся сначала на первой и изложимъ вкратцѣ главнѣйшіе доводы наиболѣе выдающихся писателей этой группы.

Первое мѣсто въ ряду ихъ принадлежитъ безъ сомнѣнія *Блунчли* [15]). Доказывая (стр. 112), что авторское право не можетъ быть подведено подъ понятіе собственности въ римскомъ смыслѣ этого слова, онъ утверждаетъ, что «сочиненіе, какъ *продуктъ ума*, не связано съ опредѣленною рукописью или съ опредѣленною книгой. Оно можетъ существовать и безъ письма или печати, напр. какъ устная лекція или рѣчь. Поэтому право автора не потерпѣло бы ни малѣйшаго измѣненія, еслибы даже уничтожилась его рукопись и всѣ экземпляры отпечанной книги перешли бы къ чужимъ собственникамъ. Природа сочиненія, какъ про-

[15]) *Bluntschli*, Deutsches Privatrecht. 3 изд. München 1864.

дукта ума, отнюдь не вещественна, а истинное ея выраженіе есть живое слово. «Отличіе авторскаго права отъ собственности проявляется еще въ томъ, что оно постоянно указываетъ на индивидуально опредѣленное лицо автора, отъ котораго во все время своего существованія оно не можетъ вполнѣ отдѣлиться, между тѣмъ какъ для собственности лицо собственника безразлично. Наконецъ право собственности и авторское право различаются и по своему направленію; собственникъ желаетъ обладать вещью только для себя, напротивъ того авторъ стремится сообщить свое сочиненіе публикѣ, но только въ имъ самимъ опредѣленной формѣ и при соблюденіи его авторства. Сочиненіе, прежде всего, принадлежитъ автору (стр. 115 и сл.), ибо въ немъ раскрывается и выражается личный умъ автора». Между авторомъ и сочиненіемъ такая же естественная связь, какъ между творцомъ и твореніемъ, и авторъ имѣетъ естественное право требовать, чтобы это взаимное отношеніе было уважаемо». Отсюда вытекаетъ право автора воспрепятствовать обнародованію его сочиненія, равно, какъ и право его обнародовать послѣднее любымъ способомъ, въ любое время и въ любомъ количествѣ экземпляровъ. Право это нарушается даже и тогда, когда изданіе сочиненія помимо воли автора не только не приноситъ послѣднему никого ущерба, но даже прямо полезно ему: «ибо никто не можетъ заставить автора противъ его воли говорить къ публикѣ и приносить такимъ образомъ въ жертву обществу часть своей личности, имени и чести». Но защита писателя имѣетъ мѣсто лишь тамъ, гдѣ сочиненіе является *возможнымъ предметомъ изданія* и гдѣ нарушается исключительное право автора на изданіе, которое есть главнымъ образомъ *право личное*. Этимъ только объясняется, что главное значеніе получаетъ тутъ не рыночныя условія сбыта книги, а умственное созданіе, оригинальность и научное или художественное значеніе.

«Имущественная стоимость сочиненія, на которую опять-таки авторъ имѣетъ первенствующее право, есть потому не

главнѣйшее ядро авторскаго права и въ юридическомъ отношеніи имѣетъ лишь второстепенное значеніе, хотя эта сторона, по которой авторское право сродно съ собственностью, въ практическомъ отношеніи играетъ главнѣйшую роль». Можетъ случиться, что сочиненіе получитъ имущественную стоимость лишь въ лицѣ издателя, которому авторъ, безъ всякаго для себя гонорара, разрѣшитъ изданіе; тѣмъ не менѣе ядро авторскаго права кроется въ лицѣ автора и переходитъ къ издателю лишь въ ограниченномъ размѣрѣ. «Сообразно этому авторское право, какъ и право на фирму, есть прежде всего личное, а потомъ уже имущественное».

Но съ момента обнародованія сочиненія природа авторскаго права нѣкоторымъ образомъ измѣняется. Сочиненіе утрачиваетъ свою исключительную связь съ авторомъ и содержаніе его становится общественнымъ достояніемъ. Съ этого момента входитъ въ свои права и общество. Блунчли соглашается съ Ренуаромъ, что задача законодателя заключается въ примиреніи правъ автора съ правами общества. Собственность, говоритъ онъ, существуетъ до тѣхъ поръ, пока существуетъ находящаяся въ собственности вещь, но авторское право погашается раньше исчезновенія сочиненія. Въ заключеніе онъ оправдываетъ дѣйствующія постановленія объ авторскомъ правѣ тѣми же чисто практическими соображеніями, которыя приведены были Ренуаромъ и другими и которые уже опровергнуты нами выше.

Въ своихъ конечныхъ результатахъ съ мнѣніемъ Блунчли совершенно сходится другой цивилистъ, *Безелеръ* [16]), который, хотя и помѣщаетъ ученіе объ авторскомъ правѣ въ главѣ о собственности, но находитъ, что «наука права вынуждена совершенно отказаться отъ такъ-называемой умственной собственности и признать понятіе авторскаго права самостоятельнымъ».

---

[16]) *Georg Beseler*, System des gemeinen deutschen Privatrechts, 2-е изданіе, Berlin 1866, стр. 322 и 323.

Своеобразная теорія Блунчли встрѣтила весьма вѣскія возраженія въ особенности со стороны Вехтера [17]) и Гарума [18]). Въ области права, справедливо замѣчаетъ Вехтеръ, чисто личныя интересы автора, его честь и имя не играютъ никакой роли. Авторское право и защита его противъ контрафакціи существуютъ и примѣняются лишь съ того момента, какъ сочиненіе издано въ свѣтъ, вышло изъ круга идеальныхъ отношеній, стало имущественнымъ объектомъ и получило въ оборотѣ денежную цѣну. Только этотъ объектъ, а не идеи автора пользуются юридической защитой; что же касается до субъективныхъ желаній автора, его чести и критическихъ отношеній, то до нихъ законодательству нѣтъ никакого дѣла. Если бы при запрещеніи нарушенія авторскаго права имѣлась въ виду только личность автора, то и сообщеніе мыслей автора или даже оскорбительное искаженіе ихъ должны были бы составлять нарушеніе авторскаго права, такъ какъ для лица автора они гораздо чувствительнѣе, чѣмъ буквальная перепечатка его сочиненія, которая не только не причиняетъ никакого оскорбленія его чести, но напротивъ того служитъ лучшимъ доказательствомъ достоинства его сочиненія и соотвѣтствія его своему времени. Съ обнародованіемъ сочиненія въ авторскомъ правѣ не только не происходитъ измѣненія, но оно впервые возникаетъ лишь съ этого момента.

Вообще слѣдуетъ сказать, что выводы Блунчли, по справедливому замѣчанію Гарума, вовсе не вытекаютъ изъ его исходныхъ точекъ, что выводы эти, будучи совершенно согласованы съ нынѣшнимъ положеніемъ авторскаго права, составляютъ у него одно, а отправныя точки другое; эти двѣ величины стоятъ у него вполнѣ самостоятельно и другъ друга не только не обусловливаютъ, но даже находятся въ прямомъ противорѣчіи между собою. Сочиненіе есть про-

---

[17]) *Wächter*, das Verlagsrecht, стр. 71, 92, 93, 107.

[18]) *Harum*, Die gegenwärtige œsterreichische Preszgesetzgebung, стр. 44—47.

дуктъ ума автора, говоритъ Блунчли; отсюда слѣдовало бы заключить, что первый имѣетъ несомнѣнное право собственности на послѣднее; но этотъ выводъ Блунчли рѣшительно отвергаетъ. Между сочиненіемъ, утверждаетъ далѣе Блунчли, и авторомъ существуетъ такая же связь, какъ между творцомъ и твореніемъ; но разъ первое обнародовано, оно уже перестаетъ быть связаннымъ исключительно съ авторомъ, а чрезъ свое содержаніе становится достояніемъ общества. Такое послѣдствіе обнародованія рѣшительно нельзя примирить съ означенною связью. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ сочиненіе можетъ перестать быть твореніемъ автора только потому, что оно обнародовано? очевидно нѣтъ, ибо связь эта существуетъ до тѣхъ поръ, пока существуетъ само сочиненіе, и обнародованіе его не только не уничтожаетъ или не уменьшаетъ этой связи, но даже дѣлаетъ ее болѣе прочною, такъ какъ съ этого момента она становится внѣ всякаго сомнѣнія и закрѣпляется общимъ признаніемъ ея существованія. Публика, знакомясь чрезъ обнародованіе съ содержаніемъ книги, точно также не можетъ пріобрѣсти чрезъ это знакомство какое-либо право на самую книгу, какъ и не пріобрѣтаетъ никакого права на картину, которая выставлена публично. Нельзя не согласиться съ Гарумомъ, что эта крайне безсвязная аргументація Блунчли не заслуживала бы никакого вниманія, если бы она не принадлежала такому почтенному и знаменитому ученому.

Но и самъ *Гарумъ*, такъ остроумно и основательно опровергающій теоріи новѣйшихъ писателей, въ своей собственной аргументаціи не пошелъ далѣе ихъ и съ своей стороны не избѣжалъ тѣхъ упрековъ, которые онъ самъ же дѣлаетъ другимъ. Мы остановимся на его соображеніяхъ, изложенныхъ въ цитированномъ выше сочиненіи, нѣсколько долѣе, чѣмъ на соображеніяхъ Вехтера, Клостермана и др. именно потому, что этотъ писатель старается дать вполнѣ развитой научный анализъ авторскаго права. Подобно своимъ предшественникамъ по спеціальному изслѣдо-

ванію нашего института, онъ обращается прежде всего къ критической оцѣнкѣ понятія литературной собственности, и подвергнувъ его всестороннему разсмотрѣнію, онъ переходитъ затѣмъ къ изложенію своей собственной теоріи.

Если бы авторское право, говоритъ онъ (стр. 30 и сл.), было литературною собственностью, то и понятіе собственности должно бы примѣняться къ объекту этого права. Но объектъ этотъ есть не рукопись и не отпечатанный экземпляръ, а ихъ содержаніе, мысли, сочиненіе или назовите, какъ хотите. Въ обыденной жизни подъ собственностью разумѣютъ все то, что кому-либо принадлежитъ; такому пониманію не чуждо даже австрійское гражданское уложеніе. Но такъ какъ на обыкновенномъ языкѣ и по терминологіи всѣхъ законодательствъ подъ собственностью разумѣется также специфическое право, противоположное другимъ однороднымъ правамъ, то отсюда слѣдуетъ, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ опредѣленіи истинной природы права, о подведеніи его подъ тотъ или другой *видъ* правъ, понятіе собственности въ вышеприведенномъ широкомъ смыслѣ совершенно непригодно. Такъ какъ называя право автора на его сочиненіе собственностью въ означенномъ широкомъ смыслѣ, мы сказали бы только, что авторъ вообще имѣетъ право на свое сочиненіе, то это выраженіе даже въ этомъ широкомъ смыслѣ не можетъ быть примѣнено къ этому праву. Выводъ этотъ Гарумъ дѣлаетъ изъ того, что мысли устраняютъ всякую возможность исключительнаго ихъ освоенія, и въ подтвержденіе этого положенія приводитъ рядъ весьма вѣрныхъ соображеній, которыя мы здѣсь повторять не станемъ. Что сущность дѣла, утверждаетъ онъ, нисколько не измѣнится оттого, если вмѣстѣ съ Фихте и Гегелемъ различать въ самихъ мысляхъ матеріальное зерно и опредѣленную форму выраженія, это очевидно; «ибо мысль (стр. 33) существуетъ для насъ лишь настолько, насколько она выражена въ извѣстной формѣ, а эта форма точно также обладаетъ духовною природой, точно также переходитъ въ духовную жизнь другихъ людей и вслѣдствіе того

уходитъ отъ исключительнаго и произвольнаго распоряженія автора, какъ и сами мысли».

Изъ литературной собственности, продолжаетъ Гарумъ (стр. 33 и сл.), считали возможнымъ выводить слѣдующія послѣдствія: 1) право автора требовать признанія того, что данное произведеніе есть продуктъ его ума, признанія его авторства. Доказывая, что это послѣдствіе не имѣетъ никакого соотношенія съ собственностью, и опровергая по этому поводу статью, помѣщенную въ юридическомъ лексиконѣ Вейске, о которой рѣчь будетъ впереди, Гарумъ говоритъ: «авторство или отношеніе автора къ его сочиненію, въ силу коего послѣднее есть продуктъ его ума, такое авторство есть фактъ, который можетъ доставить автору въ глазахъ другихъ извѣстное уваженіе и преимущество; слѣдовательно признаніе этого отношенія касается не области собственности, а *чести;* оно является здѣсь какъ *литературная* или *научная честь*».

2) Изъ литературной собственности выводили исключительное право автора дѣлать измѣненія въ своемъ сочиненіи, улучшать или даже уничтожать его. Но это послѣдствіе должно быть отнесено не къ литературной собственности, такъ какъ разъ обнародованныя мысли уже не подлежатъ исключительному распоряженію автора, а къ его *личной свободѣ*. «По той же причинѣ это право не можетъ быть исключительнымъ; да и такая исключительность разрушила бы одно изъ главнѣйшихъ условій всякаго человѣческаго прогресса, всякаго умственнаго развитія, такъ какъ глубочайшія истины, богатѣйшія послѣдствіями мысли по большей части являются на свѣтѣ лишь въ зародышномъ состояніи, зрѣютъ и завершаютъ свой ростъ лишь благодаря трудамъ нѣсколькихъ, а часто и многихъ».

3) Наконецъ изъ той же собственности выводили право автора на извлеченіе возможной матеріальной прибыли, на плоды его сочиненія, и эта въ практическомъ отношеніи весьма важная составная часть авторскаго права

послужила главнѣйшимъ поводомъ къ пониманію его какъ права собственности, изъ коего считали возможнымъ прямо выдѣлять «право пользованія», «право на узуфруктъ», даже «собственность на пользованіе». Но исключительное право автора на извлеченіе всевозможныхъ матеріальныхъ выгодъ изъ его литературнаго произведенія, къ которому приходятъ и къ которому слѣдуетъ прійдти, если отправляться отъ понятія собственности, не можетъ имѣть мѣсто въ силу самой природы вещей». Ибо природа самой мысли, оторванной отъ своей родной почвы,—замѣчаетъ Іолли,—такова, что она безъ разбору продолжаетъ свое движеніе и что, будучи сама по себѣ способна въ извѣстномъ отношеніи получить имущественную цѣнность, она можетъ стать причиною возникновенія другихъ имущественныхъ цѣнностей; но нѣтъ никакого основанія присвоивать всѣ эти цѣнности первому автору, который, придерживаясь этого начала, долженъ былъ бы въ свою очередь уступить ихъ своимъ предшественникамъ, коимъ онъ обязанъ былъ побужденіемъ къ своему творенію. Большая часть поборниковъ литературной собственности, по словамъ Гарума, въ виду этихъ несообразностей ограничивается предоставленіемъ автору исключительнаго права пользованія, вытекающаго изъ механическаго воспроизведенія его произведенія, и защитою его отъ контрафакціи. Но собственность сама по себѣ, замѣчаетъ далѣе Гарумъ, можетъ ограничивать свободу дѣйствія другихъ лишь настолько, насколько это необходимо собственнику для обладанія и произвольнаго распоряженія объектомъ его собственности. «А такъ какъ совершаемое другими механическое воспроизведеніе сочиненія не лишаетъ автора его мыслей и не препятствуетъ ему свободно видоизмѣнять и разработывать ихъ; такъ какъ оно не нарушаетъ его собственности на рукопись или на принадлежащіе ему экземпляры, словомъ такъ какъ этою перепечаткою не совершается ничего такого, что могло бы быть названо посягательствомъ на дѣйствительный или мнимый объектъ его права собственности, то отсюда слѣдуетъ, что

признаніе за нимъ собственности на его умственный продуктъ совершенно неспособно служить основаніемъ важнѣйшей составной части авторскаго права, состоящей въ исключительномъ управомочіи на механическое воспроизведеніе его сочиненія».

Точно также несостоятельно, доказываетъ далѣе Гарумъ, и то воззрѣніе защитниковъ литературной собственности, будто авторъ или его издатель при отчужденіи каждаго экземпляра ставитъ условіемъ, чтобы отчуждаемый экземпляръ не былъ воспроизводимъ механическимъ способомъ; авторъ или издатель, полагаютъ они, до отчужденія даннаго экземпляра былъ его безспорнымъ собственникомъ, и потому при передачѣ собственности другимъ могъ выговорить для себя любыя ограниченія ея; такая договорная оговорка сообразно природѣ вещей должна быть подразумѣваема здѣсь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Но противъ этой аргументаціи, по мнѣнію Гарума, говоритъ съ одной стороны то, что собственность, какъ право неограниченное, не можетъ быть ограничиваема *предполагаемой* оговоркой, а съ другой то, что при контрафакціи дѣло идетъ вовсе не объ употребленіи отдѣльнаго экземпляра, такъ какъ она можетъ быть осуществлена путемъ памяти, списанной копіи или полученнаго отъ другаго либо найденнаго экземпляра; ограниченіе, вытекающее изъ договора между авторомъ и покупателемъ, не можетъ быть обязательно для третьихъ лицъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, думаетъ Гарумъ (стр. 37 и слѣд.), падаетъ и то положеніе, выводимое также изъ понятія собственности, что исключительное право автора не ограничено временемъ и можетъ переходить отъ автора къ его наслѣдникамъ или другимъ юридическимъ преемникамъ на вѣчныя времена. Въ опроверженіе этого Гарумъ приводитъ выше приведенныя слова Наполеона I, сказанныя имъ въ засѣданіи государственнаго совѣта 2 сентября 1808 г. при обсужденіи закона 5 февраля 1810 г. Онъ возражаетъ также противъ *Шеделя* (Тольди), который полагаетъ, что литера-

турная собственность должна погашаться давностью, если наслѣдники или юридическій преемникъ автора въ теченіе извѣстнаго сплошнаго времени не дѣлаютъ никакого употребленія изъ своего исключительнаго права воспроизведенія и не снабжаютъ публику новыми изданіями; въ этомъ случаѣ сочиненіе должно почитаться покинутымъ и становится общественнымъ достояніемъ. Но и это средство, думаетъ Гарумъ, есть не что иное, какъ отказъ отъ понятія собственности; «ибо собственность по своей природѣ (стр. 39) не можетъ погашаться давностью, такъ какъ и въ неупотребленіи вещи заключается произвольное распоряженіе ею, а слѣдовательно, осуществленіе права собственности».

Доказавъ будто бы такимъ образомъ несостоятельность понятія литературной собственности, Гарумъ утверждаетъ, что и основанія, приводимыя въ пользу ея признанія, стольже несостоятельны. Говорятъ: «не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тотъ, кто своими силами и дѣятельностью создалъ матеріальную вещь, пріобрѣтаетъ чрезъ то право собственности на нее; право это остается за нимъ исключительно и навсегда; съ этою же исключительностью и неограниченностью во времени онъ можетъ передать его своимъ наслѣдникамъ и юридическимъ преемникамъ. А между тѣмъ онъ лишь далъ новую форму уже существующей матеріи, ибо въ области матеріальнаго міра творчество невозможно. Неужели же авторъ, дѣйствительно создавшій свое сочиненіе, оказавшій высшую, благородную и полезную услугу обществу, не можетъ пріобрѣсти на свое произведеніе право собственности, не можетъ передать ее тѣмъ лицамъ, о будущности коихъ онъ обязанъ заботиться и которымъ онъ завѣщалъ бы постоянныя цѣнности, если бы обратилъ свои силы на матеріальную производительность?» — Эта аргументація, говоритъ Гарумъ, разсчитана больше на чувства, чѣмъ на умъ. Справедливо, чтобы авторъ получилъ соотвѣтствующее вознагражденіе за свою услугу; но сама природа протестуетъ противъ того, чтобы это вознагражденіе состояло въ собственности на оказанную имъ

услугу; иначе пришлось бы допустить, что и адвокатъ, врачъ, духовникъ, чиновникъ и мн. др. должны получить право собственности на свои услуги. Итакъ, если не смотря на всю ошибочность и неосновательность литературной собственности, она доселѣ продолжаетъ держаться въ теоріи и законодательствѣ, то это, говоритъ Гарумъ, объясняется тѣмъ противодѣйствующимъ средствомъ, которое каждое заблужденіе носитъ въ самомъ себѣ, именно непослѣдовательностью.

Но если авторское право не есть литературная собственность, то невольно рождается вопросъ: что же оно такое само по себѣ и на чемъ основаны его юридическая сила и послѣдствія? На это Гарумъ отвѣчаетъ весьма своеобразною теоріею, по густотѣ окутывающаго ее тумана далеко оставляющую за собою теоріи другихъ писателей нынѣшняго столѣтія. «Сообщать свои мысли устно или письменно, говоритъ Гарумъ (стр. 52 и сл.), и сообщать ихъ путемъ печати въ качествѣ автора литературнаго произведенія, это двѣ вещи разныя; различіе это не только количественное, но и качественное. Авторъ путемъ печати обнародованнаго литературнаго произведенія становится предъ судомъ всего общества, предъ судомъ общественнаго мнѣнія; почетъ или стыдъ предъ современниками и потомствомъ, вотъ возможныя для него послѣдствія; не только его положеніе, какъ гражданина, но и его личныя отношенія могутъ быть задѣты самымъ чувствительнымъ образомъ. Поэтому ему должны принадлежать личная свобода и право опредѣлить, хочетъ ли онъ явиться предъ публикой, какъ авторъ литературнаго произведенія, или нѣтъ, и считаетъ ли онъ свое сочиненіе достойнымъ и достаточно созрѣвшимъ для того, или нѣтъ; простое сообщеніе сочиненія другимъ не можетъ еще уполномочивать сихъ послѣднихъ заставлять автора путемъ печати являться предъ публикой въ качествѣ творца литературнаго произведенія и тѣмъ самымъ навязывать ему помимо или даже противъ его воли литературную отвѣтственность. Дѣло идетъ здѣсь во-

все не о томъ, должны ли мысли автора быть сообщаемы далѣе, а о томъ, долженъ ли онъ самъ явиться предъ публикою въ качествѣ автора. Въ этомъ правѣ автора, прямо вытекающемъ изъ его личной свободы, ему не можетъ быть отказано; и это-то право можетъ быть нарушено контрафакціею, хотя бы имущественный интересъ не терпѣлъ при этомъ никакого ущерба или измѣненія. А такъ какъ законы запрещаютъ равномѣрно какъ перепечатку еще не изданныхъ сочиненій, такъ и собственно контрафакцію, то нѣтъ основанія примѣнять это запрещеніе только къ защитѣ имущественнаго интереса автора и не примѣнять его также къ защитѣ его только что разъясненнаго права свободы». Поясняя эти положенія далѣе, Гарумъ утверждаетъ (стр. 54 и сл.), что запрещеніе контрафакціи имѣетъ въ виду оградить не честь автора, а его *личную свободу*, ибо можетъ случиться, что обнародованное противъ воли автора сочиненіе съ указаніемъ имени автора приноситъ ему даже честь, и что онъ самъ не издалъ его вслѣдствіе излишней робости; тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ право сдѣлать послѣднее и дѣлаетъ это быть можетъ по основательнымъ причинамъ, желая предложить публикѣ свое сочиненіе въ болѣе усовершенствованной формѣ. Какъ бы предусматривая возраженіе, что личная свобода въ означенномъ выше смыслѣ не понесетъ никакого нарушенія, если сочиненіе будетъ издано, хотя и помимо воли, но безъ имени автора, Гарумъ замѣчаетъ, что нарушеніе это все-таки будетъ, но въ меньшей степени, такъ какъ имя автора легко можетъ стать извѣстнымъ другимъ путемъ, и вслѣдствіе преждевременности изданія противъ самого сочиненія можетъ образоваться такое предубѣжденіе, которое впослѣдствіи преградитъ автору возможность самому издать такую книгу.

Но кромѣ личной свободы конкрафакція, продолжаетъ Гарумъ, нарушаетъ и *честь* автора. Когда кто-либо издаетъ сочиненіе другаго какъ свое собственное или какъ сочиненіе третьяго лица, то онъ тѣмъ самымъ отнимаетъ у этого дру-

гаго фактическій базисъ его чести; или если онъ издаетъ еще незаконченное сочиненіе съ именемъ автора, то онъ нѣкоторымъ образомъ портитъ базисъ его литературной чести, такъ какъ публика въ правѣ разсматривать каждое изданное сочиненіе какъ вполнѣ законченное и этимъ предположеніемъ измѣряетъ услугу автора, между тѣмъ какъ предъ нею находится услуга еще не законченная, еще не предназначенная къ печати. Запрещеніе контрафакціи должно защищать автора и противъ такого правонарушенія».

Такимъ образомъ сгруппировавъ всѣ возраженія, какія можно сдѣлать противъ понятія литературной собственности, и отвергнувъ ее съ полною рѣшительностью, Гарумъ установляетъ свой собственный принципъ, отъ котораго, по его мнѣнію, слѣдуетъ отправляться при изслѣдованіи нашего института. Но ближайшее разсмотрѣніе этихъ возраженій и этого принципа приводитъ къ убѣжденію, что Гарумъ по отношенію къ первымъ расточаетъ свои удары воздуху; что же касается до послѣдняго, то онъ оказывается у него слѣпленнымъ изъ невѣсомой матеріи. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ старается онъ доказать несообразность означеннаго понятія? Единственно тѣмъ, что мысли не могутъ подлежать никакому исключительному обладанію и что собственность на нихъ также мало возможна, какъ собственность на воздухъ и солнечный свѣтъ. Но вѣдь защитники литературной собственности никогда и не думали говорить, что содержаніе мыслей можетъ быть предметомъ частнаго обладанія; они постоянно имѣли въ виду лишь форму этихъ мыслей, и если не всѣ они высказываются въ этомъ отношеніи одинаково ясно и рѣшительно, то единственно потому, что большая часть изъ нихъ, писавшая объ изслѣдуемомъ институтѣ въ прошлыхъ двухъ столѣтіяхъ, по новости предмета не успѣли еще достаточно освоиться съ нимъ и формулировать свои представленія о немъ настолько опредѣлительно, чтобы нельзя было имъ навязывать чуждыхъ имъ заключеній. Правда, они иногда говорятъ о содержаніи книги какъ объ объектѣ авторскаго

права, но и въ этихъ случаяхъ подъ содержаніемъ они разумѣютъ не содержаніе мыслей, взятыхъ въ отдѣльности, а всю совокупность сочиненія, какъ нѣчто цѣлое, самостоятельное, вылившееся въ извѣстную послѣдовательность, въ извѣстную систему мыслей, однимъ словомъ все сочиненіе въ его внѣшнемъ видѣ. Эту внѣшнюю форму Гарумъ съ удовольствіемъ выбросилъ бы за бортъ, но такъ какъ объ ней очень ясно упоминаютъ первостепенные мыслители, каковы Фихте и Гегель, то оставить ее безъ всякаго возраженія не совсѣмъ удобно; чтобы отдѣлаться отъ этой навязчивой внѣшней формы, уничтожающей всю пикантность и всю соль его возраженій, направленныхъ противъ поборниковъ литературной собственности, Гарумъ, противорѣча самой очевидности, утверждаетъ, будто «мысль существуетъ для насъ настолько, насколько она выражена въ извѣстной формѣ, и будто эта форма обладая подобно самой мысли духовною природой, точно также переходитъ въ духовную жизнь другихъ людей и вслѣдствіе того уходитъ отъ исключительнаго и произвольнаго распоряженія автора, какъ и сами мысли». Если бы аргументъ этотъ хоть сколько-нибудь похожъ былъ на правду, то слѣдовало бы прійдти къ заключенію, что всѣ мысли, отъ величайшихъ до ничтожнѣйшихъ, неиначе могутъ быть постигаемы, какъ только въ той формѣ, въ какой онѣ впервые были выражены. Такъ, міровая идея Коперника о вращеніи земли вокругъ солнца могла бы быть постигнута и усвоена человѣчествомъ неиначе, какъ въ той внѣшней формѣ, въ какой высказалъ ее этотъ великій ученый. Въ дѣйствительности же не только эта, но и безчисленное множество другихъ идей ежедневно повторяются на тысячу ладовъ, при чемъ форма, въ которой онѣ выражаются, видоизмѣняется до безконечности. Не только каждое отдѣльное лицо, выражающее данную идею, сообщаетъ ей свою особую внѣшность, но и одно и тоже лицо можетъ выражать извѣстную мысль въ самыхъ различныхъ формахъ. Изъ этого простаго общеизвѣстнаго факта само собою

выясняется, что форма вовсе не зависитъ отъ содержанія мыслей и что она есть продуктъ особеннаго склада ума, степени образованія, характера и т. п. даннаго лица. Мысль безъ формы можетъ существовать вѣчно, переходя отъ однихъ къ другимъ, отъ предковъ къ потомству; ее можетъ сознавать все человѣчество, вѣрить въ ея непреложность, преклоняться предъ нею, вовсе не нуждаясь для того въ какой-либо спеціальной формѣ. Идея божества, дружбы, любви, уваженія, семьи, кровнаго родства и т. д. существовала во всѣ времена и у всѣхъ народовъ; она существуетъ и будетъ существовать до скончанія міра; но форма, въ которой она проявлялась и проявляется, различна не только у различныхъ народовъ, но и у различныхъ индивидовъ. Эта форма есть сосудъ или лучше сказать одѣяніе мысли. Проявляясь во внѣшнемъ мірѣ, мысль каждый разъ облекается въ особое одѣянія, которое даетъ ей тотъ, чрезъ кого она проявляется. Чтобы еще болѣе уяснить сказанное, мы сравнимъ мысль и форму съ сырымъ матеріаломъ и ваяніемъ. Подобно тому, какъ скульпторъ придаетъ своему сырому матеріалу осмысленный образъ, вырѣзывая изъ мрамора сообразно своему умѣнію и таланту статую, изображающую красоту, силу, страданіе въ образѣ даннаго человѣка, такъ и литераторъ или ученый беретъ готовыя мысли и придаетъ имъ тотъ или другой образъ сообразно своему желанію, умѣнію и способностямъ. Но если сама мысль можетъ существовать безъ формы, то за то послѣдняя безъ мысли является пустымъ звукомъ; какъ нельзя создавать внѣшнихъ образовъ безъ сыраго матеріала, такъ и нельзя создавать литературныхъ произведеній безъ всякихъ мыслей; форма находится въ такомъ же отношеніи къ мысли, какъ одежда къ лицамъ; какъ одежда, негодная для употребленія, есть вещь, лишенная всякой цѣны, такъ и литературная форма, лишенная всякой мысли, есть вещь ни на что негодная.

Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что форма совершенно зависитъ отъ содержанія мысли, ибо не сама собою мысль

облекается въ ту или другую форму, но ее облекаетъ въ послѣднюю тотъ, кто желаетъ проявить ее вовнѣ. Эта форма есть нѣчто чисто внѣшнее, имѣющее видимое, реальное бытье и сознаваемое нами при помощи внѣшнихъ чувствъ. Всякій можетъ или создать ее самъ, или воспользоваться формою, созданною другими. Въ первомъ случаѣ онъ является собственникомъ ея въ силу самого процесса созданія, во второмъ же онъ можетъ пріобрѣсти на нее право собственности способами производными. Но сама мысль собственной формы не имѣетъ и не можетъ имѣть; она есть нѣчто отвлеченное, невидимое, а лишь сознаваемое и внѣшняя форма отнюдь не составляетъ ея принадлежности, слѣдующей, по общему юридическому правилу, судьбѣ главной вещи. А потому изъ того, что проявившаяся мысль принадлежитъ всѣмъ и каждому, еще вовсе не слѣдуетъ, что и форма, въ которой она проявилась, принадлежитъ всѣмъ и каждому. Тутъ нельзя аргументировать въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлаетъ Гарумъ, что такъ какъ главная субстанція—мысль—принадлежитъ всѣмъ, то и принадлежность ея—форма—тоже принадлежитъ всѣмъ.

Обращаясь затѣмъ къ принципу, изъ коего исходитъ Гарумъ, слѣдуетъ замѣтить, что огражденіе личной свободы и чести автора можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда этой свободѣ и чести наносится оскорбленіе или грозитъ какая-либо опасность, и что вытекающія отсюда уголовныя и полицейскія мѣры не могутъ служить пріобрѣтательнымъ основаніемъ въ смыслѣ права гражданскаго. Въ совершенно общемъ и отдаленномъ смыслѣ личная свобода и честь суть основанія пріобрѣтенія какъ права авторскаго, такъ и всякаго инаго. Онѣ относятся къ неизбѣжнымъ условіямъ общежитія, служа основаніемъ лишь возможности пріобрѣтать права и спокойно ими пользоваться. Но онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить спеціальнымъ титуломъ пріобрѣтенія какого-либо частнаго права, ибо возможность къ пріобрѣтенію не есть еще конкретное основаніе послѣдняго. Слѣдуя аргументаціи Гарума, можно прійдти къ не-

лѣпому заключенію, что всѣ частныя права и сдѣлки зиждутся на личной свободѣ и чести. Въ области гражданскаго права ограждается не возможность къ пріобрѣтенію, каковою служатъ личная свобода и честь, а дѣйствительно пріобрѣтенныя права. Никто не можетъ требовать, чтобъ ему ограждена была возможность пріобрѣсти, напримѣръ, данный домъ; но всякій можетъ требовать, чтобы уже пріобрѣтенное имъ право на этотъ домъ было ограждено отъ посягательствъ третьихъ лицъ. Если государство ограждаетъ автора отъ контрафакціи, то ближайшая причина этой защиты кроется не въ личной свободѣ и чести автора, вопреки мнѣнію Гарума, не терпящихъ чрезъ контрафакцію никакого оскорбленія, а въ пріобрѣтенномъ имъ правѣ на свое сочиненіе. Частное же основаніе этого права есть именно то, что сочиненіе есть продуктъ творчества автора, его созданіе; а это основаніе всѣми законодательствами цивилизованныхъ странъ и наукою права признается безспорнымъ и самымъ прочнымъ пріобрѣтательнымъ титуломъ.

Въ послѣднее время къ теоріи, полагающей источникъ авторскаго права въ личности самого автора, а не во внѣшнемъ какомъ-либо пріобрѣтательномъ дѣйствіи, примкнулъ и *Данъ* (Dahn) [19]), по крайней мѣрѣ, по своей отправной точкѣ зрѣнія. Само авторское право онъ считаетъ *въ высшей степени личнымъ*, не переходящимъ къ другимъ никакими способами отчужденія; изъ него онъ уже выводитъ отдѣльныя, входящія въ его составъ правомочія, къ которымъ онъ относитъ также то, что обыкновенно разумѣютъ подъ авторскимъ правомъ, т. е. исключительное право изданія. Но тутъ очевидно смѣшиваются два понятія, не имѣющія между собою ничего общаго: 1) авторство, т. е. право во всякое время считается авторомъ даннаго произведенія, и 2) право пользованія и распоряженія такимъ произведеніемъ. Первое понятіе не имѣетъ никакого зна-

[19]) См. *Wächter*, Das Autorrecht, стр. 5, прим. 8.

ченія въ гражданскомъ правѣ и можетъ послужить развѣ поводомъ къ обвиненію въ плагіатѣ; что же касается втораго, то оно всецѣло входитъ въ область частныхъ правоотношеній и только оно одно и подлежитъ нашему разсмотрѣнію. Авторство, неразрывно связанное съ личностью автора, не всегда служитъ источникомъ права на сочиненіе, точно также, какъ и выстроенное архитекторомъ зданіе не всегда принадлежитъ самому архитектору, хотя строителемъ такого зданія никогда не перестанетъ считаться этотъ именно архитекторъ. Въ гражданскомъ правѣ авторство хотя и можетъ имѣть значеніе пріобрѣтательнаго факта, изъ коего вытекаютъ различныя имущественныя права, но это значеніе сохраняется за нимъ не всегда и не безусловно; такимъ же пріобрѣтательнымъ фактомъ можетъ быть договоръ личнаго найма, подряда и мн. др. Наконецъ, можетъ случиться, что сочиненіе будетъ написано членомъ такой корпораціи, по уставу которой она получаетъ на это сочиненіе исключительное право; въ такомъ случаѣ авторство остается за написавшимъ сочиненіе, а авторское право или литературная собственность принадлежитъ корпораціи.

Изложивъ теоріи писателей, принимающихъ за основаніе авторскаго права личность автора, мы переходимъ къ послѣдней группѣ мыслителей, отправляющихся въ своихъ воззрѣніахъ отъ непреложнаго права собственности автора на его произведеніе. Эта-то литературная собственность, какъ изъ всего вышеизложеннаго видно, подвергалась и продолжаетъ подвергаться самымъ ожесточеннымъ нападеніямъ со стороны многихъ ученыхъ, изощряющихся въ пріисканіи аргументовъ къ ея ниспроверженію. Образчики такихъ аргументовъ мы уже имѣли случай видѣть выше; мы видѣли также, какъ безпокойно метались эти ученые въ разныя стороны, какъ хватались они за различныя крайности, сознавая необходимость построить что-либо новое на мѣстѣ разрушаемаго. Мы показали при этомъ, что всѣ ихъ постройки не имѣютъ подъ собою никакой твердой почвы и что они рушатся отъ перваго прикосновенія къ

нимъ логики и здраваго смысла. Далеко нельзя того же сказать о послѣдней группѣ, къ изложенію соображеній которой мы непосредственно переходимъ. Всѣ писатели этой группы отправляются отъ совершенно вѣрнаго пониманія авторскаго права, но къ сожалѣнію, не всѣ они проводятъ это пониманіе до конца. Нѣкоторые изъ нихъ, обольщенные перспективою общественныхъ интересовъ и подавленные заботою о прогрессѣ человѣчества, соглашаются на уступку этимъ интересамъ и этому прогрессу, оставляя за потомствомъ автора лишь срочное право пользованія его произведеніемъ. Въ хронологическомъ порядкѣ къ этой категоріи писателей долженъ быть прежде всего отнесенъ *Крамеръ* [20]).

Предпославъ легкій разборъ мнѣній нѣкоторыхъ писателей, въ особенности Нейштетеля, и изложивъ, съ одной стороны, всѣ доводы контрафакторовъ въ пользу правомѣрности контрафакціи, а съ другой—доводы писателей въ пользу ея противоправности, Крамеръ предлагаетъ собственный анализъ литературной собственности. «Подобно тому, говоритъ онъ, какъ dominium есть совокупность всѣхъ тѣхъ мыслимыхъ правъ, которыя кто-либо можетъ осуществить по отношенію къ тѣлесной вещи, такъ и писатель первоначально управомоченъ осуществить по отношенію къ своему сочиненію всѣ тѣ права, какія по отношенію къ нему могутъ быть осуществлены, и удержать всякое другое лицо отъ всякаго воздѣйствія на него. Это право само по себѣ таково, что для дѣйствительнаго осуществленія его нѣтъ необходимости въ лицѣ обязанномъ, слѣдовательно, оно не есть ius in personam, a ius in re. Далѣе вещь, на которую право это принадлежитъ писателю, не подчинена господству другаго: она есть, слѣдовательно ius in re propria. Наконецъ, право это неограниченно, если его не ограничиваютъ законы или распоряже-

---

[20]). *Wilhelm August Kramer.* Die Rechte der Schriftsteller und Verleger. Heidelberg, 1827, стр. 48—55.

нія управомоченнаго: оно слѣдовательно, есть ius unum atque summum.

«Но это основное право писателя на его вещь отнюдь не относится къ содержащимся въ его сочиненіи *мыслямъ*, какъ таковымъ; потому что право, долженствующее уподобиться собственности, требуетъ опредѣленнаго предмета, а мысли не знаютъ границъ. Вообще, мысли не принадлежатъ къ области гражданскихъ правоопредѣленій. Если онѣ не могутъ быть разсматриваемы даже какъ факты, пока они не вступятъ въ видимый міръ, то можно ли ихъ разсматривать, какъ предметъ, съ коимъ связаны права и обязанности? Мысль, пока она мысль, подлежитъ единственному суду философіи. Пусть эта послѣдняя изслѣдуетъ, почему мысли возникаютъ, насколько онѣ могутъ быть подчинены человѣческому господству и принадлежатъ ли онѣ данному лицу или заимствованы у другихъ. Пусть тотъ, чьи мысли похитилъ другой, предъявляетъ свой искъ объ этомъ суду критики, но не суду государства; потому что онъ никогда не докажетъ судьѣ, что эти мысли принадлежали ему, а тѣмъ менѣе онъ можетъ доказать, что другой не породилъ ихъ самъ. Всѣ мыслительное отправленіе для насъ столь загадочно, что мы должны отказаться отъ опредѣленія того, какія именно мысли суть собственныя и какимъ образомъ кто-либо можетъ присвоить себѣ чужія мысли. Но это должно быть опредѣлено, какъ скоро отношеніе имѣетъ вступить въ жизнь юридически. Сверхъ того и сами писатели не желаютъ имѣть какое-либо исключительное право на свои мысли, такъ какъ въ тысячѣ предисловій они высказываютъ то, чего вовсе не было надобности говорить, и такъ какъ цѣль всякаго сообщенія состоитъ въ томъ, чтобы каждый могъ усвоить себѣ содержащіяся въ данной книгѣ мысли. Но съ другой стороны, для сочиненія, какъ извѣстно, вовсе не требуется собственныхъ мыслей, ибо и компиляторъ и переводчикъ суть писатели. А потому всего цѣлесообразнѣе отнюдь не выставлять мысли, какъ

предмстъ литературной собственности. Отсюда слѣдуетъ, что собственникомъ книги будетъ не тотъ, кто далъ для нея планъ и мысли, а тотъ, кто ее составилъ. Согласно этому предположенію, мысли уподобляются воздуху, не состоящему ни въ чьей собственности, но подлежащему пользованію всякаго, насколько это возможно; развѣ бы идеальное или дѣйствительное ограниченіе сдѣлало его частью собственности, причемъ онъ подлежалъ бы пользованію лишь настолько, насколько это возможно безъ ущерба для правъ собственника. Чтобы мысли стали предметомъ юридическаго обсужденія, къ нимъ должно присоединиться внѣшнее дѣяніе и они должны быть ограничены опредѣленными словами и получить внѣшній образъ. Но тогда они перестаютъ быть мыслями и становятся *рѣчью*. Она-то, какъ внѣшнее дѣяніе, и входитъ въ область законодательнаго и судебнаго обсужденія; но такъ какъ она есть лишь дѣйствіе, а не долговѣчный предметъ, то можно говорить только о возникающихъ изъ этого факта правоотношеніяхъ оратора, а не о правахъ, принадлежащихъ ему на рѣчь, какъ на предметъ. А потому рѣчь должна воплотиться въ какое-нибудь тѣло и этимъ способомъ получить долговѣчность; тогда возникаетъ *сочиненіе*, внѣшняя долговѣчная вещь, предметъ, на который могутъ принадлежать права и который, какъ объектъ такихъ правъ, подлежитъ опредѣленіямъ закона...

«...Право собственности писателя отнюдь не простирается на тѣлесныя части рукописи, но есть отдѣльное право на рѣчь. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ доводы, построенные на правоотношеніи къ рукописи, суть заблужденія, ибо писатель остается писателемъ, онъ удерживаетъ за собою свои права, а равно и возможность ихъ осуществленія, пока въ его рукахъ остается хоть одна копія, будетъ ли то чернякъ, оригиналъ, копія или оттискъ, и обладаніемъ сочиненія никто не пріобрѣтаетъ больше правъ, чѣмъ ему принадлежало до этого обладанія. Всѣ результаты, вытекающіе изъ того, что говорятъ о собственности

на рукопись, напримѣръ, что изданіе есть продажа этой рукописи съ присовокупленными условіями, или что авторъ и издатель имѣютъ общую собственность, приводятъ къ ложнымъ выводамъ»... Самое же сочиненіе, какъ объектъ авторскаго права, Крамеръ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: оно есть «выраженіе, которое, будучи ограничено опредѣленными словами и изображено видимыми долговѣчными знаками, содержитъ въ себѣ полную мысль». (стр. 53).

Обращаясь затѣмъ къ анализу права собственности автора на его сочиненіе, Крамеръ усматриваетъ въ ней слѣдующія управомочія: 1) *власть автора свободно и произвольно распоряжаться объектомъ своего права*, что вполнѣ соотвѣтствуетъ власти всякаго собственника на свою вещь (стр. 57); власть эта «относится какъ къ формѣ, такъ и къ внутреннему существу сочиненія, и въ силу нея авторъ можетъ вполнѣ или отчасти уничтожить сочиненіе, вполнѣ или отчасти измѣнить его. Сообразно этому онъ властенъ совершенно вычеркнуть изложенныя въ его сочиненіи мысли, замѣстить ихъ новыми, онъ можетъ выбрать другія слова, большія или меньшія предложенія, причемъ сочиненіе останется все тѣмъ же, пока это видоизмѣненіе не измѣнитъ вполнѣ или настолько его существо, что возникнетъ новое сочиненіе, на которое автору будутъ принадлежать тѣ же права, какъ и на прежнее»...

2) *Власть употреблять и пользоваться своимъ сочиненіемъ*. «Пользованіе сочиненіемъ состоитъ въ воспріятіи содержащихся въ немъ словъ и выраженныхъ въ немъ мыслей и во всякой возможной переработкѣ ихъ. Съ точки зрѣнія строгаго юридическаго понятія не можетъ подлежать сомнѣнію, что это право пользованія принадлежитъ только собственнику умственнаго произведенія и что онъ, даже за предѣлами фактической возможности, имѣетъ полное право требовать, чтобы ни одинъ неуправомоченный не присвоилъ себѣ такого права употребленія. Подобно тому, какъ въ силу обыкновенныхъ началъ права не подлежитъ сомнѣнію, что никто не вправѣ присвоить себѣ

употребленіе не принадлежащей ему вещи, такъ всякій, желающій признать авторскія права, — независимо отъ собственности на сочиненіе, — долженъ согласиться видѣть правонарушеніе въ томъ, когда кто-либо, не имѣя на то право, ознакомливается съ содержаніемъ сочиненія только на томъ основаніи, что онъ случайно получилъ возможность сдѣлать это. Это право писателя особенно отчетливо выступаетъ тамъ, гдѣ нарушающему его лицу нарушеніе это запрещалось еще особенною обязанностью, напр. почтовому чиновнику относительно довѣренныхъ ему писемъ, или другу, который одинъ впускается въ кабинетъ, относительно находящихся въ послѣднемъ бумагъ. Если это мнѣніе вѣрно, то необходимо допустить, что всякій собственникъ сочиненія можетъ судебнымъ порядкомъ потребовать отъ всякаго лица, чтобъ оно воздержалось отъ употребленія его сочиненія, если лицо это не было уполномочено къ тому авторомъ, и привлечь его къ отвѣтственности въ случаѣ отказа подчиниться этому требованію». При этомъ безразлично, послѣдовало ли неуправомоченное пользованіе написаннымъ или отпечатаннымъ сочиненіемъ. Только формальное изданіе книги въ свѣтъ управомочиваетъ всякаго пріобрѣтателя къ такому пользованію, ибо изданіемъ этимъ прямо выражается, что авторъ уступаетъ свое исключительное право пользованія всякому пріобрѣтателю его сочиненія (стр. 58—60).

3) *Власть размножать свое сочиненіе* и этимъ путемъ доставлять другимъ возможность означеннаго пользованія. Употребленіе книги направлено на мысли и вообще на ея внутреннее содержаніе; размноженіе же книги есть не болѣе, какъ механическое собираніе плодовъ ея, не требующее никакой умственной дѣятельности и даже знакомства съ содержаніемъ книги. Правосознаніе запрещаетъ отнимать это право у автора, предоставляя его произволу всякаго. Авторъ есть собственникъ книги, и какъ собственнику, ему принадлежитъ не только исключительное право пользованія ея субстанціею, но и исключительное право извле-

кать изъ нея плоды. Посторонній обладатель книги можетъ воспользоваться этимъ послѣднимъ правомъ, когда это прямо разрѣшено ему авторомъ; одно обладаніе не даетъ еще права собирать плоды, точно также, какъ разрѣшеніе войдти въ чужой садъ не есть еще разрѣшеніе собирать въ саду плоды (стр. 60—64).

4) *Власть автора отчудить* или само сочиненіе, т. е. всю совокупность авторскихъ правъ, или каждое изъ нихъ въ отдѣльности. «Подобно тому, какъ всякій можетъ отчудить свою собственность путемъ безусловнаго оставленія ея, такъ и писатель можетъ покинуть свое сочиненіе, удаляясь отъ него съ animus derelinquendi. Что подобная дереликція мыслима, это очевидно; что она разрѣшается только подъ извѣстными ограниченіями, это вытекаетъ не изъ природы авторскихъ правъ, а изъ законовъ, изданныхъ ради общественнаго блага, не дозволяющаго также оставлять на общественныхъ рынкахъ пороховые сосуды, между тѣмъ, какъ право собственности управомочиваетъ къ такому оставленію. Столь же несомнѣнно, что авторъ въ правѣ передать опредѣленному лицу свое авторство и всѣ сопряженныя съ нимъ права и преимущества»...

Крамеръ, какъ справедливо упрекаетъ его Іолли [21]), не даетъ никакихъ объясненій того, почему онъ называетъ сочиненіе вещью, между тѣмъ, какъ этотъ вопросъ и есть камень преткновенія, или лучше сказать, тотъ пунктъ, съ котораго начинаются разногласія между противниками литературной собственности и ея защитниками. Не уяснивъ себѣ этого вопроса, Крамеръ естественно впалъ въ другую ошибку, присвоивъ значеніе объектовъ авторскаго права только писаннымъ, напечатаннымъ и вообще сочиненіямъ, изображеннымъ внѣшними долговѣчными знаками, и оставивъ безъ всякаго разсмотрѣнія и защиты довольно обширную область литературы, именно произведенія декламаціи. Не менѣе неосновательно поступаетъ онъ, относя къ упра-

---

[21]) Die Lehre vom Nachdruck, стр. 36 и сл.

вомочіямъ автора власть свободно и произвольно распоряжаться объектомъ своего права и власть употреблять и пользоваться своимъ сочиненіемъ. Право знаетъ сочиненіе, какъ объектъ авторскаго права, только съ того момента, когда оно въ качествѣ вещи появляется на литературномъ рынкѣ; до этого же момента оно не есть объектъ авторскаго права и неуправомоченное обращеніе съ нимъ третьихъ лицъ обсуждается не какъ нарушеніе литературной собственности, а какъ какое-либо изъ иныхъ преступленій. Однако, независимо отъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ промаховъ, разсѣянныхъ въ книгѣ Крамера, его аргументація отличается полною ясностью, послѣдовательностью и убѣдительностью. Онъ проникаетъ въ самую душу изслѣдуемаго предмета и простота и ясность изложенія являются у него очевидными послѣдствіями глубокаго пониманія того института, о которомъ онъ пишетъ. Іолли приписываетъ ему совершенно обратныя качества, но онъ ничѣмъ этого не доказываетъ, а гдѣ и есть доказательства, то они отличаются не столько убѣдительностью, сколько ядовитостью и софистическими свойствами.

Литературная собственность нашла себѣ также защитника въ неизвѣстномъ авторѣ небольшой статьи, помѣщенной въ юридическомъ лексиконѣ Вейске [22]). Въ сжатомъ, но чрезвычайно мастерскомъ и обстоятельномъ очеркѣ онъ излагаетъ все ученіе объ авторскомъ правѣ; считая это послѣднее несомнѣнною собственностью, онъ объясняетъ, что на вопросѣ о его существѣ излишне было бы останавливаться, еслибы къ тому не побуждало современное состояніе науки и положительныхъ законодательствъ. Свое воззрѣніе на этотъ вопросъ (стр. 172 и сл.) онъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: «Если мы предположимъ извѣстнымъ и несомнѣннымъ, что всякая собственность, въ особенности собственность на движимые предметы нахо

---

[22]) *Julius Weiske*, Rechtslexikon für Juristen aller Deutschen Staaten. Vierter Band. Leipzig 1843, стр. 170—197.

дитъ свое послѣднее основаніе въ трудѣ, то не будетъ надобности еще доказывать, что это примѣняется какъ къ истинному творчеству съ помощью труда, такъ и къ обработкѣ никому не принадлежащихъ матеріаловъ, такъ какъ собственность на свои матеріалы непремѣнно предполагаетъ трудъ, хотя бы онъ состоялъ лишь въ первомъ завладѣніи». Упомянувъ затѣмъ, что творить матеріальныя вещи немыслимо, что возможна лишь одна обработка ихъ или открытіе вещей еще неизвѣстныхъ, что для полученія права собственности на вещи вообще одного труда недостаточно, а необходима еще воля, желаніе освоить вещь, но что и желанія безъ дѣйствительнаго освоенія точно также недостаточно, авторъ статьи продолжаетъ: «Римлянамъ это послѣднее основаніе было не безъизвѣстно, хотя они не давали себѣ о немъ яснаго отчета; они уловили его въ опредѣленной формѣ завладѣнія, каковою представляется всякій *первый* трудъ, и съ природнымъ тактомъ принаровляя свое право къ потребностямъ, они начинаютъ перечисленіе видовъ пріобрѣтенія собственности съ *occupatio*, которая, подобно specificatio, предполагаетъ трудъ, а если провѣрить ихъ теорію посредствомъ выше означенныхъ началъ, то она окажется вполнѣ послѣдовательною, хотя ихъ dominium требуетъ торжественныхъ обрядовъ, относящихся не столько къ понятію собственности, сколько къ доказательствамъ ея. Что имъ извѣстно было творчество (Hervorbringung), какъ источникъ права собственности, это вытекаетъ изъ ихъ ученія о *partus* рабыни и животныхъ; конечно умственное творчество, обсуждаемое по аналогіи съ физическимъ, не нашло себѣ еще мѣста въ ихъ системѣ права, ибо у нихъ не было ни малѣйшаго повода заняться имъ, не смотря на то, что у нихъ и были книгопродавцы, и по извѣстной эпиграммѣ Марціала не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ былъ денежно заинтересованъ въ продажѣ копій съ его произведеній. Изложивъ затѣмъ постановленія современныхъ ему германскихъ законодательствъ о субъектѣ и объектѣ авторскаго права и перехо-

дя къ сроку послѣдняго, авторъ статьи замѣчаетъ: «Что касается *срока* литературно-артистическаго права (стр. 184), то уже выше указано было, что самъ по себѣ предметъ этотъ не даетъ никакого основанія къ принятію ограченнаго срока и что вездѣ, гдѣ литературное право признается собственностью, а слѣдовательно и въ германскихъ государствахъ, въ коихъ союзное постановленіе 1837 г. обнародовано безъ дальнѣйшихъ примѣчаній, слѣдуетъ скорѣе предположить, что литературно-артистическая собственность, какъ и всякая иная, продолжается безсрочно. Это прямо признано въ Саксоніи, Брауншвейгѣ и Гановерѣ».

Отправляясь отъ такого представленія объ авторскомъ правѣ, авторъ статьи не видитъ никакого препятствія для примѣненія къ послѣднему тѣхъ же началъ судебной защиты, какія имѣютъ мѣсто по отношенію къ обыкновенной собственности. А потому онъ говоритъ (стр. 188): «Технически-литературно-артистическая собственность можетъ быть нарушена, какъ и всякая иная, а потому собственнику научнаго, артистическаго и техническаго изобрѣтенія должны принадлежать какъ виндикація его собственности, такъ и публиціанскій искъ (actio Publiciana) противъ неуправомоченнаго или менѣе управомоченнаго. И притомъ не только на тѣлесный предметъ, т. е. на рукопись, рисунокъ, партитуру, которые суть лишь вмѣстилище и носители содержанія, но и на существенный предметъ, на мысли, изображенныя въ опредѣленной, чувственно распознаваемой формѣ. Кто же станетъ сомнѣваться, что авторъ, композиторъ, изобрѣтатель статьи, мелодіи или новаго метода, могущій доказать, что эти послѣдніе суть продукты его ума, въ правѣ по отношенію къ тому, кто ихъ присвоиваетъ,—не истребовать обратно, ибо этого не допускаетъ природа этого предмета,—но предъявить на нихъ притязаніе, какъ на свои мысли, свою мелодію, свое изобрѣтеніе, съ помощью иска о собственности, и принудить того, кто противозаконно ихъ присвоиваетъ, признать ихъ какъ его собственность и воздержаться отъ матеріальнаго

употребленія ихъ? Вѣдь въ сущности и виндикантъ участка земли, прогоняющій оттуда неуправомоченнаго строителя, принуждаетъ послѣдняго къ тому же; ибо участокъ земли отъ занятія его другимъ не измѣняетъ своего мѣста, а равно и фактъ противозаконнаго пользованія не можетъ быть сдѣланъ не случившимся и выгнанный можетъ безпрепятственно примѣнять на другихъ земельныхъ участкахъ опыты, сдѣланные имъ при своемъ противозаконномъ предпріятіи. Такія выгоды относятся къ признакамъ того исчезнувшаго состоянія, когда еще не было собственности и когда всякое имущество считалось общимъ... Точно также нельзя сомнѣваться, что бываютъ случаи, когда болѣе управомоченный противостоитъ менѣе управомоченному и можетъ воспользоваться и публиціанскимъ искомъ. Такъ, напримѣръ, если авторъ диктуетъ другому извѣстное сочиненіе для третьяго, то этотъ третій очевидно въ правѣ воспретить писцу присвоеніе собственности на сочиненіе, или когда исполняющій музыкальную композицію присваиваетъ себѣ на нее право собственности противъ ея издателя».

Ставъ на совершенно правильную точку зрѣнія относительно понятія и срока авторскаго права, неизвѣстный авторъ означенной статьи въ отдѣлѣ о средствахъ защиты литературной собственности совершенно неумѣстно примѣнилъ къ ней римскую виндикацію и публиціанскій искъ. Сочиненіе, какъ извѣстная совокупность мыслей, вылившихся во внѣшне распознаваемую форму, и какъ предметъ гражданскаго оборота, вовсе не нуждается въ такой защитѣ, такъ какъ постороннее лицо не можетъ изъять его изъ оборота и удержать за собою какъ свою исключительную собственность, не совершая плагіата. Римляне, придумавъ виндикацію, имѣли въ виду лишь родъ и свойство тѣхъ вещей, которыя въ ихъ время обращались на рынкѣ. Авторское право было еще чуждо имъ, потому что оно не имѣло никакой денежной цѣны и вслѣдствіе того не могло быть предметомъ гражданскаго процесса, а потому они и

не включили сочиненіе въ тотъ или другой разрядъ вещей и не указываютъ, что виндикація, къ нему непримѣнима. Виндикація направляется на возвращеніе вещи изъ чужаго владѣнія; это владѣніе предполагаетъ непремѣнно физическое присвоеніе вещи, т. е. изъятіе ея изъ сферы господства ея хозяина и перенесеніе въ сферу своего собственнаго господства. Сочиненіе же, по свойству своему, никогда не можетъ быть всецѣло отнято у автора или его преемника; будучи воспроизводимо въ сотняхъ и тысячахъ экземпляровъ, совершенно одинаковыхъ по содержанію и формѣ, оно всегда можетъ возвратиться въ фактическое обладаніе его собственника или управомоченнаго владѣльца, вовсе не нуждаясь для этого въ виндикаціи или иной судебной защитѣ. Виндикація или публиціанскій искъ, который, какъ извѣстно, есть таже виндикація, но распространенная на добросовѣстно пріобрѣтенные предметы, еще не прикрѣпившіеся къ пріобрѣтателю путемъ давности, могутъ быть примѣнены къ рукописи, являющейся обыкновенною физическою вещью; эта послѣдняя можетъ быть у автора отнята, можетъ быть захвачена, найдена, задержана, присвоена и т. д., и для возстановленія своего права собственности на нее или владѣнія ею авторъ можетъ воспользоваться обыкновенными средствами защиты. Но рукопись не есть объектъ авторскаго права и для гражданскаго оборота имѣетъ лишь посредственное значеніе; объектомъ же авторскаго права будетъ сочиненіе, воспроизведенное механическимъ путемъ во многихъ экземплярахъ; только такое сочиненіе обращается на книжномъ рынкѣ, представляя собою извѣстную цѣнность. Потребность въ защитѣ его собственника или управомоченнаго владѣльца возникаетъ только тогда, когда обнаруживается стремленіе посторонняго лица къ присвоенію этой цѣнности или когда стремленіе это уже получило осуществленіе. Такъ какъ защита различныхъ правъ сообразуется съ ихъ существомъ, съ естественными свойствами ихъ объектовъ, то примѣненіе къ авторскому праву виндикаціи, публиціанскаго иска, владѣль-

ческихъ интердиктовъ и т. п. было бы столь же нецѣлесообразно, какъ и примѣненіе тѣхъ же средствъ защиты къ обязательствамъ и договорамъ, къ опекѣ, правамъ наслѣдства и т. п. Защита права есть лишь осуществленіе его чрезъ посредство суда; для того, чтобы осуществленіе это было дѣйствительное, а не мнимое, оно должно происходить такимъ же образомъ, какъ и при естественномъ осуществленіи, безъ посредства суда; оно должно въ своихъ послѣдствіяхъ совершенно походить на послѣднѣе. Такъ какъ осуществленіе авторскаго права состоитъ въ исключительномъ воспроизведеніи и продажѣ въ свою пользу отпечатаннаго во многихъ экземплярахъ сочиненія, то и защита его должна возстановлять возможность къ такому именно, а не иному осуществленію, если она желаетъ быть защитою этого, а не инаго права. Руководствуясь этими соображеніями, мы рѣшились назвать примѣненіе виндикаціи и публиціанскаго иска къ авторскому праву неумѣстнымъ, тѣмъ болѣе что подобное примѣненіе, будучи совершенно не нужнымъ, даетъ лишь противникамъ литературной собственности лишній аргументъ противъ нея. Съ жадностью хватаясь за все, что хоть внѣшнимъ образомъ говоритъ противъ понятія литературной собственности, они ухватились и за виндикацію и выставили ее какъ смертоносное орудіе противъ вещнаго характера авторскаго права, совершенно не осмысливъ или не пожелавъ осмыслить истиннаго назначенія судебной защиты.

Изъ писателей, отправляющихся въ своей дедукціи отъ авторскаго права собственности, нельзя не упоминуть о *Фолькманѣ*, посвятившемъ этому институту нѣсколько отдѣльныхъ изслѣдованій. Мы остановимся лишь на одномъ [39]) изъ нихъ, имѣющемъ прямую связь съ разсматриваемымъ

---

[39]) Advocat A. W. *Volkman*, Ueber die Grenzen den Geisteswerken gebührenden Rechtsschutze. Mit besonderer Rücksicht auf das Gesetz von 22 Februar 1844 (въ Zeitschrift für Rechtspflege und Verwaltung zunächst für das Königreich Sachsen. Neue Folge. Sechster Band. Leipzig 1844, стр. 262—282).

вопросомъ. Въ немъ Фолькманъ радуется, что юридическая защита умственнаго произведенія нашла себѣ наконецъ признаніе во всемъ цивилизованномъ мірѣ, и замѣчаетъ при этомъ, что въ средѣ защитниковъ авторскаго права образуется клика писателей, враждебнымъ окомъ взирающая на тѣ самые законы, изданіе которыхъ считалось необходимостью, и полагающая, что законы эти пошли дальше чѣмъ слѣдовало. Что касается до понятія авторскаго права, то Фолькмана можно было бы счесть сторонникомъ теоріи Іолли, если бы онъ не признавалъ за авторомъ естественнаго права на сочиненіе, не истекающаго изъ какого-либо законодательнаго распоряженія. Онъ находитъ, что невозможно углубиться въ обширный споръ (стр. 263 и сл.) о томъ, зиждется ли авторское право на природѣ вещей или на положительныхъ законахъ.

«Тѣмъ не менѣе нельзя не высказаться хоть въ нѣсколькихъ словахъ относительно того, что собственно составляетъ базисъ авторскаго права, такъ какъ отъ установленія этого базиса зависитъ безъ сомнѣнія возможность правильнаго обсужденія означеннаго права. Источникъ его есть отношеніе автора къ его произведенію въ средѣ гражданскаго общества, изъ каковаго отношенія совершенно само собою какъ внутренняя необходимость вытекаетъ право на свободное и исключительное распоряженіе, обусловленное актомъ возникновенія и актомъ обнародованія. Въ пользу существованія этого права свидѣтельствуютъ юридическое убѣжденіе народа, продолжавшееся на протяженіи цѣлыхъ столѣтій, и воззрѣніе авторовъ умственныхъ произведеній съ того времени, какъ послѣднія стали размножаться механическимъ образомъ, первоначально весьма неудовлетворительно (къ механическому размноженію относится также и списываніе).... Авторство служитъ основаніемъ права, превосходящаго даже и самую собственность; ибо оно есть умственное отчество (Vaterschaft). Поэтому право это возникаетъ не путемъ завладѣнія, а путемъ рожденія. Право распоряженія умственнымъ произведе-

ніемъ еще болѣе неограниченно, чѣмъ право распоряженія при кровномъ отчествѣ, именно потому, что въ умственномъ произведеніи при этомъ правѣ обладанію можетъ подлежать не само по себѣ управомоченное существо, а вещный предметъ. Эти права возникаютъ лишь по волѣ автора: кто же, спрашивается, можетъ запретить ему уступать ихъ или даже дѣлить? При твореніи онъ желаетъ конечно сообщить, но отнюдь не отказаться отъ права на созданное, развѣ бы ему предложено было вознагражденіе, которое онъ находитъ возможнымъ принять. Если не подлежитъ сомнѣнію, что ограниченіе данныхъ природою отношеній можетъ быть допущено въ правовомъ государствѣ только въ силу законовъ необходимой взаимности, и что подъ нее не можетъ быть подведено отнятіе возникающаго изъ авторства исключительнаго права распоряженія единственно для того, чтобы третьи лица могли произвольно вторгаться въ права первоначально управомоченнаго, ибо тогда должно было бы прекратиться всякое индивидуальное управомочіе, то съ понятіемъ такого государства не можетъ согласоваться отрицаніе естественнаго правоотношенія между авторомъ и его умственнымъ произведеніемъ и предоставленіе исключительно законодателю признавать это правоотношеніе изъ полицейскихъ видовъ... Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, авторское право есть дѣйствительный, естественнымъ путемъ развившійся изъ народнаго сознанія юридическій институтъ, который во всѣхъ отношеніяхъ есть такая же часть всего правоваго зданія, какъ и другіе юридическіе институты. Отсюда получается *право* на повсемѣстное признаніе его и предположеніе *примѣненія всѣхъ его послѣдствій*, насколько этому не препятствуютъ положительныя ограниченія. Отсюда же далѣе достаточно открывается, что воззрѣніе тѣхъ, кои основываютъ юридическое преслѣдованіе на чисто денежномъ ущербѣ автора или его юридическаго преемника, вполнѣ ложно и отнюдь не соотвѣтствуетъ юридическому убѣжденію, а законы, усвоивающіе себѣ эту точку зрѣнія,

совершаютъ непростительную ошибку, которая конечно теперь не можетъ быть достаточно понята всѣми, и быть можетъ, потому именно, что всѣ наказанія за контрафакцію суть лишь денежныя взысканія, сумма коихъ въ силу ихъ естественнаго свойства соразмѣряется съ понесенною обидою».

Такимъ образомъ установивъ несомнѣнный источникъ возникновенія авторскаго права и его законодательнаго признанія, Фолькманъ поставилъ это право даже выше собственности и усмотрѣлъ въ немъ какое-то Vaterschaft, которое ставитъ его превыше всѣхъ частныхъ правъ. Но такое же Vaterschaft, если угодно, можно видѣть во всякомъ произведеніи человѣческаго труда; суть конечно не въ этомъ импровизированномъ Vaterschaft, а въ томъ, что къ числу первоначальныхъ способовъ пріобрѣтенія права собственности слѣдуетъ отнести и личный трудъ, направленный на созданіе новой вещи; а такъ какъ сочиненіе есть продуктъ ума и личнаго труда автора, то послѣдній имѣетъ на такое сочиненіе неотъемлемое право собственности. Отрицая далѣе всякую внутреннюю зависимость авторскаго права отъ законодательнаго произвола, Фолькману слѣдовало бы сдѣлать отсюда неизбѣжный логическій выводъ, что и дальнѣйшее существованіе этого права точно также не зависитъ отъ законодательнаго произвола, а подчиняется общимъ правиламъ о правѣ собственности и что ограниченіе его какимъ либо срокомъ могло бы имѣть мѣсто лишь тогда, когда того требовала бы настоятельная необходимость или природа самого права. Но Фолькманъ остановился такъ-сказать у самаго порога своей аргументаціи и дальше пойдти не рѣшился, словно предоставляя своимъ читателямъ самимъ дѣлать всѣ логическіе выводы изъ его отправной точки.

Отъ Фолькмана мы переходимъ къ другому поборнику литературной собственности, именно *Гейдеману*,[40]) кото-

[40]) *Ludwig Eduard Heydemann*, Sammlung der Gutachten des Königli-

рый, не смотря на всю послѣдовательность своихъ выводовъ, останавливается однако предъ идеею о благодарности предыдущему и современному человѣчеству и подъ ея вліяніемъ забываетъ о безусловности авторскаго права, имъ же самимъ проводимой, и заставляетъ наслѣдниковъ автора уступать свое несомнѣнное право собственности обществу, упуская при этомъ изъ виду, что въ такихъ случаяхъ этимъ правомъ пользуется не общество въ его истинномъ значеніи, а книгопродавцы-аферисты, собирающіе жатву съ засѣяннаго и воздѣланнаго чужими руками поля.

«Такъ называемая *умственная собственность*, говоритъ Гейдеманъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, основана на распространеніи первоначально болѣе тѣснаго понятія о собственности вообще. Ибо понятіе собственности въ германскомъ правѣ и въ новѣйшемъ правосозерцаніи переступило тѣсные предѣлы римскаго dominium на тѣлесныя вещи и обнимаетъ собою теперь безусловное господство юридическаго субъекта надъ юридическими объектами, а именно надъ вещами и правами....

«Если, избѣгая всякихъ абстракцій, которыя обыкновенно или заводятъ слишкомъ далеко, или не доводятъ до цѣли, или низводятъ съ надлежащаго пути, мы поищемъ простой философской основы для понятія умственной собственности вообще, то мы безъ труда ее получимъ, отправляясь отъ творческой силы человѣка и отъ отчуждаемости того, что она производитъ.»

Нельзя отчуждать, продолжаетъ онъ, всю совокупность своей личной дѣятельности и способности, такъ какъ подобное отчужденіе уничтожало бы свободу и нравственность человѣческой природы; но можно отчуждать физическую и умственную дѣятельность или навыкъ квантитативно, уступая или временное пользованіе своей способности къ доставленію услугъ или отдѣльныя услуги и производства,

---

chen Preuszichen Literarischen Sachverständingen-Vereins. Berlin 1848. Предисловіе стр. I—XI.

такъ какъ эти моменты человѣческой совокупности отчуждаемы.

«Это квантитативное отчужденіе способности къ услугамъ и производству приводитъ къ двумъ различнымъ сферамъ права: къ т. н. собственности на волю другаго (obligationes faciendi) и къ т. н. умственной собственности. Здѣсь рѣчь идетъ лишь о послѣдней.

«Каждый продуктъ ума, каждое произведеніе науки и искусства имѣетъ своего автора, который называетъ этотъ продуктъ или произведеніе *своимъ*. Свою творческую силу отчуждать онъ не можетъ. Равнымъ образомъ онъ не можетъ ни измѣнить, ни перенести на другаго тотъ фактъ, что онъ авторъ этого произведенія. Созданное имъ есть *его собственное*, потому что онъ почерпнулъ и проявилъ его изъ внутри самого себя. Конечно впослѣдствіи можетъ обнаружиться, что онъ не можетъ безусловно и исключительно приписать одному себѣ матеріалъ и трудъ. Но никогда не можетъ подлежать сомнѣнію, что онъ своимъ мыслямъ придалъ свою *особую форму*, будетъ ли она заключаться въ живомъ словѣ, выточенномъ мраморѣ, сплавленномъ металлѣ или въ разрисованномъ полотнѣ. Слѣдовательно, *формація* есть именно то, что онъ можетъ назвать своимъ. Это *собственность въ смыслѣ духовномъ*. На ней зиждется право автора.

«Каждая собственность должна имѣть юридико-практическій результатъ. На что же можетъ быть направленъ результатъ авторскаго права? Главнѣйшимъ образомъ конечно на исключительное обладаніе произведенною вещью какъ единичною. Въ этомъ нѣтъ никакого уклоненія отъ обыкновенной матеріальной собственности. Но затѣмъ авторское право можетъ и должно получить свойственное ему дальнѣйшее направленіе чрезъ возможность *сообщить всѣмъ* произведенную вещь путемъ обнародованія и размноженія ея.

«Вотъ гдѣ противоположность между отчуждаемымъ и неотчуждаемымъ получаетъ свое практическое значеніе. Авторство внутренне и неотчуждаемо. Авторское право

внѣшне и отчуждаемо. Право автора выпустить въ общество свое умственное созданіе не иначе, какъ въ соотвѣтствующихъ его волѣ формѣ и полнотѣ, выражается здѣсь технически въ правѣ изданія, вполнѣ отчуждаемомъ и уступаемомъ.»

Пріобрѣтатель такихъ вещей (т. е. экземпляровъ) можетъ получить нѣчто отдѣльное, внѣшнее. Общее, т. е. право размноженія остается за авторомъ и на пріобрѣтателя отдѣльной вещи не переходитъ. Даже при отчужденіи его оно не прямо переходитъ къ издателю, но послѣдній становится на мѣсто автора.

«Если же авторское право покоится на авторствѣ какъ право собственности, то сама природа вещей заставляетъ видоизмѣнить понятіе собственности, ибо абстрактное примѣненіе послѣдней къ умственнымъ продуктамъ представлялось бы несообразнымъ и невыполнимымъ. Уже изъ самого возникновенія умственной собственности вытекаетъ невозможность сохранять ее столь же постоянно, какъ собственность на тѣлесную вещь. Кто оккупируетъ слитокъ металла, кусокъ земли и дѣлаетъ первый полезнымъ, а послѣдній воздѣланнымъ, тотъ пріобрѣтаетъ на нихъ физическую и частную собственность для себя и своихъ наслѣдниковъ на вѣчныя времена. Но умственное произведеніе автора ни по матеріалу ни по труду не есть исключительно *его собственное*. Въ томъ и другомъ отношеніи слѣдуетъ принять въ разсчетъ то, чѣмъ онъ обязанъ воспитанію, просвѣщенію его націи и даже человѣчеству, къ коему онъ принадлежитъ. Предыдущій и современный міръ имѣютъ свою часть въ его твореніи какъ по матеріалу, такъ и по труду. Даже самого первоначальнаго мыслителя, даже поэта выноситъ на плечахъ своихъ его предыдущій и современный міръ.

«Но благодарностью, которою онъ обязанъ этимъ двумъ мірамъ, онъ платитъ будущему міру. Приходитъ время, когда умственное произведеніе въ свою очередь исчезаетъ въ общемъ, становясь общимъ достояніемъ той на-

ціи, изъ которой оно вышло... Частная собственность семейства писателя на его умственные продукты съ теченіемъ времени должна становиться безхозяйною, переходя въ общественную, національную собственность, совершенно также какъ и наоборотъ публичные памятники, которые суть достояніе великой націи, съ исчезновеніемъ послѣдней становятся безхозяйными и подпадаютъ случайному частному владѣнію варварскаго завоевателя».

Эти послѣднія положенія Гейдемана не выдерживаютъ даже снисходительной критики. Въ самомъ дѣлѣ, если авторъ обязанъ предыдущему и послѣдующему человѣчеству своимъ матеріаломъ и умѣньемъ работать, то развѣ менѣе обязаны тому же человѣчеству техникъ, архитекторъ, инженеръ, корабельный мастеръ и т. д.? Почему же созданныя ими вещи должны составлять ихъ вѣчную собственность, а литературное произведеніе съ теченіемъ времени должно становиться общественнымъ достояніемъ націи? Почему техники, инженеры и т. д. не должны платить благодарностью будущему человѣчеству за то, что они получили отъ предыдущаго, и почему эта обязанность выпадаетъ на долю только одного злосчастнаго автора? Почему именно наслѣдники автора, въ отношеніи данной книги ничѣмъ необязанные человѣчеству, должны расплачиваться за него предъ послѣднимъ и почему эта обязанность не падаетъ лично на самого автора, собственными ногами, по словамъ Гейдемана, топтавшаго плечи предыдущаго и современнаго ему человѣчества? Да развѣ можетъ сама по себѣ благодарность, это дѣтище нравственности, рождать какія-либо юридическія обязательства?—Вотъ на какія сомнѣнія наводитъ Гейдеманъ, какъ только онъ, уклонившись отъ прямаго пути, по которому въ началѣ пошелъ, вступилъ на извилистую и развѣтвляющуюся тропу писателей, отвергающихъ литературную собственность.

Проведенная имъ паралель между публичными памятниками, захватываемыми варварскимъ завоевателемъ, и участью книги по смерти автора приводитъ къ такимъ гру-

стнымъ заключеніямъ, за которыя долженъ бы покраснѣть всякій благонамѣренный мыслитель. Варварскій завоеватель захватываетъ публичные памятники завоеваннаго народа, руководствуясь единственно грубыми инстинктами, физическою силой, кулачнымъ правомъ. Такъ какъ Гейдеманъ находитъ полное сходство между подобнымъ завладѣніемъ и дальнѣйшею участью литературнаго произведенія, то отсюда позволительно заключить, что общество по отношенію къ сочиненію, которое оно беретъ въ свое обладаніе, дѣйствуетъ подъ вліяніемъ такихъ-же грубыхъ инстинктовъ, такой же физической силы, такого же кулачнаго права, какъ и варварскій завоеватель. Но для всякаго должно быть очевидно, что общество, интересъ котораго требуетъ полной безопасности и неприкосновенности частной собственности, что такое общество, отнимая эту послѣднюю у автора, не можетъ руководиться такими мотивами, какъ преобладаніе грубой физической силы, ибо такое преобладаніе никогда не можетъ служить источникомъ частнаго права и противъ него постоянно направляется господствующій въ цивилизованномъ государствѣ юридическій порядокъ. Что-же касается до другаго мотива, именно благодарности, въ силу которой общество, по словамъ Гейдемана, можетъ отнять у семейства автора сочиненіе послѣдняго, то и въ этомъ отношеніи съ его логикой согласиться невозможно. Если авторъ беретъ у человѣчества матеріалъ и умѣнье работать, то онъ употребляетъ то и другое не для себя исключительно, а для того же человѣчества, съ лихвою возвращая ему взятое. Созданное съ помощью этихъ двухъ факторовъ сочиненіе въ содержаніи своемъ поступаетъ въ полное распоряженіе человѣчества, которое въ литературномъ произведеніи получаетъ обратно свой матеріалъ, но въ облагороженной, обработанной формѣ; неопредѣленно, а иногда безцѣльно бродящія въ обществѣ идеи въ сочиненіи сводятся въ извѣстную систему, классифицируются, очищаются отъ постороннихъ примѣсей, разсматриваются по отношенію къ ихъ цѣлесообразности или цѣлепротив-

ности, приводятся въ гармонію съ одною высшею идеею и т. д. Какой же еще, спрашивается, послѣ этого благодарности можетъ требовать человѣчество отъ писателя?

На это, быть можетъ, возразятъ, что писатель за свой трудъ получаетъ отъ общества вознагражденіе въ видѣ платы за отдѣльные экземпляры. Но если даже допустить справедливость этого возраженія, то отсюда слѣдовало бы только заключить, что обѣ стороны вполнѣ удовлетворены и что затѣмъ никакихъ дальнѣйшихъ обязательствъ между ними не должно быть: общество получило обратно свой матеріалъ, а за разработку его платитъ писателю по мѣрѣ того, какъ является въ ней потребность. Такимъ образомъ всякій получаетъ свое, и не представляется никакой надобности лишать семейство автора его кровнаго достоянія. Что же касается платы, которая могла бы быть потребована отъ автора за пользованіе общественнымъ матеріаломъ, то она съ избыткомъ покрывается тою разницею, какая существуетъ между дѣйствительною стоимостью авторскаго труда и платимымъ за него вознагражденіемъ. Заслуги великихъ мыслителей, каковы Гершель, Коперникъ, Ньютонъ, Бентамъ, Маколей, Дарвинъ, Савиньи и т. п., стоятъ такъ высоко, что онѣ едва ли могутъ быть оцѣнены на деньги; нравственное наслажденіе, доставляемое чтеніемъ знаменитыхъ беллетристовъ, точно также весьма часто не поддается никакой денежной оцѣнкѣ, и всякій читатель можетъ сказать лишь, что ему слишкомъ дешево досталось означенное наслажденіе. Что же касается до ничтожныхъ произведеній, какими часто наводняется книжный рынокъ, то и тутъ обѣ стороны оказываются удовлетворенными. Общество получаетъ обратно свой матеріалъ, если только таковой имѣется въ означенныхъ произведеніяхъ, и уплативши малую сумму автору, вполнѣ удовлетворяетъ его за трудъ; мы говоримъ малую сумму потому именно, что подобныя произведенія почти никогда не выдерживаютъ болѣе одного изданія, да и первое изданіе лишь въ исключительныхъ случаяхъ расходится успѣшно.

Такимъ образомъ, даже допуская, что матеріалъ, коимъ пользуется писатель, есть дѣйствительно достояніе общества, слѣдуетъ прійдти къ заключенію, что общество, получивъ свое обратно, не можетъ уже, не совершая грубаго насилія, отнимать у автора или его потомства данное сочиненіе. Плата же за послѣднее, если только оно дѣльное, неизмѣримо ниже его достоинства, а потому благодарностью обязанъ не писатель обществу, а общество писателю.

Но мы уже выше показали, что общество не имѣетъ никакихъ правъ (понимая слово право не въ обыденномъ, а въ юридическомъ смыслѣ) на сочиненіе даннаго лица, а потому на авторѣ не можетъ лежать никакихъ юридическихъ обязательствъ по отношенію къ обществу. Да къ тому же это послѣднее само по себѣ есть лишь отвлеченная идея, а не конктретное юридическое лицо; гражданское право не знаетъ его въ этомъ послѣднемъ качествѣ; ему извѣстны лишь государство, отдѣльныя корпораціи, ассоціаціи и учрежденія, фигурирующія въ гражданскомъ оборотѣ, какъ лица съ конкретными правами и обязанностями; что же касается до общества, то оно представляетъ собою не реальное, а отвлеченное соединеніе всѣхъ частныхъ корпорацій, союзъ единичныхъ лицъ и т. д.; оно есть лишь идея, отвлеченная отъ этихъ корпорацій, союзовъ и т. п. Въ другихъ соціальныхъ наукахъ такъ-называемые общественные интересы, о которыхъ, говоря мимоходомъ, различные мыслители имѣютъ самое разнообразное представленіе, — играютъ первенствующую роль и пользуются правомъ гражданства. Но гражданское право, имѣющее дѣло съ единично опредѣленными, конкретными лицами, вещами и отношеніями, до тѣхъ поръ вынуждено будетъ игнорировать общество съ его интересами, пока оно не получитъ внѣшняго, ясно распознаваемаго, реальнаго и конкретнаго бытья.

Чтобы заключить нашъ очеркъ воззрѣній писателей на институтъ литературной собственности, скажемъ еще вкратцѣ о двухъ ученыхъ, посвятившихъ этому институту осо-

быя изслѣдованія и считающихъ авторское право собственностью въ ея истинномъ, а не переносномъ смыслѣ. Мы говоримъ о *Лабулэ* и *Эйзенлорѣ*.

Лабулэ [41]) въ названномъ въ примѣчаніи сочиненіи является горячимъ защитникомъ литературной собственности. Свѣтлый умъ и здравый смыслъ, постоянно сопутствующіе этому литератору-публицисту, въ какую бы область изслѣдованія онъ ни толкнулся, не покидаютъ его и въ столь спеціальномъ, частномъ вопросѣ, какъ юридическая природа авторскаго права. Избѣгая всякихъ окольныхъ путей, онъ прямо проникаетъ въ глубь нашего института и извлекаетъ оттуда истинное ядро, его путемъ искуснаго снимація съ него тѣхъ наслоеній, которыми оно обязано кривымъ мудрствованіямъ и произвольнымъ толкованіямъ противниковъ литературной собственности. Лабулэ, ставъ на твердую почву, пришелъ по самой прямой дорогѣ, и потому его не смущаютъ возгласы и возраженія означенныхъ противниковъ, доводы коихъ отъ дѣйствія его здравой логики падаютъ въ прахъ, какъ пигмеи отъ ударовъ титана.

Пріобрѣтеніе литературной собственности онъ ставитъ въ параллель съ первоначальнымъ пріобрѣтеніемъ земли и движимыхъ вещей и находитъ, что основаніемъ того и другаго является трудъ, а самыя вещи, каковы: воздѣланная земля, пряжа, холстъ и т. п., суть лишь продукты этого труда, его плоды. Но подобно тому какъ плоды и принадлежности слѣдуютъ всегда за главною вещью, такъ и произведенія труда слѣдуютъ всегда за тѣмъ, кому трудъ принадлежитъ. Отнимать у автора или его потомства созданное первымъ сочиненіе, являющееся продуктомъ его труда, было бы столь же несправедливо, какъ отнимать у земледѣльца воздѣланную имъ землю или у ткача сотканную имъ ткань. Не могутъ сказать, что плоды будутъ принадлежать ихъ производителю лишь въ томъ случаѣ, когда и мате-

[41]) *Édouard Laboulaye.* Etudes sur la proprieté littéraire en France et en Angleterre, Paris 1858, § II, III и IV, стр. XXII—LIV.

барановъ 4 фунта серебра; но впослѣдствіи онъ потребовалъ еще прибавки, весьма соболѣзнуя объ уступленной книгѣ, и графиня не замедлила удовлетворить его требованію [2]).

Въ 1447 году нѣкій Лантиме, изъ Жизора, заключилъ въ этомъ городѣ формальный контрактъ съ Вильгельмомъ Тюлѐ, повѣреннымъ больницы Hôtel-Dieu въ Парижѣ, слѣдующаго содержанія: Лантиме отдаетъ въ даръ названной больницѣ книгу, озаглавленную *le pélerinage de la vie humaine*, написанную въ 1358 году нѣкіимъ Гильевиллемъ, бернардинскимъ монахомъ изъ Шаали; въ возмездіе за это приношеніе Лантиме выговариваетъ себѣ «отпущеніе своихъ прегрѣшеній, обѣщанное въ буллѣ святѣйшаго отца папы за сумму, необходимую для содержанія означенной больницы. Сопричастными этому разрѣшенію отъ грѣховъ, кромѣ самого жертвователя, должны быть его жена, дѣти, отецъ, мать, друзья, нынѣшніе, усопшіе и будущіе благодѣтели и въ особенности завѣщавшій ему эту книгу, его воспріемный отецъ, покойный Николай Дюкаръ, нѣкогда хирургъ короля Карла, котораго да помилуетъ Богъ».

Цезаръ Нострадамусъ, въ своей *Chronique de Province*, разсказываетъ, что въ 1392 году Альзасія де Блеви, жена германскаго барона Бонифація de Castellane, завѣщала своей дочери нѣкоторое число книгъ, включавшихъ въ себѣ весь corpus juris, разрисованный и переписанный на пергаментѣ прекрасными буквами. Оставляя это сокровище, завѣщательница обязывала свою дочь, буде ей вздумается выйдти замужъ, выбрать себѣ въ мужья ученаго (homme de robe longue), доктора или юриста, присовокупивъ, что только подъ этимъ условіемъ она отказываетъ ей это прекрасное и богатое сокровище, эти изящные и драгоцѣнные томы.

Французскій король Людовикъ XI, узнавъ, что медицинскій факультетъ Парижа обладаетъ манускриптомъ Разеса,

---

[2]) *Pütter*, тамъ же и *Renouard*, стр. 24.

арабскаго медика десятаго столѣтія, пожелалъ переписать его для себя; съ этою цѣлью онъ 29 ноября 1471 года вошелъ въ сдѣлку съ факультетомъ, въ силу которой отдалъ ему на время переписки всю свою серебряную посуду въ видѣ обезпеченія непремѣннаго возвращенія означеннаго манускрипта [3]).

Въ 1455 году нѣкій Антоній Бекателъ, по прозванію Панорма, писалъ королю Неаполитанскому и Сицилійскому слѣдующее: «Ты недавно извѣщалъ меня изъ Флоренціи, что имѣются въ продажѣ прекрасныя творенія Тита Ливія, оцѣненныя во сто двадцать золотыхъ. Я умоляю твое величество купить на мое имя эту книгу, которую мы привыкли называть царицею книгъ, и приказать переслать ее мнѣ. А пока я позабочусь о деньгахъ, необходимыхъ для уплаты за нее. Но я желаю, чтобы ты, по своей мудрости, разсудилъ, кто изъ насъ поступаетъ лучше: Погій ли, который, для пріобрѣтенія виллы во Флоренціи, продаетъ Ливія, или я, который, для пріобрѣтенія Ливія, продаю свое имѣніе» [4]).

Въ томъ же XV столѣтіи сочиненіе Плутарха нельзя было пріобрѣсти дешевле 80, а письма Сенеки 16 золотыхъ монетъ. Императоръ Флавій Тацитъ, желая надолго сохранить въ памяти народа исторію Тацита, котораго онъ считалъ своимъ родителемъ, приказалъ читать ее народу во всѣхъ библіотекахъ въ слухъ; но чтобы сочиненіе это не погибло отъ небрежности чтецовъ, онъ повелѣлъ ежегодно списывать съ него по десяти экземпляровъ и размѣщать по библіотекамъ [5]).

Такая дороговизна и рѣдкость книгъ дѣлали пріобрѣтеніе ихъ до того труднымъ, что только люди съ весьма большими достатками могли обзаводиться библіотеками; но и эти послѣднія были до того тощи, до того микроскопич-

---

[3]) *Renouard*, стр. 24.
[4]) *Pütter*, стр. 9; *Renouard*, стр. 24.
[5]) *Pütter*, стр. 9.

ны, что если вообще сравнить ихъ съ библіотеками новѣйшими, то смѣло можно сказать, что наибѣднѣйшая библіотека наибѣднѣйшаго изъ ученыхъ содержитъ въ себѣ гораздо больше названій и томовъ, чѣмъ богатѣйшія библіотеки древнихъ и среднихъ вѣковъ до изобрѣтенія книгопечатанія. Въ виду необыкновенной дороговизны и рѣдкости книгъ въ эти времена, библіотеки составляли удѣлъ преимущественно королей, владѣтельныхъ князей, принцовъ, монастырей и городовъ. Но о характерѣ этихъ библіотекъ можно судить по слѣдующему факту.

Laboureur въ своей Histoire de Charles VI (Paris 1663 fol.) даетъ списокъ книгъ весьма богатой по тому времени библіотеки, принадлежавшей французскому принцу крови, герцогу Іоанну де-Бери. Вся она состояла изъ 84 томовъ, въ томъ числѣ были: прекрасная библія на французскомъ языкѣ въ двухъ томахъ, стоившая 400 ливровъ, прекрасная библія на латинскомъ языкѣ, стоимостью въ 735 ливровъ, экземпляръ сочиненія Тита Ливія въ 135 ливровъ, книга подъ заглавіемъ: Les grandes chroniques de Burgues въ 80 ливровъ, книга Іоанна Бокаціо о благородныхъ мужчинахъ и женщинахъ въ 80 ливровъ и т. д. При этомъ Лабуреръ прибавляетъ, что «герцогъ этотъ весьма любилъ книги, которыя въ то время были такъ рѣдки, что ихъ ставили въ ряду драгоцѣнностей» [6]).

«Французскій король Лудовикъ XI питалъ большое пристрастіе къ книгамъ; онъ заложилъ было основаніе королевской библіотекѣ, приказавъ присоединить къ книгамъ, хранившимся въ Луврѣ, манускрипты, собранные его предшественниками въ Фонтенебло и другихъ мѣстахъ. Уже Карлъ V, получившій въ наслѣдіе отъ своего отца, короля Іоанна, не болѣе десятка томовъ, успѣлъ скопить ихъ до девятисотъ, которые онъ помѣстилъ въ одной изъ Луврскихъ башень, получившей отсюда названіе библіотечной башни (Tour de la librairie). Инвентарь этимъ книгамъ

[6]) *Pütter*, стр. 10.

былъ составленъ при Карлѣ VI, въ 1418 г., библіотекаремъ Гарнье-де-сантъ-Іонъ, однимъ изъ старшинъ города Парижа; во время господства англичанъ въ Парижѣ герцогъ Бедфордскій купилъ ихъ у Гарнье за 1200 ливровъ, передавъ это книжное сокровище въ Оксфордскій университетъ, въ которомъ оно послужило ядромъ нынѣшней университетской библіотеки. Въ XIII столѣтіи Людовикъ святой собралъ нѣсколько книгъ, помѣстивъ ихъ въ Парижской капеллѣ; но онъ разрознилъ эту коллекцію своимъ завѣщаніемъ, распредѣливъ ее между различными аббатствами».

Такимъ образомъ даже библіотека могущественныхъ французскихъ королей не могла похвалиться своимъ богатствомъ и изобиліемъ, насчитывая у себя лишь десятки и сотни томовъ. Что же должны были представлять собою весьма впрочемъ рѣдкія частныя библіотеки?

Если запросъ на книги былъ столь ничтоженъ, то само собою разумѣется, что и классъ переписчиковъ не могъ отличаться особенною многочисленностью; древнія времена находились въ этомъ отношеніи еще въ болѣе благопріятномъ положеніи: чрезвычайная численность контингента рабовъ давала возможность употреблять на переписку особенно подготовленныхъ писцовъ и сообразно этому удешевить стоимость книгъ; но въ средніе вѣка перепискою занимались преимущественно монахи, посвящавшіе долгіе часы своего досуга тщательной копировкѣ священныхъ и церковно-служебныхъ книгъ и сочиненій древнихъ классиковъ. Только незадолго до изобрѣтенія книгопечатанія число свѣтскихъ переписчиковъ значительно возрасло и они постепенно сплотились въ особыя корпораціи, отличавшіяся такою же замкнутостью и исключительностью, какъ и остальныя средневѣковыя ремесленныя и торговыя общины [7]). Едва

---

[7]) Въ средніе вѣка во Франціи, напримѣръ, книгопродавцы и переплетчики составляли одну корпорацію подъ именемъ *stationarii*, такъ какъ имѣли обыкновеніе выставлять на показъ книги, предназначавшіяся къ продажѣ, или, какъ объяснялъ Сегье въ 1779 г. (см. Laboulaye и Guiffrey в. п.

ли нужно еще прибавлять, что при такомъ состояніи грамотности и средствъ къ ея распространенію книжная торговля не только не могла процвѣтать и развиваться, но положительно прозябала вплоть до распространенія гуттенберговскаго изобрѣтенія.

Даже въ Римѣ, въ которомъ образованіе сравнительно съ другими мѣстностями, кромѣ Аѳинъ, стояло на весьма высокой степени и гдѣ рабы численностью даже превосходили свободныхъ гражданъ, книжные торговцы удалялись въ укромный уголокъ города и въ убогихъ лавчонкахъ торговали переписанными экземплярами сочиненій, имена авторовъ коихъ выписывали на наружныхъ дверяхъ лавки. Прямыя указанія на это находятся въ эпиграммахъ Марціала, въ коихъ даже нѣкоторые книгопродавцы—издатели его сочиненій названы по именамъ. «Ты требуешь, Квинтъ, пишетъ Марціалъ [8]), чтобы я подарилъ тебѣ свои сочиненія.

сборникъ, стр. 512) постоянно находились на опредѣленныхъ мѣстахъ, какъ бы на станціяхъ. Въ составъ означенной корпораціи входили, кромѣ продавцовъ книгъ и переплетчиковъ, еще разрисовщики и пергаментщики (выдѣлывавшіе пергаментъ для книгъ); она подчинялась юрисдикціи и надзору парижскаго университета, ректоръ котораго отбиралъ у ея членовъ присягу; чрезъ цензуру и корректуру того же университета должны были проходить почти всѣ книги. Члены этой корпораціи пользовались такими же привилегіями, свободою отъ пошлинъ и изъятіями, какъ и наставники и ученики. Книгопродавцы обязаны были жить въ зданіи университета, подлежали наказанію за продажу книгъ въ неисправленномъ видѣ и по слишкомъ высокой цѣнѣ и не смѣли отказывать въ отдачѣ въ наймы своихъ экземпляровъ для прочтенія или переписки, получая за то плату по таксѣ; это послѣдняя установлялась четырьмя выборными книгопродавцами, носившими названіе *magni librarii*, въ лицѣ коихъ сосредоточивался и ближайшій надзоръ за корпораціею. Въ 1488 году для послѣдней установленъ былъ штатъ, вмѣщавшій въ себѣ 80 книгопродавцевъ, 2 разрисовщиковъ, 2 переплетчиковъ и 2 переписчиковъ. Что касается до неприсяжныхъ и вольныхъ книгопродавцевъ, то, по статуту 1323 года, они не пользовались никакими льготами, не смѣли торговать подъ крышею или навѣсомъ и могли продавать только книги малоцѣнныя. Въ столѣтіе. предшествовавшее изобрѣтенію книгопечатанія, число переписчиковъ значительно увеличилось, такъ что ко времени появленія означеннаго изобрѣтенія въ одномъ Парижѣ и Орлеанѣ ихъ было болѣе тысячи, не считая монаховъ, не менѣе усердно занимавшихся перепискою. См. Renouard, стр. 18, 19 и 25.

[8]) Exigis ut donem nostros tibi, Quinte, libellos.

У меня ихъ нѣтъ; но они имѣются у книгопродавца Трифона. — Чтобъ я, отвѣчаешь ты, платилъ деньги за такія бездѣлушки? Чтобъ я въ здравомъ умѣ покупалъ твои стихи? Нѣтъ, я такой глупости не сдѣлаю.—И я также». Въ другомъ мѣстѣ онъ, обращаясь къ читателю, пишетъ: «Если ты купишь эту тоненькую книжонку, то въ ней всѣ толпы Ксеніевъ будутъ стоить тебѣ четыре монеты. Четыре,—это слишкомъ много. Было бы достаточно и двухъ, и все-таки книгопродавецъ Трифонъ былъ бы въ барышахъ» [9]). Подробнѣе о книгопродавцахъ Марціалъ говоритъ въ эпиграммѣ 118 кн. 1: «Нерѣдко встрѣчаясь со мною, Луперкусъ,

---

Non habeo; sed habet bibliopola Tryphon.
Aes dabo pro nugis? et emam tua carmina sanus?
Non, inquis, faciam tuam fatue. Nec ego.
(L. IV ep. 72).

[9]) Ad lectorem.—Omnis in hoc gracili Xeniorum turba libello
Constabit nummis quatuor empta tibi.
Quatuor est nimium. Poterit constare duobus,
Et faciet lucrum bibliopola Tryphon.

Изъ этихъ словъ Клостерманъ (в. п. с. стр. 35 и сл. и Das Urheberrecht an Schrift und Kunstwerken. Berlin 1876 стр. 9 и 10) дѣлаетъ совершенно произвольный выводъ, будто дешевизна книгъ въ Римѣ достигла такихъ размѣровъ, что съ нею едва ли могли соперничать цѣны впервые отпечатанныхъ книгъ. Въ приведенномъ мѣстѣ Марціалъ говоритъ о четырехъ монетахъ, которыя Клостерманъ почему то называетъ сестерціями; мы смѣваемся, чтобы тутъ разумѣлись именно сестерціи, тѣмъ болѣе, что если даже не считать даровой трудъ рабовъ, которыхъ все-таки нужно было одѣвать и кормить, то одинъ пергаментъ и переплетъ должны были стоить несравненно дороже четырехъ сестерцій, равнявшихся на наши деньги 15 коп. сер. Столь же произвольнымъ кажется намъ и то заключеніе Клостермана, будто уже въ классической древности существовалъ обычай, запрещавшій нарушеніе пріобрѣтенныхъ отъ автора правъ издателя. Слѣдовъ существованія такого обычая мы не находимъ даже въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя ссылается самъ Клостерманъ. Смыслъ приводимыхъ у насъ и у Клостермана эпиграммъ, насколько мы ихъ понимаемъ, таковъ, что Марціалъ съ одной стороны порицаетъ чрезмѣрное корыстолюбіе тогдашнихъ книгопродадцевъ, назначавшихъ слишкомъ высокія цѣны за свои изданія, а съ другой осмѣиваетъ современную ему публику, считавшую книги предметомъ до того вздорнымъ, что не стоило на него и тратиться. Впрочемъ, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи о томъ же предметѣ (Das Urheberrecht Berlin 1876) Клостерманъ выражается на этотъ счетъ несравненно осторожнѣе и почти отказывается отъ своего прежняго воззрѣнія (стр. 2).

ты часто говоришь: позволишь ли прислать къ тебѣ моего служку за книгою твоихъ эпиграммъ, которую я тебѣ немедленно же возвращу по прочтеніи? — Нестоитъ, Луперкусъ, утруждать для этого служку: до Пира (Pyrum) идти ему далеко и притомъ я живу хотя въ третьемъ этажѣ, но высоко. То, чего ты добиваешься, ты можешь отыскать гораздо ближе: ты конечно часто проходишь по Аргилетуму (мѣсто, гдѣ торговали книгами и жили ремесленники). Противъ площади Цезаря находится лавчонка, на исписанныхъ отъ верху до низу дверяхъ которой ты можешь прочитать имена всѣхъ поэтовъ. Тутъ спроси меня; Атректъ, такъ называется хозяинъ лавчонки, безъ просьбъ дастъ тебѣ изъ перваго или втораго ящика пензою отполированнаго и пурпуромъ украшеннаго Марціала за пять денаріевъ. Столько ты не дашь, говоришь ты! И разумно, Луперкусъ» [10]).

При такомъ положеніи дѣлъ мысль о контрафакціи не могла и возникнуть, ибо ни авторы, ни издатели не имѣли ни малѣйшаго повода жаловаться на нее. Что касается первыхъ, то, не получая кромѣ извѣстности и славы никакого денежнаго вознагражденія за свои произведенія, они неимѣли никакого интереса преслѣдовать неправомѣрныхъ из-

---

[10]) Occuris quoties, Luperce, nobis:
Vis mittam puerum, subinde dicis,
Cui tradam epigrammaton libellum,
Lectum quem tibi protinus remittam?
Non est quod puerum, Luperce, vexes:
Longum est si velit ad Pyrum venire,
Et scalis habito tribus, sed altis.
Quod quaeris propius petas licebit:
Argi nempe soles subire letum.
Contra Caesaris est forum taberna
Scriptis postibus hinc inde totis
Omnes ut cito perlegas poetas.
Illuc me pete; ne roges Atrectum,
Hoc nomen dominus gerit tabernae;
De primo dabit, alterove nido
Rasum pumice, purpuraque cultum,
Denariis tibi quinque, Martialem.
Tanti non est, ais! sapis Luperce.

дателей; совершенно наоборотъ, руководимые желаніемъ наибольшаго распространенія своей славы, они должны были стремиться не къ подавленію, а ко всяческому поощренію контрафактной продажи ихъ сочиненій, такъ какъ этимъ путемъ имя ихъ могло получить наибольшую распространенность. Съ другой стороны изданіе книгъ сопряжено было съ такими громадными расходами и съ такими хлопотами, что устраняло всякую мысль о конкуренціи и по необходимости должно было сосредоточиваться въ рукахъ весьма немногихъ лицъ, дѣлавшихъ это занятіе своею спеціальностью. Для сколько-нибудь успѣшнаго веденія этого дѣла требовалась огромная мастерская, въ которой бы сотни грамотныхъ и спеціально подготовленныхъ переписчиковъ съ особенною точностью списывали съ одной рукописи. Спрашивается, легко ли было, напримѣръ, въ древности пріобрѣсти массу рабовъ и обучить ихъ настолько, чтобъ они свободно могли не только списывать съ самой рукописи, но и для ускоренія дѣла писать подъ диктантъ читавшаго послѣднюю въ слухъ?

Этими обстоятельствами объясняется, что вплоть до появленія печатныхъ книгъ ни со стороны авторовъ, ни со стороны издателей не раздается никакихъ жалобъ на контрафактную продажу рукописныхъ экземпляровъ. Но если писатели не имѣли никакого денежнаго интереса въ продажѣ своихъ сочиненій, то естественно спросить, чѣмъ же они существовали, чѣмъ питали себя и свои семьи? Сами древніе классики свидѣтельствуютъ, что литераторы ихъ времени большею частью питались отъ щедротъ царственныхъ особъ, вельможъ и богачей [11]), и если жаловались на

---

[11]) Ювеналъ въ своей седьмой сатирѣ яркими красками рисуетъ бѣдственное положеніе представителей древней интеллигенціи, утверждая, что единственное ихъ прибѣжище и защита есть самъ императоръ; что же касается до вельможъ и богачей, то они готовы доставлять помѣщеніе для постановки пьесы, декламированія стиховъ, произнесенія рѣчей и т. д., готовы набирать толпы изъ своихъ друзей и вольноотпущенниковъ для рукоплесканій автору, но никто не изъявляетъ ни малѣйшей охоты припять на себя

что-нибудь, то развѣ только на свою горькую долю и на тѣхъ мелкихъ честолюбцевъ, которые, не будучи въ состояніи удовлетворить своей жаждѣ къ славѣ собственными умственными средствами, не стыдились присвоивать себѣ авторство на чужія произведенія и относительно коихъ въ законодательствѣ того времени не содержалось никакихъ постановленій [12]). Положеніе писателей среднихъ вѣковъ было не только ничѣмъ не лучше положенія писателей древнихъ, но еще ухудшалесь религіознымъ фанатизмомъ, который налагалъ печать неподвижности на всякую умственную дѣятельность народа и считалъ врагомъ религіи почти всякій индивидуальный умъ, дерзавшій искать истину внѣ книгъ священнаго писанія.

Такимъ образомъ продолжавшаяся на протяженіи стольких столѣтій денежная зависимость литераторовъ отъ различныхъ высокопоставленныхъ и богатыхъ лицъ пріучила ихъ смотрѣть на нее, какъ на явленіе нормальное, и до того привилась къ литературнымъ нравамъ, что даже въ то время, когда книгопечатаніе открыло для писателей источникъ вполнѣ независимаго существованія, они лишь въ рѣдкихъ случаяхъ рѣшались сбрасывать съ себя тяготѣвшее надъ ними постыдное иго и отказывались служить болѣе или менѣе красивыми декораціями различныхъ великосвѣтскихъ салоновъ. Въ большинствѣ же случаевъ кажденіе временщикамъ, фаворитамъ и фавориткамъ и золотому тельцу и

денежные расходы, сопряженные съ означенными публичными представленіями, дабы тѣмъ облегчить даннаго автора.

[12]) Слово *плагіатъ*, какъ терминъ, обозначающій литературное воровство, какъ предполагаютъ, заимствовано у Марціала. Въ римскомъ правѣ подъ *plagium* разумѣлась кража людей. По закону Фавія, всякій, умышленно отчуждавшій или пріобрѣтавшій свободнаго человѣка какъ раба, подговорившій раба бѣжать отъ господина или противъ воли и вѣдома хозяина скрывавшій бѣглаго раба, подвергался денежному взысканію, которое впослѣдствіи было замѣнено каторжными работами. Такой преступникъ носилъ названіе *plagiarius* (D. XLVIII. 5). Въ одной изъ своихъ эпиграммъ Марціалъ (lib. I ep 53, см. у Renouard стр. 16) уподобляетъ свои стихи своимъ дѣтямъ, а похитителя ихъ плагіарію. Отсюда, какъ говорятъ, вошелъ въ употребленіе терминъ *плагіатъ*, обозначающій литературное воровство.

воспѣваніе ихъ мнимыхъ добродѣтелей и блестящихъ качествъ въ различныхъ одахъ, мадригалахъ и т. п. риѳмованныхъ и нериѳмованныхъ словоизворженіяхъ являлись необходимымъ аттрибутомъ поэтовъ и другихъ литераторовъ. Даже многіе изъ весьма почтенныхъ ученыхъ считали необходимымъ заручиться покровительствомъ и дружбой людей сильныхъ и нетолько не брезгали ихъ подачками въ видѣ ежегодныхъ, у даннаго лица ничѣмъ незаслуженныхъ пенсій, но косвеннымъ образомъ добивались послѣднихъ.

Это предубѣжденіе противъ свободнаго существованія отъ своего труда, оправдываемое историческими обстоятельствами, пустило до того глубокіе корни въ нравы ученыхъ и литераторовъ, что даже наше время невполнѣ свободно отъ него. И теперь еще нерѣдко можно встрѣтить довольно презрительное отношеніе къ людямъ, своимъ перомъ пропитывающимъ себя и свое семейство; и теперь еще многіе смотрятъ на такихъ людей не съ уваженіемъ, какого они дѣйствительно заслуживаютъ, а съ презрѣніемъ и негодованіемъ, считая ихъ простыми наемщиками, продажею своего труда унижающими достоинство литераторовъ и литературы. Въ нашемъ отечествѣ беззубыя насмѣшки надъ лицами, пишущими для полученія построчной платы, являются излюбленнымъ занятіемъ многихъ дешовыхъ и бездарныхъ юмористовъ, которые въ своей нравственной слѣпотѣ не замѣчаютъ, что они смѣются надъ самими собою, такъ какъ точно также за свое безцѣльное скалозубство получаютъ построчную плату.

Переходимъ теперь къ *привилегіямъ*, изъ коихъ, по справедливому и мѣткому выраженію г. Спасовича, какъ изъ кокона вылупились новѣйшія законодательныя постановленія объ авторскомъ правѣ. Со введеніемъ книгопечатанія въ положеніи книжнаго дѣла произошла радикальная перемѣна: переписка, составлявшая прежде необходимое его условіе, должна была отойдти на второй планъ и наконецъ совершенно исчезнуть; количество экземпляровъ, воспроизводившихся прежде съ громаднымъ трудомъ и съ неменьшею

тратой времени, перестало зависѣть отъ количества переписчиковъ и возрасло до такой степени, что привело въ изумленіе тогдашнее общество, тѣмъ болѣе что всѣ эти экземпляры замѣчательно походили другъ на друга и людямъ несвѣдущимъ казались переписанными одною и тою же рукой. Возможность за одинъ разъ воспроизводить сотни и тысячи экземпляровъ понизила цѣны на книги до того, что они стали доступными людямъ съ довольно ограниченными достатками. Вслѣдствіе того свѣтъ образованія проникъ и въ такіе слои общества, гдѣ прежде царствовалъ непроглядный мракъ; люди, дотолѣ коснѣвшіе въ невѣжествѣ, стали интересоваться успѣхами просвѣщенія и торопились усвоивать себѣ плоды его. Пюттеръ приводитъ цѣлый рядъ восторженныхъ отзывовъ современниковъ объ этомъ новомъ открытіи, яркими красками рисующихъ его благодѣтельныя послѣдствія.

При самомъ своемъ появленіи печатаніе книгъ нетолько не встрѣчало препятствій, впослѣдствіи тормозившихъ его свободное движеніе, но напротивъ того подчинялось лишь закону естественной свободы и пользовалось полнѣйшимъ покровительствомъ и расположеніемъ правительствъ. Всякій когда угодно и гдѣ угодно могъ печатать любую рукопись, ненуждаясь ни въ какомъ особомъ разрѣшеніи полиціи или другихъ властей и не подвергаясь никакому контролю съ ихъ стороны. Но такая вожделѣнная свобода существовала недолго. Правительства скоро замѣтили громадное вліяніе печатнаго слова на народныя массы, и руководимыя отчасти чувствомъ самосохраненія, отчасти же необходимостью оградить господствующій юридическій порядокъ отъ потрясеній и нарушеній, причиняемыхъ злоупотребленіемъ означеннаго свободой или распространеніемъ путемъ печати идей, негармонировавшихъ съ общими ходячими принципами и убѣжденіями даннаго времени, прибѣгло къ болѣе или менѣе энергическимъ предупредительнымъ и репрессивнымъ мѣрамъ какъ противъ самихъ авторовъ, такъ и противъ учрежденій, служившихъ имъ орудіемъ.

Съ другой стороны, созданныя введеніемъ книгопечатанія легкость механическаго воспроизведенія литературныхъ произведеній, относительная дешевизна такого воспроизведенія и отсутствіе всякой регламентаціи породили вполнѣ свободную и дѣятельную конкурренцію, весьма вредно отзывавшуюся на интересахъ отдѣльныхъ издателей, а чрезъ нихъ и на самомъ обществѣ. Стоило только одному отпечатать и пустить въ продажу сличенный и тщательно исправленный манускриптъ какого-нибудь, напримѣръ, древняго классика, чтобъ изданная такимъ образомъ книга стала почти тотчасъ же предметомъ перепечатокъ другихъ издателей, продававшихъ экземпляры ея по болѣе низкой цѣнѣ. Ниже приводимые законодательные памятники того времени прямо указываютъ, что перепечатки эти совершались крайне небрежно, на весьма плохой бумагѣ, вытертымъ отъ употребленія шрифтомъ и почти безъ всякой корректуры и что благодаря этому обстоятельству контрафактныя изданія могли продаваться по очень низкимъ цѣнамъ, служившимъ приманкою для большинства покупателей.

Въ такомъ положеніи нѣкоторые изъ издателей, въ видахъ огражденія своихъ личныхъ интересовъ, нашлись вынужденными искать спеціальной защиты и покровительства центральныхъ административныхъ властей, такъ какъ отсутствіе положительныхъ законовъ или общепризнанныхъ юридическихъ обычаевъ относительно печати закрывало имъ доступъ къ нормальному правосудію [13]). На томъ же основаніи ихъ просьбы не заключали въ себѣ ничего чисто юридическаго, а опирались единственно на естественное чувство справедливости, присущее всему человѣчеству, и взывали, какъ водится въ такихъ случаяхъ, къ испытанному милосердію и инымъ несомнѣннымъ нравственнымъ добродѣтелямъ даннаго правителя или правительственнаго учрежденія, причемъ иногда присоединялось указаніе на

---

[13]) См. *Waechter*, das Verlagsrecht стр. 5—7.

опасности для народнаго просвѣщенія, сопряженныя съ необузданною свободой перепечатки чужихъ изданій.

Правительства незамедлили отозваться на эти просьбы предоставленіемъ просителямъ срочнаго исключительнаго права изданія той или другой книги. Такъ какъ подобные правительственные акты являлись какъ бы изъятіемъ даннаго лица отъ господства безусловной свободы изданія и перепечатки книгъ, то они получили названіе *привилегій*. Съ теченіемъ времени количество такихъ привилегій, выдаваемыхъ на основаніи означенныхъ просьбъ, возросло до такой степени, что онѣ стали явленіемъ нормальнымъ. Понятно, что правительства, обременяемыя и осаждаемыя означенными просьбами, должны были для облегченія самихъ себя подумать о средствахъ, устраняющихъ необходимость въ такихъ частыхъ ходатайствахъ.

Выходъ изъ этого положенія найденъ былъ въ изданіи одной такъ-сказать общей привилегіи, которою ipso iure могъ воспользоваться всякій, удовлетворявшій всѣмъ означеннымъ въ ней условіямъ. Эта то общая привилегія и есть ядро всѣхъ послѣдующихъ законодательныхъ постановленій объ авторскомъ правѣ и ею объясняется господствовавшій до послѣдняго времени, а отчасти и теперь замѣтный въ законодательныхъ сферахъ взглядъ на авторское право какъ на льготу, какъ на изъятіе отъ дѣйствія общихъ законовъ, обязанное своимъ существованіемъ исключительно милости законодателя.

Древнѣйшая изъ привилегій, по словамъ Пюттера, выдана была Венеціанскою республикой 3-го января 1491 года юристу Петру Равенскому, магистру каноническаго права, по поводу его сочиненія *Phoenix*. Она напечатана была въ концѣ книги и гласила слѣдующее: «Явившійся къ свѣтлѣйшему вождю и въ славныя наши владѣнія знатный юрисконсультъ по имени Петръ изъ Равены, читающій каноническое право..., почтительно заявилъ, что въ теченіе всей своей жизни употребилъ весьма много старанія и труда... почему смиренно просилъ, дабы запрещено было дру-

гимъ собирать плоды его трудовъ и безсонныхъ ночей. Признавая справедливость и пристойность этой просьбы... повелѣвается, чтобы никто не осмѣливался въ городѣ Венеціи и во всѣхъ подвластныхъ намъ славныхъ владѣніяхъ печатать или продавать отпечатанные экземпляры сказаннаго сочиненія, озаглавленнаго *Phoenix*; подъ страхомъ конфискаціи этихъ экземпляровъ и уплаты двадцати пяти ливровъ за каждый изъ нихъ. Тому же наказанію подлежатъ и тѣ, кои станутъ продавать въ вышеназванныхъ славныхъ владѣніяхъ тѣ же книги, отпечатанныя въ другихъ мѣстахъ; исключая только того типографа, которому вышесказанный докторъ это разрѣшитъ» [14]).

Изъ наиболѣе древнихъ привилегій у Пюттера [15]) упоминаются слѣдующія: въ 1495 г. герцогъ Миланскій Людовикъ Сфорца выдалъ привилегію Михаилу Фернеру и Евстахію Зильберу на сочиненіе «*Joh. Anton. Campani*»; въ 1497 г. Венеціанская республика выдала таковую же на сочиненія Теренція, напечатанныя Лазаремъ Соарди; въ 1506 г. папа Юлій II римскимъ книгопродавцамъ «Evangelista Tosino» на географію Птоломея «срокомъ на шесть лѣтъ или пока названная книга не будетъ распродана, подъ угрозою отлученія отъ церкви». Изъ германскихъ привилегій древнѣйшая относится къ 1501 г.; она выдана нюренбергскимъ рейхсрегиментомъ поэту Конраду Цельтесу

---

[14]) Adiens praesentiam serenissimi principis et illustrissimi dominii egregius jure consultus dominus Petrus de Ravenna nuncupatus a memoria, legens jus canonicum..., reverenter exposuit, se toto tempore ejus vitae multis vigiliis et laboribus insudavisse..., humiliter supplicavit, detur modus, ne alieni colligant fructus laborum et vigiliarum suarum. Cui quidem aeque ac convenienti petitioni annuentes... jubent, nemoa udeat in hac urbe Venetiarum, et in tota ditione illustrissimi dominii nostri imprimere seu impressa vendere volumina dicti operis, nuncupati Phoenix; sub poena amittendi illa, et insuper libras viginti quinque pro quolibet volumine. Et huic met poenae subjaceant illi, qui hujusce modi libros alibi impressos vendere praesumerent in ditione praedicti illustrissimi dominii, excepto duntaxat illo impressore, quem praefatus doctor preelegerit». Ср. *Клостермана* в. н. с. стр. 41 и *Вехтера* стр. 8 прим. 11.

[15]) *Pütter*, стр. 13, § 17, прим. 1.

на сочиненіе «Hroswitha» [16]). Что касается привилегій французскихъ, то Шевилье [17]) утверждаетъ, что наиболѣе древняя изъ замѣченныхъ имъ на книгахъ Сорбонской библіотеки относится къ 1507 г. и выдана Людовикомъ XII Антонію Верару на изданіе посланій апост. Павла съ комментаріями на французскомъ языкѣ какого-то доктора богословскаго факультета; затѣмъ другая привилегія выдана была 12 января 1508 г. парижскимъ парламентомъ Рамболю на его сочиненіе о свят. Брюно; третья выдана была тѣмъ же парламентомъ 8 мая 1509 г. какимъ-то Жанъ Гранжонъ и Бонсе-ле-Пре и т. д.

Первоначально привилегіи были выдаваемы лишь издателямъ и притомъ на такія сочиненія, право печатанія которыхъ принадлежало всѣмъ и каждому безъ изъятія. Къ нимъ отнесены были всѣ творенія древнихъ авторовъ, священныя и церковно-служебныя книги, всѣ сочиненія, написанныя до изобрѣтенія книгопечатанія, пѣсенники, учебники, сборники законовъ и т. п. Выдавались привилегіи не только царствующими особами, но и различными судебно-административными и другими учрежденіями, каковы: французскіе парламенты [18]), прево города Парижа [19]) и т. д. Что касается срока, на который онѣ выдавались, то въ этомъ отношеніи не было никакихъ постоянныхъ правилъ, а все зависѣло отъ субъективныхъ соображеній выдававшихъ ихъ учрежденій и лицъ; вслѣдствіе того однѣ изъ нихъ выдавались на нѣсколько, обыкновенно на шесть и менѣе лѣтъ, другія безъ всякаго срока, однѣ безусловно,

---

[16]) *Вехтеръ*, стр. 8, прим. 12, *Клостерманъ*, стр. 42, *Пюттеръ*, стр. 107 § 169, прим. 2.

[17]) *Chevillier*, de l'origine de l'imprimerie de Paris, стр. 395.

[18]) Такъ, парижскій парламентъ выдалъ 26 января 1516 г. привилегію на два года нѣкоему Josse Bade, присяжному книгопродавцу при университетѣ, на книгу „Institutions oratoires“ Квинтиліана, съ тѣмъ, чтобъ она продавалась не свыше 16 су за экземпляръ. См. *Renouard*, стр. 108.

[19]) *Шевилье*, в. н. с., стр. 395, упоминаетъ о привилегіи, выданной этимъ прево 25 іюня 1517 г. регенту философіи въ училищѣ св. Варвары, именно Jean de Célaya на его книгу „Insolubilia“, напечатанной Эдмъ-ле-Февромъ.

другія съ извѣстными условіями, напримѣръ, подъ условіемъ не продавать отдѣльные экземпляры свыше опредѣленной цѣны и т. п. Впослѣдствіи онѣ выдавались не только издателямъ, но и авторамъ, а иногда ихъ жаловали въ видѣ награды. Такъ въ 1597 г. была выдана привилегія на сочиненія Ронсара нѣкоему Jean Galandius, профессору collège de Roncourt, «за вѣрныя и милыя заслуги его величеству», какъ сказано въ данной ему на это жалованной грамотѣ [20]).

Наибольшее количество такихъ привилегій приходится на долю *Германіи* [21]), политическая раздробленность которой въ разсматриваемое время сообщило ихъ историческому движенію своеобразный характеръ. Власть германскаго императора, нѣкогда столь могущественная и безусловная, ко времени изобрѣтенія книгопечатанія весьма ослабѣла и можно сказать влачила жалкое существованіе. Еще до этой эпохи выборы на престолъ Германской имперіи, сосредоточенные въ рукахъ германскихъ владѣтельныхъ князей, дали симъ послѣднимъ возможность добиться полной политической самостоятельности, оставивъ за императоромъ лишь пустой титулъ. Почти каждый новый избранникъ за честь носить

---

[20]) См. объ этомъ у *Ренуара*, стр. 109 и сл. и *Пюттера*, стр. 24, § 18.

[21]) Кромѣ вышеприведенной отъ 1501 г. къ древнѣйшимъ изъ привилегій, выданныхъ германскими императорами, должны быть отнесены слѣдующія: отъ 1510 г. Іоанну Шоттіусу на книгу „*Lectura aurea super domini Abbatis antiqui Decretales*“, затѣмъ отъ 1512, 1514, 1518 гг. У *Бекмана* („Beiträge zur Geschichte der Erfindungen.“ Leipzig, 1782 стр. 85 и сл.) приводятся подлинныя слова одной привилегіи, выданной императоромъ Максиміліаномъ, 9 декабря 1518 г., нѣкоему Шефферу. Въ ней предоставляется послѣднему исключительное право печатанія „Тита Ливія“ въ теченіи 10 лѣтъ, равно какъ и шестилѣтнее исключительное право печатанія остальныхъ впервые имъ въ Германіи изданныхъ сочиненій, хотя бы уже напечатанныхъ въ другихъ мѣстахъ. Всѣ другія изданія тѣхъ же книгъ, предпринятыя въ предѣлахъ означеннаго срока, послѣ изданія ихъ Шеффером, подлежатъ конфискаціи въ его пользу; сверхъ того предписывается взимать съ контрафакторовъ за каждое такое недозволенное изданіе штрафъ въ размѣрѣ десяти марокъ чистаго золота, половина коего должна поступать въ императорскую казну, а остальная половина въ пользу потерпѣвшихъ. См. *Вехтера*, стр. 9, прим, 13.

этотъ звучный и заманчивый титулъ дѣлалъ различныя уступки своимъ избирателямъ, при чемъ его верховная власть надъ ними подвергалась такимъ сильнымъ сокращеніямъ, что подъ конецъ дошла до безконечно малой величины. Эти уступки или лучше сказать отреченія отъ своихъ исконныхъ прерогативъ выражались въ особыхъ отбиравшихся у императоровъ при избраніи ихъ на царство письменныхъ обязательствахъ, совокупность коихъ носила названіе Wahlcapitulation. Еще въ 1653 г. германскій императоръ въ этой послѣдней обязывался «не выдавать никому никакихъ привилегій на монополіи», осуществленіе коихъ должно было бы послѣдовать во владѣніяхъ германскихъ государей и имперскихъ городовъ, а въ 1711 г. тамъ же пояснялось, что обязательство это простирается «на торговлю, мануфактуры, искусства и вообще на все, входящее въ область полиціи или носящее иное названіе». Этими двумя постановленіями германскіе императоры отказывались и отъ права выдавать привилегіи на исключительное изданіе тѣхъ или другихъ книгъ, и хотя выдача таковыхъ не прекращалась, но онѣ не могли доставить обладателямъ ихъ никакой дѣйствительной защиты и привели ихъ лишь къ убѣжденію, что для огражденія своихъ интересовъ имъ необходимо еще пріобрѣтать особыя привилегіи на тотъ же предметъ отъ каждаго германскаго правительства, во владѣніяхъ котораго они намѣревались эксплоатировать свои изданія. Съ теченіемъ времени очевидная безполезность императорскихъ привилегій заставила издателей ограничиваться лишь тою защитой, которую оказывали имъ мѣстные владѣтельные князья [22]), а иногда даже просто городскіе магистраты [23]). Изложеніе хода книжной торговли послѣднихъ двухъ столѣтій во Франкфуртѣ на Майнѣ и въ

[22]) *Pütter*, стр. 166, § 167.

[23]) Случаи выдачи такихъ привилегій имѣли мѣсто и гораздо раньше разсматриваемаго періода времени; такъ, лейпцигскій магистратъ еще въ 1518 г. выдалъ четырехлѣтнюю привилегію на сочиненіе „*Petri Moselani Paedologia*“. См. *Вехтера* стр. 10, прим. 15. Ср. также *Клостермана*, das geist. Eiegen. стр. 42.

Лейпцигѣ послужитъ лучшимъ поясненіемъ и доказательствомъ сказаннаго.

Въ описываемое время вся книжная торговля Германіи сосредоточивалась на ярмаркахъ имперскаго города Франкфурта на Майнѣ. Такъ какъ власть императора не потерпѣла здѣсь никакого ограниченія и не переставала осуществляться фактически, то всѣ издатели, съ разныхъ концовъ Германіи и Европы съѣзжавшіеся на эти ярмарки, торопились заручиться привилегіями отъ императора, дабы оградить себя отъ весьма убыточныхъ контрафактныхъ перепечатокъ.

Но выдавая эти привилегіи, необходимо было подумать и о средствахъ ихъ дѣйствительнаго примѣненія, необходимо было озаботиться, чтобъ онѣ не оставались мертвою буквой, а представляли собою дѣйствительную гарантію противъ запрещенныхъ въ нихъ дѣйствій. Такими средствами очевидно могли служить только спеціальные органы, на которыхъ возлагалась бы обязанность безъ всякаго промедленія выполнять предписанія той или другой изъ нарушенныхъ привилегій. Подобные органы дѣйствительно существовали въ Германіи вообще и въ частности во Франкфуртѣ на Майнѣ. Первоначально императоръ Максиміліанъ I назначилъ генералъ-суперинтенданта, которому поручено было спеціальное наблюденіе за скоропечатнями въ Священной Римской Имперіи. Это былъ Яковъ *Эслеръ*, докторъ обоихъ правъ въ Страсбургѣ. Самъ онъ называлъ себя: *kayserlich verordneten Generalsuperattendenten der Druckereyen in heiligen Römischen Reiche*, или: per universum Romanum imperium artis chaleographicae caesaris Maximiliani auctoritate censor atque arbiter, а иногда: artis impressoriae censor et superattendens generalis. Этотъ императорскій чиновникъ имѣлъ постоянное мѣстопребываніе въ Страсбургѣ, между тѣмъ какъ надзоръ его, судя по приведенному титулу, долженъ былъ простираться на всю Германскую имперію; полномочія его были на столько обширны, что онъ даже считалъ себя въ правѣ выдавать такія же при-

вилегіи, какъ и самъ императоръ. Такъ, на первой страницѣ книги, отпечатанной въ 1496 году въ Страсбургѣ и озаглавленной: «in folio gedruckten Werke, Predigten und andern theologischen Sachen», помѣщенъ текстъ данной этимъ сановникомъ привилегіи ея издателю на исключительное трехлѣтнее печатаніе и продажу, при чемъ за нарушеніе ея положена конфискація контрафактныхъ экземпляровъ и штрафъ въ 10 марокъ золота. Въ такомъ же родѣ выдана была имъ тамъ же въ 1517 г. привилегія нѣкоему типографу Іогану Грюнингеру на книгу: «Толкованіе Евангелія»; срокъ и санкція ея тѣ же, что и въ предыдущей привилегіи. Эслеру принадлежала также цензура не только свѣтскихъ, но и духовныхъ книгъ.

Что касается Франкфурта на Майнѣ, то ближайшій надзоръ за соблюденіемъ выданныхъ императоромъ привилегій возложенъ былъ на тамошній городской совѣтъ; эта функція совѣта продолжалась до тѣхъ поръ, пока наконецъ императоръ Рудольфъ II не учредилъ тамъ для той же цѣли особую имперскую коммисію. Поводомъ къ тому послужило слѣдующее обстоятельство. Въ 1569 г. императоръ Максиміанъ II поручилъ франкфуртскому совѣту привлекать къ уголовной отвѣтственности тѣхъ, кои уже въ теченіи пяти лѣтъ не перестаютъ печатать на заглавномъ листѣ: *съ дозволенія императора*, вовсе неимѣя таковаго, и подъ такимъ прикрытіемъ издаютъ всякаго рода нелѣпости, не доставляютъ надлежащихъ экземпляровъ и несоблюдаютъ содержащихся въ привилегіяхъ условій. Совѣтъ отозвался, что эта мѣра потребуетъ продолжительнаго времени и участія ученыхъ; а потому просилъ императора командировать для этой цѣли во Франкфуртъ нѣсколькихъ ученыхъ, которымъ совѣтъ обязывался по мѣрѣ возможности оказывать свое содѣйствіе. Снисходя къ этой просьбѣ, императоръ дѣйствительно назначилъ въ 1570 г. коммисію, поручивъ ей помогать совѣту лишь по отношенію къ будущимъ книгамъ. Но слѣдующій императоръ Рудольфъ II въ 1579 и 1580 гг. возложилъ это дѣло на спеціальную коммисію, предписавъ ей

состоять уже не при городскомъ совѣтѣ, а при камергерихтсфискалѣ и дехантѣ женскаго монастыря во Франкфуртѣ; совѣту же поручалось только помогать этой коммисіи. Съ 1600 г. она стала требовать для себя по одному экземпляру всякой непривилегированной книги, независимо отъ экземпляра, доставлявшагося въ совѣтъ; а впослѣдствіи на основаніи императорской инструкціи отъ 1608 г. она получила право не только на непосредственное обнародованіе императорскихъ эдиктовъ, но и на предварительную цензуру и разборъ жалобъ по поводу нарушеній императорскихъ привилегій, равно какъ и на присужденіе книгъ къ конфискаціи.

Противъ подобныхъ широкихъ полномочій совѣтъ въ свое время неоднократно заявлялъ свой протестъ, и такъ какъ вестфальскимъ миромъ имперскимъ городамъ гарантировано было не только право конфискаціи, но и запрещеніе книгъ, противныхъ господствующей въ городѣ религіи, то 22-го апрѣля 1679 г. городъ Франкфуртъ потребовалъ отъ императора строгаго предписанія книжному коммисару не препятствовать городу конфисковать въ предѣлахъ его территоріи возмутительнаго содержанія книги и сочиненія. Кромѣ того тогда же, какъ и неоднократно впослѣдствіи обращалось вниманіе императорскаго правительства на то, что надзоръ вышеназванной коммисіи простирается на сочиненія писателей какъ католическихъ, такъ равно и евангелическихъ, а потому справедливо было бы ввести въ составъ ея въ равномъ количествѣ членовъ, исповѣдующихъ обѣ эти религіи, тѣмъ болѣе, что жалобы на чрезвычайно строгое отношеніе къ евангелическимъ сочиненіямъ повторяются довольно часто, а произведеніямъ католической прессы оказываются всяческія поблажки, содѣйствіе и покровительство. Католическое духовенство, весьма недовольное вѣротерпимостью, упроченною вестфальскимъ миромъ, вовсе не желало отказаться отъ своихъ обычныхъ религіозныхъ преслѣдованій и наводняло всѣ ярмарки имперіи ѣдкими, злословными и возмутительными книгами, направленными

противъ догматовъ и устройства евангелической церкви, продавая эти книги по ничтожнымъ цѣнамъ. Такая продажа, прямо противорѣчившая религіозному миру и императорскимъ избирательнымъ капитуляціямъ (Wahlcapitulationen), не только не встрѣчала никакого противодѣйствія со стороны имперскихъ чиновниковъ, надзиравшихъ за книжною торговлею, но всячески ими поддерживалась; тогда какъ наоборотъ всякая попытка евангелическаго духовенства противодѣйствовать такому порядку вещей вызывала со стороны франкфуртскаго коммисара конфискацію направленныхъ къ тому книгъ, между тѣмъ какъ фискалъ имперскаго гофрата возбуждалъ противъ авторовъ сихъ послѣднихъ, цензоровъ и издателей тяжкія обвиненія и процессы. Въ виду этого имперскій сеймъ въ 1690 году заставилъ императора дать письменное обязательство въ томъ, что чиновники его во Франкфуртѣ на Майнѣ будутъ оказывать одинаковое покровительство и защиту какъ той, такъ и другой сторонѣ. Обязательство это вошло въ избирательную капитуляцію въ видѣ статьи 2 § 7.

Что же касается до означенной коммисіи, то она продолжала существовать въ прежнемъ видѣ и руководствовалась прежними инструкціями до 1746 года, когда императоръ Францъ I издалъ для нея новую инструкцію. Сею послѣднею постановлялось, что всѣ выданныя императоромъ привилегіи должны быть изготовляемы въ теченіи шести недѣль со дня постановленія объ ихъ выдачѣ, препровождаемы въ засвидѣтельствованной копіи къ книжному коммисару и симъ послѣднимъ за справедливо-умѣренную плату надлежащимъ образомъ объявляемы въ ярморочное время всѣмъ, ведущимъ торговлю тѣмъ родомъ книгъ, къ которому относится привилегированное сочиненіе. Въ привилегіи должно быть включаемо условіе, чтобъ онѣ являемы были въ ближайшія отъ дня ихъ выдачи ярмарки въ книжной коммисіи и затѣмъ подлежали обнародованію посредствомъ инсинуаціи и чтобы типографщики и издатели употребляли для своихъ изданій хорошую бѣлую бумагу и хо-

рошій шрифтъ. Несоблюденіе всего этого влечетъ за собою потерю самой привилегіи. Буде же окажется, что исходатайствовавшіе такого рода *privilegia universalia* (вообще на изданіе книгъ) или *specialia* (на изданіе одной книги), вслѣдъ затѣмъ не подвергнутъ ихъ надлежащей инсинуаціи или вовсе не отпечатаютъ своихъ привилегированныхъ произведеній, то сіи послѣднія, въ замѣнъ ожидаемаго удовлетворенія, должны переходить въ собственность казны, а самыя привилегіи ipso facto почитаются утраченными. Таковы подлинныя слова инструкціи.

Упоминаемая въ ней инсинуація производилась актуаріемъ или что тоже секретаремъ коммисіи, который въ сопровожденіи двухъ свидѣтелей обходилъ всѣхъ книгопродавцевъ и заставлялъ ихъ своими подписями удостовѣрять наличность инсинуаціи. Такимъ образомъ надзоръ за книжною торговлей на франкфуртскихъ ярмаркахъ, первоначально принадлежавшій городскому совѣту, мало по малу совершенно перемѣстился въ имперскую коммисію, за которою и оставался до тѣхъ поръ, пока книжная торговля не покинула Франкфуртъ на Майнѣ и не переселилась въ Лейпцигъ, гдѣ нашла для себя большій просторъ и свободу.

Эта-то коммисія, которая повидимому предназначалась для огражденія правомѣрной книжной торговли отъ злоупотребленій недобросовѣстныхъ аферистовъ, которая должна была способствовать развитію и процвѣтанію означенной торговли, въ дѣйствительности привела послѣднюю къ полнѣйшему упадку, благодаря своей пристрастной цензурѣ и своимъ упорнымъ преслѣдованіемъ всего противнаго католицизму. Франкфуртъ на Майнѣ, куда прежде два раза въ годъ стягивались на ярмарки книжные торговцы всей Европы съ огромными тюками книгъ, сталъ посѣщаться этими торговцами все рѣже и рѣже, такъ что подъ конецъ книжная улица, гдѣ водворялись книгопродавцы во время ярмарки, совершенно опустѣла и книжныя лавки мало по малу превращались въ винные погреба. Кромѣ того упадку книжной торговли во Франкфуртѣ способствовало еще и то,

что деньги въ этомъ городѣ стоили гораздо дороже, чѣмъ въ Лейпцигѣ.

Прежде всего въ Лейпцигъ влекло означенныхъ торговцевъ то обстоятельство, что господствующая религія въ Саксоніи была протестантская, а не католическая, и что, слѣдовательно, стѣсненія и преслѣдованія протестантскихъ писателей тамъ не могли имѣть мѣсто. Во вторыхъ, имперскія привилегіи и имперская неудовлетворительная организація надзора за книжнымъ дѣломъ не могли проникнуть въ предѣлы этого государства вслѣдствіе сопротивленія саксонскихъ герцоговъ, считавшихъ присутствіе имперскихъ чиновниковъ на своей территоріи ограниченіемъ своей верховной власти. Въ третьихъ, съ 1773 года защитою отъ контрафакціи пользовались тамъ не только книги привилегированныя, но и всякія иныя, если только издатели ихъ своевременно заявляли о нихъ мѣстнымъ властямъ. Совокупность этихъ благопріятныхъ причинъ сдѣлали Лейпцигъ средоточіемъ общеевропейской книжной торговли, далеко оставившей за собою таковую же во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Но тѣ же обстоятельства, которыя вызвали учрежденіе особыхъ цензурныхъ и надзирающихъ чиновниковъ и коммисіи во Франкфуртѣ, заставили и саксонское правительство сосредоточить свое вниманіе на полиціи книжнаго дѣла и учредить надъ нимъ спеціальный надзоръ. Съ этою цѣлью тамъ уже давно учреждена была должность инспектора книгъ, на обязанности коего лежали инсинуація выданныхъ саксонскимъ правительствомъ привилегій и быстрое преслѣдованіе перепечатокъ, совершенныхъ вопреки симъ послѣднимъ. Независимо отъ этого въ 1661 и 1686 годахъ изданы были два закона, касавшіеся полиціи книжнаго дѣла. Въ первомъ изъ нихъ объясняется, что саксонскіе книгопродавцы горько жаловались на перепечатку ихъ дорогою цѣною пріобрѣтенныхъ книгъ, что перепечатка эта производится не только за границей, но и въ предѣлахъ Саксонскаго герцогства, что на эти контрафактныя изданія обманнымъ образомъ получаются новыя привилегіи и что

отъ такого образа дѣйствія книгопродавцы терпятъ большіе убытки и впадаютъ въ бѣдность, а это вредно отзывается на благосостояніи самого государства. А потому всѣмъ мѣстнымъ властямъ поручается тщательно ревизовать книжныя лавки герцогства, и если гдѣ окажутся контрафактныя книги, то не только конфисковать ихъ, но на хозяевъ такихъ лавокъ налагать штрафы, установленные привилегіями.

Во второмъ законѣ послѣ указанія на различныя злоупотребленія, практикуемыя въ книжной торговлѣ, предписывалось всѣмъ типографщикамъ, книгопродавцамъ и граверамъ, какъ постоянно живущимъ въ Саксоніи, такъ и временно пріѣзжающимъ на тамошнія ярмарки, подъ страхомъ конфискаціи книгъ, закрытія лавокъ и другихъ смотря по обстоятельствамъ тяжкихъ наказаній не печатать и не продавать ни явно, ни тайно злонамѣренныхъ сочиненій, пасквилей и гравюръ, равно какъ и не печатать никакихъ книгъ безъ цензуры и безъ обозначенія на нихъ мѣстожительства и имени автора, типографщика и издателя, не обременять народъ чрезмѣрными цѣнами и противохристіанскимъ лихоимствомъ при продажѣ книгъ и воздерживаться отъ запрещенной перепечатки, причиняющей величайшій вредъ тѣмъ, кои добросовѣстно пріобрѣли сіи книги отъ авторовъ и получили на нихъ привилегіи; типографщики и торговцы должны напротивъ того стараться печатать, доставлять и продавать по соразмѣрно дешевымъ цѣнамъ книги поучительныя, полезныя и хорошія.

Но гораздо большую важность въ историческомъ отношеніи имѣетъ законъ 18-го декабря 1773 года. Въ немъ уже совершенно ясно проявляется сознаніе правительства, что защита отъ контрафакціи должна быть оказываема не только издателямъ привилегированнымъ, но и вообще всѣмъ тѣмъ, изданія коихъ основаны на добросовѣстномъ пріобрѣтеніи сочиненій отъ авторовъ. Относительно такихъ книгъ законъ этотъ предписывалъ лишь внесеніе въ протоколъ коммисіи книжнаго дѣла, каковое внесеніе должно было имѣть равную силу съ привилегіей. Подобное поста-

новленіе прямо доказываетъ, что саксонское правительство отказалось отъ прежняго воззрѣнія на изданную книгу, какъ на общественное достояніе, и признало за авторами и ихъ издателями исключительное право печатанія и изданія книгъ,—право, которое не должно быть безнаказанно нарушаемо третьими неуправомоченными лицами. Что касается до другихъ постановленій означеннаго закона, то они отчасти повторяютъ распоряженія, изложенныя въ двухъ названныхъ выше законахъ, отчасти же установляютъ новыя правила, касающіяся администраціи книжнаго дѣла и надзора за ними. Изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе учрежденіе выборнаго совѣта изъ книгопродавцевъ, обязаннаго пещись о нуждахъ книжной торговли, и буде потребуется, давать свои письменныя или устныя заключенія въ книжной коммисіи. Остальныя распоряженія основаны на господствовавшемъ въ прошломъ столѣтіи непосредственномъ вмѣшательствѣ правительства во внутреннія дѣла ремесленныхъ и торговыхъ общинъ. Кромѣ того означенный законъ постановляетъ, что защита заграничныхъ изданій допускается на вышеизложенныхъ основаніяхъ лишь подъ условіемъ взаимности. Упоминаемая въ законѣ инсинуація производилась тѣмъ же способомъ, какъ и во Франкфуртѣ. Таково въ краткихъ чертахъ историческое движеніе книжнаго дѣла въ двухъ главнѣйшихъ центрахъ книжной торговли средневѣковой Германіи [24]). Въ общемъ оно повторяется и въ другихъ германскихъ государствахъ и имперскихъ городахъ.

Что касается *Франціи*, то по отношенію къ привилегіямъ она сравнительно съ Германіей представляетъ ту особенность, что въ послѣдней по мѣрѣ приближенія къ новому времени въ правительствѣ все болѣе и болѣе укоре-

---

[24]) Все изложенное о Франкфуртѣ на Майнѣ и Лейпцигѣ всецѣло заимствовано нами изъ вышеозначеннаго сочиненія *Шюттера* стр. 164—200, 136—141 §§. 166—181, 133—136. Впрочемъ ср. еще *Вехтера* das Verlagsrecht стр. 11 и 12, *Гарума* стр. 9—11, *Max Friedländer*, Der einheimische und ausländische Rechtsschutz gegen Nachdruck und Nachbildung. Leipzig 1857, стр. 8 и 9.

нялось убѣжденіе, что привилегія не составляетъ непремѣннаго условія защиты литературнаго произведенія отъ контрафакціи, тогда какъ во Франціи наряду съ постоянно возраставшею строгостью цензуры, росло и крѣпло убѣжденіе правительства, что всякое сочиненіе есть общественное достояніе и что защита литературнаго произведенія есть не болѣе какъ милость, оказываемая королемъ издателямъ и авторамъ во вниманіе къ ихъ затратамъ и трудамъ. Впослѣдствіи сплетая цензурныя требованія съ защитою сочиненій, французское правительство дошло до того, что перестало различать двѣ эти діаметрально противоположныя области [25]) и сдѣлало полученіе привилегіи непремѣннымъ условіемъ изданія всякой книги. Это явленіе, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что стремленіе получить привилегію вынуждало издателей представлять данную книгу на предварительное разсмотрѣніе правительства, каковое предъявленіе требовалось и полицейскимъ надзоромъ за печатью; случайное сліяніе этихъ двухъ различныхъ актовъ въ одномъ дѣйствіи пріучило правительство смотрѣть на привилегію, какъ на составную часть цензурнаго надзора, тѣмъ болѣе что предписаніе брать таковую на всякую книгу значительно облегчало сей послѣдній. Впрочемъ краткій очеркъ правительственныхъ мѣръ относительно привилегій представитъ достаточно наглядную картину судьбы сихъ послѣднихъ въ дореволюціонной французской монархіи.

Эксплоатація книгопечатанія началась съ такихъ изданій, въ которыхъ при появленіи гуттенберговскаго изобрѣтенія чувствовалась наибольшая потребность. Извѣстно, что первая книга, появившаяся въ печати, была библія, затѣмъ слѣдовали остальныя священныя и церковнослужебныя книги и наконецъ сочиненія древнихъ авторовъ и другія никому въ особенности непринадлежавшія произведенія. Изданіе даже такихъ книгъ, по новости этого дѣла, требовало значительныхъ затратъ, возвращеніе коихъ при наличности конкуренціи было болѣе чѣмъ сомнительно. Чтобъ оградить

[25]) *Renouard* стр. 121.

себя отъ возможности напрасныхъ затратъ, издатели добивались и получали привилегіи, уполномочивавшія ихъ на исключительное право печатанія и продажи данной книги въ теченіи такого срока, въ который по приблизительному разсчету можно было выручить затраченный капиталъ, проценты на него и вознагражденіе за рискъ. Очевидное соотвѣтствіе такихъ привилегій съ простыми требованіями справедливости заставило современное общество относиться къ первымъ если не сочувственно, то по меньшей мѣрѣ пассивно; и дѣйствительно въ исторіи нѣтъ никакихъ слѣдовъ открытаго противъ нихъ неудовольствія

Случалось однако, что срокъ означенныхъ привилегій оказывался недостаточнымъ для достиженія цѣли ихъ существованія, что изданіе расходилось медленнѣе чѣмъ можно было ожидать, что къ концу этого срока издатели едва успѣвали выручать затраченный капиталъ и наступавшій затѣмъ періодъ конкуренціи преграждалъ всякую возможность къ полученію процентовъ и вознагражденія за рискъ. Въ такихъ случаяхъ издатели снова обращались къ покровительству правительства и добивались продленія привилегій. Но это ходатайство не всегда вызывалось дѣйствительными убытками; бывали случаи и притомъ очень часто, что скрытымъ мотивомъ его служила простая алчность къ наживѣ, заставлявшая просителей изображать свое положеніе въ ложномъ свѣтѣ и слезно молить тогдашнія, нерѣдко довѣрчивыя правительства о помощи и защитѣ.

Подобный образъ дѣйствія уже прямо шелъ въ разрѣзъ не только съ требованіями справедливости, но и съ интересами общества и остальныхъ издателей по ремеслу, такъ какъ преграждалъ этимъ послѣднимъ возможность пользоваться предметомъ, принадлежавшимъ всѣмъ и каждому на одинаковомъ правѣ и въ ущербъ обществу дѣлалъ его частнымъ достояніемъ. Это-то совпаденіе частныхъ интересовъ непривелигированныхъ издателей съ интересами общества доставило первымъ сочувствіе послѣдняго. Но въ то время, когда издатели добивлись и получали привилегіи на

исключительное изданіе старыхъ, никому непринадлежавшихъ книгъ, они для огражденіи своихъ интересовъ стремились къ полученію такихъ же привилегій на изданіе книгъ новыхъ. Это-то обстоятельство пріучило ихъ смотрѣть и на эти послѣднія, какъ на общественное достояніе, изъятіе коего отъ ихъ пользованія путемъ продленія привилегій казалось имъ такою же несправедливостью, какъ и подобное же изъятіе книгъ древнихъ. Вслѣдствіе того и опираясь на сочувствіе общества, издатели начали борьбу, въ пылу которой стали уже требовать отмѣны нетолько продленія привилегій, но и вообще выдачи таковыхъ именно на старинныя книги.

Главнымъ орудіемъ этой борьбы въ дореволюціонной Франціи были парламенты, неимѣвшіе конечно ничего общаго съ нынѣшними конституціонными парламентами. То были просто судебныя палаты, члены коихъ назначались не по выборамъ или отъ правительства, но по обычаю того временн пріобрѣтали свои должности покупкой. Парламенты эти выдѣлились изъ прежняго королевскаго совѣта (curia regis), въ коемъ сосредоточивались дѣла, касавшіяся всѣхъ отраслей государственнаго управленія, и который никакого рѣшительнаго голоса не имѣлъ, но состоялъ при особѣ короля въ качествѣ совѣщательнаго учрежденія, въ качествѣ его личнаго совѣтника. Несмотря на то, короли нерѣдко отдавали на его обсужденіе и рѣшеніе самые разнообразные вопросы, коими почему-либо сами не желали заняться. По мѣрѣ развитія государства росли и множились его потребности и усложнялись взаимныя отношенія частныхъ лицъ. Количество дѣлъ curia regis вслѣдствіе того возросло до такой степени, что потребовалась спеціализація ихъ; соотвѣтственно этому королевскій совѣтъ разбился на нѣсколько секцій, изъ коихъ каждая вѣдала особый родъ дѣлъ. На долю парламента достались дѣла судебныя. Но кромѣ того онъ служилъ еще органомъ обнародованія законовъ, состоявшаго въ то время во внесеніи новаго закона въ предназначенные для того списки.

Несмотря однако на эти обособленныя функціи, парламентъ не утратилъ своего первоначальнаго значенія, какъ личнаго совѣта короля, и въ силу этого постоянно считалъ себя вправѣ давать свои заключенія и дѣлать указанія по поводу правительственныхъ мѣропріятій. Заключенія эти первоначально представляли собою не что иное, какъ вѣрноподданическія, робкія и почтительныя представленія или указанія (remontrances), которыя короли иногда принимали во вниманіе и отмѣняли свои распоряженія. Но впослѣдствіи, когда въ видахъ обнародованія законовъ всякій новый законодательный актъ вносился въ парламентъ, то послѣдній, пользуясь своимъ исконнымъ правомъ давать королю совѣты, подвергалъ означенные акты критической оцѣнкѣ, разбиралъ ихъ пригодность или непригодность, постановлялъ на этотъ счетъ свои рѣшенія и, въ случаѣ признанія даннаго закона непригоднымъ, отказывался вносить его въ законодательные списки, дѣлая при этомъ, по старой памяти, почтительныя представленія королю. Отсюда между королемъ и его совѣтомъ — парламентомъ возникъ антагонизмъ, завершившійся открытою и рѣшительною борьбой и паденіемъ парламента. Въ разгарѣ этой борьбы короли не придавали никакого значенія означеннымъ представленіямъ и при отказѣ внести данный законъ въ парламентскіе списки *приказывали* дѣлать это внесеніе безъ всякихъ разсужденій. То же слѣдуетъ сказать о мелкихъ парламентахъ, на которые впослѣдствіи разбился парламентъ всего королевства и для которыхъ образцомъ и руководителемъ служилъ постоянно парламентъ парижскій.

Стремясь присвоить себѣ непринадлежащія ему функціи нынѣшнихъ народныхъ представителей, парижскій парламентъ не ограничивался оппозиціей при самомъ обнародованіи законовъ, но нерѣдко дѣйствовалъ вопреки законамъ уже обнародованнымъ и своими arrêts старался парализовать полицейскія и другія распоряженія королевскаго правительства. Къ числу такихъ рѣшеній относятся и тѣ, коими парламентъ отмѣнялъ дѣйствіе привилегій, получен-

ныхъ отъ королевскаго правительства въ видѣ продленія прежде выданныхъ, а нерѣдко отмѣнялъ и нововыданныя привилегіи.

Такъ, рѣшеніемъ отъ 18-го апрѣля 1578 года, послѣдовавшимъ по поводу обвиненія Тинги въ присвоеніи клейма, принадлежавшаго торговому дому Жонкти, парламентъ по отношенію къ привилегіямъ высказывается слѣдующимъ образомъ: «Что же касается привилегій... то онъ (парламентъ) постановляетъ, чтобъ онѣ не имѣли никакой силы, если не касаются книгъ, еще не отпечатанныхъ прежде. На перепечатку же книгъ уже отпечатанныхъ предоставляется всякому, кто хочетъ и можетъ ихъ перепечатать, полная свобода». Тотъ же принципъ выраженъ въ рѣшеніи парламента отъ 15-го марта 1586 года, уничтожившемъ привилегію на произведенія Сенеки, пересмотрѣнныя и комментированныя нѣкіимъ Мюре.

Urfé, по изданію первыхъ двухъ частей своего романа Astrée, вошелъ относительно изданія третьей части въ сдѣлку съ двумя книгопродавцами, исходатайствовавшими продленіе привилегіи на первыя двѣ части. Вслѣдствіе протеста другихъ книгопродавцевъ возникъ процессъ, который въ 1624 году закончился рѣшеніемъ парламента, признавшаго уступленную означеннымъ книгопродавцамъ со стороны Urfé привилегію недѣйствительною. Въ 1617 г. въ рѣшеніи по поводу прошенія 47 книгопродавцевъ парламентъ предоставилъ вдовѣ Ланжелье, которой продолжена была привилегія на напечатаніе Сенеки, шестимѣсячный срокъ на завершеніе ея изданія, послѣ чего предоставлялась всякому полная свобода печатать и продавать сочиненія Сенеки.

Еще болѣе разительный примѣръ противодѣйствія королевской власти представляетъ опредѣленіе руанскаго парламента отъ 23-го марта 1609 года. Въ немъ предписывается составить для города Руана особый списокъ, который долженъ возобновляться ежегодно и храниться у старшины книгопродавцевъ. Всякій, кто впредь пожелаетъ от-

печатать въ Руанѣ книгу, еще непечатавшуюся въ этомъ городѣ, обязывается до начала ея печатанія вносить ея заглавіе или названіе въ означенный списокъ, послѣ чего печатаніе ея уже не можетъ быть ни прерываемо, ни прекращаемо. Распоряженіе это подтверждено новымъ опредѣленіемъ того же парламента отъ 22-го декабря 1644 года. Относительно привилегій руанскій парламентъ держался той же практики, что и парижскій; это прямо вытекаетъ изъ нѣсколькихъ рѣшеній, которыхъ мы приводить не станемъ.

Одновременно съ тѣмъ, какъ парламенты своими arrêts старались противодѣйствовать королевской власти въ выдачѣ и продленіи привилегій, дѣйствовалъ также полицейскій регламентъ 20-го ноября 1610 года, 22 статья котораго постановляла: «Все, что при ревизіи товара книгопродавцевъ окажется напечатаннымъ или перепечатаннымъ вопреки привилегіямъ, полученнымъ типографщиками и книгопродавцами города (Парижа), подлежитъ аресту и запрещенію со стороны синдика и цеховыхъ старшинъ. Они обязаны секвестровать таковое, увѣдомлять объ этомъ заинтересованную сторону и представлять о таковыхъ своихъ дѣйствіяхъ рапортъ».—Легко себѣ представить затруднительное положеніе, въ которое ставило книгопродавцевъ противорѣчіе парламентской практики съ этимъ закономъ и королевскими распоряженіями. Съ одной стороны парламентъ отмѣняетъ привилегіи, выданныя королевскимъ правительствомъ и разрѣшаетъ печатаніе привилегированныхъ книгъ всѣмъ и каждому; основываясь на такихъ рѣшеніяхъ, книгопродавцы принимаютъ въ продажу контрафактныя изданія. Съ другой, на основаніи королевскихъ привилегій и приведенной статьи, подобныя изданія конфискуются и издателямъ и книгопродавцамъ, безъ всякой съ ихъ стороны вины, наноситъ громадный ущербъ.

Такое положеніе дѣлъ продолжаться долго не могло, и дѣйствительно, уже въ статутахъ 1618 г. встрѣчается значительное измѣненіе противъ прежняго, очевидно вызванное

постоянною юридическою практикой. Статья 19 этихъ статутовъ постановляетъ: «Всѣмъ книгопродавцамъ, типографщикамъ и переплетчикамъ воспрещается контрафакція книгъ, на которыя выдана привилегія вашимъ величествомъ, равно какъ воспрещается и покупка контрафактныхъ книгъ у иностранныхъ купцовъ и ввозъ таковыхъ какимъ бы то ни было образомъ подъ страхомъ взысканій, положенныхъ въ соотвѣтствующихъ привилегіяхъ. Равнымъ образомъ запрещается всѣмъ книгопродавцамъ, типографщикамъ и переплетчикамъ города Парижа получать какое бы то ни было *продленіе привилегій*, срокъ коимъ истекъ, если въ привилегированныхъ книгахъ *нѣтъ прибавленій*».

Въ то время, какъ заинтересованные издатели продолжали агитацію въ пользу отмѣны всякихъ привилегій на книги старыя и уничтоженія продленія привилегій на книги новыя, центральная власть дѣйствовала въ совершенно обратномъ направленіи и въ заключеніе стала требовать чтобъ ни одна книга не издавалась безъ привилегій. На этомъ основаніи въ 1647 году канцлеръ Сегье пригласилъ синдика книгопродавцевъ и его adjoints и объявилъ имъ волю короля, по которой впредь ни одна книга, каковы бы ни были ея объемъ и качество, не должна печататься безъ предварительнаго полученія привилегіи. 14-го февраля того же года синдикъ и его помощники сообщили объ этомъ словесномъ распоряженіи канцлера остальнымъ книгопродавцамъ, порѣшившимъ заявить противъ него свой протестъ и просить освободить отъ привилегій по крайней мѣрѣ древнія книги. Но 7-го марта депутаты отъ книгопродавцевъ, предъявившіе этотъ протестъ и эту просьбу канцлеру, возвратились отъ него съ отвѣтомъ, что «король желаетъ, чтобы брали привилегіи и на книги древнія». Два года спустя, именно 20-го декабря 1649 года, послѣдовалъ указъ государственнаго совѣта, прямо касающійся привилегій и вызванный многочисленными контрафакціями, къ которымъ прибѣгали книгопродавцы провинціальные. Содержащіяся въ немъ указанія на современное ему состояніе

книжнаго дѣла настолько характеристичны, что мы приведемъ ихъ дословно: «...Эти привилегированныя книги, говоритъ указъ, книгопродавцы Руана, Ліона, Тулузы, Бордо и другихъ подвластныхъ намъ мѣстъ тотчасъ же перепечатывали чрезъ ничего неимущихъ подставныхъ лицъ, мало свѣдущихъ въ этомъ искусствѣ, и употребляли для такихъ перепечатокъ плохую бумагу, скверное тисненіе и мелкій некрасивый шрифтъ, съ тѣмъ, чтобы получить возможность продавать такія книги по ничтожной цѣнѣ и тѣмъ раззорить и книгопечатаніе и своихъ собратій: вслѣдствіе того нынѣ перестали такъ тщательно печатать книги, какъ это дѣлали въ старину, въ виду того, что невозможно возвратить издержекъ производства, благодаря помянутой конкурренціи, служащей источникомъ многихъ процессовъ и причиняющей полнѣйшее раззореніе тѣмъ, кои первые стали печатать въ силу нашихъ привилегій...» Для огражденія этихъ то лицъ указъ постановляетъ, что всѣ контрафакторы, не взирая на ихъ званіе и состояніе, будутъ подвергаемы, кромѣ наказаній, обозначенныхъ въ отдѣльныхъ привилегіяхъ, еще штрафу въ 500 ливровъ, половина коего будетъ поступать въ пользу доносчика, а другая половина въ пользу бѣдныхъ Hôtel-Dieu въ Парижѣ.

Далѣе слѣдуетъ весьма оригинальное распоряженіе, которое въ наше время сочтено было бы возмутительною несправедливостью. «Такъ какъ этою конкурренціей, сказано въ указѣ, занимаются лица зажиточныя, которыя для выполненія своихъ злонамѣренныхъ предпріятій прикидываются совершенно неимущими и этимъ средствомъ стараются уйдти отъ заслуженныхъ наказаній и штрафовъ, установленныхъ нашими граматами, то мы желаемъ, чтобъ общины книжныхъ торговцевъ, типографщиковъ и переплетчиковъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ окажется контрафакція, были отвѣтственны за наказанія и штрафы, назначаемыя нашими привилегіями, съ тѣмъ чтобы названныя общины могли требовать возмѣщенія своихъ издержекъ, убытковъ и другихъ суммъ, къ коимъ онѣ могутъ быть присуждены, отъ лицъ, занимав-

шихся вышесказанною конкурренцій и перепечатывавшихъ вышеназванныя книги». — Подобная мѣра свидѣтельствуетъ лишь о крайней слабости и неразвитости правительства, которое свое административное безсиліе старается искупить невинными жертвами, напоминающими сѣченіе нашихъ крѣпостныхъ крестьянскихъ мальчишекъ за провинности барчуковъ.

Въ томъ же году и мѣсяцѣ былъ представленъ въ парламентъ для внесенія въ его списки новый уставъ книжнаго дѣла, въ большей части своихъ статей воспроизводившій постановленія статутовъ 1618 года. Что касается привилегій, то онъ ввелъ нѣкоторыя новыя мѣры, произведшія въ заинтересованныхъ слояхъ тогдашняго общества довольно сильную сенсацію. Собственно привилегіямъ посвящены статьи 26, 27, 28 и 29. Въ первой изъ нихъ говорится: «Желая ободрить тѣхъ изъ книгопродавцевъ и типографщиковъ, которые захотятъ перепечатать нѣкоторыхъ изъ отцевъ церкви, на греческомъ или латинскомъ языкахъ, или другія произведенія лучшихъ авторовъ древности на какомъ бы то ни было языкѣ, желая также дать имъ возможность возвратить свои затраты и продолжать съ успѣхомъ свое дѣло, мы предоставляемъ имъ получать привилегіи за нашею большею печатью на такое время, какое мы найдемъ соотвѣтственнымъ съ достоинствомъ автора, и притомъ на одинъ лишь изъ форматовъ: in-folio, in-quarto, in-octavo и др.; при этомъ мы разрѣшаемъ другимъ книгопродавцамъ, типографщикамъ и переплетчикамъ получать наши граматы на привилегіи для печатанія тѣхъ же авторовъ въ другомъ форматѣ, съ тѣмъ чтобы въ теченіе того времени, какое будетъ нами имъ назначено, никакой другой типографщикъ или переплетчикъ не смѣлъ перепечатывать или продавать въ нашихъ владѣніяхъ означенныя книги въ привилегированномъ форматѣ подъ предлогомъ, что данная копія привезена изъ-за границы, что она тамъ никогда не была привилегированною или давно перестала быть таковою; запрещеніе это должно быть соблюдаемо подъ стра-

хомъ назначаемыхъ въ привилегіяхъ наказаній и не взирая ни на какія противорѣчащіе ему граматы или уставы, но лишь съ тѣмъ, чтобы сказанныя книги была печатаемы на хорошей бумагѣ, хорошимъ шрифтомъ и достаточно правильно; для обозрѣнія шрифта должны быть представляемы два пробныхъ оттиска, одинъ изъ коихъ долженъ оставаться у нашего канцлера, а другой за нашею малою печатью переплетаемъ вмѣстѣ съ книгою для сличенія въ томъ случаѣ, когда книга будетъ отпечатана иначе; при несоблюденіи всего этого привилегія должна считаться ничтожною. Исключенія должны составлять житія святыхъ, если они не суть сочиненія новыя или переводы, равно какъ и всѣ римско-католическія церковныя книги какъ исправленныя, такъ и неисправленныя, каковы требники, служебники, повседневники, псалтыри, псалмы степенные, осьмигласники (книги антифоновъ) и др. молитвенники и катехизисы; всѣ они могутъ быть печатаемы всякимъ книгопродавцемъ или типографщикомъ, съ тѣмъ только чтобы бумага и шрифтъ были хороши и наборъ вѣренъ, и чтобы сверхъ того каждое изданіе было предварительно одобрено и снабжено удостовѣреніемъ, что въ немъ нѣтъ важныхъ ошибокъ, могущихъ исказить значеніе и стремленія церкви».

Кромѣ того могутъ быть издаваемы безъ привилегіи словари, грамматики и др. мелкія книги, если ректоръ университета или назначенный имъ профессоръ удостовѣрятъ, что онѣ напечатаны хорошо и правильно. При отсутствіи такого одобренія и удостовѣренія, приложенныхъ къ самой книгѣ, эти изданія должны подлежать конфискаціи въ пользу бѣдныхъ того прихода, къ коему принадлежитъ издатель. На такихъ же основаніяхъ могутъ быть печетаемы алманахи, но въ случаѣ помѣщенія въ нихъ предсказаній или несоблюденія вышеозначенныхъ правилъ издатели ихъ должны подлежать тѣлесному наказанію.

Статья 27 установляетъ порядокъ записки привилегій въ книгу общины книжныхъ торговцевъ и предписываетъ открывать эту книгу всякому желающему. Слѣдующая 28-я статья

запрещаетъ продавать перепечатанныя сочиненія древнихъ авторовъ по слишкомъ дорогой цѣнѣ и предписываетъ соразмѣрять послѣднюю съ цѣною другихъ книгъ. И наконецъ послѣдняя 29 статья, для огражденія интересовъ болѣе бѣдныхъ издателей и противодѣйствія богатымъ въ пріобрѣтеніи нѣсколькихъ привилегій за одинъ разъ, предписываетъ, чтобъ издатели приступали къ печатанію привилегированныхъ книгъ не позже трехъ мѣсяцевъ по полученіи привилегіи и продолжали его безостановочно подъ угрозою признанія привилегіи ничтожною.

Лишь только общество узнало объ этомъ уставѣ, какъ съ разныхъ сторонъ посыпались въ парламентъ просьбы и ходатайства съ различными заявленіями, требованіями, предложеніями и т. п. Между прочими просителями триста книгопродавцевъ, типографщиковъ и переплетчиковъ требовали оставленія въ силѣ устава 1618 года, прося лишь дополнить его 16 новыми, ими самими составленными статьями. Изъ нихъ 7 статья, относившаяся къ привилегіямъ, была слѣдующаго содержанія: «Всѣ привилегіи на книги древнія, или напечатанныя въ заграничныхъ государствахъ, или на книги, срокъ привилегіямъ коихъ истекъ, должны подлежать отмѣнѣ, и всѣмъ безъ изъятія запрещается пользоваться ими или ссылаться на нихъ подъ угрозою штрафа 10,000 ливровъ».

Въ виду этихъ возраженій и просьбъ парламентъ 7-го сентября 1650 года опредѣлилъ пригласить двѣнадцать изъ первѣйшихъ представителей литературы и изъ опытныхъ въ дѣлѣ книжной торговли и книгопечатанія и поручить члену докладчику выслушать ихъ мнѣнія относительно удобствъ или неудобствъ исполненія приведенныхъ выше 26, 27, 28 и 29 статей, равно какъ и относительно названной деклараціи 20-го декабря 1649 года и вышеозначенныхъ 17 статей и составить объ этихъ мнѣніяхъ протоколъ, который сообщить генералъ-прокурору. Что касается остальныхъ постановленій эдикта, то парламентъ постановилъ оставить ихъ въ силѣ.

Парижскій университетъ, не принимавшій никакого непосредственнаго участія въ этомъ процессѣ, счелъ однако своимъ долгомъ протестовать какъ противъ внесенія новаго устава въ списки, такъ и противъ предложенныхъ дополнительныхъ статей. Съ этою цѣлью онъ представилъ нѣсколько мемуаровъ парламенту и коммисіи изъ 12-ти лицъ, назначенной парламентскимъ опредѣленіемъ 1650 года. Въ этихъ мемуарахъ онъ доказываетъ, что ему и его факультетамъ, а не только ученымъ, назначаемымъ канцлеромъ, принадлежитъ въ теченіе уже нѣсколькихъ столѣтій право разрѣшать печатаніе книгъ, требуетъ, въ корректурныхъ интересахъ, власти для допущенія книгопродавцевъ, типографщиковъ и корректоровъ къ ихъ занятіямъ, настаиваетъ, чтобъ имена типографщиковъ и корректоровъ, согласно старинному обычаю, помѣщались въ концѣ книги и чтобы допущена была полная свобода для заграничныхъ книжныхъ торговцевъ, дабы положить предѣлъ алчности и небрежности парижскихъ книгопродавцевъ, торжествующимъ въ ущербъ наукѣ; онъ добивается кромѣ того возвращенія ему права ревизовать книги и назначать имъ цѣну и требуетъ предоставленія авторамъ права печатать свои сочиненія, у кого и гдѣ имъ вздумается. «Парижскіе книгопродавцы, пишетъ онъ, желаютъ забрать въ свои руки печатаніе и продажу всѣхъ сочиненій французскихъ авторовъ, чтобы тѣмъ легче воспользоваться всѣми выгодами отъ продажи, на которую, безъ согласія авторовъ, они не имѣютъ права. И дѣйствительно своимъ образомъ дѣйствій они достигли того, что, получивъ для продажи сочиненія данныхъ авторовъ, они не даютъ имъ движенія, намекая авторамъ, что продажа ихъ сочиненій не можетъ пойдти и вымогая у нихъ такимъ способомъ согласіе на всякую сдѣлку, выгодную для книгопродавцевъ». Въ заключеніе университетъ выражаетъ свое негодованіе противъ корпораціи книжныхъ торговцевъ, требовавшей, чтобъ на всѣхъ авторовъ возложена была обязанность безмездно уступать въ ея пользу по 12 экземпляровъ ихъ сочиненій. Суммы, получаемыя отъ продажи

этихъ экземпляровъ, по предположенію корпораціи, должны были бы составить вспомогательный фондъ для поддержанія ея обѣднѣвшихъ членовъ.

Для характеристики того, къ какимъ уловкамъ прибѣгали книгопродавцы того времени, чтобы набить цѣну на книги, приведемъ дословно еще одно мѣсто изъ указанныхъ мемуаровъ. «Противъ статьи 26, касающейся полученія привилегіи отъ короля на печатаніе древнихъ книгъ, говоритъ университетъ, и тѣхъ книгъ, которыя уже были напечатаны, отвѣтчики въ возраженіе на доводы университета и на arrêts парламента говорятъ только то, что *чѣмъ книга рѣже, тѣмъ она дороже*; на это университетъ замѣчаетъ, что эта рѣдкость хорошихъ книгъ есть отчасти слѣдствіе лукавыхъ ухищреній книгопродавцевъ, съ большою тщательностью собирающихъ всѣ остатки лучшихъ изданій, чтобы перепродавать ихъ затѣмъ за чрезмѣрно высокую цѣну подъ предлогомъ ихъ чрезвычайной рѣдкости. Для доставленія же себѣ случая грабить такимъ образомъ людей науки, они ухищряются дѣлать рѣдкостью даже изданія новыя, скрывая экземпляры и заставляя думать, что послѣднихъ остается очень немного; отъ такой неурядицы чрезвычайно терпятъ общество и люди науки, и полученіе привилегій ее не только не уничтожитъ, но скорѣе увеличитъ, такъ какъ въ томъ случаѣ, когда только одинъ будетъ обладать правомъ печатать извѣстную книгу, онъ сдѣлаетъ ее настолько рѣдкою, насколько ему заблагоразсудится, и если первое изданіе будетъ почти раскуплено, то онъ не предприметъ втораго до тѣхъ поръ, пока ему не вздумается. Слѣдовательно, на все это время общество будетъ или лишено совершенно этой книги, или вынуждено платить за нее такую цѣну, какую потребуетъ алчный книгопродавецъ подъ предлогомъ рѣдкости. Между тѣмъ какъ если всѣ типографщики будутъ въ правѣ печатать хорошія книги, то онѣ станутъ обыкновенными и хорошо отпечатанными, такъ какъ всякій издатель, чтобы имѣть большій

сбытъ, будетъ стараться сдѣлать свое изданіе лучше другихъ изданій той же книги».

Всѣ возраженія университета остались однако безъ всякаго вліянія. Междоусобныя и внѣшнія войны и смерть члена-докладчика Дужа помѣшали довести этотъ процессъ до конца, такъ что и относительно возраженій другихъ заинтересованныхъ въ томъ же предметѣ не было постановлено никакого рѣшительнаго опредѣленія, и уставъ 1649 года, хотя и былъ внесенъ въ парламентскіе списки, но безъ четырехъ вышеизложенныхъ статей, касавшихся привилегій. Съ этого времени статьи эти исчезаютъ безслѣдно, и прежняя борьба между парламентомъ и королемъ или его совѣтомъ возобновляется съ новою силой; парламентъ, по ходатайству книгопродавцевъ, по прежнему проводитъ въ своихъ arrêts тотъ принципъ, что продленіе привилегіи можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда книга на одну четверть будетъ увеличена противъ прежняго, и разрѣшаетъ печатаніе книгъ, получившихъ привилегію вопреки этому принципу. Въ противоположность этому, совѣтъ нисколько не желалъ поступиться своимъ правомъ выдавать всякаго рода привилегіи и вопреки рѣшеніямъ парламента присуждалъ къ конфискаціи всѣ книги, напечатанныя въ противность привилегіямъ и привлекалъ къ уголовной отвѣтственности контрафактныхъ издателей. Такъ дѣло тянулось до 1686 года, когда вновь изданъ былъ общій уставъ книжной торговли, четырнадцатая глава котораго въ составѣ трехъ статей была посвящена именно привилегіямъ и ихъ продленію.

Постоянное противодѣйствіе парламента правительственнымъ мѣрамъ, практиковавшееся и въ вопросѣ о привилегіяхъ, вынудило наконецъ королевское правительство внести въ текстъ самого устава запрещеніе судьямъ своими рѣшеніями ослаблять или парализовать силу закона. Вслѣдствіе того, статья 65 устава постановляла: «Запрещаемъ всѣмъ типографщикамъ и книгопродавцамъ перепечатывать книги, на которыя выданы привилегіи или продлены тако-

выя, продавать и инымъ образомъ сбывать книги контрафактныя, подъ страхомъ наказаній, опредѣленныхъ привилегіями; *наказанія эти не должны быть ни умаляемы, ни смягчаемы судьями*, а въ случаѣ повторенія проступка, виновные подлежатъ тѣлесному наказанію и исключенію изъ цеха, причемъ они теряютъ право не только непосредственно, но и чрезъ посредство другихъ заниматься типографскимъ дѣломъ и торговлею книгъ».

Затѣмъ статья 66 запрещала «всѣмъ книгопродавцамъ и типографщикамъ печатать или отдавать въ печать какую бы то ни было книгу безъ жалованныхъ граматъ, скрѣпныхъ подписью и приложеніемъ большой печати, каковыя граматы не должны быть ни испрашиваемы, ни изготовляемы до тѣхъ поръ, пока нашему возлюбленному и вѣрноподданному канцлеру Франціи не будетъ представлена рукописная копія книги, на напечатаніе которой испрашивается жалованная грамата... Означенныя книги должны быть печатаемы только въ мѣстахъ постояннаго пребыванія тѣхъ типографщиковъ или книгопродавцевъ, которые получили привилегію, хотя бы они уступили послѣднюю другимъ, въ противномъ случаѣ книги эти могутъ быть печатаемы, продаваемы и сбываемы всѣми книгопродавцами, словно бы на нихъ вовсе не было выдано привилегій».

Наконецъ, послѣдняя 67 статья запрещаетъ испрашивать привилегіи на докладныя записки (factum), прошенія, похоронные пригласительные билеты и т. д.

Противъ нѣкоторыхъ постановленій этого устава, касающихся привилегій, парижскій университетъ представилъ шестнадцать объяснительныхъ записокъ, въ которыхъ между прочимъ настаивалъ на необходимости и справедливости допущенія свободной перепечатки заграничныхъ авторовъ. Его соображенія, хотя и разсчитаны на оказаніе всяческаго содѣйствія процвѣтанію литературы и наукъ, тѣмъ не менѣе изобличаютъ въ немъ весьма плохое пониманіе института литературной собственности, равно какъ и интересовъ науки, райономъ дѣйствія которой служитъ

не одно какое-нибудь государство, а весь населенный земной міръ; ученый служитъ не мѣстнымъ интересамъ, а наукѣ, а такъ какъ осѣдлость науки находится на всемъ населенномъ пространствѣ земнаго шара, то уже это одно, независимо отъ другихъ соображеній, приводитъ къ заключенію, что произведенія ученаго на всемъ этомъ пространствѣ должны являться такою же исключительною собственностью ихъ авторовъ, какъ и въ томъ мѣстѣ, гдѣ они зародились.

Далѣе университетъ лишь вскользъ касается одного изъ наиболѣе жгучихъ для того времени вопросовъ, именно вопросовъ о свободной продажѣ книгъ. Разрѣшеніе этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ должно было пробить брешь въ непроницаемой китайской стѣнѣ, которою окружили себя всѣ ремесленныя, промышленныя и торговыя корпораціи, и открыть дверь праву автора продавать свои сочиненія лично. Что сочиненіе принадлежитъ его автору, въ этомъ никто не сомнѣвался никогда; точно также въ наше время никто не сомнѣвается и въ томъ, что авторъ можетъ отпечатать его на свои средства и продавать лично. Не то было въ прежнее время; если бы тогдашній авторъ позволилъ себѣ продавать свою книгу непосредственно, то на это посмотрѣли бы, какъ на кровное оскорбленіе корпораціи книгопродавцевъ, какъ на преступное вторженіе въ чуждую ему область, замкнутую для всѣхъ остальныхъ, кромѣ членовъ самой корпораціи. Вотъ что противъ такого порядка вещей говорилъ университетъ: «Авторъ долженъ получить вознагражденіе за свой трудъ и старанія; когда онъ напечатаетъ свою книгу, то ему запрещаютъ лично продавать его, а это невыгодно для общества: одну часть экземпляровъ онъ долженъ будетъ уступить типографщику или книгопродавцу за извѣстную сумму, другую онъ удержитъ за собою для поднесенія разнымъ лицамъ; третью онъ уступитъ переплетчику въ уплату за переплетъ нѣкоторыхъ экземпляровъ; въ свою очередь книгопродавецъ и типографщикъ уплатятъ частью экземпляровъ за переплетъ

остальныхъ. Спрашивается, что станетъ дѣлать переплетчикъ со всѣми этими экземплярами, если онъ не въ правѣ будетъ ихъ продавать?» Хотя этими словами университетъ желалъ протестовать собственно противъ запрещенія переплетчикамъ продавать книги, тѣмъ не менѣе онъ затронулъ и вопросъ о свободной продажѣ книгъ самими авторами,— вопросъ, стоявшій на очереди и получившій, какъ будетъ видно ниже, свое правильное разрѣшеніе лишь въ 1777 году.

Эта слабая попытка университета не привела ни къ какому результату, такъ какъ не встрѣтила никакой поддержки со стороны того класса, отъ котораго естественнѣе всего было ожидать ее, именно со стороны литераторовъ того времени. Глубоко засѣвшій въ нихъ предразсудокъ внушалъ имъ рѣшительное отвращеніе ко всякаго рода непосредственному денежному вознагражденію за ихъ труды и даже заставлялъ ихъ сквозь пальцы и снисходительно смотрѣть на практиковавшуюся въ широкихъ размѣрахъ контрафакцію, подтачивавшую правильную книжную торговлю и попиравшую ногами безспорныя права самихъ авторовъ и ихъ преемниковъ. Мало того, даже лучшіе представители литературы открыто высказывали свое презрѣніе ко всякимъ непосредственнымъ денежнымъ выгодамъ отъ ихъ сочиненій, требуя отъ людей науки и литераторовъ беззавѣтнаго служенія высшимъ интересамъ общества и полнаго забвенія своихъ личныхъ интересовъ. Вотъ, напримѣръ, слова Шевилье, приведенные у Ренуара (стр. 147): «Какъ бы то ни было, истина заставляетъ насъ сказать, что въ дороговизнѣ книгъ не всегда виноватъ книгопродавецъ. Духъ скаредничества обуреваетъ не купца только; иногда онъ овладѣваетъ и тѣмъ, кто лучше другихъ писалъ противъ этого порока. Я хочу сказать, что подчасъ во власти этого духа бываетъ и слишкомъ своекорыстный писатель, который, сорвавъ съ книгопродавца почтенный кушъ, становится причиною того, что нельзя пріобрѣсти книгу за сходную цѣну. Такое поведеніе, по моему мнѣнію,

мало соотвѣтствуетъ достоинству литератора, обязаннаго при своемъ творчествѣ воодушевляться только благомъ общества. Торгуя перомъ и разсчитывая въ этой торговлѣ лишь на одну прибыль, онъ унижаетъ себя до купца и становится пошлою душой, возбуждаемою лишь низкою идеей наживы. Доказательства сказаннаго извѣстны. Правда, книгопродавцы должны поступать благородно съ тѣми изъ авторовъ, которые вручили имъ хорошія копіи, и должны давать свидѣтельства своей благодарности тѣмъ изъ нихъ, труду коихъ они обязаны своимъ богатствомъ; но и авторы не должны своимъ гнуснымъ скаредничествомъ дѣлать книгопродавцевъ ненавистными и заставлять публику кричать противъ нихъ». Нельзя не удивляться, что даже такіе развитые умы, какъ Шевилье, столь близоруко относились къ собственнымъ интересамъ и предоставляли бѣднаго труженника благодарности и великодушію торгашей, наживщихъ себѣ его трудами и дарованіями состояніе; словно литераторъ предназначенъ служить слѣпымъ орудіемъ наживы купцовъ и за свой тяжкій трудъ ожидать для себя только подачки отъ облагодѣтельствованнаго имъ торгаша. Такое презрительное отношеніе къ своимъ матеріальнымъ интересамъ, въ прежнее время долженствовавшее отличать всякаго литератора и ученаго, породило и упрочило то неестественное отношеніе между издателемъ и авторомъ, которое за рѣдкими исключеніями продолжается доселѣ; и теперь еще издатели, собирающіе ежегодную ренту съ трудовъ пишущей братіи, трудовъ, въ которыхъ они не принимали, да и не могли принимать ни малѣйшаго участія, считаютъ себя благодѣтелями этихъ самыхъ труженниковъ, если единовременно выплатятъ имъ ничтожную сумму.

Но возвратимся къ исторіи привилегій. Постановленія устава 1686 года, касавшіяся привилегій, повторены были и въ уставѣ 1695 года, составленномъ для книжной торговли города Ліона. Затѣмъ жалованная грамата (lettres patentes), выданная въ Фонтенебло 2 октября 1701 года, установляла нѣсколько общихъ правилъ, касавшихся цензуры

книгъ и размѣра пошлинъ, подлежащихъ платежу при полученіи привилегіи. Въ первой статьѣ этой граматы очень опредѣленно говорилось, что ни одна книга во всемъ государствѣ не можетъ быть издаваема безъ предварительнаго полученія привилегіи за большою печатью. Статья 3-я предписывала взимать за привилегіи, райономъ дѣйствія которыхъ назначается все государство, обыкновенную пошлину, платимую за приложеніе печати, при чемъ получившему привилегію предоставлялось брать себѣ въ компаніоны любаго изъ живущихъ въ государствѣ книгопродавцевъ или типографщиковъ. Означенная въ этой статьѣ пошлина уменьшалась на двѣ трети, если привилегія имѣла получить дѣйствіе не въ цѣломъ государствѣ, а только въ извѣстной части его и т. д.; за нарушеніе вышеизложенныхъ и другихъ предписаній этого закона грамата грозила недѣйствительностью предоставленныхъ привилегіею и разрѣшеніемъ печатанія правъ, равно какъ и конфискаціею экземпляровъ, штрафами, закрытіемъ лавокъ и другими болѣе тяжкими наказаніями.

Когда книгопродавцы Ліона жаловались на эти распоряженія, то канцлеръ Поншартренъ отвѣчалъ имъ письмомъ отъ 6 декабря 1702 года слѣдующаго весьма рѣзкаго содержанія: «...Вы одни жалуетесь на этотъ законъ, между тѣмъ какъ всѣ остальные признаютъ его выгоднымъ для себя. Васъ еще можно было бы слушать безъ гнѣва, если бы вы, по крайней мѣрѣ, отличались чрезвычайною точностью въ исполненіи всѣхъ прежнихъ уставовъ, на которые вы не жалуетесь. Но вы далеки отъ этого, и во всемъ государствѣ нѣтъ другаго города, въ которомъ бы совершалось столько проступковъ, какъ въ вашемъ. Я ежедневно получаю на это новыя жалобы, о коихъ вы не можете не знать. Постарайтесь исправить въ этомъ отношеніи свою репутацію, уничтожьте вкравшіеся у васъ безпорядки, и когда вы возстановите у себя силу закона и добрый порядокъ, такъ что я буду вами доволенъ, то я нѣсколько смягчу для

васъ суровость этого закона и постараюсь удовлетворить васъ».

Однако увлеченія центральной власти, заставившія ее забыть объ истинномъ происхожденіи привилегій и сдѣлать полученіе ихъ необходимымъ условіемъ изданія всякой книги, не остались безъ протеста со стороны французскаго общества, слишкомъ сильно испытывавшаго на себѣ всѣ невыгодныя послѣдствія такого порядка вещей. Любопытнымъ отголоскомъ такого общественнаго сознанія служитъ анонимный памфлетъ, появившійся въ 1720 году подъ заглавіемъ: *Записка о притѣсненіяхъ со стороны парижскихъ книгопродавцевъ и типографщиковъ* (Mémoire sur les vexations qu'exercent les libraires et imprimeurs de Paris). Записка разбита на три части: въ первой излагаются притѣсненія противъ общества, во второй притѣсненія противъ авторовъ, въ третьей притѣсненія противъ типографщиковъ-товарищей. Слѣдуя Ренуару, мы приведемъ изъ этого памфлета нѣсколько выдержекъ. Хотя привилегіи, говорится тамъ, предписываютъ печатать на хорошей бумагѣ и хорошимъ шрифтомъ, но издатели обыкновенно вовсе не соблюдаютъ этого предписанія и печатаютъ на скверной бумагѣ, потертымъ шрифтомъ и безъ всякой корректуры. «Публика это видитъ и жалуется, но напрасно... А между тѣмъ получаемыя или лучше сказать исторгаемыя привилегіи становятся для издателей значительнымъ наслѣдственнымъ достояніемъ... Покойный Жанъ Батистъ Куаньяръ имѣлъ наглость просить продленія привилегіи на *Méditations* (размышленія) Бюзе, такъ какъ, по его словамъ, малый сбытъ не соотвѣтствовалъ его расходамъ на первое изданіе, хотя въ теченіе срока привилегіи онъ успѣлъ сдѣлать тридцать шесть изданій, о чемъ онъ самъ открыто заявилъ на первой страницѣ книги. Бушера, въ то время канцлеръ, пришелъ въ негодованіе при видѣ подобной наглости. Во избѣжаніе такого неудобства парижскіе книгопродавцы и типографщики, владѣющіе бойко идущими книгами, уже не объявляютъ о количествѣ сдѣланныхъ ими

изданій этихъ книгъ. Напротивъ того вслѣдствіе нѣкоторой подлой хитрости Депре и Дезесаръ не выставляютъ даже года изданія... Покойный Депре получилъ тридцатилѣтнюю привилегію на печатаніе библіи Заси (Sac), а такъ какъ библія эта состояла изъ большаго числа томовъ, то было постановлено, что теченіе срока привилегіи должно начаться только съ изданіемъ послѣдняго тома. Вслѣдствіе того Депре мучилъ публику слишкомъ двадцать пять лѣтъ, пока доставилъ ей удовольствіе увидѣть это произведеніе оконченнымъ...

«Не будетъ слишкомъ смѣло утверждать, что пожалованная королемъ привилегія нѣкоему Коломба на его алманахъ приноситъ ему ежегодную ренту въ 24000 ливровъ, а можетъ быть даже въ 25 и 26000. Какую важную услугу оказалъ онъ его величеству для полученія столь чудовищной награды? Чѣмъ онъ собственно заслужилъ у государства и общества право облагать алманахи такимъ значительнымъ налогомъ въ свою пользу?..

«Одну и ту же матерію или одинъ и тотъ же зерновый хлѣбъ можно найдти у нѣсколькихъ купцовъ; слѣдовательно, можно свободно выбирать наиболѣе подходящее и наиболѣе дешевое. Между тѣмъ ту или другую книгу можно найдти только у одного книгопродавца, а потому онъ беретъ за нее, сколько хочетъ; онъ ничѣмъ не рискуетъ и не боится паденія цѣнъ, въ особенности по отношенію къ алманахамъ; тѣмъ не менѣе ему разрѣшается прижимать публику и извлекать непомѣрныя выгоды.

«Еслибы король дѣлалъ изъ привилегій пенсіи, жалуемыя книгопродавцамъ въ награду за добрыя услуги государству, то еще можно было бы переносить эти стѣсненія болѣе терпѣливо; но корпорація книгопродавцевъ и типографщиковъ изъ всѣхъ купцовъ наименѣе обременена...

«Но перестанемъ говорить о пустячныхъ алманахахъ, мы уже слишкомъ много ими занимались. Поговоримъ о великомъ произведеніи, о словарѣ Морери. На него конечно нужно не мало расходовъ, и необходимъ сбытъ большаго

количества экземпляровъ, чтобы вернуть свои издержки; тѣмъ не менѣе Куаньяръ признается, что хотя онъ владѣетъ привилегіею на этотъ словарь вмѣстѣ съ Маріетъ, но онъ все-таки съ каждымъ новымъ изданіемъ его выдаетъ одну изъ своихъ дочерей замужъ... Куаньяръ извлекаетъ около двухсотъ тысячъ ливровъ чистаго дохода отъ своихъ изданій. Конечно, эти два книгопродавца должны хорошо выдавать своихъ дочерей замужъ, если только у нихъ столько же дочерей, сколько они сдѣлали подобныхъ изданій...»

Во второй части памфлета проводится параллель между бѣдностью авторовъ и изобиліемъ книгопродавцевъ. «Сколько хорошихъ сочиненій, восклицаетъ памфлетистъ, пропадаетъ для общества только потому, что литераторы, предаваясь своимъ занятіямъ, не находятъ никакихъ рессурсовъ къ существованію! Нѣкоторые изъ нихъ, чтобъ отвязаться отъ прижимокъ книгопродавцевъ, рѣшились печатать на свой счетъ свои книги и продавать ихъ лично. Ничто не могло быть справедливѣе: типографщикъ первый былъ вознаграждаемъ за свои расходы и труды, и нельзя сказать, чтобъ очень дешево. Книгопродавцы получали также свою дань, такъ какъ авторъ, въ видахъ скорѣйшаго сбыта своего сочиненія, раздавалъ его имъ для продажи. Если книга не имѣла успѣха, то терялъ только авторъ. Если же публика ревностно раскупала ее, то развѣ не справедливо было, чтобъ авторъ пожалъ то, что посѣялъ? Но книгопродавцы этого не могли перенарить, они съ завистью взирали на вознагражденіе трудовъ писателей, законно имъ принадлежавшее, хотя оно вовсе не могло ихъ касаться, такъ какъ они съ своей стороны не употребляли ни заботъ, ни затратъ. Дѣло въ томъ, что авторы, довольствуясь умѣренною выгодой, могли продавать свои книги по дешевымъ цѣнамъ, которыя, будучи сравниваемы съ чрезмѣрными цѣнами изданій книгопродавцевъ, разоблачали гнусность послѣднихъ.

«Имѣя легкую возможность исхлопатывать въ свою

пользу различные arrêts, ибо при такихъ ходатайствахъ у нихъ не было, да и не могло быть противниковъ, они добились указа, запрещающаго всякому, кромѣ книгопродавцевъ, печатать и продавать какія бы то ни было книги отъ своего имени. И чтобъ оповѣстить объ этомъ всю пишущую братію, они устроили такъ, что объ этомъ запрещеніи упоминалось въ выдаваемыхъ книгопродавцамъ привилегіяхъ... Такимъ образомъ литераторы оказались подъ гнетомъ книгопродавцевъ, и если желаютъ трудиться, то должны работать на гнигопродавцевъ, какъ каторжные».

Упоенные крайнимъ абсолютизмомъ своей власти, дореволюціонные французскіе короли обыкновенно не обращали ни малѣйшаго вниманія на вопли, мольбы, ропотъ и открытыя жалобы своего народа. Окруженные толпою тунеядныхъ царедворцевъ, заслонявшихъ собою отъ королевскихъ взоровъ весь остальной народъ съ его нуждами и желаніями, они въ своихъ роскошныхъ замкахъ безпечно предавались самой утонченной нѣгѣ и являлись предъ народомъ во всеоружіи своей власти лишь тогда, когда царедворцы своимъ безразсуднымъ управленіемъ доводили его до крайности и заставляли оказывать пассивное сопротивленіе различнымъ гибельнымъ правительственнымъ мѣрамъ. При такомъ характерѣ французскаго правительства нельзя удивляться, что и жалобы на привилегіи остались безъ всякаго результата и что правительство не только не измѣнило въ этомъ отношеніи своей внутренней политикѣ, но еще болѣе утвердилось въ ней. Вотъ почему и въ новомъ законодательномъ актѣ о книжномъ дѣлѣ, именно въ уставѣ 1723 года, полученіе привилегій является не только обязательнымъ, но за изданіе безъ предварительнаго полученія таковыхъ уставъ грозитъ довольно тяжкими уголовными взысканіями, какъ-то (ст. 105): лишеніемъ правъ, предоставляемыхъ жалованными граматами на привилегіи, конфискаціею изданія, штрафомъ, закрытіемъ лавки и другими болѣе тяжкими наказаніями.

Что касается до обязательнаго полученія привилегій, то

на этотъ счетъ уставъ въ статьѣ 101 выражается слѣдующимъ образомъ: «Ни книгопродавцы, ни кто другой не въ правѣ отпечатать или перепечатать во всемъ пространствѣ королевства какую бы то ни было книгу, не получивъ предварительно разрѣшенія на то путемъ граматъ, скрѣпленныхъ большою печатью: эти граматы могутъ быть испрашиваемы и изготовляемы не прежде доставленія канцлеру или хранителю печатей Франціи копіи съ рукописи или съ отпечатанной книги, на напечатаніе которой онѣ испрашиваются». Въ слѣдующихъ статьяхъ излагаются весьма строгія и стѣснительныя цензурныя правила, которыя выходятъ изъ предѣловъ нашего изслѣдованія. Далѣе статья 106 постановляетъ: «Означенныя граматы на привилегіи или дозволенія должны быть внесены въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, со дня ихъ полученія, въ списки парижской общины книгопродавцевъ и типографщиковъ дословно, во всемъ ихъ объемѣ и безъ междустрочій и помарокъ; несоблюденіе всего этого влечетъ за собою ничтожность граматъ; до названнаго внесенія никакая книга, подъ страхомъ того же наказанія, не должна быть выставляема для продажи или обнародываема посредствомъ афишъ. Отчужденія названныхъ граматъ точно также подлежатъ внесенію во всемъ объемѣ и въ тѣ же списки не позже трехъ мѣсяцевъ со дня отчужденія, подъ страхомъ ничтожности послѣдняго. Его величество желаетъ, чтобы тоже самое и притомъ до начала печатанія соблюдалось по отношенію къ разрѣшеніямъ, даваемымъ на изданіе мелкихъ брошюръ. Названный списокъ общины парижскихъ книгопродавцевъ и типографщиковъ долженъ быть сообщаемъ всякому, желающему его обозрѣть или сдѣлать изъ него выписку...» Въ слѣдующей статьѣ запрещается подъ страхомъ конфискаціи экземпляровъ и штрафа въ 500 ливровъ печатать книги внѣ предѣловъ государства.

Затѣмъ запрещается выдавать привилегіи (ст. 110) издателямъ докладныхъ записокъ, мемуаровъ, прошеній, погребальныхъ и пригласительныхъ билетовъ, разрѣшеній отъ

грѣховъ и пастырскихъ посланій; всѣ эти произведенія могутъ быть печатаемы всякимъ желающимъ; но независимо отъ этого епархіальнымъ епископамъ предоставляется право давать привилегіи на печатаніе индульгенцій и другихъ произведеній, принадлежащихъ ихъ діоцезамъ.

Далѣе уставъ требуетъ (ст. 108) доставленія восьми экземпляровъ, изъ коихъ два въ пользу королевской библіотеки, одинъ въ пользу Лувра, одинъ въ пользу хранителя печатей, одинъ въ пользу цензора и три въ пользу синдикальной палаты и на нужды и дѣла общины книгопродавцевъ. Несоблюденіе этого требованія влечетъ за собою ничтожность привилегій или разрѣшеній, конфискацію экземпляровъ и 1,500 ливровъ штрафа. Въ заключеніе уставъ, желая, повидимому, уничтожить постоянное противодѣйствіе парламента, постановляетъ, что верховный судъ во всѣхъ возникающихъ по поводу изданія книгъ пререканіяхъ принадлежитъ королевскому совѣту (conseil privé). Слѣдовательно, съ этого момента всѣ одобренія, дозволенія и привилегіи находились въ полной зависимости отъ канцлера [26]).

Изъ изложеннаго видно, что почти во всѣхъ послѣдовательныхъ законодательныхъ актахъ дореволюціонной французской монархіи авторъ вовсе игнорируется и на сценѣ постоянно фигурируютъ одни издатели въ лицѣ книгопродавцевъ, типографщиковъ и переплетчиковъ, лишенныхъ по отношенію къ издававшимся ими сочиненіямъ всякаго примитивнаго права. Кому же принадлежало это право? Сила историческихъ обстоятельствъ и несправедливыя притязанія французскаго правительства вложили его въ руки администраціи, точно также не принимавшей въ созданіи книгъ ни малѣйшаго участія. Не смотря однако на то, книгопродавцы не переставали сознавать, что такой порядокъ вещей есть не болѣе какъ результатъ узурпаціи центральной

---

[26]) Вся фактическая сторона исторіи привилегій во Франціи заимствована нами у *Ренуара* в. п. с. т. I, стр. 110—156.

власти и потому по мѣрѣ своихъ силъ продолжали бороться противъ него и послѣ изданія устава 1723 года.

Но при этой борьбѣ одни изъ нихъ исходили изъ того воззрѣнія, что изданное сочиненіе есть общественное достояніе и что лишь только возвращены издержки изданія, обезпеченныя срочною привилегіей, то каждый въ правѣ безнаказанно перепечатывать данную книгу, а потому требовали отмѣны всякаго продленія привилегій; къ этой категоріи принадлежали всѣ провинціальные книгопродавцы, съ завистью взиравшіе на своихъ парижскихъ собратій, въ рукахъ коихъ сосредоточилось изданіе всѣхъ лучшихъ книгъ. Другіе же наоборотъ утверждали, что автору принадлежитъ несомнѣнное право собственности на его сочиненіе, что это право онъ можетъ произвольно отчуждать и что преемственные пріобрѣтатели таковаго представляютъ собою по отношенію къ нему личность автора; а потому оно принадлежитъ имъ въ томъ же объемѣ, какъ и самому автору. На этой почвѣ возникъ между этими двумя противоположными лагерями антагонизмъ, причемъ каждая изъ обѣихъ сторонъ, ссылаясь на правоту своего дѣла, взывала къ справедливости правительства и требовала удовлетворенія своихъ притязаній.

Не смотря однако на отчаянные вопли и мольбы провинціальныхъ книгопродавцевъ, перевѣсъ юридическихъ и чисто логическихъ доводовъ былъ на сторонѣ книгопродавцевъ парижскихъ. Защиту своего дѣла они поручили извѣстному адвокату при парижскомъ парламентѣ д'Эрикуру (d'Hericourt), и вотъ между прочимъ какими соображеніями онъ поддерживалъ справедливыя требованія своихъ вѣрителей:

«Очевидно, писалъ онъ, что не привилегіи, дарованныя королемъ книгопродавцамъ, дѣлаютъ послѣднихъ собственниками печатаемыхъ ими сочиненій, но единственно пріобрѣтеніе рукописи, которую авторъ передаетъ имъ въ собственность за извѣстную цѣну; истина этого положенія до-

казывается двумя соображеніями, столь же простыми, сколько и естественными».

Во первыхъ рукопись въ лицѣ автора есть его достояніе, столь ему свойственное, что ее нельзя безнаказанно отнять у него точно также, какъ принадлежащія ему деньги, мебель или землю; «ибо, она есть плодъ его личнаго труда, коимъ онъ долженъ свободно и произвольно распоряжаться, чтобы доставить себѣ, кромѣ ожидаемаго почета, выгоду, долженствующую удовлетворить нуждамъ какъ его самого, такъ и лицъ, связанныхъ съ ними узами родства, дружбы и признательности.

«Отсюда, во вторыхъ, вытекаетъ, что если авторъ есть постоянно собственникъ, а слѣдовательно и единственный хозяинъ своего сочиненія, то только онъ или его представители могутъ законнымъ образомъ передать это сочиненіе другому и перенести на такую книгу право, равное праву самого автора. Стало быть, такъ какъ король не имѣетъ на такое сочиненіе никакого права, пока или самъ авторъ находится въ живыхъ или его представляютъ наслѣдники либо одаренные, то онъ не можетъ и уступать его другимъ въ силу привилегіи безъ согласія того, кому сочиненіе принадлежитъ...

«Рукописи, купленныя у авторовъ книгопродавцами, равно какъ и пріобрѣтенные этими послѣдними тексты книгъ, составляютъ въ ихъ лицѣ истинныя владѣнія такого же свойства, какъ и товары, обращающіеся въ торговлѣ гражданскаго общества; а слѣдовательно къ нимъ должны быть примѣнены тѣ же законы, которые охраняютъ и всѣ остальныя владѣнія людей, каковы: земли, дома, мебель и всякія иныя вещи». Это положеніе д'Эрикуръ между прочимъ доказываетъ слѣдующимъ соображеніемъ: «Если бы люди, говоритъ онъ, были, подобно животнымъ, не что иное, какъ презрѣнное скопленіе органической матеріи, потребности которой ограничивались бы охраненіемъ своихъ индивидовъ и которая просто подчинялась бы законамъ природы, не зная ихъ творца, и не могла бы, подобно животнымъ, укло-

няться отъ этихъ законовъ, то для удовлетворенія ихъ потребностей было бы достаточно обработки земли и искусствъ и имъ не было бы никакого дѣла ни до ученыхъ, ни до произведеній этихъ послѣднихъ; но такъ какъ существованіе людей не ограничено короткою жизнью ихъ тѣла и такъ какъ они обладаютъ свободою и властью уклоняться отъ правилъ, предписываемыхъ природою и разумомъ, и большая часть ихъ очень часто злоупотребляетъ этимъ драгоцѣннымъ преимуществомъ во вредъ обществу, то имъ необходимы религія для регулированія ихъ внутренняго міра и законы гражданскіе и политическіе для подавленія ихъ страстей; поэтому между ними должны быть одни, кои бы знали и заставляли соблюдать эти правила, необходимыя для всякаго общества, другіе, которые бы учили этимъ правиламъ лицъ, предназначающихъ себя для распространенія того самаго обученія, и третьи наконецъ, которые въ пользу тѣхъ и другихъ старались бы возвести этотъ первый фондъ человѣческихъ знаній въ принципъ и обогащали бы его открытіями, добытыми ихъ опытомъ и глубокими размышленіями.

«Чтобы дать этимъ великимъ людямъ возможность употребить свои таланты на пользу того общества, съ которымъ связываютъ ихъ склонность или природа, необходимо, чтобъ они могли извлечь изъ этой драгоцѣнной дѣятельности выгоды, соотвѣтствующія важности ихъ труда и получаемой отъ него обществомъ пользѣ; а для этого безусловно необходимо, чтобъ они могли передавать собственность на него, кому имъ вздумается; осуществленіе этого можетъ быть достигнуто только путемъ торга и притомъ такъ, что пріобрѣтатели ихъ произведеній должны оставаться собственниками послѣднихъ до тѣхъ поръ, пока имъ не вздумается уступить ихъ другимъ, которые въ свою очередь могутъ извлечь изъ этихъ произведеній выгоду, соотвѣтственную уплаченной за нихъ цѣнѣ и истраченному на нихъ труду, для того, чтобы публика могла ими воспользоваться; безъ этого произведеніе литератора, оставаясь по-

стоянно въ его владѣніи, не принесетъ ему никакой пользы... а слѣдовательно и государство лишится выгодъ, которыя оно могло бы извлечь изъ него».

Отсюда д'Эрикуръ выводитъ, что литературныя произведенія суть такіе же предметы гражданскаго оборота, какъ другіе продукты промышленности, что къ нимъ неизбѣжно должны быть примѣняемы законы, регулирующіе торговлю и промышленность, и что на этомъ основаніи сдѣлки между авторами и книгопродавцами должны пользоваться такою же защитой, какъ и остальныя торговыя и другія сдѣлки.

«Хотя эти два различные вида пріобрѣтенія, продолжаетъ д'Эрикуръ, обладаютъ одною и тою же природой въ системѣ сдѣлокъ и хотя еще никогда не было такого сумасброда, который прибѣгъ бы къ помощи власти государя для овладѣнія чужимъ домомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что хозяинъ этого дома давно уже пользуется имъ, тѣмъ не менѣе провинціальные книгопродавцы подъ предлогомъ пользованія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ осмѣливаются нынѣ испрашивать привилегіи на книги, кои ихъ парижскіе собратья пріобрѣли въ собственность за деньги, печатаніе коихъ стоило имъ значительныхъ затратъ и подвергло различнымъ случайностямъ, и кои наконецъ составляютъ наиболѣе реальное и лучшее ихъ достояніе. По истинѣ говоря, разумъ и человѣческое чувство возмущаются при видѣ дѣянія, столь противнаго добрымъ нравамъ...» «Слѣдуя началамъ, основаннымъ на законахъ божескихъ и человѣческихъ, одинаково стремящихся сохранить всякому его законное обладаніе, не трудно показать, что притязаніе нашихъ противниковъ не только не имѣетъ своимъ предметомъ общественнаго блага, всегда отсутствующаго тамъ, гдѣ нѣтъ справедливости, но совершенно наоборотъ, оно ниспровергаетъ самыя твердыя основы общества и оборота, и еслибъ оно получило преобладаніе, то между нами не было бы ничего обезпеченнаго...»

Такъ какъ къ пріобрѣтенію рукописи примѣняются общіе законы пріобрѣтенія вещей вообще, то для удовлетво-

ренія означеннаго притязанія необходимо было бы отмѣнить эти законы и удовлетворять подобныя же притязанія по отношенію къ другимъ вещамъ. Далѣе слѣдуетъ нѣсколько практическихъ соображеній въ доказательство того, что требованіе провинціяльныхъ книгопродавцевъ вредно отзовется на интересахъ общества и самихъ книгопродавцевъ, подвергнувъ ихъ необузданной конкурренціи, которая отобьетъ у нихъ всякую охоту пріобрѣтать рукописи для изданія, и въ заключеніе просители возлагаютъ упованія на то, что хранитель печати, вмѣсто удовлетворенія столь несправедливаго и вреднаго притязанія, употребитъ свою власть на подавленіе незаконныхъ предпріятій, постоянно совершаемыхъ провинціальными книгопродавцами [27]).

Мемуаръ этотъ, поданный въ 1725 году отъ имени парижской корпораціи книгопродавцевъ хранителю печатей д'Арменонвилю, привелъ этого сановника въ сильнѣйшій гнѣвъ. Жакъ Венсанъ, отпечатавшій мемуаръ, вынужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ, а представившіе мемуаръ синдикъ и его помощники (adjoints) должны были подать въ отставку. Доселѣ дѣйствовали лишь одни издатели, которые ради защиты собственныхъ интересовъ вынужденными нашлись принять на себя не свойственную имъ миссію огражденія интересовъ самихъ авторовъ; но послѣ устава 1723 года писатели стали словно пробуждаться отъ своего глубокаго летаргическаго сна: они начали заявлять о своемъ существованіи и требовать уваженія къ ихъ естественнымъ правамъ на продукты ихъ умственной дѣятельности. Если требованія издателей не всегда выдерживали строгую критику и сами по себѣ не имѣли незыблемыхъ основъ, то требованія авторовъ были до того просты и убѣдительны, что даже такое безцеремонное правительство, какъ дореволюціонное французское не могло устоять противъ довольно слабыхъ голосовъ нѣкоторыхъ писателей и стало оказывать

---

[27]) *См. Laboulaye et Guiffrey,* La propriété littéraire, стр. 21—40, *Renouard,* т. I. стр. 156—161.

имъ не только защиту, но даже обязательныя услуги. Такъ, когда кредиторы драматическаго писателя Кребильона наложили арестъ на причитавшуюся ему часть отъ представленія его трагедіи *Катилина* и на деньги, слѣдовавшіе ему отъ его издателя, то частный королевскій совѣтъ постановленіемъ отъ 21 марта 1749 года снялъ этотъ арестъ. Любезность правительства простерлась еще далѣе въ дѣлѣ внучекъ Лафонтена. Несмотря на то, что этотъ знаменитый баснописецъ еще при жизни своей продалъ право изданія своихъ сочиненій Барбену, отъ котораго оно путемъ ряда послѣдовательныхъ отчужденій переходило къ разнымъ лицамъ, совѣтъ уважилъ ходатайство названныхъ внучекъ и постановленіемъ своимъ отъ 14 сентября 1761 года предоставилъ имъ привилегію на всѣ сочиненія ихъ дѣда. Постановленіе это привело въ ужасъ парижскую корпорацію книгопродавцевъ, ибо изъ него они усмотрѣли, что ихъ постоянный союзникъ и покровитель, частный королевскій совѣтъ, открыто измѣнилъ своимъ прежнимъ традиціямъ и перешелъ на сторону ихъ противниковъ.

Но истинная гроза разразилась надъ головою книгопродавцевъ съ той стороны, откуда они менѣе всего ее ожидали; вѣяніе ея уже слышится изъ устъ одного изъ энциклопедистовъ восемьнадцатаго столѣтія, именно Дидеро, которому поручено было въ 1767 году составить мемуаръ относительно книжнаго дѣла. Защищая въ немъ привилегіи на древнія книги и утверждая относительно книгъ новѣйшихъ, что полное и безусловное право собственности на нихъ принадлежитъ только ихъ авторамъ, онъ между прочимъ восклицаетъ: «Какое мнѣ дѣло, что одною общиною будетъ больше или меньше, когда я съ грустью вижу, какъ всякій талантъ стѣсненъ въ своей дѣятельности, какъ данныя природой руки связаны договорами; когда я всегда былъ убѣжденъ, что корпораціи суть дѣло несправедливое и гибельное и что полная и безусловная отмѣна ихъ есть шагъ къ болѣе благоразумному управленію».

Узко корпоративный характеръ всѣхъ отраслей торговли,

ремеслъ и промышленности, корпоративныя монополіи на тотъ или другой родъ дѣятельности ставили прежнихъ авторовъ Франціи въ полную зависимость отъ произвола книгопродавцевъ. За писателемъ признавалась лишь свобода писать и сочинять, но право издавать и продавать написанное имъ принадлежало не ему, а корпораціи книгопродавцевъ, что прямо подтвердилъ и уставъ 1723 года въ 4 статьѣ. Такой порядокъ вещей привелъ къ тому, что хозяевами были книгопродавцы, а писатели по отношенію къ нимъ занимали мѣсто слугъ и вынуждены были соглашаться на всякія сдѣлки, какія книгопродавцамъ заблагоразсудится предложить имъ. Если какой либо авторъ, не желая отдавать свое произведеніе за безцѣнокъ, дерзалъ самъ издать и продавать его, то синдикъ общины книгопродавцевъ возбуждалъ противъ такого смѣльчака процессъ и добивался запрещенія и подавленія такой якобы преступной дѣятельности. Противъ этого много писалъ Лэнге, мемуары котораго на защиту авторовъ собраны въ 4-мъ томѣ его записокъ и рѣчей. Вотъ, напримѣръ, какъ отзывался объ этихъ мемуарахъ Вольтеръ въ письмѣ къ Люно-де-Буажермену, одному изъ писателей прошлаго вѣка: «Я не вижу, что можно было бы прибавить или возразить на соображенія Лэнге. Мнѣ кажется, что полотняники, москательщики, щеточники, столяры, позолотщики никогда не препятствовали живописцу продавать свою картину даже въ рамкѣ. Деканъ бургоньскаго парламента ежегодно продаетъ мнѣ нѣкоторое количество своего хорошаго вина, но изъ за этого цѣловальники никогда не поднимали противъ него процесса. Дѣло другое литераторы; ихъ надо раздавить, такъ какъ они не составляютъ корпораціи и состоятъ изъ членовъ, очень разъединенныхъ между собою». Справедливыя жалобы на такого рода, ничѣмъ не оправдываемыя стѣсненія авторовъ не могли пройдти незамѣченными со стороны правительства, и дѣйствительно мы видимъ, что закономъ 1777 года авторамъ открыто разрѣшается самимъ продавать свои сочиненія, и слѣдовательно, съ нихъ сни-

мается то ярмо, которое давило ихъ въ теченіе столькихъ вѣковъ и дѣлало изъ нихъ пассивное орудіе своекорыстія и алчности издателей по ремеслу [28]).

Но этотъ же законъ, освободившій авторовъ отъ тираніи книгопродавцевъ, освятилъ своимъ авторитетомъ такія начала, которыя, еслибы они продолжали господствовать во всей ихъ чистотѣ, то до основанія разрушили бы понятіе литературной собственности, какъ постояннаго и исключительнаго права автора на его произведеніе. Закону этому предпосланы были введенія, на столько интересныя и характеристичныя, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести хоть одно изъ нихъ цѣликомъ. Законъ 1777 года состоялъ изъ шести arrêts или указовъ, регулировавшихъ различныя отрасли печати; къ нашему предмету относится лишь пятый. Вотъ подлинныя слова означеннаго введенія: «Король, въ своемъ совѣтѣ, приказавъ представить ему отчетъ о противорѣчивыхъ мемуарахъ парижскихъ и провинціяльныхъ книгопродавцевъ, о продолжительности привилегій и о собственности на сочиненія, призналъ, что привилегія въ книжной торговлѣ есть основанная на правосудіи милость и если она дана автору, то имѣетъ своимъ предметомъ вознаградить его трудъ, а если дана книгопродавцу, то цѣль ея состоитъ въ обезпеченіи ему его авансовъ и въ возмѣщеніи его издержекъ; что эта разница въ опредѣляющихъ ихъ мотивахъ должна произвести разницу и въ ихъ срокахъ; что авторъ имѣетъ, безъ сомнѣнія, большее право на болѣе продолжительную милость, тогда какъ книгопродавецъ не можетъ жаловаться, если получаемое имъ снисхожденіе соразмѣрно съ величиною его авансовъ и важностью предпріятія; что между тѣмъ усовершенствованіе сочиненія требуетъ, чтобы книгопродавецъ пользовался послѣднимъ въ теченіе всей жизни автора, съ которымъ онъ вступилъ въ сдѣлку, но что предоставить ему болѣе долгій срокъ значило бы превратить пользованіе по милости въ

[28]) См. обо всемъ этомъ у *Renouard*, стр. 162—166.

собственность по праву и увѣковѣчить снисхожденіе даже вопреки содержанію пріобрѣтательнаго основанія, опредѣляющаго продолжительность его, это значило бы освятить монополію, дѣлая книгопродавца навсегда единственнымъ господиномъ цѣны данной книги, это значило бы наконецъ сохранить существованіе источника злоупотребленій и контрафакцій, отказывая провинціяльнымъ типографщикамъ въ законномъ средствѣ употребленія ихъ печатныхъ прессовъ. Его величество полагало, что уставъ, который ограничитъ исключительное право книгопродавцевъ означеннымъ въ привилегіи временемъ, послужитъ имъ въ пользу, потому что пользованіе ограниченное, но опредѣленное лучше пользованія неопредѣленнаго, но воображаемаго, что уставъ будетъ выгоденъ для публики, которая можетъ надѣяться, что цѣны книгъ будутъ соразмѣрны средствамъ желающихъ ихъ пріобрѣтать; что онъ будетъ выгоденъ для литераторовъ, которые по истеченіи извѣстнаго времени будутъ въ правѣ дѣлать замѣтки и коментаріи на даннаго автора, причемъ никто не осмѣлится оспаривать у нихъ право отпечатать текстъ, что наконецъ онъ будетъ тѣмъ полезнѣе, что онъ можетъ только увеличить дѣятельность торговли и возбудить между всѣми типографщиками соревнованіе, благопріятное развитію и улучшенію ихъ искусства. Желая оказать этому содѣйствіе, король въ своемъ совѣтѣ, по предложенію хранителя печатей, повелѣлъ и повелѣваетъ нижеслѣдующее».

Изъ этого введенія видно, что французское правительство перевернуло вопросъ объ авторскомъ правѣ вверхъ дномъ. Авторъ, по мнѣнію правительства, только тогда имѣетъ право на защиту противъ контрафакціи, когда это право ему будетъ спеціально даровано королемъ; равнымъ образомъ и издатель долженъ основывать свое право не на пріобрѣтеніи сочиненія отъ автора, а на королевской милости. Парадоксальные доводы, которыми правительство желало оправдать эти свои плохо замаскированныя фискальныя постановленія, встрѣтили надлежащую оцѣнку со сто-

роны современнаго общества. Сохранившіеся документы того времени являются очевидными свидѣтелями вызваннаго новыми законами неудовольствія общества и самымъ наглядным образомъ изобличаютъ всю логическую и практическую несостоятельность вышеприведеннаго arrêt.

Вотъ что постановлялъ этотъ arrêt:

Статья первая: Ни одинъ книгопродавецъ или типографщикъ не вправѣ печатать или отдавать въ печать ни одной новой книги, не получивъ предварительно привилегіи или грамотъ за большою печатью.

Статья 2. Его величество запрещаетъ всѣмъ книгопродавцамъ, типографщикамъ и другимъ, получившимъ жалованныя грамоты на привилегію для напечатанія новой книги, просить продленіе этой привилегіи, если содержаніе книги не будетъ увеличено по крайней мѣрѣ на одну четверть, причемъ другимъ не возбраняется получать разрѣшеніе на напечатаніе прежнихъ, неувеличенныхъ изданій.

Статья 3. Привелегіи на напечатаніе новыхъ книгъ должны впредь выдаваться на срокъ не ниже десяти лѣтъ.

Статья 4. Получившіе привилегіи могутъ пользоваться ими не только въ теченіе всего означеннаго въ нихъ времени, но и въ теченіе всей жизни авторовъ, если эти послѣдніе переживутъ срокъ привилегій.

Статья 5. Всякій авторъ, получившій на свое имя привилегію на свое сочиненіе, можетъ продавать послѣднее у себя, ни подъ какимъ видомъ не будучи однако вправѣ продавать или торговать другими книгами; онъ и его наслѣдники пользуются привилегіею вѣчно, если авторъ не уступитъ ее какому-либо книгопродавцу, въ каковомъ случаѣ срокъ привилегіи, единственно въ силу факта уступки, ограничивается жизнью автора.

Статья 6. Всѣ книгопродавцы или типографщики по истеченіи срока привилегіи и по смерти автора могутъ получить разрѣшенія на новое изданіе, причемъ это разрѣшеніе, данное одному или нѣсколькимъ, не можетъ препятствовать никому иному получить таковое же.

Статья 7. Означенныя въ предыдущей статьѣ разрѣшенія должны выдаваться за простою подписью того лица, коему канцлеръ или хранитель печатей ввѣритъ общее управленіе книжною торговлей, и для облегченія торговыхъ спекуляцій предписывается давать тѣмъ, кои будутъ просить такого рода разрѣшенія, свѣдѣнія о всѣхъ того же рода разрѣшеніяхъ, выданныхъ другимъ на то-же сочиненіе, и о количествѣ экземпляровъ, которое дозволено имъ напечатать.

Статья 8. Его величество, не желая допускать, чтобы полученія такихъ разрѣшеній было лишь пустою формальностью, и чтобы ихъ получали безъ намѣренія реализировать, повелѣваетъ, чтобъ они выдавались только тѣмъ, *которые уплатятъ пошлину, установленную для того хранителемъ печатей.*

Статья 10. Означенныя разрѣшенія должны быть вносимы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ списки синдикальной палаты того округа, въ которомъ имѣютъ мѣстожительства получившіе ихъ, въ противномъ случаѣ разрѣшенія ничтожны.

Статья 13. Привилегіи на церковныя книги (usage) епархій и другія того же рода книги не подчиняются изложеннымъ правиламъ и т. д. [29]).

Ставъ разъ на ложную дорогу и усвоивъ себѣ абсурдный принципъ, правительство неизбѣжно должно было прійдти къ нелѣпымъ послѣдствіямъ, которыя съ логическою необходимостью вытекали изъ означеннаго принципа. Если право на исключительное изданіе книги зависитъ отъ произвола короля, то значитъ отъ той же воли зависитъ запрещеніе и разрѣшеніе контрафакціи, дозволеніе издавать одну и ту же книгу нѣсколькимъ лицамъ совмѣстно, хотя и несвязаннымъ между собою никакими договорными узами и т. д.

Отъ той же воли далѣе зависитъ прощеніе убытковъ, причиненныхъ контрофакторами частнымъ лицамъ. И дѣй-

[29]) См. *Laboulaye* et *Guffreye* стр. 143—147. *Renouard ib.* стр. 167—170

ствительно, французское правительство прибѣгло и къ этой послѣдней мѣрѣ. Въ шестомъ arrêt, спеціально трактующемъ о контрафакціи, содержатся между прочимъ слѣдующія постановленія, въ наше время звучащія какимъ то дикимъ диссонансомъ.

Статья 6. «Что касается контрафакцій, предшествовавшихъ настоящему указу, то его величество, желая быть снисходительнымъ, освобождаетъ отъ наказанія тѣхъ, кои будутъ подлежать ему на основаніи прежнихъ уставовъ, если эти лица выполнятъ формальности, предписываемыя слѣдующею статьею.

Статья 7. «Владѣльцы контрафактныхъ изданій, предшествующихъ настоящему указу, обязаны представить послѣднія въ двухмѣсячный срокъ инспектору и одному изъ членовъ (odjoints) той синдикальной палаты, гдѣ означенные владѣльцы имѣютъ свое мѣстожительство, съ тѣмъ, чтобы первая страница каждаго экземпляра была заштемпелевана синдикальнымъ членомъ и подписана инспекторомъ.

Статья 8. «Теченіе этого двухмѣсячнаго граціеннаго срока по отношенію къ типографщикамъ или книгопродавцамъ, живущимъ въ округѣ различныхъ синдикальныхъ палатъ королевства, начинается со дня внесенія настоящаго указа въ списки послѣднихъ [30]).

Едва только эти семь arrêts получили огласку, какъ въ средѣ тѣхъ классовъ общества, къ которымъ они прямо или косвенно относились, поднялись сильнѣйшее движеніе и ропотъ. Со стороны литераторовъ новые законы подверглись ѣдкой и безпощадной критикѣ, а со стороны книгопродавцевъ посыпались прошенія, исполненныя слезными мольбами и энергическими жалобами на создаваемый новыми законами порядокъ вещей. Вдовы книгопродавцевъ въ траурныхъ платьяхъ осаждали хранителя печатей въ Фонтенебло, умоляя его взять arrêts обратно. Движенію не оста-

[30]) См. *Renouard*, стр. 172 и *Лабулэ* и *Гифре*, стр. 149.

лись чужды университетъ и академія, переплетчики и продавцы бумаги. Два изъ членовъ синдикальной палаты, Дебюръ и Деганси, прямо отказались ѣхать въ Версаль для наложенія штемпеля на контрафактные экземпляры, за что были заключены въ Бастилію, но скоро выпущены; ихъ общины не замедлили выразить имъ свою признательность [31]). Для лучшей характеристики этого момента въ исторіи литературной собственности во Франціи не безполезно будетъ привести нѣсколько выдержекъ изъ нѣкоторыхъ сохранившихся документовъ, прямо относящихся къ этимъ закономъ.

Когда эти просьбы и мольбы, съ разныхъ сторонъ обращенныя къ хранителю печатей, не привели ни къ какому результату и даже остались безъ всякаго отвѣта, то рѣшено было подать прошеніе самому королю, что и было исполнено въ 1778 году. Къ прошенію приложены были два мнѣнія, одно консультаціи адвокатовъ при парламентѣ, а другое консультаціи адвокатовъ при совѣтѣ. Все прошеніе написано талантливо и съ большимъ искусствомъ и отличается систематическою послѣдовательностью изложенія: оно направлено собственно противъ постановленій вышеприведенныхъ arrêts и состоитъ изъ двухъ частей: въ первой излагаются принципы литературной собственности и привилегій; во второй съ этими принципами сравниваются два означенные arrêts. Вотъ какъ между прочимъ просители высказываются насчетъ привилегій.

«Привилегія въ книжной торговлѣ есть исключительное дозволеніе печатать и продавать извѣстное сочиненіе. Она слѣдовательно представляетъ двѣ идеи и приводитъ къ двумъ послѣдствіямъ, которыя не слѣдуетъ смѣшивать между собою, потому что ихъ мотивы и объектъ неодинаковы, а именно *разрѣшеніе печатанія* и *запрещеніе конкурренціи*.

«Необходимость такого разрѣшенія основана единственно на общественномъ интересѣ. Первоначально, по изобрѣ-

---

[31]) См. *Renouard ib.* стр. 173.

тенiи книгопечатанiя, авторы или типографщики, пріобрѣтшіе у первыхъ ихъ произведенія, могли свободно издавать ихъ въ свѣтъ, не нуждаясь въ особомъ разрѣшеніи. Но безусловная свобода печати привела вскорѣ къ безпорядкамъ и неизбѣжнымъ злоупотребленіямъ: распространились безпутныя книги, послѣдствіемъ которыхъ могла быть порча нравовъ и тысяча другихъ опасностей. Для предупрежденія этого законы королевства запретили печатаніе всякаго сочиненія безъ открытаго разрѣшенія, скрѣпленнаго большою королевскою печатью; но это разрѣшеніе постоянно относилось къ общественному порядку. Единственнымъ предметомъ его, съ одной стороны, служило увѣдомленіе читателей, что данное сочиненіе не содержитъ въ себѣ ничего, противнаго нравственности, религіи или принципамъ управленія, а съ другой огражденіе типографщика отъ всякихъ происковъ».

Таковъ былъ, какъ это прямо выражено въ предисловіи къ эдикту 1547 г., единственный мотивъ введеннаго имъ запрещенія, возобновленнаго впослѣдствіи эдиктомъ 1563 г., ордонансамъ 1566 и 1626 гг., деклараціями 1627 и 1678 г. и всѣми остальными регламентами, касающимися книжнаго дѣла.

«Нельзя того же сказать о запрещеніи, которое относится къ конкурренціи и составляетъ вторую часть привилегіи. Мотивомъ ему служитъ лишь интересъ отдѣльнаго просителя. Оно имѣетъ своимъ предметомъ только воспрепятствованіе третьимъ лицамъ присвоивать чужое добро и предохраненіе предпринявшаго изданіе автора или книгопродавца отъ значительныхъ потерь, а часто отъ полнаго и вѣрнаго раззоренія, благодаря легкости, съ которою ихъ продажѣ могутъ препятствовать всѣ типографщики путемъ размноженія экземпляровъ.

«Но разрѣшеніе печатанія и запрещеніе конкурренціи, соединеніе коихъ образуетъ то, что называютъ *привилегіями*, имѣютъ между собою то общее, что ни то ни другое не даетъ права собственности.

«Привилегіи предполагаютъ собственность и даютъ лишь право осуществлять ее; онѣ не даютъ даже права изданія сочиненія въ свѣтъ, ибо это право есть право естественное; онѣ лишь регулируютъ осуществленіе послѣдняго, онѣ предупреждаютъ злоупотребленія и ограждаютъ собственность на него отъ несправедливости и захвата».

Доказывая далѣе логическими соображеніями, что привилегія можетъ быть выдаваема только автору или его законному преемнику и что она служитъ имъ лишь охранною граматою (sauvegarde), просители различаютъ книги новыя отъ книгъ древнихъ. Относительно послѣднихъ срочныя привилегіи являются вполнѣ справедливыми; что же касается первыхъ, то нужно сказать совершенно противное; «собственникъ ихъ постоянно извѣстенъ, это или авторъ или его представитель въ силу наслѣдства или пріобрѣтенія. Слѣдовательно мотивъ, заставившій сократить по отношенію къ древнимъ книгамъ срокъ привилегіи, вовсе непримѣнимъ къ книгамъ новымъ. Но такъ какъ первоначально установился справедливый обычай давать на печатаніе древнихъ книгъ лишь временныя привилегіи, то обычай полагать такимъ привилегіямъ извѣстную грань незамѣтно сталъ общимъ во всѣхъ подобнаго рода уступкахъ; но это распространеніе не измѣнило, да и не могло измѣнить природы вещей. Привилегіи по отношенію къ новымъ книгамъ считались столь же вѣчными и неотъемлемыми, какъ собственность, слѣдствіемъ и выраженіемъ которой онѣ были; а возобновленіе ихъ по истеченіи срока разсматривалось только какъ формальность, въ которой нельзя было отказывать и въ которой дѣйствительно никогда не отказывали ни авторамъ, ни ихъ преемникамъ.

«Это не значитъ, что его величество не имѣетъ безусловнаго права отказывать въ разрѣшеніи печатанія или въ его возобновленіи, когда это печатаніе кажется ему опаснымъ; но тогда то, въ чемъ онъ отказываетъ въ видахъ общественнаго блага автору или его представителю, не дается никому другому. Король отсрочиваетъ осуществленіе

собственности автора или его представителя въ наказаніе за сдѣланное изъ нея злоупотребленіе или для предупрежденія могущихъ иногда возникнуть изъ нея опасностей, но отнюдь не для того, чтобъ облечь этою собственностью третьихъ лицъ, которыя, будучи чужды автору, не могутъ имѣть на нее никакого права.

«Какъ бы продолжительно ни было время, въ теченіе коего привилегія была осуществляема, но возобновленіе ея всегда и по полному праву есть существенное послѣдствіе собственности, такъ какъ, еслибы привилегія не была дарована, то собственникъ, не будучи болѣе въ состояніи воспользоваться своимъ достояніемъ, обладалъ бы собственностью только безплодною и мнимою. Еще несправедливѣе было бы передавать привилегію третьему лицу, ибо это значило бы ограбить собственника для обогащенія лица посторонняго.

«Иначе пришлось бы вообще сказать, что пользованіе какимъ либо достояніемъ въ теченіе довольно длиннаго промежутка времени, въ который можно возвратить себѣ первоначальную цѣну пріобрѣтенія, есть достаточный мотивъ для отнятія этого достоянія. Такимъ образомъ еслибъ кто-либо захотѣлъ завладѣть чужимъ домомъ, то онъ имѣлъ бы полное основаніе просить у его величества разрѣшеніе вторгнуться въ этотъ домъ подъ единственнымъ предлогомъ продолжительнаго владѣнія имъ его нынѣшними и прежними собственниками. Это заключеніе, безъ сомнѣнія, возмутительно, а между тѣмъ оно необходимо вытекаетъ изъ того принципа, по которому отказываютъ книгопродавцамъ въ продленіи привилегіи на пріобрѣтенныя ими произведенія и предоставляютъ ее постороннимъ». Далѣе приводится еще нѣсколько практическихъ соображеній, направленныхъ къ той же цѣли.

Изложивъ такимъ образомъ теоретическую сторону привилегій, просители переходятъ затѣмъ къ роковымъ практическимъ послѣдствіямъ, къ которымъ, по ихъ мнѣнію, могутъ привести новые arrêts. Изложеніе этихъ-то послѣдствій и критическая оцѣнка выставляемыхъ новыми зако-

нами принциповъ составляютъ вторую часть прошенія. Просители прежде всего останавливаются на вышеприведенномъ введеніи и вполнѣ основательно доказываютъ его рѣшительное противорѣчіе съ истинными основами литературной собственности и проистекающіе изъ него вредные результаты для общества, писателей и книгопродавцевъ. Если право издателя, говорятъ они, ставить въ зависимость отъ случайнаго обстоятельства, какова продолжительность жизни автора, то книгопродавцы потеряютъ всякое побужденіе пріобрѣтать сочиненія для изданія и продажи, и писатели вынуждены будутъ издавать свои произведенія на собственныя средства; а такъ какъ этихъ послѣднихъ имѣется у нихъ не всегда въ достаточномъ количествѣ, то многія сочиненія обречены будутъ на неизвѣстность. Отъ этого потеряютъ какъ сами писатели, такъ и общество, для котораго, быть можетъ, лучшія произведенія окажутся недоступными. Съ другой стороны, если новый законъ предоставляетъ автору наслѣдственное право изданія его сочиненія, то на какомъ основаніи онъ отказываетъ въ томъ же правѣ издателю? Вѣдь издатель путемъ пріобрѣтенія сочиненія становится преемникомъ автора, правомъ котораго онъ долженъ обладать въ томъ же объемѣ, въ какомъ обладаетъ имъ самъ авторъ.

Новые законы заботятся объ уничтоженіи монополіи на книги съ цѣлью пониженія цѣнъ на нихъ. Но въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы давать и авторамъ наслѣдственное право на ихъ произведенія, такъ какъ такая монополія и въ ихъ рукахъ можетъ повести къ дороговизнѣ книгъ. «Поистинѣ, продолжаютъ просители, ничто такъ не химерично, какъ эта мнимая опасность отъ монополіи. Интересъ—вотъ единственное мѣрило въ дѣлахъ, въ особенности непріятныхъ. Слѣдовательно, нельзя предполагать монополіи со стороны книгопродавцевъ, если у нихъ нѣтъ никакого интереса въ ней, а тѣмъ болѣе, если она очевидно противорѣчитъ ихъ интересамъ. Не ясно ли, что ихъ истинный интересъ, состоя въ ускореніи сбыта ихъ книгъ, не только ни-

когда не позволитъ имъ назначить послѣднимъ очень высокія цѣны, отбивающія охоту покупать ихъ, но даже заставитъ ихъ довольствоваться цѣнами возможно низкими, кои однѣ только и могутъ сдѣлать сбытъ успѣшнымъ; такія цѣны открываютъ средство пріобрѣтать книги всѣмъ тѣмъ, которые обошлись бы безъ нихъ, еслибъ цѣны были чрезмѣрно высоки, такъ какъ книги не суть предметъ первой необходимости». Къ тому же при высокихъ цѣнахъ заграничная книжная торговля имѣла бы полнѣйшую возможность конкурировать съ торговлею внутреннею и притомъ въ ущербъ послѣдней. Мнимая опасность книжной монополіи не оправдывается и историческими фактами: въ то время, какъ цѣны на другія предметы прогрессивно возрастали и возрастаютъ, цѣны на книги постоянно стояли и стоятъ весьма умѣренныя.

Противъ заявленнаго въ вышеприведенномъ введеніи желанія уничтожить источникъ злоупотребленій и контрафакцій и доставить провинціальнымъ типографщикамъ законное средство употребленія своихъ прессовъ просители возражаютъ, что было бы крайне несправедливо отнимать у однихъ правильно пріобрѣтенную собственность, чтобы дать другимъ законное средство употребленія своихъ прессовъ. «Кто же мѣшаетъ, спрашиваютъ они, провинціальнымъ типографщикамъ употреблять свои прессы истинно законнымъ образомъ, покупая, подобно парижскимъ типографщикамъ, сочиненія авторовъ и получая привилегіи на свое имя?» Но независимо отъ этого провинціальные книгопродавцы вовсе не въ убыткѣ, такъ какъ получаютъ за коммиссію 20 процентовъ безъ всякаго съ ихъ стороны труда, риска и заботы.

Что касается до стремленія закона увеличить дѣятельность торговли и вызвать среди типографщиковъ соревнованіе въ видахъ прогресса и улучшенія ихъ искусства, то просители доказываютъ непрактичность и неосуществимость такого стремленія. «Въ другой отрасли торговли, говорятъ они, конкуренція можетъ быть полезна, потому что всѣ со-

перники, помышляющіе объ усиленіи своего сбыта, одинаково заинтересованы въ томъ, что цѣна на ихъ продукты, добытые ими путемъ собственныхъ фондовъ, не упала ниже ихъ дѣйствительной стоимости, такъ какъ на добычу ихъ они почти всѣ употребляютъ одинаковыя издержки. Совсѣмъ не то въ книжной торговлѣ. Сочиненіе принадлежитъ только тому, кто его создалъ, или его цессіонарію. Слѣдовательно претендующій на конкуренцію располагаетъ тѣмъ, что онъ не пріобрѣталъ, а потому не удивительно, что онъ можетъ продавать дешево. Неужели же въ этомъ именно и заключается полезная конкурренція и благодѣяніе для общества? Во вторыхъ, Парижъ никогда не въ состояніи будетъ конкурировать съ провинціями, такъ какъ конкуренція между двумя странами, изъ коихъ въ одной все обходится безконечно дороже чѣмъ въ другой, немыслима. Слѣдовательно книгопродавцы Парижа поставлены будутъ въ невозможность пускаться въ какія-либо значительныя предпріятія, ибо они напередъ будутъ увѣрены, что конкурренція разоритъ ихъ. Въ третьихъ, конкурренція скоро раззорила бы и самихъ провинціальныхъ типографщиковъ. Это было бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ размноженія изданій и экземпляровъ: для того, чтобы каждый издатель могъ получить свою выгоду, очевидно необходимо, чтобы и число покупателей увеличилось въ той же пропорціи, а это рѣшительно невозможно. Слѣдовательно, изданія останутся въ магазинахъ книгопродавцевъ въ неприкосновенномъ видѣ, и регламентъ, стремящійся расширить ихъ торговлю, сдѣлается несомнѣннымъ источникомъ ихъ раззоренія».

Кромѣ этихъ неудобствъ просители указываютъ еще на цѣлый рядъ другихъ роковыхъ послѣдствій новыхъ законовъ. Книгопродавцы, благодаря конкуренціи, лишившись тѣхъ сочиненій, ежедневная продажа которыхъ служитъ источникомъ и поддержкою ихъ фирмъ, не въ состояніи будутъ предпринимать большія изданія, требующія авансовъ и значительнаго времени, а потому эти изданія всецѣло перейдутъ въ руки иностранныхъ купцовъ; результатомъ

этого будетъ значительный упадокъ бумажныхъ и кожевенныхъ фабрикъ и масса рабочихъ рукъ безъ всякаго дѣла. Мало того, конкурренція поведетъ къ упадку искусствъ и наукъ, во первыхъ, потому что книгопродавцы не въ состояніи будутъ платить авторамъ честную и сходную цѣну за сочиненіе, пользованіе которымъ не будетъ имъ обезпечено; а потому авторы, не находя болѣе въ своихъ трудахъ ожидаемой отъ нихъ помощи, упадутъ духомъ и перестапутъ работать. Во вторыхъ потому, что новый регламентъ, далеко неспособный привести къ уменьшенію цѣнъ на книги, поведетъ напротивъ того къ непремѣнному возвышенію ихъ. Конкурренція, быть можетъ, понизитъ ихъ въ первый моментъ, но не надолго. Необезпеченность сбыта необходимо помѣшаетъ перепечаткѣ прежнихъ сочиненій, а рѣдкость ихъ подниметъ ихъ цѣну до чрезвычайности, такъ что какъ разъ тѣ изъ нихъ, которыя будутъ наиболѣе необходимы литераторамъ, окажутся наименѣе для нихъ доступными по своей высокой цѣнѣ».

Статьи 11 и 12 приведеннаго пятаго arrêt постановляли, чтобы всѣ обладатели привилегій предъявили ихъ въ двухмѣсячный (для Парижа) и трехмѣсячный (для провинцій) срокъ особому, назначенному для того лицу, съ тѣмъ чтобы вмѣсто этихъ привилегій выданы были ихъ обладателямъ, *если будетъ возможно*, новыя и окончательныя. Противъ этихъ распоряженій особенно возстаютъ просители, доказывая ихъ юридическую несостоятельность извѣстнымъ началомъ, что законъ не долженъ имѣть обратнаго дѣйствія (lex futuris, non praeterits, formam dat negotiis). Кромѣ того просители настаиваютъ на томъ, что это распоряженіе окончательно убьетъ книжную торговлю и раззоритъ книгопродавцевъ. Что касается до другихъ возраженій противъ новыхъ законовъ, то стоитъ привести еще ихъ доводы по поводу снисходительности правительства, выказанной прежнимъ контрафакторамъ. «Эта снисходительность, говорятъ они, будетъ по отношенію къ просителямъ самою явною и въ то же время самою раззорительною несправедливостью.

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не очевидно, что, освобождая отъ суровости наказаній, налагаемыхъ регламентами на уличенныхъ въ означенныхъ контрафакціяхъ, и даруя такимъ контрофакторамъ право сбывать свои контрофактные экземпляры путемъ наложенія на нихъ штемпеля, новый arrêt узаконяетъ въ рукахъ воровъ совершенныя ими похищенія? Это ужъ не освобожденіе отъ формы только и не разрѣшеніе отъ наказанія за запрещенный сбытъ; это прямо прощеніе захвата чужаго достоянія, завладѣнія собственностью своихъ собратьевъ, это освобожденіе котрафакторовъ отъ отвѣтственности за явное воровство, причемъ на нихъ не возлагается даже обязанности возвращать украденное собственникамъ. Какъ согласить подобныя послѣдствія, очевидно вытекающія изъ означеннаго arrêt, съ неизмѣнными принципами справедливости и естественнаго права, которые должны служить оплотомъ и охраною для собственности? Да и вообще какъ объяснить, что въ то время, какъ новому уставу дается обратное дѣйствіе, которымъ отмѣняются всѣ прежде добросовѣстно заключенныя обязательства книгопродавцевъ, въ то же время однимъ лишь контрафакторамъ прощаютъ все ихъ прошлое?

«Этого мало. Arrêt объявляетъ, что цѣль его состоитъ въ подавленіи своеволія контрафакторовъ; но операція клейменія и дозволеніе свободно продавать нынѣ незаконно перепечатанные экземпляры приведутъ, наоборотъ, къ безконечному увеличенію контрафакцій: стоитъ только злоумышленникамъ, а просители имѣютъ полное основаніе опасаться, что это уже сдѣлано ими, — отпечатать первые листки тѣхъ книгъ, которыя они захотятъ продавать, и представить эти листки для заклейменія». И они получатъ возможность выдавать всякую перепечатку за предшествовавшую новому закону контрафакцію; позволительно даже думать, что современемъ они станутъ поддѣлывать клейма и подпись самого инспектора. «Опытъ показываетъ, что они ежедневно перепечатываютъ вещи гораздо труднѣе этого. Никто такъ не изворотливъ, какъ интересъ, въ осо-

бенности когда дѣло идетъ о преступленіяхъ и прикрытіи обмана. Слѣдовательно, это предположеніе далеко не невѣроятно, такъ какъ отъ людей, живущихъ грабежами, можно ожидать всего.

«Такимъ образомъ указываемыя новымъ закономъ предосторожности для предупрежденія контрафакцій будутъ безусловно фиктивными, и дерзость литературныхъ грабителей возрастетъ до такой степени, до какой прежде она еще не доходила... Новый законъ будетъ для нихъ не острасткою, а самою вѣрною опорою ихъ смѣлости и дерзости».

Далѣе просители представляютъ противъ доводовъ провинціальныхъ книгопродавцевъ еще нѣсколько соображеній, не менѣе предшествующихъ дышащихъ глубокимъ умомъ и здравымъ смысломъ. Но для характеристики всего ихъ прошенія, мы полагаемъ, достаточно и приведенныхъ отрывковъ. Оно заканчивается просьбою отмѣнить пятый и шестой изъ названныхъ arrêts и оставить въ силѣ прежнія узаконенія, касающіяся контрафакціи и привилегій. Въ концѣ имѣется подпись адвоката Кошю (Cochu). Къ прошенію приложены, какъ уже было сказано, два мнѣнія: одно изъ нихъ принадлежитъ консультаціи адвокатовъ парламента и въ сущности повторяетъ всѣ доводы, изложенные въ самомъ прошеніи; другое дано консультаціею адвокатовъ королевскаго совѣта и имѣетъ въ виду доказать право просителей на подачу означеннаго прошенія и поддержать ихъ доводы. Въ немъ консультанты утверждаютъ, что новые arrêts, хотя и имѣютъ видъ законовъ общихъ, противъ которыхъ не можетъ быть допущено никакихъ опроверженій, но въ сущности они изданы по поводу частнаго ходатайства провинціальныхъ книгопродавцевъ и должны почитаться частными, административными распоряженіями, на которыя предшествующими законами дозволяется и даже предписывается принимать жалобы и входить въ ихъ разсмотрѣніе. По примѣру предшествующихъ консультантовъ и они всѣми силами поддерживаютъ ходатайство парижскихъ книгопродавцевъ и

типографщиковъ, находятъ его самымъ уважительнымъ и справедливымъ изъ когда-либо разсматривавшихся дотолѣ и выражаютъ твердую надежду, что оно будетъ удовлетворено королемъ [32]).

Но особенно сильнаго, ловкаго, талантливаго и непримираго противника новыя правительственныя мѣропріятія встрѣтили въ лицѣ адвоката, а впослѣдствіи публициста Linguet. Нѣкоторые изъ его аргументовъ, касающіеся теоретической стороны разсматриваемаго предмета, уже были приведены выше въ первой главѣ, а потому здѣсь слѣдуетъ остановиться лишь на его критикѣ двухъ вышеназванныхъ arrêts и его опредѣленіи смысла и историческаго значенія привилегій. Въ этомъ отношеніи доводы его заслуживаютъ полнаго вниманія не только какъ историческій фактъ, но и сами по себѣ; будучи приложены къ современной намъ литературѣ объ авторскомъ правѣ, они могли бы служить блестящимъ опроверженіемъ той клики писателей, которая упорно отказывается отъ признанія за литературною собственностью какого-либо права на существованіе.

«Введеніе въ arrêt совѣта, говоритъ онъ [33]), даетъ относительно привилегій такія опредѣленія, изъ которыхъ при всевозможныхъ познаніяхъ и доброй волѣ нельзя вывести безошибочнаго заключенія.

«Привилегія въ книжной торговлѣ есть *милость, основанная на справедливости*: но эти два слова несовмѣстимы въ томъ смыслѣ, въ какомъ они здѣсь употреблены; въ самомъ дѣлѣ, милость не всегда бываетъ несправедлива, но справедливость никогда не бываетъ милостью; ничего не могло быть хуже для литераторовъ, какъ это возданное ихъ правамъ почитаніе, превращенное въ милость, способную къ произвольнымъ измѣненіямъ.

«Дѣйствительно ли эта милость, будучи дарована автору, имѣетъ цѣлью вознаградить его за трудъ? Конечно

---

[32]) Обо всемъ этомъ см. *Лабулэ* и *Гиффре* в. и с. стр. 151—220.
[33]) Тамъ же стр. 242 и сл.

нѣтъ, такъ какъ для этого необходимо было бы, чтобы эта уступка приводила къ почету или выгодѣ: но изъ привилегіи въ книжной торговлѣ не вытекаетъ ни того ни другаго. Авторъ, получающій ее, обязанъ даже уплатить за нее, а это исключаетъ всякую мысль о вознагражденіи.

«Правда ли, что жалуя ее книгопродавцу, имѣется въ виду обезпечить ему возвращеніе его авансовъ и возмѣщеніе его издержекъ? Еще разъ нѣтъ; ему ничего не обезпечиваютъ. Привилегія не есть приказъ публикѣ покупать сочиненіе, къ коему она приложена; раззоренныхъ книгопродавцевъ съ этими канцелярскими продуктами, редактированными наилучшимъ образомъ, можно встрѣчать чуть ли не каждый день...

«Но что такое привилегія въ книжной торговлѣ? Это исходящее отъ общественной власти признаніе собственности автора или его цессіонаріевъ. Въ литературѣ это эквивалентъ нотаріальныхъ актовъ или судебныхъ рѣшеній, коими передаются и обезпечиваются права гражданъ на все то, что носитъ названіе частнаго имущества. Когда судебная резолюція присуждаетъ частному лицу наслѣдство или когда нотаріусъ вписываетъ въ контрактъ заявленную собственникомъ уступку, то судья или нотаріусъ не даютъ ничего; они лишь освящаютъ въ лицѣ одной изъ сторонъ подлинность предшествующаго права. Тоже самое слѣдуетъ сказать о привилегіяхъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь.

«Онѣ констатируютъ, что такой то индивидъ есть дѣйствительно авторъ такого то сочиненія или что другой индивидъ пріобрѣлъ права перваго. Государь является здѣсь могущественнымъ и вооруженнымъ свидѣтелемъ, который, удостовѣряя это творчество или это соглашеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ на себя обязательство защищать ихъ. Привилегія есть печать, гарантія мирнаго пользованія; но она не есть источникъ этого пользованія.

«Еслибъ она имѣла хоть самомалѣйшее вліяніе на собственность, если бы писатель, произведши свое сочиненіе, становился дѣйствительнымъ его хозяиномъ лишь вслѣд-

ствіе инвестйтуры, пожалованной постороннею рукой, и еслибъ своимъ качествомъ творца онъ обязанъ былъ не усиліямъ своего ума, но публикующему о немъ пергаменту, то талантъ сталъ бы однимъ изъ гибельнѣйшихъ даровъ. Внѣшнимъ образомъ возвышая человѣка надъ человѣчествомъ, онъ бы на самомъ дѣлѣ отнялъ у перваго самыя простыя преимущества. Башмачникъ, безспорно признаваемый истиннымъ собственникомъ башмака, которому онъ далъ лишь форму, былъ бы третируемъ законами гораздо благосклоннѣе чѣмъ Корнель и Расинъ, такъ какъ эти послѣдніе при каждомъ порывѣ своего генія нуждались бы въ новой формальности для укрѣпленія своихъ правъ».

Что касается срока привилегій, то Linguet выражается на этотъ счетъ слѣдующимъ образомъ: «Привилегія, будучи лишь признаніемъ до нея существовавшей собственности, не можетъ ограничить послѣднюю. Если она (собственность) несомнѣнна въ моментъ своего возникновенія, то почему же она перестанетъ быть таковою же въ моментъ прекращенія привилегій? Если упорно хотятъ поставить пользованіе первою въ зависимость отъ возобновленія привилегій, то пусть обяжутся не отказывать въ этомъ возобновленіи.

«Государь безспорно воленъ запретить печатаніе всякаго сочиненія, которое онъ находитъ достойнымъ порицанія; въ такомъ случаѣ отказъ въ уполномочіи на печатаніе, уничтоженіе самой книги, этой собственности автора, есть достойное наказаніе за преступленіе: такая книга является опаснымъ созданіемъ, которому не даютъ увидѣть свѣтъ,— преступницею, лишаемою жизни ради избавленія общества отъ тревогъ, кои она можетъ причинить.

«Но разъ она призвана къ жизни и ея полезное или, если угодно, безразличное существованіе не тяготитъ государства, то нѣтъ власти, которая могла бы отнять у нея это существованіе, не нарушая основныхъ законовъ всякой человѣческой ассоціаціи. Привилегія или никогда не должна погашаться или должна быть постоянно возобновляема, по-

тому что мотивирующая ее собственность не можетъ никогда погибнуть».

Далѣе Linguet доказываетъ, что новые законы съ одной стороны, освящая эти истины своимъ авторитетомъ, съ другой лишаютъ ихъ всякаго смысла и практическаго примѣненія, установляя для цессіонаріевъ автора лишь ограниченное пользованіе пріобрѣтаемымъ отъ него правомъ. Этимъ распоряженіемъ у самихъ авторовъ отнимается главнѣйшее средство къ осуществленію ихъ правъ. «Развѣ договоръ между литераторомъ и книгопродавцемъ, спрашиваетъ онъ, есть преступленіе? Развѣ онъ въ чемъ нибудь противорѣчитъ нравственности, общественной честности или спокойствію общества?

«Развѣ литераторы образуютъ порабощенный классъ, неспособный въ глазахъ закона заключать прочныя обязательства, или не считаютъ-ли литераторовъ простыми пожизненными владѣльцами, со смертью которыхъ прекращается ихъ власть? Развѣ книжная торговля есть постыдная коммерція, за агентами которой невозможно услѣдить, предъ которыми публичный законъ не обязанъ никакою защитой и противъ которыхъ смѣло можно допустить новыя предосторожности, потому что отъ нихъ можно опасаться новыхъ беззаконій?

«Не трудно распознать въ этомъ постановленіи вліяніе несдержанныхъ воплей литераторовъ противъ того класса людей, на тиранію которыхъ они всегда жаловались и безъ которыхъ они однако не могутъ обойдтись. Возмущенные оковами, подъ которыми они стонутъ; огорченные тѣмъ, что извлекаютъ изъ своихъ трудовъ только дымъ, довольно часто отравленный ядовитыми парами; удивленные, что книгопродавцы примѣняютъ къ своей коммерціи правила справедливости и духъ послѣдовательности, руководящій всѣми остальными, тогда какъ сами они вынуждены подчиняться законодательству странному, капризному, несправедливому, насилующему всѣ ихъ права, они, вмѣсто того чтобы доискаться причины отдаленной и могущественной,

отмщаютъ за себя на этихъ ближайшихъ и беззащитныхъ агентахъ». Далѣе Linguet приводитъ еще нѣсколько остроумныхъ, глубокомысленныхъ и правдивыхъ соображеній въ защиту книгопродавцевъ, которыхъ, по его мнѣнію, литераторы несправедливо обвиняютъ въ алчности и хищничествѣ, и доказываетъ, что всему виною не книгопродавцы, а крайняя неудовлетворительность законовъ, и что распоряженія новыхъ законовъ всею своею тяжестью обрушатся не на книгопродавцевъ, которыхъ они главнымъ образомъ имѣли въ виду, а на самихъ литераторовъ, уничтожая въ первыхъ всякое побужденіе къ пріобрѣтенію права изданія отъ послѣднихъ. Въ заключеніе онъ снова опровергаетъ ходячія возраженія противъ монопольной продажи книгъ и весьма убѣдительно доказываетъ, что заботливость о провинціальныхъ книгопродавцахъ зашла гораздо дальше предѣловъ справедливаго и возможнаго. Если ради поощренія ихъ праздности и отсутствія духа предпріимчивости разрѣшать имъ и узаконять контрафактную перепечатку, то почему же разбойникамъ и ворамъ не разрѣшать безнаказаннаго отправленія ихъ промысла? Изъ того, что продажа контрафактныхъ книгъ стала почти единственнымъ источникомъ существованія провинціальныхъ книгопродавцевъ, еще вовсе не слѣдуетъ, что она должна быть терпима и узаконяема, такъ какъ въ такомъ случаѣ пришлось бы узаконить и всякое воровское обладаніе чужими вещами. Пусть эти книгопродавцы обратятся на путь законнаго пріобрѣтенія рукописей для изданія, пусть перепечатываютъ древнія, никому не принадлежащія книги, пусть перекупаютъ право изданія у своихъ сотоварищей и т. д., тогда прессы ихъ будутъ постоянно въ дѣлѣ и имъ не будетъ никакой надобности прибѣгать къ контрафакціямъ и этимъ гнуснымъ промысломъ поддерживать свое существованіе. Равнымъ образомъ и писатели должны отказаться отъ своей безпричинной вражды къ книгопродавцамъ; если они и находятся въ сильной зависимости отъ послѣднихъ, то виноваты въ томъ не книгопродавцы, а прежніе законы, при-

несшіе въ жертву интересы авторовъ интересамъ книгопродавцевъ, подобно тому какъ тоже сдѣлано съ драматическими писателями по отношенію къ труппамъ актеровъ [34]).

Переходимъ затѣмъ къ другому литературному протесту, который изъ любви къ искусству принялъ на себя аббатъ *Плюке*, уже извѣстный читателямъ изъ первой главы настоящаго изслѣдованія. Всѣ свои доводы и возраженія онъ изложилъ въ трехъ письмахъ, адресованныхъ къ другу. Въ первомъ изъ нихъ, изданномъ имъ по поводу новыхъ arrêts, онъ лишь повторяетъ и развиваетъ все то, что уже было выражено въ вышепроведенномъ прошеніи парижскихъ книгопродавцевъ и въ только что изложенныхъ мемуарахъ Linguet. Во второмъ онъ возражаетъ апологисту этихъ arrêts, нѣкоему Сюару, который въ своей брошюрѣ *Discours impartial* силится опровергнуть совершенно ясныя и убѣдительныя соображенія Плюке. Въ обоихъ этихъ письмахъ почти нѣтъ ничего такого, что не было бы уже высказано прежде, а потому изложеніе ихъ содержанія было бы излишнимъ повтореніемъ. Слѣдуетъ только замѣтить, что увѣренія Плюке [35]), будто прежніе законы уважали право собственности автора, вовсе не основано на историческихъ данныхъ, а потому не можетъ быть принято. Вышеизложенный очеркъ доказываетъ, что о правѣ собственности автора до знаменитаго мемуара д'Эрикура не было и рѣчи. Впрочемъ заключеніе втораго письма содержитъ въ себѣ довольно ясныя указанія на причины появленія означенныхъ arrêts, а потому на немъ стоитъ остановиться. Плюке, какъ бы предостерегая де-Невиля, директора книжной торговли и главнаго редактора этихъ arrêts, высказывается слѣдующимъ образомъ: «Я знаю г. де-Н... (евиля) только по репутаціи, которую онъ себѣ создалъ, по его патріотической непоколебимости въ трудныхъ обстоятельствахъ, и я готовъ вѣрить, что при предложеніи

---

[34]) См. тамъ же стр. 285 и 286.

[35]) См. тамъ же стр. 327 и сл.

этихъ arrêts онъ руководился лишь желаніемъ добра. Но онъ не можетъ сомнѣваться, что у него, какъ и у всѣхъ людей съ вѣсомъ, есть враги или завистники. Поэтому не станутъ довольствоваться однимъ анатомическимъ анализомъ этихъ, приписываемыхъ ему регламентовъ, указаніемъ ихъ недостатковъ, противорѣчій и ужасныхъ послѣдствій; станутъ твердить еще, что въ изданіи arrêts оказалъ не малое вліяніе личный интересъ; что эти разъединенныя разрѣшенія издавать сдѣлаются весьма корыстною финансовою спекуляціей; что количество ихъ легко будетъ увеличить, дозволяя печатаніе лишь опредѣленнаго числа экземпляровъ; подтвержденіемъ этого послужитъ публично произнесенная де-Н... въ Руанѣ рѣчь, что ему необходимо сто тысячъ ливровъ на содержаніе его канцелярій. Тѣ же недруги не упустятъ подтвердить эти упреки частными анекдотами, способными поселить убѣжденіе, что директоръ книжной торговли имѣлъ въ виду нестолько дѣйствительную выгоду этой важной отрасли государственной администраціи, сколько покровительство частнымъ предпріятіямъ. Станутъ указывать на одного руанскаго типографщика, весьма покровительствуемаго какимъ-то г. де-Н., извѣщеннаго за шесть мѣсяцевъ до закона о наложеніи клеймъ и заставившаго день и ночь работать надъ контрафакціями. Эти розсказни станутъ разнообразить забавною исторіей происходившаго въ Руанѣ освященія открытія клейменія, получившаго видъ праздника. Станутъ называть по именамъ барынь, пріятельницъ г. де-Н..., госпожъ Санъ-Викторъ, Дуасель и др. Не будемъ болѣе говорить объ этихъ пустякахъ; но вѣдь вы понимаете, что людямъ злонамѣреннымъ легко влить въ эти розсказни яду; что перемѣшиваніе этихъ шутокъ съ важными причинами можетъ имѣть большое дѣйствіе...» Что касается третьяго письма, то въ главнѣйшихъ чертахъ оно уже изложено выше въ первой главѣ.

Но если Плюке лишь осторожно намекалъ де-Невилю на его эгоистическія и корыстныя цѣли, побудившія его со-

ставить законы, столь пагубные для литературы вообще и книжной торговли въ особенности, то другой современникъ этого сановника, книгопродавецъ Леклеръ [36]), въ адресованномъ къ нему письмѣ уже прямо и открыто обвиняетъ его въ преслѣдованіи такихъ цѣлей. Все письмо преисполнено весьма справедливыхъ, но желчныхъ и ядовитыхъ укоризнъ, характеризующихъ человѣка, желающаго хоть рѣзкими словами облегчить свою наболѣвшую душу и вмѣстѣ выместить свое горе и отчаяніе на главномъ ихъ виновникѣ. «Литераторы начинаютъ уже чувствовать послѣдствія вашихъ arrêts, касающихся книжной торговли, пишетъ Леклеръ. Вашъ кодексъ рождаетъ между книгопродавцами и авторами убыточные процессы, отвлекающіе ихъ отъ ихъ занятій, и дѣлаетъ труды литераторовъ безполезными для нихъ самихъ и для публики, такъ какъ благодаря вашимъ arrêts книгопродавцы очень основательно отказываются печатать ихъ произведенія.

«Ваши мелкіе соглядатаи, подкупленные или прельщенные обѣщанными вами наградами, не могутъ уже сказать, что дѣло идетъ только о спекуляціи торгашей, ибо сами факты доказываютъ, что ваши arrêts прямо, существенно и первоначально ведутъ аттаку противъ достоянія и собственности литераторовъ; что всѣ удары, которые, по вашему увѣренію, должны поразить книгопродавцевъ, прямо всею своею тяжестью падутъ на авторовъ; что авторы явятся первыми жертвами объявленной вами книгопродавцамъ войны и что прежде раззоренія книжной торговли Франціи вы изгоните изъ послѣдней науки и ихъ представителей.

«Почему три академіи, кои вмѣщаетъ въ себѣ столица, не возвысили своего голоса противъ такой неурядицы? Какимъ образомъ столько засѣдающихъ въ нихъ меценатовъ не воспользовались своимъ нравственнымъ вліяніемъ для защиты литературы и литераторовъ?

«Почему вы отобрали мнѣніе французской академіи о

---

[36]) Тамъ же, стр. 379—446.

вашихъ arrêts только десять мѣсяцевъ спустя по ихъ отпечатаніи? Отчего только французская академія была спрошена объ этихъ arrêts, тогда какъ они интересуютъ ее менѣе чѣмъ всякую иную литературную корпорацію? Почему эта академія поддержала ваши arrêts своимъ голосомъ и удовольствовалась лишь требованіемъ собственности на свои и своихъ членовъ сочиненія?

«Каковы бы ни были побужденія, кои вопреки совѣту наиболѣе извѣстныхъ членовъ заставляютъ эти корпораціи оставаться равнодушными къ вашимъ arrêts или хранить о нихъ молчаніе, не подлежитъ сомнѣнію, что ни одинъ литераторъ не долженъ слѣдовать примѣру этихъ корпорацій: всѣ въ правѣ защищать литературную собственность точно также, какъ гражданинъ въ правѣ защищать свой домъ или свою землю, а интересы литературы превращаютъ для нихъ это право въ обязанность, которую я теперь выполняю.

«.... Такъ какъ я намѣреваюсь сдѣлать нападеніе на вашъ регламентъ, вашъ кодексъ, ваше законодательство, ваше возлюбленное дѣтище, то прежде, чѣмъ приступлю къ этому, позвольте напомнить вамъ правило, высказанное однимъ изъ вашихъ наиболѣе усердныхъ панегиристовъ, именно авторомъ lettre à un magistrat.

«Первѣйшее требованіе правосудія, говоритъ онъ, это быть справедливымъ къ самому себѣ, такъ какъ быть справедливымъ къ другимъ вовсе не такое еще большое диво.

«То, что требуетъ этотъ писатель отъ враговъ вашихъ arrêts, я, милостивый государь, ожидаю отъ васъ; вы будете справедливы къ самимъ себѣ, ибо *это первѣйшая справедливость;* вы будете справедливы ко мнѣ и къ авторамъ, *потому что быть справедливымъ къ другимъ вовсе не такое большое диво.*

«Arrêt о срокахъ привилегій и о литературной собственности не есть ни судебное рѣшеніе, ни законъ.

«.... Едва вы вступили въ должность, какъ вы объявили всѣмъ, что книжное дѣло находится *въ ужасномъ со-*

стояніи, и вы были правы; вы искали причину этого и увидѣли ее не въ нарушеніи литературной собственности, но въ самой литературной собственности, и съ этого момента вы рѣшились уничтожить ее.

«Вы приказали представить вамъ по этому предмету записки, и восемь или десять мѣсяцевъ послѣ вашего вступленія въ управленіе книжною торговлею вы произвели на свѣтъ семь arrêts, изъ коихъ одинъ отнимаетъ у авторовъ и ихъ цессіонаріевъ собственность на ихъ произведенія, а другой освобождаетъ всѣхъ контрафакторовъ отъ суровости ордонансовъ и регламентовъ.

«Такимъ образомъ вы дѣйствительно по собственному побужденію возобновляете вопросъ о литературной собственности или процессы контрафакторовъ противъ литературной собственности, и вашъ arrêt, повидимому самостоятельный, въ дѣйствительности является arrêt, постановленнымъ по отношенію къ двумъ тяжущимся сторонамъ, которыхъ вы судили, не вызвавъ ихъ въ вашъ судъ. Вы судили и осудили авторовъ и ихъ цессіонаріевъ, не выслушавъ ихъ оправданій, отняли у нихъ собственность на ихъ сочиненія, собственность признанную, утвержденную, обезпеченную законоположеніями Агессо (уставъ 1723 года), составленными послѣ продолжительнаго и серіознаго изслѣдованія доводовъ двухъ сторонъ, послѣ точнаго и глубокаго обсужденія доказательствъ обѣихъ сторонъ, по выслушаніи всѣхъ ихъ защитительныхъ объясненій и по строгой оцѣнкѣ всѣхъ ихъ правъ.

«Развѣ неправильность или противозаконность подобнаго arrêt не очевидна?

«Вы не даруете контрафакторамъ требуемой ими литературной собственности, но вы сохраняете ее для директора книжной торговли, потому что вы приписываете ему право продавать дозволеніе печатать произведенія, собственность на которыя вы отнимаете у авторовъ и ихъ цессіонаріевъ.

«Вы слѣдовательно въ качествѣ стороны возобновили процессъ противъ литературной собственности и вы ее при-

своили себѣ путемъ вами же составленнаго arrêt. Вы значитъ сторона и судья въ этомъ arrêt.

«Но что же такое arrêt, редакторъ котораго грабитъ у авторовъ и ихъ цессіонаріевъ собственность на ихъ произведенія, чтобы присвоить себѣ право продавать дозволеніе печатать ихъ? Какую идею, по вашему, можно составить себѣ о редакторѣ этого arrêt, когда подумаешь о послѣдствіяхъ этого послѣдняго, когда видишь литераторовъ, у коихъ ограбили собственность на ихъ произведенія и коихъ лишили плода ихъ трудовъ, когда видишь четыреста семействъ, доведенныхъ до нищеты и отчаянія для доставленія директору книжной торговли права продавать дозволеніе печатать произведенія авторовъ и ихъ цессіонаріевъ?

«Еслибъ вы не были директоромъ книжной торговли, еслибъ директоръ книжной торговли не продавалъ разрѣшеній печатать сочиненія, собственность на кои онъ отнимаетъ у авторовъ и ихъ цессіонаріевъ, я бы имѣлъ къ вашему arrêt снисхожденіе, которое оказывается заблужденію, невѣжеству, любви къ благу, лишенной принциповъ и познаній; но польза, извлекаемая вами изъ этого arrêt, отнимаетъ у меня это средство для извиненія васъ, и я вынужденъ смотрѣть на вашъ arrêt, какъ на узурпацію, какъ на истинный грабежъ.

«Не говорите мнѣ, что заинтересованныя стороны были выслушаны и что вы составили ваши arrêts только по мемуарамъ книжныхъ торговцевъ Парижа и провинцій.

«Развѣ авторы и ихъ цессіонаріи поручали этимъ книгопродавцамъ защищать ихъ собственность? Развѣ они сдѣлали этихъ книгопродавцевъ своими представителями? Развѣ они поручили имъ договариваться насчетъ ихъ интересовъ?

«Конечно нѣтъ, потому что они не знали о вашемъ проектѣ и вашихъ arrêts, которые вы составляли или фабриковали въ величайшей тайнѣ.

«Вы не спасете неправильности вашихъ arrêts, говоря, что они были составлены по мемуарамъ парижскихъ и провинціальныхъ книгопродавцевъ.

«Но кто же эти книгопродавцы, благодаря мемуарамъ которыхъ вы отняли у авторовъ и ихъ цессіонаріевъ собственность на ихъ сочиненія, чтобы присвоить себѣ право продавать желающимъ купить разрѣшеніе печатать эти сочиненія?

«Это не книгопродавцы, купившіе произведенія авторовъ; это ясно и само по себѣ и по протесту всѣхъ парижскихъ и провинціальныхъ книгопродавцевъ, пріобрѣтшихъ эти сочиненія.

«Слѣдовательно, книгопродавцы, отъ которыхъ вы потребовали мемуаровъ о литературной собственности, это контрафакторы или ихъ сообщники, это тѣ именно, которые хотятъ похитить у авторовъ и ихъ цессіонаріевъ собственность на ихъ сочиненія; словомъ это контрафакторы и ихъ соумышленники, т. е. люди, которыхъ всѣ регламенты книжной торговли и всѣ суды наказываютъ какъ воровъ, которымъ законы грозятъ безчестящими наказаніями, люди, противъ которыхъ вы сами возстаете въ своемъ arrêt о контрафакціяхъ и которыхъ вы третируете какъ людей недобросовѣстныхъ.

«Вотъ тѣ, которыхъ вы выбрали для защиты собственности литераторовъ и ихъ цессіонаріевъ или съ которыми вы совѣтовались до произнесенія своего приговора надъ литературною собственностью, вотъ ваши путеводители, ваши совѣтники, ваши знатоки!

«Эти контрафакторы, по совѣту коихъ вы заграбили собственность авторовъ и ихъ цессіонаріевъ, имѣли огромное количество контрафакцій, которыя вы узаконили однимъ изъ arrêts, и уполномочили этихъ людей продавать послѣднія, запретивъ тѣмъ, сочиненія коихъ они перепечатали, безпокоить ихъ.

«Такимъ образомъ контрафакторы дали вамъ право собственности на произведенія авторовъ, и въ воздаяніи за это вы даете имъ право безнаказанно пользоваться всѣми кражами, совершенными ими у авторовъ и ихъ цессіонаріевъ.

«Вотъ, милостивый государь, съ геометрическою точностью изображенная идея вашего arrêt о срокахъ привилегій; если онъ судебное рѣшеніе, то самое беззаконное.

«Посмотримъ теперь, можно ли его считать закономъ.

«Законъ есть выраженная воля государя; но несомнѣнно, что король не знаетъ о вашихъ arrêts, слѣдовательно они не суть его выраженная воля.

«Канцелярскій совѣтъ, учрежденный для регулированія всего, относящагося къ книжной торговлѣ, не имѣлъ даже свѣдѣній о вашихъ arrêts; какъ же вы хотите, чтобъ они были выраженіемъ воли короля, когда, неизвѣстные его величеству, они не находились даже въ судѣ, учрежденномъ для регулированія книжной торговли?

«Составленные вами arrêts отнимаютъ у авторовъ и ихъ цессіонаріевъ собственность на ихъ произведенія; одинъ изъ этихъ arrêts освобождаетъ контрафакторовъ отъ суровости ордонансовъ и разрѣшаетъ имъ безнаказанно и свободно продавать ихъ контрафакціи. А между тѣмъ ле-Нуаръ, королевскій комиссаръ по этой части, признаетъ и утверждаетъ эту собственность; онъ осуждаетъ контрафакторовъ путемъ arrêt, вышедшаго послѣ вашихъ arrêts. Наконецъ два мѣсяца тому назадъ этотъ же совѣтъ разрѣшилъ споръ между Аготи и аббатомъ Розье безъ всякаго отношенія къ вашимъ arrêts и вопреки имъ.

«Слѣдовательно, вашъ arrêt о срокахъ привилегій не можетъ быть разсматриваемъ какъ выраженіе воли короля; и чтобы ни говорили ваши секретари-лакеи, Ренаръ и Перренъ, протестомъ противъ вашихъ arrêts не оказывается неповиновенія королю.

«...Существуютъ законы о литературной собственности, безусловно противорѣчащіе вашимъ arrêts; эти законы утверждены и внесены въ списки; слѣдовательно они сохраняютъ силу закона, пока ваши arrêts, утвержденные и внесенные въ списки, не отмѣнятъ ихъ: ибо было бы верхомъ безумія, чтобы не сказать больше, считать, что обнародованные законы могутъ быть отмѣнены arrêt, даннымъ тайно

г. де Н... въ присутствіи нѣсколькихъ контрафакторовъ и Панкука.

«Ваши arrêts возвѣщаютъ тарифъ, присланный вами нѣсколько дней назадъ въ синдикальную палату; а этотъ тарифъ есть истинный налогъ; но вы, безъ сомнѣнія, знаете, что нельзя налагать и снимать съ подданныхъ короля налоговъ безъ утвержденныхъ arrêts; а между тѣмъ ваши arrêts и тарифъ не были утверждены. Къ тому же доходъ съ этого налога поступаетъ въ сундуки не короля, а ваши, и вы имъ безусловно распоряжаетесь.

«... Не говорите мнѣ, что согласіе книгопродавцевъ восполнило недостающія вашимъ arrêts формальности и дало имъ силу закона; книгопродавцы никогда не соглашались на ваши регламенты, они не перестаютъ протестовать противъ нихъ; впрочемъ можете ли вы именно противопоставить мнѣ согласіе книгопродавцевъ, вы, приказывающій заключать въ Бастилію тѣхъ, кои отказываются исполнять вашъ регламентъ?

«Наконецъ, книгопродавцы могутъ вамъ отдать собственность на ихъ произведенія, но они не могутъ вамъ отдать собственность на мои.

«Не указывайте мнѣ также на мнѣніе французской академіи; ибо это литературное общество не представляетъ генеральныхъ штатовъ республики литературы: оно не могло договариваться за авторовъ относительно собственности на ихъ сочиненія.

«Да и сама академія воздержалась отъ подачи своего мнѣнія о литературной собственности: вамъ, быть можетъ, неизвѣстно, какъ состряпали это дѣльце. Вотъ какъ это было:

«Заинтересованныя въ сохраненіи вашего регламента личности знали, что хранитель печатей не рѣшался заставить исполнить его; они полагали, что утвердятъ его въ этой рѣшимости, подкрѣпивъ ваши arrêts мнѣніемъ французской академіи, въ которой у нихъ были свои клевреты. Случай сдѣлалъ аббата Арно директоромъ ея. Такъ какъ

онъ не имѣлъ никакаго личнаго интереса въ спорѣ о литературной собственности и сверхъ того былъ горячимъ защитникомъ всего того, что окружало его самаго близкаго друга Сюара, то воспользовались этимъ обстоятельствомъ и предложили хранителю печатей посовѣтоваться о вашихъ arrêts съ французскою академіей; Арно внесъ это дѣло на обсужденіе и назначилъ своего интимнаго друга, Сюара, зятя Панкука, комиссаромъ. Сюаръ представилъ отчетъ въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ въ *Discour impartial*. Зять Панкука и директоръ превозносили восточными метафорами справедливость, мудрость и необходимость вашего регламента; эти два джентельмена провозгласили васъ возродителемъ литературы и настаивали, что нужно одобрить вашъ регламентъ во всѣхъ его частяхъ, прося хранителя печатей къ тѣмъ средствамъ, которыя вы предписываете для прекращенія контрафакцій, присовокупить право производства формальнаго слѣдствія для раскрытія контрафакторовъ.

«Многіе академики, напротивъ того, думали, что нужно воспользоваться довѣріемъ, оказываемымъ хранителемъ печатей академіи, прійдти на помощь литераторамъ и литературѣ и просить объ отмѣнѣ arrêt, отнимающаго у авторовъ собственность на ихъ сочиненія.

«Добиться одобренія этого-то пункта вашего регламента и поручено гг. Арно и Сюару; они изъ кожи лѣзли, и означенное столь разумное и достойное мнѣніе перваго литературнаго общества королевства не восторжествовало, но оно по крайней мѣрѣ помѣшало одобрить отрицаніе литературной собственности. Этотъ пунктъ былъ устраненъ отъ обсужденія, и не одобряя вашего регламента, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ литературной собственности, было потребовано, чтобы хранитель печатей къ тѣмъ мѣрамъ, которыя вы предписываете для прекращенія контрафакцій, присовокупилъ производство слѣдствія.

«... За одобреніе высказались аббатъ Арно, ближайшій другъ Сюара; Сюаръ, зять Панкука; Лагарпъ, получающій отъ Панкука субсидію на его журналъ и обязавшійся за

двадцать тысячъ ливровъ составить для Панкука *Abrégé de l'Histoir des voyages* (краткую исторію путешествій); Гельяръ, которому вы сохранили тысячу ливровъ пенсіи по должности секретаря книжной торговли, которую онъ исправлялъ два или три года, но которую теперь уже не исправляетъ; Соренъ, другъ Сюара и цензоръ на жалованьи; Тома не пенсіонеръ, но весьма склонный къ пенсіи.

«Противъ него были ліонскій архіепископъ, д'Аламберъ, Мармонтель, Брекиньи» и т. д.

Далѣе авторъ письма вдается въ подробное разсмотрѣніе литературной собственности, гдѣ приводитъ весьма много очень дѣльныхъ, вѣскихъ и практическихъ соображеній, снова уличаетъ де Невиля въ корыстныхъ видахъ и злонамѣренномъ искаженіи понятія литературной собственности, опровергаетъ мимоходомъ аргументы панегиристовъ новыхъ arrêts и вообще не оставляетъ безъ серіознаго и обстоятельнаго разбора ни одного возраженія, которое дѣлали или могли бы сдѣлать защитникамъ авторскаго права. Въ заключеніе Леклеръ анализируетъ по пунктамъ вышеупомянутое введеніе въ arrêt о привилегіяхъ и весьма убѣдительно доказываетъ несостоятельность и взаимное противорѣчіе всѣхъ заключающихся тамъ положеній. Все письмо написано съ такою обстоятельностью и знаніемъ дѣла и отличается такою ясностью, систематичностью и простотою изложенія, что еслибъ оно не было насквозь проникнуто ненавистью къ де Невилю, горечью и ядовитостью, то могло бы быть названо образцовымъ изслѣдованіемъ о литературной собственности. Независимо отъ этихъ качествъ, оно представляется весьма важнымъ историческимъ документомъ, такъ какъ въ немъ какъ нельзя лучше разоблачаются всѣ сокровенныя пружины дѣятельности редактора этихъ роковыхъ arrêts. оказавшихъ неотразимое и преобладающее вліяніе на все послѣдующее законодательство объ авторскомъ правѣ. И дѣйствительно, трудно себѣ представить актъ болѣе возмутительнаго абсолютизма, чѣмъ эти arrêts: самое священное и неприкосновенное право гражда-

нина, именно право частной собственности не только безъ застѣнчиво и открыто попирается въ нихъ ногами, но редакторы этихъ постыдныхъ законовъ даже не постыдились торжественно возвѣстить всему міру, что такой бразъ дѣйствія есть высшая справедливость и требованіе общественнаго блага. Мало того, что они на будущее время лишили литераторовъ и издателей ихъ законнаго достоянія и внесли сумятицу въ законодательство о книжной торговлѣ и литературѣ; они объявили еще безусловную амнистію всѣмъ прежнимъ контрафакторамъ и уполномочили ихъ удержать за собою все, загребленное ими у законныхъ собственниковъ. Симпатіи новыхъ законовъ къ этимъ литературнымъ хищникамъ простерлись до того, что они затруднили преслѣдованіе даже будущихъ контрафакторовъ, съ одной стороны, дозволивъ производить у нихъ обыски, а съ другой—разрѣшивъ обыскиваемымъ предъявлять искъ объ убыткахъ къ тѣмъ, коимъ принадлежитъ починъ такого обыска, если у нихъ не будутъ найдены тѣ именно контрафактныя книги, ради которыхъ производился обыскъ, хотя бы другихъ контрафакцій у нихъ оказалось множество.

Подобныя вопіюще несправедливыя постановленія даютъ полное право подозрѣвать ихъ нечистое происхожденіе тѣмъ болѣе, что всѣ жалобы и протесты противъ нихъ, ни разу не сходившіе съ почвы легальности, остались безъ всякихъ послѣдствій и даже вовсе не были доведены до свѣдѣнія короля. Ему сообщенъ былъ только протоколъ французской академіи, обсуждавшей означенные arrêts 7 февраля 1778 года. Устраняя себя отъ разрѣшенія горячаго спора, возникшаго между правительствомъ и заинтересованными въ этомъ дѣлѣ личностями и корпораціями, именно спора о литературной собственности, академія выразила лишь почтительное желаніе, чтобы къ новымъ arrêts сдѣланы были нѣкоторыя дополненія въ смыслѣ большей точности и опредѣленности нѣкоторыхъ отдѣльныхъ постановленій. Правительство, глухое ко всѣмъ остальнымъ ходатайствамъ, жа-

лобамъ, протестамъ и просьбамъ, оказалось весьма вѣжливымъ и предупредительнымъ по отношенію къ французской академіи. Хранитель печатей Миромениль поспѣшилъ прислать на имя президента академіи, маршала Дюра, изысканно любезное письмо, въ которомъ, разъясняя нѣкоторыя ея недоумѣнія, извѣщалъ ее, что съ удовольствіемъ представитъ ея замѣчанія на усмотрѣніе короля.

Какъ бы въ отвѣтъ на эти замѣчанія 30 іюля 1778 года вышелъ новый дополнительный arrêt слѣдующаго содержанія: «Король, выслушавъ въ своемъ совѣтѣ отчетъ о различныхъ представленіяхъ по поводу регламентовъ 30 сего августа, касающихся книжной торговли, изъ числа всѣхъ представленныхъ хранителю печатей мемуаровъ остановилъ свое вниманіе на замѣчаніяхъ своей французской академіи. Его величество съ удовольствіемъ усмотрѣлъ, что эти замѣчанія были главнымъ образомъ выраженіемъ признательности со стороны его французской академіи и что если у членовъ ея, вознесшихъ благодареніе его величеству за его попеченія о пользѣ литераторовъ, и оставались еще какія-либо желанія, то они имѣли своимъ предметомъ лишь стремленіе сообщить большую устойчивость и надежность новымъ выгодамъ, обезпечиваемымъ за литераторами регламентами 30 сего августа. Его величество тѣмъ охотнѣе рѣшился болѣе подробно проявить свои намѣренія на этотъ счетъ, что онъ усмотрѣлъ въ требованіяхъ академіи лишь развитіе духа этихъ регламентовъ или указаніе средствъ обезпеченія ихъ выполненія, и что, освящая эти требованія своимъ авторитетомъ, онъ даетъ новое доказательство своего покровительства тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые своими произведеніями и трудами способствуютъ прогрессу литературы и наукъ. А потому король въ присутствіи своего совѣта и согласно мнѣнію хранителя печатей повелѣлъ и повелѣваетъ нижеслѣдующее:

Статья первая. Статья 3 arrêt 30 августа 1777 года, регулирующаго сроки привилегій въ книжной торговлѣ, подлежитъ исполненію по формѣ и содержанію; слѣдова-

тельно тѣ, кои впредь будутъ получать привилегіи на печатаніе новыхъ книгъ, будутъ пользоваться ими въ теченіе всего того времени, какое хранитель печатей или канцлеръ сочтутъ соотвѣтственнымъ съ достоинствомъ или важностью сочиненія, при чемъ время это ни подъ какимъ видомъ не должно быть менѣе десяти лѣтъ.

Ст. 2. Статья 5 того же arrêt подлежитъ исполненію по формѣ и содержанію; слѣдовательно тотъ, кто получитъ для себя привилегію на свое сочиненіе, не только въ правѣ продавать его у себя, но на свой счетъ можетъ его печатать сколько ему будетъ угодно разъ и у того типографщика, у какого ему заблагоразсудится, и точно также за свой счетъ продавать его у того книгопродавца, котораго онъ изберетъ, при чемъ договоры или соглашенія на печатаніе или продажу одного изданія его сочиненія отнюдь не должны почитаться уступкою его привилегіи.

Ст. 3. Статьи 55 эдикта 1686 г. августа мѣсяца, 109 регламента 1723 г., 1 и 3 arrêt 30 августа 1777 г., относящіяся къ контрафакціямъ, подлежатъ исполненію по формѣ и содержанію: а для облегченія этого исполненія его величество повелѣваетъ, чтобы впредь во всѣхъ выдаваемыхъ граматахъ на привилегіи было изъяснено, что всѣ виновники, владѣльцы, разносчики и укрыватели контрафакцій будутъ преслѣдуемы путемъ жалобъ и слѣдствія, при чемъ назначаемыя въ означенныхъ граматахъ наказанія ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть отмѣняемы или смягчаемы.

Ст. 4. Сверхъ того его величество повелѣваетъ, чтобы всѣ регламенты 30 сего августа продолжали соблюдаться по формѣ и содержанію и т. д.» [37]).

Если доселѣ еще можно было разсчитывать, что всеобщій ропотъ и умѣренная оппозиція заставятъ правительство образумиться и взять свои arrêts назадъ, то съ изданіемъ

[37]) См. объ изложенномъ тамъ же стр. 363—366, 625—629; *Renouard*, т. I. стр. 180 и сл.

этого дополнительнаго закона уже не могло оставаться никакого сомнѣнія, что правительство твердо рѣшилось настоять на своемъ и провести свои новыя мѣропріятія во что бы то ни стало и что нужны болѣе энергическія мѣры, чтобъ отклонить его отъ этой пагубной рѣшимости. Тогда лица, интересамъ коихъ новыми законами наносился столь жестокій ударъ, отказались отъ мысли разжалобить правительство своими отчаянными воплями и путемъ мемуаровъ и писемъ убѣдить его въ противозаконности его дѣйствій, а обратились на другой путь, доселѣ остававшійся въ резервѣ: они прибѣгли къ защитѣ суда и потребовали отъ парламента возстановленія столь насильственно нарушеннаго законнаго порядка вещей. Съ этой стороны ихъ ожидалъ полный успѣхъ, который однако оказался столь же безсильнымъ произвести какой-либо поворотъ въ рѣшимости правительства, какъ и множество различныхъ мемуаровъ и прошеній, представленныхъ хранителю печатей.

Слѣдуетъ замѣтить, что вѣроятно изъ опасенія подвергнуться офиціальной и безпощадной критикѣ правительство уклонилось отъ обычной дотолѣ формальности обнародованія законовъ и не представило своихъ названныхъ шесть arrêts въ парламентъ для внесенія въ списки. Этимъ оно самымъ чувствительнымъ образомъ уязвило самолюбіе парламента и подготовило въ немъ ревностнаго и весьма вліятельнаго противника новымъ законамъ, который тѣмъ охотнѣе принялъ сторону парижскихъ книгопродавцевъ, что вполнѣ сознавалъ правоту ихъ дѣла. Оппозиція парламента, уже не разъ проявлявшаяся въ весьма рѣзкихъ формахъ, и на этотъ разъ не отступила отъ своихъ свѣжихъ традицій и вылилась въ прямое и торжественное отрицаніе за новыми arrêts всякой силы закона. Дѣйствія парламента въ этомъ направленіи представляютъ самую интересную страницу въ исторіи борьбы общественнаго мнѣнія съ правительствомъ по поводу литературной собственности, а потому разсмотримъ ихъ нѣсколько подробнѣе.

Прежде всего жертвы новыхъ законоположеній, желая

парализовать эти послѣднія путемъ судебныхъ рѣшеній, затѣяли не малое количество процессовъ, изъ коихъ особеннаго шуму надѣлалъ процесъ между Поктономъ (Paucton) и вдовою Дезанъ (Desaint). Незадолго до обнародованія названныхъ законовъ Поктонъ продалъ вдовѣ Дезанъ право собственности на сочиненіе, озаглавленное: *Métrologie ou Traité des mesures, poids et monnaies de l'antiquité et d'aujourd'hui* (Метрологія или трактатъ о мѣрахъ, вѣсахъ и монетахъ древности и нашего времени). По смыслу договора Дезанъ пріобрѣтала это право на вѣчныя времена, за что обязалась уплатить не сразу, а по частямъ. Съ появленіемъ новыхъ законовъ между этими двумя контрагентами возгорѣлся споръ, затѣянный ими, какъ полагаетъ Ренуаръ, съ тѣмъ, чтобы протестовать противъ названныхъ arrêts. Продавецъ потребовалъ срочныхъ платежей, покупательница же отказалась удовлетворить этому требованію, ссылаясь на то, что положеніе дѣлъ измѣнилось противъ того, какимъ оно было въ моментъ заключенія договора, и что въ виду непредвидѣннаго и неопредѣленнаго измѣненія въ судьбѣ авторскаго права она не чувствуетъ болѣе расположенія платить за названное сочиненіе и печатать его. Вызванная въ судъ Chatelet, она повторила тамъ тѣ же возраженія, утверждая, что новый десятилѣтній срокъ издательскаго права измѣняетъ природу контракта и что слѣдовательно послѣдній долженъ быть уничтоженъ.

Поктона защищалъ въ судѣ ученый юристъ Ажье (Agier), который вслѣдъ затѣмъ издалъ весьма обстоятельный мемуаръ, по внѣшности направленный противъ отвѣтчицы, но въ дѣйствительности имѣющій въ виду законы 1777 года. По выслушаніи объясненій сторонъ, Chatelet рѣшеніемъ 11 августа 1778 года постановилъ, что контрактъ долженъ быть оставленъ въ силѣ и что за вдовою Дезанъ, ея наслѣдниками и сингулярными преемниками слѣдуетъ сохранить полную и неотъемлемую собственность на сочиненіе и исключительное право печатанія и продажи его, согласно заключенному между сторонами договору. Рѣшеніе это было

утверждено парламентомъ 10 февраля 1779 года [38]). Такимъ образомъ судъ, этотъ правительственный органъ, прямо признаетъ за издательницею вѣчное и потомственное право собственности на сочиненіе, между тѣмъ какъ такое право рѣшительно отвергается новыми законами. Жалка судьба того правительства, собственные органы котораго преслѣдуютъ прямо противоположныя цѣли и всѣми силами противодѣйствуютъ другъ другу въ различныхъ начинаніяхъ. Подобное явленіе есть несомнѣнно зловѣщій признакъ близкаго паденія даннаго образа правленія и только близорукая дореволюціонная монархія не могла разсмотрѣть страшной пропасти, къ которой она подвигалась быстрыми и стремительными шагами.

Но противодѣйствіе правительственныхъ органовъ не ограничилось одними неблагопріятными для центральнаго правительства судебными рѣшеніями; оно пошло гораздо далѣе, и парламентъ по собственному почину сдѣлалъ рѣшительное и смѣлое нападеніе на новые законы. Онъ поручилъ одному изъ своихъ членовъ, д'Эпроменилю, составить подробный о нихъ докладъ, который выслушанъ былъ въ общемъ собраніи всѣхъ отдѣленій подъ предсѣдательствомъ Лефевра д'Ормессена 23 апрѣля 1779 года. Докладчикъ, усиливаясь оставаться на нейтральной почвѣ и излагать только одни голые факты, однако незамѣтно для самого себя былъ увлеченъ ихъ разительностью и подавляющимъ свойствомъ и какъ началъ, такъ и закончилъ свой докладъ открытымъ заявленіемъ своего сочувствія противникамъ новыхъ законовъ. «Литература и книжная торговля, такъ началъ онъ свой докладъ, процвѣтали подъ сѣнью законовъ, справедливая строгость которыхъ подавляла разбой контрафакторовъ.

«Авторы считали себя собственниками созданныхъ ими сочиненій, а книгопродавцевъ собственниками сочиненій ими пріобрѣтенныхъ. Этотъ столь простой принципъ имѣлъ

---

[38]) Тамъ же, стр. 449 и сл. *Renouard*, т. I. стр. 181.

за себя естественное право, внутреннее убѣжденіе, общественное мнѣніе, внесенные въ списки эдикты, судебныя рѣшенія, знаменитый регламентъ, выработанный д'Агессо, не облеченный, правда, въ форму патента (lettres patentes), но соотвѣтствующій жизни, наконецъ опытъ и успѣхъ. Не тратилось время на доказываніе этого принципа, столь драгоцѣннаго для литературы; онъ былъ элементарною истиной, однимъ изъ основныхъ положеній государства; но онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ положеній, которыя въ вѣкъ погони за новостями противостоятъ злоупотребленіямъ ума и заблужденіямъ власти. Литература и книжная торговля испытываютъ это теперь; собственность авторовъ уже стала только милостью, собственность издателей является не болѣе какъ призракомъ въ департаментѣ юстиціи; умъ силился бороться съ нею, а власть уничтожить ее, и опираясь на почтенномъ авторитетѣ дорогаго имени короля, ихъ усилія, по крайней мѣрѣ, на время увѣнчались успѣхомъ: даже при возвращеніи къ принципамъ, теперешнее время останется грустною эпохой для книгопродавцевъ; но противникамъ этихъ принциповъ не удалось побѣдить вѣру въ законы, и воодушевленный ею, я представляю суду докладъ о шести arrêts, касающихся книжной торговли и носящихъ общее заглавіе: *Arrêts du Conseil*. Всѣ они отъ 30 августа 1777 года».

Затѣмъ докладчикъ излагаетъ вкратцѣ содержаніе каждаго изъ этихъ arrêts, высказываясь о нихъ довольно осторожно, но неодобрительно. Особенное вниманіе онъ обращаетъ на два послѣдніе, пятый и шестой, касающіеся привилегій и контрафакцій. «Естественно было, говоритъ онъ, гражданамъ, лишеннымъ своего достоянія, потребовать правосудія. Книгопродавцы сдѣлали это способомъ тѣмъ болѣе трогательнымъ, чѣмъ менѣе онъ былъ правиленъ: вмѣсто того, чтобъ обратиться къ парламенту, этому законному органу угнетенныхъ, этому хранителю и защитнику законовъ королевства и всякаго рода правъ всѣхъ корпорацій и всѣхъ гражданъ, этому естественному судьѣ ихъ состоя-

нія, они сочли своею обязанностью излить свое горе предъ хранителемъ печатей. Вдовы общины дали тому первый примѣръ въ октябрѣ 1777 года, они сдѣлали этому сановнику *смиреннѣйшія и почтительнѣйшія представленія*; въ ноябрѣ того же года уже вся община представила ему весьма подробный мемуаръ, къ которому ректоръ университета присоединилъ свой отъ имени своего университета. Эти первыя попытки не имѣли однако никакихъ послѣдствій.

«Тогда книгопродавцы и типографщики обратились непосредственно къ королю въ прошеніи, поддержанномъ двумя консультаціями отъ 23 декабря 1777 года и 9 января 1778 года; послѣ чего вдовы книгопродавцевъ съ своей стороны взывали къ правосудію короля въ частномъ прошеніи; неизвѣстно, дошли ли эти прошенія до короля, но они были такъ же безуспѣшны, какъ и адресованные хранителю печатей.

«Удивленные, но не сраженные книгопродавцы хранили молчаніе. Они довольствовались пассивнымъ и почтительнымъ сопротивленіемъ, столь приличествующимъ вѣрнымъ, но свободнымъ подданнымъ. Наконецъ появились тарифы пошлинъ за разрѣшеніе печатанія и принятія въ члены корпораціи. Книгопродавцы воспользовались этимъ прискорбнымъ обстоятельствомъ, которое было первымъ послѣдствіемъ означенныхъ arrêts, и сдѣлали хранителю печатей нижайшія представленія какъ противъ этихъ тарифовъ въ частности, такъ и противъ arrêts вообще. Ихъ новыя домогательства не были счастливѣе прежнихъ, и они рѣшились прибѣгнуть только къ косвеннымъ просьбамъ. Литераторы составили мемуары, судьи призвали формы на защиту принциповъ, предложили составить конференціи, заявили протестъ; но ихъ не слушали, а между тѣмъ понукали къ исполненію arrêts, такъ что протекшее время было свидѣтелемъ постоянно новыхъ посягательствъ на государственные законы, равно какъ и на литературную собственность».

Наконецъ книгопродавцы и типографщики сдѣлали послѣднее усиліе: они подали хранителю печатей записку, одобренную всею общиною. Но это новое доказательство ихъ покорности и довѣрія не произвело никакого дѣйствія; два мѣсяца, протекшіе съ того времени безъ отвѣта, навели меня на мысль, что настало время подвергнуть изслѣдованію систему, направленную противъ законовъ, о соблюденіи которыхъ умоляетъ достохвальная община».

Высказываясь затѣмъ вполнѣ въ пользу того, что привилегія не создаетъ собственности, а предполагаетъ ее и что принципъ этотъ господствовалъ въ законодательной и судебной практикѣ вплоть до новыхъ arrêts, докладчикъ продолжаетъ: «Не будемъ говорить только о правосудіи; мы, утверждаютъ книгопродавцы, пріобрѣли, продали, промѣняли, раздѣлили, отдали въ приданое наши книжные фонды, составлявшіе все наше достояніе; нынѣ насъ ограбили. Какъ только arrêts уничтожили литературную собственность, то наши договоры стали необезпеченными, наши раздѣлы призрачными, имущества нашихъ женъ лишились гипотекъ, мы остались безъ коммерціи, безъ положенія; трудно постижимымъ постановленіемъ собственность авторовъ, допускаемая, какъ милость, поставлена такъ, что ею нельзя располагать безъ утраты ея и т. д.

«Налогъ на разрѣшенія печатанія, продолжаютъ книгопродавцы, является самымъ раззорительнымъ, какой только можно себѣ вообразить, такъ какъ прійдется платить: за перепечатку *Donations* Рикара 480 ливровъ, за сочиненія Ганри 960 ливровъ, за *Journal des Audiences* 1680 ливровъ, за *Histoire de ecclésiastique* Флери 4440 ливровъ. Это-ли средство поощренія?... Свобода моей профессіи уполномочиваетъ меня спросить: почему не обнародованы функціи, оклады, даже имена смотрителей книжной торговли? Почему неизвѣстенъ доходъ съ налоговъ, поступающихъ въ кассу, учрежденную ст. 9 arrêt о привилегіяхъ? Словомъ, почему не опредѣлено публично, ясно, торжественно отношеніе поступленія къ расходованію? Пойду дальше, позволю себѣ

даже спросить, почему этотъ значительный налогъ на дозволенія установленъ не закономъ? Почему, по крайней мѣрѣ, увеличеніе налоговъ на принятіе въ корпорацію не постановлено въ Совѣтѣ въ присутствіи короля и по выслушаніи книгопродавцевъ?»

Приведемъ еще изъ этого доклада нѣкоторыя мѣста изъ мемуара, представленнаго Ленуару и Невилю Леклеромъ, тѣмъ самымъ, съ письмомъ котораго мы имѣли уже случай познакомить читателя выше. «Какъ и всѣ парижскіе книгопродавцы, говоритъ онъ, я владѣю правомъ печатать тѣ или другія книги или долею этого права только путемъ купли; источникъ самой большой части моего имущества — это пріобрѣтеніе фонда моего отца, половину котораго я долженъ былъ уступить своей сестрѣ... Мнѣ пятьдесятъ четыре года, я содержу жену и пятерыхъ дѣтей, оставшихся въ живыхъ изъ четырнадцати; расходы на содержаніе семьи мѣшаютъ мнѣ увеличить свое состояніе, хотя я не позволяю себѣ никакихъ развлеченій. Несмотря на мои небольшіе достатки, уваженіе моихъ сотоварищей возлагало на меня всѣ должности, какія могутъ быть доступны человѣку моего званія; я рѣшаюсь даже сказать, что я принесъ на этихъ должностяхъ пользу: если нужно, чтобъ я лишился моего книжнаго фонда, единственнаго моего достоянія въ этомъ мірѣ, то я сочту благодѣяніемъ смерть моего шестаго ребенка, потеряннаго мною послѣ изданія arrêts 30 послѣдняго августа. Я не пожелаю смерти остальныхъ, но равнодушно встрѣчу свою, чтобы не быть свидѣтелемъ ожидающей ихъ нищеты. Справедливость и милосердіе короля меня успокоиваютъ; онъ не отниметъ у меня собственности, о которой я сообщилъ ему и которую я пріобрѣлъ, полагаясь на послѣднедѣйствовавшіе законы; онъ напротивъ того сохранитъ ее за мною на вѣчныя времена, какъ онъ сохраняетъ ее за авторами, съ тѣмъ, чтобы въ будущихъ пріобрѣтеніяхъ я сообразовался съ новыми arrêts, если они не будутъ отмѣнены».

«.... Подобное тяжкое положеніе, закончилъ докладчикъ,

на мой взглядъ заслуживаетъ вниманія суда. Изъ всѣхъ представляемыхъ мною актовъ мы видимъ arrêts совѣта, ставшіе выше внесенныхъ въ списки эдиктовъ, собственность, уничтоженную обратнымъ дѣйствіемъ неправильныхъ актовъ, налоги, установленные безъ формальнаго закона, тарифы, зависящіе единственно отъ воли одного подданнаго короля, безотчетную публичную кассу, неслыханное столкновеніе власти съ правосудіемъ, чтобы вынудить гражданъ платить то, что власть у нихъ отнимаетъ, и терять то, что правосудіе заставляетъ платить имъ». Докладчикъ присоединилъ рядъ документовъ, служащихъ подтвержденіемъ изложенныхъ имъ фактовъ. По выслушаніи этого доклада соединенное присутствіе поручило королевскому адвокату Сегье представить подробный отчетъ о названныхъ arrêts и документахъ и о прежде дѣйствовавшихъ законоположеніяхъ о печати.

Отчетъ этотъ Сегье давалъ въ теченіе трехъ засѣданій, 10, 27 и 31 августа. Онъ раздѣлилъ его на три части: въ первой изложены имъ въ краткихъ чертахъ содержаніе arrêts, во второй содержаніе предъявленныхъ противъ нихъ жалобъ и протестовъ, и въ третьей — очеркъ положенія письменности и печати до изданія новыхъ arrêts. Во всемъ своемъ отчетѣ Сегье проявилъ разумное, честное и безпристрастное отношеніе къ фактамъ, которое тѣмъ для него похвальнѣе, что отъ него, какъ отъ представителя административной власти въ парламентѣ, можно было ожидать совершенно противоположныхъ результатовъ. Онъ вполнѣ соглашается, что положеніе литературы и издателей съ изданіемъ новыхъ законовъ становится невыносимо тягостнымъ, и самъ описываетъ это положеніе въ яркихъ краскахъ; онъ констатируетъ вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ фактъ, что въ отдѣльныхъ постановленіяхъ этихъ законовъ содержатся непримиримыя противорѣчія, что установляемые ими новые налоги непомѣрно высоки и тягостны, и что расходованіе ихъ не подвергнуто никакому контролю. Особенный интересъ для изслѣдователя прежняго положенія печати во Франціи пред-

ставляетъ третья часть его отчета, въ которой Сегье сумѣлъ сгруппировать множество весьма интересныхъ подробностей и историческихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ обширныхъ познаніяхъ этого достопочтеннаго публичнаго дѣятеля. Своему очерку прежняго законодательства Сегье предпосылаетъ небольшое введеніе, въ которомъ онъ описываетъ положеніе письменности съ первыхъ дней ея возникновенія и переворотъ, произведенный въ ней появленіемъ книгопечатанія, проникновеніе этого благодѣтельнаго изобрѣтенія въ предѣлы Франціи и первоначальное и послѣдующее отношеніе къ нему французскаго народа и правительства. Затѣмъ онъ переходитъ къ самому очерку законодательства, въ которомъ различаетъ три эпохи: 1) отъ начала книгопечатанія до конца царствованія Генриха II; 2) отъ этого момента до статутовъ 1618 года, при Людовикѣ XIII, и наконецъ 3) отъ изданія этихъ законовъ до новыхъ arrêts. Воспроизведеніе всѣхъ приводимыхъ имъ подробностей потребовало бы слишкомъ много времени, во многихъ случаяхъ было бы лишь повтореніемъ уже изложеннаго выше и вообще выходило бы далеко за предѣлы нашего изслѣдованія, такъ какъ Сегье касается тутъ не только литературной собственности, но и постановленій противъ контрафакціи и административно-полицейскихъ предупредительныхъ мѣръ противъ злоупотребленія печатнымъ словомъ. Для насъ достаточно будетъ сказать, что изъ длиннаго ряда приведенныхъ Сегье законодательныхъ памятниковъ ясно видно, что если французское правительство открыто не признавало существованіе литературной собственности, то нигдѣ ни однимъ словомъ и не отрицало ее, и что напротивъ того своею практикою оно постоянно высказывалось въ пользу ея признанія, хотя и не открыто, но смысломъ своихъ рѣшеній.

Что касается новыхъ arrêts, то Сегье, сопоставляя ихъ съ прежними законами, высказывается о нихъ слѣдующимъ образомъ: «О правѣ авторовъ и ихъ потомства въ первый разъ говорится въ этихъ arrêts. Собственность въ нихъ признана вполнѣ, какъ въ лицѣ самого автора, такъ и въ

лицѣ его наслѣдниковъ, и эта собственность казалась столь очевидною, что автору разрѣшено продавать свое сочиненіе у себя,—правомочіе, вытекающее изъ права естественнаго и неизвѣстное всѣмъ прежнимъ публичнымъ регламентамъ. Признавъ такимъ образомъ священное право собственности, его искажаютъ, его ослабляютъ, его ограничиваютъ, когда автору заблагоразсудится уступить свою привилегію: цессіонарій автора можетъ пользоваться ею только въ теченіе десяти лѣтъ, а по истеченіи этой привилегіи сочиненіе становится общимъ. Лишь только прекратится привилегія, то всякій книгопродавецъ, сотня книгопродавцевъ могутъ получить разрѣшеніе печатать то же сочиненіе, даже безъ патентовъ, а простою подписью директора книжной торговли. Этотъ новый уставъ діаметрально противоположенъ всѣмъ тѣмъ, которые касались этого предмета: всѣ ордонансы запрещали печатаніе или перепечатку какого бы то ни было сочиненія безъ патентовъ за большою печатью, подъ угрозою весьма различныхъ наказаній.

«По древнимъ регламентамъ патенты должны были вноситься въ списки парижской синдикальной палаты, которые всякій могъ обозрѣвать: по новому уставу частныя подписи не подлежатъ внесенію въ списки синдикальной палаты округа того лица, которому выдается разрѣшеніе, а едва ли кто станетъ рыться во всѣхъ реестрахъ государства.

«По древнимъ регламентамъ продленіе привилегій считалось продолженіемъ собственности: по новому оно совершенно запрещено и разрѣшенія стали отрицаніемъ всякаго рода собственности. По древнимъ регламентамъ конкуренція допускалась только по отношенію къ одному роду сочиненій, по отношенію же къ другимъ она безусловно запрещалась, какъ бичъ книжной торговли: новый регламентъ оказываетъ ей покровительство и повсюду допускаетъ ее, между тѣмъ какъ причина, которая когда-то принималась за источникъ гибели всей книжной торговли, нынѣ считается источникомъ возбужденія соревнованія и дѣятельности всѣхъ прессовъ королевства.

«Наконецъ древніе регламенты обязывали уплачивать твердо опредѣленную сумму за полученіе привилегіи, а новымъ уставомъ стоимость разрѣшенія исчисляется по количеству томовъ и формату предстоящаго изданія.

«Послѣдній изъ шести arrêts имѣетъ своимъ предметомъ прощеніе контрафакцій, расплодившихся до этого устава, между тѣмъ какъ всѣ прежніе регламенты грозятъ весьма тяжкими наказаніями, даже тѣлеснымъ, всѣмъ контрафакторамъ. Прежніе регламенты объявляли контрафакторовъ поддѣлывателями, назначали имъ штрафъ и разрѣшали обладателямъ привилегій требовать съ нихъ возмѣщенія своихъ убытковъ; король въ новомъ уставѣ слагаетъ съ нихъ всѣ заслуженныя ими наказанія. Конечно, король можетъ простить наказаніе за подлогъ, можетъ снять штрафъ; но можетъ ли онъ прощать не принадлежащіе ему убытки? Причина же, побудившая нѣкоторымъ образомъ узаконить плодъ преступленія и обмана и разрѣшить открытую продажу этого плода, состоитъ въ томъ, что оказавшіеся виновными въ контрафакціяхъ совершенно раззорятся, такъ что большое количество преступленій заставило даровать имъ амнистію».

«Этой параллели болѣе чѣмъ достаточно для указанія разницы между прежними ордонансами и новымъ уставомъ. Прежніе законы постоянно безмолвствовали относительно вопроса о собственности авторовъ: доселѣ ни одинъ законъ не касался его какимъ бы то ни было образомъ, и если эта собственность существовала и сохраняется еще у большей части писателей, то только въ силу традиціи и обычая... Всѣ законы предполагали эту собственность, но ни одинъ ее не санкціонировалъ; между тѣмъ вы видѣли, что до конца послѣдняго царствованія получали продленіе привилегіи собственники оригинальной рукописи напечатаннаго сочиненія. Эти продленія были не только актомъ простой терпимости, но и справедливости. Трудно въ самомъ дѣлѣ убѣдиться, что, дѣлая полученіе привилегіи или простаго разрѣшенія необходимымъ, наши короли имѣли въ виду от-

нять у автора собственность на имъ самимъ созданное сочиненіе; эту собственность можно представить себѣ въ двухъ различныхъ видахъ: или въ рукахъ автора или въ рукахъ книгопродавца. Въ рукахъ перваго она безспорна и даже не была оспариваема; скажемъ лучше, она признана, она освящена нынѣ, и авторъ вправѣ пользоваться своимъ сочиненіемъ не только самъ, но и всѣ его наслѣдники и частные преемники, пока они не уступили рукописи и привилегіи.

«Но развѣ въ рукахъ типографщика собственность эта уже не такова? и развѣ потому, что книгопродавецъ не есть авторъ, онъ не можетъ стать собственникомъ сочиненія? Можетъ ли государь отнять у своего подданнаго вещь, подаренную или уступленную ему или пріобрѣтенную имъ на деньги? Однимъ словомъ зависитъ ли она отъ привилегіи и можетъ ли привилегія сама по себѣ быть разсматриваема иначе, чѣмъ охранный листъ собственности, въ которомъ справедливость короля не дозволяетъ отказывать истинному собственнику, на какомъ бы титулѣ онъ ни сталъ собственникомъ? Это право собственности во всѣ времена считалось неприкосновеннымъ всѣми книгопродавцами міра. Съ самаго возникновенія книгопечатанія они горько жаловались на контрафакціи; развѣ право книгопродавца на литературное произведеніе... не есть право автора на его произведеніе? а если право автора безспорно, то можно ли оспаривать и право книгопродавца? Развѣ цедентъ можетъ имѣть больше права, чѣмъ цессіонарій и развѣ цессіонарій, представляющій автора, не можетъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что ему уступлено?

«Жалуемая королемъ привилегія есть актъ покровительства, одобреніе есть актъ полицейскій; ни то, ни другое не можетъ измѣнить природу собственности.

«До введенія привилегій власть никогда не претендовала ни на какое другое право на произведенія ума, кромѣ надзора. Слѣдовательно литераторы остались и послѣ введенія привилегій собственниками ихъ рукописей, какъ и до этого учрежде-

нія?»... Но на всѣ эти доводы и выводы Сегье отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: «Правда, что всякій авторъ есть собственникъ своего сочиненія, но онъ есть собственникъ только своей рукописи,а если онъ ее даритъ или продаетъ, то не имѣетъ уже на нее никакой реальной собственности; за нимъ остается лишь заслуга, что онъ ея творецъ».... И книгопродавецъ не имѣетъ другой собственности кромѣ той, которую передалъ ему авторъ; но у него она не такъ полна, какъ у автора, потому что этотъ послѣдній создалъ сочиненіе; это неотъемлемое качество автора даетъ ему право воспроизвести свое сочиненіе, если рукопись утратится или сгоритъ; наоборотъ типографщикъ имѣетъ право быть владѣльцемъ только купленной имъ рукописи; онъ совершилъ мѣну и съ передачею договоръ завершонъ».

Онъ кромѣ того, подобно автору, имѣетъ еще право собственности на отпечатанные экземпляры. «Но спрашивается, чѣмъ становится собственность на сочиненіе съ того момента, какъ оно, будучи отпечатано, перешло къ публикѣ путемъ продажи его экземпляровъ? Развѣ нельзя сказать, что авторъ можетъ претендовать съ этого времени только на цѣну рукописи и на свое неизгладимое и безспорное качество автора? Развѣ нельзя также сказать, что книгопродавецъ не можетъ требовать ничего болѣе, какъ только цѣну экземпляровъ изданнаго имъ сочиненія, которое онъ можетъ перепечатывать въ предѣлахъ срока своей привилегіи? Развѣ отсюда не слѣдуетъ, что собственность на сочиненіе исчезаетъ послѣ отпечатанія? И въ самомъ дѣлѣ всякая изданная книга становится книгой публичной; древняя она или новая, это безразлично; книга, привилегія на которую истекла, становится древнею; собственность прекращается съ привилегіей, и авторъ, какъ и типографщикъ одинаково отказываются отъ всякой исключительной собственности путемъ размноженія копій, будетъ ли оно произведено руками или печатнымъ станкомъ».

Продолжая развивать въ томъ же смыслѣ эту очевидно несостоятельную доктрину, строя софизмъ на софизмѣ, Сегье

въ заключеніе, какъ бы косвеннымъ образомъ, сознается въ непрочности и неубѣдительности своихъ доводовъ. «Мы не можемъ однако скрыть отъ васъ, говоритъ онъ, что обычай пересилилъ; безпристрастіе нашей профессіи обязываетъ насъ сознаться, что переходъ собственности изъ рукъ автора въ руки издателя признается, по меньшей мѣрѣ, съ средины послѣдняго столѣтія. Вслѣдствіе этой признанной собственности рукописи стали предметомъ коммерческаго оборота подобно землѣ, рентѣ и дому; онѣ переходили отъ отцовъ къ дѣтямъ вмѣстѣ съ привилегіею, какъ приращеніемъ рукописей; онѣ давались въ приданое, продавались, уступались, переносились... Большая часть изъ тѣхъ, кои предались этой коммерціи, постоянно думали, что конечный срокъ привилегіи не можетъ быть тѣмъ же для собственности: они соглашаются, что король можетъ отказать въ возобновленіи привилегіи, такъ какъ это дѣло чисто государственной полиціи,... но они въ то же время утверждаютъ..., что онъ не лишитъ собственника рукописи, какъ представителя автора, принадлежащей ему по праву милости съ тѣмъ, чтобы даровать ее другому, требующему ея только потому, что онъ книгопродавецъ или типографщикъ, ибо это значило бы раздробить собственность, которая прекращается съ того момента, какъ перестаетъ быть полною» [39]).

Едва-ли нужно еще доказывать, что доводы Сегье противъ литературной собственности сами себя уничтожаютъ своимъ очевиднымъ противорѣчіемъ. Если съ момента обнародованія сочиненія оно дѣлается общимъ достояніемъ, то на какомъ же основаніи Сегье оставляетъ сочиненіе въ вѣчной собственности автора и его потомства? Развѣ обнародованіе перестаетъ быть обнародованіемъ, когда его предпринимаетъ авторъ, а не издатель? Трудно даже предположить, чтобы самъ Сегье былъ убѣжденъ въ безпрочности той доктрины, защиту которой онъ принялъ на себя предъ

[39]) См. обо всемъ этомъ тамъ же, стр. 463—596 и *Renouard* стр. 181—189

парламентомъ; только официальное положеніе вынудило его явиться поборникомъ злоупотребленій нѣкоторыхъ правительственныхъ органовъ, злоупотребленій, вылившихся въ форму злополучныхъ шести arrêts и опиравшихся на ложной во всѣхъ отношеніяхъ доктринѣ. Къ такому заключенію приводитъ то обстоятельство, что во всей своей длинной рѣчи, которую онъ произносилъ почти три дня, онъ ни однимъ словомъ не проявилъ своей симпатіи къ означеннымъ arrêts, и только въ концѣ, чтобы хоть внѣшнимъ образомъ выполнить свою обязанность защитника правительственныхъ мѣропріятій, онъ рискнулъ прибѣгнуть къ той софистической аргументаціи, образчикъ которой приведенъ нами выше.

Несмотря однако на пассивную оппозицію общества, на явное неодобреніе самихъ правительственныхъ учрежденій, на отчаянныя вопли въ концъ раззоренныхъ книгопродавцевъ, на доказанныя фальшъ и ложь мотивовъ, на явную несообразность отдѣльныхъ постановленій съ здравыми началами науки права и логики, новые законы оставались въ силѣ и въ ихъ неприкосновенномъ видѣ просуществовали до революціи [40]), которая, разрушая наиболѣе выдающіяся вершины общественнаго зданія, сохранила для будущаго поколѣнія много изъ его прежнихъ основъ и корней.

---

[40]) Къ числу панегиристовъ этихъ arrêts слѣдуетъ отнести писателя позваго времени *Etienne Blanc*, Traité de la contrefaçon en tous genres et de sa poursuite en justice, Paris 1855, стр. 3—7. Сравнительно съ прежними законами онъ считаетъ ихъ болѣе однообразными и дѣйствительными, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе полными, либеральными и болѣе благопріятными для авторовъ, чѣмъ нынѣ дѣйствующее законодательство о томъ же предметѣ; „ибо тогда не думали, что литературная собственность менѣе неприкосновенна, менѣе важна, чѣмъ остальные виды собственности“. Но *Blanc* очевидно упустилъ изъ виду, что тѣ же законы торжественно объявили эту собственность не болѣе, какъ милостью короля, чего не было сдѣлано по отношенію къ остальнымъ видамъ частной собственности, что они отняли у автора право распоряжаться своею собственностью, какъ ему вздумается, сильно ограничивъ срокъ пользованія ею для цессіонаріевъ автора и т. д.

Переходя затѣмъ къ положенію литературной собственности въ разсматриваемый періодъ въ *Англіи*, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что тамъ повторилось тоже явленіе, которое мы видѣли въ Германіи и Франціи. Первоначально при введеніи книгопечатанія, т. е. съ 1474 года, литературная собственность не пользовалась тамъ никакою судебною защитой: всякій могъ свободно печатать и перепечатывать все, что ему вздумается. Послѣдствіемъ такого положенія вещей было, какъ и въ другихъ мѣстахъ, безнаказанное господство контрафакціи, а слѣдовательно, и ненадежность сбыта издававшихся книгъ. Чтобъ оградить свои интересы, издатели, по примѣру другихъ странъ, прибѣгали къ защитѣ и покровительству центральной власти и получали отъ нея привилегію на такой срокъ, въ какой, по приблизительному разсчету, изданіе могло окупиться и доставить справедливыя проценты на затраченный капиталъ и вознагражденіе за рискъ. Древнѣйшую изъ такихъ привилегій относятъ къ 1518 году. Она выдана была Ричарду Пайсону, королевскому типографщику, на памфлетъ подъ заглавіемъ: Oratio Richardi Pacci in pace nuperrime composita. Impressa Londini, anno Verbi incarnat. MDXVIII, idibus novembris, per Richardum Pynson, regium impressorem, cum privilegio a rege indulto, ne quis hanc orationem intra biennium in regno Angliae imprimat, aut alibi impressam aut importalam in eodem regne Angliae vendat.

Въ царствованіе Генриха VIII такихъ привилегій выдано было довольно много на сроки отъ шести до семи лѣтъ, по преимущественно типографщикамъ, которые, кромѣ печатанія книгъ, занимались еще ихъ изданіемъ. Иногда привилегію получали и сами авторы, но не въ качествѣ писателей, охранявшихъ свою неотъемлемую собственность, а въ качествѣ простыхъ издателей, а потому къ нимъ примѣнялось тоже мѣрило, что и къ типографщикамъ. Такъ, въ 1530 году нѣкто Iehan Palsgraves, выходецъ изъ Франціи, получилъ семилѣтнюю привилегію на составленную имъ грамматику, озаглавленную *Esclarcissement de la lan-*

gne françoyse. Въ этой привилегіи указанная грамматика названа «хорошимъ и необходимымъ руководствомъ», на которое потрачено много труда и времени и *много расходовъ*, въ виду чего король «великодушно и благосклонно» жалуетъ автору ея право исключительнаго изданія и продажи въ теченіе семи лѣтъ.

Но вскорѣ правительство, въ началѣ не предвидѣвшее могущественнаго дѣйствія печатнаго слова, на самомъ дѣлѣ убѣдилось въ его силѣ и стало изыскивать средства къ ограниченію безусловной свободы печатанія. Мѣры, принятыя имъ въ этомъ направленіи, косвеннымъ образомъ и помимо воли правительства содѣйствовали признанію и упроченію литературной собственности, о которой дотолѣ вовсе не было рѣчи. Въ царствованіе Филиппа и Маріи правительство испугалось появленія значительнаго количества «лживыхъ и дерзкихъ книгъ, балладъ, стиховъ и другихъ гнусныхъ трактатовъ на англійскомъ языкѣ, столько же еретическихъ, сколько возмутительныхъ», и чтобы пресѣчь ихъ дальнѣйшее распространеніе, рѣшилось соединить типографщиковъ въ одну корпорацію, въ видахъ облегченія надзора за ними и обезпеченія ихъ отвѣтственности. Вслѣдствіе этого патентомъ 4 мая 1566 года учреждена была община *стаціонеровъ*, существующая доселѣ и состоящая изъ типографщиковъ, книгопродавцевъ, продавцевъ бумаги и переписчиковъ. Ей предоставлено было издавать для себя уставъ съ тѣмъ, чтобы во всей Англіи книгопечатаніемъ занимались только ея члены. Сплоченные въ одну корпорацію съ такими широкими полномочіями, типографщики естественно, прежде всего, позаботились объ устраненіи внутренней и внѣшней конкуренціи, дотолѣ парализовавшей всякій духъ предпріимчивости въ дѣлѣ изданія книгъ. Вотъ почему уже въ первые годы своего существованія корпорація издала уставъ, по которому всякій, желающій напечатать книгу, обязанъ былъ внести ее въ списки корпораціи и платить за это внесеніе извѣстную сумму, т. е. какъ бы купить дозволеніе печатать. За несоблю-

деніе этого правила или *за напечатаніе книги, принадлежащей собрату*, виновный присуждался къ штрафу въ пользу названной корпораціи.

Королева Елисавета нашла эти стѣсненія недостаточными для достиженія цѣли охраненія общественнаго спокойствія отъ злоупотребленія печатнымъ словомъ. А потому постановила за правило, что ни одна книга или листокъ на какомъ бы то ни было языкѣ не должны появляться въ печати безъ предварительнаго письменнаго разрѣшенія самой королевы или шести членовъ частнаго королевскаго совѣта. А въ 1586 году она въ тѣхъ же видахъ сократила число выдававшихся привилегій и разрѣшила печатаніе книгъ только въ сити Лондона, въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. При Карлѣ I стѣсненія эти пошли еще далѣе и декретомъ 11 іюля 1637 года число типографщиковъ ограничено было двадцатью.

Всѣ эти мѣры, хотя и направлены были главнымъ образомъ къ полному подавленію свободы печати, но за то въ сильной степени содѣйствовали монополіи изданія и продажи книгъ, съ этихъ поръ сосредоточившейся въ рукахъ стаціонеровъ. Такъ какъ эта монополія ставила книгопечатаніе въ полную зависимость отъ правительства, то это послѣднее всячески ей покровительствовало, а потому подъ страхомъ конфискаціи и произвольнаго штрафа, запрещенъ былъ ввозъ изъ заграницы такихъ книгъ, собственность на которыя принадлежала стаціонерамъ.

Обезпеченные такимъ образомъ, типографщики стали удѣлять извѣстную сумму самимъ авторомъ; это вознагражденіе, въ которомъ впервые начало проявляться признаніе литературной собственности, росло по мѣрѣ возрастанія выгодъ отъ изданія книгъ. Но лишь только царедворцы замѣтили выгоды этой монополіи, какъ поспѣшили прибрать ее къ своимъ рукамъ. Вслѣдствіе того одинъ изъ нихъ получилъ исключительное право печатанія книгъ юридическаго содержанія, другой такое же право на азбуки и

катехизисы, третій на алманахи и оракулы, четвертый на ноты.

Когда въ Англіи разыгралась революція, то поднятъ былъ вопросъ и объ освобожденіи книгопечатанія отъ всѣхъ прежнихъ стѣсненій и объ отмѣнѣ литературной собственности; но рядъ министровъ противились этой мѣрѣ, доказывая, что станціонеры уплатили за рукописи напечатанныхъ ими книгъ значительныя суммы, а потому справедливость требуетъ оставить за ними право собственности на эти книги; что въ противномъ случаѣ писатели лишены будутъ всякаго вознагражденія за свои старанія и труды, и что наконецъ дозволеніе ввоза книгъ изъ за-границы и перепечатки ихъ въ ущербъ заинтересованнымъ приведетъ къ распространенію плохихъ изданій, совершенно обезкуражитъ людей образованныхъ и будетъ весьма вредно для науки. Эти доводы оказались настолько сильными, что 14 іюня 1643 года парламентъ издалъ законъ, коимъ возстановлялась обязанность, согласно прежнему обычаю, вносить въ списки корпораціи стаціонеровъ всѣ книги, подлежащія изданію, равно какъ и подъ страхомъ конфискаціи въ пользу издателя и произвольнаго наказанія запрещалось печатать какое бы то ни было сочиненіе безъ согласія собственника. Сверхъ тото назначены были коммисары (wardens) для розысканія и ареста контрафактныхъ изданій и уничтоженія служившихъ послѣднимъ печатныхъ станковъ; виновные въ контрафакціи подлежали суду одной изъ двухъ палатъ парламента и подвергались жестокимъ наказаніямъ. Законъ, изданный въ 1671 году 8-го ноября при Карлѣ II и названный licensingact, еще болѣе упрочилъ права и полномочія стаціонеровъ. Законъ этотъ, дважды подтвержденный въ слѣдующія два царствованія, былъ отмѣненъ лишь въ 1692 году, главнымъ образомъ потому, что монополія стаціонеровъ приняла политическій характеръ; эти привилегированные типографщики забрали книжное дѣло въ свои руки настолько, что даже палаты парламента помимо нихъ не могли ничего печатать. Опираясь на по-

кровительство правительства, они явились главнымъ орудіемъ подавленія свободы печатнаго слова и дали себя почувствовать не только обществу, но даже и такой сильной власти, какъ парламентъ [41]).

Но отмѣнивъ означенный законъ, парламентъ ничего не далъ въ замѣнъ его и такимъ образомъ открылъ литературную собственность всякаго рода посягательствомъ, преимущественно же контрафактной конкурренціи. Вслѣдствіе того два года спустя, именно въ 1694 году, типографщики въ своемъ общемъ собраніи выработали новый уставъ, повторявшій постановленія устава 1671 года, и согласно прежнему закону, изданному въ 19-мъ году царствованія Генриха VII, представили этотъ уставъ на утвержденіе лорда канцлера и великихъ судей. «Принимая во вниманіе, говоритъ уставъ, что большая часть имущества различныхъ членовъ корпораціи употреблена ими на сочиненія (copies), надлежащимъ образомъ занесенныя въ списки общины, что по исконному обычаю эти сочиненія всегда считались собственностью тѣхъ членовъ общины, кои вписали ихъ въ списки, и что ихъ постоянно продавали и уступали по другимъ договорамъ, какъ собственность, что дѣтямъ оставляли ихъ въ наслѣдство, женамъ въ качествѣ легатовъ, что только покупатели или наслѣдники этихъ сочиненій должны имѣть право печатать ихъ, симъ предписывается, что ради соблюденія исконнаго обычая, коему угрожаютъ люди злонамѣренные, и для предупрежденія злоупотребленій въ торговлѣ, всякій кто въ противность ему будетъ печатать, продавать, переплетать, брошюровать или выставлять для продажи книгу, надлежащимъ образомъ записанную въ списки, будетъ подвергаемъ штрафу въ 12 пенн за каждый экземпляръ или часть экземпляра».

Но уставъ этотъ не имѣлъ желаннаго дѣйствія и пи-

---

[41]) См. обо всемъ этомъ *Laboulaye.* Etudes sur la propriété litteraire en France et en Angleterre. Paris 1858 стр. 6—15. *Harum* в. н. с., стран. 7, прим. 1,

сколько не остановилъ контрафактной фабрикаціи книгъ. А потому корпорація стаціонеровъ три раза, именно въ 1703, 1706 и 1709 годахъ обращалась къ парламенту съ петиціями, въ коихъ просила оградить ей спокойное пользованіе своею собственностью, назначивъ нарушителямъ послѣдней болѣе тяжкія наказанія, сравнительно съ наказаніями вышеупомянутаго устава. При этомъ она указывала, что когда авторъ уступаетъ свою рукопись одному изъ членовъ корпораціи, то послѣдній получаетъ на нее справедливую и законную собственность, что эти члены уплатили за сочиненіе наличными деньгами и обезпечили ихъ за своими женами въ качествѣ вдовьей части при вступленіи въ бракъ или оставили ихъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдство; что въ данный моментъ есть много женъ и сиротъ, у которыхъ нѣтъ другихъ средствъ къ существованію, и что право изданія этихъ сочиненій стоило ихъ владѣльцамъ, по меньшей мѣрѣ, 50,000 фунтовъ стерлинговъ, не говоря уже о расходахъ на печатаніе и бумагу. Они утверждали далѣе, что согласно обычаю (common law) и здравому смыслу эта собственность обладаетъ такою же природой, какъ собственность на домъ и всякую иную вещь, что наконецъ, если собственники рукописи не будутъ обладать исключительнымъ правомъ печатать ее, то книгопродавцы откажутся издавать хорошія книги, и что сомнительность законной привилегіи обратится въ величайшій вредъ наукѣ и литературѣ».

«Только актъ парламента, сказано въ одной изъ петицій, можетъ положить предѣлъ нарушенію стариннаго и разумнаго обычая. Въ силу common law, книгопродавецъ не можетъ получить бо̀льшаго вознагражденія чѣмъ доказанный ущербъ, но доказать десятую, а быть можетъ, даже двадцатую часть понесеннаго имъ убытка ему трудно, ибо какая-нибудь тысяча контрафактныхъ экземпляровъ могутъ разойдтись во всемъ государствѣ по разнымъ рукамъ, и ему удастся доказать продажу десяти. Кромѣ того контрафакторъ почти всегда бѣденъ, и истецъ теряетъ судебныя издержки. Ни одно зажиточное лицо не станетъ заниматься

этимъ промысломъ. Слѣдовательно обычай предоставляетъ одно лишъ средство привлеченія нищаго къ королевской скамьѣ, онъ но не мѣшаетъ ему безнаказанно заниматься своимъ ремесломъ. А потому мы просимъ, чтобы конфискація контрафактныхъ экземпляровъ была лишь однимъ изъ наказаній контрафакторовъ».

Чтобы удовлетворить этимъ справедливымъ просьбамъ; Уартлей (Wortley) 11 января 1709 года предложилъ въ палатѣ общинъ *биль для поощренія наукъ и для обезпеченія права собственности на книги ихъ законнымъ обладателямъ.* Биль этотъ, принятый въ 1710 году, фигурируетъ между остальными статутами какъ девятнадцатый законъ, изданный въ восьмой годъ царствованія королевы Анны (8 Anne, c. 19).

«Принимая во вниманіе, сказано тамъ, что типографщики, книгопродавцы и другія лица въ послѣднее время присвоили себѣ право печатать, перепечатывать и издавать книги и другія сочиненія безъ согласія авторовъ или собственниковъ сказанныхъ книгъ и сочиненій, къ величайшему вреду этихъ собственниковъ и весьма часто къ полному раззоренію ихъ послѣднихъ и ихъ семействъ; что необходимо предупредить подобныя злоупотребленія и поощрить людей образованныхъ къ составленію и писанію книгъ; симъ постановляется:

«Что авторы или цессіонаріи всякой книги, изданной послѣ 10 апрѣля 1710 года, будутъ имѣть исключительное право печатать и продавать ее въ теченіе четырнадцати лѣтъ, считая со дня изданія, причемъ срокъ этотъ можетъ быть продолженъ еще на четырнадцать лѣтъ, если авторъ при истеченіи перваго срока будетъ находиться еще въ живыхъ.

«Кто въ теченіе означеннаго періода напечатаетъ книгу безъ согласія собственника, будетъ подвергнутъ конфискаціи контрафактныхъ книгъ и штрафу по одному пени за всякій листъ; половина этого штрафа будетъ поступать въ

пользу ея величества, а другая половина въ пользу доносчика».

Лицамъ, книги коихъ напечатаны до изданія этого закона, предоставлялось исключительное право перепечатки въ теченіи 21 года. Но этою защитою могли пользоваться только книги, правильно занесенныя въ списки корпораціи, каковое вписываніе со взиманіемъ десяти пенн за него возлагалось на секретаря корпораціи, а въ случаѣ его отказа объявленіе въ газетѣ должно быть равносильно означенному внесенію. Всякій искъ по поводу контрафакціи долженъ быть вчинаемъ не позже трехъ мѣсяцевъ по ея обнаруженіи.

На случай, еслибы книги стали продаваться по крайне высокимъ цѣнамъ, лорду архіепископу Кентрберійскому, лорду хранителю большой печати, лорду епископу лондонскому, лордамъ великимъ судьямъ королевской скамьи и общихъ тяжбъ, лорду начальнику шахматной палаты, вице-канцлерамъ двухъ университетовъ предоставлялось право принимать жалобы на этотъ предметъ и каждый изъ нихъ могъ установлять цѣну книгамъ, угрожая штрафомъ въ пять фунтовъ стерлинговъ всякому ослушнику этого распоряженія. Это право назначенія таксы на книги продержалось въ Англіи до Георга II [42]).

Такимъ образомъ привилегіи, первоначально выдававшіяся непосредственно королевскою властью на неопредѣленный срокъ, впослѣдствіи измѣнили свой характеръ; право выдачи ихъ перешло къ корпораціи стаціонеровъ, причемъ полученіе королевскихъ граматъ замѣнено было простою записью въ реестрахъ этой общины; срокъ дѣйствія этой записки вовсе не былъ опредѣленъ, а слѣдовательно, она должна была имѣть силу на все будущее время. Но новымъ закономъ 1710 года этотъ мнимый пробѣлъ восполненъ тѣмъ, что дѣйствіе ея ограничено 14 и 24 годами со дня изданія книги. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявленіе въ газетѣ при-

---

[42]) См. *Лабулэ*, тамъ же, стр. 15—20. *Renouard*, стр. 228—239. *Клостерманъ*, в. п. . стр. 43—44.

знано равносильнымъ означенной запискѣ; слѣдовательно, новый законъ вмѣсто прежнихъ частныхъ привилегій ввелъ одну общую, которою могъ воспользоваться всякій желающій и удовлетворяющій требованіямъ означеннаго закона. Съ этого момента начинается поворотъ въ регламентаціи литературной собственности, регламентаціи, которая будетъ изложена ниже въ своемъ мѣстѣ.

Насколько позволяли имѣвшіеся у насъ подъ руками источники, мы изложили съ возможною полнотою и подробностью судьбу литературной собственности въ первые два періода, раздѣльною линіею между которыми можетъ служить введеніе книгопечатанія, а именно: мы изложили положеніе этой собственности до книгопечатанія и положеніе ея по введеніи этого благодѣтельнаго изобрѣтенія до начала правильной регламентаціи авторскаго права. Мы особенно долго останавливались на привилегіяхъ, какъ на такомъ историческомъ обстоятельствѣ, которое оказало наибольшее вліяніе на неопредѣленное положеніе литературной собственности въ современныхъ намъ положительныхъ законодательствахъ. Мы старались выяснить, что срочность этого права, замѣчаемая нынѣ повсемѣстно, не вытекаетъ изъ его существа, изъ его главнѣйшихъ свойствъ, а есть лишь результатъ неблагопріятно сложившихся для него историческихъ обстоятельствъ, что вѣчность и неограниченность этого права постоянно сознавались и авторами и издателями, но что съ одной стороны отсутствіе юридическихъ на этотъ счетъ опредѣленій, а съ другой узурпаторскія притязанія центральныхъ властей, для которыхъ при недостаточно еще окрѣпшемъ государственномъ организмѣ весьма важно было держать интеллектуальную жизнь народа въ своей полной зависимости, обусловили собою то междуполое положеніе, въ которомъ право это является нынѣ. Теперь мы изложимъ вкратцѣ историческое движеніе регламентаціи нашего института въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ. Слѣдуя принятому выше порядку, мы остановимся сначала на Германіи и ея важнѣйшихъ состав-

ныхъ членахъ, затѣмъ перейдемъ къ Франціи, Англіи и Австріи, какъ къ однимъ изъ наиболѣе выдающихся въ культурномъ отношеніи государствамъ, и въ заключеніе скажемъ о Россіи, гдѣ занимающій насъ вопросъ, въ силу особыхъ историческихъ обстоятельствъ, не получилъ самостоятельнаго развитія, а явился съ тѣмъ готовымъ отвѣтомъ, который дала на него западная Европа.

Германія, при своемъ одноплеменномъ и высоко развитомъ въ интеллектуальномъ отношеніи населеніи, состояла изъ мелкихъ государствъ съ своими особыми самостоятельными кодексами, во многихъ вопросахъ, а въ томъ числѣ и въ вопросѣ о литературной собственности, слѣдовавшими своеобразной политикѣ, а потому весьма несходными между собою. Тѣмъ не менѣе нѣмецкій народъ, связанный единствомъ крови и языка, никогда не терялъ сознанія этого единства, и разбитый на отдѣльныя политическія единицы, не переставалъ жить и работать какъ одна семья. Отдѣльныя германскія государства, преслѣдуя одинаковыя научныя и другія интеллектуальныя цѣли, находясь между собою въ постоянныхъ и тѣсныхъ интеллектуальныхъ отношеніяхъ, связанныя крайней близостью своихъ географическихъ границъ и составляя вслѣдствіе того какъ бы одну нераздѣльную территорію, тяготились своею политическою разрозненностью и постоянно стремились слиться какъ въ политическомъ, такъ и въ кодификаціонномъ отношеніи. Этого давно и страстно желаннаго сліянія удалось добиться лишь въ наши дни цѣною цѣлыхъ потоковъ германской крови; только теперь осуществляется завѣтная мечта нѣмцевъ имѣть одинъ германскій уголовный и гражданскій кодексъ, только теперь и вопросъ о литературной собственности получилъ одинаковое разрѣшеніе для всего Сѣверо-Германскаго союза.

До этого момента происходили лишь отдѣльныя слабыя попытки къ сліянію, которыя по большей части не увѣнчивались никакимъ успѣхомъ; приблизительнаго однообразія законоположеній о литературной собственности удалось

достигнуть лишь чрезъ посредство частныхъ международныхъ соглашеній отдѣльныхъ германскихъ государствъ между собою, при чемъ инициатива постоянно принадлежала Пруссіи. По настоянію той же Пруссіи, еще Леопольдъ II, германскій императоръ, въ 1790 году въ избирательной капитуляціи (ст. 7 § 1), и за нимъ Францъ II въ 1792 году въ такой же капитуляціи дали обѣщаніе «не оставить безъ вниманія важную книжную торговлю и отобрать мнѣніе юристовъ о томъ, можетъ ли эта отрасль коммерціи быть спасена отъ ея нынѣшняго упадка путемъ полнаго уничтоженія контрафакціи и возстановленія значенія печати». Это обѣщаніе такъ и осталось обѣщаніемъ и въ смыслѣ объединенія германскихъ законодательствъ не было ничего предпринимаемо до Вѣнскаго конгресса 1815 г., когда 82 книгопродавца подали въ Вѣнскій конгрессъ «памятную записку о контрафакціи» (отпечатанную въ Лейпцигѣ въ 1814 г.), прося ввести во всей Германіи запрещеніе послѣдней. Но и здѣсь дѣло ограничилось однимъ обѣщаніемъ. «Сеймъ, гласила 18 статья союзнаго акта 8 іюня 1815 года, въ слѣдующемъ своемъ собраніи займется выработкою однообразныхъ законовъ о свободѣ печати и объ обезпеченіи правъ писателей и издателей отъ контрафакціи». Исполненіе этого обѣщанія заставило себя слишкомъ долго ожидать, и только въ 1818 году назначена была коммиссія, выработавшая особый проектъ и представившая его на обсужденіе сейма въ 1819 году.

Но и этому проекту не суждено было стать закономъ: большинство членовъ сейма слишкомъ медлило подачею своего голоса, а меньшинство противопоставляло ему свои самостоятельные проекты. Въ виду этого Пруссія, которая уже съ 1816 года предоставляла у себя всѣмъ нѣмцамъ одинаковую защиту отъ контрафакціи, не требуя отъ остальныхъ германскихъ государствъ взаимности, настояла на томъ, что Союзный сеймъ въ сентябрѣ 1832 года сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: «Сообразно ст. 18 союзнаго акта и для огражденія правъ авторовъ, издателей и книгопро-

давцевъ отъ контрафакціи произведеній литературы и другихъ предметовъ искусства, обращающихся въ торговлѣ, государи и свободные города Германіи согласились принять за основный принципъ, что на будущее время, при примѣненіи законодательныхъ предписаній и мѣръ противъ контрафакціи, должно быть отмѣнено всякое различіе между собственными подданными даннаго союзнаго государства и подданными остальныхъ, входящихъ въ составъ Союза государствъ и при томъ взаимно и на всемъ пространствѣ Германскаго Союза, такъ что издатели и писатели одного изъ государствъ Союза должны пользоваться одинаково во всѣхъ остальныхъ его государствахъ законно установленною защитой противъ контрафакціи. Высочайшія и высокія правительства не упустятъ сдѣлать надлежащія распоряженія объ исполненіи этого постановленія; они доставятъ сейму въ двух-мѣсячный срокъ свѣдѣнія какъ объ означенныхъ распоряженіяхъ, такъ и о дѣйствующихъ у нихъ законахъ и уставахъ по отношенію къ контрафакціи».

Но и это постановленіе не уничтожило того зла, противъ котораго было направлено. Хотя оно и было обнародовано во всѣхъ германскихъ государствахъ, а Пруссія распространила его силу даже на свои негерманскія владѣнія, тѣмъ не менѣе все еще оставались государства, гдѣ по прежнему господствовала система привилегій, а слѣдовательно, контрафакція не была запрещена въ принципѣ. Въ такихъ государствахъ означенное союзное постановленіе исполнялось тѣмъ, что всѣмъ германскимъ нѣмцамъ предоставлялось одинаковое право получать привилегіи. Въ виду такого очевиднаго несоотвѣтствія практическихъ послѣдствій помянутаго постановленія въ тѣхъ и другихъ государствахъ, германскій сеймъ, собравшійся въ Вѣнѣ, постановилъ 7-го іюня 1834 года новую резолюцію, въ которой между прочимъ было сказано: «Правительства пришли къ соглашенію о томъ, чтобы контрафакція была запрещена на всемъ пространствѣ союзной области, а равно были установлены одно-

образныя начала для регулированія и огражденія литературной собственности (schriftstellerische Eigenthum)».

Первая половина этого постановленія была исполнена, и къ концу 1835 года контрафакція была запрещена во всѣхъ германскихъ государствахъ. Что же касается до второй половины, т. е. до пріисканія однообразныхъ началъ для регулированія и охраны литературной собственности, то на этотъ счетъ, въ виду разнообразія господствовавшихъ въ различныхъ государствахъ воззрѣній, полнаго соглашенія не могло быть достигнуто. Пришлось довольствоваться «установленіемъ минимума охраны, которое всѣ союзныя государства должны доставлять какъ литературной, такъ и художественной собственности». Въ этомъ смыслѣ сеймъ 9 ноября 1837 года издалъ слѣдующій законъ:

«Соединенныя правительства Германскаго Союза согласились примѣнять слѣдующія начала въ пользу литературныхъ и художественныхъ произведеній, издаваемыхъ въ предѣлахъ Союза.

«Ст. 1. Всякаго рода литературныя и художественныя произведенія, изданныя или не изданныя, не могутъ быть воспроизводимы и размножаемы механическими способами безъ согласія автора или того, кому онъ уступилъ свои права на оригиналъ.

«Ст. 2. Помянутое въ ст. 1 право автора или того, кто пріобрѣлъ собственность на литературное или художественное произведеніе, переходитъ къ его наслѣдникамъ и частнымъ преемникамъ; и, если имя издателя или собственника сочиненія обозначено на заглавномъ листѣ, то это право подлежитъ признанію и охранѣ во всѣхъ союзныхъ государствахъ по меньшей мѣрѣ въ теченіе *десяти* лѣтъ.

«Теченіе этого срока для произведеній литературы или художествъ, уже напечатанныхъ или появившихся на германской союзной территоріи въ послѣдніе двадцать лѣтъ, начинается со дня постановленія настоящей резолюціи. Относительно же будущихъ произведеній десятилѣтній срокъ долженъ считаться со дня изданія ихъ въ свѣтъ.

«Если произведенія эти продаются частями, то теченіе десятилѣтняго срока для всего сочиненія начинается только со дня изданія послѣдняго тома или выпуска, съ тѣмъ, чтобы промежутокъ времени между изданіемъ каждаго тома или выпуска не превышалъ трехъ лѣтъ.

«Ст. 3. Минимумъ означеннаго въ ст. 2-й срока подлежитъ продленію, но не свыше двадцати лѣтъ въ общей сложности, для авторовъ, издателей и собственниковъ обширныхъ произведеній наукъ и искусства, требующихъ большихъ издержекъ; что касается до тѣхъ государствъ, частное законодательство коихъ вовсе не допускаетъ двадцатилѣтней защиты противъ контрафакціи, то по этому предмету сеймъ будетъ входить въ особыя соглашенія, если заинтересованное правительство сдѣлаетъ на этотъ счетъ предложеніе, въ теченіе трехъ лѣтъ со дня изданія такого произведенія».

Далѣе идутъ постановленія, касающіяся преслѣдованія контрафакціи, и въ заключеніе вторая половина шестой статьи установляетъ время новаго обсужденія этого вопроса. «Такъ какъ большая часть государствъ Германскаго союза, сказано тамъ, высказалась въ пользу увеличенія означеннаго ст. 2-й минимума, то въ началѣ 1842 года, если обстоятельства не потребуютъ этого ранѣе, германскій сеймъ снова приступитъ къ обсужденію какъ вопроса о продленіи періода покровительства, оказываемаго союзомъ авторамъ и собственникамъ сочиненій, такъ и вопроса о вліяніи, на основаніи сдѣланнаго опыта, настоящихъ постановленій на искусства и литературу, а равно на интересы общества и процвѣтаніе торговли книгами и художественными произведеніями». Сверхъ того на особую коммиссію возлагалась обязанность представить мотивированный докладъ о предѣлахъ защиты авторовъ музыкальныхъ композицій и драматическихъ произведеній.

Затѣмъ резолюціей сейма отъ 22-го апрѣля 1841 года была установлена десятилѣтняя защита контрафакціи неизданныхъ еще драматическихъ и музыкальныхъ произве-

деній, авторы коихъ извѣстны; а 19 іюня 1845 года, по настоянію Пруссіи, сеймъ увеличилъ означенный выше минимумъ срока защиты, постановивъ, что впредь она должна имѣть мѣсто въ теченіе всей жизни автора и тридцать лѣтъ послѣ его смерти; для произведеній же анонимныхъ, псевдонимныхъ или принадлежащихъ юридическому лицу срокъ защиты долженъ обнимать тридцать лѣтъ, считая съ года изданія сочиненія. Для полученія права на эту защиту достаточно выполнить тѣ условія и формальности, которыя предписываются законами того государства, гдѣ появился оригиналъ даннаго произведенія.

Такъ какъ Германскій союзъ состоялъ изъ вполнѣ самостоятельныхъ государствъ, то постановленія сейма получали силу закона для каждаго изъ нихъ только тогда, когда ихъ правительства обнародывали эти постановленія въ предѣлахъ своего государства. Такимъ образомъ, резолюціи сейма не могутъ быть разсматриваемы, какъ источникъ дѣйствующихъ законодательствъ, а являются лишь доказательствомъ фактическаго признанія данныхъ положеній и принциповъ. Вслѣдствіе того, законодательство каждаго изъ этихъ государствъ шло своимъ отдѣльнымъ, независимымъ путемъ [43]). Въ этомъ отношеніи ниже будетъ обращено вниманіе только на два наиболѣе выдающіеся члена бывшаго Германскаго союза, а именно на Пруссію и Австрію, законодательства которыхъ имѣли огромное вліяніе на ходъ и результаты законодательныхъ работъ въ остальныхъ, болѣе мелкихъ германскихъ государствахъ.

Пруссія, послѣ Саксоніи и Нюренберга, гдѣ уже къ концу XVIII столѣтія литературная собственность пере-

---

43) См. объ историческомъ ходѣ германскаго законодательства по вопросу о литературной собственности у *Вехтера* в. н. с. стр. 21—39. *Max Friedländer*, Der einh. und ausländ. Rechtsschutz gegen Nachdruck стр. 13—17. *Клостермана*, Das geistige Eigenthum, стр. 46, 47, 51—55, его-же, Das Urheberrecht, стр. 13 и 14. *Weiske* Rechtslexikon т. IV стр. 174—177. *Реньяра*, т. I стр. 251—253, 280—282. *Harum*, в. н. с. стр. 25—27, § 14, *Eisenlohr*, Sammlung стр. 1—4. Nachtrag стр. 1—3,

стала зависѣть отъ привилегій, одна изъ первыхъ установила довольно подробныя общія правила, регулирующія гражданскую и уголовную стороны нашего института независимо отъ всякихъ привилегій.

Общее земское право Пруссіи (Das Allgemeine Landrecht für die Preussischen Staaten), изданное въ 1794 году, посвящаетъ институту литературной собственности 49 статей, изъ коихъ въ 41 статьѣ (996—1036) изложены постановленія, касающіяся гражданской стороны института, остальныя же посвящены контрафакціи. Большая часть статей перваго отдѣла занимаются регулированіемъ взаимныхъ отношеній издателя и автора; историческаго интереса они не имѣютъ, а потому и говорить о нихъ здѣсь не представляется надобности. Мы приведемъ лишь тѣ параграфы, которые относятся къ опредѣленію понятія и общаго положенія литературной собственности.

«Право изданія, говоритъ § 996 ч. 2 главы 20 разд. 15, состоитъ въ управомочіи на размноженіе сочиненія путемъ печати и исключительную продажу его на ярмаркахъ книгопродавцамъ и другимъ. Предметомъ этого права (§ 997) могутъ быть не только книги, но и ландкарты, гравюры, топографическіе рисунки и музыкальныя композиціи. Книгопродавецъ (§ 998) обыкновенно пріобрѣтаетъ право изданія только чрезъ письменный договоръ, заключенный съ авторомъ. Новыя изданія (§ 1026) заграничныхъ писателей, пишущихъ за предѣлами Германской имперіи или королевскихъ владѣній на иностранномъ языкѣ и издатели коихъ не посѣщаютъ ни франкфуртскихъ, ни лейпцигскихъ ярмарокъ, могутъ быть перепечатываемы, если издатель не получилъ на этотъ счетъ привилегіи въ Пруссіи. Буде иностранныя государства (§ 1033) разрѣшаютъ контрафакцію въ ущербъ прусскимъ издателямъ, то послѣднимъ тоже разрѣшается въ Пруссіи по отношенію къ издателямъ иностраннымъ. Впрочемъ, недозволенныя контрафактныя изданія не должны быть впускаемы въ прусскія земли подъ страхомъ конфискаціи, и неуправомоченные контрафакторы

подлежатъ всей строгости установленныхъ закономъ наказаній». Переводы разсматриваются, какъ новыя сочиненія (§ 1027). Право автора разрѣшать новыя изданія (§ 1020) не переходитъ къ его наслѣдникамъ; но если нѣтъ болѣе книгопродавцевъ, имѣющихъ право на новое изданіе книги, и право автора погасилось согласно § 1020, то каждый воленъ перепечатать такую книгу (§ 1029). Впрочемъ, если существуютъ еще дѣти автора первой степени, то новый издатель обязанъ войдти съ ними въ сдѣлку (§ 1030). Послѣднее постановленіе противорѣчитъ предыдущему на столько, что даже невозможно примирить ихъ. Содержаніе выше приведенныхъ параграфовъ доказываетъ, что Пруссія уже въ концѣ прошлаго столѣтія признала въ принципѣ необходимость защиты не только нѣмецкихъ писателей и издателей, но подъ условіемъ взаимности она защищала и чужестранныхъ, а также если они свои изданія продавали на германскихъ ярмаркахъ. Въ этомъ отношеніи она значительно опередила многія другія не только мелкія, но и крупныя государства. Въ дальнѣйшихъ своихъ законодательныхъ шагахъ на поприщѣ защиты литературной собственности Пруссія постоянно далеко оставляла за собою остальныя союзныя государства и своимъ давленіемъ и нравственнымъ вліяніемъ заставляла ихъ усвоивать болѣе разумныя начала и стремиться къ единообразію законовъ объ авторскомъ правѣ.

Начала, формулированныя въ Landrecht, получили болѣе полное и точное выраженіе въ законѣ противъ контрафакцій, обнародованномъ 11 іюня 1837 года. Законъ этотъ составленъ подъ руководствомъ знаменитаго Савиньи, бывшаго въ то время министромъ законодательства. Въ § 4 запрещается всякое частичное или полное механическое размноженіе даннаго произведенія безъ согласія автора. Наравнѣ съ контрафакціей поставлена (§ 3) перепечатка безъ согласія автора всякаго рода рукописей, списанныхъ проповѣдей и устныхъ лекцій. Означенное согласіе на перепечатку долженъ имѣть даже законный владѣлецъ на

званныхъ рукописей. Контрафакціей не считается (§ 4) цитированіе отдѣльныхъ мѣстъ чужаго сочиненія, внесеніе отдѣльныхъ статей, стихотвореній и т. д. въ критическія и историко-литературныя произведенія и въ сборники, предназначенные для употребленія въ школахъ, а равно изданіе переводовъ уже напечатанныхъ произведеній.

Что касается срока защиты, то § 5 предоставляетъ ее авторамъ сочиненій, проповѣдей и лекцій въ теченіе всей ихъ жизни, а слѣдующій § постановляетъ, что и наслѣдники автора пользуются такою же защитою въ теченіе тридцати лѣтъ. Сочиненія анонимныя и псевдонимныя (§ 7), пока авторъ ихъ не будетъ публично объявленъ въ новомъ изданіи или на новомъ заглавномъ листѣ, подлежатъ защитѣ только въ теченіе пятнадцати лѣтъ со времени появленія перваго ихъ изданія. Сочиненія, издаваемыя академіями, университетами, публичными заведеніями, учеными и другими дозволенными обществами, (§ 8) защищаются отъ контрафакціи въ теченіе тридцати лѣтъ. Причемъ для сочиненій, издающихся отдѣльными томами или выпусками, составляющими одно цѣлое, теченіе этого срока начинается со времени выхода въ свѣтъ послѣдняго тома или выпуска. Исключительное право (§ 9) можетъ быть путемъ договора уступлено другимъ.

На тотъ случай, когда въ судѣ возникаетъ сомнѣніе насчетъ размѣра вознагражденія за контрафакцію или насчетъ того, слѣдуетъ ли данное изданіе считать контрафакціей, законъ (§ 17) предписываетъ суду требовать заключенія одного изъ трехъ совѣтовъ экспертизы (Sachverständige Vereine), составъ коихъ имѣетъ быть опредѣленъ инструкціею министра внутреннихъ дѣлъ [41]). И въ заключе-

---

[41]) Такая инструкція дѣйствительно была издана 15 мая 1838 года. Ею установлялось въ каждомъ изъ трехъ совѣтовъ по 7 членовъ, считая въ томъ числѣ и предсѣдателя. На обязанности одного изъ совѣтовъ лежало разрѣшеніе вопросовъ, дѣйствительно ли въ томъ или другомъ случаѣ имѣется контрафакція и какъ великъ долженъ быть размѣръ вознагражденія за нея. Въ виду этого въ составѣ членовъ его непремѣнно должны

ніе (§ 38) постановляетъ, что «законъ этотъ распространяется на напечатанныя въ чужестранныхъ государствахъ сочиненія лишь настолько, насколько эти государства защищаютъ сочиненія, вышедшія въ Пруссіи».

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя по обнародованіи этого закона послѣдовала извѣстная уже изъ вышеизложеннаго резолюція германскаго сейма отъ 9 ноября того же года, въ основу которой легли выраженные въ означенномъ законѣ принципы. Такъ какъ резолюція эта была постановлена главнымъ образомъ по настоянію Пруссіи, то прусское правительство поспѣшило обнародовать ее не только въ своихъ германскихъ, но и негерманскихъ провинціяхъ. Обнародованіе совершено 29 ноября 1837 года. Такимъ же точно образомъ Пруссія поступила съ другою резолюціей сейма отъ 22 апрѣля 1841 года о музыкальныхъ и драматическихъ произведеніяхъ, обнародованною въ прусскихъ владѣніяхъ 6 ноября 1841 года, а равно и съ резолюціей отъ 19 іюня 1845 года объ увеличеніи минимума защиты отъ контрафакціи. Она обнародована была 16 января 1846 года. Законъ этотъ съ нѣкоторыми, сдѣланными къ нему дополненіями просуществовалъ вплоть до 1870 года, когда для всего Сѣверо-Германскаго Союза изданъ былъ чрезвычайно важный и замѣчательно ясный и полный законъ, о которомъ мы будемъ имѣть случай неоднократно упоминать въ догматической части настоящаго изслѣдованія. Онъ изданъ былъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Пунктъ 6 статьи 4 конституціи Сѣверо-Германскаго Союза, изданной 26 іюня 1867 года, возложилъ защиту

были находиться, по меньшей мѣрѣ, два книгопродавца и притомъ занимающіеся исключительно оптовою торговлею, и отнюдь не менѣе двухъ писателей. Второй совѣтъ назначался для произведеній музыкальныхъ, а третій для произведеній художествъ и искусствъ. Въ инструкціи, сверхъ того, содержатся подробныя правила дѣлопроизводства во всѣхъ означенныхъ совѣтахъ. Въ дополненіе и разъясненіе къ ней 25 февраля 1842 г. издана была новая инструкція, въ которой между прочимъ съ большею противъ прежняго полнотою излагаются взаимныя отношенія суда и совѣтовъ.

литературной собственности на союзное законодательство, желая тѣмъ самымъ внести единство въ разнообразіе юридическихъ нормъ для авторскихъ правъ, продолжавшее еще существовать въ различныхъ германскихъ государствахъ. По резолюціи союзнаго совѣта отъ 10 іюня 1868 года дѣло это возложено было на покойнаго профессора Кюна (Kühn), выработавшаго дѣйствительно особый проектъ, въ основаніе котораго положенъ былъ первый проектъ биржеваго общества нѣмецкихъ книгопродавцевъ [45]). Для разсмотрѣнія этого проекта назначена была коммиссія изъ представителей академіи наукъ, биржеваго общества нѣмецкихъ книгопродавцевъ, совѣтовъ литературной, артистической и музыкальной экспертизы въ Пруссіи и нѣкоторыхъ другихъ обществъ писателей и художниковъ. Кромѣ того биржевое общество нѣмецкихъ книгопродавцевъ представило объ этомъ сообщенномъ ему проектѣ мнѣніе особой коммиссіи изъ книгопродавцевъ и юристовъ. Вслѣдъ за тѣмъ союзный совѣтъ поручилъ Отто Дамбаху редактировать этотъ проектъ, соображаясь съ сдѣланными противъ него замѣчаніями. По окончаніи этой работы результатъ ея въ качествѣ проекта закона объ авторскомъ правѣ на сочиненія, снимки, музыкальныя композиціи и художественныя произведенія, представленъ былъ союзному совѣту, который 4 февраля 1870 года принялъ его съ нѣкоторыми ничтожными измѣненіями. Отсюда онъ перешелъ въ сѣверо-германскій сеймъ (plenum), гдѣ, будучи вновь пересмотрѣнъ и кое въ чемъ исправленъ и выдержавъ троекратное чтеніе, обнародованъ 11 іюня

[45]) Проектъ этотъ былъ выработанъ особою коммиссіею, назначенною для того 16 іюля 1863 года германскимъ сеймомъ, и представленъ на обсужденіе послѣдняго въ маѣ 1864 года; этой же коммиссіи переданы были два дотолѣ составленные проекта: одинъ, предложенный сейму въ январѣ 1862 года саксонскимъ правительствомъ по ходатайству биржеваго общества нѣмецкихъ книгопродавцевъ, а другой, предложенный австрійскимъ правительствомъ въ мартѣ 1862 года и такого же содержанія. Въ названной коммиссіи принимали участіе наиболѣе извѣстные писатели по нашему институту, а именно: Гейдеманъ, Гиншіусъ, Рене, Эйзенлоръ, Іолли, Фолькманъ и Вехтеръ.

1870 года въ качествѣ закона объ авторскомъ правѣ на сочиненія, снимки, музыкальныя композиціи и драматическія произведенія, а 1 января 1871 года вступилъ въ силу для всего Сѣверо-Германскаго Союза [46]).

Весь законъ распадается на 62 параграфа и регулируетъ какъ матеріальную, такъ и процессуальную стороны литературной собственности. Впрочемъ многіе параграфы суть лишь дословное повтореніе прежнихъ прусскихъ законовъ. На первомъ планѣ слѣдуетъ рядъ юридическихъ нормъ о литературной собственности (42 параграфа); затѣмъ идутъ постановленія о географическихъ, топографическихъ, естествоиспытательныхъ, архитектурныхъ, техническихъ и т. п. снимкахъ (два параграфа); далѣе постановленія о музыкальныхъ композиціяхъ (пять параграфовъ), и наконецъ правила о публичномъ представленіи драматическихъ, музыкальныхъ и музыкально-драматическихъ произведеній (семь параграфовъ), въ заключеніе изложены постановленія общія. Этимъ закономъ удовлетворяются давнишнія завѣтныя желанія нѣмцевъ имѣть у себя во всей Германіи однообразное законодательство и относительно литературной собственности.

---

[46]) Объ историческомъ ходѣ кодификаціонныхъ работъ въ Пруссіи по поводу литературной собственности см. въ особенности *Клостермана*, Das Urheberrecht, стр. 14—21, *его же* Das geistige Eigenthum, стр. 48, 49, 55, *Heydemann*, Sammlung der Gutachten des Königlichen preussischen Literarischen Sachverständigen Vereins. Berlin, 1848, Anhang, стр. 282—306. Ср. также *Вехтера*, Das Verlagsrecht, стр. 16 17, 41 и 42, *Ренуара*, стр. 263—275. *Eisenlehr*, Sammlung, т. I, стр. 51—64. Исторію закона 1870 года см. у *Dambach*, Die Gestzgebung des Norddeutschen Bundes, betreffend das Urheberrecht. Berlin, 1871, стр. 2—9. Самъ Дамбахъ объясняетъ, что, редактируя этотъ законъ, онъ имѣлъ въ виду удержать изъ прежняго законодательства все, что было возможно, устраняя за тѣмъ господствовавшій дотолѣ разладъ въ кодексахъ отдѣльныхъ государствъ, развивая принятыя во всей Германіи основы умственной собственности и разрѣшая спорные въ практикѣ вопросы. Ср. также *Клостермана* Das geist. Eigen. Anhang стр. 1—6, гдѣ перечисляются всѣ произведенныя этимъ закономъ нововведенія и измѣненія.

Австрія [47]) отказалась отъ системы привилегій еще въ 1781 г. Декретъ, изданный 13 января того же года даетъ полную защиту отъ контрафакціи всякому туземному писателю или его управомоченному издателю, предоставляя въ то же время неограниченную свободу перепечатки чужестранныхъ книгъ. Декретами отъ 2 мая 1782 г., 7 февраля 1794 г. и 15 февраля 1794 г. законъ этотъ распространенъ былъ на граверовъ и писателей Венгріи, причемъ сочиненія послѣднихъ, а равно венгерскія гравюры запрещено было перепечатывать безъ согласія авторовъ какъ въ австронѣмецкихъ наслѣдныхъ земляхъ, такъ и наоборотъ. Постановленія эти 14 апрѣля того же года распространены были на Седмиградію. Затѣмъ запрещеніе контрафакціи снова повторено было въ уставѣ книжной торговли 18 марта 1806 г. § 17 и въ цензурномъ законѣ 10 сентября 1810 г. § 18. Австрійское гражданское уложеніе, обнародованное 1 января 1811 года, вошедшее въ законную силу 1 января 1812 г. и дѣйствующее доселѣ, относитъ литературную собственность къ отдѣлу правъ лица на вещи и постановленія о ней помѣщаетъ во второмъ раздѣлѣ второй части, въ главѣ XXVI, названной: *о возмездныхъ договорахъ найма услугъ*. Согласно этому оно регулируетъ лишь различныя договорныя отношенія, возникающія между авторомъ и издателемъ. Далѣе въ 1825 году 20 августа былъ изданъ дополнительный законъ къ вышеназваннымъ декретамъ XVIII столѣтія; закономъ этимъ запрещена контрафактная перепечатка не только при помощи набора, но и при помощи литографіи.

Особенною полнотой и обстоятельностью изложенія отличается законъ о литературной собственности отъ 19 октября 1846 года. Мы приведемъ изъ него лишь тѣ постановленія, которыя прямо относятся къ гражданской сторонѣ нашего института.

Произведенія литературы и искусствъ, говоритъ § 1, со-

---

[47]) См. *Гарума* в. п. с., стр. 23 и сл., *Ренуара* в. п. с, стр. 262 и 263, *Eisenlohr* Sammlung, стр. 40—50, Nachtrag, стр. 23—26.

ставляютъ собственность ихъ автора, т. е. того, кто первоначально ихъ составилъ или изготовилъ. Авторами, насколько тому не препятствуютъ особые договоры, считаются также: a) заказчикъ сочиненія, обработаннаго и выполненнаго по данному плану и изданнаго насчетъ заказчика. b) Издатель или предприниматель даннаго произведенія, составленнаго изъ самостоятельныхъ статей нѣсколькихъ сотрудниковъ, и c) издатель анонимнаго или псевдонимнаго произведенія.

«Автору литературнаго или художественнаго произведенія (§ 2) принадлежитъ, подъ установленными симъ закономъ условіями, исключительное право распоряжаться своимъ произведеніемъ по своему произволу и размножать и издавать его въ любомъ видѣ. Право это можетъ быть уступлено другому всецѣло или частью.

«§ 3. Каждое механическое размноженіе изданнаго съ соблюденіемъ законныхъ условій и формальностей литературнаго произведенія, предпринятое безъ согласія автора или его юридическаго преемника, считается запрещенною контрафакціей, и притомъ безразлично, будетъ ли это размноженіе совершено тѣмъ же способомъ, какой употребленъ при созданіи оригинальнаго произведенія, или инымъ... Оригинальнымъ сочиненіемъ считается не только произведеніе наукъ или искусствъ, но и всякій снимокъ или подражаніе ему, сдѣланные авторомъ или его юридическимъ преемникомъ въ силу принадлежащаго имъ авторскаго права.»

По § 4 запрещенною контрафакціею считаются перепечатка безъ согласія автора или его юридическаго преемника рукописи и рѣчей, произнесенныхъ съ цѣлью назиданія, поученія или удовольствія. Сюда же отнесены географическія и топографическія карты, естествоиспытательные, архитектурные и другіе рисунки, снимки и т. д., предназначенные къ изображенію научныхъ предметовъ; извлеченія изъ сочиненія другаго автора, съ измѣненіями, или безъ оныхъ, если эти извлеченія являются въ свѣтъ

въ качествѣ особыхъ сочиненій подъ заглавіемъ оригинальнаго сочиненія или безъ такого заглавія; измѣненія въ прибавленіяхъ къ данному сочиненію, а именно: прибавленія и опущенія или измѣненія замѣчаній, снимковъ, картъ, регистровъ и т. д., не изъемлютъ отъ запрещенія контрафакціи. Изъ двухъ сочиненій подъ одинаковымъ или различными заглавіями, трактующихъ объ одномъ и томъ же предметѣ въ одинаковомъ порядкѣ и подраздѣленіи, позднѣйшее считается запрещенною контрафакціей въ томъ случаѣ, когда замѣчаемыя въ немъ добавленія или другія измѣненія въ содержаніи не могутъ быть признаны настолько существенными и убѣдительными, чтобъ оно могло быть разсматриваемо какъ самостоятельный умственный продуктъ. Слѣдующій пятый параграфъ перечисляетъ рядъ случаевъ, кои не могутъ быть подведены подъ контрафакцію; таковы: цитированіе отдѣльныхъ словъ и мѣстъ изъ изданныхъ сочиненій, заимствованіе отдѣльныхъ статей, стихотвореній и т. д. съ цѣлью созданія новаго самостоятельнаго критическаго или литературнаго произведенія, и составленія сборника, предназначеннаго для церкви, школы или воспитанія, а равно и заимствованія для журналовъ и газетъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ долженъ быть указанъ источникъ заимствованія, причемъ послѣднее отнюдь не должно превышать одного печатнаго листа или служить самостоятельною брошюрой, а въ журналахъ и газетахъ заимствованіе въ теченіе всего года не должно превышать двухъ печатныхъ листовъ. Переводы не считаются контрафакціей, если управомоченный не удержалъ за собою право перевода на одинъ или многіе языки, не выразилъ этого прямо на заглавномъ листѣ или въ предисловіи, или не выполнилъ перевода въ теченіе года. Наравнѣ съ оригинальными сочиненіями защищаются отъ контрафакціи и переводы. Далѣе слѣдуетъ рядъ постановленій о музыкальной и художественной собственности, о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

Что касается до срока защиты отъ контрафакціи, то она предоставляется автору и его юридическимъ преемни-

камъ не только въ теченіе всей жизни автора, но и послѣ его смерти въ теченіи тридцати лѣтъ, причемъ годъ его смерти въ счетъ не идетъ. Выморочное право казны или другихъ лицъ на сочиненіе не допускается (§ 13). Въ теченіе тридцати лѣтъ, по истеченіи года изданія, защищаются сочиненія: 1) анонимныя и псевдонимныя, причемъ предполагается, что въ тѣхъ и другихъ не выставлено имени автора ни на заглавномъ листѣ, ни подъ предисловіемъ или посвященіемъ; въ противномъ случаѣ они входятъ въ разрядъ первыхъ; 2) сочиненіе, составленное не однимъ, а нѣсколькими авторами, если на немъ указаннымъ выше способомъ не обозначено имени издателя; 3) сочиненія посмертныя, а равно и изданныя наслѣдниками или иными юридическими преемниками автора продолженія изданія, начатаго самимъ авторомъ.

Сочиненія, принадлежащія юридическимъ лицамъ, пользующимся особенною защитою государства, ограждаются отъ контрафакціи (§ 15) въ теченіе пятидесяти лѣтъ, а сочиненія остальныхъ юридическихъ лѣтъ въ теченіе 30 лѣтъ. Если авторъ части такого сочиненія издастъ новое исправленное и увеличенное изданіе ея, то къ нему примѣняются предписанія § 13. Для сочиненій издаваемыхъ томами или выпусками (§ 16), теченіе срока защиты начинается съ выходомъ въ свѣтъ послѣдняго тома или выпуска, причемъ каждый промежутокъ времени между изданіями отдѣльныхъ томовъ или выпусковъ не долженъ превышать трехъ лѣтъ. При непрерывно издающихся сборникахъ сочиненій, изслѣдованій и т. п., каждый томъ или выпускъ считается самостоятельнымъ цѣлымъ.

Для произведеній наукъ и искусствъ, изданіе коихъ сопряжено съ большими издержками, срокъ защиты можетъ быть продолженъ далѣе узаконеннаго путемъ особой привилегіи; но послѣдняя должна быть исходатайствована до окончанія изданія и срокъ ея долженъ быть обозначенъ на заглавномъ листѣ, а гдѣ это невозможно, то объ ней должно быть публиковано въ официальныхъ газетахъ той про-

винціи, въ которой произведеніе выходитъ (§ 17). Защита офиціальныхъ изданій продолжается до тѣхъ поръ, пока она не будетъ отмѣнена государственною властью (§ 18) и т. д. Законъ этотъ распространяется на всѣ изданія, выходящія въ предѣлахъ Германскаго Союза, если будетъ доказано, что издатель выполнилъ всѣ законныя условія и формальности, предписанные тѣмъ государствомъ, въ коемъ былъ изданъ оригиналъ. Что касается негерманскихъ государствъ, то законъ этотъ распространяется и на нихъ, но лишь подъ условіемъ взаимности (§ 38 и 39).—Въ 1849 г. законъ этотъ распространенъ былъ во всемъ своемъ объемѣ на Военную Границу, а въ 1853 г. на Краковъ, Венгрію, Кроацію, Славонію, Сербское воеводство, Темесваръ и Седмиградію.

Возвращаясь снова къ *Франціи*, слѣдуетъ замѣтить, что въ эпоху первой революціи, освободившей отъ средневѣковыхъ путъ и оковъ всѣ отрасли народнаго хозяйства, литературная собственность не могла уйдти отъ общей участи и точно также претерпѣла значительныя измѣненія противъ прежняго. Но злой рокъ тяготѣлъ надъ всѣми начинаніями этой смутной эпохи: ей суждено было постоянно приходить къ результатамъ, прямо противоположнымъ ея первоначальнымъ намѣреніямъ. Революція свергла королевскую власть и объявила народъ самодержавнымъ и самовластнымъ; но вслѣдъ затѣмъ эта народная власть всецѣло перешла въ руки деспотическихъ и свирѣпыхъ демагоговъ, а отъ нихъ къ императору, прерогативы коего оказались гораздо тяжеловѣснѣе прежнихъ королевскихъ; революція объявила политическимъ догматомъ свободу, равенство и братство, но въ то же время она тысячами гнала этихъ освобожденныхъ гражданъ на гильотины за ихъ политическія убѣжденія; революція уничтожила всѣ сословныя различія, но ею же порожденный императоръ создалъ сословія, своими качествами далеко уступавшія старинным сословіямъ. Революція объявила авторское право священнымъ и неприкосновеннымъ, но въ то же время она ли-

шила автора этого права, собственною властью ограничивъ послѣднее извѣстнымъ срокомъ и поставивъ его такимъ образомъ въ положеніе худшее, чѣмъ оно было до революціи. Посмотримъ однако, что сталось съ литературною собственностью послѣ пресловутаго освобожденія ея отъ привилегій, давившихъ ее съ самаго возникновенія книгопечатанія.

Оставляя въ сторонѣ драматическихъ писателей, о которыхъ рѣчь будетъ впереди, мы обратимся теперь лишь къ праву автора на его напечатанное сочиненіе; въ этомъ отношеніи нельзя не указать прежде всего на законъ отъ 19—24 іюля 1793 года, впервые послѣ революціи регулировавшій это право и послужившій базисомъ позднѣйшаго о немъ законодательства. Изданію его предшествовалъ краткій докладъ Лаканаля (Lakanal), послѣ котораго онъ былъ принятъ безъ всякихъ преній. «Изъ всѣхъ видовъ собственности, говорилъ докладчикъ [48]), безъ сомнѣнія, менѣе всего можетъ быть оспариваема собственность на продукты ума, и если можно чему удивляться, то это тому, что ее еще понадобилось признать и путемъ положительнаго закона обезпечить свободное пользованіе ею; что необходима была такая великая революція, какъ наша, чтобы привести насъ въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, къ простымъ элементамъ самой общей справедливости.

«Едва геній въ тиши выработаетъ сочиненіе, раздвигающее предѣлы человѣческихъ знаній, какъ этимъ твореніемъ тотчасъ же завладѣваютъ литературные пираты, а авторъ вынужденъ пробираться къ безсмертію чрезъ всѣ ужасы нищеты. А его дѣти... Граждане, потомство великаго Корнеля угасло въ бѣдности!..

«Отпечатаніе тѣмъ менѣе можетъ дѣлать изъ произведеній писателя общественную собственность, въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ литературные корсары, что полезное употребленіе своей собственности авторъ можетъ сдѣлать

---

[48]) *Лабулэ*, Etudes sur la propr. littér. стр. XI, *Лабулэ* и *Гифре* в. п. с. стр. 621. Appendice, *Blanc* в. п. с. стр. 12 и 13.

только этимъ средствомъ и что иначе онъ не могъ бы воспользоваться ею, не утративъ ее тотчасъ же.

«Какой же злой рокъ требуетъ, чтобы геніальный человѣкъ, посвящающій свои труды просвѣщенію своихъ согражданъ, могъ обѣщать себѣ только пустую славу и не вправѣ былъ требовать законную дань за столь благородный трудъ?

«Только послѣ зрѣлаго обсужденія вашъ комитетъ предлагаетъ вамъ санкціонировать законодательныя постановленія, составляющія нѣкоторымъ образомъ декларацію правъ ума».

Эти слова заставляютъ предполагать что докладчикъ потребуетъ признанія вѣчности и безусловности литературной собственности. Но вотъ что онъ предложилъ и что было принято національнымъ конвентомъ:

«Ст. 1. Авторы всякаго рода сочиненій, музыкальные композиторы, живописцы и рисовальщики, отгравировавшіе извѣстныя картины или рисунки, пользуются въ теченіе всей своей жизни исключительнымъ правомъ продавать, отдавать въ продажу, раздавать свои произведенія на территоріи республики и уступать собственность на нихъ всецѣло или частью.

«Ст. 2. Ихъ наслѣдники или цессіонаріи пользуются тѣмъ же правомъ въ теченіе десяти лѣтъ послѣ смерти авторовъ» [49]) и т. д.

Справедливо замѣчаетъ Лабулэ [50]), что во Франціи законодатели находятъ особенное удовольствіе въ томъ, что, провозглашая замѣчательные принципы, они затѣмъ отрицаютъ послѣдніе въ самомъ текстѣ закона. Приведенный законъ, столь восхваляемый новѣйшими противниками литературной собственности, по результатамъ своимъ стоитъ

---

[49]) *Лабулэ*, Etudes sur la propr. littér., стр. XI. *Лабулэ* и *Гифре*, в. п. с. стр. 621 Appendice. *Эйзенлора*, Sammlung, стр. 99. *Blanc*, в. п. с., стр. 12 и 13.

[50]) Etudes, стр. XII.

несравненно ниже законовъ 1777 года. Въ этихъ послѣднихъ, послѣ абсурднаго, полнаго противорѣчій, введенія, за авторомъ все-таки признано вѣчное и наслѣдственное право собственности на его сочиненіе, пока послѣднее не отчуждено въ постороннія руки. Напротивъ того, въ 1793 году, послѣ весьма разумной и правдивой оцѣнки авторскаго права, послѣ признанія его самою безспорною собственностью, автору дается лишь пожизненное пользованіе этимъ самымъ правомъ, а его наслѣдникамъ и другимъ юридическимъ преемникамъ лишь десятилѣтній срокъ для такого пользованія. Такимъ образомъ революція не только размѣняла кукушку на ястреба, но еще провозгласила послѣдняго райскою птицей.

Объясненія такого ограниченія авторскаго права докладчикъ не даетъ никакого, но его можно найдти въ мотивахъ къ закону 19 января 1791 года о собственности драматическихъ писателей, предложеннаго Шапелье.

«Самая священная, говорилъ онъ, самая неприкосновенная и, если можно такъ выразиться, самая личная изъ всѣхъ видовъ собственности есть сочиненіе, этотъ плодъ мышленія писателя; но эта собственность совершенно инаго рода, чѣмъ всѣ остальные ея виды.

«Когда авторъ передалъ свое сочиненіе публикѣ, когда оно находится въ рукахъ всѣхъ, когда всѣ образованные люди ознакомились съ нимъ и усвоили себѣ его красоты, когда они сохранили въ своей памяти его наиболѣе счастливые штрихи, то кажется, съ этого момента писатель сдѣлалъ публику соучастницею въ своей собственности, или лучше сказать, передалъ ее публикѣ всецѣло. Но такъ какъ въ высшей степени справедливо, чтобы люди, обработывающіе область мысли, извлекали кое-какіе плоды изъ своей работы, то необходимо, чтобы въ теченіе всей ихъ жизни и нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ смерти никто не смѣлъ безъ ихъ согласія располагать продуктомъ ихъ ума. Но за то послѣ установленнаго срока начинается собственность публики, и всякій долженъ получить право печатать и изда-

вать сочиненія, споспѣшествовавшія просвѣщенію человѣческаго ума. Это дѣлается въ Англіи, по отношенію къ авторамъ и публикѣ, посредствомъ актовъ, называемыхъ охранительными; это дѣлалось прежде во Франціи посредствомъ привилегій, даровавшихся королемъ, и это же впредь будетъ установлено закономъ, какъ средствомъ болѣе благоразумнымъ и единственно приличнымъ» [51]).

Эти слова не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ основѣ французскихъ законовъ о литературной собственности, изданныхъ во время первой революціи, лежали тоже извращенное понятіе о нашемъ институтѣ, тоже мнимое право публики, лишь отсрочиваемое на время въ пользу автора верховною властью, тоже воображаемое, но основанное однако на чувствѣ справедливости великодушіе, оказываемое правительствомъ автору, его потомству и издателямъ.

Изъ остальныхъ законовъ, изданныхъ послѣ 1793 года, прежде всего заслуживаютъ быть упомянутыми законъ 22-го марта 1805 г. и императорскій декретъ отъ 5 февраля 1810 года, касающійся типографскаго дѣла и книжной торговли. Первый изъ нихъ касался сочиненій посмертныхъ и давалъ ихъ собственникамъ такія же права, какъ и самому автору, но съ тѣмъ, чтобъ эти сочиненія издавались отдѣльно, а не вмѣстѣ съ другими, ставшими общественнымъ достояніемъ. Во введеніи къ этому закону объясняется, что законами о литературной собственности всякое сочиненіе по истеченіи десяти лѣтъ со смерти автора объявляется общественнымъ достояніемъ, что хранители, пріобрѣтатели, наслѣдники и собственники посмертныхъ сочиненій колеблются издавать ихъ вслѣдствіе неопредѣленнаго положенія собственности на эти сочиненія и изъ страха, что у нихъ станутъ оспаривать эту послѣднюю, что неизданное сочиненіе какъ бы вовсе не существуетъ, а потому издающій его получаетъ права умершаго автора, коими долженъ поль-

---

[51]) *Лабулэ* тамъ же, стр. X и XI, *Ренуаръ*, т. I стр. 309.

зоваться въ теченіе всей своей жизни и т. д. Переходя затѣмъ къ декрету 5 февраля 1810 года, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что ему предшествовали два мотивированные проекта: одинъ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, Монталиве, а другой со стороны министра полиціи, Фуше, герцога Отрантскаго. Обсужденіе этихъ проектовъ вызвало продолжительныя и оживленныя пренія въ государственномъ совѣтѣ, которыя начались въ началѣ 1808 года и въ которыхъ принималъ участіе самъ Наполеонъ первый. Когда 2 сентября того же года дѣло дошло до литературной собственности, то этотъ императоръ, присутствовавшій въ то время въ засѣданіи государственнаго совѣта, освѣдомился прежде о дѣйствующихъ законахъ касательно авторскаго права, и узнавъ о постановленіяхъ 19 іюля 1793 года, выразилъ то мнѣніе, которое приведено выше въ главѣ второй. Сообразно этому мнѣнію приступлено было къ редактированію декрета; это дѣло долго не удавалось; послѣдовательно былъ предложенъ цѣлый рядъ редакцій, изъ которыхъ ни одна не была принята; было предложено также еще нѣсколько проектовъ [52]), которыхъ постигла таже участь. Наконецъ редактированіе удалось окончить къ 1810 году. Литературной собственности посвящено въ этомъ законѣ десять статей, изъ коихъ гражданской сторонѣ ея удѣлены только двѣ: статьи 39 и 40; въ остальныхъ же содержатся постановленія о контрафакціи и полицейскія распоряженія. Вотъ содержаніе двухъ названныхъ статей.

Ст. 39. «Право собственности гарантируется автору и его вдовѣ въ теченіе ихъ жизни, если условія брачнаго договора даютъ послѣдней право на это, а ихъ дѣтямъ въ теченіе двадцати лѣтъ.

Ст. 40. «Авторы, національные или иностранные, всякаго напечатаннаго или награвированнаго сочиненія, могутъ уступать свое право типографщику, книгопродавцу или всякому иному лицу, которое въ такомъ случаѣ какъ само,

---

[52]) См. *Локре*, в. п. с. стр. 1—210. *Ренуара*, в. п. с. т. I, стр. 373—391.

такъ и въ лицѣ своихъ частныхъ юридическихъ преемниковъ заступаетъ мѣсто автора». [53])

Достойно удивленія, что двухлѣтняя редакціонная работа дала въ результатѣ столь несовершенный законъ: право отчужденія предоставляется въ немъ только самому автору и его частнымъ юридическимъ преемникамъ (ayant causes); что же касается его вдовы и дѣтей, то объ нихъ законъ умалчиваетъ; отсюда естественно заключить, что имъ предоставлялось лишь право непосредственнаго изданія сочиненія, а отнюдь не уступка этого права въ постороннія руки; такимъ образомъ у нихъ во многихъ случаяхъ отнималась возможность воспользоваться своимъ достояніемъ.

Въ 1811 году министръ внутреннихъ дѣлъ, Монталиве, предложилъ распространить эти двѣ статьи на драматическихъ писателей, мотивируя это тѣмъ, что въ противномъ случаѣ положеніе этихъ послѣднихъ будетъ несравненно хуже положенія остальныхъ писателей; но государственный совѣтъ отвергъ это предложеніе, оставивъ драматическихъ писателей подъ господствомъ прежняго закона 1793 года. Распространеніе это послѣдовало только на основаніи закона 1844 года отъ 3 августа [54]).

Затѣмъ коммиссія, учрежденная въ 1825 году подъ предсѣдательствомъ Ларошфуко (La Rochefoucauld), много занималась вопросомъ о литературной собственности, и вотъ къ какимъ результатамъ, по словамъ ея секретаря, Жюля Марешаля, она пришла: [55]) «Было признано, говоритъ онъ, что право, носящее названіе литературной собственности, далеко не вполнѣ сходно съ правомъ собственности, какъ ее понимаютъ обыкновенно, и что это различіе исключаетъ примѣненіе къ лутературной собственности общихъ правилъ; было признано, что принципомъ для нея слѣдуетъ принять чувство справедливости, обязывающее общество вознаграж-

---

[53]) *Ренуаръ*, т. I, стр. 379—393. *Эйзенлоръ*, Sammlung, стр. 101. *Blanc*, в. п. с. стр. 14, 15 и 16.

[54]) *Ренуаръ*, т. I, стр. 413—416. *Эйзенлоръ*, Sammlung, стр. 103.

[55]) *Laboulaye*, Etudes, стр. XII и XIII.

дать труды, споспѣшествующіе его просвѣщенію или его удовольствіямъ; что изданіе сочиненія должно разсматриваться какъ установленіе юридической связи между авторомъ, предостовляющимъ обществу плодъ своихъ размышленій, и обществомъ, которое въ возмездіе за это пользованіе должно гарантировать автору связанныя съ изданіемъ его книги прибыли; и въ этомъ истинно квази договорѣ справедливо усматривали родъ даренія между живыми, безвозвратность коего примѣняется столько же къ правамъ, пріобрѣтаемымъ обществомъ на сочиненіе, сколько и къ выгодамъ, на кои авторъ долженъ былъ разсчитывать, выпуская свое сочиненіе въ свѣтъ, выгодамъ необходимо подлежащимъ передачамъ, обращенію и въ силу справедливости могущимъ быть ограниченными только въ пользу общественнаго интереса.

«Отсюда должны были заключить, что всѣ прибыли, которыя вытекаютъ изъ послѣдовательныхъ перепечатокъ и которыя могутъ быть извлекаемы безъ ущерба для свободы печати и интересовъ торговли, по всей справедливости должны по смерти автора переходить къ его естественнымъ и законнымъ представителямъ».

Эта по истинѣ странная теорія, измыслившая какой-то возмездный договоръ даренія, едва ли заслуживаетъ особаго опроверженія; она является лишь новымъ и блестящимъ доказательствомъ въ пользу того, къ какимъ абсурднымъ выводамъ приходятъ при всякой попыткѣ оправдать логическими и теоретическими соображеніями существующее ограниченіе авторскаго права извѣстнымъ срокомъ. Выводы коммисіи, какъ замѣчаетъ Лабулэ, тѣмъ удивительнѣе, что предъ нею прекрасно защищали литературную собственность Лали-Толандаль (Lally-Tollendal) и Оже (Auger). Особенно разумны соображенія послѣдняго.

«Въ данномъ человѣкѣ, говорилъ онъ, зарождается идея извѣстнаго литературнаго труда; онъ обдумываетъ свой сюжетъ, оплодотворяетъ его и наконецъ выполняетъ, придавая ему ту форму изложенія, въ которой онъ долженъ сообщить

его другимъ умамъ. Чтобы ни говорили о распространенности знаній, объ общности идей и фактовъ, но все, вытекающее изъ указанной серіи операцій, есть несомнѣнно продуктъ способностей автора, и притомъ самый непосредственный, самый личный и самый исключительный, какой только можно вообразить себѣ. Утверждая противное, пришлось бы дерзнуть сказать, что *Athalie* не принадлежитъ Расину, *Тартюфъ*—Мольеру, *Lettres provinciales* — Паскалю и *Discour sur l'histoire universelle*—Боссюэту. Произведеніе, о которомъ я говорю, было начертано перомъ на бумагѣ; въ этой формѣ манускрипта оно есть не только собственность духовная, но матеріальная, родъ движимости, вещь, которая принадлежитъ единственно автору, которою онъ можетъ располагать по своему произволу и которая послѣ его смерти принадлежитъ его наслѣдникамъ. Изъ всякой собственности можно извлекать извѣстную выгоду или посредствомъ продажи плодовъ, или посредствомъ отдачи въ наймы пользованія. Конечно авторъ, собственникъ манускрипта, можетъ ссужать его послѣдовательно десяти, двадцати, сто, тысячѣ лицамъ и требовать отъ каждаго изъ нихъ возмездія за удовольствіе или образованіе, которыя онъ имъ доставитъ. Въ чьихъ бы рукахъ манускриптъ ни находился, онъ не перестаетъ быть собственностью автора.

«Этотъ способъ обмѣна дологъ и неудобенъ. Къ счастью, изобрѣтенное въ пятнадцатомъ столѣтіи дивное искусство даетъ возможность быстро и при малыхъ издержкахъ дѣлать съ манускрипта большое количество копій, которыя въ одно время могутъ быть розданы всѣмъ, желающимъ воспользоваться сочиненіемъ и уплатить за это пользованіе. Еслибъ авторъ владѣлъ инструментами и зналъ процедуры этого искусства, то онъ могъ бы самъ приготовлять свои копіи; еслибъ онъ обладалъ привычкой и средствами торговли, то онъ могъ бы самъ продавать эти копіи; но онъ не можетъ дѣлать ни того, ни другаго. Ему нужно слѣдовательно адресоваться къ типографщику и книгопродавцу. Посредство типографщика есть посредство рабочаго, полу-

чающаго плату за свой трудъ; посредство книгопродавца есть посредство коммиссіонера, вознаграждаемаго за свои хлопоты; за дѣятельность того и другаго уплачиваетъ самъ авторъ, каковы бы ни были заключенныя имъ сдѣлки.

«Но вотъ авторъ роздалъ свои копіи и получилъ за нихъ плату. Каждая изъ нихъ въ рукахъ ея владѣльца въ свою очередь становится движимою собственностью, которую онъ можетъ употреблять какъ ему заблагоразсудится и которая послѣ его смерти станетъ собственностью его наслѣдниковъ. Эта собственность (замѣтимъ это хорошенько) есть только копія, т. е. сообщеніе манускрипта, отличающагося отъ нея лишь тѣмъ, что собственникъ его сохраняетъ за собою средство возобновлять его столько разъ, сколько ему вздумается; таково пользованіе, которое можетъ доставить сочиненіе. Но всякая копія предполагаетъ оригиналъ, родъ матрицы (формы для выливанія буквы), откуда могутъ быть получены еще другія копіи. Оригиналъ продолжаетъ существовать, каково бы ни было количество копій; эти послѣднія не уничтожили ни оригинала, ни связаннаго съ нимъ права собственности. Еслибы владѣлецъ напечатанной копіи захотѣлъ ее размножить посредствомъ той же процедуры, при помощи которой она произведена, то онъ посягнулъ бы на эту собственность, на оригиналъ, онъ уничтожилъ бы или уменьшилъ бы ее въ рукахъ собственника. Это преступленіе, за которое законъ долженъ наказать и за которое онъ дѣйствительно наказываетъ, по крайней мѣрѣ, пока живъ авторъ.

«Еслибъ этотъ авторъ жилъ вѣчно, то дерзнулъ ли бы кто-нибудь отрицать, что онъ вѣчно же остается исключительнымъ собственникомъ своего оригинала и права снимать съ него копій? Но онъ умираетъ: должна ли и собственность его умереть вмѣстѣ съ нимъ? Если его сочиненіе, его оригиналъ есть его собственность въ теченіе всей его жизни, какъ бы долго эта жизнь ни продолжалась, то почему она не можетъ стать собственностью его наслѣдниковъ послѣ его смерти и быть таковою, пока не угаснетъ

его родъ, точно также, какъ это дѣлается относительно его поля, дома или постели? Этого понять невозможно.

«Теперь я глубоко убѣжденъ, что литературное произведеніе есть собственность особаго рода, собственность *sui generis*, но столь же безспорная, какъ и всякая иная, и долженствующая имѣть всѣ послѣдствія собственности обыкновенной, каковы бы ни были трудности примѣненія. Единственно эти трудности, я въ этомъ убѣжденъ, доселѣ препятствовали свободному провозглашенію принципа или заставляли законодателя ограничивать его послѣдствія, какъ будто извѣстную вещь по истеченіи опредѣленнаго времени можно лишь путемъ простаго человѣческаго желанія заставить перестать быть вещью, когда ея природа не потерпѣла никакого измѣненія».

Въ 1839 году Сальванди (Salvandy) предложилъ проектъ закона о литературной собственности. Докладчикомъ этого проекта въ палатѣ перовъ назначенъ былъ графъ Симеонъ, и вотъ какъ онъ высказался о нашемъ институтѣ: «Комиссіи 1825 и 1836 годовъ, состоявшія изъ людей именитыхъ, объявили, что литературная собственность есть самая священная, и тѣмъ не менѣе проектъ закона, выработанный обѣими этими коммиссіями, гарантировалъ ее лишь на опредѣленное время.

«Отчего происходитъ этотъ вѣчный разладъ между возвѣщаемыми принципами и ихъ примѣненіемъ, если не оттого, что, углубляясь въ вопросъ, приходилось признавать, что невозможно придавать характеръ безусловной собственности и общаго права тому, что не есть таковое? А потому какъ ни остроумны были различныя комбинаціи, то предлагавшія правительству скупать всѣ рукописи, то требовавшія предварительнаго и постояннаго взиманія пропорціональнаго налога съ продажной цѣны отпечатанныхъ книгъ, налога, который долженъ идти въ пользу авторовъ и его потомства, а по прекращеніи этого потомства въ пользу государства, могущее будто бы этимъ способомъ оказывать помощь литераторамъ и артистамъ, то наконецъ, во избѣжаніе затрудненій раздѣ-

ловъ, желавшія сохранить эту собственность въ прямомъ нисходящемъ поколѣніи и создать такимъ образомъ родъ майоратовъ, но всѣ онѣ кончались признаніемъ того, что разъ мысль обнаружена, она должна оставаться въ обладаніи всѣхъ, и что наконецъ наступаетъ моментъ, когда алчность скаредныхъ наслѣдниковъ не можетъ уже лишить общество благодѣяній геніальныхъ людей.

«Гарантируемое автору право *не есть право естественное, но привилегія, вытекающая изъ милостиваго пожалованія закона* (octroi bénévole de la loi).

«Заглавіе закона не должно давать неточную идею о предметѣ, который законъ регулируетъ, а такъ какъ слова изображаютъ идеи, то мы требуемъ, чтобы слова заглавія: *законъ о литературной собственности* были замѣнены словами: *законъ, относящійся къ правамъ авторовъ на ихъ произведенія въ области литературы и искусствъ*».

Въ этой фразистой рѣчи нѣтъ никакихъ серіозныхъ доводовъ, которые могли бы убѣдить въ справедливости ея вывода. Всякую истину, какъ бы велика она ни была, можно при помощи сарказмовъ и дутыхъ софизмовъ изобразить въ такомъ видѣ, что люди, не привыкшія глубоко вдумываться въ предметъ, примутъ ее за заблужденіе нѣсколькихъ оригинальныхъ умовъ. Какъ бы то ни было предложенный проектъ не только не былъ принятъ, но даже вовсе не былъ вотированъ. А потому Вильеменъ (Villemain) въ 1841 году предложилъ палатѣ перовъ новый проектъ, въ которомъ при всей пощадѣ къ авторскому праву оно все-таки не признается истинною собственностью. Докладчикомъ этого проекта назначенъ былъ извѣстный поэтъ Ламартинъ. Сказанную имъ по этому поводу весьма любопытную рѣчь можно разбить на двѣ части, изъ коихъ въ одной ниспровергается то, что установлено въ другой.

«Есть люди, сказалъ онъ, работающіе руками, есть люди, работающіе умомъ. Результаты этой работы различны, но право рабочаго одно и тоже... Результаты матеріальной работы, болѣе безспорные и болѣе осязательные,

первые поразили мысль законодателя. Онъ сказалъ земледѣльцу, удобрившему поле: это поле будетъ твое, а послѣ тебя твоихъ дѣтей. Возмездіе за твой трудъ будетъ слѣдовать за тобою во всемъ твоемъ потомствѣ. Такъ установлена была собственность поземельная, этотъ базисъ семьи, а чрезъ нея фундаментъ всякаго постояннаго общества. По мѣрѣ того, какъ улучшалось соціальное положеніе, законодатель признавалъ другіе виды собственности, такъ что собственность и общество вполнѣ отожествились другъ въ другѣ, и философъ, проходя земной шаръ, убѣждается изъ несомнѣнныхъ признаковъ, что отсутствіе, недостаточность или упадокъ собственности служатъ повсемѣстно вѣрнымъ мѣриломъ отсутствія, недостаточности или упадка общества.

«Но идеи новѣйшаго законодателя расширились; онъ счелъ свидѣтельствомъ труда не только матеріальные плоды земли, но и всякіе плоды, указывающіе на трудъ, и установилъ предметъ обмѣна или вліянія для государства; такимъ образомъ постепенно развивалась собственность движимая.

«Въ силу естественной и справедливой индукціи долженъ былъ наступить день, когда трудъ ума былъ признанъ трудомъ полезнымъ, а плоды этого труда собственностью.

«Этотъ феноменъ книгопечатанія, дѣлающій мысль столь же осязательною, какъ и отпечатлѣвающій ее шрифтъ, и столь же отчуждаемою, какъ и экземпляръ, въ коемъ она продается, рано или поздно долженъ былъ вызвать законодательство на констатированіе, равно какъ и на нравственное и справедливое распредѣленіе его продуктовъ... Законодатель... не касается идеи, которая не спускается въ низменную область денегъ, онъ касается только книги, путемъ печати ставшей предметомъ торговли. Идея нисходитъ къ людямъ отъ Бога и возвращается къ Богу, оставляя послѣ себя лучезарный слѣдъ на лбу того, на кого снизошелъ геній, и на имени его сыновей, книга становится предметомъ оборота, и какъ всякая иная цѣнность, дѣлается

цѣнностью, производящею капиталы и доходы и на этомъ лишь одномъ основаніи способною стать собственностью.

«Справедливо ли, полезно ли и возможно ли признать за писателями и ихъ семействомъ собственность на ихъ произведенія?

«Развѣ справедливость не есть соотвѣтствіе между причиною и послѣдствіемъ, между трудомъ и возмездіемъ? Одинъ человѣкъ тратитъ... свои силы... на разработку поля или на отправленіе прибыльной дѣятельности... И вы обезпечиваете ему вѣчное владѣніе, а послѣ него тѣмъ, на коихъ указываетъ его кровь или завѣщаніе. Другой человѣкъ съ забвеніемъ самого себя и своей семьи тратитъ всю свою жизнь... на обогащеніе послѣ себя человѣчества или образцовымъ произведеніемъ или одною изъ тѣхъ идей, которыя преобразуютъ міръ... Его образцовое произведеніе родилось, его идея проявилась, интеллектуальный міръ овладѣлъ ими, промышленность и торговля эксплоатируютъ ихъ, изъ нихъ рождаются богатства, чрезъ нихъ пріобрѣтаются милліоны въ области труда и оборота, они вывозятся подобно естественному продукту почвы; всѣ имѣютъ на нихъ право, кромѣ самого ихъ творца, а его вдова и дѣти вынуждены просить милостыню, между тѣмъ какъ рядомъ съ ними публичное и частныя богатства, порожденныя неблагодарнымъ трудомъ ихъ отца! Такъ дѣло не должно идти далѣе...

«Полезно ли это! Достаточно было отвѣта на вопросъ, справедливо ли это, ибо прежде всего для общества полезно то, что справедливо. Но развѣ тѣ, кои спрашиваютъ, полезно ли возмѣщать въ будущемъ трудъ ума, никогда не восходили мыслью до природы и результатовъ этого труда? До его природы? Они увидѣли бы, что это трудъ, дѣйствующій безъ капиталовъ, творящій капиталы безъ затраты ихъ, производящій безъ всякой иной помощи, кромѣ помощи генія и воли. До его результатовъ? Они увидѣли бы, что это такой родъ труда, который больше всего вліяетъ на судьбы рода человѣческаго. Ибо онъ дѣйствуетъ на самое мышленіе человѣчества и управляетъ этимъ мышленіемъ...

Развѣ трудъ создающій, разрушающій, преобразующій міръ можетъ быть трудомъ безразличнымъ для міра?

«Наконецъ, возможно ли это? Развѣ это эвентуальное и скоротечное богатство, возникающее изъ распространенія идеи, обращенной путемъ печати и книги въ вещественную матерію, обладаетъ осязаемою природою, опредѣляется и регламентируется формою собственности? На этотъ вопросъ отвѣтилъ за насъ фактъ. Эта собственность существуетъ, продается, покупается, защищается, какъ и всѣ остальные виды собственности...»

Представивъ такую теоретическую оцѣнку литературной собственности, Ламартину предстояло примѣнить свою теорію къ самому дѣлу, предстояло провести ее въ новомъ законѣ. Но тутъ онъ дѣлаетъ крутой поворотъ и сразу измѣняетъ свою точку зрѣнія. Такой шагъ онъ объясняетъ самъ слѣдующимъ образомъ.

«Мы были, говоритъ онъ, законодательною коммиссіею, а не академіею философовъ. Какъ философы, восходя къ метафизикѣ этого вопроса и несомнѣнно находя въ природѣ и въ естественныхъ правахъ умственнаго труда столь же очевидныя, столь же святыя и столь же вѣчныя основанія, какъ и въ естественныхъ правахъ матеріальнаго труда, мы, быть можетъ, пришли бы къ теоретическому провозглашенію вѣчности обладанія плодами этого труда; но наша миссія, какъ законодателей, была иная. Мы не хотѣли ее переступать. Законодатель рѣдко провозглашаетъ безусловные принципы, въ особенности когда дѣло коснется истинъ новыхъ; онъ провозглашаетъ относительныя и практическія примѣненія, сообразныя съ принятыми идеями, съ правами и обычаями того времени и того предмета, для которыхъ онъ пишетъ кодексъ.

«Мы приняли въ соображеніе, что идеи о литературной собственности не были еще достаточно осмыслены, что ея нравы еще не сложились достаточно, что ея строй не былъ еще достаточно общеевропейскимъ и международнымъ, что наконецъ ея обычаи не проникли еще настолько въ общее

право другихъ порядковъ обладанія вещами, чтобы, регламентируя гарантированныя права; мы могли за однимъ разомъ регламентировать вѣчное и безграничное ея преемство. Обставляя литературную собственность въ этомъ законѣ условіями полнаго владѣнія, мы однако считали себя обязанными ограничить ея срокъ.

«Мы не поставили никакого предѣла ея правамъ, мы ограничили ее лишь во времени; въ тотъ день, когда сдѣланный ею же опытъ надъ собою вразумитъ законодателя, и онъ найдетъ, что она уже въ состояніи осуществить свои естественныя права въ болѣе широкихъ размѣрахъ, ему придется только уничтожить эту грань; ему придется только сказать: *навсегда*, гдѣ нашъ законъ сказалъ: *пятьдесятъ лѣтъ*, и умъ будетъ эманципированъ» [56]).

Эти оправданія Ламартина имѣли бы вѣсъ, если бы соотвѣтствовали дѣйствительности: но выше было показано, что идея литературной собственности давно уже живетъ въ просвѣщенныхъ умахъ общества, что эти умы не переставали требовать ея полнаго признанія, что ограниченія ея вовсе не вызывались и не вызываются практическими потребностями, а являются лишь плодомъ заблужденія и узурпаціи, что лишь непреодолимою силою убѣжденія и очевидною правотою дѣла удавалось исторгать у законодателя нѣкоторыя уступки въ ея пользу, что слѣдовательно роль законодателя въ вопросѣ о литературной собственности вовсе не такъ невинна и выжидательна, какъ ее старается изобразить Ламартинъ; законодатель обнаруживаетъ въ этомъ вопросѣ далеко ненужную и непохвальную устойчивость и при своемъ поступательномъ движеніи постоянно сильно и безъ всякой разумной причины упирается; только неотразимый напоръ логики заставляетъ его дѣлать короткіе и медленные шаги на пути къ той цѣли, которую такъ старательно отвергали и отвергаютъ нѣкоторые заблуждающіеся

---

[56]) См. объ этомъ, равно какъ и о рѣчи Оже, тамъ же, стр. XIV—XXII.

умы, именно на пути къ полному признанію литературной собственности.

Какъ бы то ни было, эти подготовительныя работы коммиссій и выраженныя въ нихъ мнѣнія не остались безъ вліянія на послѣдующее законодательство. Сознаніе, что возникновеніе авторскаго права не должно зависѣть отъ произвола закона и что послѣдній обязанъ защищать его, какъ всякое иное пріобрѣтенное право, пустило во Франціи глубокіе корни и открыто выразилось въ декретѣ отъ 28 марта 1852 года, безусловно запрещавшемъ контрафакцію не только французскихъ, но и всякихъ иностранныхъ изданій. Въ 1854 году правительство сдѣлало еще одинъ шагъ въ пользу семейства автора: прежній двадцатилѣтній срокъ ихъ исключительнаго пользованія увеличенъ въ этомъ году десятью годами, причемъ теченіе этого тридцатилѣтняго срока должно начинаться либо со дня смерти автора, композитора или артиста, либо со дня прекращенія правъ его вдовы [57]).

Переходя къ *Англіи*, напомнимъ, что законъ, изданный въ царствованіе королевы Анны, въ 1710 году, ограничилъ защиту авторскаго права четырнадцатью годами, къ коимъ прибавлялось еще четырнадцать лѣтъ, если авторъ переживалъ этотъ срокъ. По изданіи этого закона въ практикѣ возникли сомнѣнія относительно того, уничтожаетъ ли онъ существовавшее дотолѣ обычное право въ области книжнаго міра, или только установляетъ болѣе сильное наказаніе за контрафакцію, которое должно примѣняться на протяженіе означеннаго срока, другими словами: оставилъ ли новый законъ въ силѣ существовавшую до него неограниченную временемъ литературную собственность, или онъ отмѣнилъ

---

[57]) См. *Blanc* в. п. с. стр. 21 и 22. О законопроектѣ, выработанномъ коммиссіею, учрежденною въ 1861 году по повелѣнію Людовика Наполеона III, см. *Спасовича*, Права авторскія и т. д. стр. 18—25. Но мы отнюдь не раздѣляемъ субъективныхъ воззрѣній этого писателя на ея работы и результаты.

ее, замѣнивъ ее временнымъ пользованіемъ? Сомнѣніе это, раздѣлившее юристовъ на два лагеря, было источникомъ двухъ-трехъ процессовъ, изъ коихъ особенно замѣчателенъ процессъ между Мильяромъ (Millar) и Тейлоромъ (Taylor).

Книгопродавецъ Мильяръ купилъ въ 1729 году у Томсона собственность на поэму: *Времена года*, изданную годомъ ранѣе. Въ 1763 году Тейлоръ выпустилъ новое изданіе этой поэмы. Тогда Мильяръ предъявилъ къ нему искъ объ убыткахъ не на основаніи означеннаго статута Анны, такъ какъ въ силу послѣдняго право Мильяра прекратилось уже въ 1757 году, а на основаніи обычнаго права (common law). Слѣдовательно въ этомъ процессѣ суду предстояло разрѣшить два вопроса: 1) дѣйствительно ли существуетъ литературная собственность, которая въ силу обычнаго права разсматривается также, какъ обыкновенная собственность? и 2) если это право существуетъ, то не ограниченъ ли срокъ его названнымъ статутомъ?

На первый изъ этихъ вопросовъ адвокаты Тейлора привели рядъ доводовъ, направленныхъ къ отрицанію всякаго существованія литературной собственности, доводовъ, повторяющихся и въ новое время у ученыхъ противниковъ нашего института. Всякая вещь, говорили они, чтобы состоять въ чьей-либо собственности, должна быть способна къ тому; она должна обладать такими качествами, которыя давали бы возможность овладѣть ею, наложить на нее печать исключительнаго господства, устраняющаго отъ пользованія ею всякое третье лицо. Но такъ называемая литературная собственность не обладаетъ ни однимъ такимъ признакомъ; объектъ ея не есть тѣлесная вещь, такъ какъ въ ней дѣло идетъ не объ отпечатанной бумагѣ, но о содержащихся въ книгѣ мысляхъ, лишенныхъ тѣла и потому неосязаемыхъ.

Она не способна къ оккупаціи или владѣнію, потому что для того и другаго необходимъ такой моментъ времени, съ котораго бы они начинались. Но когда же, спрашивается, начинается право автора? съ момента ли зарожденія въ его головѣ идеи его книги, съ момента ли изобра-

женія этой идеи на бумагѣ, или съ момента изданія книги? Въ первыхъ двухъ случаяхъ нелѣпо было-бы утверждать, что ему принадлежитъ преимущественное право на эту идею и что онъ въ правѣ воспрепятствовать другимъ обнародовать ту-же идею; въ послѣднемъ случаѣ странно было бы считать ее частною собственностью съ того именно дня, когда она становится общею.

У нея нѣтъ характеристическихъ признаковъ собственности, ибо на идею невозможно положить какую-либо печать частнаго господства; идеи незримы и не подлежатъ внѣшнему обладанію.

Она не можетъ состоять въ исключительномъ пользованіи, такъ какъ мысли, будучи разъ обнародованы, выходятъ изъ сферы частнаго господства автора и становятся общимъ достояніемъ, какъ воздухъ и вода.

Что касается втораго вопроса, то не трудно было доказать, что законъ Анны направленъ былъ именно противъ литературной собственности, что толкованіе его лишь въ смыслѣ срочнаго предоставленія защиты и оставленія литературной собственности въ прежнемъ видѣ есть не болѣе какъ слишкомъ очевидная натяжка.

Судьи королевской скамьи, участвовавшіе въ рѣшеніи этой тяжбы, разошлись во взглядахъ: три изъ нихъ, въ томъ числѣ лордъ Мансфельдъ, были того мнѣнія, что по обычному праву авторское право не ограничено никакимъ срокомъ; четыре и въ особенности Іетсъ (Iates), высказали прямо противоположное воззрѣніе. По мнѣнію Іетса, разъ авторъ обнародовалъ или дозволилъ обнародовать свою книгу или свое литературное сочиненіе, то исключительное право его или его представителей исчезаетъ и испаряется немедленно же, такъ какъ обладаетъ слишкомъ воздушною, слишкомъ невещественною природой, чтобы стать предметомъ собственности, и можетъ быть защищаемо только положительными законами и спеціально судомъ, а потому въ силу common law всякій получаетъ право издавать или продавать такую книгу или такое сочиненіе даже противъ воли

автора. Что касается лорда Мансфельда, то вотъ какъ резюмируетъ его мнѣніе Блакстонъ: «Есть другой родъ собственности, которая (если только common law признаетъ ее), будучи основана на трудѣ и изобрѣтеніи, легче всякой иной можетъ быть подведена подъ понятіе оккупаціи, такъ какъ само право оккупаціи, слѣдуя Локу и многимъ другимъ, основано на личномъ трудѣ оккупирующаго. Таково именно право, которое можно присвоить автору на его литературныя произведенія, такъ что никто другой безъ его позволенія не смѣетъ ни издавать съ этихъ послѣднихъ копій, ни извлекать изъ нихъ матеріальную прибыль.

«Когда человѣкъ, напряженіемъ своего ума, создаетъ оригинальное произведеніе, то онъ имѣетъ очевидное право располагать этимъ произведеніемъ по своему произволу, и все, направленное къ измѣненію сдѣланнаго имъ въ этомъ отношеніи распоряженія, представляется вторженіемъ въ его право. Но такъ какъ тожество литературнаго сочиненія всецѣло состоитъ изъ тожества чувства и языка, то одинаковыя концепціи, облеченныя въ одинаковыя выраженія, суть по необходимости одно и то же сочиненіе; и каково бы ни было средство для сообщенія этого сочиненія слуху или зрѣнію другихъ людей, будетъ ли то повѣствованіе, рукопись, печать, каково бы ни было количество копій или выбранное время, изображенное этими способами, сочиненіе всегда останется подлиннымъ произведеніемъ автора, и никто не вправѣ дѣйствовать указаннымъ образомъ, въ особенности для своей прибыли, безъ согласія автора. Правда, это согласіе подразумѣваемо можетъ быть дано всему роду человѣческому; такъ, напримѣръ, когда авторъ допускаетъ печатаніе своего сочиненія другимъ лицомъ, не требуя или не сохраняя за собою своего права, не оттискивая на сочиненіи никакого знака собственности; тогда это будетъ подаркомъ публикѣ, подобно сооруженію церкви, моста, подобно открытію новой дороги; но если авторъ продаетъ лишь одинъ экземпляръ или всецѣло уступаетъ свое право (copyright), то полагали, что въ первомъ случаѣ покупатель

не имѣетъ права размножать копіи этой книги для продажи, точно также какъ не имѣетъ права воспроизводить съ тою же цѣлью купленный имъ билетъ для слушанія оперы или концерта; а во второмъ случаѣ, что собственность всецѣло, со всѣми исключительными правами, навсегда передана цессіонарію».

Въ 1774 году подобное же дѣло между Дональдсономъ и Бекеромъ перенесено было по апеляціи въ палату лордовъ. Мнѣнія между судьями королевской скамьи снова раздѣлились; на разрѣшеніе поставлено было пять вопросовъ, изъ коихъ на первые два и четвертый о томъ, имѣетъ ли авторъ исключительное право собственности на свое произведеніе и продолжается ли это право и послѣ указаннаго срока, большинство отвѣчало утвердительно, но на третій и пятый о томъ, ограничена ли эта собственность закономъ Анны, такъ что всякій искъ противъ нарушенія этой собственности возможенъ лишь въ предѣлахъ установленнаго этимъ закономъ срока и при соблюденіи выставленныхъ въ немъ условій, большинство шести противъ пяти (двѣнадцатый, именно Мансфельдъ, воздержался отъ подачи своего голоса) отвѣчало утвердительно: къ этому послѣднему мнѣнію присоединились остальные лорды верхней палаты. Въ меньшинствѣ находился Блакстонъ. Это рѣшеніе палаты лордовъ сильно напугало издателей; они обратились съ прошеніемъ въ палату общинъ, въ коемъ просили ея заступничества; по ихъ словамъ, они были убѣждены, что законъ Анны не лишаетъ ихъ правъ, предоставляемыхъ имъ обычаемъ, что они затратили значительные капиталы на покупку рукописей и что новое рѣшеніе палаты ихъ окончательно раззоритъ, если имъ не будетъ оказана своевременная защита. Прошеніе ихъ возымѣло благопріятное дѣйствіе, и въ маѣ 1774 года палатѣ лордовъ былъ предложенъ биль, направленный къ улучшенію положенія издателей и писателей. Его поддерживалъ лордъ Литльтонъ, который утверждалъ, что Робертсонъ, Юмъ и др. въ своихъ письмахъ къ нему просили его за биль, что деньги, уплаченныя

книгопродавцами за *Путешествіе Hawkesworth*, очевидно доказываютъ ихъ намѣреніе пріобрѣсти дѣйствительную собственность на это сочиненіе, что онъ проситъ только прійдти на помощь людямъ, истратившимъ съ 1769 года 60000 фунтовъ стерлинговъ на покупку рукописей. «Не слѣдуетъ, говорилъ онъ, отрицать у авторовъ ихъ свободную часть въ общихъ правахъ человѣчества, и ихъ собственность несомнѣнно столь же священна и заслуживаетъ такого же покровительства, какъ и собственность всякаго инаго гражданина».

Противъ биля говорили лордъ Кемденъ (Camden) и канцлеръ Апслей (Apsley). Первый доказывалъ, что литературная собственность есть безсмыслица. «Слава, сказалъ онъ между прочимъ, вотъ награда наукъ, и заслужившіе эту награду гнушаются всякими иными видами. Я не говорю о тѣхъ голодныхъ писакахъ, которые обременяютъ печать своими жалкими произведеніями. Четырнадцать лѣтъ слишкомъ долгая привилегія для ихъ тлѣнныхъ рапсодій. Беконъ, Ньютонъ, Мильтонъ, Локъ поучали и очаровывали міръ не для того, чтобы нажить состояніе. Когда книгопродавецъ предложилъ Мильтону пять фунтовъ за его *Потерянный Рай*, то онъ не отвергъ этихъ денегъ, не бросилъ своей поэмы въ огонь, именно потому, что не принималъ этой жалкой суммы за награду за свой трудъ; онъ зналъ, что истинная цѣна его произведенія,—это безсмертіе, и что потомство уплатитъ ему эту цѣну».

На это можно было бы возразить, что одною славой писатель сытъ не бываетъ, и еслибъ всѣ авторы рождались людьми съ тѣми несмѣтными богатствами, какими постоянно владѣли англійскіе лорды, то они конечно могли бы гнушаться всякими матеріальными разсчетами и искали бы только одной чистой славы. Но къ несчастью, самый незначительный процентъ людей науки и литераторовъ матеріально настолько обезпеченъ, что можетъ дарить или за безцѣнокъ продавать свои труды; большинство же и притомъ болѣе даровитое суть люди недостаточные, питающіеся отъ

своихъ тяжкихъ трудовъ; а потому отказывать имъ въ правѣ собственности на ихъ произведенія было бы столь же несправедливо, какъ отказывать, напримѣръ, ремесленнику въ правѣ собственности на сработанную имъ вещь. Этого повидимому не поняли или не хотѣли понять англійскіе лорды, увлекшіеся пустозвоннымъ краснорѣчіемъ Кемдена и отвергнувшіе биль.

Новое пораженіе, нанесенное борцамъ за идею литературной собственности, поселило тревогу во всемъ книжномъ мірѣ, и со всѣхъ сторонъ стали раздаваться требованія реформы положительнаго законодательства, оказывающаго столь ничтожную защиту авторамъ и издателямъ. Прежде всего съ подобнымъ требованіемъ въ защиту своей собственности обратились въ парламентъ университеты. Благодаря своимъ громаднымъ связямъ и неменьшему вліянію, имъ не трудно было добиться удовлетворенія. Статутъ, изданный на 15 мъ году царствованія Георга Ш, по порядку 53, призналъ за двумя англійскими и четырьмя шотландскими университетами и за коллегіями Этона, Вестминстера и Винчестера вѣчное право собственности на всѣ сочиненія, кои имъ подарены и будутъ подарены для споспѣшествованія прогрессу наукъ и воспитанія; за нарушеніе этой монополіи, продолжающейся доселѣ, назначались наказанія, установленныя въ законѣ королевы Анны.

Въ 1801 г. статутомъ, изданнымъ на 41 году царствованія Георга Ш, по порядку 107, защита авторскаго права распространена была на Ирландію и введены были нѣкоторыя улучшенія въ отношеніи процессуальнаго преслѣдованія контрафакціи, но срокъ защиты оставленъ тотъ же. Въ 1808 году подъ вліяніемъ университетовъ Вильерсъ (Villiers) предложилъ парламенту биль, которымъ имѣлось въ виду увеличить срокъ защиты авторскаго права съ цѣлью большаго обезпеченія интересовъ авторовъ и издателей. Биль этотъ блистательно защищалъ Самуэль Ромайльи (Samuel Romilly), который между прочими соображеніями привелъ одно соціальное, поразительное по своей прав-

дивости. Признаніе литературной собственности, полагалъ онъ, и вытекающіе отсюда выгоды уничтожатъ систему патронатства, которая держитъ мысль человѣка въ зависимости отъ нѣсколькихъ индивидовъ, сдѣлаютъ публику единственнымъ меценатомъ литературы и дадутъ произведеніямъ пера ту независимость чувства и мысли, безъ которой они являются лишь праздной забавой и очень часто орудіемъ деспотизма и порчи нравовъ.

Не смотря однако на скромность тѣхъ измѣненій, которыя предлагалось ввести въ дѣйствующіе законы новымъ билемъ, не смотря на силу и убѣдительность доводовъ его защитниковъ, его удалось провести спустя лишь шесть лѣтъ, именно въ 1814 году, когда онъ вошелъ въ законную силу подъ именемъ статута, изданнаго на 54 году царствованія Георга III, по порядку 156 (stat. 54 Gerg. III, c. 156). Статья 4 этого закона установляетъ, что авторъ и его юридическіе преемники сохраняютъ исключительное право печатанія и изданія даннаго сочиненія въ теченіи двадцати восьми лѣтъ, начиная съ перваго дня появленія его въ свѣтъ. Если авторъ по истеченіи этого срока находится еще въ живыхъ, то означенное право остается за нимъ въ продолженіе всей его остальной жизни.

Если, сказано далѣе въ статьѣ 8, авторъ книги, съ изданія которой, до 29-го іюля 1814 года, не протекло еще четырнадцати лѣтъ, еще находится къ этому времени въ живыхъ и умретъ до истеченія означенныхъ четырнадцати лѣтъ, то наслѣдники и преемники такого автора сохраняютъ исключительное право печатанія и изданія его книги въ продолженіе новыхъ четырнадцати лѣтъ, которые будутъ слѣдовать за истеченіемъ предыдущаго четырнадцатилѣтняго періода, при чемъ пріобрѣтенное издателями отъ автора право продажи отпечатанныхъ ими экземпляровъ и другія заключенныя съ нимъ условія, разсчитанныя на первые четырнадцать лѣтъ, остаются въ теченіе этого послѣдняго срока во всей своей силѣ. Если авторъ (ст. 9) по истеченіи двадцати восьми лѣтъ со дня перваго изданія его

книги находится еще въ живыхъ, то его исключительное право сохраняется за нимъ и во всю остальную его жизнь, при чемъ пріобрѣтенное отъ него издателями на 28 лѣтъ право продажи всѣхъ отпечатанныхъ ими экземпляровъ и другія, заключенныя съ нимъ условія, остаются въ своей силѣ.

Этотъ двадцативосьмилѣтній срокъ парламентскимъ актомъ, изданнымъ въ царствованіе Вильгельма IV, 10-го іюня 1833 года (3. Will. IV, c. 15), распространенъ былъ на драматическія произведенія, а актомъ 5 и 6 Will. IV, c. 65 (9-го сентября 1835 года) на публичныя лекціи [58]).

Двадцать три года спустя была сдѣлана новая попытка выпросить у парламента еще нѣсколько десятковъ лѣтъ прибавки къ установленному послѣднимъ закономъ 28-ми-лѣтнему сроку автарскаго права. Инициативу въ этомъ предпріятіи взялъ на себя даровитый поэтъ и ораторъ Тальфордъ (Talfourd). Пламенное и возвышенное краснорѣчіе въ связи съ непобѣдимою логикой, полнымъ убѣжденіемъ въ святости и правотѣ того дѣла, за которое онъ выступилъ борцомъ, высокое образованіе и преданность литературѣ производятъ чарующее дѣйствіе даже при чтеніи его рѣчей, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи передать нѣкоторыя лучшія мѣста изъ нихъ въ томъ видѣ, какъ они приведены у Эд. Лабулэ. Тальфордъ требовалъ, чтобы литературная собственность пользовалась признаніемъ и юридическою защитой не только при жизни автора, но и въ теченіи шестидесяти лѣтъ послѣ его смерти. Съ этимъ предложеніемъ онъ въ первый разъ выступилъ въ 1837 г. и 18-го мая въ защиту его произнесъ въ парламентѣ блистательную рѣчь, которая была принята послѣднимъ довольно благосклонно.

«Хотя я не вижу никакой причины, сказалъ онъ между прочимъ, для отказа въ возвращеніи авторамъ того наслѣд-

---

[58]) См. объ историческомъ ходѣ англійскихъ законовъ и о литературной собственности у *Лабулэ* Etudes стр. 20—35. *Rénouard* т. I, стр. 228 — 240.

ства, котораго ихъ лишили подъ предлогомъ *покровительства* и *поощренія* (таковы подлинныя слова статута Анны), но я знаю, что этотъ вопросъ уже съ давнихъ поръ третируется какъ компромисъ между тѣми, кои отрицаютъ, что созданія фантазіи и произведенія разума могутъ стать предметомъ собственности, и тѣми, кои полагаютъ, что эта собственность должна продолжаться до тѣхъ поръ, пока живутъ произведенія, содержащія истину и красоту; а потому даже сегодня предлагаю пойдти на сдѣлку и объявляю себя удовлетвореннымъ, если добьюсь условій, лучшихъ чѣмъ условія послѣдняго парламентскаго акта. Я требую, чтобы срокъ литературной собственности равнялся шестидесяти годамъ послѣ смерти автора; это по крайней мѣрѣ дозволитъ писателю, предающемуся трудамъ ради просвѣщенія и очаровыванія грядущихъ поколѣній, видѣть, что сами его книги служатъ наслѣдствомъ для тѣхъ, заботиться о которыхъ предписываетъ ему долгъ, если не самый возвышенный, то ближайшій... Когда противники литературной собственности говорятъ о славѣ, какъ воздаяніи за геній, то они несовсѣмъ великодушно пользуются благородствомъ этого инстинкта, и показываютъ, что имъ самимъ примѣръ этотъ принесъ очень мало пользы. Когда Мильтонъ, нищій и слѣпой, поддерживалъ въ себѣ огонь своего божественнаго энтузіазма при помощи увѣренности, что произведеніе его умретъ лишь вмѣстѣ съ языкомъ, то я заодно съ лордомъ Кемденомъ склоненъ думать, что онъ вовсе не помышлялъ, чтобы продажа его поэмы могла доставить состояніе; но конечно *ясная мечта и торжественный призракъ* его будущей славы подернулись бы тѣнью, еслибъ онъ могъ видѣть, что въ то время, какъ книгопродавцы будутъ соперничать въ великолѣпіи или въ дешевизнѣ, чтобы сдѣлать его образцовое произведеніе доступнымъ всѣмъ его почитателямъ, единственная отрасль его поколѣнія, нѣкая женщина, будетъ избавлена отъ позора и нищеты только благодаря состраданію Гаррика, того самаго Гаррика, который по просьбѣ Жонсона далъ въ ея пользу бенефисъ въ театрѣ, присвоившемъ себѣ изъ *Comus*

(пастушеской комедіи Мильтона) все, что могло быть поставлено на сцену. Щедрость генія, безъ сомнѣнія, выбрана слишкомъ неудачно для того, чтобъ отрицать его права... Гдѣ же тутъ справедливость? Развѣ мы говорили нашимъ Мальбору, нашимъ Нельсонамъ, нашимъ Веллингтонамъ, что ихъ возмездіе слава, что они дрались для потомства и что оно съ ними расплатится? Мы не довольствуемся этою холодною и ненадежною признательностью; намъ мало и того, что мы предоставляемъ имъ пользоваться плодами ихъ побѣды,—въ чемъ мы отказываемъ автору,—мы выражаемъ еще наши чувства благодарности и гордости въ формѣ національнаго дара, этимъ матеріальнымъ свидѣтельствомъ своей признательности показывая грядущимъ вѣкамъ, какъ мы думали и какъ они должны думать о великихъ дѣяніяхъ этихъ людей. Развѣ наши Шекспиры, наши Мильтоны менѣе нашихъ героевъ были славою своей страны и благодѣтелями человѣчества? Развѣ примѣръ будетъ менѣе поощрителенъ, если мы имъ позволимъ пользоваться плодами ихъ мирныхъ побѣдъ, если мы предоставимъ ихъ нисходящимъ не налогъ, установленный сегодняшнею признательностью для обремененія будущаго поколѣнія, а просто оброкъ, который будущность сочтетъ за счастіе уплачивать имъ, который будетъ вноситься по мѣрѣ расширенія сферы ихъ славы и который будутъ платить только лично пользующіеся ихъ благодѣяніемъ, осчастливленные возможностью въ одно и тоже время воспользоваться великимъ человѣкомъ и вознаградить его.

«Есть что-то особенно несправедливое въ томъ, что срокъ собственности опредѣляется продолжительностью жизни автора, если онъ переживетъ короткій періодъ двадцати восьми лѣтъ. Это значитъ отказывать старости и опытности въ вѣроятномъ возмездіи, даваемомъ молодости; это значитъ давать премію торопливости и сказать человѣку трудолюбивому, истощающему свои силы надъ завершеніемъ труда, которому міръ добровольно не дастъ умереть, что чѣмъ болѣе онъ станетъ посвящать свою жизнь на улуч-

шеніе своего произведенія, тѣмъ менѣе онъ соберетъ съ него плодовъ. Это значитъ остановить возмездіе въ тотъ именно моментъ, когда оно больше всего необходимо, когда благость природы извлекаетъ изъ послѣдняго насчастія опору и утѣшеніе для переживающихъ. Въ моментъ, когда имя автора получаетъ высшій интересъ, даваемый смертью, когда его странности и слабости перестаютъ вызывать улыбку или презрѣніе, когда на его земную жизнь наложена послѣдняя печать и когда его книги занимаютъ свое мѣсто между классиками страны, въ этотъ именно моментъ вашъ законъ объявляетъ, что его сочиненія становятся вашею собственностью, и вы вознаграждаете его тѣмъ, что конфискуете наслѣдственное достояніе его дѣтей. Мы порицаемъ заблужденія и крайности генія и нерѣдко справедливо приписываемъ ихъ странности его натурѣ; но если геній, въ доказательство присущаго ему божественнаго элемента, даетъ обильные плоды именно въ то время, когда земной путь его бреннаго владѣльца завершился, то имѣетъ ли публика право оскорблять его нисходящихъ своими подачками и своимъ соболѣзнованіемъ? Имѣемъ ли мы право читать мораль по поводу крайностей Бернса (Burns) и оскоблять его память почестями, оказываемыми изъ состраданія, когда мы пользуемся его преждевременною смертью для пріобрѣтенія его сочиненій по ничтожной цѣнѣ?.. Но посмотрите на другое зрѣлище геніальнаго и честнаго человѣка, получавшаго отъ своихъ современниковъ только оскорбленія и обиды, а отъ потомства одно голое имя. Посмотрите на Даніеля Фоэ; посмотрите на него опозореннаго, раззореннаго, истощающагося въ усиліяхъ расплатиться со своими кредиторами, и посмотрите на его книги, живыя, копируемыя, искажаемыя, и при всемъ томъ сохраняющія свою непорочность не вслѣдствіе покровительства закона, но благодаря своему собственному чистому содержанію. Еслибы каждый ученикъ, юное воображеніе коего воодушевлялось великимъ произведеніемъ этого писчтеля и сердце коего билось въ странномъ, но родномъ уединеніи, созданномъ Даніелемъ,

давалъ полъ пени [59]) статута королевы Анны, то его дѣти не были бы въ такой нуждѣ и не было бы надобности въ подпискѣ на сооруженіе статуи, посвященной его памяти!»

Хотя впечатлѣніе, произведенное этою рѣчью, было вполнѣ благопріятно, но смерть короля помѣшала на этотъ разъ довести предложеніе Тальфорда до желаннаго исхода. Въ виду этого Тальфордъ возобновилъ его въ слѣдующемъ году, но на этотъ разъ онъ встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны книгопродавцевъ. Если дотолѣ они платили незначительныя суммы за продаваемое имъ право изданіе, отговариваясь краткосрочностью этого права, то съ принятіемъ биля Тольфорда эта отговорка должна была утратить весьма значительную долю своего прежняго значенія. Имъ предстояло, такимъ образомъ, повысить гонораръ, выплачиваемый писателямъ, и слѣдовательно употреблять на изданіе сочиненій большія противъ прежняго издержки. Очевидно, что подобная перспектива была имъ далеко не по душѣ. Защитникомъ ихъ интересовъ выступилъ въ парламентѣ мистеръ Тегъ (Tegg). Подобно всѣмъ противникамъ литературной собственности, онъ доказывалъ, что увеличеніе срока этой собственности поведетъ къ возвышенію цѣнъ на книги, что оно дозволитъ наслѣдникамъ извлекать эти послѣднія изъ обращенія и будетъ препятствовать распространенію знаній, что эта несправедливая и чрезмѣрная монополія доставитъ авторамъ гораздо больше того, что заслуживаютъ ихъ таланты и труды. Вотъ какъ возражалъ на эти доводы Тальфордъ.

«Мы не можемъ рѣшить отвлеченный вопросъ о соотношеніи между умомъ и деньгами, потому что не существуетъ такой обыкновенной собственности, которая могла бы послужить мѣриломъ для этого соотношенія; но не трудно

---

[59]) По стату Анны за каждый контрафактный листъ взыскивалось по одному пени штрафа, половина коего шла королю, а другая доказчику; на эту то вторую половину и намекаетъ Тальфордъ, предлагая обращать ее въ пользу автора и его семейства.

отвѣтить на вопросъ: сколько автору слѣдуетъ получить?— Да столько, сколько его читатели захотятъ ему дать. Когда мы говоримъ, что его сочиненія доставили ему несмѣтное богатство, то не говоримъ ли мы этимъ, что онъ пріумножилъ источники удовольствія безчисленныхъ читателей и осчастливилъ тысячи часовъ, которые безъ него проведены были бы въ печали, скукѣ или безпутствѣ? Оба эти предложенія тожественны; доказать одно, значитъ доказать другое... Одинъ изъ главныхъ оппонентовъ настоящаго биля, застрѣльщикъ той благородной фаланги издателей, книгопродавцевъ, типографщиковъ и переплетчиковъ, которая организовалась противъ этого закона, утверждалъ, что выбранный мною примѣръ Вальтерскота для доказательства справедливости увеличенія срока литературной собственности чрезвычайно неудаченъ, такъ какъ этотъ великій писатель именно при господствѣ нынѣ дѣйствующаго права получалъ безпримѣрный доходъ отъ непосредственной продажи своихъ сочиненій. Но, господа, вопросъ здѣсь вовсе не въ вознагражденіи, а въ справедливости. Можетъ ли мой противникъ доказать, что къ его промыслу примѣняется подобное же правило? Пойдемъ далѣе; данный издатель своею почтенною, конечно, торговлею пріобрѣлъ великолѣпное состояніе, составившееся изъ продажи книгъ, принадлежащихъ обществу на правѣ собственности—книгъ, авторы которыхъ только въ гробу нашли себѣ успокоеніе отъ горячекъ, дрязгъ и зависти, сопровождающихъ многострадальную жизнь литератора. Оспариваетъ ли кто-нибудь у такого издателя его состояніе? сомнѣвается ли кто-нибудь въ его правѣ сохранить его? А между тѣмъ, слѣдуя аргументаціи издателей, все это состояніе до послѣдней копѣйки отнято у публики; это доходъ съ проданныхъ публикѣ книгъ, это скопленіе копѣекъ, которые остались бы въ карманѣ покупателя, если бы эти книги продавались безъ выгоды. На чемъ основывается г. Тегъ, удерживая то, въ чемъ онъ отказываетъ Вальтерскоту? Не на высшемъ ли достоинствѣ? не на болѣе ли значительныхъ тру-

дахъ? не на болѣе ли важной заслугѣ обществу? Я не сомнѣваюсь, что каррьера его была такова же, какъ каррьера всякаго честнаго и трудолюбиваго торговца; но развѣ можно сравнить его душевныя волненія съ страшнымъ трудомъ, съ продолжительною агоніей того, кого гибельный союзъ съ тѣми же промышленниками, которые вступили сегодня со мною въ единоборство, и благородная рѣшимость соединить самую суровую честность съ самымъ возвышеннымъ умомъ привели къ преждевременной могилѣ,—къ могилѣ, по винѣ закона, охватившей смертнымъ холодомъ плодъ его трудовъ и отнимающей все достояніе у тѣхъ, кои остались, чтобы оплакивать его? Взгляните на эту героическую борьбу, посмотрите, какое грустное зрѣлище представляетъ этотъ человѣкъ, который когда то радовался своему быстрому созиданію тысячи характеровъ, ключемъ бившихъ изъ его головы и отмѣченныхъ каждый печатью безсмертія; полюбуйтесь же на него теперь, когда онъ напрягаетъ свой мозгъ до того, что нѣкогда любимое имъ занятіе становится пыткою; когда онъ ведетъ безпрерывную борьбу, чтобъ скинуть съ себя гнетущее бремя, и съ неустрашимою рѣшимостью, но съ ослабѣвшими силами возится съ заказанною ему работой до того, что его дарованіе отказывается служить ему, что перо падаетъ изъ его руки на бумагу, по которой больше не пишетъ, бумагу, въ безмолвіи орошаемую слезами человѣка, у коего осталось одно лишь сознаніе своего умственнаго безсилія; взгляните же теперь на нѣкоего счастливаго книгопродавца, на своей дачѣ измѣряющаго приближеніе того времени (увы, слишкомъ близкаго!), когда онъ въ состояніи будетъ издать въ свою исключительную пользу тѣ произведенія, которыя убили автора, и если мы должны соразмѣрять вознагражденіе съ трудомъ, то скажите, справедливы ли жалобы книгопродавцевъ? Если бы Вальтерскотъ зналъ, что его право на его произведенія продлится далѣе его смерти, то его достояніе и его сердце были бы свободны, и типографщики и издатели, наши теперешніе противники, считали бы за счастье

просить у него новыхъ произведеній и приращали бы его состояніе, увеличивая свое собственное».

Билю мало посчастливилось и на этотъ разъ; пресловутая англійская практичность обладаетъ особеннымъ искусствомъ воздвигать различныя преграды всякому благому начинанію, когда оно прямо или косвенно грозитъ туго набитому карману англійскихъ торгашей и промышленниковъ. А потому и въ этотъ разъ напуганные ремесленные издатели приняли всѣ мѣры предосторожности противъ мнимаго новаго врага: предложенію Тальфорда было противопоставлено столько споровъ, поправокъ и передѣлокъ, что пускать его на голоса оказалось безполезнымъ. Но Тальфордъ не унывалъ и въ слѣдующемъ 1839 году возобновилъ его съ еще большею силою, чѣмъ въ оба предыдущіе раза. Такъ какъ ему было поставлено на видъ, что онъ является непрошеннымъ ходатаемъ за авторовъ, ничѣмъ открыто не заявившихъ своей солидарности съ означеннымъ предложеніемъ, то Тальфордъ представилъ нѣсколько петицій, адресованныхъ въ парламентъ отъ имени наиболѣе извѣстныхъ писателей того времени, въ числѣ которыхъ были прошенія Алисона, автора исторіи Европы во время французской революціи, Уордсворфа (Wordsworth), одного изъ наиболѣе уважаемыхъ поэтовъ Англіи, и знаменитаго Карлейля. Прошеніе этого послѣдняго, чрезвычайно оригинальное по стилю, цѣликомъ приведено въ часто цитируемомъ нами сочиненіи Эд. Лабулэ; въ немъ въ сжатомъ видѣ воспроизводятся всѣ главнѣйшіе аргументы въ пользу продленія срока литературной собственности за предѣлы жизни автора, при чемъ всѣ эти аргументы Карлейль приводитъ отъ своего лица и въ примѣненіи къ своимъ сочиненіямъ. «На долю вашего просителя, говоритъ онъ между прочимъ, не выпало счастія получить отъ Томаса Тега или другаго издателя, типографщика, книгопродавца или имъ подобныхъ корпорацій, какое-либо поощреніе или какую-либо поддержку для писанія сказанныхъ книгъ; да онъ и не видѣлъ никакого шанса къ

такому полученію, но писалъ лишь съ помощью Бога и собственнаго труда».

Всякій полезный или честный трудъ заслуживаетъ вознагражденія или можетъ разсчитывать на таковое, а соціальный порядокъ, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся, обязанъ обезпечить ему это вознагражденіе; проситель не берется рѣшить, заслуживаетъ ли вознагражденія его трудъ, должно ли оно заключаться въ деньгахъ и могутъ ли деньги побудить его снова приняться за трудъ.

Но проситель доселѣ или вовсе не получалъ никакого вознагражденія деньгами либо денежными цѣнностями, или получалъ таковое въ очень малыхъ размѣрахъ; онъ отнюдь не убѣжденъ, что получитъ его когда-нибудь, но во всякомъ случаѣ онъ полагаетъ, что, если это случится, то въ далекомъ будущемъ, когда онъ, труженникъ, уже вѣроятно не будетъ нуждаться въ деньгахъ и когда въ нихъ будутъ нуждаться тѣ, коихъ онъ любитъ.

Законъ покровительствуетъ всякому лицу въ продажѣ его плодовъ, на какомъ бы мѣстѣ, за какую бы цѣну и въ какое бы время эта продажа ни была произведена; въ этомъ отношеніи онъ относится ко всѣмъ одинаково, хотя для многихъ дѣлаетъ больше.

Проситель составленіемъ своихъ книгъ не совершилъ никакого преступленія, чтобы лишиться покровительства этого закона; онъ находитъ, напротивъ того, что предавался совершенно невинному занятію, и если его книги долговѣчны и оказываютъ услугу Англіи и человѣчеству, то на деньги трудно опредѣлить ихъ стоимость; если же онѣ фальшивы и скоротечны, то будутъ скоро забыты. Но кромѣ самого автора никто отъ этого не несетъ ущерба; только авторъ ставитъ тутъ на карту всю свою будущность и рискуетъ даже покончить голодною смертью. Вслѣдствіе того проситель находитъ, что маленькіе барыши отъ его книгъ должны принадлежать ему и его родственникамъ и что кромѣ нихъ ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не имѣетъ на нихъ права ни теперь, ни послѣ, никогда.

«А потому не благоугодно ли будетъ вашей почтенной палатѣ оказать въ этомъ покровительство просителю и (вотируя биль о литературной собственности) запретить всѣмъ Томасамъ Тегамъ и другимъ постороннимъ лицамъ, не имѣющимъ никакой части въ его дѣлахъ, воровать у него его маленькіе барыши въ теченіе по крайней мѣрѣ шестидесяти лѣтъ; послѣ этихъ шестидесяти лѣтъ, если ваша почтенная палата не рѣшитъ иначе, они могутъ начать воровать».

Доводы, изложенные въ вышеназванныхъ прошеніяхъ, Тальфордъ подробно развивалъ въ своей рѣчи съ свойственнымъ ему возвышеннымъ краснорѣчіемъ и увлеченіемъ.

«Развѣ эти просители, сказалъ онъ, не имѣютъ собственности, заслуживающей покровительства? Нѣтъ, возразятъ и повторятъ нѣкоторые изъ оппонентовъ; у нихъ нѣтъ собственности. Съ того момента, какъ авторъ начерталъ свои мысли на бумагѣ и предоставилъ ихъ міру, собственность его, по ихъ мнѣнію, совершенно прекратилась. Почему же? развѣ онъ не затратилъ капитала, развѣ онъ не рисковалъ состояніемъ? Если человѣческая жизнь по вашимъ коммерческимъ разсчетамъ ничего не стоитъ, если пожертвованіе общественнымъ положеніемъ, здоровьемъ, богатствомъ не имѣетъ значенія, то заслуживаетъ ли по крайней мѣрѣ хоть какого нибудь уваженія усиліе того, кто рискуетъ своимъ имуществомъ для просвѣщенія людей? Или интересъ тутъ до того тонокъ, до того неуловимъ, что вы не можете считать его собственностью, потому что разсудокъ оцѣниваетъ его иначе, чѣмъ сердце? Такъ вотъ гдѣ справедливость! Если такъ, то почему вы покровительствуете честному имени, какъ самому драгоцѣнному достоянію человѣка? почему вы вознаграждаете того, чье честное имя подверглось оскорбленію, взысканіемъ въ его пользу убытковъ? Развѣ бытье этого достоянія хоть наполовину такъ наглядно, какъ бытье права автора на творенія его головы, когда онъ ихъ отпечатаетъ?... Если законъ можетъ защищать нравственные, невидимые интересы, то почему же онъ не можетъ защи-

щать того интереса, который авторъ имѣетъ въ этихъ живыхъ словахъ, кои, по счастливому выраженію великаго мыслителя, Гацлита, *суть единственная вещь, живущая вѣчно*?...»

Далѣе ораторъ развиваетъ слѣдующее положеніе, высказанное Уордсвортомъ въ его прошеніи: «Биль имѣетъ своею главною цѣлью освободить литераторовъ отъ рабства, заставляющаго ихъ любезничать съ живущимъ поколѣніемъ, помочь имъ возвыситься надъ раболѣпнымъ вкусомъ и пошлыми предразсудками, и поощрить ихъ отдаться своему особенному призванію.»

«Меня обвиняли, сказалъ онъ въ заключеніе, что я прошу васъ превратить въ законъ сентиментальную мечту; я отвергаю этотъ упрекъ. Живая истина предъ нами. Эти призраки опустѣвшихъ типографій и раззоренныхъ лавокъ суть праздные вымыслы нашихъ противниковъ. Еслибъ я требовалъ снисхожденія къ слабостямъ и крайностямъ, иногда компрометирующимъ прекрасные таланты, еслибъ я взывалъ къ вашей симпатіи въ пользу обманутыхъ надеждъ и безпардонныхъ стремленій, то обвиненіе было бы справедливо. Я ходатайствую не за сумасбродство, но за благоразуміе, не за преходящее, но за вѣчное; я ходатайствую за того, кто, все равно, поэтъ ли онъ, философъ или историкъ, задаетъ себѣ задачу, хватающую на всю его жизнь, и отказывается отъ всѣхъ суетныхъ стремленій ради достиженія почтенной цѣли. Когда его одобряетъ отдаленная надежда на тотъ задушевный привѣтъ, съ которымъ будетъ встрѣчено его появленіе среди преемниковъ славы, то я не хочу, чтобъ онъ трепеталъ при мысли, что этотъ привѣтный крикъ будетъ звучать какою-то насмѣшкой для тѣхъ, кого онъ любитъ, и разбудитъ лишь печальное эхо вокругъ его разрушеннаго очага. Вотъ для такихъ то писателей я прошу вашей благосклонности, прошу покровительства, которое, служа имъ, будетъ служить всему человѣчеству...»

Но и въ этотъ разъ усилія Тальфорда не привели ни

къ какому результату. Тогда онъ возобновилъ свой биль въ 1840, а затѣмъ въ 1841 году; въ то время, какъ побѣда уже улыбалась ему, противъ него неожиданно выступилъ одинъ изъ министровъ, знаменитый историкъ Маколей; вмѣшательство этого ученаго авторитета и его чарующее краснорѣчіе рѣшили участь биля: онъ былъ отвергнутъ большинствомъ семи голосовъ. Тѣмъ не менѣе, въ слѣдующемъ 1842 году предложеніе Тальфорда было возобновлено лордомъ Маюномъ, причемъ срокъ пользованія литературною собственностью послѣ смерти автора былъ сокращенъ. Этотъ проектъ, дополненный назначенною для того коммиссіей, былъ принятъ парламентомъ и продолжаетъ дѣйствовать доселѣ подъ именемъ статута, изданнаго въ 5-й и 6-й годъ царствованія Викторіи, по порядку 45-й (5 et 6 Vict. c. 45). Въ немъ различаются три рода литературной собственности: 1) собственность короны и ея цессіонаріевъ (patentees), названная *prerogative copyrigth*; сюда относятся: а) парламентскіе акты, прокламаціи и указы совѣта и т. д., б) церковнослужебныя книги и в) библія; 2) собственность университетовъ и различныхъ коллегій, основанная на льготахъ, дарованныхъ этимъ учрежденіямъ прежними статутами, и 3) собственность авторовъ и ихъ юридическихъ преемниковъ. Относительно этой послѣдней законъ постановляетъ, что право собственности на всѣ книги, изданныя послѣ 1 іюля 1842 г. (день принятія биля), имѣетъ продолжаться въ теченіе всей жизни автора и послѣ его смерти въ теченіе семи лѣтъ. Но если этотъ семилѣтній срокъ истечетъ прежде, чѣмъ исполнится сорокъ два года со времени перваго изданія, то право собственности продолжается до конца этого періода. Исключительное право на изданія посмертныя сохраняется за собственниками рукописей въ продолженіе того же сорока двухлѣтняго срока со дня перваго изданія. Кромѣ того законъ присвоиваетъ весьма оригинальное право частному королевскому совѣту, вполнѣ характеризующее воззрѣніе англійскаго законодательства на существо авторскаго права. Если судебному

комитету этого совѣта будетъ донесено, что собственникъ книги умершаго писателя отказывается издать ее вторично или дозволить сдѣлать это другому лицу, и что вслѣдствіе этого книга можетъ выйдти изъ обращенія, то комитету предоставляется разрѣшить просителю издать эту книгу въ такомъ видѣ и подъ такими условіями, какія комитетъ найдетъ наиболѣе пригодными. Всякая литературная собственность и всякое измѣненіе въ ея личномъ составѣ должны быть вносимы въ списки корпораціи книгопродавцевъ (стешіонеровъ), причемъ эти списки открываются каждому желающему за плату одного шилинга, а за пять шилинговъ выдаются засвидѣтельствованныя копіи съ сдѣланныхъ въ нихъ отмѣтокъ. Эти копіи считаются несомнѣннымъ доказательствомъ права собственности на данное литературное произведеніе.

Требованіе внесенія въ списки стариннаго происхожденія и служитъ доказательствомъ, что взглядъ англійскаго законодательства на литературную собственность, какъ на уступку, какъ на дарованную свыше льготу, нисколько не измѣнился и что въ этомъ отношеніи Англія не только не опередила континентальныхъ европейскихъ государствъ, но весьма значительно отъ нихъ отстала. Консерватизмъ, преобладающій въ правѣ англійскаго народа, заслуживалъ бы конечно полной похвалы, какъ гарантія прочности соціальнаго строя, еслибъ онъ во многихъ случаяхъ не преграждалъ дороги прогрессивному движенію законодательства и распространенію научныхъ истинъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что практика англійскихъ судовъ лишаетъ защиты сочиненія безнравственнаго и циническаго содержанія, хотя болѣе благоразумные судьи этой практики не придерживаются [60]).

Переходя затѣмъ къ историческому движенію литературной собственности въ *Россіи*, мы должны повторить то, что имѣли уже случай высказать выше. Юридическія нормы,

---

[60]) См. *Ренуара* стр. 239 и сл. *Hartt.* в. и. с. стр. 8.

регулирующія у насъ авторское право, зародились и выросли не на нашей почвѣ: авторскимъ правомъ наше законодательство занялось лишь въ то время, когда по отношенію къ нему установилось полное единогласіе всѣхъ законодательствъ цивилизованныхъ государствъ; и потому неудивительно, что къ литературной собственности наши законы относились и относятся также, какъ и они, т. е. считаютъ ее срочнымъ правомъ. Привилегіи и ихъ перипетіи не нашли себѣ въ нашемъ государствѣ никакой пищи: кругъ нашихъ читателей былъ до того тѣсенъ, а количество литературныхъ тружениковъ до того незначительно, что контрафакція не могла найдти себѣ здѣсь сколько-нибудь благодарнаго поприща. Немногія привилегіи, дарованныя академіи наукъ и др. юридическимъ лицамъ, были собственно привилегіями не на отдѣльныя, самостоятельныя сочиненія, а на отдѣльныя отрасли литературы, каково, напримѣръ, право исключительнаго изданія календарей, алманаховъ, вѣдомостей и т. д. Того именно, что въ западной Европѣ носило названіе привилегіи на книги, т. е. обезпеченіе автора или издателя отъ произвольныхъ перепечатокъ Россія не знала.

Къ непосредственному регулированію литературной собственности наше законодательство приступило лишь въ 1828 году. 22 апрѣля этого же года изданъ былъ цензурный уставъ, подчинившій цензурное вѣдомство министру народнаго просвѣщенія и отмѣнившій всѣ дѣйствовавшія дотолѣ законоположенія о томъ же предметѣ [61]). Въ этомъ-то уставѣ литературной собственности посвящено пять статей (§§ 135 — 139), въ коихъ содержатся главнѣйшія основы всѣхъ послѣдующихъ законоположеній о томъ же предметѣ. Въ первой изъ нихъ, именно въ § 135, сочинителю или переводчику предоставляется исключительное право изданія и продажи ихъ произведеній въ теченіе всей ихъ жизни, причемъ сочиненіе названо имуществомъ благопріобрѣтен-

[61]) См. полное собраніе законовъ за 1828, № 1979.

нымъ. Въ слѣдующемъ § это же право распространено и на законныхъ наслѣдниковъ сочинителя, но они могли пользоваться имъ только въ продолженіе 25 лѣтъ со дня смерти сочинителя, если послѣдній никому иному не завѣщалъ своихъ произведеній. Это постановленіе давало бы право заключить, что *двадцатипятилѣтній* срокъ пользованія установленъ только для наслѣдниковъ законныхъ, а не по завѣщанію, еслибы смыслъ его не выяснился съ достаточною полнотой въ послѣдующихъ законоположеніяхъ, изданныхъ въ дополненіе къ названному цензурному уставу. Далѣе § 137 разрѣшаетъ всѣмъ, по истеченіи этого срока, свободную перепечатку литературныхъ произведеній частныхъ лицъ; § 138 запрещаетъ всякаго рода контрафакцію, но не постановляетъ никакого наказанія за нарушеніе этого запрещенія, и наконецъ послѣдній 139 §, возлагая наблюденіе за точнымъ исполненіемъ вышеизложенныхъ правилъ на цензурные комитеты и Главное Управленіе Цензуры, предписываетъ разбирать всѣ споры между авторами и издателями «о законной принадлежности какой-либо книги» третейскимъ судомъ, а при несогласіи на него тяжущихся, обыкновеннымъ порядкомъ судопроизводства.

Приведенныя постановленія являются лишь предварительнымъ планомъ, какъ бы общими начатками болѣе обширнаго законодательства о литературной собственности, каковымъ можетъ быть названо Высочайше утвержденное положеніе о правахъ сочинителей, отъ 22 апрѣля того же года [62]). Всѣ отдѣльныя правила этого положенія, за весьма немногими измѣненіями, вошли и въ послѣдующіе законы о литературной собственности и продолжаютъ дѣйствовать доселѣ. Въ него вошли также дословно и всѣ вышеизложенные пять параграфовъ, причемъ они дополнены и развиты были слѣдующими новыми правилами.

1) Никому не проданное рукописное или печатное сочиненіе безъ согласія автора его не можетъ быть обращено на

---

[62]) См. Полное Собраніе Законовъ за 1828 годъ, № 1980.

удовлетвореніе кредиторовъ послѣдняго ни при его жизни, ни по его смерти. Обязательства книгопродавцевъ, заключенныя ими съ данными авторами, переходятъ и на покупателей, въ случаѣ продажи за долги и по конкурсу пріобрѣтенныхъ ими рукописей (§ 2).

2) Второе изданіе можетъ быть предпринимаемо лишь вслѣдствіе предварительнаго соглашенія между сочинителемъ и издателемъ; за отсутствіемъ же такого соглашенія, сочинитель или его наслѣдники могутъ приступить ко второму изданію лишь по истеченіи пяти лѣтъ со дня выдачи изъ цензуры позволительнаго на выпускъ книги билета (§ 3).

3) Но если въ книгѣ прибавлено или измѣнено двѣ трети ея или ей дана совершенно новая форма, то второе изданіе разрѣшается сочинителю независимо отъ всякихъ условій (§ 5).—Что̀ разумѣть подъ сообщеніемъ книгѣ новой формы, Положеніе нигдѣ не объясняетъ.

4) Срокъ исключительнаго пользованія наслѣдниковъ обнимаетъ собою 25 лѣтъ, въ теченіе коего всякое изданіе книги помимо ихъ воли почитается контрафакціею, хотя-бы къ книгѣ былъ приложенъ переводъ ея на другой языкъ, или новое предисловіе или замѣчанія или хотя-бы ей дано было другое заглавіе (§§ 6, 7, 8).

5) §§ 9, 10 и 11 даютъ опредѣленіе того, кого именно слѣдуетъ считать контрафакторомъ. Эти три параграфа съ незначительными измѣненіями въ редакціи вошли въ нынѣшній цензурный уставъ и соотвѣтствуютъ въ немъ статьямъ: 297 (кромѣ пунктовъ *б* и *в*) и 299.

6) § 12, трактующій о правѣ перевода книгъ, изданныхъ въ Россіи, вполнѣ соотвѣтствуетъ статьѣ 302 нынѣшняго цензурнаго устава, при чемъ и тамъ и тутъ совершенно умалчивается о переводахъ книгъ, изданныхъ заграницей, вѣроятно въ томъ соображеніи, что вопросъ этотъ зависитъ отъ международныхъ трактатовъ Россіи съ другими державами.

7) §§ 13 и 17, точно также за незначительными измѣ-

неніями въ редакціи, вполнѣ соотвѣтствуютъ статьямъ: 303 и 306 нынѣшняго цензурнаго устава.

8) Наказаніе за контрафакцію состояло въ томъ, что контрафакторъ обязанъ былъ «платить законному издателю вдвое противъ издержекъ, нужныхъ для напечатанія 1200 экземпляровъ контрафактированнаго сочиненія, считая вдвое противъ цѣны, полученной контрафакторомъ за проданные экземпляры, и сверхъ того всѣ контрафактные экземпляры отбирались въ пользу законнаго издателя». Двѣ трети взысканной съ контрафактора суммы поступали въ пользу законнаго издателя, а остальная треть въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія.

9) Послѣдній, именно 18-й §, постановлялъ, что «общества, издающія сочиненія, имѣютъ какъ-бы одно лицо, тѣ же самыя права и обязанности».

10) Наконецъ § 4 постановляетъ, что условія между издателями и сочинителями записываются въ маклерской книгѣ, при чемъ онъ не связываетъ съ несоблюденіемъ этой записки никакихъ невыгодныхъ послѣдствій, а § 15 установляетъ для преслѣдованія контрафакціи двухгодичный срокъ со времени ея учиненія.

Практическое примѣненіе этихъ правилъ обнаружило въ нихъ значительные неясности и пробѣлы, которые необходимо было восполнить. Вслѣдствіе того уже почти два года спустя, именно 4 февраля 1830 года, появилось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 8-го января того же года [63]), направленное именно къ этой цѣли. Въ немъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ редакціи удержаны всѣ вышеизложенныя правила, которыя пополнены значительнымъ количествомъ новыхъ, большая часть коихъ въ почти неизмѣненномъ видѣ перешла въ нынѣ дѣйствующій цензурный уставъ. Мотивы, побудившія законодателя къ установленію этихъ правилъ, покрыты мракомъ неизвѣстности, такъ какъ въ прежніе годы не былъ въ ходу обще-

---

63) См. Полное собраніе законовъ за 1830 г. № 3411.

принятый нынѣ обычай издавать въ свѣтъ вмѣстѣ съ текстомъ закона не только мотивы его, но и всѣ послужившіе ему основаніемъ матеріалы. Изъ числа введенныхъ этимъ законодательнымъ актомъ новыхъ правилъ слѣдуетъ указать на слѣдующія:

1) § 3 постановляетъ, что новое изданіе, сдѣланное за пять лѣтъ до истеченія срока исключительнаго права, то есть 25 лѣтъ, увеличиваетъ этотъ срокъ еще на десять лѣтъ.

2) § 4 содержитъ въ себѣ правило о первыхъ издателяхъ народныхъ пѣсень, пословицъ, сказокъ и т. п., цѣликомъ вошедшее въ нынѣшій цензурный уставъ и соотвѣтствующее въ немъ 285-й статьѣ.

3) §§ 9, 10, 11, 12 и 13 представляются тоже дополненіями къ прежнимъ правиламъ и соотвѣтствуютъ статьямъ: 290, 291, 292, 293 и 294 цензурнаго устава, при чемъ они не потерпѣли въ послѣднемъ никакого измѣненія въ редакціи.

4) Въ § 16 къ прежнему перечисленію случаевъ контрафакціи присоединенъ еще одинъ весьма важный, упущенный прежде изъ виду случай, а именно въ пунктѣ *c* къ контрафакціи причисляется и напечатаніе безъ согласія автора произнесенной или читанной имъ публично рѣчи или иное сочиненіе. Въ этомъ видѣ параграфъ этотъ вошелъ и въ нынѣ дѣйствующій цензурный уставъ и соотвѣтствуетъ въ немъ статьѣ 297.

5) Къ числу дополненій слѣдуетъ отнести и §§ 17, 19 и 20, трактующіе о заимствованіяхъ въ христоматіяхъ и другихъ учебныхъ книгахъ, о контрафакціи перевода книгъ и словарей и также цѣликомъ вошедшіе въ нынѣшній цензурный уставъ, въ которомъ соотвѣтствуютъ статьямъ: 298, 300 и 301.

6) Поясненіемъ и развитіемъ послѣдняго параграфа положенія 1828 года представляются §§ 27—31, трактующіе о литературной собственности юридическихъ лицъ. Большая часть изъ нихъ, а именно §§ 27, 28, 30 и 31 безъ всякихъ измѣненій вошли въ цензурный уставъ, гдѣ соотвѣтствуютъ

первой половинѣ 308 статьи и статьямъ: 310, 311 и 312. Что же касается § 29, то въ немъ къ установленному 25-лѣтнему сроку исключительнаго права пользованія, предоставленнаго ученымъ обществамъ, прибавляется еще 10 лѣтъ, если изданіе было повторено еще въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ.

7) Наконецъ въ §§ 32—40 развиваются и дополняются судопроизводственныя правила Положенія 1828 года. На нихъ мы останавливаться не станемъ, такъ какъ они почти всѣ, кромѣ §§ 35 и 36, въ цензурный уставъ не внесены и большею частью соотвѣтствовали прежнему порядку судопроизводства и судоустройства.

Всѣ изложенныя постановленія потерпѣли въ 1857 году измѣніе въ томъ смыслѣ, что прежній двадцатипяти и тридцатипятилѣтній сроки замѣнены пятидесятилѣтнимъ. Измѣненіе это произведено Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта отъ 15 апрѣля 1857 г. [64]). Мотивы этого болѣе благопріятнаго отношенія къ литературной собственности точно также не указаны; изъ приведеннаго мнѣнія Государственнаго Совѣта можно лишь усмотрѣть, что починъ увеличенія срока защиты авторскаго права принадлежалъ Второму Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, съ мнѣніемъ котораго въ этомъ отношеніи согласился Государственный Совѣтъ.

Нынѣ дѣйствующія постановленія о литературной собственности, помѣщенныя въ томѣ XIV въ качествѣ особаго отдѣла цензурнаго устава и обнимающія собою статьи отъ 282 до 320, составлены изъ изложенныхъ выше правилъ 1828, 1830 и 1857 годовъ о томъ же предметѣ. Помѣщеніе ихъ въ цензурномъ уставѣ вовсе несоотвѣтствуетъ ихъ истинной юридической природѣ; всѣ они относятся къ матеріальному или процессуальному гражданскому и уголовному правамъ и соотвѣтственно этому всѣ правила по матеріальному гражданскону праву должны были бы найдти

[64]) Полное собраніе законовъ за 1857 г. № 31732.

себѣ мѣсто въ первой части X-го тома, и именно въ первой главѣ раздѣла втораго, т. е. въ отдѣлѣ о правѣ собственности. Наоборотъ, всѣ постановленія процессуальнаго права слѣдовало бы отнести къ Уставу гражданскаго судопроизводства и помѣстить ихъ тутъ въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ. Помѣщеніе же ихъ въ цензурномъ уставѣ представляется тѣмъ болѣе нецѣлесообразнымъ, что уставъ этотъ долженъ бы содержать въ себѣ исключительно полицейскія постановленія о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій печати и что накопленіе въ немъ отдѣловъ, относящихся къ различнымъ отраслямъ управленія, дѣлаетъ изъ него пеструю амальгаму, въ которой даже несовсѣмъ легко оріентироваться. Правда въ 1-й части X тома есть указаніе и на литературную собственность, помѣщенное во второмъ примѣчаніи къ 420 статьѣ и въ ст. 1185 т. X. ч. 2, но тутъ не содержится о ней никакихъ спеціальныхъ постановленій, а указывается лишь, что постановленія эти помѣщены въ уставѣ о цензурѣ и въ законахъ о судопроизводствѣ гражданскомъ и что срокъ исключительнаго пользованія наслѣдниковъ автора его сочиненіемъ не можетъ длиться долѣе пятидесяти лѣтъ.

Глава V.

ОБЪЕКТЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Понятіе объекта литературной собственности и различныя опредѣленія этого понятія учеными; постановленія о немъ положительныхъ законодательствъ Сѣверной Германіи, Австріи, Франціи, Англіи и Россіи. Виды объектовъ литературной собственности: 1) компиляціи, ихъ юридическое значеніе и отношеніе къ нимъ положительныхъ законовъ; 2) дополненія, примѣчанія, комментаріи и сборники пѣсень, пословицъ и сказокъ; ихъ юридическая природа и положеніе въ положительныхъ законодательствахъ; 3) частныя письма, воззрѣнія на нихъ ученыхъ юристовъ и отношеніе къ нимъ положительныхъ законодательствъ; 4) лекціи, публичныя рѣчи, проповѣди и публичныя импровизаціи; постановленія о нихъ законодательствъ, сужденія Блана о лекціяхъ; 5) юридическое значеніе газетъ, и періодическихъ изданій и ихъ составныхъ частей; 6) манускрипты и посмертныя сочиненія; 7) сочиненія псевдонимныя и анонимныя; 8) переводы; 9) офиціальные акты и законы; 10) словари; 11) календари; 12) заглавія литературныхъ произведеній и имя автора.

Что собственно составляетъ предметъ авторскаго права или литературной собственности? На этотъ вопросъ мы

отвѣтимъ слѣдующимъ общимъ опредѣленіемъ, въ которомъ сгруппированы всѣ главнѣйшіе моменты объекта авторскаго права. *Всякое произведеніе, распространяемое въ публикѣ путемъ письменныхъ знаковъ или устныхъ словъ, воспроизводящихъ не только его смыслъ, но и форму, обязанную своимъ происхожденіемъ интеллектуальному труду автора, можетъ составить предметъ авторскаго права.*

Разлагая это опредѣленіе на составныя части, мы приходимъ къ заключенію, что означенный объектъ долженъ обладать слѣдующими отличительными свойствами: 1) Произведеніе должно быть распространяемо въ публикѣ; до момента этого распространенія оно можетъ быть лишь возможнымъ, а не дѣйствительнымъ объектомъ авторскаго права, а потому и притязаніе на него можетъ быть основано на всякомъ иномъ правѣ, кромѣ авторскаго. Такъ всякаго рода рукописи, обязанныя своимъ происхожденіемъ интеллектуальной дѣятельности частнаго лица, суть лишь возможный объектъ авторскаго права и становятся дѣйствительнымъ объектомъ таковаго только тогда, когда ихъ начинаютъ распространять путемъ механическаго воспроизведенія и размноженія. Будетъ ли это распространеніе производиться съ цѣлью извлеченія непосредственныхъ матеріальныхъ выгодъ или съ какою-либо иною цѣлью, это для понятія означеннаго объекта является вопросомъ вполнѣ безразличнымъ. Такъ, напримѣръ, отпечатанная или отлитографированная рукопись можетъ быть распространяема въ публикѣ совершенно безвозмездно; тѣмъ не менѣе она и въ такомъ случаѣ не перестаетъ быть объектомъ литературной собственности и можетъ послужить основательнымъ поводомъ къ предъявленію иска, когда названное распространеніе предпринято лицомъ неуправомоченнымъ.

2) Произведеніе должно быть распространяемо путемъ письменныхъ знаковъ или устныхъ словъ, при чемъ должны быть воспроизводимы не только смыслъ, но и форма его. На этомъ основаніи передача одного лишь содержанія сочиненія, безъ сохраненія его внѣшней формы, не можетъ

быть отнесено къ нарушенію авторскаго права; такъ самый подробный библіографическій отчетъ о данной книгѣ не есть воспроизведеніе самой книги, а потому не можетъ послужить основательнымъ поводомъ къ иску о контрафакціи. Что касается до письменныхъ знаковъ, то для понятія означеннаго объекта совершенно безразлично, будутъ ли они воспроизводимы способомъ графическимъ, т. е. непосредственнымъ изображеніемъ ихъ рукою человѣка или при посредствѣ тисненія. Въ томъ и другомъ случаѣ авторское право будетъ несомнѣнно нарушено, если это воспроизведеніе дѣлается съ цѣлью распространенія сочиненія въ публикѣ. Но сочиненіе можетъ получить внѣшнюю форму не только посредствомъ письменныхъ знаковъ, но и посредствомъ устныхъ словъ, которыя собственно и служатъ первообразомъ всякаго литературнаго труда. Письмена являются лишь внѣшнимъ изображеніемъ тѣхъ же словъ и придуманы для облегченія взаимнаго обмѣна мыслей и ихъ запечатлѣнія. Вслѣдствіе того объектомъ авторскаго права можетъ быть не только письменное изложеніе извѣстной совокупности мыслей или сообщенія, но и устная передача таковой. Такъ рѣчь, проповѣдь и т. д. суть несомнѣнно возможные объекты авторскаго права, которые могутъ стать дѣйствительными, когда буквальное воспроизведеніе ихъ дѣлается съ цѣлью распространенія въ публикѣ. А потому напечатаніе чужой рѣчи или проповѣди безъ разрѣшенія автора должно быть названо контрафакціею, или выражаясь языкомъ нашихъ законовъ, самовольною перепечаткой.

3) Форма произведенія должна быть результатомъ интеллектуальнаго труда автора. Поэтому, напримѣръ, одно дословное воспроизведеніе чужаго разсказа безъ примѣси собственной обработки и систематизаціи, не можетъ быть подведено подъ понятіе означеннаго объекта, а потому перепечатка его не составитъ никакого нарушенія авторскаго права. На томъ же основаніи отчеты о судебныхъ и другихъ публичныхъ засѣданіяхъ, не содержащія въ себѣ ничего инаго кромѣ стенографическаго воспроизведенія всего

происходившаго на нихъ, не суть объекты авторскаго права и подлежатъ свободной перепечаткѣ всякаго желающаго.

Въ виду того, что литературное произведеніе можетъ быть облечено въ письменную или устную форму, мы полагаемъ, что публичное распространеніе его не обусловлено одною изъ нихъ исключительно. Литературное сочиненіе можетъ быть распространяемо не только путемъ печати, но и путемъ чтенія его въ публичныхъ собраніяхъ. Вслѣдствіе того нѣтъ никакого основанія освобождать отъ предварительнаго согласія автора публичное чтеніе какого-либо произведенія, ибо и постановка даннаго драматическаго сочиненія на публичную сцену непремѣнно предполагаетъ это согласіе. Публичное представленіе есть тоже чтеніе съ тою лишь разницею, что оно совершается на сценѣ не однимъ лицомъ, а нѣсколькими съ присоединеніемъ различныхъ деталій, нисколько однако не измѣняющихъ внѣшней формы самого произведенія. Если всѣми законодательствами признается въ принципѣ право автора воспрещать постановку своего сочиненія на сцену, то мы рѣшительно не находимъ никакого уважительнаго основанія для изъятія публичныхъ чтеній отъ этого запрещенія, тѣмъ болѣе, что эти чтенія нерѣдко происходятъ съ цѣлью извлеченія денежныхъ выгодъ. Такъ публичныя литературныя вечера по большей части происходятъ въ видахъ сбора денегъ; устранять всякое вліяніе автора на эти сборы, значило бы лишать его возможности эксплуатировать свое сочиненіе, предоставивъ безвозмездно такую эксплуатацію лицамъ постороннимъ, не принимавшимъ никакого участія въ созданіи эксплуатируемаго литературнаго труда. Когда самъ авторъ публично за деньги читаетъ свое произведеніе, то онъ лишь реализируетъ свое авторское право; но когда тоже самое дѣлаетъ лицо постороннее, то оно принимаетъ на себя роль самого автора и реализируетъ чужое авторское право. Очевидно, что подобное дѣйствіе тогда только можетъ почитаться справедливымъ и законнымъ, когда оно разрѣшено самимъ авторомъ или его законнымъ представителемъ; въ против-

номъ случаѣ оно является дѣломъ противоправнымъ и должно влечь за собою всѣ послѣдствія таковаго.

Вопросъ этотъ доселѣ игнорируется всѣми положительными законодательствами, по всей вѣроятности, потому, что публичное чтеніе литературныхъ произведеній стало практиковаться въ сравнительно весьма недавнее время, и вслѣдствіе того истинная природа его еще не выяснилась. Съ другой стороны, и сами авторы смотрятъ на него сквозь пальцы, такъ какъ доселѣ, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ отечествѣ, оно по преимуществу производилось съ благотворительною или воспитательною цѣлью. Но съ другой стороны, нельзя оставить безъ вниманія и того, что оно есть лишь одинъ изъ видовъ реализаціи авторскаго права и нельзя поручиться, что цѣль его будетъ всегда оставаться въ предѣлахъ благотворительности и воспитанія; оно легко можетъ превратиться въ предметъ, доставляющій увеселеніе и развлеченіе, и явиться такимъ образомъ источникомъ коммерческой эксплуатаціи, всѣ выгоды коего останутся въ рукахъ предпринимателя, при чемъ истинный виновникъ эксплоатируемаго предмета, его авторъ, лишенъ будетъ всякаго участія въ ней [1]). Но даже при наличности благотворительной и воспитательной цѣли рѣшающее участіе автора есть неизбѣжный результатъ его права; иначе пришлось бы допустить, что онъ вопреки или помимо своей воли обязанъ безвозмездно приносить въ жертву этой цѣли свои труды, таланты и доходы. Но

---

[1]) Впрочемъ у насъ примѣры такой эксплуатаціи вовсе не рѣдкость: разсказы Горбунова, Вейнберга и др. и различные куплеты веселаго содержанія читаются почти на всѣхъ гуляніяхъ и во многихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, при чемъ вовсе не считаютъ нужнымъ испрашивать предварительное разрѣшеніе автора на подобное чтеніе. Нельзя также не обратить вниманія на развившіяся въ наши дни народныя чтенія, которыя точно также приносятъ извѣстный сборъ. Участіе въ выгодахъ этого сбора есть несомнѣнное право авторовъ тѣхъ сочиненій, которыя тутъ читаются. Правда, ради достиженія цѣли этихъ чтеній авторы могутъ отказаться отъ означеннаго участія, но это уже дѣло ихъ доброй воли.

едва-ли нынѣ кто усомнится въ томъ, что никто не можетъ быть безвозмездно лишаемъ своей собственности. А между тѣмъ отнятіе у автора доходовъ съ публичнаго чтенія его произведенія есть именно актъ такого несправедливаго и незаконнаго образа дѣйствія.

Вестеръ считаетъ объектомъ авторскаго права всякое литературное и художественное произведеніе. Что касается литературнаго произведенія, то подъ нимъ онъ разумѣетъ «всякій продуктъ, который самъ по себѣ способенъ стать составною частью литературы извѣстнаго народа». Литературу же онъ понимаетъ какъ «совокупность (Complex) умственныхъ созданій, которыя, будучи запечатлѣны языкомъ, имѣютъ своимъ главнымъ назначеніемъ не служеніе матеріальному употребленію, но посредничество при общемъ (и въ этой мѣрѣ публичномъ) умственномъ обмѣнѣ мыслей и представленій». Чтобы войдти въ среду этого обмѣна, произведеніе должно быть способно къ тому *объективно*, при чемъ субъективное намѣреніе автора не играетъ никакой роли. Равнымъ образомъ никакого значенія не имѣетъ литературное достоинство или содержаніе даннаго произведенія. «Эти моменты, говоритъ онъ, не принимаются здѣсь въ разсчетъ, такъ какъ и литература, которая съ точки зрѣнія критики не могла бы и существовать, есть все-таки литература и ея произведенія входятъ въ категорію произведеній литературныхъ. *Юридическое* обсужденіе не можетъ быть построено на внутреннихъ, чуждыхъ юридической области воззрѣніяхъ, а должно руководствоваться объективно распознаваемыми признаками.» Умственное содержаніе литературнаго произведенія принимается въ соображеніе только при вопросѣ о принадлежности его тому или другому автору, т. е. при вопросѣ о томъ, есть ли оно результатъ интеллектуальной дѣятельности даннаго лица и слѣдовательно можно ли это лицо назвать его авторомъ?

При всей основательности этого опредѣленія, отъ него можно было бы потребовать большей ясности и точности. Мы полагаемъ, что условіе, чтобы произведеніе не пред-

назначалось къ матеріальному употребленію и чтобъ оно служило средствомъ обмѣна мыслей и представленій, можетъ привести къ большимъ затрудненіямъ и недоразумѣніямъ. Можетъ возникнуть вопросъ: не слѣдуетъ ли подвести подъ понятіе литературнаго произведенія всякій предметъ, при посредствѣ коего можетъ произойдти обмѣнъ мыслей и представленій? Такъ, телеграфная проволока служитъ посредницею обмѣна мыслей и представленій; а потому, согласно опредѣленію Вехтера, не слѣдуетъ ли и ее назвать литературнымъ произведеніемъ. Далѣе, рѣдкое изъ ученыхъ сочиненій, прямо или косвенно, не можетъ служить матеріальному употребленію, а потому, слѣдуя Вехтеру, не слѣдуетъ ли всѣ такія ученыя произведенія изгнать изъ области литературы? Конечно, изъ дальнѣйшаго изложенія совершенно выясняется мысль этого ученаго, но для опредѣленія понятія не достаточно одного описанія, а необходимо, чтобы въ этомъ опредѣленіи содержались всѣ существенные элементы опредѣляемаго предмета.

Другой ученый, посвятившій не мало труда и времени нашему институту, именно *Клостерманъ* [3]), слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ предметъ умственной собственности вообще: «Предметомъ умственной собственности является всякій оригинальный умственный продуктъ, способный къ механическому воспроизведенію и чрезъ это воспроизведеніе могущій доставить имущественную выгоду... Каждое произведеніе человѣческой дѣятельности, въ особенности, когда форма ея новая, а не скопированная только, есть въ тоже время продуктъ умственнаго творчества, между тѣмъ какъ съ другой стороны проявленіе этой дѣятельности можетъ послѣдовать только чрезъ посредство физическаго способа.» При этомъ, говоритъ онъ, нужно различать матерію и форму, которая въ умственныхъ продуктахъ имѣетъ преобладающее значеніе. Что касается сочиненій (Schriften), то «здѣсь это различіе примѣняется лишь въ рѣдкихъ слу-

---

[3]) *Клостерманъ*, das geist. Eigenth. стр. 127, 128 и 129.

чаяхъ, такъ какъ обыкновенно даже самый второстепенный видъ употребляемой тутъ матеріи (печатная бумага) служитъ лишь носителемъ умственнаго содержанія. Вотъ почему печатные бланки (Druckformulare), предназначенные для наполненія ихъ тѣмъ или другимъ содержаніемъ, слѣдовательно для матеріальнаго употребленія (въ качествѣ писчей бумаги), не пользуются юридическою защитой умственной собственности. Королевскій литературный совѣтъ экспертовъ въ трехъ своихъ мнѣніяхъ отъ 22 апрѣля 1846 г., 21 мая 1856 г. и 28 февраля 1859 совершенно разумно призналъ, что бланки для исковъ (Klagschemata) и счетныхъ книгъ (Contobücher) не пользуются никакою защитой отъ самовольной перепечатки, между тѣмъ какъ сборники, содержащіе въ себѣ просто образцы такихъ произведеній, подлежатъ защитѣ отъ контрафакціи. При этомъ рѣшеніи принимается въ разсчетъ не высшая степень умственнаго труда, употребленнаго въ томъ или другомъ случаѣ, а единственно то обстоятельство, что продуктъ этотъ въ одномъ случаѣ представляется бумагою, предназначенною для исписанія ея, а въ другомъ отпечатаннымъ сочиненіемъ, предназначеннымъ только для умственнаго усвоенія.»

Это опредѣленіе, сравнительно съ опредѣленіемъ Вехтера, отличается большею ясностью и полнотой; но и отъ него можно было бы потребовать большей систематичности и точности; изъ первой его половины можно вывести, что для того, чтобы данное произведеніе могло подойдти подъ понятіе объекта умственной собственности, оно должно удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: а) оно должно быть результатомъ умственной дѣятельности даннаго лица; б) должно быть оригинальнымъ, а не скопированнымъ, в) должно быть способно давать имущественную выгоду и г) должно проявиться физическимъ способомъ. Но при проявленіи его такимъ способомъ необходимо, чтобы умственная изобрѣтательность преобладала надъ матеріею, т. е. чтобы главное значеніе имѣла форма, какъ результатъ умственной

дѣятельности; когда же преобладаетъ матеріальная цѣль производительности, механическое исполненіе, то такое произведеніе, по мнѣнію Клостермана, не есть объектъ умственной собственности, хотя бы форма его сама по себѣ и могла служить такимъ объектомъ. Вотъ почему и произведенія письменности, въ коихъ преобладаетъ эта послѣдтяя цѣль, не подлежатъ защитѣ отъ контрафакціи.

Но преобладаніе того или другаго элемента въ данномъ произведеніи не служитъ еще безошибочнымъ критеріемъ для отнесенія его къ юридически защищаемымъ или не защищаемымъ объектамъ умственной собственности. По мнѣнію Клостермана, сборникъ образцовъ, имѣющихъ практическую цѣль, есть объектъ умственной собственности и подлежитъ юридической защитѣ; наоборотъ, тѣ же образцы, взятые въ отдѣльности и служащіе такой же цѣли, могутъ быть свободно перепечатываемы каждымъ. Но тутъ очевидная логическая несообразность; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ образцы служатъ не умственной, а практической цѣли съ тою лишь разницею, что во второмъ они употребляются непосредственно путемъ восполненія ихъ пробѣловъ, а въ первомъ они при необходимости въ нихъ переписываются; умственное усвоеніе, въ которомъ Клостерманъ усматриваетъ ихъ отличіе другъ отъ друга, не имѣется ни тамъ, ни тутъ. На какомъ же основаніи слѣдуетъ предоставлять имъ защиту въ одномъ случаѣ и отказывать въ ней въ другомъ?

По нашему мнѣнію, въ обоихъ случаяхъ они должны пользоваться одинаковою защитою, независимо отъ ихъ цѣли, если только они дѣйствительно являются результатомъ умственной дѣятельности даннаго лица и могутъ быть названы произведеніемъ оригинальнымъ, а не скопированнымъ. Практическая цѣль есть критерій, вовсе непригодный для юридическаго обсужденія, такъ какъ онъ можетъ привести къ произволу и несправедливостямъ. Судья долженъ руководствоваться не нравственнымъ и умственнымъ значеніемъ того или другаго произведенія, а его чисто объ-

ективными признаками; иначе онъ измѣнитъ своему призванію и пріймет на себя несвойственную ему роль литературнаго критика.

Гораздо полнѣе, яснѣе и обстоятельнѣе опредѣленіе дѣлаемое *Гарумомъ*, хотя это опредѣленіе можно скорѣе назвать описаніемъ, чѣмъ дѣйствительнымъ опредѣленіемъ. «Несомнѣнно, говоритъ онъ, что характеръ литературнаго произведенія, а съ нимъ и притязаніе на авторское право не могутъ зависѣть отъ внутренняго достоинства произведенія, хотя въ этомъ отношеніи не всѣ литературныя творенія заслуживаютъ одинаковой юридической защиты. Если при предоставленіи или отказѣ въ авторскомъ правѣ руководствоваться пользою, нравственнымъ содержаніемъ, стилистическимъ превосходствомъ или оригинальностью даннаго произведенія, то спрашивается, гдѣ можно было бы найдти масштабъ для этого внѣ безусловнаго произвола? Законъ можетъ устанавливать лишь общее правило для цѣлаго класса, и если при этомъ въ формальномъ отношеніи ставятся на одну доску произведенія весьма разнообразнаго достоинства, то это не болѣе какъ слѣдствіе человѣческаго несовершенства, которое, во избѣжаніе болѣе важнаго зла отъ неограниченнаго произвола, вынуждено здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, втискивать въ прокрустово ложе одного законодательнаго правила весьма разнообразныя по внутреннему содержанію отношенія... Характеръ литературнаго произведенія не можетъ также зависѣть отъ его объема; но въ этомъ отношеніи оно не должно быть слишкомъ незначительнымъ», ибо minima non curat praetor [3]).

Это послѣднее условіе, по нашему мнѣнію, столь же непригодно для юридическаго обсужденія литературнаго произведенія, какъ и практическая цѣль, выставляемая Вехтеромъ. Уже не говоря о томъ, что оно даетъ широкій просторъ произволу судьи, могущаго вслѣдствіе того признать ничтожнымъ даже серіозный трудъ, оно, при ближайшемъ

[3]) *Harum.* Die oesterr. Preszgesetzgebung, стр. 71 и сл.

разсмотрѣніи, оказывается несостоятельнымъ и само по себѣ. Какъ бы мало ни было какое-нибудь двустишіе, но оно можетъ заключать въ себѣ бездну ума, мысли, таланта и можетъ выражать несравненно больше, чѣмъ иная многокуплетная элегія; эпиграмма Пушкина или другаго, равнаго ему по силѣ дарованія поэта стоитъ несравненно больше чѣмъ сотня стиховъ какого-нибудь Фета. А между тѣмъ слѣдуя Гаруму и его единомышленнику въ этомъ пунктѣ, Іолли, пришлось бы лишить юридической защиты маленькую, но весьма глубокомысленную эпиграмму Пушкина и предоставить ее большому стихотворенію Фета, не содержащему въ себѣ ничего инаго кромѣ болѣе или менѣе удачныхъ риѳмъ.

Главнѣйшихъ признаковъ литературнаго произведенія Гарумъ насчитываетъ четыре: 1) оно должно быть продуктомъ умственной дѣятельности, твореніемъ индивидуальнаго ума. «Для этого, говоритъ онъ, не требуется, чтобы твореніе было ново по содержанію; оно можетъ состоять и въ сообщеніи формы, выборѣ, распорядкѣ, или изложеніи уже извѣстнаго или чужаго содержанія, если только оно при томъ достаточно индивидуализировано. Тѣ продукты ума, для которыхъ не можетъ быть найденъ другой самостоятельный способъ изложенія, каковы простѣйшія таблицы счисленія: таблица умноженія, сравнительная таблица монетъ и т. д., не могутъ быть и разсматриваемы какъ литературныя произведенія. На томъ же основаніи не должны почитаться таковыми отдѣльные бланки (Schemata или Formularien) для употребительныхъ въ обыденной жизни сдѣлокъ (бланки для исковыхъ прошеній, векселей и т. д.), такъ какъ содержаніе и форма ихъ необходимо установлены общепринятымъ обычаемъ и никоимъ образомъ не являются плодомъ индивидуальнаго умственнаго творчества. Но если при этомъ будетъ сдѣлано нѣчто дѣйствительно новое, направленное напримѣръ къ измѣненію или улучшенію принятаго обычая, слѣдовательно, не обычный бланкъ, но отличающійся отъ него *образецъ* для будущаго употребленія,

то это будетъ уже литературное произведеніе, если только особенность его не слишкомъ ничтожна и незначительна».

2) «Литературное произведеніе должно быть *законченнымъ цѣлымъ*. Это прямо вытекаетъ изъ значенія слова: *сочиненіе*, подъ которымъ разумѣютъ нѣчто выполненное или созданное по опредѣленному плану или мысли, такъ какъ никто очевидно не назоветъ литературнымъ произведеніемъ безсвязное сопоставленіе словъ или предложеній... Простыя замѣтки, не связанныя между собою аористическія мысли, замѣтки по поводу отдѣльныхъ опытовъ и наблюденій, выборки изъ чужихъ сочиненій и т. п., коротко говоря, подготовительныя работы и матеріалы къ литературному сочиненію не составляютъ литературнаго произведенія, потому что въ нихъ нельзя еще распознать опредѣленное цѣлое». За то начатое, но неоконченное произведеніе, составленное по опредѣленному плану, есть несомнѣнно литературное произведеніе, если въ немъ уже можно распознать связь опредѣленнаго цѣлаго.

Этотъ второй признакъ основанъ очевидно на недоразумѣніи, такъ какъ содержитъ въ себѣ слишкомъ наглядное противорѣчіе. Съ одной стороны Гарумъ требуетъ, чтобы литературное произведеніе было вполнѣ закончено, цѣльно, а съ другой онъ утверждаетъ, что и начатая только литературная работа есть тоже литературное произведеніе, если въ ней видѣнъ планъ или основная мысль. Эти два положенія діаметрально противоположны между собою, и Гарумъ ничѣмъ ихъ не примиряетъ; послѣднее уничтожаетъ первое, а первое уничтожаетъ послѣднее, и такимъ образомъ оба они оказываются совершенно излишними. Но независимо отъ этого, требованіе опредѣленнаго плана и основной мысли было бы такимъ же орудіемъ произвола въ рукахъ судьи, какъ и вышеуказанная практическая цѣль и объемъ произведенія; какъ эти послѣдніе не могутъ служить безошибочнымъ критеріемъ для юридическаго обсужденія, такъ и означенное требованіе не можетъ дать судьѣ вполнѣ надежной точки опоры для произнесенія имъ своего приговора

о томъ, можно ли данное произведеніе подвести подъ понятіе объекта авторскаго права. Исканіе и раскрытіе общаго плана или основной мысли даннаго произведенія есть опять таки дѣло литературной критики, а не суда, такъ какъ ни указанный планъ, ни общая мысль не суть тѣ объективные признаки, которыми обязанъ руководствоваться судья. Съ точки зрѣнія литературной критики, какое нибудь собраніе замѣтокъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ и сами по себѣ лишенныхъ всякаго научнаго или литературнаго значенія, отнюдь не можетъ быть названо литературнымъ произведеніемъ; съ точки же зрѣнія суда это несомнѣнно возможный объектъ авторскаго права и подлежитъ юридической защитѣ. Столь же невѣрно, по нашему мнѣнію, будто отдѣльныя наброски, замѣтки по поводу отдѣльныхъ опытовъ или наблюденій и т. п. не суть объекты авторскаго права. Это воззрѣніе невѣрно не только въ отношеніи юридическомъ, но и литературномъ. Въ первомъ отношеніи оно невѣрно потому, что всякія мысли, облеченныя въ литературную форму и способныя къ воспроизведенію и размноженію, суть непремѣнно возможные объекты авторскаго права, независимо отъ ихъ содержанія и объема; во второмъ же оно невѣрно потому, что отрывочныя замѣтки какого-нибудь замѣчательнаго натуралиста или знаменитаго мыслителя часто имѣютъ гораздо большее научное значеніе, чѣмъ цѣлое изслѣдованіе какого-нибудь очень плохаго ученаго.

3) Литературное произведеніе должно быть выражено въ чувственной формѣ, непосредственно соотвѣтствующей содержанію и притомъ такъ, чтобы для даннаго выраженія ума она не была вполнѣ безразлична или незначительна. Поэтому символическими знаками можно создать не литературное произведеніе, а развѣ произведеніе искусства. Съ другой стороны мысли, выраженныя общепонятными математическими знаками или буквами произвольной азбуки, если значеніе ихъ вѣрно понято, суть несомнѣнно объектъ авторскаго права. Таковы, напримѣръ, ребусы. Но изъ означеннаго требованія вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ непосред-

ственно выраженныхъ этими знаками мысляхъ не должна была заключаться дальнѣйшая мысль, открываемая лишь путемъ абстракціи или особаго ключа; достаточно, чтобы ближайшія мысли прямо выразились въ употребленныхъ знакахъ. Поэтому загадки, шарады, задачи и т. д. несомнѣнно принадлежатъ къ литературнымъ произведеніямъ.

4) Произведеніе не должно быть создано для такой цѣли, которая прямо исключаетъ или вполнѣ поглощаетъ возможность или намѣреніе пустить его въ литературный оборотъ въ качествѣ творенія индивидуальнаго ума и основать на немъ исключительное право обнародованія [4]). Этотъ признакъ не настолько объективенъ, чтобъ его можно было положить въ основаніе юридическаго обсужденія даннаго произведенія. Онъ требуетъ предварительнаго разрѣшенія вопроса: можно-ли въ данномъ случаѣ принять, что произведеніе не предназначалось или не предназначается для литературнаго оборота; слѣдовательно онъ требуетъ отъ суда такого обсужденія, которое выходитъ изъ сферы его спеціальности и вводитъ его въ чуждую ему область литературной критики. Но независимо отъ этого есть не мало такихъ трудовъ, которые очевидно не предназначались и не могли предназначаться для литературнаго оборота и которые тѣмъ не менѣе могутъ стать объектомъ авторскаго права. Такъ различныя донесенія пословъ и дипломатическихъ агентовъ, донесенія тайныхъ полицейскихъ агентовъ, и т. п. могутъ быть собираемы и издаваемы въ видѣ литературныхъ произведеній, если только этому не противорѣчатъ административные законы и распоряженія. Неужели же эти сборники и записки нельзя назвать литературнымъ произведеніемъ, подлежащимъ защитѣ отъ контрафакціи? Мы не удалимся отъ правды, если признаемъ въ нихъ такой же объектъ авторскаго права, какъ и различныя беллетристическія сочиненія и ученыя изслѣдованія.

Почти тѣмъ же воззрѣніямъ, коихъ придерживается Га-

---

[4]) Тамъ же стр. 72—74, 79—84.

румъ, слѣдуетъ и Іолли. Подъ литературными произведеніями онъ разумѣетъ такіе продукты ума, «путемъ которыхъ законченныя мысли или законченный рядъ мыслей автора выражаются въ принадлежащей имъ и неразрывно связанной съ ними формѣ такимъ образомъ, что какъ по своимъ объективнымъ свойствамъ, такъ и по намѣренію автора представляются предназначенными къ общему литературному обороту». Послѣднее качество является самымъ главнымъ, такъ что оно можетъ быть названо самою характеристическою особенностью литературнаго произведенія, тѣмъ болѣе, что первыя два качества обыкновенно въ немъ заключаются. Такимъ образомъ самый главный признакъ означеннаго произведенія состоитъ въ томъ, чтобъ оно способно было стать объектомъ литературнаго оборота, что же касается до формы и содержанія, то эти качества имѣются всегда, когда есть въ наличности объектъ.

Однако сдѣлавъ это общее опредѣленіе, Іолли какъ бы сознается, что оно вовсе не отличается характеромъ всеобщности, и потому вынужденъ допустить рядъ исключеній, почти парализующихъ правило. «Но, говоритъ онъ, есть нѣкоторые продукты ума, которые занимаютъ весьма важное мѣсто на литературномъ рынкѣ и которые тѣмъ не менѣе не могутъ быть причислены къ литературнымъ произведеніямъ: кромѣ того означенныя два первыя качества, въ извѣстномъ смыслѣ несомнѣнно заключающіяся въ третьемъ, даютъ поводъ къ нѣкоторымъ особымъ замѣчаніямъ; а потому отдано предпочтеніе вышеизложенному подробному описанію понятія литературнаго произведенія, описанію, которое впрочемъ не можетъ имѣть значеніе вполнѣ строгаго, едва ли здѣсь возможнаго опредѣленія, но должно лишь служить сжатымъ выраженіемъ нижеслѣдующаго подробнаго изложенія».

Подобно Гаруму, который въ этомъ отношеніи лишь заимствуетъ у Іолли, онъ утверждаетъ, что литературное произведеніе, какъ объектъ авторскаго права, не зависитъ ни отъ своего содержанія, ни отъ своего объема и требуетъ,

чтобы авторъ желалъ сдѣлать изъ него замкнутое цѣлое. «Если такое намѣреніе предварительно существовало и фактически выразилось въ выполненной уже, хотя и не доведенной до предположенной цѣли работѣ, то во всякомъ случаѣ имѣется литературное произведеніе». Простыя замѣтки и вообще подготовительныя работы и матеріалы онъ къ литературнымъ произведеніямъ не причисляетъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ внутренней связи, соединяющей ихъ въ одно замкнутое цѣлое. Но эта связь важна лишь тогда, когда отдѣльныя части произведенія не могутъ сами по себѣ служить означеннымъ цѣлямъ; такъ напр. пѣсня въ сборникѣ пѣсень, ученое или техническое изслѣдованіе въ энциклопедическомъ произведеніи могутъ служить такимъ цѣлямъ и сами по себѣ. Впрочемъ отдѣльныя части, сами по себѣ не имѣющія значенія литературнаго произведенія, легко могутъ стать таковымъ, будучи связаны воедино, хотя бы при этомъ соединялись мысли, ставшія уже общественнымъ достояніемъ; таковы словари, толковники, реальныя энциклопедіи, поваренныя книги, сборники химическихъ или другихъ препаратовъ, адресъ-календари и т. п. Они подлежатъ юридической защитѣ, «потому и насколько преднамѣренный выборъ частностей изъ цѣлой массы наличнаго однообразнаго матеріала и соединеніе этихъ частностей въ одно по извѣстному плану образуютъ такой умственный продуктъ, который по отношенію къ заключающемуся въ немъ замкнутому ряду опредѣленныхъ мыслей долженъ быть характеризованъ какъ литературное произведеніе». Къ этому же разряду произведеній относятся историческія и статистическія таблицы, критическія, пояснительныя и литературныя примѣчанія къ чужому произведенію, если они, будучи связаны въ одно цѣлое, носятъ на себѣ печать литературнаго творчества; сюда же должны быть причислены всякаго рода математическія и ариѳметическія таблицы, если въ своемъ цѣломъ составѣ они суть продукты умственной дѣятельности составителя.

Что касается формы литературнаго произведенія, то

Іолли требуетъ, чтобъ она «передавала желаемое проявленіе ума въ чистомъ, адекватномъ произведенію и только для него предназначенномъ выраженіи; она, по его мнѣнію, должна быть настолько связана съ даннымъ содержаніемъ, чтобъ ее невозможно было произвольно отдѣлить отъ него и чтобы простое воспроизведеніе внутренняго содержанія высказанной или высказанныхъ мыслей безъ ихъ опредѣленной внѣшней формы было бы не первоначальнымъ продуктомъ ума, а чѣмъ-то другимъ». При этомъ форма эта можетъ проявиться не только въ буквахъ, соединенныхъ въ слова, но и въ другихъ употребительныхъ знакахъ, лишь бы только содержаніе выражаемыхъ ими мыслей распознавалось съ перваго раза, безъ дальнѣйшаго напряженія ума. Такъ, геометрическій чертежъ есть лишь эмблематическое изображеніе содержащейся въ немъ мысли, для распознанія которой требуется дальнѣйшая умственная дѣятельность; а потому его нельзя назвать литературнымъ произведеніемъ. «Когда мы видимъ на трехъ сторонахъ прямоугольнаго треугольника начерченные квадраты и нѣсколько проведенныхъ вспомогательныхъ линій, то въ этомъ мы не можемъ прямо прочесть правило, что квадратъ гипотенузы равняется суммѣ квадратовъ обоихъ катетовъ, хотя всякій способенъ распознать четырехугольникъ и треугольникъ. Наоборотъ, математическій языкъ, хотя часто и въ извѣстной мѣрѣ справедливо называемый языкомъ знаковъ, выражаетъ данныя мысли гораздо непосредственнѣе и часто точнѣе, чѣмъ всякій иной, употребляя для выраженія опредѣленныхъ понятій вмѣсто словъ всѣми понимаемые знаки. А потому сочиненіе, написанное математическими знаками, есть литературное произведеніе, хотя бы оно не содержало въ себѣ ни одного слова».

Вопреки выставленному имъ самимъ условію, чтобы во внѣшней формѣ можно было бы съ перваго же разу распознать выражаемую ею мысль, Іолли относитъ къ литературнымъ произведеніямъ загадки, ребусы и т. п.; «хотя здѣсь (т. е. въ ребусахъ) сообщеніе мысли, говоритъ онъ,

происходитъ не чрезъ посредство обыкновенныхъ письменныхъ знаковъ, тѣмъ не менѣе она видна сама по себѣ и безъ посредства дальнѣйшей умственной дѣятельности изъ употребленныхъ знаковъ, если только они вѣрно поняты». Но дѣло именно въ томъ, чтобъ ихъ вѣрно понять; а для этого нужно нѣкоторое умственное напряженіе. Слѣдовательно, относя ребусы къ литературнымъ произведеніямъ, Іолли самъ себѣ противорѣчитъ; тоже слѣдуетъ сказать о загадкахъ, въ коихъ мысль распознается не сразу, а лишь путемъ большаго или меньшаго умственнаго напряженія [5]).

Нѣкоторыя изъ условій, выставляемыхъ Іолли для объекта авторскаго права, уже были разсмотрѣны и оцѣнены нами по поводу мнѣнія Гарума, а потому мы на нихъ останавливаться вновь не станемъ. Здѣсь достаточно указать, что требованіе, чтобы произведеніе предназначалось авторомъ для литературнаго обмѣна и чтобы форма составляла съ нимъ одно неразрывное цѣлое, представляется съ одной стороны невѣрнымъ, какъ это замѣчаетъ и Гарумъ (ib. стр. 84), а съ другой не объективнымъ. Многія изъ изданныхъ посмертныхъ сочиненій вовсе не предназначались ихъ авторами къ печати и тѣмъ не менѣе они составляютъ объектъ авторскаго права. Достаточно вспомнить о довольно большомъ количествѣ дневниковъ почемулибо замѣчательныхъ лицъ, чтобы признать это требованіе несостоятельнымъ; отрывочность, безсвязность и безъ искусственность помѣщаемыхъ въ этихъ дневникахъ мыслей, ихъ такъ сказать внѣшняя растрепанность слишкомъ наглядно доказываютъ, что авторы писали ихъ только для себя, въ видѣ развлеченія, а быть можетъ, и для семьи, но никогда не думали издавать ихъ въ свѣтъ. Не смотря на то, они даже въ этомъ своемъ неряшливомъ видѣ могутъ стать объектомъ авторскаго права и могутъ сдѣлаться основательнымъ поводомъ къ иску о контрафакціи.

---

[5]) *Jolly*, Die Lehre vom Nachdruck, стр. 101—109.

Но если даже допустить справедливость указаннаго требованія, то невольно рождается вопросъ: что можетъ служить критеріемъ для распознанія намѣренія автора сдѣлать свое произведеніе объектомъ авторскаго права? Только въ одномъ случаѣ намѣреніе это не подлежитъ сомнѣнію: именно, когда авторъ издаетъ свое произведеніе въ свѣтъ. Но вѣдь такимъ объектомъ служатъ не одни лишь сочиненія, изданныя самимъ авторомъ или его законными представителями. Какъ же распознать это намѣреніе въ другихъ случаяхъ? Группировка мыслей, внѣшняя ихъ отдѣлка и система вовсе не служатъ доказательствомъ такого намѣренія, такъ какъ они зависятъ отъ умѣнія, таланта, навыка и т. п. Талантливый и искусившійся въ литературныхъ произведеніяхъ писатель сразу, безъ всякихъ передѣлокъ и поправокъ, набрасываетъ свои мысли такимъ образомъ, что хоть сейчасъ въ печать; даже вовсе не намѣреваясь оглашать свои мысли путемъ печати, онъ незамѣтно для самого себя излагаетъ ихъ въ вполнѣ выработанной литературной формѣ, которая дается другому лишь путемъ тяжкаго умственнаго труда и напряженія. Такимъ образомъ мы не видимъ объективнаго мѣрила для сужденія о намѣреніи автора сдѣлать свое произведеніе объектомъ авторскаго права. А если такого мѣрила не существуетъ, то и предъявленное Іолли требованіе не имѣетъ никакого юридическаго значенія. Гражданскій судья, обязанный устанавливать и возстановлять лишь формальную истину, долженъ руководствоваться только внѣшними, объективно распознаваемыми признаками разсматриваемыхъ имъ предметовъ и отношеній, а навязывать ему оцѣнку намѣренія автора и литературнаго достоинства даннаго произведенія, значитъ, отвлекать его отъ его прямаго назначенія и дѣлать изъ него орудіе произвола.

Что касается до формы, съ которою неразрывно должна быть связана выраженная мысль, то мы не можемъ себѣ представить проявившейся мысли безъ опредѣленной формы; какъ только человѣкъ начинаетъ выражать данную идею,

то онъ непремѣнно начинаетъ облекать ее въ какую-нибудь исключительно ей свойственную форму; говоритъ ли онъ, мыслитъ или пишетъ, онъ непремѣнно сообщаетъ своимъ мыслямъ извѣстную форму, въ которой онъ въ данный моментъ уясняетъ ихъ себѣ или другимъ. А потому неразрывная связь формы съ идеями присуща не только литературному произведенію, но и всякому проявленію человѣческаго мышленія. Далѣе измѣненіе формы измѣняетъ не только литературное произведеніе, которое въ такомъ случаѣ становится непохожимъ на прежнее, даже сохраняя тоже содержаніе; оно такимъ же образомъ вліяетъ и на всякое проявленіе мышленія. Если два лица ведутъ разговоръ въ одной формѣ и затѣмъ повторяютъ его въ другой, то новый разговоръ не будетъ уже повтореніемъ именно того же самаго разговора, хотя содержаніе ихъ обоихъ одно и тоже. Слѣдовательно, утверждать, будто, объектъ авторскаго права тогда только можетъ считаться таковымъ, когда онъ неразрывно связанъ съ своею формою, было бы равносильно утвержденію, что литературное произведеніе будетъ таковымъ лишь тогда, когда выражено словами, переданными звукомъ или знаками. Въ юридическомъ отношеніи важна не неразрывная связь формы съ содержаніемъ, вовсе не составляющая отличительной особенности литературнаго произведенія, а исключительная принадлежность этой формы данному автору; необходимо, чтобъ авторъ создалъ ее самъ, а не получилъ готовою.

Воззрѣній, совершенно сходныхъ съ Іолли, держится и *Фридлендеръ*, у котораго впрочемъ они являются лишь результатомъ заимствованія у только-что разсмотрѣнныхъ писателей [6]).

Сдѣлавъ этотъ теоретическій анализъ понятія объекта авторскаго права, мы переходимъ теперь къ изложенію дѣйствующихъ объ этомъ объектѣ постановленій въ Германіи, Австріи, Франціи, Англіи и Россіи.

---

[6]) *Max Friedländer* Der einheimische und ausländische Rechtsschutz gegen Nachdruck, стр. 24—28.

Послѣдній законъ отъ 11 іюня 1870 года, изданный для Сѣверогерманскаго союза и подробно регулирующій литературную собственность, постановляетъ по отношенію къ авторскому праву слѣдующее: «Право (§ 1) механическимъ путемъ размножать письменное произведеніе (Schriftwerk) принадлежитъ его автору». Употребляя столь общее и категорическое опредѣленіе, законъ тѣмъ самымъ постановляетъ, что всякое механическое размноженіе, какимъ бы путемъ оно ни производилось, есть нарушеніе авторскаго права, если оно совершается помимо автора, безъ его вѣдома и согласія. При этомъ законъ не дѣлаетъ никакого различія между размноженіемъ, приносящимъ дѣйствительный и матеріальный ущербъ автору, и нарушеніемъ, непричиняющимъ послѣднему никакого вреда.

При составленіи этого закона возникло затрудненіе относительно термина, который бы обнималъ собою всевозможные виды литературной собственности; термины прежнихъ законовъ были признаны непригодными и отвергнуты; въ замѣнъ ихъ берлинская академія наукъ предложила употребить выраженіе *Schriftwerk*, которое и было принято при окончательной редакціи закона. Такимъ образомъ для понятія объекта авторскаго права, согласно приведенному постановленію, требуется, чтобы данная совокупность мыслей была выражена въ письменной формѣ и чтобъ эта послѣдняя была воспроизводима механическимъ способомъ [7]).

---

[7]) См. *Клостермана*. Das geistige Eigenthum, стр. 145 и сл. Anhang. стр. 11 и сл. Das Urheberrecht, стр. 36—38. Впрочемъ, едва ли можно согласиться съ Клостерманомъ, что употребленный въ новомъ законѣ терминъ *Schriftwerk* самый удачный. Мнѣніе *Вехтера* (Das Autorrecht, стр. 44), что его лучше было бы замѣнить словами: literarisches Erzeugnisz (литературное произведеніе), кажется намъ весьма основательнымъ, тѣмъ болѣе, что первый терминъ необходимо приводитъ къ заключенію, что защитою закона пользуется лишь то литературное произведеніе, которое облечено въ письменную форму. Такимъ образомъ значительная отрасль литературы, состоящая изъ рѣчей и лекцій, какъ бы совершенно изъята отъ законодательной регламентаціи въ смыслѣ права гражданскаго и предоставлена свободному произволу всякаго. *Heydemann* (Die Gesetzgebung des Norddeutschen Bundes betreffend das Ur-

Согласно прежней германской юридической практикѣ, всякое произведеніе, выразившееся въ письменной формѣ и не имѣющее цѣлью передачу совокупности мыслей, не можетъ претендовать на защиту закона; таковы, напримѣръ, прописи, образцы договоровъ, исковъ и счетныхъ книгъ, каталоги и т. п. Само собою разумѣется, что этого рода произведенія только въ томъ случаѣ лишены юридической защиты, когда они представляются лишь простымъ воспроизведеніемъ, безъ всякаго измѣненія или улучшенія, установленной закономъ или обычаемъ формы исковъ, векселей и т. д., или когда въ нихъ преобладаетъ чисто механическій трудъ. Но если самые образцы являются результатомъ интеллектуальной дѣятельности даннаго лица, если они сравнительно съ существующими являются вполнѣ новыми, исправленными или видоизмѣненными, то они входятъ въ категорію произведеній, защищаемыхъ отъ контрафакціи. Но требуя письменную форму, новый германскій законъ запрещаетъ (§ 5 пун. 6) однако перепечатку безъ согласія автора рѣчей, произнесенныхъ съ цѣлью назиданія, поученія или бесѣды и разрѣшаетъ перепечатку рѣчей, произносимыхъ въ судахъ и политическихъ, коммунальныхъ и церковныхъ совѣтахъ и собраніяхъ (§ 7 d).

Австрійскій законъ, изданный 19 октября 1846 года «для защиты литературной и художественной собственности (такъ гласитъ его заглавіе) отъ неправомѣрнаго обнародованія, перепечатки и копировки», называетъ объектомъ авторскаго права произведенія литературы и искусства (§§ 1, 2, 3) [8]), нигдѣ не опредѣляя, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ этими произведеніями. Такимъ образомъ онъ открываетъ для судебной практики широкое поле толкованія и недоразумѣній, которыя должны разрѣшаться въ

Ueberrecht. Berlin 1871), составившій подробный комментарій къ означенному закону и разсматривающій его въ порядкѣ параграфовъ, обходитъ этотъ вопросъ совершеннымъ молчаніемъ.

[8]) *Harum* в. п. с. стр. 70. Anhang стр. 272.

каждомъ данномъ случаѣ согласно субъективнымъ воззрѣніямъ и убѣжденіямъ суда. Нѣтъ надобности прибавлять, что подобный порядокъ вещей вовсе не заслуживаетъ подражанія, такъ какъ очень легко можетъ привести къ произволу и шаткости судебной практики, вредно отзывающихся не только на самомъ судѣ, но и на экономической жизни народа.

Французскій законъ, 19 іюля 1793 года, регулирующій литературную собственность и въ главныхъ чертахъ дѣйствующій доселѣ, точно также не даетъ никакого спеціальнаго опредѣленія объекта литературной собственности, а употребляетъ общее выраженіе: *écrits en tout genre* (ст. 1). Это выраженіе дало основаніе прежнимъ защитникамъ контрафакціи утверждать, что юридическою защитою сочиненіе можетъ пользоваться лишь до тѣхъ поръ, пока оно не перестаетъ быть рукописью (ecrit); разъ оно отпечатано, оно становится общимъ достояніемъ и подлежитъ свободному пользованію и перепечаткѣ всякаго. Само собою разумѣется, что воззрѣніе это было рѣшительно отвергнуто юридическою практикой, и нынѣ уже никто не сомнѣвается, что подъ словомъ écrits слѣдуетъ разумѣть всякаго рода сочиненія, если только они являются продуктомъ интеллектуальной дѣятельности автора [9]).

Англійскіе законы отъ 1 іюля 1842 года и 9 сентября 1835 года, дѣйствующіе понынѣ, не дѣлаютъ общаго опредѣленія объекта литературной собственности, а ограничиваются перечисленіемъ тѣхъ предметовъ, которые могутъ служить такимъ объектомъ. Въ первомъ изъ названныхъ законовъ опредѣляется, что подъ выраженіемъ *книга* слѣдуетъ разумѣть всякій томъ, часть или раздѣлъ тома, памфлетъ, печатный листъ, листъ, исписанный нотами, картину, карту и планъ, изданные отдѣльно; подъ словомъ *драмматическая піеса* слѣдуетъ разумѣть всякую трагедію, комедію, драму, оперу, фарсъ и всякій сценическій, му-

[9]) См. *Blanc*, Traité de la contrefaçon, стр. 66—68, 43 и 44.

зыкальный или драматическій дивертисментъ. Кромѣ того по второму закону такимъ объектомъ считаются всѣ произведенія, обнародованныя путемъ устнаго слова въ школѣ, семинаріи, институтѣ или въ другомъ мѣстѣ для какой бы то ни было цѣли. Отсюда исключаются (ст. 5) устныя рѣчи, если о произнесеніи ихъ судебная власть не была извѣщена письменно, согласно предписанію закона, равно какъ и произведенія, произнесенныя въ университетѣ, публичной школѣ и публичной коллегіи, или въ иномъ публичномъ учрежденіи, или лицами обязанными къ такому произнесенію въ силу даренія, продажи или устава [10]).

Наши отечественные законы точно также не содержатъ въ себѣ никакого общаго опредѣленія объекта литературной собственности и ограничиваются наименованіемъ предметовъ, на коихъ авторское право можетъ распространяться. Такіе предметы суть: книги оригинальныя и переводныя (т. XIV уст. ценз. ст. 282), посмертные сочиненія и переводы (ib. ст. 284), народныя пѣсни, пословицы, сказки и повѣсти, сохранившіяся однимъ изустнымъ преданіемъ и изданные впервые, а равно и первое изданіе древнихъ рукописей (ib. ст. 285), журналы, алманахи и вообще періодическія изданія, составляемыя изъ разныхъ мелкихъ сочиненій или статей (ib ст. 291), частныя письма (ib. стр. 293), частныя записки и другія бумаги, непредназначавшіяся въ свѣтъ (ib. стр. 294), публично произнесенныя или читанныя рѣчи или иныя сочиненія (ib стр. 297), словари, географическія карты, таблицы историческія, логариѳмовъ, указателей и другихъ сего рода книгъ, составленныхъ изъ чиселъ или собственныхъ именъ (ib стр. 301), и музыкальныя произведенія (ib. стр. 347).

Подобныя казуистическія перечисленія, вмѣсто одного общаго опредѣленія, нерѣдко приводятъ на практикѣ къ весьма важнымъ недоразумѣніямъ и даже бываютъ причиною

---

[10]) См. *Laboulaye*, Etudes sur la propriété littéraire. Appendice, стр. 160 *Renouard* т. I. стр. 238 и 239.

оставленія безъ всякой юридической защиты предметовъ, по своей природѣ и экономическимъ свойствамъ подлежащихъ защитѣ наравнѣ съ другими, упоминаемыми въ законѣ. Какъ бы полно перечисленіе ни было, но оно всегда обнимаетъ собою лишь то, что жизнь выработала къ моменту изданія даннаго закона; а такъ какъ жизнь не можетъ и не должна останавливаться на одномъ какомъ-либо экономическомъ циклѣ, а постоянно идетъ впередъ, вырабатывая новые отношенія и предметы экономическаго оборота, то означенное казуистическое перечисленіе, связывая судью по рукамъ и ногамъ, вынуждаетъ его игнорировать эти новые успѣхи хозяйственной жизни народа и отказывать въ правосудіи въ случаяхъ, въ законѣ не упоминаемыхъ. Едва ли нужно еще доказывать, что подобное положеніе вещей препятствуетъ правильному росту народнаго хозяйства и нерѣдко весьма гибельно отзывается и на экономическомъ быту частныхъ лицъ.

Вышеизложенный теоретическій анализъ понятія объекта авторскаго права и параллельное указаніе воззрѣній на него главнѣйшихъ дѣйствующихъ европейскихъ законодательствъ могутъ доставить достаточно прочную опору при обсужденіи отдѣльныхъ предметовъ, подлежащихъ авторскому праву, насколько они выработаны прежнею и нынѣшнею литературною практикою. Таковы суть:

1) *Различнаго рода компиляціи*. Интеллектуальная дѣятельность даннаго лица можетъ выражаться не только въ созданіи вполнѣ новаго по содержанію или формѣ произведенія; она можетъ состоять и въ собираніи, группировкѣ и систематизаціи чужихъ произведеній. Въ такого рода трудахъ недостаточно одной перепечатки уже готоваго матеріала, а необходимы еще вкусъ, знакомство съ предметомъ, по которому компиляція составляется, умѣніе расположить матеріалъ и т. д. Всѣ эти процессы могутъ совершаться лишь при помощи умственной дѣятельности компилятора, а потому созданное имъ такимъ образомъ произведеніе есть несомнѣнно продуктъ его индивидуальнаго ума. Но такъ какъ

компиляціи составляются изъ чужихъ произведеній, то отсюда слѣдуетъ, что авторское право компилятора можетъ простираться только на внѣшній распорядокъ и связь матеріала; самый же матеріалъ остается собственностью его авторовъ или публики, если компиляція составлена изъ сочиненій, или утратившихъ уже право защиты, или лишенныхъ ея по самому существу своему. Таковы, напримѣръ, собранія извлеченій изъ древнихъ классиковъ, древнихъ и средневѣковыхъ философовъ и т. п.; таковы же наши систематическіе сборники судебныхъ рѣшеній, практическія руководства для судебныхъ дѣятелей, различные буквари, сборники пѣсень, сказокъ, пословицъ, поговорокъ и т. д. Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести историческія, словесныя и др. хрестоматіи и энциклопедіи. Само собою разумѣется, что компиляторъ, заимствуя свой матеріалъ изъ чужихъ сочиненій, не утратившихъ еще права на юридическую защиту, долженъ заручиться согласіемъ авторовъ этихъ произведеній, если не желаетъ совершить контрафакцію. Слѣдуетъ однако замѣтить, что компиляторская дѣятельность, выражающаяся въ хрестоматіяхъ, нерѣдко вырождается въ несовсѣмъ благовидную аферу и спекуляцію чужимъ трудомъ. Компиляторы обыкновенно выбираютъ изъ различныхъ сочиненій лучшія мѣста, и доставляя такимъ образомъ публикѣ возможность за однимъ разомъ ознакомиться съ перлами данной литературы, извлекаютъ отсюда не мало матеріальныхъ выгодъ, вовсе имъ не принадлежащихъ. Если самовольная перепечатка чужаго сочиненія есть проступокъ, влекущій за собою невыгодныя послѣдствія, то такимъ же проступкомъ должны почитаться извлеченія изъ чужихъ трудовъ безъ разрѣшенія ихъ авторовъ. Актъ этотъ по составу своему совершенно подходитъ подъ понятіе контрафакціи и является дѣломъ тѣмъ болѣе вреднымъ, что онъ наноситъ ущербъ не одному какому-либо автору, а цѣлому ряду ихъ. Вмѣщая въ себя лучшія мѣста изъ различныхъ сочиненій, хрестоматія часто устраняетъ необходимость въ пріобрѣтеніи самихъ этихъ сочи-

неній и тѣмъ самымъ затрудняетъ и нерѣдко даже парализуетъ сбытъ ихъ. Такимъ образомъ лица, вложившія въ нихъ свою душу, потратившія на нихъ время и трудъ, примѣнившія къ нимъ всю силу своихъ талантовъ, способностей и познаній, оказываются вынужденными безвозмездно уступать всѣ или большую часть матеріальныхъ выгодъ отъ ихъ произведеній компилятору, весь трудъ коего состоялъ лишь въ собираніи готоваго меда въ одну кучу. Хотя эти чужеядныя растенія, проявляющіяся въ видѣ сборника чужихъ трудовъ, полезны и выгодны какъ для публики, такъ и для самихъ компиляторовъ, но въ виду слишкомъ грубо нарушаемаго ими авторскаго права, имъ долженъ быть положенъ предѣлъ и на нихъ слѣдуетъ распространить общее запрещеніе контрафакціи со всѣми его послѣдствіями [11]). Другое дѣло конечно, когда матеріалъ для этого рода произведеній употребляется не въ его готовомъ видѣ, а переработывается съ внѣшней стороны, при чемъ содержаніе остается неприкосновеннымъ. Въ этомъ случаѣ съ юридической точки зрѣнія не можетъ быть и рѣчи о нарушеніи авторскаго права, хотя съ точки зрѣнія литературы и нравственности подобный способъ созданія произведеній легко можетъ встрѣтить справедливое порицаніе. Но съ такого рода компиляціями не слѣдуетъ смѣшивать ученыя изслѣдованія, въ которыя обыкновенно вносится, въ главнѣйшихъ чертахъ, весь существующій по данному вопросу матеріалъ. Незнакомство съ преимущественнымъ значеніемъ такихъ изслѣдованій заставляетъ многихъ смотрѣть на нихъ какъ на компилятивный трудъ, не заслуживающій того уваженія, съ которымъ обыкновенно относятся и должны отно-

---

[11]) См. объ этомъ въ особенности *Volkmann*, Ueber die Grenzen des den Geisteswerken gebührenden Rechtschutzes въ Zeitschrift für Rechtspflege und Verwaltung. Sechster Band 1847, стр. 277—279. Ср. также *Blanc*, Traité de la contrefaçon, стр. 72—73, *Вехтера*, Das Verlagsrecht т. I стр. 130, т. II стр. 530, *Клостермана*, Das geistige Eigenthum, стр. 236, *Harum* в. п. с. стр. 82 и сл., *Dambach* в. п. с. стр. 16.

ситься къ ученымъ трудамъ въ каждой цивилизованной странѣ. Во всякой наукѣ существуетъ извѣстное преемство, безъ коего невозможно ея правильное поступательное движеніе; всякій ученый, принимающійся за данное изысканіе, долженъ прежде всего ознакомиться со всѣмъ тѣмъ, что уже сдѣлано на этомъ пути, онъ долженъ убѣдить и самого себя и своихъ читателей, что имъ въ этомъ отношеніи ничего не упущено и что предлагаемое имъ воззрѣніе есть дѣйствительно шагъ впередъ въ его спеціальности. Трудъ этотъ однако нерѣдко дробится между учеными такимъ образомъ, что одни изъ нихъ, собирая и изучая все сдѣланное по извѣстной отрасли науки, группируютъ добытые ими при этомъ изученіи результаты въ извѣстную систему, которую и излагаютъ въ видѣ отдѣльнаго сочиненія; другіе же, опираясь на эти сочиненія, продолжаютъ идти далѣе, собирая новыя данныя, выводя изъ нихъ новыя заключенія и присоединяя такимъ образомъ къ прежней цѣпи умозаключеній новыя звѣнья. Но и тотъ и другой трудъ одинаково почтенны, одинаково необходимы и обусловливаютъ другъ друга, при чемъ ни одинъ изъ нихъ отнюдь не можетъ быть названъ компиляціею въ истинномъ смыслѣ слова. Ни тамъ, ни тутъ система не выражается въ одномъ лишь внѣшнемъ сопоставленіи матеріала, въ его внѣшней группировкѣ, а состоитъ въ приведеніи различныхъ научныхъ данныхъ въ логическую внутреннюю связь и въ извлеченіи изъ нея логическихъ выводовъ.

Впрочемъ какъ ни неблаговидны чужеядныя растенія въ формѣ компиляцій, они тѣмъ не менѣе нетолько терпимы въ практической жизни, но и пользуются санкціей законовъ. Такъ *сѣверогерманскій законъ* отъ 11 іюня 1870 года, признавая въ § 2 компиляціи литературными произведеніями и распространяя на нихъ авторское право, въ § 7 прямо постановляетъ, что не должны почитаться контрафакціею: «а) дословное цитированіе отдѣльныхъ мѣстъ или небольшихъ частей изданнаго сочиненія небольшаго объема въ бо̀льшемъ цѣломъ, если это послѣднее по своему

главному содержанію есть самостоятельное ученое произведеніе, равно какъ такое же цитированіе въ сборникахъ, составляемыхъ изъ сочиненій нѣсколькихъ писателей для употребленія въ школахъ, церквахъ и преподаваніи или для какой-либо особой литературной цѣли. Предполагается однако, что при этомъ будутъ указаны авторъ или употребленный имъ источникъ [12]). Клостерманъ [13]) утверждаетъ, что подъ сборниками для церковнаго употребленія слѣдуетъ разумѣть только книги церковныхъ пѣсень и молитвенники, а не сборники проповѣдей и поученій, такъ какъ они въ церквахъ не употребляются; равно какъ къ сборникамъ для школъ и преподаванія слѣдуетъ относить только тѣ сборники, которые употребляются учениками при публичномъ преподаваніи, а не предназначенные для учителей или самообученія какой-либо наукѣ. Что касается до упоминаемыхъ въ законѣ сборниковъ съ литературною цѣлью, то подъ ними, полагаетъ онъ, слѣдуетъ разумѣть онтологіи, хрестоматіи, пѣсенники и т. д. Но это мнѣніе не находитъ себѣ никакого подтвержденія въ словахъ самого закона, не дѣлающаго никакого различія между различными видами сборниковъ и требующаго только, чтобъ объемъ сочиненія, изъ коего совершается заимствованіе, былъ меньше объема сборниковъ.

Австрійскій законъ отъ 19 октября 1846 года, § 4 пункты a) и b) буквально повторяетъ означенное постановленіе сѣверогерманскаго закона съ тою лишь разницею, что присоединяетъ къ нему еще слѣдующее ограниченіе: ...«заимствованная статья не должна превышать одного печатнаго листа того сочиненія, откуда она заимствована, и не должна быть издана въ видѣ отдѣльной брошюры, равно какъ не должна превышать двухъ печатныхъ листовъ, если она въ теченіе года будетъ заимствуема журналомъ или другимъ періодическимъ изданіемъ; собственно политическія

---

[12]) См. *Дамбаха*, в. п. с. стр. 28—30. Anhang стр. 280.
[13]) *Klostermann*. Das Urheberrecht, стр. 213—215.

газеты обязаны только указывать источникъ, изъ коего статья зоимствована».

Наоборотъ, *французскіе законы*, спеціально регулирующіе литературную собственность, этого вопроса вовсе не касаются; судебная же практика не держится какого-либо твердаго принципа, а разрѣшаетъ вопросъ о правомѣрности или неправомѣрности заимствованія, сообразуясь въ каждомъ данномъ случаѣ съ величиною и характеромъ послѣдняго, при чемъ признаетъ за самою компиляціею значеніе литературнаго труда, подлежащаго защитѣ отъ контрафакціи [14]).

Что касается *нашего цензурнаго устава*, то разсматриваемый вопросъ разрѣшается тамъ въ статьяхъ 291, 297, 298 и 299. Сопоставляя ихъ между собою, оказывается, что цензурный уставъ признаетъ литературными произведеніями не только сочиненія оригинальныя, но и всякаго рода компиляціи, исключительное право перепечатки коихъ предоставляетъ лишь ихъ издателямъ (291). Съ другой стороны безнаказанныя заимствованія разрѣшаются имъ лишь до опредѣленнаго предѣла. Такъ «*случайная* перепечатка въ какомъ-либо изданіи мелкой статьи, не занимающей болѣе одного печатнаго листа, а равно и перепечатаніе извѣстій политическихъ или относящихся къ словесности, наукамъ и художествамъ, съ указаніемъ источника, откуда оныя заимствованы, не воспрещается. При опредѣленіи какъ, велика помѣщенная въ журналѣ или какомъ-либо иномъ собраніи помѣщенная статья, принимается въ основаніе послѣднее изданіе книги, изъ коей взята сія статья» (ст. 297).—Допуская свободу перепечатки въ этихъ размѣрахъ, уставъ однако постановляетъ, что она должна быть не преднамѣренною, а случайною; а потому перепечатка въ указанномъ размѣрѣ какой нибудь брошюры, не превышающей одного или двухъ листовъ, съ очевиднымъ желаніемъ пустить ее въ оборотъ независимо отъ автора, будетъ на-

[14]) См. *Blanc* в. п. с. стр. 72 и 73.

рушеніемъ авторскаго права, хотя бы перепечатанный листъ вставленъ былъ въ иное изложеніе. Пояснимъ это примѣромъ. Извѣстная брошюра трактуетъ, предположимъ, о новомъ способѣ добыванія каменнаго угля, разведенія картофеля или акклиматизаціи рыбъ. Лицо, желающее незаконно эксплуатировать ее, присоединяетъ къ ней нѣсколько историческихъ, экономическихъ и т. п. свѣдѣній и въ этомъ видѣ пускаетъ ее въ продажу въ качествѣ самостоятельнаго сочиненія, хотя и съ указаніемъ источниковъ. Тутъ перепечатка очевидно не случайная, а преднамѣренная; и если бы прибавленныя свѣдѣнія по объему своему превышали даже втрое означенную брошюру, то такое изданіе, по смыслу закона, слѣдовало бы назвать контрафакціей. Та же статья разрѣшаетъ однако подобную перепечатку журналисту, если только она происходитъ не постоянно, не вполнѣ и не подъ видомъ рецензіи или другимъ предлогомъ. Эти два постановленія одной и той же статьи, непосредственно слѣдующія другъ за другомъ, какъ будто находятся между собою въ прямомъ противорѣчіи. Съ одной стороны перепечатка въ какомъ-либо изданіи допускается лишь подъ условіемъ случайности, а съ другой журналамъ, которые суть тоже изданія, разрѣшается такая перепечатка и безъ этого условія. Но если глубже вникнуть въ смыслъ означенныхъ предписаній, то окажется, что оба они говорятъ одно и тоже: и тамъ и тутъ перепечатка разрѣшается до опредѣленнаго размѣра и подъ условіемъ случайности; журналистъ, цитирующій изъ чужаго сочиненія хотя бы и менѣе одного печатнаго листа, но съ намѣреніемъ совершить контрафакцію и прикрывающій это намѣреніе какими-либо литературными деталями и орнаментами въ родѣ библіографическаго отзыва, рецензіи и т. п., есть такой же нарушитель авторскаго права какъ и промышленный издатель, дѣлающій тоже самое съ отдѣльною брошюрой. Впрочемъ законъ преслѣдуетъ журналиста лишь тогда, когда онъ совершаетъ такую перепечатку *постоянно*. Это выраженіе слишкомъ неопредѣленно, чтобы

могло служить надежною точкою опоры для суда. На какомъ протяженіи времени должно практиковаться перепечатка и сколько разъ она должна повторяться, чтобы можно было обвинить журналиста въ нарушеніи авторскаго права, этого слово *постоянно* отнюдь не объясняетъ.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что возникающія при примѣненіи этой статьи сомнѣнія и недоразумѣнія относятся къ области уголовнаго права, и мы вскользь коснулись ихъ здѣсь лишь потому, что въ цензурномъ уставѣ постановленія уголовнаго и гражданскаго характера чрезвычайно тѣсно переплетаются между собою, такъ что полное отдѣленіе ихъ другъ отъ друга представляется не всегда возможнымъ. Съ теоретической точки зрѣнія самовольная перепечатка не только одного печатнаго листа, но и одной печатной страницы есть такое же нарушеніе авторскаго права, какъ и перепечатка цѣлаго сочиненія. А потому, какъ наше такъ и иностранныя законодательства, признавая и узаконяя перепечатку до извѣстнаго размѣра, прямо нарушаютъ коренной принципъ авторскаго права, по которому механическое воспроизведеніе и размноженіе даннаго произведенія принадлежитъ исключительно автору или его юридическимъ преемникамъ. Нынѣшняя законодательная практика тѣмъ болѣе несправедлива, что нерѣдко достаточно одного или двухъ печатныхъ листовъ, чтобы ознакомить читателя со всѣмъ сочиненіемъ, при чемъ остальное его содержаніе можетъ быть излагаемо вкратцѣ въ произвольной формѣ; это въ особенности легко можетъ быть примѣнено къ брошюрамъ. Такимъ образомъ означенная практика можетъ привести въ дѣйствительности къ тому, что сочиненія однихъ писателей будутъ пользоваться полною юридическою защитой, сочиненія же другихъ лишены будутъ ея совершенно. Пока еще мы не въ состояніи провѣрить этого результата на примѣрахъ нашей дѣйствительной жизни, такъ какъ кругъ нашихъ отечественныхъ читателей не настолько обширенъ, чтобы онъ служилъ приманкою для всякаго рода контрафактныхъ перепечатокъ; но

съ теченіемъ времени, когда образованіе охватитъ собою всѣ слои общества и увеличитъ потребность въ обогащеніи себя познаніями, онъ можетъ проявиться во всей своей разрушительной силѣ.

Частичная перепечатка, представляющаяся если не полнымъ отрицаніемъ, то по меньшей мѣрѣ ограниченіемъ литературной собственности, должна быть допускаема лишь тамъ, гдѣ запрещеніе ея до крайности стѣснило бы развитіе данной отрасли литературы, какъ, напримѣръ, въ ежедневныхъ газетахъ и учебникахъ словесности; въ такихъ случаяхъ она является съ характеромъ сервитута, наложеннаго на литературную собственность въ пользу общества. Но будучи такимъ ограниченіемъ, она должна быть строго опредѣлена, очерчена и сужена до тѣхъ предѣловъ, въ коихъ пользованіе ею представляется неизбѣжнымъ. Всякое дальнѣйшее расширеніе ея представляется посягательствомъ на собственность автора и не только не приноситъ никакой пользы обществу, но даже прямо вредно для него, такъ какъ понижаетъ стоимость литературнаго труда и ослабляетъ энергію литераторовъ и ученыхъ.

Разрѣшая перепечатку до одного печатнаго листа во всѣхъ изданіяхъ, нашъ цензурный уставъ дѣлаетъ исключеніе для хрестоматій и ссылокъ. Въ первыхъ разрѣшается (ст. 298) перепечатывать и свыше одного печатнаго листа; такъ какъ максимумъ этой перепечатки законъ не обозначаетъ, то составители въ правѣ пользоваться ею до послѣднихъ предѣловъ изъ своихъ личныхъ разсчетовъ и соображеній.

Подобное любовное отношеніе къ хрестоматіямъ, нужда въ коихъ далеко не представляется безусловно неизбѣжною, просто поразительно. Еще удивительнѣе та свобода, которую законъ предоставляетъ по отношенію къ ссылкамъ. «Ссылки на книги, гласитъ 299 статья, не почитаются самовольнымъ изданіемъ, но токмо при соединеніи слѣдующихъ условій: а) если въ сихъ ссылкахъ выписано въ сложности не болѣе третьей части книги (заключающей въ се-

бѣ болѣе одного печатнаго листа), и б) если текстъ самаго сочиненія находится вдвое болѣе противъ ссылокъ изъ одной какой-либо книги». — Отсюда всякій въ правѣ заключить, что если сочиненіе состоитъ изъ ссылокъ не на одну, а нѣсколько книгъ, при чемъ текстъ, хотя самъ по себѣ ничтожный по содержанію и объему, будетъ однако настолько великъ, что вдвое превыситъ ссылки на каждую книгу порознь, то подобное произведеніе, по смыслу закона, не должно почитаться контрафакціею. Не трудно понять, что подъ сѣнью такого закона послѣдняя будетъ преуспѣвать, благоденствовать и процвѣтать, пожиная плоды, взращенные трудомъ и терпѣніемъ другихъ. Нельзя также не удивляться, что наши промышленники доселѣ не воспользовались этою статьею цензурнаго устава и подъ ея эгидою не эксплуатировали наши лучшія произведенія литературы. Заграницею существованіе подобнаго закона непремѣнно дало бы себя знать и литераторамъ и обществу. Для того же, чтобы воспользоваться имъ въ ущербъ интересамъ литераторовъ и правомѣрныхъ издателей, не требуется даже никакихъ головоломныхъ ухищреній. Стоитъ, напримѣръ, какому-нибудь ремесленному издателю составить самый пустой, ничтожный текстъ о вліяніи поэзіи, хоть бы напримѣръ, на нравы общества и подъ нимъ выписать лучшія стихотворенія Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Полонскаго, Майкова и др., чтобъ эта очевидная контрафакція осталась не только безнаказанною, но и фигурировала въ качествѣ самостоятельнаго сочиненія. Тоже можетъ быть сдѣлано и съ произведеніями другихъ отраслей литературы.

Что касается *Англіи*, то законъ отъ 1-го іюля 1842 г. ст. XVIII выражается о компиляціяхъ слѣдующимъ образомъ: «...Издатель или лицо, которое до или во время изданія этого закона задумало, редактировало или издавало либо задумаетъ, будетъ редактировать и будетъ издавать какую-нибудь энциклопедію, обозрѣніе, магазинъ, изданіе періодическое или выпусками и всякую иную книгу либо будетъ ея собственникомъ, и употребляло или употребитъ

различныхъ лицъ для составленія всего такого произведенія, либо нѣкоторыхъ его томовъ, выпусковъ, опытовъ, статей и отрывковъ или для обнародованія въ сказанныхъ произведеніяхъ или въ качествѣ части послѣднихъ, когда сказанныя сочиненія, томы, выпуски, опыты или отрывки составлены или будутъ составлены сказанными лицами съ тѣмъ, чтобы право изданія названныхъ произведеній принадлежало означенному собственнику или издателю и чтобы послѣдній уплатилъ за то ихъ авторамъ, считается собственникомъ права изданія означенныхъ энциклопедіи, обозрѣнія, магазина, изданія періодическаго или выпусками и всякаго тома, выпуска, опыта, статьи и отрывка, такимъ образомъ составленныхъ и оплаченныхъ, пользуется такими правами, какъ еслибы дѣйствительно былъ ихъ авторъ, въ теченіе того же срока, какой предоставляется настоящимъ закономъ писателямъ, съ тою лишь разницею, что относительно опытовъ, статей или отрывковъ, составляющихъ часть обозрѣній, магазиновъ или другихъ періодическихъ произведеній того же характера и первоначально тамъ обнародованныхъ, право изданія означенныхъ произведеній отдѣльно возвращается, по истеченіи двадцати восьми лѣтъ со времени перваго изданія, автору на остальной остатокъ срока, даруемаго настоящимъ закономъ: съ тѣмъ однако же, что въ теченіе этихъ 28 лѣтъ означенный собственникъ или издатель не долженъ издавать отдѣльно ни одного изъ названныхъ опытовъ, статей или отрывковъ безъ предварительнаго согласія автора или его юридическихъ преемниковъ и что все здѣсь установленное не должно измѣнять или касаться принадлежащаго употребленному выше означеннымъ образомъ лицу права издавать отдѣльно составленное имъ сочиненіе, если лицо это сохранило за собою это право на будущее время путемъ явнаго или подразумѣваемаго договора; но всякій авторъ, удержавшій за собою это право или сдѣлавшійся его собственникомъ, можетъ осуществлять его при посредствѣ отдѣльнаго изданія своего труда, ни въ

чемъ не причиняя ущерба праву названнаго собственника или издателя, какъ объ этомъ было сказано выше» [15]).

Изъ этого неуклюжаго по своей формѣ постановленія видно, что и въ Англіи компиляція въ своемъ цѣломъ составѣ разсматривается какъ оригинальное сочиненіе и пользуется защитою отъ контрафакціи на общемъ основаніи. Авторамъ помѣщаемыхъ въ такихъ компиляціяхъ статей предоставляется или уступать свое авторское право компилятору, при чемъ по истеченіи 28 лѣтъ оно возстановляется, или сохранять его за собою, не нанося ущерба компилятору. Но англійскій законъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о разрѣшеніи компиляторамъ безнаказанно перепечатывать части чужихъ сочиненій помимо ихъ авторовъ, какъ это дѣлаетъ германское, австрійское и въ особенности наше законодательство. Слѣдовательно, принципъ неприкосновенности авторскаго права выдержанъ въ англійскихъ законахъ несравненно строже, чѣмъ въ законодательствахъ континентальной Европы.

2) *Дополненія, примѣчанія, комментаріи и сборники пѣсенъ, сказокъ и пословицъ.* Въ литературѣ нерѣдко встрѣчается, что комментируются и снабжаются примѣчаніями не только древнія сочиненія и вообще законы, но и сочиненія новѣйшія. Для примѣра можно указать на диссертацію Савиньи: Das Recht des Besitzes, изданную седьмымъ изданіемъ извѣстнымъ ученымъ, Рудорфомъ, съ примѣчаніями и довольно объемистымъ дополненіемъ самого издателя. Въ такихъ случаяхъ въ книгѣ представляется собственно два сочиненія, въ юридическомъ отношеніи другъ отъ друга вовсе не зависящія: 1) Комментируемая книга, если она стала общественнымъ достояніемъ, то съ присоединеніемъ къ ней комментарій, примѣчаній и дополненій не утрачиваетъ своего прежняго юридическаго характера, и слѣдовательно, можетъ быть безпрепятственно перепечатываема всякимъ желающимъ; если же она составляетъ еще част-

[15]) *Laboulaye.* Etudes sur la prop. littér. Appendice стр. 166 и 167.

ную собственность, то на перепечатку ея требуется согласіе ея собственника, такъ что и самъ комментаторъ, не заручившійся этимъ согласіемъ, можетъ быть обвиненъ въ нарушеніи авторскаго права. 2) Самыя комментаріи, примѣчанія и дополненія; они составляютъ собственность ихъ автора, и самовольная перепечатка ихъ не только отдѣльно но вмѣстѣ съ комментируемымъ сочиненіемъ, хотя бы она произведена была самимъ авторомъ послѣдняго, есть такое же нарушеніе авторскаго права, какъ и первая изъ названныхъ перепечатокъ.—Но если комментаторъ до того смѣшалъ свои комментаріи и т. д. съ текстомъ книги, что отдѣлить ихъ другъ отъ друга можно лишь съ помощью тщательнаго сличенія комментируемаго сочиненія съ его первоначальнымъ текстомъ, и если это послѣднее стало уже общественнымъ достояніемъ, то комментаторъ тѣмъ самымъ обнаружилъ желаніе отказаться отъ своего авторскаго права на всѣ свои прибавленія, ибо никто не обязанъ, приступая къ перепечаткѣ такой книги, дѣлать предварительныя розысканія относительно ея первоначальнаго текста ради соблюденіе интересовъ комментатора. Наоборотъ всякій, требующій отъ третьихъ лицъ признанія его собственности, долженъ обставить ее настолько ясными внѣшними признаками своего господства, чтобы не было никакого сомнѣнія въ ея принадлежности данному лицу. Если это условіе комментаторомъ не соблюдено, то понесенный имъ ущербъ отъ самовольной перепечатки его прибавленій онъ долженъ приписать своему собственному опущенію, и судъ поступилъ бы совершенно справедливо, отказавъ въ возникшемъ изъ такой перепечатки искѣ [16]).

Но что сказать о томъ случаѣ, когда ученый съ по-

---

[16]) Иначе мнѣнія объ этомъ *Blanc* в. п. с. стр. 69 и 70. Онъ полагаетъ, что комментаторъ во всякомъ случаѣ имѣетъ право на возмѣщеніе понесеннаго имъ отъ этого убытка. Но это воззрѣніе неосновательно. См. также о комментаріяхъ и т. д. *Вехтера* Das Verlagsrecht т. I стр. 126—128, *Dambach* в. п. с. стр. 21 и 22, *Eisenlohr* в. п. с. стр. 48 и сл.

мощью своихъ кропотливыхъ и долгихъ изысканій возстановляетъ текстъ какого-нибудь древняго памятника, дошедшій до насъ въ неполномъ или искаженномъ видѣ? Слѣдуетъ ли этотъ возстановленный текстъ считать достояніемъ означеннаго ученаго, или его слѣдуетъ отнести къ разряду книгъ, ставшихъ достояніемъ публики? При разрѣшеніи этого вопроса нужно исходить изъ того положенія, что не содержаніе книги, а только форма ея составляетъ частное достояніе; а такъ какъ отысканная ученымъ форма древняго сочиненія хотя и возстановлена его трудами, но все-таки создана не имъ, не составляетъ непосредственнаго плода его интеллектуальной дѣятельности, то онъ и не имѣетъ на нее никакого права собственности. Какъ бы велика ни была его ученая заслуга, но она не можетъ уничтожить того факта, что онъ служилъ лишь болѣе или менѣе дѣятельнымъ посредникомъ ознакомленія общества съ чужимъ произведеніемъ. Еслибъ ему и было предоставлено исключительное право изданія послѣдняго, то это можно было бы разсматривать, какъ изъятіе изъ общаго правила, какъ привилегію, дарованную ему въ воздаяніе его трудовъ и заслуги, а не какъ явленіе нормальное. Само собою разумѣется, что всѣ объясненія и указанія, присоединяемыя къ такимъ изданіямъ, составляютъ неотъемлемую собственность сдѣлавшаго ихъ ученаго, и перепечатка ихъ вмѣстѣ съ текстомъ памятника или отдѣльно была бы несомнѣннымъ посягательствомъ на эту собственность [17]).

Въ совершенное противорѣчіе съ этимъ кореннымъ принципомъ нашъ цензурный уставъ (ст. 285) постановляетъ, что «первые издатели народныхъ пѣсень, пословицъ, сказокъ и повѣстей, сохранившихся однимъ изустнымъ преданіемъ, пользуются такими же правами, какъ и сочинители новыхъ книгъ; равнымъ образомъ и первые издатели древнихъ рукописей, что однакожъ не препятствуетъ другимъ издавать тѣ же лѣтописи или другіе древніе манускрипты

---

[17]) См. *Dambach*, тамъ же.

съ полнѣйшаго, вѣрнѣйшаго или почему-либо отличнаго списка». Народныя пѣсни, пословицы и сказки суть достояніе всѣхъ и каждаго; авторъ ихъ не единичное лицо, а весь народъ, которому они потому всецѣло должны принадлежать. Присвоивать же авторскія права простому собирателю ихъ, значитъ безъ нужды лишать народъ его кровнаго достоянія и предоставлять его лицу, не имѣющему на него никакихъ правъ, такъ какъ простая копировка пѣсень, сказокъ и пословицъ со словъ сказочниковъ и др. не только не составляетъ акта, равносильнаго созданію ихъ, но не выходитъ изъ низшаго разряда механическихъ воспроизведеній. Означенное постановленіе цензурнаго устава тѣмъ удивительнѣе, что собираніе сказокъ и т. п. по большей части не сопряжено ни съ какими затрудненіями, а производится случайно, проѣздомъ, вслѣдствіе встрѣчи съ извѣстнымъ сказочникомъ и т. д. Такого собирателя нельзя приравнивать не только къ автору оригинальнаго сочиненія, но и къ ученому, открывающему дотолѣ неизвѣстный историческій документъ. Въ противоположность ему собиратель не открываетъ ничего новаго, а передаетъ лишь нѣчто такое, что извѣстно или легко можетъ быть извѣстно всякому, желающему ознакомиться съ нимъ. Что касается издателей древнихъ рукописей, то мы уже выше указали, что ихъ отнюдь нельзя ставить наравнѣ съ авторами, а потому приведенное положеніе цензурнаго устава, по нашему мнѣнію, лишено правильнаго юридическаго основанія. Если, вводя названную статью въ цензурный уставъ, законодатель желалъ лишь поощрить ученыхъ къ изданію древнихъ документовъ [18]), то онъ уклонился отъ своего прямаго призванія. Меценатство не дѣло законодателя; на немъ лежитъ лишь обязанность установлять общія юридическія нормы для регулированія взаимныхъ отношеній гражданъ ради облегченія и упроченія общежитія;

---

[18]) Какъ это предполагаетъ г. *Спасовичъ*, Права авторскія и контрафакція, стр. 43.

поощреніе же и вознагражденіе ученыхъ за ихъ труды и заслуги есть дѣло не законодателя, а общества и его представителя, правительства, которое въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ не какъ органъ законодательный, а общественный, предоставляя полезнымъ для общества и науки ученымъ соотвѣтствующее положеніе въ государствѣ.

Одинъ изъ часто цитируемыхъ тутъ писателей, именно Гарумъ [19]), различаетъ въ такихъ случаяхъ самое изданіе древнихъ памятниковъ, манускриптовъ и т. д. отъ сдѣланныхъ въ нихъ исправленій и въ обоихъ случаяхъ признаетъ наличность авторскаго права, сокращая лишь для перваго случая срокъ этого права. Свое мнѣніе, по отношенію къ исправленіямъ, онъ подкрѣпляетъ слѣдующими аргументами: «Если вспомнить, говоритъ онъ относительно древнихъ памятниковъ, что первоначальная форма ихъ предполагается для публики утраченною, что часто она можетъ быть возстановлена лишь путемъ многотрудныхъ изысканій и основательнаго изученія, путемъ частичнаго воспроизведенія умственнаго труда автора и что именно отысканіе искаженной первоначальной формы имѣетъ по отношенію къ значительнымъ произведеніямъ огромную важность для литературы и ея исторіи, то это возстановленіе можно, конечно, разсматривать, какъ второе умственное творчество, какъ созданіе собственной новой формы и основать на немъ авторское право. Само собою разумѣется, что это относится только къ вновь найденному и что по отношенію къ цѣлому оно не должно быть слишкомъ незначительнымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ оно, какъ юридическій объектъ, не имѣетъ никакой цѣны».

Но съ этими аргументами едва-ли можно согласиться. Какъ бы трудно ни было возстановленіе текста какого-нибудь историческаго памятника, но самый текстъ все-таки не перестанетъ принадлежать его автору; а такъ какъ возстановляемые памятники составляютъ обыкновенно достоя-

---

[19]) *Harum* в. п. с. стр. 77—79.

ніе публики, то возстановителю они могутъ принадлежать лишь настолько, насколько они принадлежатъ каждому частному лицу. Операцію, производимую надъ ними учеными, можно приравнять къ реставраціи древнихъ картинъ и статуй: изъ того, что данный художникъ реставрировалъ картину Рафаэля, Корреджіо, Рубенса, Тиціана или др., никто не станетъ заключать, что самая картина принадлежитъ именно реставратору, какъ бы труденъ ни былъ процессъ реставраціи, какого бы искусства онъ ни потребовалъ. Но въ древнихъ литературныхъ памятникахъ встрѣчаются иногда весьма значительные пробѣлы въ родѣ отсутствія цѣлыхъ параграфовъ или главъ. Восполненіе этихъ пробѣловъ съ помощью другихъ источниковъ является уже возстановленіемъ не текста, а содержанія, которое излагается ученымъ изслѣдователемъ въ формѣ, по возможности подходящей къ формѣ остальнаго, извѣстнаго текста. Таковы, напримѣръ, работы Брунса, Гушке, Готофреда и др., касающіяся изданія древнихъ памятниковъ римской юриспруденціи. Эти такъ-сказать вставки въ чужія произведенія суть несомнѣнно продуктъ творческой дѣятельности ихъ авторовъ, которые имѣютъ на нихъ безспорное авторское право. Самовольная перепечатка такого пополненнаго памятника явится такимъ образомъ дѣйствительнымъ нарушеніемъ авторскаго права, но не по отношенію къ всему памятнику, а лишь къ его дополненіямъ. Что же касается до отдѣльныхъ словъ и буквъ, силою времени вырванныхъ изъ первоначальныхъ манускриптовъ, то присоединеніе ихъ и составляетъ именно тотъ процессъ реставраціи, о которомъ только что была рѣчь. А потому считать ихъ объектомъ авторскаго права, какъ это дѣлаетъ Гарумъ, также неосновательно, какъ и считать реставрированную картину собственностью реставратора. Правда, труды ученыхъ, предпринимающихъ такія изданія, весьма почтенны и часто составляютъ эпоху въ цѣлой наукѣ, но это нисколько не измѣняетъ юридическаго характера ихъ

работы и можетъ служить лишь масштабомъ для измѣренія важности ихъ заслуги.

Столь же шаткимъ и невѣрнымъ нужно назвать воззрѣніе Гарума на самое изданіе народныхъ пѣсень, сказокъ, пословицъ, манускриптовъ, документовъ, отрывковъ и надписей. «Если это изданіе, говоритъ онъ, является въ видѣ сборника, то уже въ самомъ этомъ сборникѣ можетъ заключаться своеобразная форма, служащая основаніемъ авторскаго права. Но и изданіе отдѣльной статьи этого рода, если она не слишкомъ ничтожна, составляетъ литературное произведеніе издателя; ибо предполагается, что онъ первый понялъ ея значеніе для литературнаго оборота и подъ этимъ вліяніемъ издалъ ее въ свѣтъ; такою умственною дѣятельностью онъ извлекъ ее изъ неизвѣстности или равнодушія, въ которомъ она дотолѣ находилась, и тѣмъ самымъ вновь создалъ ее для литературной публики. Что умственный трудъ, употребленный на изысканіе такихъ проявленій народной жизни и раскрытіе такихъ архивныхъ сокровищъ, имѣетъ точно также право на соотвѣтствующую награду и что эта послѣдняя можетъ быть найдена только въ авторскомъ правѣ, противъ этого нельзя и спорить... Впрочемъ, тутъ не требуется, чтобы само изданное было по своему содержанію или формѣ замкнутымъ цѣлымъ или вообще литературнымъ произведеніемъ, такъ какъ, согласно сказанному, оно является въ этомъ послѣднемъ качествѣ только благодаря воззрѣнію издателя и акту изданія, посредствомъ которыхъ оно замыкается въ цѣлое и вслѣдствіе которыхъ и простые фрагменты, надписи и т. п., могутъ стать литературными произведеніями издателя. Но во всякомъ случаѣ, не должно быть стѣсняемо свободное пользованіе этими литературными продуктами для другихъ работъ, такъ какъ тутъ плодомъ умственной дѣятельности издателя является лишь пріобрѣтеніе готоваго по содержанію и формѣ, а потому его авторское право можетъ относиться болѣе къ самостоятельному обнародованію цѣлаго. Конечно, всякій свободенъ при

этомъ самостоятельно предпринимать подобныя же изысканія въ томъ же направленіи и обнародовать найденное, если только оно есть самостоятельная услуга».

Если бы потребовалось опредѣлить изъ этихъ аргументовъ истинную точку зрѣнія Гарума, то пришлось бы прійдти въ сильнѣйшее смущеніе. Съ одной стороны, простой актъ изданія вышеозначенныхъ произведеній даетъ издателю, по мнѣнію Гарума, авторское право, а съ другой — самъ Гарумъ признаетъ, что издатель получаетъ тутъ готовое и по содержанію и по формѣ и потому требуетъ, чтобы допущено было свободное пользованіе этимъ готовымъ. Прежде всего, самъ собою рождается вопросъ: что разумѣетъ онъ подъ свободнымъ пользованіемъ? Если оно состоитъ въ заимствованіи изложенныхъ въ названныхъ произведеніяхъ мыслей, то вѣдь тоже самое допускается и должно быть допущено по отношенію ко всякому произведенію, и слѣдовательно разумѣется само собою. Если жъ оно простирается на самую форму, то тогда авторское право издателя должно превратиться въ пустой звукъ, такъ какъ право это состоитъ именно въ устраненіи третьихъ лицъ отъ пользованія данною формой. Правда, Гарумъ говоритъ о пользованіи цѣлымъ. Но цѣлое лишь тогда можетъ быть объектомъ авторскаго права, когда оно является плодомъ умственнаго творчества издателя, когда послѣдній проявилъ въ немъ свой вкусъ, познанія, свою оригинальную группировку и свою систему. Не такое цѣлое имѣетъ въ виду Гарумъ; по его мнѣнію, даже отдѣльное изданіе какого-нибудь народнаго сказанія, безъ литературной обработки, должно пользоваться защитою отъ контрафакціи.

Издатель народныхъ сказаній, пѣсень и т. п. извлекая ихъ изъ неизвѣстности и равнодушія, по словамъ Гарума, тѣмъ самымъ вновь создаетъ ихъ и потому является ихъ авторомъ. Но вѣдь всякій знаетъ, что народныя пѣсни, сказки, пословицы, легенды и т. д. *живутъ* въ народѣ, питаютъ его фантазію и составляютъ его нравственную усладу въ часы досуга и отдохновенія; они переходятъ отъ

поколѣнія къ поколѣнію въ почти неизмѣнной формѣ, съ одинаковыми поэтическими красотами и въ одинаковыхъ варіантахъ. Можно ли говорить тутъ о неизвѣстности? Неизвѣстными они могутъ быть только нѣкоторой, и притомъ весьма незначительной части народа, живущей среди него чуждою ему жизнью. Слѣдовательно изданіе ихъ путемъ печати не есть еще извлеченіе ихъ изъ неизвѣстности, а представляется лишь сообщеніемъ письменной формы тому, что доселѣ имѣло лишь форму устную. Но если даже согласиться, что одинъ процессъ отпечатанія даннаго произведенія можетъ служить основаніемъ авторскаго права, то пришлось бы допустить, что всякая самовольная перепечатка должна давать тоже право, и слѣдовательно пришлось бы признать контрафакцію дѣломъ не только законнымъ, но и справедливымъ. Изъ неизвѣстности такой издатель извлекаетъ не народныя сказанія, пѣсни и т. п., а историческіе документы и памятники; въ этомъ случаѣ онъ, конечно, имѣетъ право на благодарность; но должна ли эта благодарность выражаться въ предоставленіи ему авторскаго права, это болѣе чѣмъ сомнительно, это значило бы насиловать природу авторскаго права, необходимое условіе коего есть непосредственная творческая дѣятельность. Издатель только тогда получаетъ на этого рода произведенія право литературной собственности, когда подвергнетъ ихъ обработкѣ, критикѣ, измѣнивъ ихъ внѣшній видъ сообразно литературнымъ требованіямъ. Тутъ форма является результатомъ умственнаго творчества не первоначальнаго автора, а самого издателя.

3) *Частныя письма*. Произведенія этого рода могутъ быть разбиты на двѣ группы: а) письма, предназначенныя къ печати самимъ ихъ авторомъ, каковы различныя сочиненія въ эпистолярной формѣ и открытыя письма, помѣщаемыя въ газетахъ, и б) письма, не выходящія изъ частной сферы даннаго лица или данныхъ лицъ и вовсе не предназначавшіяся къ обнародованію. Первыя ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ объектовъ литературной

собственности и самовольная перепечатка ихъ представляется безспорнымъ нарушеніемъ авторскаго права. Что же касается вторыхъ, то и они суть возможный объектъ этого права и обнародованіе ихъ ради издательской эксплуатаціи можетъ стать дѣйствительнымъ нарушеніемъ матеріальныхъ интересовъ ихъ авторовъ. Впрочемъ, воззрѣнія ученыхъ на этотъ предметъ расходятся.

Такъ, Іолли не считаетъ возможнымъ причислить письма къ литературнымъ произведеніямъ [20]). «Даже когда форма и содержаніе, говоритъ онъ, даютъ возможность сообщать ихъ болѣе обширному кругу лицъ, чѣмъ тѣ индивиды, для которыхъ они первоначально предназначались, то все-таки при истинныхъ, а не фиктивныхъ письмахъ не достаетъ существеннаго для понятія литературнаго произведенія намѣренія автора создать такой трудъ, который въ опредѣленной, сообщенной ему формѣ былъ бы способенъ сдѣлаться объектомъ литературнаго оборота. Это рѣшающее намѣреніе не совмѣстимо съ существомъ истиннаго письма, такъ какъ оно, будучи посредникомъ устной бесѣды, есть просто индивидуализированный способъ сообщенія». Если въ новое время въ Германіи, утверждаетъ онъ, и замѣчается стремленіе собирать и издавать письма историческихъ лицъ, и если эти сборники охотно покупаются даже за дорогую цѣну и не перепечатываются, то изъ этихъ фактовъ нельзя еще заключать о существованіи обычнаго права, запрещающаго такую перепечатку; такъ какъ это воздержаніе отъ перепечатокъ вызывается не юридическимъ чувствомъ, а можетъ быть слѣдствіемъ чувства деликатности.

Противъ этихъ доводовъ возражаетъ Вехтеръ, что «сопряженный съ изданіемъ писемъ историческій интересъ, къ которому Іолли сводитъ это дѣло, не можетъ сдѣлать

---

[20]) Die Lehre vom Nachdruck стр. 121 и слѣд. Того же воззрѣнія держится и *Мандри* Das Urheberrecht an literarischen Erzeugnissen und Werken der Kunst, стр. 114.

изъ нихъ литературное произведеніе; интересъ этотъ, какъ и положеніе пишущаго, его литературное призваніе, или важность предмета могутъ лишь видоизмѣнять литературную цѣну даннаго произведенія или мотивировать его появленіе, но отпечатанная корреспонденція есть литературное произведеніе и помимо всякаго историческаго интереса. Такимъ произведеніемъ представляется всякій трудъ, способный появиться или дѣйствительно появляющійся въ литературѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что и письма, въ отпечатанномъ видѣ появляющіяся въ литературномъ оборотѣ противъ воли автора, должны почитаться литературными произведеніями и предметомъ издательскаго права» [21]).

«Цѣль индивидуальнаго сообщенія, возражаетъ Іолли также Гарумъ, достигается и исчерпывается этимъ сообщеніемъ, если оно сдѣлано, и обнародованіе не оказываетъ на него никакого дальнѣйшаго вліянія; оно слѣдовательно не противорѣчитъ намѣренію извѣстнаго литературнаго творчества, не поглощаетъ его. На этомъ основаніи письма, безъ сомнѣнія, должны почитаться литературными произведеніями, если они удовлетворяютъ остальнымъ, необходимымъ для того требованіямъ; это не имѣетъ мѣста, напримѣръ, при простыхъ дѣловыхъ письмахъ, корреспонденціяхъ о семейныхъ событіяхъ и т. п., потому что онѣ являются въ качествѣ чисто фактическаго или безформеннаго сообщенія и слѣдовательно не могутъ быть разсматриваемы какъ литературныя произведенія; кромѣ того они очень часто непригодны для литературнаго оборота вслѣдствіе ихъ индивидуальныхъ, не для всей публики понятныхъ отношеній» [22]).

---

[21]) Das Verlagsrecht, т. I. стр. 155 и сл. Впрочемъ, въ другомъ сочиненіи: Das Autorrecht, стр. 63, онъ ошибочно полагаетъ, что письма, лишенныя литературныхъ качествъ, могутъ стать объектомъ авторскаго права, только будучи включены въ сборники писемъ или въ другія сочиненія. Взглядъ этотъ опровергается ниже.

[22]) „Die oesterreichische Preszgesetzgebung“, стр. 96. См. также *Клостермана*, „Das Urheberrecht“, стр. 138 и сл., утверждающаго, наоборотъ, что всякаго рода письма могутъ быть объектомъ авторскаго права.

Соглашаясь вполнѣ съ замѣчаніемъ Гарума, что письма суть обыкновенныя литературныя произведенія, мы однако находимъ, что сдѣланное имъ исключеніе для дѣловыхъ, семейныхъ и т. п. писемъ, исключеніе, которое раздѣляетъ и Вехтеръ [23]), не выдерживаетъ критики. И такія письма наравнѣ съ другими произведеніями письменности, легко могутъ стать предметомъ издательской эксплуатаціи, независимо отъ ихъ первоначальнаго назначенія и внѣшней формы, которая можетъ и неудовлетворять литературнымъ требованіямъ. Многія изъ нихъ могутъ имѣть громадный интересъ для бытовой исторіи или характеристики даннаго народа, данной мѣстности или данной эпохи. Такъ представленіе о положеніи переселенцевъ въ томъ или другомъ уголкѣ земли можетъ быть гораздо вѣрнѣе, если оно будетъ основываться на частныхъ письмахъ, а не на офиціальныхъ донесеніяхъ или даже разсказахъ путешественниковъ. Не менѣе громадный интересъ можетъ представлять изданіе дѣловыхъ писемъ, касающихся извѣстной отрасли коммерціи; было бы, напримѣръ, чрезвычайно назидательно для публики изданіе писемъ, еслибъ это только было возможно, извѣстныхъ всей Россіи вожаковъ знаменитаго краха московскаго ссудно-коммерческаго банка; изъ нихъ лучше, чѣмъ изъ всякихъ подробныхъ обвинительныхъ актовъ каждый могъ бы видѣть, какими способами удается этимъ мнимымъ общественнымъ благотворителямъ подъ видомъ полезныхъ и производительныхъ предпріятій перекладывать деньги изъ кармановъ довѣрчивой публики въ свои широчайшіе карманы. Кромѣ этихъ можетъ быть набрано еще много другихъ интересовъ, для которыхъ изданіе частныхъ писемъ можетъ представить значительныя выгоды. Но независимо отъ этихъ практическихъ соображеній всѣ вообще частныя письма должны быть названы возможными объектами авторскаго права и съ юридической точки зрѣнія. Всякое письмо непремѣнно содержитъ въ себѣ извѣстныя мысли,

---

[23]) См. *Вехтера*, тамъ же, стр. 154.

облеченныя во внѣшнюю форму, которая обязана своимъ происхожденіемъ его автору; такимъ образомъ въ каждомъ письмѣ соединяются всѣ элементы, необходимые для того, чтобъ оно могло сдѣлаться объектомъ авторскаго права; лишь только оно механическимъ путемъ воспроизводится и размножается, то оно и въ дѣйствительности становится такимъ объектомъ. Что же касается вопроса, какова эта форма и соотвѣтствуетъ ли она требованіямъ литературы, то разрѣшеніе его принадлежитъ не суду и не юриспруденціи, а литературной критикѣ. Было бы, въ самомъ дѣлѣ, несообразнымъ съ призваніемъ судьи возлагать на него обязанность изслѣдовать въ каждомъ данномъ случаѣ литературныя качества спорнаго произведенія; да и могъ ли бы онъ удовлетворительно выполнить эту чуждую его спеціальности задачу, когда сами спеціалисты этого дѣла, литераторы, въ своихъ литературныхъ оцѣнкахъ постоянно расходятся. И въ самомъ дѣлѣ даже въ средѣ литературы легко можетъ случиться, что письмо, страдающее отсутствіемъ всякаго литературнаго стиля, будетъ признано беллетристами вещью, не стоющею ни малѣйшаго вниманія, между тѣмъ какъ историкъ и бытописатель найдутъ его полнымъ жизненнаго интереса, драгоцѣннымъ сокровищемъ, которымъ поспѣшатъ воспользоваться для своихъ работъ.

Но такъ какъ письмо предполагаетъ непремѣнно двѣ стороны, между которыми происходитъ обмѣнъ мыслей и сообщеній, и такъ какъ обѣ стороны могутъ быть одинаково заинтересованы въ этомъ обмѣнѣ и могутъ имѣть совмѣстныя права на его орудіе, т. е. манускриптъ, то отсюда рождается вопросъ, кого изъ нихъ слѣдуетъ считать собственникомъ формы письма? Вопросъ этотъ всѣми новѣйшими писателями, касавшимися его въ своихъ изслѣдованіяхъ о литературной собственности, разрѣшается въ одномъ и томъ же смыслѣ: всѣ они признаютъ, что авторское право на письмо принадлежитъ не адресату, а его составителю, автору [24]). Такъ, Клостерманъ и Бланъ (ibid) справедливо

[24]) См. *Вехтера*. „Das Autorrecht“, стр. 64, *Клостермана*, „Das Urheber-

утверждаютъ, что письма посылаются адресату не для изданія, а для прочтенія; отправитель имѣетъ въ виду лишь ознакомить адресата съ содержаніемъ письма, а не предоставить въ его полное распоряженіе и форму послѣдняго. Съ полученіемъ письма адресатъ, правда, получаетъ право собственности на самый манускриптъ и на этомъ основаніи въ правѣ отказать въ возвращеніи послѣдняго даже самому автору, но отсюда нельзя еще выводить, что ему принадлежитъ такое же право и на форму. Адресатъ только тогда въ правѣ былъ бы обнародовать письмо, когда у него состоялось бы на этотъ счетъ соглашеніе съ авторомъ; при отсутствіи же таковаго обнародованіе является несомнѣннымъ нарушеніемъ авторскаго права. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ писателей въ нѣкоторыхъ случаяхъ признаютъ за адресатомъ самостоятельное право оглашенія письма, но только не для имущественныхъ цѣлей. Такъ Гарумъ (ibid) утверждаетъ, что «адресатъ не можетъ быть поставленъ въ этомъ огношеніи на одну линію со всякимъ третьимъ лицомъ; въ виду того, что индивидуальнымъ сообщеніемъ письмо нѣкоторымъ образомъ спеціально предоставляется въ его распоряженіе, то ему должна быть предоставлена власть самостоятельно обнародовать его, когда дѣло идетъ о защитѣ его собственныхъ или чужихъ правъ, напр. для отраженія публичнаго нападенія со стороны автора письма или всякаго третьяго лица. Это родъ литературной *необходимой обороны*, которая при такомъ же положеніи должна быть разрѣшена и третьему лицу, въ руки коего письмо досталось, хотя смотря по обстоятельствамъ лицо это можетъ быть подвергнуто отвѣтственности за пріобрѣтеніе письма преступными средствами. Но точка зрѣнія необходимой обороны должна здѣсь простираться лишь настолько,

---

recht“, стр. 136 и сл., *его же*, „Das geistige Eigenthum, стр. 322, *Blanc*, „Traité de la contrefaçon“, стр. 78, *Dambach*, „Die Gesetzg. des Nordd. Bundes“, стр. 21, *Harum*, „Die oesterr. Preszgesetzg., стр. 96 и сл., *Eisenlohr*, в. п. с. стр. 51, *Kramer*, в. п. с. стр. 74 и сл.

насколько это нужно для этой обороны; иначе наступитъ уже нарушеніе авторскаго права». Онъ приводитъ также постановленіе нашего цензурнаго устава (ст. 293), по которому частныя письма дозволяется издавать въ свѣтъ только съ совокупнаго согласія автора и получателя или ихъ наслѣдниковъ, и полагаетъ, что, во избѣжаніе просто упрямаго отказа адресата дать свое согласіе или совершенно незаконныхъ требованій отъ автора, постановленіе это слѣдовало бы измѣнить въ томъ смыслѣ, что согласіе, въ коемъ неосновательно отказываетъ адресатъ, можетъ быть замѣнено судебнымъ рѣшеніемъ. Но и въ этомъ случаѣ, думаетъ онъ, цѣлесообразность этого ограниченія подвержено сомнѣнію, а потому онъ предлагаетъ лучше слѣдовать примѣру англійской юриспруденціи, по воззрѣнію которой обнародованіе не предназначенныхъ къ тому писемъ можетъ стать нарушеніемъ явнаго или молчаливаго договора, злоупотребленіемъ довѣріемъ или диффамаціею [25]). Съ этимъ взглядомъ трудно не согласиться; дѣйствительно было бы крайне несправедливо запрещать обнародованіе полученнаго письма, когда оно представляется единственнымъ опроверженіемъ противъ публично взводимой клеветы на обладателя его. Конечно, обнародованіе не должно переходить этихъ предѣловъ и становится безправнымъ, когда оно совершается изъ-за издательскихъ имущественныхъ выгодъ или ради преступной цѣли.

Воззрѣніе, что только автору принадлежитъ право изданія его писемъ для имущественныхъ цѣлей, раздѣляется и судебною практикой. Въ подтвержденіе этого приведемъ два не лишенныхъ интереса примѣра. Штутгартскій книгопродавческій домъ Котта издалъ въ 1828 году письма между Гете и Шиллеромъ отъ 1794—1805 годовъ. Затѣмъ въ 1855 году тѣмъ же издателемъ выпущенъ былъ въ свѣтъ

---

[25]) Тамъ же, стр. 96, прим. 1 и стр. 95, прим. 2, въ срединѣ. То же говоритъ *Клостерманъ*, „Das geistige Eigenthum“, стр. 322, прим. 2, „Das Urheberrecht“, стр. 137.

сборникъ нѣсколькихъ писемъ Гете къ Шарлотѣ Кестнеръ и гофрату Кестнеру. Оба эти изданія были перепечатаны въ Берлинѣ въ 1856 году въ двухъ сборникахъ, изъ коихъ въ одномъ собраны были письма Гете, а въ другомъ Шиллера. При возникшемъ отсюда искѣ отвѣтчикъ между прочимъ возразилъ, что письма Гете къ Кестнерамъ пріобрѣтены не отъ наслѣдниковъ ихъ автора, а отъ наслѣдниковъ адрессатовъ, а потому отвергалъ право Котты на преслѣдованіе за контрафакцію. Обертрибуналъ рѣшеніемъ отъ 28 іюня 1861 года отказалъ въ этой части иска, такъ какъ договоръ объ изданіи заключенъ былъ только между юридическими преемниками гофрата Кестнера и Котта безъ согласія наслѣдниковъ Гете, автора писемъ [26]).

Эмиль Жирарденъ обнародовалъ въ своей газетѣ *Presse* въ 1849 году письма извѣстнаго публициста Бенжаменъ-Констана къ г-жѣ Рекамье на основаніи копіи, которую Рекамье передала г-жѣ Колле съ письменнымъ уполномочіемъ обнародовать эти письма по смерти первой. Наслѣдники Б.-Констана и Рекамье предъявили къ издателю Жирардену и г-жѣ Колле искъ, прося запретить начавшееся изданіе означенныхъ писемъ и возвратить имъ манускриптъ. Парижская судебная палата, куда восходило это дѣло по апелляціи, постановила, 20 декабря 1850 года, слѣдующее рѣшеніе: «Принимая во вниманіе, что конфиденціальное письмо не есть чистая и простая собственность въ рукахъ того, кому оно писано; что содержащаяся въ немъ тайна есть поклажа, которою послѣдній не можетъ располагать одинъ, что сообщая въ корреспонденціи свою мысль третьему лицу, данный индивидъ можетъ поставить условіемъ этого акта довѣрія, чтобъ онъ не выходилъ изъ области тѣсной дружбы, что это условіе обладаетъ всѣми свойствами истиннаго договора; что оно дѣйствительно содержится во всякомъ частномъ конфиденціальномъ письмѣ; что если бы, вопреки намѣренію этого молчаливаго договора, тайна пись-

---

[26]) См. *Клостермана*, „Das geistige Eigenthum“, стр. 323 и сл.

ма была разглашаема, то это было бы не только опущеніемъ естественныхъ обязанностей этого рода отношеній, но вносило бы тревогу въ частный бытъ и разрывало бы одну изъ узъ человѣческаго общежитія;—принимая во вниманіе, что эти принципы не допускаютъ никакого исключенія, даже когда авторъ конфиденціальной корреспонденціи выполнялъ публичную роль; что какъ бы обширны ни были права исторіи на выдвигаемыя ею личности, они должны остановиться предъ святилищемъ внутренняго суда;—что въ частной жизни общественныхъ людей могутъ быть чувства, привязанности, проявленія откровенности, которыя изъ уваженія къ самимъ себѣ и къ другимъ они вынуждены хранить въ тайнѣ; что семейный интересъ имѣетъ право оберегать это неприкосновенное достояніе и защищать его отъ захватовъ нескромной гласности; что пока современныя страсти еще не улеглись, этому интересу въ особенности слѣдуетъ противиться огласкамъ, которыя могли бы потревожить память объ умершихъ относительно того, что они желали унести съ собою въ могилу, могли бы возбудить злобныя выходки полемики, оскорбить третьихъ лицъ и поколебать благоговѣніе къ домашнимъ воспоминаніямъ и привязанностямъ; принимая во вниманіе, что корреспонденція, составляющая предметъ настоящаго процесса, есть собраніе конфиденціальныхъ писемъ, адресованныхъ Бенжаменъ-Констаномъ вдовѣ Рекамье; что эта послѣдняя обязалась двустороннимъ договоромъ публично издать ихъ только съ согласія ихъ автора; что это согласіе никогда не было дано Бенжаманъ-Констаномъ; что слѣдовательно вдова Рекамье не могла предавать ихъ гласности ни сама, ни чрезъ уполномоченнаго, ни при своей жизни, ни послѣ своей смерти; что это она сама признала въ одномъ обстоятельствѣ, при коемъ объявила, что письма эти по природѣ своей не подлежали огласкѣ; что отсюда слѣдуетъ, что еслибъ она въ видахъ оглашенія и предоставила какую-либо власть другому путемъ завѣщанія или инымъ какимъ-нибудь актомъ, то это вышло бы изъ предѣловъ

ея права, хотя бы и было продиктовано добрыми намѣреніями, и не могло бы имѣть дѣйствія въ виду формальной оппозиціи сестры Б.-Констана, представляющей его; приказываетъ возвратить копію, довѣренную г-жѣ Колле» и т. д. — Первая часть иска, т. е. прекращеніе обнародованія этихъ писемъ, была уважена уже въ первой инстанціи и дѣло перешло во вторую инстанцію лишь потому, что императорскій трибуналъ отказалъ въ просьбѣ о возвратѣ копій съ писемъ Б.-Констана [27]).

Такой же практики придерживаются и суды англійскіе, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Гудзонъ [28]). Что касается сборниковъ писемъ, то къ нимъ примѣняется тоже, что было сказано о сборникахъ и компиляціяхъ вообще. Какъ тамъ, такъ и здѣсь компиляторъ получаетъ право литературной собственности на цѣлое, если оно есть продуктъ его самостоятельной интеллектуальной дѣятельности: но это право отнюдь не исключаетъ правъ авторовъ отдѣльныхъ писемъ, и отпечатаніе этихъ послѣднихъ безъ ихъ согласія должно разсматриваться, какъ прямое нарушеніе авторскаго права.

Изъ тѣхъ положительныхъ законодательствъ, постановленія коихъ разсматриваются въ настоящемъ изслѣдованіи, прямо о письмахъ упоминается лишь въ нашемъ цензурномъ уставѣ, въ ст. 294, содержаніе которой приведено выше. Французское и англійское объ нихъ вовсе умалчиваетъ, сѣверо-германское (законъ 11 іюня 1870 г., § 5, пунктъ а) и австрійское (законъ 19 октября 1846 г., § 4, пунктъ а) предоставляютъ имъ лишь косвенную защиту, запрещая самовольную перепечатку всякаго рода манускриптовъ.

Что касается означеннаго постановленія нашего цен-

---

[27]) См. *Клостермана*: Das geist. Eigenth., стр. 321. *Blanc*, тамъ же, стр. 78 прим. 1.

[28]) A Treatise on the law of patents and of copyright, стр 523, см. *Клостермана* тамъ же.

зурнаго устава, то его нельзя признать вполнѣ цѣлесообразнымъ. Столь рѣшительное и безусловное вліяніе на изданіе писемъ, составленныхъ другими, какое цензурный уставъ предоставляетъ адресату, не всегда оправдывается личными интересами послѣдняго и нерѣдко можетъ привести къ безполезному стѣсненію и даже лишенію законно принадлежащихъ выгодъ. Какъ самъ авторъ, слава и репутація коего упрочились въ обществѣ, такъ и его наслѣдники могли бы извлекать значительныя имущественныя выгоды изъ изданія писемъ, въ разное время адресованныхъ ими различнымъ лицамъ. Первый могъ бы найдти въ этомъ даже тотъ научный интересъ, какой представляетъ вообще переписка спеціалистовъ по вопросамъ ихъ спеціальности; наслѣдники же, кромѣ того, могли бы воспользоваться его письмами съ біографическими цѣлями. Но ихъ стремленія осуществить эти вполнѣ полезныя намѣренія легко могутъ разбиваться о противодѣйствіе адресатовъ, которыхъ самъ законъ уполномочиваетъ къ тому. Нѣтъ сомнѣнія, что адресатъ можетъ быть живо заинтересованъ или въ сохраненіи въ своей власти даннаго письма, какъ залога дружбы и уваженія къ автору, или въ томъ, чтобы данное письмо не было предано гласности; но на такіе случаи ему можно было бы предоставить извѣстныя законныя гарантіи: ему можно было бы дать право требовать, чтобъ изъ письма было выпущено все касающееся его личности или его семьи, чтобъ авторъ или его наслѣдники ограничились полученіемъ не самого оригинала, а только копіи съ него и т. п. Все это конечно могло бы быть регулировано въ самомъ законѣ, согласно требованіямъ справедливости и необходимости щадить личные и семейные интересы, чувства и тайны.

4. *Лекціи, публичныя рѣчи, проповѣди и публичныя импровизаціи.* При обсужденіи юридическаго характера этого рода произведеній слѣдуетъ отправляться отъ того уже доказаннаго выше положенія, что всякое устное или письменное произведеніе, обязанное своимъ происхожденіемъ

умственной дѣятельности даннаго лица, есть объектъ авторскаго права, если можетъ служить или дѣйствительно служитъ предметомъ литературнаго оборота. Что касается въ частности лекцій, то къ нимъ положеніе это примѣняется болѣе, чѣмъ къ какому-либо иному устному произведенію. Хотя онѣ и произносятся устно и не всегда закрѣпляются путемъ долговѣчныхъ письменныхъ знаковъ, но это, какъ справедливо утверждаетъ Іолли [29]), отнюдь не лишаетъ ихъ значенія литературнаго произведенія. Отличіе ихъ отъ другихъ умственныхъ произведеній состоитъ лишь въ томъ, что они «сообщаются большему или меньшему кругу лицъ еще до закрѣпленія ихъ долговѣчными знаками или, по меньшей мѣрѣ, до распространенія ихъ въ этомъ видѣ, и что вслѣдствіе того въ нихъ можетъ отсутствовать необходимое для литературнаго оборота качество работы или, по крайней мѣрѣ, намѣреніе автора дать своему произведенію такую внѣшность, которая дѣлала бы его способнымъ участвовать въ названномъ оборотѣ». Что лекціи суть возможные объекты и могутъ стать дѣйствительными объектами авторскаго права, если будутъ воспроизводимы и размножаемы механическимъ способомъ, въ этомъ всѣ ученые согласны между собою [30]). Но въ практической жизни противъ этого положенія поднимаются иногда возраженія, которыя тѣмъ опаснѣе, что на первый взглядъ кажутся довольно убѣдительными. Профессоръ есть лицо офиціальное, говорятъ противники означеннаго положенія и преимущественно промышляющіе чужимъ трудомъ; читая лекціи, онъ выполняетъ лишь свою служебную обязанность, за которую получаетъ отъ государства соотвѣтствующее вознагражденіе въ видѣ правильнаго и постояннаго жалованья; слѣдова-

---

[29]) Die Lehre vom Nachdruck, стр. 123 и сл.

[30]) Ср. *Jolly* тамъ же, *Harum* в. п. с. стр. 92, *Wächter* das Verlagsrecht, т. I, стр. 15, *Blanc* в. п. с. стр. 42 и сл., *Клостермана*, Das geist. Eigenthum, стр. 116 и сл., *его же* das Urheberrecht, стр. 62, *Dambach* в. п. с. стр. 58.

тельно лекціи являются трудомъ уже оплаченнымъ; предоставляя же ему еще исключительное право изданія ихъ въ свѣтъ, тѣмъ самымъ пришлось бы признать за нимъ привилегію взимать двойную плату за свой служебный трудъ. Но въ такомъ случаѣ почему же отказывать въ той же привилегіи всякому иному должностному лицу, почему этому послѣднему запрещать полученіе дополнительнаго вознагражденія за выполненіе своихъ служебныхъ обязанностей? [31]). Опроверженіе этихъ софистическихъ аргументовъ взялъ на себя французскій ученый *Бланъ* [32]), котораго мы уже неоднократно имѣли случай цитировать. Онъ выполнилъ это дѣло съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи передать его доводы приблизительно его же собственными словами, тѣмъ болѣе, что изложеніе его мнѣнія объ этомъ вопросѣ сдѣлаетъ излишнимъ ознакомленіе читателя съ мнѣніями другихъ ученыхъ о томъ же предметѣ, такъ какъ всѣ они безусловно примкнули къ Блану.

«Имѣетъ ли профессоръ, читающій публичный курсъ, спрашиваетъ онъ, право исключительной собственности на свое сочиненіе и можетъ ли онъ одинъ только обнародовать его? Ничто не могло бы быть такъ противно простому здравому смыслу, какъ отказъ автору въ исключительной привилегіи изданія его книги только на томъ основаніи, что она есть продуктъ публичнаго курса. Вопросъ этотъ получилъ серіозный характеръ со времени претензій стенографіи. Это искусство долго умѣло покоряться той второстепенной роли, которая указана была ему его природой. Оно было союзникомъ науки, могуществу которой способ-

---

[31]) Такого мнѣнія Шефле: die nationalökonomische Theorie der ausschliessenden Absatzverhältnisse, insbesondere des literarisch-artistischen Urheberrechts и т. д. Tübingen 1867, стр. 231. Ср. *Клостермана,* Das Urheberrecht, стр. 49 и сл. *Wächter,* Das Autorrecht, стр. 55, примѣч. 8.

[32]) *Blanc* Traité de la contrefaçon, стр. 42—49. Въ сущности тоже, что Бланъ, говоритъ и Ренуаръ: Traité и т. д., т. II, стр. 144—148; ср. также *Спасовича* в. п. с. стр. 40 и сл.

ствовало своими дивными средствами. Слѣдуя шагъ за шагомъ и хватая на лету слова, стенографія первоначально искренно подчинялась предварительному пересмотру и одобренію автора; но съ теченіемъ времени ободренная легкою возможностью брать, она стала хватать втихомолку и обманомъ. Она стала завладѣвать самою близкою сердцу, самою индивидуальною собственностью ума, именно собственностью импровизаціи.

«Теряетъ ли авторъ свое право собственности только потому, что онъ публично обучалъ и говорилъ? Для этого было бы необходимо, чтобъ онъ намѣревался отказаться и дѣйствительно отказался отъ своего права; а онъ могъ бы отказаться отъ него только путемъ формальной уступки; ибо здравая логика никогда не допускала уступки молчаливой, предполагаемой и вытекающей изъ одного факта публичнаго чтенія. Въ противномъ случаѣ, если бы великіе ораторы вѣка Людовика XIV возвратились къ намъ, то они должны были бы согласиться безропотно взирать на дерзкое обогащеніе стенографіи плодами ихъ генія и трудовъ.

«Но профессоръ, говорятъ, получаетъ жалованье, а жалованье установляетъ уступку, такъ какъ служитъ платою за послѣднюю. Въ этомъ случаѣ, отвѣтимъ мы, рѣшеніе вопроса о правѣ естественно вытекаетъ изъ оцѣнки факта. Въ чемъ заключается природа обоюднаго обязательства между профессоромъ и его плательщикомъ? Первый обязывается публично преподавать и въ вознагражденіе за это получаетъ условленную плату; если онъ кончилъ свое преподаваніе, то онъ сдѣлалъ все, что обязанъ былъ сдѣлать; больше онъ ничѣмъ не обязанъ. Слѣдовательно, присвоивая плательщику право печатать и продавать слова, написанныя получающимъ отъ него жалованье, ему даютъ больше того, на что онъ имѣлъ право по договору, и тѣмъ самымъ нарушаютъ послѣдній во вредъ профессора.

«Скажутъ, что давать профессору исключительное право обнародовать свою доктрину, когда уже заплачено ему за

преподаваніе ея, значитъ платить ему два раза за одну и ту же проданную вещь. Этотъ упрекъ въ двойномъ барышѣ легко опровергнуть имъ же самимъ; ибо, прослушавъ лекцію, предметъ единственно обѣщанный и оплаченный, хотятъ еще получить право изданіе этой лекціи и выгоды отъ этого; да вѣдь это составитъ для ученика-контрафактора или стенографа болѣе, чѣмъ двойной барышъ. Наоборотъ упрекъ этотъ не можетъ касаться профессора. Извлекая исключительную выгоду изъ изданія своего курса, онъ не заставляетъ платить себѣ два раза за одинъ и тотъ же предметъ. И въ самомъ дѣлѣ, жалованье оплатило только его слова, его преподаваніе, т. е. вещь не матеріальную; все, что не есть его слово, выходитъ изъ договора; но если онъ овеществляетъ это слово, если онъ чрезъ посредство печати даетъ ему тѣло, если, наконецъ, онъ обнародываетъ свое ученіе, то онъ онъ создаетъ новую вещь внѣ договора, за которую, слѣдовательно, онъ можетъ взимать плату. Нѣтъ сомнѣнія, каждый изъ слушателей можетъ записывать или запоминать мысли профессора, но нужно отличать мысли сами по себѣ отъ матеріальной выгоды, которую можетъ дать изданіе. Кому же эта выгода должна принадлежать? Между авторомъ и спекуляторомъ вопросъ этотъ можетъ возбудить сомнѣнія.

«Чтобы привлечь на сторону этого грабежа прогрессъ человѣчества, не скупились на восхваленіе и славу; говорили, что благородная миссія профессора состоитъ въ созданіи публичнаго разума и въ служеніи отечеству, что эта новая гласность, далеко разнося его слово, дѣлаетъ его аудиторіей весь міръ и что распространяющаяся наука дѣлаетъ его имя безсмертнымъ.

«Но правда ли, что громадная гласность, доставляемая стенографіею, есть дѣйствительное благодѣяніе для науки и что она даетъ автору славу, могущую искупить этотъ грабежъ? Наука не пользуется изданіями, преданными спекуляторскому духу контрафакторовъ и вспомоществуемыми всегда невѣрными средствами стенографіи. Все строго, все

математически разсчитано въ наукахъ, въ особенности точныхъ; ошибка въ одной цифрѣ можетъ исказить цѣлую систему, а при обращеніи съ ядовитыми веществами ученикъ, обманутый самою незначительною разницей въ дозахъ, можетъ превратить своими неискусившимися руками лекарство въ ядъ. Слѣдовательно, наука отъ этихъ изданій столько же выиграетъ въ извѣстности, сколько потеряетъ въ точности, значитъ ничего не выиграетъ.—Что касается славы, то господинъ ей только самъ авторъ. Сверхъ того, стенографія, будучи далека отъ полезной службы ему, можетъ причинить ему такой моральный вредъ; котораго не уравновѣситъ никакое денежное вознагражденіе. Профессоръ увидитъ въ печати, т. е. сохраненными навсегда и притомъ въ нетлѣнной формѣ такія мысли, которыхъ онъ не желалъ еще обнародовать, такую систему, которая достаточно обдумана для удовлетворенія скоропреходящей цѣли импровизированнаго преподаванія, но еще не настолько созрѣла, чтобъ ее можно было подвергнуть торжественному испытанію внимательнаго чтенія. Его произведеніе, еще несовершенное, будетъ издано помимо его воли и противъ его воли; его мысль неполная, извращенная и искаженная, будетъ предоставлена такимъ образомъ, подъ его именемъ, изученію юношества и научной критикѣ, не будучи подвергнута контролю того, кто одинъ отвѣчаетъ за нея предъ ученымъ міромъ. Слѣдовательно, благодѣянія этой гласности болѣе, чѣмъ сомнительны.

«Прибавимъ еще, что, еслибы слава служить отечеству и желаніе образовать общественный разумъ разсматривались какъ безусловный отказъ отъ всякой выгоды, то спекуляторы не преминули бы эксплуатировать эти благородныя чувства, чтобъ обирать литераторовъ, произведенія коихъ можно было бы продавать съ выгодою.

«Но впрочемъ какая надобность въ полезности, когда право нарушено? Да имѣется ли тутъ въ дѣйствительности польза? Если да, то пусть законъ регулируетъ формы и условія этой литературной экспропріяціи, и неизбѣжнымъ

базисомъ ея будетъ вознагражденіе; но до этого регулированія она будетъ лишь грабежомъ и воровствомъ, и едва ли найдется такой прогрессъ, который бы могъ искупить насилованіе принципа.

«Мало того, контрафакторы не подумали о районѣ грабежа, который охватываетъ собою ихъ системы и который одинъ достаточно ее опровергаетъ. Если ученикъ или стенографъ считаютъ себя въ правѣ издавать публичный курсъ того ученаго, котораго они слушаютъ, то спрашивается, можетъ ли издатель, столь же логично судящій о собственности, какъ они, и купившій у стенографа экземпляръ его изданія, претендовать на то, что онъ за 25 копѣекъ купилъ право воспроизведенія этого изданія? Его претензія была бы даже менѣе несправедлива, потому что онъ заплатилъ стенографу то, чего послѣдній не платилъ никому. Между тѣмъ стенографъ возопилъ бы, что онъ продалъ только право читать, а не воспроизводить. Тоже самое говоритъ профессоръ; онъ продалъ только право слушать его лекціи, если угодно, списывать ихъ, но не издавать, потому что изданіе путемъ печати есть право, которое онъ не желалъ отчудить, продавая свои слова. Чтобы сказали о кліентѣ, который вздумалъ бы издать защитительную рѣчь своего адвоката, безъ его согласія и даже противъ его воли, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ заплатилъ ему за защиту? Комичность и несправедливость за одно осуждаютъ такую претензію.

«Но что станется съ этою доктриною контрафакторовъ, если мы предположимъ теперь случай, когда профессоръ не получаетъ жалованья? Тутъ исчезаетъ и этотъ единственный аргументъ въ пользу грабительской системы контрафакторовъ и всѣ ея усилія отстоять свое существованіе оказываются тщетными.

«... Послѣ юридической логики слѣдуетъ логика справедливости. Можно ли допустить, чтобы человѣкъ, составившійся въ профессурѣ и служеніи наукамъ, предѣлы которыхъ онъ, быть можетъ, расширилъ, и живущій посредственно на свое умѣренное жалованье, лишенъ былъ выгодъ

отъ своей исключительной собственности? Онъ одинъ только долженъ пожинать плоды названнаго изданія. Такимъ образомъ контрафакція причиняетъ безспорный ущербъ какъ его репутаціи, такъ и имуществу.

«.... Развитые нами принципы съ тѣмъ большимъ основаніемъ примѣняются къ тому случаю, когда профессоръ съ своей каѳедры только воспроизводитъ курсъ, который онъ предварительно издалъ или издаетъ».

Все сказанное о лекціяхъ имѣетъ полнѣйшее примѣненіе ко всякаго рода рѣчамъ, каковы: рѣчи, произносимыя на торжественныхъ актахъ, застольныя, рѣчи въ различныхъ ученыхъ и другихъ собраніяхъ и т. п. Публичное произнесеніе даннаго произведенія есть лишь одинъ изъ видовъ осуществленія авторскаго права; а потому тотъ, кто прочиталъ предъ публикою свое сочиненіе, тѣмъ самымъ еще не отказался отъ исключительнаго права воспроизводить его другимъ механическимъ путемъ; точно также какъ и наоборотъ, обнародовавшій его путемъ печати этимъ актомъ обнародованія отнюдь не отказывается отъ всякой иной возможной эксплуатаціи своего права и не предоставляетъ ее всякому желающему. Тоже слѣдуетъ сказать о проповѣдяхъ, произносимыхъ въ церквахъ при богослуженіи или въ иныхъ мѣстахъ при отправленіи религіозныхъ требъ, и о публичныхъ импровизаціяхъ.

Въ нѣсколько иномъ свѣтѣ представляются рѣчи адвокатовъ, депутатовъ, министровъ и др. государственныхъ людей, произносимыя ими въ качествѣ офиціальныхъ лицъ. Направлены рѣчи эти не на осуществленіе авторскаго права или достиженіе иной чисто личной цѣли, а являются дѣломъ общественнымъ, по существу своему разсчитаннымъ на самую широкую гласность. Назначеніе ихъ состоитъ или въ содѣйствіи общественному органу при отправленіи имъ своей офиціальной функціи или въ выраженіи взглядовъ и намѣреній правительства либо иной общественной власти. Самая широкая огласка такихъ рѣчей, производимая путемъ механическаго воспроизведенія и распространенія ихъ,

обыкновенно путемъ печати прямо входитъ въ виды этихъ ораторовъ, которые, будучи органами общественной власти, необходимо заинтересованы въ томъ, чтобы все, сказанное ими въ этомъ качествѣ, было извѣстно всѣмъ и каждому. Хотя ихъ рѣчи суть продукты ихъ умственной дѣятельности, и на этомъ основаніи они могли бы претендовать на авторское право; но подобная претензія была несовмѣстима и даже діаметрально противоположна главнѣйшей цѣли этого рода произведеній: такъ какъ въ такомъ случаѣ пришлось бы чрезвычайно сузить ихъ огласку, и слѣдовательно, парализовать ихъ дѣйствіе. Вотъ почему свободная перепечатка такихъ рѣчей въ соотвѣтствующихъ періодическихъ изданіяхъ не только позволительна, но даже желательна. Что касается въ частности адвокатовъ и членовъ парламентовъ, то въ виду того, что они произносятъ свои произведенія въ такомъ общественномъ мѣстѣ, гдѣ все производство должно происходить гласно, и что ихъ рѣчи суть части этого производства, они не въ правѣ и требовать, чтобы репортеры газетъ или иныхъ изданій выпускали изъ своихъ отчетовъ о судебныхъ и парламентскихъ засѣданіяхъ ихъ рѣчи, такъ какъ такое требованіе шло бы въ разрѣзъ съ установленною закономъ публичностью и гласностью этихъ засѣданій.

Другое дѣло, когда рѣчи эти издаются обособленно ради промышленной эксплуатаціи. Публичные ораторы все таки авторы своихъ рѣчей, и то обстоятельство, что они произносятъ ихъ публично, еще не лишаетъ ихъ авторскихъ правъ; если они не пользуются послѣдними, то только потому, что такому пользованію противится цѣль ихъ произведеній. Они не могутъ мѣшать оглашенію послѣднихъ, когда оно производится только ради оглашенія; но лишь только оно перестаетъ быть само себѣ цѣлью, а является средствомъ для достиженія иной цѣли, то авторскія права ораторовъ вступаютъ во всю свою силу. На этомъ основаніи изданіе сборника рѣчей или даже одной рѣчи помимо или противъ воли автора есть нарушеніе авторскихъ правъ послѣдняго

и онъ можетъ требовать запрещенія такого изданія и возмѣщенія имущественнаго ущерба; будетъ ли такая самовольная перепечатка произведена въ особой книгѣ или въ періодическомъ изданіи, это нисколько не измѣняетъ существа дѣла [33]).

Переходя затѣмъ къ законодательнымъ постановленіямъ о разсматриваемомъ предметѣ, нужно замѣтить, что выше всѣхъ остальныхъ стоитъ нашъ *цензурный уставъ*. Онъ не дѣлаетъ никакого различія между публично произносимыми произведеніями, а въ ст. 297 пунктъ 6 категорически опредѣляетъ: «кто безъ согласія сочинителя напечатаетъ произнесенную или читанную имъ публично рѣчь или иное сочиненіе», тотъ считается контрафакторомъ. Изъ этихъ словъ можно было бы заключить, что запрещеніе это распространяется и на рѣчи адвокатовъ, помѣщаемыя въ отчетахъ о судебныхъ засѣданіяхъ; но предположеніе это устраняется новыми судебными уставами, разрѣшающими свободно печатать обо всемъ, что происходило въ открытомъ засѣданіи суда. За то съ другой стороны нѣтъ никакихъ препятствій къ распространенію этого запрещенія на рѣчи, издаваемыя отдѣльно. Вышеизложенное правило подтверждено, по отношенію къ лекціямъ, Высочайше утвержденнымъ 8 іюня 1869 года положеніемъ особаго комитета объ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ ст. IX.

Наоборотъ *сѣверо-германское* и *австрійское* законодательство разбиваютъ этого рода произведенія на двѣ группы, изъ коихъ одна пользуется юридическою защитой, а другая нѣтъ. Такъ сѣверо-германскій законъ 11 іюня 1870 г., въ § 5 b, гласитъ: контрафакціей считается «послѣдовав-

---

[33]) См. *Спасовича*, „Права авторскія“ и т. д., стр. 41. Такого же мнѣнія *Гарумъ*, в. u. c., стр. 90 и сл., *Вехтеръ*, „Das Verlagsrecht“, т. I, стр. 151 и сл. Противнаго мнѣнія *Клостерманъ*, „Das geist. Eigenth.“, стр. 167 и сл., *Eisenlohr*, „Das literarisch-artistische Eigentum“, стр. 46, *Bluntschli*, „Deutsches Privatrecht“, стр. 106.

шая безъ разрѣшенія автора перепечатка рѣчей, произнесенныхъ съ цѣлью назиданія, поученія или бесѣды», а въ § 7. d. разрѣшаетъ «перепечатку рѣчей, произнесенныхъ въ судебныхъ засѣданіяхъ, политическихъ, общинныхъ и церковныхъ представительныхъ собраніяхъ и подобныхъ имъ сходкахъ».

Въ оправданіе этихъ весьма неудовлетворительныхъ постановленій Клостерманъ [34]) строитъ не менѣе произвольную теорію о рѣчахъ. Онъ разбиваетъ ихъ на свободныя и читаемыя съ рукописи; послѣднія онъ признаетъ литературными произведеніями и подлежащими юридической защитѣ; первыя же, по его мнѣнію, даже вовсе не относятся къ литературнымъ произведеніямъ, такъ какъ они не предназначены для литературнаго оборота.

«Если авторъ, говоритъ онъ, разсчитываетъ относительно ихъ на имущественное пользованіе, то онъ получаетъ его только въ видѣ гонорара за устное сообщеніе. Въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ однако исключительнаго права. Юридически всякому профессору или проповѣднику предоставляется свобода присвоивать себѣ рѣчи своего коллеги, и такой плагіатъ не можетъ быть возбраненъ. Но и авторъ свободныхъ устныхъ рѣчей заинтересованъ въ защитѣ отъ контрафакціи отчасти настолько, насколько онъ желаетъ сохранить для себя на будущее время возможность обработать содержаніе этой рѣчи для печати, отчасти потому, что контрафакція ея вредитъ имущественному пользованію, извлекаемому имъ изъ устной рѣчи. Путешественникъ по Африкѣ или сѣверному полюсу, который по возвращеніи своемъ переходитъ изъ улицы въ улицу, чтобы въ различныхъ городахъ свободно повѣтствовать о пережитомъ имъ во время путешествія, лишится весьма значительнаго числа слушателей, когда содержаніе его рѣчей будетъ распространено чрезъ посредство стенографіи и печати. Наконецъ здѣсь, какъ и при манускриптахъ, принимается

34) Das Urheberrecht стр. 59 и сл.

въ разсчетъ личный интересъ и притомъ главнымъ образомъ касающійся формы обнародованія. Одежда свободной устной рѣчи не такова, какъ у печатнаго сочиненія. Кромѣ того всякая стенографія и даже самая совершенная есть лишь переводъ, а даже публичный ораторъ заинтересованъ въ томъ, чтобы рѣчь его не передана была публикѣ неискуснымъ переводчикомъ въ неразговорной или въ ненаглядительной формѣ. Исключительное право перепечатки косвеннымъ образомъ защищаетъ и этотъ интересъ, такъ какъ истинный искъ объ обидѣ по отношенію къ воспроизведенію публичной рѣчи могъ бы имѣть мѣсто лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

«Таковы основанія, побудившія законодателя защищать отъ контрафакціи свободныя устныя рѣчи, но лишь въ опредѣленномъ объемѣ; они отнюдь не уравнены съ произведеніями письменности, какъ предметомъ авторскаго права».

Прежде всего дѣленіе рѣчей на свободныя и читанныя съ манускриптовъ должно быть названо вполнѣ несостоятельнымъ; оно не выдерживаетъ критики не только въ теоретическемъ, но и въ практическомъ отношеніи. Въ первомъ отношеніи какъ одна, такъ и другая рѣчь является плодомъ ума оратора, обязана ему своимъ происхожденіемъ, и потому составляетъ его собственность, которая подлежитъ защитѣ на общемъ основаніи. Всякое заимствованіе всей или части такой рѣчи въ неизмѣненномъ видѣ помимо или противъ воли автора есть контрафакція, когда заимствующій указываетъ принадлежность ея данному лицу, и плагіатъ, когда такого указанія не сдѣлано, а предъявляется слушателямъ или читателямъ въ качествѣ собственнаго продукта. Въ практическомъ же отношеніи произнесеніе рѣчи съ манускрипта или безъ него не служитъ еще доказательствомъ, что она импровизирована или напередъ обдумана и изложена въ письменной формѣ. Ораторъ, какъ большею частью и бываетъ, можетъ напередъ строго обдумать планъ, систему и даже изложить рѣчь въ письменной формѣ, а затѣмъ произнести ее наизусть такъ, какъ бы онъ ее им-

провизировалъ въ данный моментъ времени. А потому дѣлать критеріумомъ для обсужденія наличности авторскаго права случайное обстоятельство чтенія съ рукописи или наизусть, значитъ узаконять очевидную и обидную несправедливость. Что же касается до остальныхъ доводовъ Клостермана въ пользу защищаемости свободныхъ рѣчей отъ контрафакціи, то они могутъ приниматься въ разсчетъ при опредѣленіи размѣра и качества причиненнаго автору ущерба, но не какъ основанія его авторскаго права.

Въ этомъ отношеніи гораздо правильнѣе смотритъ на дѣло Дамбахъ [35]). Онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что законъ имѣлъ въ виду всякаго рода рѣчи, будутъ ли они произноситься съ рукописи или свободно. Но и съ нимъ трудно согласиться, когда онъ утверждаетъ, что рѣчь, не представляющая ничего самостоятельнаго ни по плану, ни по содержанію, ни по формѣ, а состоящая изъ скученныхъ общихъ мѣстъ, не можетъ быть подведена подъ понятіе литературнаго произведенія и потому не подлежитъ юридической защитѣ. Установленіе такого правила заставило бы судъ критически относиться къ перепечатанной рѣчи и изслѣдовать ея элементы, что вовсе не входитъ въ кругъ его обязанностей; для него совершенно достаточно, что ее составило такое-то лицо и что она перепечатана помимо воли послѣдняго. Что же касается до ея литературныхъ качествъ, то это дѣло критики, которая не замедлитъ произнести надъ подобною рѣчью свой неумолимый приговоръ и осудить автора ея на безславіе.

Названный сѣверогерманскій законъ, разрѣшая перепечатку рѣчей, произносимыхъ въ судахъ, политическихъ, общинныхъ и церковныхъ представительныхъ собраніяхъ и въ другихъ сходкахъ того же рода, очевидно имѣлъ въ виду право свободно печатать обо всемъ, что въ нихъ происходитъ; а потому слѣдовало бы заключить, что этого рода рѣчи могутъ быть перепечатываемы лишь въ качествѣ составныхъ

---

[35]) См. его в п. с. стр. 58 и сл.

частей отчетовъ объ этихъ собраніяхъ. Но мотивы этого закона удостовѣряютъ въ совершенно противоположномъ [36]). Въ нихъ говорится о разрѣшеніи перепечатки не только отдѣльной рѣчи, но и собранія рѣчей одного и того же оратора, такъ какъ онъ, разъ высказавши публично свой взглядъ въ одномъ изъ названныхъ собраній, не долженъ препятствовать тому, чтобы его выраженія свободно сообщались публикѣ. Слѣдуя такой логикѣ, пришлось бы прійдти къ признанію ненаказуемости перепечатки всякой изданной книги, потому что изданіе ея есть еще болѣе публичное проявленіе идей и выраженій ея автора.

Австрійскій законъ 19-го октября 1846 года § 4 b. не дѣлаетъ названнаго подраздѣленія рѣчей, а говоритъ вообще, что контрафакціею считается также «самовольная перепечатка рѣчей, произнесенныхъ съ цѣлью назиданія, поученія или удовольствія. Согласіе ихъ автора должно быть доказываемо и тогда, когда издатель законно владѣетъ оригинальною рукописью или копіею съ нея» [37]). Но этотъ законъ долженъ приводить на практикѣ къ большимъ недоразумѣніямъ; въ каждомъ данномъ случаѣ суду необходимо обращаться къ вопросу, съ какою цѣлью произнесена рѣчь, составляющая предметъ разбирательства; ему необходимо изслѣдовать ея содержаніе и опредѣлить, соотвѣтствуютъ ли оно одной изъ означенныхъ цѣлей или нѣтъ, и сообразно тому, можно ли признать за рѣчью право на юридическую защиту или слѣдуетъ отказать ей въ таковой. Но независимо отъ этого сомое пониманіе этихъ цѣлей слишкомъ неопредѣленно, чтобъ онѣ могли служить объективнымъ мѣриломъ для разрѣшенія юридическихъ случаевъ; вопросъ о томъ, назидательна ли, увеселительна или поучительна данная рѣчь, долженъ рѣшаться на основаніи субъективныхъ воззрѣній опредѣленнаго состава суда, такъ какъ назиданіе, поученіе и увеселеніе суть нравственныя понятія, а не объ-

[36]) *Dambach*, тамъ же стр. 99. *Клостерманъ*. Das Urheberrecht, стр. 61.
[37]) *Harum* в. п. с. стр. 92 и сл. и 273.

ективные признаки, легко уловимые каждымъ. Самая конструкція этихъ понятій выходитъ изъ сферы гражданскаго права, имѣющаго своимъ предметомъ лишь внѣшнія права и обязанности частныхъ лицъ между собою, и всецѣло входитъ въ область психологіи или теологіи. Для удовлетворенія требованіямъ закона и постановленія хоть приблизительно правильнаго рѣшенія суду слѣдовало бы обращаться къ экспертамъ и принимать ихъ заключенія за основаніе своего рѣшенія. Не говоря уже о томъ, что въ виду неустановившихся признаковъ названныхъ понятій и эксперты могутъ расходиться въ своихъ взглядахъ и называть назидательнымъ или поучительнымъ то, что имѣетъ значеніе лишь простаго указанія или группировки фактовъ и т. п., подобный порядокъ вещей противорѣчитъ самостоятельности суда, заставляя его основывать свое рѣшеніе не на законѣ и собственныхъ соображеніяхъ, а на усмотрѣніи частныхъ лицъ. Правда, экспертиза допускается и въ гражданскомъ правѣ, но съ характеромъ чисто вспомогательнымъ, а не рѣшительнымъ; она имѣетъ значеніе лишь разъясненія частностей, непонятныхъ для суда; но она не можетъ и не должна касаться юридической стороны дѣла; здѣсь же она является прямою истолковательницею законодательныхъ терминовъ и слѣдовательно отправляетъ функціи суда, превращая послѣдній въ простое орудіе своихъ рѣшеній. Въ виду этого названные сѣверогерманскій и австрійскій законы не заслуживаютъ никакого подражанія и стоятъ гораздо ниже вышеприведеннаго постановленія нашего цензурнаго устава.

Англійскій законъ отъ 9 сентября 1835 года (5 и 6 William IV c. 65), имѣющій своимъ предметомъ рѣчи и лекціи, содержитъ въ себѣ наряду съ весьма разумными постановленіями постановленія оригинальныя, не повторяющіяся на материкѣ Европы. «Авторъ произведенія, произнесеннаго изустно, говоритъ статья 1-я, или лицо, коему онъ чрезъ посредство продажи или инымъ путемъ передалъ рукопись этого произведенія для прочтенія его въ слухъ въ школѣ, семинаріи, институтѣ или въ другомъ мѣстѣ или

для другой цѣли, имѣютъ исключительное право печатать и издавать это произведеніе».

—«Лица, говоритъ далѣе ст. 3, получившія при посредствѣ платежа жалованья или инаго вознагражденія право присутствовать при чтеніи произведенія въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, не считаются получившими право и позволеніе печатать, списывать и издавать это произведеніе». «...Настоящій актъ (ст. 5) отнюдь не примѣняется къ печатанію, списыванію и изданію устно произнесенныхъ произведеній или частей ихъ, о произнесеніи коихъ судебная власть не была извѣщена письменно согласно закону; онъ не примѣняется также къ произведеніямъ, читаннымъ въ слухъ въ университетѣ, школѣ, публичной коллегіи или публичномъ учрежденіи, а равно и къ читаннымъ лицами, обязанными къ тому въ силу даренія, продажи или устава» [38]).

Изъ приведенныхъ постановленій нетрудно видѣть, что законъ объявляетъ внѣ всякой защиты отъ контрафакціи именно разнаго рода лекціи, считая ихъ какъ бы всецѣло отчужденными въ пользу общества за получаемое жалованье или иное вознагражденіе. Воззрѣніе это уже было разсмотрѣно выше по поводу лекцій вообще, гдѣ указаны были причины его несостоятельности, а потому возвращаться къ нему не представляется никакой надобности.

Что касается *французскаго законодательства*, то оно вовсе не упоминаетъ о произведеніяхъ, произносимыхъ устно, а говоритъ вообще объ *écrits en tout genre*. Это выраженіе дало нѣкоторымъ во Франціи поводъ утверждать, что законъ защищаетъ одни лишь произведенія, облеченныя въ письменную форму. Такое толкованіе *Blanc* [39]) называетъ іудейскимъ и очень убѣдительно доказываетъ, что основаніе защищаемости даннаго литературнаго произведенія есть главнымъ образомъ принадлежность его данному автору; форма же можетъ быть и письменною и устною; иначе

[38]) *Renouard* в. п. т. I стр. 238 и сл.

[39]) Traité de la contrefaçon стр. 43 и сл.

пришлось бы допустить, что защитою пользуются только писанныя, а не напечатанныя произведенія, такъ какъ законъ говоритъ объ écrits, а не объ oeuvres imprimés.

5) *Газеты и періодическія изданія.* Этотъ родъ произведеній литературы слѣдовало бы отнести къ категоріи компиляцій: но въ виду первенствующей роли, которую играютъ періодическія изданія и въ особенности газеты въ наши дни, и въ виду громаднаго, почти подавляющаго развитія этой отрасли литературы, объ ней слѣдуетъ сказать особо. Ни газеты, ни иныя періодическія изданія не представляютъ ничего самостоятельнаго, ничего такого, чтобы можно было назвать органическимъ цѣлымъ, части коего соединены между собою непосредственною логическою связью. Они не болѣе какъ сборники разнаго рода произведеній, поставленныхъ рядомъ часто безъ соблюденія даже отдаленной связи ихъ содержанія. Соединяютъ ихъ между собою воля редактора и чисто внѣшній распорядокъ, основанный на принадлежности даннаго произведенія къ той или другой литературной категоріи. Помѣщаемыя въ журналахъ и газетахъ сочиненія не всегда даже проникнуты единствомъ идей и руководящихъ принциповъ и нерѣдко случается, что почти рядомъ стоятъ статьи, авторы коихъ держатся противоположныхъ началъ и приходятъ къ противоположнымъ выводамъ. Въ виду такихъ свойствъ періодическія изданія слѣдуетъ назвать однимъ изъ способовъ обнародованія произведеній: вмѣсто того, чтобы отыскивать и входить въ соглашенія съ различными издателями, писатели обыкновенно обращаются къ извѣстнымъ лицамъ, заранѣе принявшимъ на себя издательское дѣло и обставившимъ его твердо опредѣленными условіями. Лица эти впередъ на опредѣленное сроки запасаются тѣмъ или другимъ количествомъ покупателей (подписчиковъ), съ которыхъ точно также впередъ получаютъ извѣстныя суммы денегъ въ качествѣ эквивалента за имѣющія быть доставленными имъ сочиненія. Пропорціонально этимъ суммамъ такіе издатели производятъ платежъ авторамъ запроданныхъ имъ произ-

веденій и разчетъ съ своими постоянными сотрудниками. Такимъ образомъ издателей журналовъ и газетъ, по всей справедливости, можно уподобить коммиссіонерамъ, служащимъ посредниками между писателями и покупателями (публикой). Правда при періодическихъ изданіяхъ имѣются особыя лица, завѣдывающія литературною стороною дѣла; но эти лица, называемыя редакторами, суть не болѣе какъ эксперты, литературные оцѣнщики и сортировщики издательскаго матеріала; они опредѣляютъ, можно ли данное сочиненіе предложить покупателямъ въ качествѣ эквивалента за уплаченныя ими впередъ деньги, или нѣтъ, и если можно, то въ какомъ раздѣлѣ изданія слѣдуетъ помѣстить его. По большей части редакторы занимаются также полировкою издательскаго матеріала и притомъ не ради научныхъ или иныхъ литературныхъ интересовъ, а единственно въ выгодахъ изданія.

Газеты и журналы суть конечно компилляціи, но чисто внѣшнія, случайныя, и потому кромѣ сопоставленія различныхъ произведеній не имѣющія ничего общаго съ тѣми компиляціями, которыя для достиженія какой-либо одной опредѣленной цѣли собираютъ и группируютъ матеріалъ по его внутреннему содержанію, располагая его такъ, чтобъ онъ представлялъ собою рядъ ступеней, ведущихъ къ означенной цѣли; таковы, напримѣръ, юридическія и историческія энциклопедіи, хрестоматіи, календари и т. п. Тѣмъ не менѣе періодическія изданія суть компиляціи, и если въ нихъ интеллектуальная дѣятельность компилятора проявляется въ меньшей мѣрѣ чѣмъ въ остальныхъ компиляціяхъ, то все-таки вовсе отрицать ея существованія невозможно. Выборъ матеріала, общій планъ изданія и внѣшній распорядокъ его несомнѣнно обязанны своимъ происхожденіемъ или самому издателю или оплачиваемой имъ дѣятельности редактора, а потому журналъ или газета въ цѣломъ своемъ составѣ суть литературныя произведенія, имѣющія право на юридическую защиту отъ контрафакціи. [40]) Само-

[40]) Такого мнѣнія *Вехтеръ*, das Verlagsrecht т. 1 стр. 175 и сл., *Клостер-*

вольная перепечатка ихъ въ цѣломъ составѣ, хотя бы и подъ другимъ названіемъ, является такимъ образомъ прямымъ нарушеніемъ авторскаго права и должна влечь за собою всѣ, сопряженныя съ такимъ нарушеніемъ невыгодныя послѣдствія. Не то, конечно, слѣдуетъ сказать о частичной перепечаткѣ ихъ.

Авторы сочиненій, входящихъ въ составъ періодическаго изданія, продаютъ издателямъ право только на одно изданіе опредѣленнаго размѣра, соотвѣтствующаго количеству подписчиковъ. Въ отличіе отъ изданія другихъ книгъ, распродаваемыхъ постепенно и въ неопредѣленное время, журналъ или газета распродаются сразу, въ самый день ихъ появленія. А потому договоръ о временной уступкѣ авторскаго права, продолжающійся въ первомъ случаѣ до полной распродажи всего условленаго количества экземпляровъ,

---

манъ, das geist. Eigenthum стр. 156. „Газета, говоритъ онъ здѣсь, извѣщающая о всѣхъ событіяхъ дня въ различныхъ странахъ и для этой цѣли собирающая и пересматривающая извѣстія различныхъ заграничныхъ газетъ и собственныя корреспонденціи, сопровождая все это руководящими статьями, представляется во всемъ своемъ составѣ несомнѣннымъ умственнымъ продуктомъ, и можетъ случиться, что какой-либо номеръ большаго журнала содержитъ въ себѣ столько же ума, критики и оригинальнаго труда, какъ любой изъ дюжинныхъ учебниковъ отечественной географіи или исторіи". *Haum* в. п. с. стр. 118 тоже считаетъ издателя единственнымъ собственникомъ цѣлаго, хотя бы онъ не былъ авторомъ ни одной изъ составныхъ частей этого цѣлаго; „ибо возникновеніе сборнаго произведенія, говоритъ онъ, обязано своимъ существованіемъ его умственному творчеству и есть основаніе его авторскаго права". Но съ этимъ писателемъ невозможно согласиться, когда онъ утверждаетъ, что подъ словомъ издатель слѣдуетъ разумѣть только того, который создалъ это литературное предпріятіе какъ таковое и продолжаетъ его, а не того, кто принимаетъ на себя лишь промышленное предпріятіе, т. е. самое изданіе. Дѣло въ томъ, что между такимъ издателемъ и редакторомъ, котораго очевидно разумѣетъ Гарумъ, устанавливается такое же юридическое отношеніе, какъ между обыкновеннымъ издателемъ и авторомъ издаваемой книги. Редакторъ за извѣстное вознагражденіе или безъ него, но по собственному желанію отчуждаетъ свое авторское право издателю, который вслѣдствіе того является его юридическимъ преемникомъ. Ущербъ отъ самовольной перепечатки наносится такимъ образомъ не редактору, не имѣющему никакихъ имущественныхъ правъ на изданіе, а самому издателю.

относительно журналовъ и газетъ прекращается въ самый день выпуска ихъ въ свѣтъ. Слѣдовательно, съ этого момента авторское право, если оно не было отчуждено навсегда или болѣе чѣмъ на одно изданіе, снова возвращается къ автору, который такимъ образомъ получаетъ право или самому вновь издать свое сочиненіе или уступить это дѣло другому лицу. Стало быть, когда постороннее лицо перепечатываетъ изъ журнала или газеты произведеніе даннаго писателя помимо воли послѣдняго, то оно нарушаетъ авторское право не издателя, а самого писателя. Издатель только тогда имѣлъ бы юридическое основаніе преслѣдовать такого контрафактора, еслибы перепечатанное сочиненіе принадлежало ему въ собственность на основаніи полнаго отчужденія со стороны автора или его законнаго представителя, или еслибы перепечатка послѣдовала до истеченія полномочія, предоставленнаго авторомъ издателю [41]).

Однако практическія причины препятствуютъ автору пустить свое сочиненіе въ отдѣльную продажу или вновь напечатать его въ другомъ изданіи немедленно же по выходѣ въ свѣтъ того періодическаго изданія, въ коемъ оно впервые было помѣщено. Вышедшій номеръ газеты или журнала не сразу сообщается всѣмъ подписчикамъ, а лишь по истеченіи извѣстнаго времени, зависящаго отъ отдаленности мѣстожительства подписчика отъ мѣста изданія, отъ состоянія путей сообщенія и быстроты почтовой доставки и т. п. Такъ какъ авторское право сочинителя возобновляется лишь съ того момента, когда первое изданіе вполнѣ разойдется, то до этого момента онъ обязанъ воздержаться отъ новаго изданія; этого требуетъ и интересъ издателя, для котораго очень важно, чтобы данное произведеніе было впервые прочитано въ его журналѣ или газетѣ. [42])

---

[41]) Приблизительно того же мнѣнія *Вехтеръ*, das Verlagsrecht стр. 309, 310 и 311, *Blanc* в. н. с. стр. 76 и сл. *Volkmann* въ Zeitschrift für Rechtspflege и т. д. за 1847 г. стр. 275. *Клостерманъ* в. п. с. стр. 236.

[42]) Ср. *Вехтера* тамъ же.

Въ виду этихъ обстоятельствъ большая часть положительныхъ законодательствъ установляютъ опредѣленный промежуточный срокъ со дня выхода въ свѣтъ журнала или газеты, по истеченіи коего право автора возстановляется ipso iure. Само собою разумѣется, что авторъ не можетъ уступать свое право изданія двумъ издателямъ одновременно, если этого не было выговорено въ самомъ договорѣ объ изданіи, такъ какъ существо этого договора состоитъ именно въ уступкѣ *исключительнаго* права имущественной эксплуатаціи даннаго сочиненія. Но второе изданіе, по распродажѣ перваго, можетъ быть отчуждено имъ безпрепятственно, хотя бы договоръ объ этомъ состоялся одновременно съ первымъ

Въ періодическихъ изданіяхъ есть однако отдѣлы, относительно коихъ право перепечатки допускается безусловно. Сюда относятся *простыя извѣстія* или *корреспонденціи*, сообщающія о происходившихъ событіяхъ, новыхъ открытіяхъ и т. д., и *частныя или официальныя объявленія*. Въ юридическомъ смыслѣ и тѣ и другія совмѣщаютъ въ себѣ всѣ признаки литературнаго произведенія: они суть продукты ума даннаго индивида и облечены въ письменную форму, вышедшую изъ подъ его пера. Изъ того, что содержаніемъ ихъ служитъ лишь простой разсказъ о случившемся, вовсе нельзя заключать, какъ это дѣлаютъ почти всѣ писатели по разсматриваемому въ этомъ изслѣдованіи предмету [43]), что они лишены значенія самостоятельнаго литературнаго произведенія и потому не могутъ пользоваться защитою отъ контрафакціи. Разсуждая такимъ образомъ, пришлось бы вычеркнуть изъ числа объектовъ авторскаго права всѣ учебники исторіи, всѣ статистическія

---

[43]) См. *Клостермана*: Das geist. Eigenth. стр. 156, *его же*: Das Urheberrecht, стр. 52; *Вехтеръ*: Das Verlagsrecht, т. I, стр. 174; *Фолькманъ* в. п. с., стр. 274 и сл.; *Фридлендеръ* в. п. с., стр. 27; *Іолли* в. п. с., стр. 110; *Harum* в. п. с., стр. 81; *Blanc* в. п. с., стр. 75. Напротивъ того *Eisenlohr* в. п. с., стр. 50 и сл., считаетъ перепечатку и такихъ извѣстій контрафакціею.

таблицы, всѣ сборники астрономическихъ наблюденій, всѣ голыя разсказы путешественниковъ и вообще всѣ тѣ книги, въ коихъ въ извѣстной связи и системѣ излагается рядъ фактовъ. Строго говоря, фактическія извѣстія и корреспонденціи, то есть простая передача фактовъ безъ всякихъ собственныхъ разсужденій и поясненій, суть такіе же объекты авторскаго права, какъ и ученыя изслѣдованія и белетристическія произведенія. Но перепечатка ихъ допускается, съ одной стороны, оттого, что она является необходимымъ условіемъ развитія газетнаго дѣла, ставшаго въ новое время насущною потребностью всякаго образованнаго общества, а съ другой—въ силу установившагося обычая, освященнаго авторитетомъ закона.

Газета имѣетъ своею задачею не только изданіе отдѣльныхъ произведеній, но и извѣщеніе читателя обо всѣхъ сколько-нибудь выдающихся событіяхъ настоящаго времени какъ въ предѣлахъ данной мѣстности, такъ и внѣ ея; тѣмъ самымъ она расширяетъ его умственный кругозоръ, увеличиваетъ его познанія, способствуетъ его экономическому развитію, умножаетъ, независимо отъ его собственной дѣятельности, его запасъ опытности, наталкиваетъ его на новыя предпріятія, побуждаетъ къ той или другой публичной дѣятельности и избавляетъ отъ ряда болѣе или менѣе непріятныхъ случайностей. Чтобъ удовлетворительно выполнить эту задачу, газета черпаетъ свои извѣстія изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, въ числѣ коихъ немаловажное мѣсто занимаютъ другіе газеты. Еслибъ она сообщала только содержаніе того, о чемъ въ нихъ повѣствуется, то тутъ и вопроса никакого не могло бы возникнуть; всякій вправѣ усвоивать и распространять чужія мысли, какъ, когда и гдѣ ему заблагоразсудится, лишь бы только этимъ никому не было причинено несправедливаго вреда; но дѣло въ томъ, что чрезвычайная спѣшность и обширность труда, какія въ наше время сопряжены съ изданіемъ газеты, исключаютъ всякую физическую возможность заниматься еще выработкою внѣшней формы всего

сообщаемаго. А потому сила необходимости заставляетъ редакторовъ представлять читателю заимствованные изъ газетъ факты въ томъ видѣ, въ какомъ они изложены въ послѣднихъ. Такъ какъ всѣ газеты поставлены въ этомъ отношеніи въ одинаковыя условія, то подобныя перепечатки практиковались всегда въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и лишь въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ вызывали съ чьей-либо стороны открытый протестъ. Сотрудники, которые одни въ этихъ случаяхъ въ правѣ были бы воспрепятствовать такимъ перепечаткамъ, нисколько въ томъ не заинтересованы, а потому никогда не осуществляли этого своего права. Такова очевидная причина появленія означеннаго обычая. Повторяемъ, что съ юридической точки зрѣнія эти перепечатки не находятъ себѣ никакого оправданія, но они допускаются лишь на основаніи неизбѣжной необходимости и ихъ громадной пользы [44]).

Къ категоріи газетныхъ извѣстій слѣдуетъ отнести и *телеграфическія депеши*. «Безъ сомнѣнія, говоритъ *Вестеръ* [45]), то обстоятельство, что извѣстіе доставлено не чрезъ почту, а съ помощью телеграфа, не можетъ сдѣлать изъ него литературное произведеніе. Но этотъ способъ до-

---

[44]) Таково же мнѣніе *Клостермана:* Das Urheberrecht, стр. 51 и сл.; *Volkmann* в. п. с., стр. 274 и слѣд.; *Фридлендера* в. п. с., стр. 27 и слѣд. „Впрочемъ, прибавляетъ этотъ послѣдній, все это... основано не столько на законѣ, сколько на весьма эластичномъ обычномъ правѣ, разчищающемъ дорогу разнообразнѣйшимъ злоупотребленіямъ и потому не безъ основанія но доселѣ еще безъ практическаго результата, оспариваемомъ многими юристами и писателями. Возбужденный вопросъ о заключеніи картельныхъ договоровъ между издателями журналовъ наиболѣе дѣйствительно восполнитъ этотъ глубоко ощущаемый пробѣлъ законодательства". „Доселѣ еще, прибавляетъ онъ между прочимъ въ примѣчаніи, въ Германіи дюжины чужеядныхъ газетъ (Schmarotzerblätter) безпрепятственно продолжаютъ свое существованіе путемъ высасыванія соковъ изъ нѣкоторыхъ оригинальныхъ журналовъ, и эта свобода, это не только воображаемое, но часто законодательно гарантируемое право дошло уже до того, что убѣжденіе, будто журналъ безъ свободы перепечатки не можетъ существовать, почувствовало подъ собою твердую почву. Англійскіе журналы доказываютъ однако противное".

[45]) Тамъ же, стр. 177.

ставки не можетъ также превратить литературное произведеніе или часть его въ нелитературное. Слѣдовательно, самъ по себѣ телеграфный путь не есть юридическій критеріумъ, и литературное произведеніе, которое было бы таковымъ, будучи прислано инымъ способомъ, должно быть защищаемо, какъ таковое, когда доставка его послѣдовала чрезъ посредство телеграфа» [46]). Но въ виду значительности затратъ, употребляемыхъ на депеши газетами, Вехтеръ совѣтуетъ распространить на нихъ безусловное запрещеніе перепечатки, не смотря на то, что по характеру своему они суть простыя газетныя извѣстія, перепечатка коихъ разрѣшается. Едва ли, однако, подобное запрещеніе можно признать необходимымъ. Если допустить свободу перепечатки газетныхъ извѣстій вообще, то нѣтъ надобности дѣлать исключеніе для телеграммъ; дороговизна ихъ не есть достаточное основаніе для такого изъятія, такъ какъ иныя извѣстія могутъ обходиться столько же, если не дороже телеграммъ. Возьмемъ для примѣра плату кор-

---

[46]) Ср. о телеграммахъ, также *Клостермана:* Das geist. Eigenth., стр. 157 и сл.; *его же:* Das Autorrecht, стр. 55; *Harum*, в. п. с., стр. 81, не признаетъ телеграфическія депеши за объектъ авторскаго права. «Собственнику газеты, говоритъ онъ, получающему ихъ за деньги, можетъ быть конечно непріятно, что, по отпечатаніи ихъ въ его газетѣ, ихъ можетъ сообщить всякій иной газетный предприниматель безъ дальнѣйшихъ затратъ на нихъ и въ ущербъ ему извлекать отсюда выгоды. Но такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ бы допустить это, если бы другой получалъ такія же точно депеши на свое имя и на свои деньги, то очевидно, что это притязаніе на защиту не имѣетъ связи съ авторствомъ и авторскимъ правомъ, и мы можемъ... слѣдовательно отказаться здѣсь отъ объясненій о дальнѣйшей основательности или неосновательности этого притязанія». Еще рѣшительнѣе высказываетъ это мнѣніе Іолли (в. п. с., стр. 112 и сл.); онъ утверждаетъ, что у депешъ нѣтъ автора, что слѣдовательно объ авторскомъ правѣ на нихъ и рѣчи быть не можетъ, а что при отсутствіи таковаго оно не можетъ перейдти и къ газетамъ. Но вѣдь кто-нибудь составляетъ же депеши, а если такъ, то у нихъ есть и авторъ; но онъ никогда не выступаетъ на сцену только потому, что результатъ своей работы отчуждаетъ въ полную собственность заказчику, будетъ ли то газета, телеграфное агентство или кто-либо иной. См. впрочемъ противъ него, *Вехтера*, тамъ же, стр. 179.

респондентамъ; многія изъ большихъ газетъ имѣютъ въ разныхъ мѣстахъ постоянныхъ корреспондентовъ, коимъ вмѣсто построчной платы выдаютъ постоянное содержаніе. Если сравнить этотъ расходъ съ расходомъ на телеграммы, то едва ли первый не превыситъ послѣдній; а между тѣмъ, слѣдуя Вехтеру, извѣстія первыхъ подлежали бы свободной перепечаткѣ, а послѣднихъ нѣтъ.

Бываютъ, конечно, случаи, когда перепечатка извѣстій и телеграммъ влечетъ за собою не только убытки, но и раззореніе для газетъ, изъ которыхъ она производится. Какъ извѣстно, одно изъ условій процвѣтанія газеты есть полнота и свѣжесть сообщаемыхъ ею извѣстій; чѣмъ позже она передаетъ о совершившихся событіяхъ, тѣмъ менѣе она привлекаетъ къ себѣ вниманіе публики [47]); но эта разница во времени можетъ имѣть вліяніе на сбытъ газеты только тогда, когда она значительна. Если же одна газета выходитъ утромъ, а другая перепечатываетъ изъ нея извѣстія для сообщенія ихъ вечеромъ и благодаря этимъ перепечаткамъ можетъ пустить свое изданіе дешевле, то разница между ними во времени столь незначительна, что публика предпочтетъ газету вечернюю утренней, такъ какъ за меньшую плату въ тотъ же день получитъ тѣ самыя извѣстія, за которыя она должна платить дороже утренней газетѣ. Любопытенъ въ этомъ отношеніи примѣръ, помѣщенный у Клостермана [48]). «Кёльнская газета, говоритъ онъ, въ номерѣ отъ 2 апрѣля 1865 года разсказываетъ, что въ томъ же мѣстѣ (въ Кёльнѣ) два часа спустя послѣ нея выходитъ другая газета, перепечатывающая изъ нея всѣ телеграммы даже безъ указанія источника. Чтобы изобличить и осмѣять такой образъ дѣйствія, Кёльнская газета приготовила къ 1 апрѣля для своей колеги особый оттискъ, въ коемъ помѣстила депеши вымышленнаго и комичнаго содержанія. Газета, выходившая два часа спустя, перепеча-

---

[47]) Ср. *Вехтера*, тамъ же, стр. 178.
[48]) Das geist Eigenth., стр. 157.

тала ихъ съ обычною поспѣшностью и безъ всякихъ измѣненій».— Подобныя отношенія газетъ между собою приводятъ къ тому, что однѣ изъ нихъ затрачиваютъ капиталы и труды, а другія собираютъ плоды отъ этихъ затратъ. Для устраненія такой несправедливости, вредно отзывающейся и на развитіи столь полезнаго газетнаго дѣла, законодательствамъ слѣдовало бы установить особыя правила, регулирующія какъ время, такъ и объемъ перепечатки. Каковы должны быть эти правила, это можетъ показать опытъ.

Что касается *частныхъ* и *официальныхъ объявленій*, то отношеніе ихъ къ газетѣ совершенно иное, чѣмъ обыкновенныхъ корреспонденцій и извѣстій. Газета находится относительно ихъ въ такомъ же положеніи, какъ и относительно законовъ, указовъ и правительственныхъ распоряженій; она служитъ только органомъ ихъ обнародованія, является какъ бы ихъ глашатаемъ, и за это посредничество получаетъ соотвѣтствующее вознагражденіе. Она не эксплуатируетъ тутъ ничьего авторскаго права, а обязуется только помѣстить у себя данное извѣщеніе, такъ что ненапечатаніе его есть нарушеніе этого обязательства. Что касается самого автора, то дальнѣйшая перепечатка его объявленія можетъ только способствовать его цѣли, ибо онъ стремится не къ осуществленію своего авторскаго права, а къ возможно большему распространенію въ публикѣ своего извѣщенія. Всякая газета, которая перепечатаетъ послѣднее, окажетъ ему не вредъ, а большое одолженіе. Слѣдовательно, объ авторскомъ правѣ тутъ рѣчи быть не можетъ, не потому, что его нѣтъ въ наличности, какъ думаютъ нѣкоторые [49]), а потому, что самъ авторъ добровольно отказывается отъ него ради достиженія цѣли возможно

---

[49]) Такъ, напримѣръ, *Haeut* в. п. с., стр. 82 и сл.; *Іолли* в. п. с., стр. 113 и сл.; *Фридлендеръ* в. п. с., стр. 29 и сл.; *Вехтеръ* ib., стр. 176 и 146, высказываетъ такое же мнѣніе, но только по отношенію къ официальнымъ, должностнымъ публикаціямъ.

большаго обнародованія своего произведенія. Къ категоріи этого рода произведеній относятся помѣщаемыя въ газетахъ объявленія о потерянныхъ вещахъ, пропажахъ, смерти, банкротствахъ, аукціонныхъ продажахъ, зрѣлищахъ, празднествахъ, а также каталоги, публично выраженныя благодарности даннымъ лицамъ, росписанія движенія поѣздовъ, объявленія и балансы торговыхъ фирмъ, банковъ и др.

Само собою разумѣется, что самовольная перепечатка такихъ объявленій тогда только вполнѣ соотвѣтствуетъ намѣренію ихъ автора, когда она совершается ради одного ихъ распространенія; если же это послѣднее становится не цѣлью, а средствомъ для ихъ имущественной эксплуатаціи, то тутъ уже имѣется прямое нарушеніе авторскаго права, хотя осуществленіе послѣдняго въ этомъ случаѣ едва ли кто-либо изъ такихъ авторовъ найдетъ для себя выгоднымъ, не говоря уже о томъ, что оно можетъ даже получить оттѣнокъ комичности.

Изъ числа отдѣльныхъ произведеній, помѣщаемыхъ въ газетахъ, весьма видную роль играютъ *руководящія* или *передовыя статьи*. По своимъ юридическимъ свойствамъ онѣ ничѣмъ не отличаются отъ другихъ статей. Но такъ какъ авторами ихъ обыкновенно являются сами издатели или редакторы, то самовольная перепечатка этихъ статей, когда бы она ни послѣдовала, будетъ нарушеніемъ авторскаго права самого редактора или издателя. Что же касается другихъ лицъ, составляющихъ передовыя статьи для данной газеты, то появленіе ихъ произведеній подъ фирмою редакціи еще не можетъ уничтожить факта ихъ происхожденія. На этомъ основаніи за ихъ авторами должно оставаться право перепечатки этихъ статей отдѣльными изданіями, равно какъ и въ сборникахъ ихъ сочиненій и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Точно также отдѣльное изданіе, а также всякая перепечатка этихъ статей помимо воли автора, кѣмъ бы она произведена ни была, есть нарушеніе авторскаго права ихъ авторовъ [50]).

[50]) См. *Блантъ* в. п. с. стр. 76 и сл.

Чтобы покончить съ журналами и газетами, скажемъ нѣсколько словъ о дѣйствующихъ относительно ихъ законодательныхъ постановленіяхъ. Начнемъ съ неоднократно цитированнаго выше *сѣверо-германскаго закона* о литературной собственности. «Авторомъ, говоритъ § 2, по отношенію къ доставляемой настоящимъ закономъ защитѣ считается и издатель произведенія, состоящаго изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей (Beiträgen), когда оно составляетъ одно связанное цѣлое. Авторское право на отдѣльныя статьи принадлежитъ ихъ авторамъ, которые (§ 10) могутъ перепечатывать свои статьи и въ другомъ мѣстѣ (anderweitig) безъ согласія того издателя, въ произведеніи коего онѣ помѣщены, если отъ времени появленія послѣдняго протекло два года». Далѣе § 7. b. разрѣшаетъ между прочимъ безнаказанно перепечатывать отдѣльныя статьи изъ журналовъ и другихъ публичныхъ газетъ, кромѣ произведеній романическаго свойства (novellistische) и ученыхъ изысканій (wissenschaftlichen Ausarbeitungen), а равно и другихъ болѣе объемистыхъ сообщеній, если въ началѣ ихъ перепечатка запрещена».

По объясненію Дамбаха [51]), приведенными постановленіями запрещается журналамъ и газетамъ, въ противоположность другимъ сборникамъ, перепечатывать мелкія статьи, каковы стихи, маленькія повѣсти, разсказы и т. д. изъ другихъ книгъ, такъ какъ подобная перепечатка можетъ быть допущена только какъ матеріалъ для новаго творчества; перепечатка же ихъ въ журналѣ или газетѣ не обладаетъ этимъ свойствомъ, а представляется лишь механическимъ воспроизведеніемъ оригинала, т. е. запрещенною перепечаткой. Къ мелкимъ газетнымъ статьямъ, перепечатка коихъ разрѣшается, мотивы означеннаго закона относятъ: [52]) крат-

---

[51]) См. вышеприведенное сочиненіе стр. 80 и сл.; ср. также *Клостермана* des Urheberrecht стр. 52—56, и въ особенности *Вехтера* das Autorrecht стр. 75—83.

[52]) См. тамъ же стр. 87 и сл.

кія изслѣдованія, объясненія и совѣты всякаго рода въ дѣлахъ промышленности и сельскаго хозяйства, сообщенія о методахъ, домашнихъ средствахъ и т. д.; сужденія литературнаго и художественнаго свойства, театральная критика, переговоры о планахъ построекъ и украшеній, предложенія для публичныхъ учрежденій, памятниковъ и т. д.; біографическія статьи, анекдотическіе разсказы, мелкіе историческіе картины, путевыя замѣтки и т. д.; краткія статьи изъ естествознанія, описанія мѣстностей, особыхъ приключеній, сборниковъ заведеній, личностей и т. д. Опредѣленіе того, подходитъ ли данная статья подъ разрядъ мелкихъ, зависитъ отъ обстоятельствъ конкретнаго случая.

Замѣчательно, что законъ этотъ опускаетъ требованіе указанія источниковъ, введенное между прочимъ австрійскими, нашими и прежними прусскими законами. Мотивы объясняютъ, что это сдѣлано во избѣжаніе кляузныхъ обвиненій, которыя могли бы имѣть мѣсто, когда редакція газеты вслѣдствіе спѣшности дѣла забыла бы обозначить источникъ какого нибудь незначительнаго извѣстія; вотъ почему это указаніе источниковъ предоставлено чувству приличія каждой газеты. Законъ, по объясненію Дамбаха, разрѣшаетъ перепечатку названныхъ статей, къ коимъ относятся и телеграммы, не только въ другихъ газетахъ, но и въ отдѣльныхъ изданіяхъ.

Изъ изложеннаго нельзя не замѣтить что вышеозначеннымъ разграниченіямъ газетныхъ статей не достаетъ объективно распознаваемыхъ признаковъ и что они открываютъ слишкомъ широкій просторъ индивидуальному усмотрѣнію суда. Они легко могли бы породить множество процессовъ, основанныхъ единственно на толкованіи закона и недоразумѣніяхъ частныхъ лицъ, еслибы сами газеты и ихъ сотрудники не регулировали своихъ взаимныхъ отношеній путемъ обычая. Такъ авторъ какой нибудь статьи, занимающей половину или цѣлый столбецъ газеты, можетъ счесть ее болѣе объемистымъ произведеніемъ и помѣстить во главѣ ея запрещеніе перепечатки; остальныя же газеты, опираясь

на слова закона и считая ее мелкою, сочли бы себя въ правѣ перепечатать ее на своихъ столбцахъ; отсюда могъ бы возникнуть процессъ, для разрѣшенія котораго нельзя было бы найдти въ самомъ законѣ никакой опоры. Такіе процессы въ практикѣ могутъ возникать сотнями. Нельзя также одобрить разрѣшеніе перепечатки изъ газетъ въ другихъ непріодическихъ изданіяхъ; въ этихъ случаяхъ главнѣйшее основаніе предоставленной газетамъ свободы перепечатки исчезаетъ. Вообще приведенныя постановленія слѣдуетъ назвать далеко неудовлетворительными, неполными и не заслуживающими подражанія. Съ одной стороны они предоставляютъ слишкомъ широкую свободу, а съ другой чрезмѣрно ее съуживаютъ, какъ, напримѣръ, относительно результатовъ ученыхъ изысканій, сообщеніе коихъ имѣет для публики столь же, если не болѣе важное значеніе. Трудно также опредѣлить, какому принципу законъ придаетъ главнѣйшій вѣсъ: защитѣ ли авторскаго права, преуспѣванію ли газетнаго дѣла или общественному благу, а потому и самое судебное истолкованіе смысла закона можетъ стать игралищемъ различныхъ случайностей. Едва ли также можно найдти въ немъ примиреніе всѣхъ этихъ интересовъ, такъ какъ они приносятся въ жертву одинъ другому безъ всякой нужды.

Если сѣверо-германскій законъ обнаруживаетъ стремленіе покровительствовать контрафакціи, то это стремленіе проявляется съ еще большею силою и наглядностью въ *австрійскомъ законѣ* 19 октября 1846 года. § 5. b. буквально говоритъ слѣдующее: «не считается контрафакціею помѣщеніе заимствованныхъ изъ болѣе объемистаго произведенія, журнала или инаго періодическаго листка отдѣльныхъ статей, стихотвореній и т. д. въ сочиненіи, по содержанію своему новомъ, самостоятельномъ, въ особенности критическомъ и литературно-историческомъ, или въ сборникѣ извлеченій изъ произведеній нѣсколькихъ писателей, составленномъ для особой литературной цѣли, а равно для употребленія въ церквахъ, школахъ и преподаваніи, или

наконецъ въ журналахъ и періодическихъ газетахъ; при чемъ долженъ быть прямо указанъ оригинальный источникъ и заимствованная статья не должна превышать одного печатнаго листа того сочиненія, изъ коего она взята, она не должна быть издана въ видѣ самостоятельной брошюры, а равно въ журналахъ и другихъ періодическихъ газетахъ не должна въ теченіе года превышать двухъ печатныхъ листовъ; собственно политическія газеты связаны только условіемъ указывать источникъ, изъ коего статья заимствована».

Такимъ образомъ журналамъ и газетамъ разрѣшается перепечатка не только изъ журналовъ же и газетъ, но и изъ другихъ сочиненій, лишь бы только былъ указанъ источникъ заимствованія и перепечатка не превышала двухъ печатныхъ листовъ. Основываясь на этомъ законѣ, австрійскія періодическія изданія могли бы наполнять свои страницы и столбцы исключительно одними перепечатками, еслибы публика относилась къ такому образу дѣйствія благосклонно. Кромѣ того любой журналъ или газета въ правѣ, опираясь на слова закона, перепечатывать лучшія лирическія и другія стихотворенія, какъ извѣстно, весьма рѣдко отличающіяся большимъ объемомъ, и тѣмъ самымъ лишать поэтовъ возможности эксплуатировать свои сочиненія. Но дружелюбное отношеніе закона къ контрафакціи доходитъ до крайнихъ предѣловъ, когда дѣло касается чисто политическихъ газетъ; указывая источники, эти газеты могутъ перепечатывать все, что хотятъ и сколько хотятъ. У насъ нѣтъ подъ руками мотивовъ этого закона, которые могли бы объяснить намъ столь непозволительное пренебреженіе законодателя къ авторскимъ правамъ, но мы можемъ смѣло сказать, что приведенный законъ въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ не выдерживаютъ даже снисходительной критики и что на опроверженіи его, въ виду всего предшествующаго изложенія, едва ли стоитъ останавливаться.

Нашъ *цензурный уставъ* въ ст. 297 разрѣшаетъ «перепечатаніе извѣстій политическихъ или относящихся къ словесности, наукамъ и художествамъ, съ указаніемъ источ-

ника, откуда оныя заимствованы». Трудно понять, почему привилегія на перепечатку предоставляется только по отношенію къ извѣстіямъ политическимъ и извѣстіямъ изъ области словесности, наукъ и художествъ, и почему законъ отказываетъ въ этой привилегіи извѣстіямъ, касающимся будничной жизни народа или данной мѣстности, а также относящимся къ сельскому хозяйству, ремесламъ, мануфактурѣ, торговлѣ и т. д. Почему авторы этихъ извѣстій оказываются несравненно болѣе обезпеченными въ осуществленіи своихъ правъ, чѣмъ авторы первыхъ извѣстій? Вообще нужно замѣтить, что въ этомъ отношеніи нашъ цензурный уставъ отличается такою же, если не большею неполнотою, неопредѣленностью и отсутствіемъ какого-либо руководящаго принципа, какъ и постановленія приведенныхъ иностранныхъ законодательствъ. Съ одной стороны, предоставляется полнѣйшая свобода перепечатки извѣстій, касающихся лишь нѣкоторыхъ отраслей знанія, а съ другой обходится молчаніемъ масса другихъ вопросовъ, сопряженныхъ съ періодическими изданіями. Самое слово «извѣстіе» представляется слишкомъ растяжимымъ, слишкомъ эластичнымъ, чтобъ оно могло стать законодательнымъ терминомъ. Предположимъ, что въ данной книгѣ, журналѣ или газетѣ сообщается о какомъ-нибудь открытіи или изобрѣтеніи, при чемъ это извѣстіе сопровождается подробнымъ описаніемъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ изобрѣтенію или открытію, опредѣленіемъ свойствъ этихъ послѣднихъ, ихъ пользы и способа примѣненія. Все это можетъ составить маленькій ученый трактатъ, обязанный своимъ происхожденіемъ интеллектуальной дѣятельности даннаго лица. А между тѣмъ, слѣдуя растяжимому термину «извѣстіе», это несомнѣнно литературное произведеніе можетъ быть безнаказанно перепечатываемо въ любомъ изданіи не только періодическомъ, но и не періодическомъ. Замѣчательно также, что подобныя перепечатки разрѣшаются не только газетамъ, относительно коихъ мѣра эта нѣкоторымъ образомъ оправдывается практическою необходимостью, а не теоретическими сооб-

раженіями, но и всѣмъ другимъ изданіямъ, гдѣ необходимость ея вовсе не неизбѣжна. Уставъ, подобно сѣверо-германскимъ и австрійскимъ постановленіямъ о перепечаткѣ въ газетахъ, не даетъ никакого критерія для опредѣленія размѣра подобной дозволенной перепечатки и даже вовсе не упоминаетъ объ этомъ пунктѣ; онъ запрещаетъ только *постоянную* перепечатку мелкихъ статей цѣликомъ, изъ чего слѣдуетъ логическій выводъ, что однократная перепечатка не только мелкихъ, но и крупныхъ статей разрѣшается. Этому выводу не могутъ противорѣчить ни ст. 291, которою собственнику періодическаго изданія предоставляется исключительное право перепечатки его изданія лишь въ цѣломъ составѣ, ни ст. 292, разрѣшающая сотрудникамъ перепечатку ихъ статей особо, «если этому не препятствуютъ условія ихъ съ издателями».

Кромѣ того въ уставѣ не содержится рѣшительно никакихъ правилъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія сотрудниковъ и авторовъ къ ихъ издателямъ на случай спора и отсутствія спеціальнаго договора; нѣтъ въ немъ также никакихъ постановленій, относящихся къ пользованію политическими и другими телеграммами, помѣщаемыми въ однѣхъ газетахъ и перепечатываемыми въ другихъ. А между тѣмъ въ практикѣ въ этомъ отношеніи возникаютъ недоразумѣнія и взаимныя неудовольствія, которыя не доходятъ до суда только благодаря отсутствію тутъ какихъ-либо законодательныхъ опредѣленій, отсутствію, заставляющему частныхъ лицъ обходиться безъ посредства суда и нерѣдко терпѣть отъ этого ущербъ. Къ счастью, всѣ эти пробѣлы восполняются установившимися обычаями въ средѣ литераторовъ и издателей, но обычаи эти не имѣютъ ничего обязательнаго ни для частныхъ лицъ, ни для суда, и въ случаѣ тяжбы только мировой судья (ст. 130 Уст. Гр. Суд.) въ правѣ былъ бы сослаться на нихъ въ своемъ рѣшеніи; что же касается до общихъ судовъ, то имъ этого права не дано, и слѣдовательно они вынуждены были бы отказывать даже въ совершенно справедливыхъ требованіяхъ.

Французское законодательство поступаетъ еще хуже: оно оставляетъ эту крайне важную отрасль литературы безъ всякихъ опредѣленій и предоставляетъ ее всѣцѣло на произволъ юридической практики. Практика же эта вполнѣ усвоила себѣ по отношенію къ газетамъ нѣкоторыя изъ началъ проводимыхъ въ законодательствахъ сосѣднихъ съ Франціею государствъ. Такъ извѣстія, въ коихъ сообщаются лишь частные факты, а равно телеграммы она считаетъ общественнымъ достояніемъ, а потому объявляетъ ихъ изъятыми отъ запрещенія перепечатки; всѣ же остальныя статьи признаются ею литературными произведеніями и подлежащими запрещенію контрафакціи. Точно также она считаетъ недозволенною перепечатку журнала или газеты въ цѣломъ составѣ или въ части этого состава [53]).

Что касается *Англіи*, то въ ея дѣйствующемъ законѣ о литературной собственности, именно въ актѣ отъ 1 іюля 1842, о періодическихъ изданіяхъ говорится въ ст. XVIII, дословный переводъ котораго приведенъ уже выше. Въ силу этого закона тѣ собственники періодическихъ изданій, которые возмездно пріобрѣтутъ для послѣднихъ отдѣльныя статьи, пользуются авторскимъ правомъ на нихъ въ теченіе 28 лѣтъ, съ тѣмъ однако, что отдѣльное изданіе ихъ помимо воли ихъ авторовъ не должно быть производимо. Авторы же въ продолженіи означеннаго срока могутъ предпринимать отдѣльное изданіе такихъ статей только въ томъ случаѣ, когда при указанномъ отчужденіи ихъ сохранили за собою это право. Въ частности о газетахъ и ихъ извѣстіяхъ законъ этотъ вовсе не упоминаетъ [54]). Слѣдовательно и на нихъ должно распространяться изложенное правило, такъ что перепечатка чего-либо изъ чужой газеты или инаго періодическаго изданія, въ силу этого закона, должно подходить подъ понятіе контрафакціи. Мы не знакомы съ англійскою журналистикой и не можемъ потому судить, насколько

---

[53]) См. *Blanc*, в. п. с., стр. 74 и сл., прим. 1 и 2.

[54]) См. *Laboulaye*, «Etudes» и т. д., стр. 60 и 61.

законъ этотъ соблюдается въ практикѣ; но думаемъ, что безусловное проведеніе его явилось бы весьма важнымъ стѣсненіемъ газетнаго дѣла, хотя нельзя не признаться, что принципъ авторскаго права проводится въ немъ съ несравненно большею послѣдовательностью, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ только что разсмотрѣнныхъ законодательствахъ.

6. Манускрипты и посмертныя сочиненія. Сами по себѣ манускрипты не суть объекты авторскаго права, а представляются обыкновенными вещами, владѣніе и пользованіе которыми опредѣляются общими узаконеніями. Такъ если въ чьихъ-либо рукахъ находится чужой манускриптъ, то онъ можетъ быть вытребованъ хозяиномъ изъ чужаго владѣнія не съ помощью авторскаго права, а съ помощью права собственности, путемъ rei vindicatio. Характеръ объекта авторскаго права онъ получаетъ только въ случаѣ обнародованія, при чемъ способъ этого обнародованія, т. е. совершеніе его при посредствѣ печати, публичнаго чтенія, литографіи, механической переписки или постановки на публичную сцену, является вопросомъ вполнѣ безразличнымъ. Первенствующее значеніе имѣетъ тутъ издательская эксплуатація и возможные или дѣйствительные выгоды или убытки для автора манускрипта. Само собою разумѣется, что къ этой эксплуатаціи могутъ присоединиться обстоятельства уголовнаго свойства, каковы тайное завладѣніе манускриптомъ, нарушеніе довѣрія, плагіатъ и т. д., но они обсуживаются на основаніи соотвѣтствующихъ уголовныхъ законоположеній, и на разрѣшеніе вопроса объ авторскомъ правѣ и его осуществленіи могутъ оказать лишь отдаленное вліяніе. Едва ли нужно прибавлять, что манускриптомъ, въ смыслѣ объекта авторскаго права, можетъ быть сочтена не всякая исписанная бумага, а что онъ долженъ удовлетворять требованіямъ отъ такого объекта, т. е. происхожденіе его должно быть обязано умственной дѣятельности даннаго автора и онъ долженъ вмѣщать въ себѣ извѣстныя мысли, проявившіяся въ письменной формѣ. На этомъ основаніи бумага, исписанная словами или знаками,

лишенными логическаго смысла или понятными только для самого ихъ автора, не можетъ быть названа манускриптомъ въ вышеозначенномъ значеніи, и еслибы для такого маранія нашелся сумасбродный издатель, то онъ конечно не подвергся бы никакимъ невыгоднымъ юридическимъ послѣдствіямъ и наказалъ бы только свой карманъ [55]).

Равнымъ образомъ для вопроса объ авторскомъ правѣ совершенно безразлично, сдѣланъ ли печатный наборъ съ подлинной рукописи или съ копіи съ нея. Въ томъ и другомъ случаѣ для изданія рукописи въ свѣтъ требуется согласіе автора; изданіе же ея безъ соблюденія этого условія есть нарушеніе авторскаго права, при чемъ способъ пріобрѣтенія рукописи, добросовѣстность или недобросовѣстность этого пріобрѣтенія, какъ уже было замѣчено выше, не играютъ никакой роли [56]). Точно также не имѣетъ никакого вліянія и то обстоятельство, что манускриптъ изданъ не въ цѣломъ составѣ, а только въ части; это обстоятельство не можетъ уничтожить нарушенія авторскаго права, а лишь можетъ повліять на размѣръ нанесеннаго ущерба и вознагражденія за послѣдній.

Но такъ какъ съ появленіемъ или непоявленіемъ манускрипта въ свѣтъ могутъ быть сопряжены какъ личные, такъ и имущественные интересы автора, то безъ его согласія не могутъ быть допущены не только полное или частичное изданіе, но и самое цитированіе манускрипта, которое въ такомъ случаѣ является однимъ изъ уголовныхъ дѣяній [57]), выходящихъ изъ сферы настоящаго изслѣдованія. Гораздо важнѣе другой вопросъ, именно вопросъ о находкѣ манускрипта, авторъ котораго или его юридическій преемникъ неизвѣстны. Можетъ ли нашедшій такой манус-

---

[55]) *Dambach*, в. п. с., стр. 53 и сл.

[56]) Ср. *Дамбаха*, тамъ же, стр. 54 и *Клостермана*, „Das Urheberrecht“ стр. 57.

[57]) См. *Дамбаха*, тамъ же, стр. 79 и сл., *Клостермана*, тамъ же, стр. 57 и сл.

криптъ безнаказанно издать его въ свѣтъ? При разрѣшеніи этого вопроса слѣдуетъ исходить изъ того, что манускриптъ самъ по себѣ есть обыкновенная тѣлесная вещь, а потому по отношенію къ нему можетъ имѣть мѣсто не только пріобрѣтеніе путемъ договора или наслѣдства, но и путемъ оккупаціи или находки [58]). На этомъ основаніи если нашедшій соблюлъ всѣ предписанныя закономъ формальности, напр., своевременно заявилъ о своей находкѣ полиціи и выждалъ узаконенный срокъ явки хозяина манускрипта для полученія его обратно (по нашимъ законамъ ст. 538—540, т. X. ч. 1, срокъ этотъ не обозначенъ), то пріобрѣтаетъ на него право собственности, и слѣдовательно, можетъ безпрепятственно издавать его въ свѣтъ. Конечно, рѣчь тутъ можетъ идти только объ имущественной эксплуатаціи самого манускрипта, а отнюдь не объ авторскомъ правѣ, которое, вытекая непосредственно изъ творческой дѣятельности автора, не можетъ помимо его воли переходить къ другимъ лицамъ какимъ бы то ни было способомъ.

Слѣдовательно, содержаніе и форма найденнаго манускрипта, хозяинъ коего неизвѣстенъ и не могъ быть разысканъ, становятся общественнымъ достояніемъ. Поясникъ это нѣсколькими соображеніями. Авторское право простирается не на исписанную бумагу, являющуюся лишь носительницею даннаго сочиненія, а на форму этого послѣдняго, т. е. на конкретное внѣшнее выраженіе цѣлаго ряда мыслей, составляющихъ литературное произведеніе. Бумага можетъ принадлежать и другому лицу, но это нисколько не вліяетъ на авторское право, и можетъ быть только основаніемъ иска о возвращеніи бумаги или ея стоимости. Нашедшій манускриптъ получаетъ не авторское право, не могущее перейдти въ его собственность путемъ находки, а лишь исписанную бумагу, которою и можетъ располагать по своему усмотрѣнію. Авторское же право, прямо вытекающее изъ конкретной авторской дѣятельности, изъ инди-

[58]) См. *Вехтера*. „Das Verlagsrecht“, т. I, стр. 214, прим. 5.

видуальнаго литературнаго творчества, можетъ принадлежать только самому творцу или его юридическому представителю. А такъ какъ при находкѣ неизвѣстно кому принадлежащаго манускрипта, содержащаго въ себѣ еще не изданное въ свѣтъ сочиненіе, ни то, ни другое лицо неизвѣстны, то авторское право исчезаетъ само собою, потому что право безъ субъекта существовать не можетъ. Вслѣдствіе того и сочиненіе, которое въ данномъ случаѣ могло бы служить объектомъ этого права, т. е. принадлежать опредѣленному лицу или опредѣленнымъ лицамъ, не принадлежитъ никому въ особенности, слѣдовательно, принадлежитъ всѣмъ и каждому. Отсюда вытекаетъ, что нашедшій рукопись, содержащую въ себѣ литературное произведеніе, получаетъ только такое же право эксплуатаціи этого произведенія, какъ и всѣ остальные граждане.

Однако въ его рукахъ находится вмѣстилище самого сочиненія, рукопись, на которую онъ путемъ находки получаетъ право собственности. Это-то вмѣстилище онъ можетъ продать, заложить, уничтожить всецѣло или частью, и наконецъ механически воспроизвести. Тутъ онъ полный господинъ, и всякое постороннее посягательство на найденную имъ рукопись должно быть разсматриваемо какъ нарушеніе его права собственности. Но издавая рукопись въ свѣтъ, онъ тѣмъ самымъ снимаетъ съ сочиненія оболочку, дотолѣ скрывавшую его отъ постороннихъ взоровъ, и даетъ ему полную свободу. Съ этого момента найденная имъ рукопись превращается въ отдѣльный экземпляръ даннаго сочиненія, дальнѣйшему распространенію котораго онъ уже не въ состояніи воспрепятствовать. Собственно сочиненіе до этого момента ему не принадлежало, но владѣя его единственнымъ экземпляромъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ физическою возможностью воспрепятствовать его воспроизведенію; разъ рукопись перестала быть экземпляромъ единственнымъ, и означенная возможность сама собою исчезаетъ. Въ такомъ же точно положеніи находятся всѣ древнія сочиненія, сохранившіяся въ рукописяхъ, хотя авторы ихъ

по большей части извѣстны. За давностью лѣтъ сочиненія эти перестали быть объектами авторскаго права, и если въ чьихъ-либо рукахъ находится единственный манускриптъ такого сочиненія, то его обладатель можетъ воспользоваться только самимъ манускриптомъ, а отнюдь не авторскимъ правомъ на сочиненіе.

Сочиненія посмертныя [59]) (posthume Werke, oeuvres posthumes) отличаются отъ обыкновенныхъ сочиненій лишь тѣмъ, что первоначальное появленіе ихъ въ свѣтъ происходитъ не при жизни, а по смерти автора. Для опредѣленія того, слѣдуетъ ли данное произведеніе считать посмертнымъ или нѣтъ, принимается во вниманіе моментъ обнародованія его; что же касается до момента его напечатанія, то онъ не играетъ никакой роли. Но говоря о посмертныхъ сочиненіяхъ, нельзя не сказать объ отношеніи ихъ къ древнимъ рукописямъ, изданіе коихъ точно также происходитъ по смерти автора, но которыя тѣмъ не менѣе не причисляются къ сочиненіямъ посмертнымъ въ вышеуказанномъ смыслѣ. Провести между этими двумя видами литературныхъ произведеній рѣзкую грань довольно трудно, такъ какъ она больше чувствуется чѣмъ понимается. И въ самомъ дѣлѣ, едва ли возможно указать объективные признаки, отличающіе древній манускриптъ отъ посмертнаго сочиненія; оба они появляются на свѣтъ по смерти автора, оба они суть продукты интеллектуальной дѣятельности и оба способны быть объектами авторскаго права; промежутокъ времени, протекающій отъ смерти автора до перваго изданія, также не имѣетъ никакого значенія, ибо онъ не можетъ уничтожить факта индивидуальнаго литературнаго творчества, обусловливающаго собою авторское право.

По нашему мнѣнію, единственный признакъ, отличающій сочиненіе посмертное отъ старинныхъ манускриптовъ,

---

[59]) См. о нихъ *Вехтера.* „Das Verlagsrecht“, т. I. стр. 164. 200, 201 и 443, *Клостермана*, „Das Urheberrecht“, стр. 165 и сл., *Dambach*, в. п. с. стр. 115, *Harum*, в. п. с., стр. 126—132, *Blanc*, в. п. с., стр. 79—82.

можетъ быть найденъ только въ наличности или отсутствіи лицъ, могущихъ на основаніи юридическаго преемства претендовать на авторское право по отношенію къ этимъ произведеніямъ. Если есть лица, которыя могутъ доказать, что данное произведеніе, содержащееся въ манускриптѣ, принадлежитъ имъ на основаніи наслѣдованія послѣ автора или на основаніи договорнаго пріобрѣтенія отъ послѣдняго или его юридическихъ преемниковъ, то произведеніе должно быть отнесено къ разряду посмертныхъ; въ противномъ случаѣ оно должно быть причислено къ разряду сочиненій, ставшихъ общественнымъ достояніемъ. Фактъ обладанія манускриптомъ, какъ уже выше было доказано, не имѣетъ въ этомъ отношеніи никакого рѣшающаго значенія и можетъ лишь дать такому обладателю физическую возможность воспрепятствовать обнародованію стариннаго произведенія. Продающій такой манускриптъ продаетъ не само сочиненіе, на которое онъ можетъ не имѣть никакого права, а лишь свою возможность воспрепятствовать его обнародованію. Онъ получаетъ вознагражденіе за то, что уступаетъ въ общее пользованіе находящійся въ его частной собственности единственный экземпляръ даннаго литературнаго произведенія.

Переходя затѣмъ къ постановленіямъ положительныхъ законовъ о манускриптахъ и посмертныхъ сочиненіяхъ, мы остановимся, какъ и прежде, сначала на *съверо-германскомъ законодательствѣ*, а затѣмъ перейдемъ къ другимъ. «Контрафакціею, гласитъ § 5. а. закона 11 іюня 1870 г., считается также послѣдовавшее безъ согласія автора напечатаніе еще не обнародованныхъ сочиненій (манускриптовъ). Согласіе автора требуется и для закономѣрнаго владѣльца манускрипта или копіи съ манускрипта». По объясненію Дамбаха, постановленіе это, въ виду §§ 1 и 4, категорически объявляющихъ контрафакціею всякое отпечатаніе чужаго сочиненія безъ согласія автора, представляется излишнимъ; оно введено только по практическимъ причинамъ, а именно потому, что встрѣчается въ большей части прежнихъ законовъ и опущеніе его могло бы при неточномъ

анализѣ навести на заключеніе, будто перепечатка манускриптовъ разрѣшается» [60]). Постановленіе, что и законный обладатель манускрипта можетъ отпечатать его для изданія въ свѣтъ только съ согласія автора, вполнѣ соотвѣтствуетъ развитымъ выше воззрѣніямъ на значеніе манускрипта самого себѣ.

Относительно посмертныхъ сочиненій § 12 опредѣляетъ слѣдующее:

«Сочиненія, появившіяся только по смерти автора, защищаются отъ контрафакціи въ теченіи тридцати лѣтъ отъ этой смерти». Въ этомъ отношеніи сѣверо-германскій законъ уклонился отъ соотвѣтствующихъ постановленій, введенныхъ въ южно-германскихъ и австрійскомъ законодательствахъ, гдѣ тридцатилѣтній срокъ считается со времени изданія посмертнаго сочиненія въ свѣтъ. Коммиссія рейхстага, редактировавшая этотъ законъ, нашла, что такая защита заходитъ за предѣлы справедливости. «Прежнее нѣмецкое законодательство [61]), говоритъ она, перешло въ этомъ отношеніи границы своего собственнаго принципа. Выставляя общее начало, что всѣ сочиненія по истеченіи 30 лѣтъ со смерти автора должны быть предоставлены свободной конкурренціи, не взирая на то, появилось ли сочиненіе въ годъ смерти автора или въ самый ранній періодъ его жизни, оно отодвигаетъ въ пользу посмертныхъ сочиненій предѣльную линію, за которою прекращается всякая защита, еще на одинъ человѣческій вѣкъ... Оно даетъ, слѣдовательно, наслѣдникамъ автора возможность извлекать имущественную выгоду изъ доставшихся имъ по наслѣдству сочиненій въ теченіе шестидесяти лѣтъ по смерти автора. На этомъ основаніи найденное въ бумагахъ Гете стихотвореніе и изданное наслѣдниками въ 1861 году въ свѣтъ должно было бы оставаться внѣ свободнаго оборота до 1892 года... Если поторопиться изданіемъ воспрепятствовала наслѣдникамъ

---

[60]) *Дамбахъ*, тамъ же, стр. 53. вверху.

[61]) *Дамбахъ*, тамъ же. стр. 114 и сл.

воля наслѣдователя, назначившаго по своимъ личнымъ соображеніямъ для изданія своихъ записокъ, корреспонденцій и т. д. болѣе поздній срокъ, то наслѣдникамъ волей-неволей приходится отказаться отъ финансовой эксплуатаціи публики. Наслѣдники государственныхъ людей, дипломатовъ, и т. д. по большей части будутъ находиться въ такомъ положеніи, что станутъ смотрѣть на литературное наслѣдство ихъ наслѣдодателя не исключительно съ точки зрѣнія его имущественной стоимости. Они будутъ разсматривать изданіе его бумагъ какъ дѣло чести, и чѣмъ, важнѣе былъ авторъ, эпизоды изъ жизни коего будутъ сообщаться, тѣмъ легче они найдутъ издателя, который уплатитъ имъ гонораръ за славу перваго изданія».

Эти доводы противорѣчатъ здравой логикѣ и отнюдь не могутъ быть названы юридическими. Имущественное пользованіе посмертнымъ сочиненіемъ возникаетъ не со смерти издателя, какъ полагаетъ коммиссія, а со дня изданія его въ свѣтъ; слѣдовательно, начинать счетъ этого пользованія съ года смерти автора значитъ поставить наслѣдниковъ одного автора въ несравненно худшее положеніе чѣмъ другаго, значитъ, другими словами, узаконить вопіющую несправедливость. Наслѣдники авторовъ, сочиненія коихъ изданы при ихъ жизни, пользуются авторскимъ правомъ въ теченіе 30 лѣтъ послѣ смерти автора; что же касается до посмертныхъ сочиненій, то срокъ этотъ для наслѣдниковъ можетъ, даже независимо отъ ихъ воли, сократиться на половину и болѣе и дойдти до одного года или даже нѣсколькихъ дней. Чѣмъ же объясняетъ коммиссія такое неравенство въ юридическомъ положеніи тѣхъ и другихъ наслѣдниковъ? Рѣшительно ничѣмъ. Она толкуетъ о чести и о гонорарѣ за первое изданіе, но эти соображенія, помимо ихъ практической несостоятельности, не только не вытекаютъ изъ принципа юридической защиты сочиненія, но не имѣютъ съ нимъ ничего общаго, что въ виду всего вышеизложеннаго не нуждается въ особыхъ доказательствахъ. Замѣчательно однако, что доводы коммиссіи были приняты

большинствомъ парламента и одобряются такими учеными, какъ Дамбахъ и Клостерманъ [62]).

Подобно сѣверо-германскому и *австрійское законодательство* (законъ 19 октября 1846 г., § 4. а) запрещаетъ перепечатку, безъ согласія автора, всякаго рода манускриптовъ; запрещеніе это должно быть распространено и на всякаго рода цитированіе и частичную перепечатку, которыя въ обоихъ названныхъ законодательствахъ разрѣшаются лишь по отношенію къ сочиненіямъ, отпечатаннымъ и изданнымъ въ свѣтъ. Что касается посмертныхъ сочиненій, то постановленіе объ нихъ австрійскаго законодательства слѣдуетъ признать несравненно болѣе цѣлесообразнымъ и справедливымъ, чѣмъ соотвѣтствующее постановленіе сѣверогерманскаго. § 14, рг. и пункты d и e, названнаго австрійскаго закона говорятъ о посмертныхъ сочиненіяхъ слѣдующее: «Подобная же защита въ теченіе 30 лѣтъ и притомъ начиная съ истеченія того года, въ который сочиненіе появилось, предоставляется: впервые по смерти автора обнародованнымъ (posthumen) сочиненіямъ, равно какъ и сдѣланному наслѣдниками и другими юридическими преемниками автора продолженію начатаго имъ изданія его сочиненія».

Гарумъ [63]) мотивируетъ это постановленіе желаніемъ законодателя оградить общество отъ утраты сочиненія, могущей послѣдовать вслѣдствіе незнанія наслѣдниковъ о существованіи даннаго манускрипта или неумѣнія оцѣнить его качества и достоинства. «Наслѣдники, говоритъ онъ, могутъ лишь впослѣдствіи, почти предъ самымъ истеченіемъ узаконеннаго (30-лѣтняго) срока понять и обратить вниманіе на значеніе даннаго сочиненія; но тогда они уже, быть можетъ, не будутъ имѣть достаточнаго интереса въ его обнародованіи или съ трудомъ найдутъ издателя; а потому законъ, чтобъ устранить подобную потерю или ущербъ

---

[62]) *Клостерманъ*, „Das Urheberr", стр. 166.
[63]) Die oesterr. Preszgesetzg., стр. 127—129.

для литературы», дѣлаетъ названное исключеніе изъ общаго правила о тридцатилѣтнемъ срокѣ, которое, по его мнѣнію, въ силу нормальнаго порядка вещей, должно бы примѣняться одинаково какъ къ изданнымъ, такъ и неизданнымъ сочиненіямъ, ибо основаніе авторскаго права на тѣ и другія одно и тоже.

«Но если, продолжаетъ онъ, въ теченіе тридцати лѣтъ по смерти автора не послѣдуетъ никакого обнародованія сочиненія, то авторское право, обусловленное первоначальнымъ созданіемъ его, вполнѣ погашается. Изданіе его послѣ того является актомъ, сроднымъ съ литературнымъ творчествомъ, а потому служащимъ основаніемъ новаго авторскаго права издателя. Это авторское право признано и въ цитированномъ выше опредѣленіи § 14 lit. d., но цѣлесообразно ограничено болѣе краткимъ срокомъ, именно 30 годами, не считая года послѣдовавшаго изданія, и не распространено, какъ бы слѣдовало по общему правилу, на время жизни издателя и дальнѣйшіе 30 лѣтъ».

Но ни приведенный мотивъ, ни толкованіе Гарума, какъ справедливо замѣчаетъ Вехтеръ [64]), не находятъ себѣ никакой опоры ни въ словахъ, ни въ смыслѣ самого закона. Изъ сличенія параграфовъ 13 и 14 можно скорѣе вывести заключеніе, что законодатель стремился не къ огражденію интересовъ общества, а къ уравновѣшенію положенія закономѣрныхъ обладателей авторскаго права на неизданныя и изданныя при жизни автора сочиненія, предоставляя тѣмъ и другимъ обладателямъ одинаковый срокъ имущественнаго пользованія.

Во *Франціи* нѣтъ спеціальнаго закона, запрещающаго перепечатку манускриптовъ безъ согласія ихъ авторовъ, но французская практика не затрудняется распространять общее запрещеніе контрафакціи и на манускрипты, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Бланъ (ib. стр. 83).

Французскій декретъ отъ жерминаля 13 года респуб-

---

[64]) Das Verlagsrecht, стр. 443, прим. 40.

лики (22 марта 1805 г.) постановляетъ, что «собственники, по наслѣдству или иному титулу, посмертнаго сочиненія имѣютъ тѣ же права, что и авторъ, и постановленія законовъ объ исключительной собственности авторовъ и ея срокѣ примѣняются и къ нимъ, но съ обязательствомъ печатать посмертныя сочиненія отдѣльно, не присоединяя ихъ къ новому изданію сочиненій, уже обнародованныхъ и ставшихъ собственностью публики». Подъ обнародованными сочиненіями, какъ толкуетъ Blanc [65]), слѣдуетъ разумѣть сочиненія отпечатанныя и бывшія въ продажѣ. Всякій иной способъ обнародованія, каковы чтеніе или устное произнесеніе предъ публикою и постановка на сцену, не отнимаютъ у сочиненія его посмертности. Согласно смыслу закона, сочиненіе должно быть непремѣнно обнародовано отдѣльно; требованіе это непреложно, такъ что если такое произведеніе будетъ соединено съ изданіемъ другихъ сочиненій, обнародованныхъ при жизни автора или сдѣлавшихся общественнымъ достояніемъ, то оно раздѣлитъ съ ними ихъ участь. Мотивъ этого постановленія помѣщенъ въ самомъ текстѣ декрета, который въ этомъ отношеніи говоритъ слѣдующее: «Издатель посмертнаго сочиненія, помѣщая его въ одномъ изданіи съ обнародованными уже сочиненіями того же автора, получалъ бы отсюда родъ привилегій на продажу сочиненій, ставшихъ публичною собственностью». Уравнивая далѣе издателя такого сочиненія съ авторомъ, декретъ объясняетъ это тѣмъ, «что неизданное сочиненіе какъ бы вовсе не существуетъ и что издающій его долженъ потому пользоваться правами умершаго автора въ теченіе своей жизни»; слѣдовательно, по воззрѣнію законодателя, изданіе сочиненія равносильно созданію его; практическая причина этого сопоставленія, по объясненію законодателя, заключается въ томъ, что иначе «хранители, пріобрѣтатели, наслѣдники

---

[65]) Traité de la contrefaçon, стр. 79 и сл., 14 и 15. См. подробнѣе объ этомъ у Репуара, ibid. т. II, стр. 168—172.

или собственники посмертныхъ сочиненій авторовъ, умершихъ болѣе десяти лѣтъ назадъ, будутъ затрудняться издавать сочиненія въ свѣтъ изъ страха, что у нихъ станутъ оспаривать исключительную собственность, а равно и вслѣдствіе неизвѣстности срока этой собственности». Никакія практическія неудобства, если бы даже они и дѣйствительно существовали, не могутъ оправдать такого насилованія и искаженія принципа авторскаго права, такихъ абсурдныхъ умозаключеній, какія дѣлаетъ французскій законодатель. Нелѣпость его аргументаціи станетъ очевидною, если примѣнить его доводы къ другимъ предметамъ. Предположимъ, умираетъ художникъ, оставляющій послѣ себя замѣчательную картину, которая нѣкоторое время остается въ неизвѣстности. По умозаключенію французскаго законодателя, она какъ бы вовсе не существуетъ, и всякій, кто первый ее обнародуетъ, какъ бы вновь создаетъ ее, а потому долженъ считаться ея авторомъ и въ правѣ на этомъ основаніи извлекать изъ нея всевозможныя имущественныя выгоды. Ни одинъ художникъ никогда конечно не допуститъ и мысли, чтобы какой-нибудь торговецъ или другое случайное лицо въ правѣ было считать себя вторымъ творцомъ его картины только потому, что она случайно или инымъ путемъ попала въ его руки, и онъ вздумалъ воспользоваться ею для своихъ выгодъ. Почему же авторъ сочиненія, которое есть такой же продуктъ ума, таланта и усиленнаго труда, какъ и приведенная въ примѣръ картина, долженъ разсуждать иначе? Изданіе чужаго посмертнаго сочиненія никоимъ образомъ не можетъ быть уравнено съ твореніемъ этого сочиненія, и будучи предпринято неуправомоченнымъ лицомъ, является даже нарушеніемъ авторскаго права. Основаніе этого права наслѣдниковъ и другихъ преемниковъ автора на его посмертное сочиненіе слѣдуетъ искать не въ фактѣ изданія, который самъ по себѣ никакого права не даетъ, а въ происхожденіи этого авторскаго права отъ первоначальнаго права самого авто-

ра, въ юридическомъ преемствѣ между самимъ авторомъ или его наслѣдниками и издателемъ посмертнаго сочиненія.

Какъ мало послѣдователенъ французскій законъ, можно судить изъ его начала. «Принимая во вниманіе, говоритъ онъ, что законъ о литературной собственности объявляетъ публичною собственностью сочиненія авторовъ, по смерти коихъ протекло десять лѣтъ»... Далѣе законодателю слѣдовало бы сказать: принимая во вниманіе, что, по смыслу этого закона, посмертныя сочиненія могутъ пользоваться юридическою защитою только въ теченіи десяти и менѣе лѣтъ, смотря по времени ихъ изданія, что это приводитъ къ несправедливому неравенству, въ юридическомъ отношеніи, сочиненій, изданныхъ при жизни и по смерти автора, что такое неравенство имѣетъ вредныя практическія послѣдствія для наукъ и литературы и т. д. Таковъ логическій ходъ мыслей, вытекающихъ изъ постановленія прежняго французскаго закона. Вмѣсто того, законодатель предпочелъ вышеприведенныя абсурдныя умозаключенія, на нелѣпость одного изъ коихъ мы только-что указали; нелѣпость же остальныхъ не стоитъ и доказывать, такъ какъ она очевидна сама по себѣ.

Независимо отъ этого, самое распоряженіе закона служитъ источникомъ весьма чувствительныхъ несправедливостей; оно ставитъ наслѣдниковъ автора, сочиненія коего изданы незадолго до его смерти, въ несравненно худшее положеніе, чѣмъ издателей посмертныхъ сочиненій. Въ то время, какъ законъ первымъ предоставляетъ только 10 (а по закону 8 апрѣля 1854 г. тридцать) лѣтъ пользованія, послѣднимъ онъ даетъ пожизненное пользованіе. Мало того, не только различные преемники, но и одни и тѣ же наслѣдники, въ силу этого закона, пользуются по отношенію къ однородному имуществу наслѣдодателя различными правами и притомъ безъ всякой разумной причины, какъ это доказано выше; такъ сочиненіями, изданными при жизни автора, они пользуются въ теченіи тридцати лѣтъ, сочиненіями же посмертными въ теченіе всей своей жизни;

а между тѣмъ, тѣ и другія суть одинаковыя объекты авторскаго права.

Въ *англійскомъ законодательствѣ* точно также нѣтъ спеціальнаго упоминанія о запрещеніи самовольной перепечатки манускриптовъ, но едва ли изъ этого можно заключить, что она тамъ дозволена. Что касается посмертныхъ сочиненій, то цитированный выше англійскій законъ въ концѣ ст. III постановляетъ слѣдующее: «и повелѣвается, чтобы право копій на всякую книгу, изданную по смерти ея автора, продолжалось послѣ его смерти сорокъ два года, считая съ перваго ея изданія, и принадлежало собственнику того манускрипта автора, по которому книга издана, а равно и юридическимъ преемникамъ этого собственника».—Не касаясь установленнаго этимъ закономъ срока, во всякомъ случаѣ весьма оригинальнаго, нельзя не остановить вниманія на преувеличенномъ значеніи, придаваемомъ закономъ обладанію манускрипта. Уже выше было показано, что такое обладаніе еще не есть основаніе для обладанія заключающимся въ манускриптѣ сочиненіемъ, что манускриптъ есть лишь носитель, или лучше сказать, вмѣстилище сочиненія, и что только это вмѣстилище, будучи обыкновенною вещью, можетъ подлежать полному распоряженію его хозяина, а не содержащееся въ немъ сочиненіе. Нѣтъ спору, обладаніе манускриптомъ можетъ служить однимъ изъ доказательствъ принадлежности сочиненія владѣльцу манускрипта, можетъ быть основаніемъ презумціи въ пользу авторскаго права послѣдняго, но само по себѣ оно отнюдь не можетъ быть сочтено титуломъ пріобрѣтенія этого права. Съ этой стороны англійскій законъ представляется вполнѣ несовершеннымъ и уступающимъ даже названному выше закону французскому. Но съ другой стороны законъ поступаетъ вполнѣ правильно, опредѣляя, что теченіе установляемаго имъ 42-лѣтняго срока должно начинаться только съ момента изданія, а не со дня смерти автора, какъ постановляетъ, напримѣръ, сѣверогерманское законодательство.

Нашъ цензурный уставъ содержитъ относительно посмертныхъ сочиненій одно распоряженіе, вполнѣ аналогическое съ постановленіями большей части западноевропейскихъ государствъ о томъ же предметѣ. Статья 284 Устава очень ясно и просто говоритъ, что «въ отношеніи къ сочиненіямъ и переводамъ, которые изданы или будутъ изданы послѣ смерти сочинителя или переводчика, пятидесятилѣтній срокъ исключительнаго права изданія считается со времени перваго изданія сихъ сочиненій или переводовъ». Относительно того, всякій ли владѣлецъ манускрипта властенъ издавать его въ свѣтъ и пользоваться авторскимъ правомъ на напечатанное такимъ образомъ сочиненіе, Уставъ въ ст. 283 прямо постановляетъ, что это право принадлежитъ только наслѣдникамъ и инымъ юридическимъ преемникамъ автора. Отсюда вытекаетъ, что пока существуютъ эти преемники, никто помимо ихъ не въ правѣ издавать посмертныхъ сочиненій даннаго лица. Г. Спасовичъ держится однако инаго взгляда. «Если наслѣдники, говоритъ онъ,[66]) не воспользовались своимъ правомъ производнымъ, пропустили срокъ (т. е. 50 лѣтъ со дня смерти автора), и по истеченіи онаго посторонній издатель сдѣлалъ посмертное изданіе сочиненій автора, то изъ факта изданія этихъ сочиненій, бывшихъ уже достояніемъ общественнымъ, но недоступнымъ пользованію, рождается для издателя право авторское первоначальное, котораго срокъ не 50 лѣтъ со дня изданія, но 50 лѣтъ со дня смерти самого издателя. Такое изданіе можетъ быть во всѣхъ отношеніяхъ уподоблено изданію древней рукописи, о которой говоритъ ст. 285 ц. у.»

Ни съ однимъ изъ этихъ положеній почтеннаго писателя, въ виду яснаго смысла приведенныхъ законоположеній, согласиться невозможно. Прежде всего г. Спасовичъ совершенно произвольно принимаетъ, что пятидесятилѣтній срокъ,

---

[66]) Права авторскія и контрафакція стр. 46. Г. Спасовичъ почти совершенно сходится съ Гарумомъ, мнѣніе коего по этому предмету частью приведено нѣсколько выше.

считая со смерти автора, есть, по цензурному уставу, общее правило, не допускающее будто бы никакихъ изъятій. Это неправильное толкованіе заставляетъ его затѣмъ утверждать, что если наслѣдники до истеченія 50 лѣтъ со дня смерти автора не издали манускриптовъ послѣдняго, то теряютъ на нихъ исключительное право, и всякое постороннее лицо получаетъ право издать ихъ въ свѣтъ въ качествѣ древнихъ рукописей и тѣмъ самымъ стать въ несравненно лучшее положеніе чѣмъ сами законные наслѣдники.

Въ ст. 283 цензурный уставъ дѣйствительно установляетъ, что наслѣдники или иные юридическія преемники автора пользуются правомъ исключительнаго изданія его сочиненій въ теченіе 50 лѣтъ со дня его смерти; но это относится только къ сочиненіямъ, уже изданнымъ при жизни автора. Что же касается сочиненій посмертныхъ, то ихъ еще позволительно было бы подвести подъ эту статью, еслибъ не существовало 284 статьи, спеціально имъ посвященной. Въ ней очень опредѣленно говорится, что теченіе означеннаго 50 лѣтняго срока для посмертныхъ сочиненій начинается не со дня смерти автора, а со дня перваго ихъ изданія. Что же касается вопроса, въ какой промежутокъ времени должно послѣдовать это первое изданіе, т. е. должно ли оно произойдти до истеченія 50 лѣтъ со смерти автора или можетъ быть совершено и послѣ того, то объ этомъ цитируемая статья совершенно умалчиваетъ. Но за тѣмъ ни одна дальнѣйшая статья цензурнаго устава не даетъ ни малѣйшаго указанія для разрѣшенія этого вопроса. На чемъ же, спрашивается, основался г. Спасовичъ, дѣлая помянутое заключеніе? — Очевидно не на цензурномъ уставѣ, ни однимъ словомъ даже не намекающемъ на необходимость или возможность такого вывода, а вѣроятно на своемъ желаніи, чтобъ это было именно такъ. Но продолжать споръ на этой почвѣ совершенно безполезно, а потому намъ остается только пожелать, чтобы воззрѣніе г. Спасовича не нашло себѣ примѣненія въ дѣйствительной жизни.—Далѣе говоря

о правѣ постороннихъ лицъ издавать посмертныя сочиненія по истеченіи 50 лѣтъ со дня смерти автора, г. Спасовичъ между прочимъ прибавляетъ, что «изъ факта изданія этихъ сочиненій, *бывшихъ уже достояніемъ общественнымъ, но не доступнымъ пользованію*, рождается для издателя» и т. д. Смыслъ подчеркнутыхъ словъ, къ сожалѣнію, очень теменъ, и мы не въ силахъ понять его. Очень можетъ статься, что въ нихъ-то и заключается секретъ вышеприведеннаго толкованія г. Спасовича. Во всякомъ случаѣ трудно объяснить, какимъ образомъ сочиненіе, бывшее уже общественнымъ достояніемъ, можетъ стать частною собственностью вслѣдствіе того только, что его издало то или другое частное лицо. Скорѣе же слѣдуетъ допустить, что если бы частный издатель заявилъ намѣреніе присвоить себѣ подобное сочиненіе, то ему всегда можно было бы противопоставить возраженіе, что сочиненіе это есть общественное достояніе и потому res extra commercium. И такъ по нашимъ законамъ неизданныя посмертныя сочиненія суть частное достояніе и сохраняютъ этотъ характеръ до тѣхъ поръ, пока существуютъ лица, кои могутъ претендовать на эти сочиненія въ силу своего наслѣдственнаго права или иного пріобрѣтательнаго основанія. За отсутствіемъ такихъ лицъ манускриптъ переходитъ въ-разрядъ древнихъ рукописей, о которыхъ говорится въ статьѣ 285. Что же касается того, какъ узнать, существуютъ ли еще такія лица, то это конечно дѣло не законодателя, а частнаго предпринимателя, которому законъ за его труды и хлопоты по изданію древнихъ рукописей предоставляетъ такія же права, какъ и самому автору, а это вознагражденіе слишкомъ даже достаточное для того, чтобы ради него стоило позаботиться о собраніи необходимыхъ справокъ.

Что касается манускриптовъ новѣйшихъ, то изъ смысла ст. 286 вытекаетъ, что нашъ цензурный уставъ разсматриваетъ не только рукописи, но и напечатанныя сочиненія и переводы, «никому сочинителемъ или переводчикомъ не проданные, не завѣщанные и никакимъ инымъ образомъ

не уступленные», какъ вещи, находящіяся extra commercium, пока не проявится воля автора, чтобъ они стали вещами in commercio; а потому помимо его воли или воли его наслѣдниковъ они не могутъ быть отчуждены и на удовлетвореніе числящихся на немъ долговъ. Сомнѣніе возникаетъ лишь относительно напечатанныхъ сочиненій. Что разумѣетъ законодатель подъ напечатанными сочиненіями, *никому сочинителемъ или переводчикомъ не проданные, не завѣщанные и никакимъ инымъ образомъ не уступленные*? Нужно ли тутъ разумѣть сочиненія, еще не пущенныя въ продажу, или же и сочиненія, хотя и находящіяся уже въ продажѣ, но не на основаніи какого-либо договора или завѣщанія? Въ виду того, что сочиненіе, появившееся на книжномъ рынкѣ, становится объектомъ возможныхъ на него сдѣлокъ, пріобрѣтаетъ въ оборотѣ значеніе вещи и получаетъ опредѣленную денежную цѣну, нѣтъ никакого основанія дѣлать для него исключенія и въ случаѣ удовлетворенія кредиторовъ. Исключеніе это было бы тѣмъ неосновательнѣе, что нерѣдко могло бы приводить къ довольно печальнымъ послѣдствіямъ. Такъ бываютъ случаи, когда все имущество должника заключается главнымъ образомъ или исключительно въ его сочиненіяхъ, уже пущенныхъ въ продажу, но еще не распроданныхъ. Лишеніе кредиторовъ права воспользоваться этимъ имуществомъ было бы равносильно отнятію у нихъ всякой возможности получить свое обратно, значило бы, другими словами, узаконить грабежъ. Законодатель очевидно не желалъ и не могъ желать ничего подобнаго, а потому толкованіе приведенной статьи въ томъ смыслѣ, что продажѣ на удовлетвореніе кредиторовъ автора можетъ подлежать только такое сочиненіе, которое авторъ уступилъ другимъ на основаніи какой-либо сдѣлки, противорѣчило бы намѣренію законодателя. Такимъ образомъ слѣдуя болѣе правильному толкованію, нужно допустить, что означенное распоряженіе относится только къ сочиненіямъ, хотя и напечатаннымъ, но еще не обнародованнымъ, не изданнымъ, не пущеннымъ въ продажу. Такія сочине-

нія, по смыслу закона, занимаютъ такое же положеніе, какъ и еще не отпечатанныя рукописи. Подобная точка зрѣнія вполнѣ соотвѣтствуетъ и природѣ сочиненія, которое есть проявленіе цѣлаго ряда, одной или нѣсколькихъ идей, принадлежащихъ автору. Отъ его воли зависитъ сообщить эти идеи другимъ, дать имъ широкое распространеніе, или держать ихъ въ тайнѣ; заставлять его обнародывать ихъ, значило бы совершать насиліе надъ его совѣстью, душою и умомъ, чего, какъ извѣстно, не допускаетъ не только наука, но и всѣ законодательства цивилизованныхъ государствъ.

7. *Сочиненія псевдонимныя и анонимныя.* [67]) Всякое литературное произведеніе, каково бы оно ни было, непремѣнно есть продуктъ интеллектуальной дѣятельности одного или нѣсколькихъ лицъ; всякое сочиненіе имѣетъ своего автора, и если оно является въ свѣтъ безъ его наименованія, то это отнюдь не служитъ еще доказательствомъ, что оно не имѣетъ хозяина, что имъ можетъ завладѣть всякій желающій, извлекая изъ него непосредственныя имущественныя выгоды. Есть не мало причинъ, заставляющихъ писателей скрывать свое имя, или вовсе не обозначая его на заглавномъ листѣ сочиненія, или выставляя тамъ вымышленную фамилію. Бываютъ авторы, коимъ ихъ общественное положеніе или личные расчеты препятствуютъ открыто выступать на литературное поприще съ опредѣленнаго рода произведеніями; таковы, напримѣръ, лица офиціальныя; ихъ личныя воззрѣнія, выражаясь въ сочиненіи, изданномъ подъ ихъ истинною фамиліей, могли бы быть истолкованы въ смыслѣ воззрѣній, плановъ и намѣреній, принадлежащихъ

---

[67]) См. о нихъ *Клостермана* das Urheberrecht, стр. 160, *его же* das geist. Eigenth. Anhang, стр. 23, 25, 31 и сл., *Blanc* в. п. с., стр. 33, 379 и сл., *Dambach* в. п. с., стр. 109 и сл., 112, 241, *Іолли* в. п. с., стр. 229—231, *Гарумъ* в. п. с., стр. 122 — 123, 179 — 181, *Вехтеръ* das Verlagsrecht т. I стр. 163 и сл., 198—200, 431, 433—436, *Ренуаръ* в. п. с. т. II, стр. 230—231, утверждающій, что въ такихъ сочиненіяхъ издатель долженъ разсматриваться или какъ авторъ, или какъ его преемникъ; *Eisenlohr* в. п. с., стр. 69.

самому правительству; таковы же литераторы, впервые выступающіе на литературное поприще: ихъ первые литературные опыты могутъ встрѣтить холодный пріемъ и набросить на ихъ имя невыгодную тѣнь, которая можетъ неблагопріятно отразиться на ихъ дальнѣйшей судьбѣ; это обстоятельство побуждаетъ болѣе благоразумныхъ изъ нихъ скрывать свое истинное имя до того момента, когда успѣхъ ихъ на литературномъ поприщѣ можетъ считаться обезпеченнымъ. Нерѣдко и общепризнанные таланты, выпуская въ свѣтъ произведеніе тенденціознаго свойства, не убѣждены въ томъ, что оно найдетъ сочувственный пріемъ въ обществѣ, и въ виду этого скрываютъ свое имя, дабы при неуспѣхѣ не уронить его въ общемъ мнѣніи. Случается, что и лица, осужденныя на тяжкія уголовныя наказанія, не оставляютъ своихъ литературныхъ занятій; но въ виду стѣсненій личной свободы, сопряженныхъ съ отбываніемъ этихъ наказаній, вынуждены скрывать свое настоящее имя подъ псевдонимомъ. Таковы по большей части причины, вслѣдствіе которыхъ многія литературныя произведенія появляются въ свѣтѣ или безъ всякаго обозначенія на нихъ имени автора (сочиненія анонимныя), или съ обозначеніемъ вымышленной фамиліи или прозвища (сочиненія псевдонимныя).

Но псевдонимность или анонимность сочиненія вовсе не такіе признаки, которые бы оказывали существенное вліяніе на обсужденіе его юридической природы. Случайное обстоятельство появленія книги на книжномъ рынкѣ безъ имени или подъ ложнымъ именемъ автора не можетъ служить доказательствомъ отказа автора отъ своихъ правъ и не въ состояніи уничтожить ея объективныхъ свойствъ и сдѣлать изъ нея предметъ, не пользующійся юридическою защитой или пользующійся ею не въ томъ видѣ или размѣрѣ, въ какомъ пользуются другія книги. Изданное сочиненіе, будетъ ли оно анонимное или псевдонимное, все таки есть объектъ авторскаго права, и по отношенію къ нему рѣчь можетъ идти только о томъ, слѣдуетъ ли его

отнести къ разряду сочиненій посмертныхъ или изданныхъ при жизни автора [68]). Соотвѣтственно этому долженъ обсуждаться и срокъ юридической защиты. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя положительныя законодательства смотрятъ на это дѣло нѣсколько иначе и ставятъ анонимныя и псевдонимныя сочиненія въ относительно менѣе выгодное положеніе чѣмъ остальныя.

Такъ *сѣверогерманскій* законъ отъ 11 іюня 1870 г. въ § 11 между прочимъ постановляетъ: «Сочиненіе, которое обнародовано не подъ истиннымъ именемъ автора или въ которомъ авторъ вовсе не обозначенъ, подлежитъ защитѣ отъ контрафакціи въ теченіе тридцати лѣтъ со времени перваго изданія. — § 28... При анонимныхъ и псевдонимныхъ сочиненіяхъ издатель (Herausgeber), а если таковой не обозначенъ, то продавецъ изданія (Verleger) можетъ пользоваться принадлежащими автору правами. Обозначенный на сочиненіи продавецъ изданія считается безъ дальнѣйшихъ доказательствъ юридическимъ преемникомъ анонимнаго или псевдонимнаго автора».

Трудно понять, почему законъ распространяетъ на эти произведенія срокъ, предназначенный для сочиненій посмертныхъ. Если издатели въ силу законной презумціи суть юридическіе преемники автора, то къ нимъ слѣдовало бы примѣнить и законоположенія, касающіяся сего послѣдняго. На этомъ основаніи издатель относительно сочиненій, изданныхъ при жизни автора, долженъ былъ бы пользоваться авторскимъ правомъ до его смерти, и затѣмъ еще тридцать лѣтъ послѣ смерти; равнымъ образомъ издатель посмертнаго сочиненія могъ бы воспользоваться только тридцатилѣтнимъ срокомъ. То обстоятельство, что авторъ не обозначилъ своего имени на сочиненіи, далеко еще не можетъ служить основательною презумціею въ пользу его смерти, да въ такой презумціи и надобности нѣтъ, такъ какъ onus probandi долженъ всегда лежать на лицахъ заинтересованныхъ, и нѣтъ ни

---

[68]) См. объ этомъ *Вехтера* тамъ же стр. 163 и сл.

малѣйшаго основанія предполагать, что представленіе потребныхъ доказательствъ будетъ въ этихъ случаяхъ невозможно, или по крайней мѣрѣ, затруднительно. Въ настоящемъ своемъ видѣ приведенныя постановленія являются несостоятельными не только съ точки зрѣнія логической послѣдовательности, но и съ точки зрѣнія справедливости: и въ самомъ дѣлѣ, законъ третируетъ гораздо благопріятнѣе издателей сочиненій, на коихъ значится истинное имя автора, чѣмъ издателей сочиненій анонимныхъ и псевдонимныхъ; оба они при совершенно одинаковыхъ условіяхъ пользуются однако различнымъ срокомъ юридической защиты, между тѣмъ какъ тѣ и другія сочиненія въ юридическомъ отношеніи другъ отъ друга ничѣмъ не отличаются. Мало того, несправедливость рождается изъ этихъ законоположеній не только для издателей, но и для самихъ авторовъ. Часто случается, что авторъ по изданіи своего сочиненія живетъ гораздо долѣе тридцати лѣтъ, а такъ какъ законъ считаетъ его собственникомъ его произведенія, то и признаетъ за нимъ право располагать послѣднимъ въ теченіе всей своей жизни; по отношенію же къ авторамъ псевдонимнымъ и анонимнымъ онъ поступаетъ иначе, предоставляя имъ авторское право только на тридцать лѣтъ; такъ что если авторъ переживетъ этотъ срокъ и своевременно не заявитъ формальнымъ порядкомъ о своемъ настоящемъ имени, то на его глазахъ его собственность сдѣлается добычею безмездной издательской эксплуатаціи, причемъ онъ, въ силу самого закона, не будетъ въ правѣ даже протестовать противъ нея. Несправедливость эта равнымъ образомъ постигаетъ и наслѣдниковъ автора, которые при обыкновенныхъ сочиненіяхъ пользуются тридцатилѣтнимъ срокомъ защиты, при анонимныхъ же и псевдонимныхъ срокъ этотъ, смотря по обстоятельствамъ, можетъ колебаться между нулемъ и тридцатью годами. Какъ бы для того, чтобы предотвратить столь невыгодныя послѣдствія для авторовъ и ихъ преемниковъ, законъ въ концѣ § 11 дѣлаетъ слѣдующую оговорку: «Если въ теченіи тридцати

лѣтъ, считая отъ перваго изданія, истинное имя автора будетъ заявлено самимъ авторомъ или его уполномоченными къ тому юридическими преемниками для внесенія въ предназначенные для того списки (Eintragsrolle [§ 39 и сл.] [69]), то тѣмъ самимъ пріобрѣтается для сочиненія опредѣленный въ § 8 болѣе долгій срокъ защиты», (а именно въ теченіе жизни автора и тридцать лѣтъ по его смерти). Легко подумать, что законъ этотъ имѣетъ своею цѣлью косвенно принудить автора разоблачить свое настоящее имя; но для такого предположенія нѣтъ никакихъ данныхъ ни въ самомъ законѣ, ни въ мотивахъ къ нему; впрочемъ, еслибъ даже такова была цѣль закона, то ее слѣдовало бы отвергнуть; принужденіе въ гражданскомъ правѣ мыслимо только по отношенію къ выполненію обязанностей, а не правъ, а такъ какъ авторъ имѣетъ относительно своего сочиненія только права, а не обязанности, то и принужденіе не можетъ тутъ имѣть мѣсто. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что такого рода постановленія вовсе не вызываются практическою необходимостью и суть лишь излишнія стѣсненія и тормазы для авторовъ и ихъ преемниковъ въ дѣлѣ свободнаго осуществленія ихъ правъ. При такомъ отсутствіи въ нихъ цѣлесообразности мы не нанесемъ никакого ущерба дѣлу, если оставимъ безъ разсмотрѣнія всѣ связанные съ ними казуистическія вопросы, которыми довольно усердно занимаются нѣмецкіе коментаторы означеннаго закона.

---

[69]) § 39. Списки (Eintragsrolle), въ кои происходитъ предписанное въ §§ 6 и 11 внесеніе, ведутся городскимъ совѣтомъ Лейпцига.

§ 40. Этотъ совѣтъ обязанъ совершать внесеніе по предложенію заинтересованныхъ, не подвергая предварительному изслѣдованію ни право ихъ на такое внесеніе, ни правильность заявленныхъ для внесенія фактовъ.

§ 41. Союзный канцлеръ издаетъ инструкцію о веденіи этихъ списковъ. Всякому желающему предоставляется обозрѣвать списки и получать засвидѣтельствованныя извлеченія изъ нихъ. О сдѣланныхъ внесеніяхъ публикуется въ биржевомъ листкѣ германской книжной торговли (Börsenblatt für Deutschen Buchhandel), а въ случаѣ его прекращенія, въ одной изъ газетъ, предназначенныхъ къ тому канцлеромъ".

Почти тожественны съ вышеприведенными постановленіями сѣверогерманскаго законодательства постановленія *австрійскаго закона* 19 октября 1846 года. § 14 a. и b. говоритъ слѣдующее: «Такая же защита (отъ контрафакціи) въ теченіе тридцати лѣтъ, и притомъ считая отъ конца того года, въ который сочиненіе впервые появилось, предоставляется: а) тѣмъ сочиненіямъ, въ которыхъ на заглавномъ листѣ, или подъ посвященіемъ (Dedication), или въ концѣ придисловія не обозначено имя автора (анонимныя произведенія); в) сочиненіямъ, появляющимся не подъ истиннымъ именемъ автора (псевдонимныя); однако здѣсь, какъ и въ предыдущемъ пунктѣ, предполагается, что на заглавномъ листѣ, подъ посвященіемъ или въ концѣ предисловія не обозначены издатель, предприниматель или заказчикъ (§ 1), которые вступаютъ во всѣ права автора; впрочемъ наблюденіе за правами анонимнаго или псевдонимнаго автора принадлежитъ продавцу изданія (Verleger) какъ представителю».

Установляемое этимъ закономъ присвоеніе издателю авторскихъ правъ Гарумъ (ibid.) оправдываетъ слѣдующимъ соображеніемъ: «Тѣмъ самымъ (обозначеніемъ его имени въ указанныхъ закономъ мѣстахъ) издатель въ извѣстной степени принимаетъ на себя *литературную отвѣтственность* за изданное имъ, хотя и не имъ составленное сочиненіе; присвоеніе ему авторскаго права въ качествѣ права первоначальнаго представляется справедливымъ именно потому, что необозначенный авторъ сочиненія, предоставляя ему изданіе въ этомъ видѣ, долженъ разсматриваться какъ отказавшійся въ его пользу отъ своего авторскаго права [70]).

---

[70]) *Вехтеръ* das Verlagsrecht т. I. стр. 199 прим. 37 справедливо возражаетъ противъ этого, что *предоставленіе* могло бы послужить основаніемъ только юридическому преемству, а не первоначальному праву, и принятіе на себя литературной отвѣтственности за чужое сочиненіе отнюдь не можетъ разсматриваться какъ авторство, которымъ исключительно обусловливается первоначальное авторское право. Съ своей стороны Вехтеръ (см. тамъ же текстъ) усматриваетъ въ этомъ присоединеніи „только презумцію, что тотъ,

Что здѣсь слѣдовательно подразумѣвается издатель, который беретъ на себя не одну только комерческую сторону изданія, это очевидно и тѣмъ болѣе не можетъ подлежать сомнѣнію, что самъ законъ въ § 14 прямо противопоставляетъ такого издателя (въ смыслѣ § 1) продавцу изданія (Verleger), предоставляя сему послѣднему, когда издатель не обозначенъ, «наблюдать въ качествѣ представителя за правами анонимнаго или псевдонимнаго автора». По мнѣнію Гарума, означенныя въ законѣ послѣдствія анонимности или псевдонимности сочиненія не могутъ быть уничтожены послѣдующимъ обнаруженіемъ истиннаго имени автора, какимъ бы способомъ это обнаруженіе ни послѣдовало; въ подтвержденіе этого онъ ссылается на § 23 lit. b., въ которомъ десятилѣтняя защита драматическихъ произведеній противъ самовольной ихъ постановки на сцену предоставляется «анонимнымъ или превдонимнымъ сочиненіямъ безъ различія, стало ли истинное имя автора или композитора извѣстно послѣ перваго публичнаго представленія или нѣтъ». § 1 означеннаго закона между прочимъ постановляетъ: «одинаковое мѣсто съ авторомъ, по отношенію къ защитѣ отъ контрафакціи, занимаетъ, если тому не препятствуетъ особые договоры c) издатель анонимнаго или псевдонимнаго сочиненія (см. § 14 a. в.)».

Изъ изложеннаго видно, что австрійское законодательство относится къ анонимнымъ и псевдонимнымъ сочиненіямъ еще недружелюбнѣе, чѣмъ сѣверо-германское. Въ то время, какъ послѣднее открываетъ, хотя и не всегда удобное, средство уничтожить невыгодныя послѣдствія анонимности и псевдонимности, австрійское и этого не дѣлаетъ, и разъ авторъ имѣлъ несчастіе издать свое сочиненіе въ свѣтъ безъименнымъ или подъ вымышленною фамиліей, то не остается никакихъ другихъ средствъ поправить дѣло, кромѣ выпуска новаго изданія безъ измѣненія и съ обо-

---

кто называетъ себя издателемъ, составилъ сочиненіе,—презумцію, которая не исключаетъ доказательства противнаго".

значеніемъ настоящаго имени автора. Но и это средство мало поможетъ автору, такъ какъ законъ, по толкованію Гарума, не признаетъ никакихъ дальнѣйшихъ разоблаченій имени автора.

Несравненно цѣлесообразнѣе поступаютъ относительно этого рода сочиненій законодательства *Франціи*, *Англіи* и *Россіи*. Они не дѣлаютъ для нихъ никакихъ исключеній и даже вовсе объ нихъ не упоминаютъ. Отсюда можно сдѣлать только тотъ логическій выводъ, что сочиненія псевдонимныя и анонимныя подлежатъ дѣйствію общихъ правилъ и пользуются юридическою защитой наравнѣ со всѣми остальными сочиненіями, т. е. во время жизни автора и въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ послѣ его смерти. Такое положеніе этихъ сочиненій нельзя не признать гораздо болѣе цѣлесообразнымъ и разумнымъ, чѣмъ положеніе ихъ въ другихъ европейскихъ государствахъ.

8. *Переводы*. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что переводъ, будучи воспроизведеніемъ на другомъ языкѣ чужаго творенія, съ сохраненіемъ того же плана, той же системы, той же послѣдовательности и связи мыслей, какія имѣютъ мѣсто въ сочиненіи оригинальномъ, не могутъ быть причислены къ самостоятельнымъ литературнымъ произведеніямъ, и даже должны разсматриваться, какъ нѣкотораго рода контрафакція. И дѣйствительно такой взглядъ имѣетъ своихъ защитниковъ въ лицѣ нѣкоторыхъ даже весьма серіозныхъ мыслителей, къ каковымъ несомнѣнно слѣдуетъ причислить Вехтера. Правильнѣе смотритъ на переводы Клостерманъ. По его мнѣнію [71]), «дѣятельность переводчика такова же, какъ и дѣятельность всякаго инаго

---

[71]) Das geistige Eigenthum, стр. 389 и сл. Въ сочиненіи: Das Urheberrecht (стр. 121) онъ прямо признаетъ переводы „умственною дѣятельностью, которая воспроизводитъ содержаніе мыслей оригинала въ совершенно новомъ видѣ и служитъ потому основаніемъ авторскаго права на созданную переводчикомъ форму“. Наиболѣе безусловно считаетъ переводы контрафакціею, если они сдѣланы помимо воли автора оригинала, писатель *Eisenlohr* в. п. с., стр. 62 и сл.

передѣлывателя, напримѣръ, гравера или музыканта, перекладывающаго какую-либо партитуру для клавикорда. Переводчикъ сообщаетъ лишь готовому ряду мыслей подходящее выраженіе на своемъ языкѣ, и конечно нельзя заодно съ Блунчли (deutsches Privatrecht, 3 изд., стр. 128) допустить, что простая передача мыслей оригинала на чужомъ языкѣ есть *самостоятельный* умственный трудъ, который можетъ обусловить собою умственную собственность на передаваемое *содержаніе*. Переводчикъ лишь повторяетъ это содержаніе, и его умственная собственность простирается только на происходящую отъ него оригинальную форму, простирается лишь на его переводъ, а не на переведенное имъ сочиненіе, которое и въ переводѣ остается собственностью автора».

Наоборотъ, Вехтеръ въ своемъ новомъ сочиненіи das Autorrecht nach dem gemeinen deutschen Recht (Stuttgart 1875, стр. 202 и сл.) смотритъ на переводы совершенно иначе.

«Что касается сферы правъ автора, говоритъ онъ, то нѣкоторые желаютъ ограничить ее языкомъ національности послѣдняго и утверждаютъ, что сочиненіе является его продуктомъ только для той націи, которая говоритъ этимъ языкомъ, и для тѣхъ, кои усвоили себѣ послѣдній. Но такому доводу противорѣчитъ опытъ повседневнаго оборота и природа вещей. Какое-либо замѣчательное англійское сочиненіе существуетъ въ дѣйствительности не для одной Англіи и не для однихъ сильныхъ въ англійскомъ языкѣ. По мѣрѣ того, какъ оно получаетъ интересъ для дальнѣйшихъ круговъ лицъ, оно дѣлается доступнымъ для нихъ чрезъ посредство перевода, и въ послѣднемъ покупатель видитъ мысли отнюдь не переводчика, но англійскаго автора.

«Противъ тѣхъ, кои желаютъ изъять переводы отъ запрещенія перепечатки именно потому, что они все-таки суть самостоятельные труды, слѣдуетъ возразить, что въ предлежащемъ вопросѣ дѣло идетъ вовсе не о томъ, что

такое переводъ самъ по себѣ (въ этомъ отношеніи онъ конечно долженъ быть защищаемъ отъ контрафакціи), но о томъ, чѣмъ онъ представляется по отношенію къ переведенному оригинальному произведенію; относительно этого послѣдняго онъ не новъ и не самостоятеленъ, а только повторяетъ чужое и тѣмъ самымъ нарушаетъ принадлежащее этому чужому произведенію исключительное право размноженія. Вообще дѣло идетъ... не о томъ, основана ли копировка на большей или меньшей умственной дѣятельности, но единственно о томъ, повторяетъ ли она наличное сочиненіе и тѣмъ самымъ вторгается въ пользованіе имъ; а въ этомъ отношеніи мѣстный языкъ, появленіе на одномъ только опредѣленномъ языкѣ, не можетъ еще имѣть рѣшающаго значенія. Не понимать этого можетъ только тотъ, кто, видя лишь одну внѣшность, считаетъ предметомъ авторскаго права... толко *внѣшнюю форму*, словесное выраженіе, и усматриваетъ въ одномъ облаченіи чужаго сочиненія въ иное словесное одѣяніе созданіе особаго произведенія. Но предположеніе, что предметомъ авторскаго права служитъ *словесная форма*, вполнѣ произвольно; защитѣ подлежитъ не эта форма сама по себѣ, но размноженіе *литературнаго произведенія въ его умственномъ составѣ*, и нѣтъ ни фактическаго, ни юридическаго основанія полагать центръ тяжести этой защиты, вмѣщать понятіе авторства въ означенную форму. Да даже словесная *форма*, именно способъ изложенія, *стиль*, выраженныя въ словахъ мысли переносятся въ переводъ».

Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ Клостермана, что переводчикъ имѣетъ право собственности только на форму своего перевода, а не на содержаніе его, нельзя однако принять этотъ признакъ за особенное качество, отличающее переводы отъ оригинальныхъ сочиненій. И тамъ и тутъ право собственности простирается только на форму, а не на содержаніе, которое, будучи разъ обнародовано, дѣлается общественнымъ достояніемъ. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи переводъ, въ юридическомъ смыслѣ, есть

такое же литературное произведеніе, какъ и сочиненіе оригинальное. Со другой стороны, нельзя согласиться съ Клостерманомъ и въ особенности Вехтеромъ, будто переводчикъ лишь дословно копируетъ оригиналъ, будто онъ повторяетъ лишь чужое и не вноситъ въ свой трудъ никакого самостоятельнаго творчества. Если подъ творчествомъ разумѣть только одно созданіе новыхъ мыслей, то пришлось бы произвести большое опустошеніе въ сокровищницѣ оригинальныхъ сочиненій, которыми обладаетъ человѣчество. Какъ извѣстно, трудовъ, содержащихъ въ себѣ мысли, исключительно принадлежащія данному автору, чрезвычайно мало; огромное же большинство сочиненій лишь систематизируетъ, развиваетъ и перифразируетъ чужія идеи, въ разное время выраженныя различными писателями или иными мыслителями. А потому, слѣдуя Клостерману и Вехтеру, за всѣми этими произведеніями нельзя было бы признать никакой самостоятельности. Если же ихъ считать самостоятельными литературными сочиненіями, то нельзя отказать въ томъ же переводамъ. И дѣйствительно переводчикъ совершаетъ тотъ же процессъ, что и самостоятельный авторъ; какъ и послѣдній, онъ подыскиваетъ для ряда данныхъ мыслей соотвѣтствующую форму, а потому, какъ и послѣдній, онъ долженъ почитаться творцомъ этой формы, ея собственникомъ. Разница между оригинальнымъ авторомъ и переводчикомъ лишь въ интензивности и количествѣ труда; но эти свойства, имѣя громадное вліяніе въ литературномъ отношеніи, не могутъ и не должны оказывать никакого дѣйствія на юридическое обсужденіе переводовъ. Никто и даже Вехтеръ не сомнѣвается въ томъ, что передѣлка чужаго сочиненія, выражающееся въ сжатомъ изложеніи содержанія послѣдняго, есть авторская дѣятельность, дающая право на защиту ея результата, ея продукта отъ контрафакціи; никто, напримѣръ, не станетъ спорить противъ того, что Литре, изложивъ позитивную философію Огюста Конта въ особомъ сочиненіи, создалъ, въ юридическомъ отношеніи, самостоя-

тельное произведеніе, на которое онъ имѣетъ право собственности. А между тѣмъ, Литре передаетъ только мысли Конта въ своеобразной формѣ. Почему же переводчикъ точно также передающій чужія мысли въ своеобразной формѣ, долженъ быть третируемъ иначе? Развѣ качество труда переводчика не таково же, какъ качество труда, напримѣръ, Куно-Фишера, въ сжатомъ видѣ изложившаго главнѣйшія философскія системы? Скажутъ, Литре и Куно-Фишеръ усвоили себѣ чужіе труды въ такой степени, что они стали какъ бы ихъ собственными, что только предварительно ознакомившись и глубоко вдумавшись въ чужую философію, они изложили ее въ оригинальной формѣ. Но вѣдь и переводчикъ не иначе можетъ передать мысли оригинала, какъ только вдумавшись въ нихъ, освоивъ ихъ, понявъ ихъ дѣйствительный смыслъ. Слѣдовательно, его переводъ есть тоже продуктъ умственнаго напряженія, умственнаго творчества.

Самостоятельность труда переводчика будетъ гораздо нагляднѣе, если мы изъ области прозы перенесемся въ область поэзіи. Всякому писателю извѣстны многія изъ переводныхъ прекрасныхъ стихотвореній Жуковскаго, въ которыхъ геній и сила творчества этого поэта проявились въ такой мѣрѣ, что его переводы не только сравнились съ оригиналами, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже превзошли ихъ; не мало изъ замѣчательныхъ басень нашего безсмертнаго баснописца Крылова суть не что иное, какъ нерѣдко почти подстрочный переводъ басень французскаго баснописца Лафонтена; равнымъ образомъ и въ новѣйшей русской поэзіи насчитывается много превосходныхъ произведеній, обязанныхъ именно переводнымъ трудамъ ихъ авторовъ; таковы переводы сербскихъ пѣсенъ Аполлона Майкова, таковы же переводы Пушкина, Полонскаго, Минаева и др. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ самостоятельность труда переводчиковъ очевидна и безспорна, и едва ли кто усомнится, что названные переводы суть продукты интеллектуальной дѣятельности сихъ авторовъ, результаты ихъ

умственнаго творчества. Тоже слѣдуетъ сказать о переводахъ прозаическихъ сочиненій.

Впрочемъ, Вехтеръ (ibid. стр. 206 и сл.) старается опровергнуть всѣ возраженія, какія дѣлали и могли бы быть сдѣланы противъ его соображеній, и вотъ какъ онъ объ нихъ говоритъ: «Противъ притязанія на *защиту* отъ неправомѣрнаго перевода выставляли опасенія, что вслѣдствіе монополіи автора въ отношеніи перевода послѣдній можетъ совсѣмъ не явиться, такъ какъ, напримѣръ, нѣмецкій издатель, который долженъ былъ бы заказать нѣмецкій переводъ англійскаго сочиненія, не былъ бы въ состояніи вознаградить и переводчика, и англійскаго писателя вмѣстѣ. Конечно, пока у него нѣтъ защиты, нѣтъ исключительнаго права, онъ этого сдѣлать не можетъ, потому что его прибыль могла бы поглотиться неопредѣленнымъ числомъ конкурирующихъ переводовъ. Но если авторъ оригинальнаго сочиненія можетъ доставить издателю перевода исключительность (т. е. юридическую защиту противъ всякой конкуренціи), то непонятно, почему издатель не могъ бы дать гонораръ автору и переводчику за переводъ хорошаго сочиненія (а плохія пусть и не появляются, это даже выгодно для общества), гонораръ, который, даже взятый вмѣстѣ, не превзойдетъ тотъ гонораръ, который онъ могъ бы предложить за столь же успѣшно сбиваемое оригинальное произведеніе.

«Другое опасеніе, что благодаря монополіи перевода, чужестранный авторъ возьметъ это дѣло на себя, и будучи незнакомъ съ языкомъ, на который желаетъ перевести, онъ въ тщеславномъ самообольщеніи пуститъ въ продажу только плохой переводъ своего сочиненія. Но и это опасеніе несостоятельно; такого автора удержитъ отъ этого предпріятія, если не совѣсть и общественные интересы, то во всякомъ случаѣ соображенія, касающіяся его имени, личныхъ интересовъ и ударовъ критики».

Противъ этихъ доводовъ Вехтера можно только замѣтить, что они чисто практическаго свойства и ничего общаго съ

юридической стороной обсуждаемаго вопроса не имѣютъ; да еслибъ даже съ практической точки зрѣнія ихъ можно было бы назвать основательными, въ чемъ однако же ежедневный опытъ заставляетъ сомнѣваться, то и тогда они не въ состояніи были бы измѣнить указанное выше юридическое существо переводовъ.

Самостоятельное юридическое значеніе приписывается переводамъ большинствомъ писателей по нашему институту. Такъ даже самъ *Вехтеръ* въ другомъ сочиненіи о томъ же предметѣ [72]), прямо говоритъ, что «переводъ есть во всякомъ случаѣ литературное произведеніе, хотя главный составъ его, подобно копіи, заимствованъ изъ переведеннаго оригинала». Іолли, который особенно скептически относится къ праву литературной собственности вообще, о переводахъ однако выражается слѣдующимъ образомъ: [73]) «Переводы чужихъ сочиненій суть всегда самостоятельные труды, а слѣдовательно подлежатъ запрещенію контрафакціи. Хотя, выражаясь неточно, фигурно, трудъ переводчика въ сравненіи съ трудомъ первоначальнаго автора можно назвать механическимъ, т. е. такимъ, который требуетъ гораздо меньше умственныхъ способностей, чѣмъ послѣдній, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ для него достаточно умственныхъ силъ и познаній низшаго разбора, но все-таки переводчикъ проявилъ самостоятельную умственную дѣятельность, хотя быть можетъ невысокаго достоинства, и созданное имъ, т. е. передача уже прежде существовавшаго умственнаго продукта на иномъ языкѣ, чѣмъ на какомъ онъ былъ выраженъ первоначально, есть его собственное произведеніе на томъ же основаніи и по тѣмъ же соображеніямъ, по какимъ названный продуктъ въ его первоначальномъ видѣ есть произведеніе его перваго творца. Такъ какъ сообразно этому переводъ по существу своему есть самостоятельная работа, а не просто механическое повтореніе

---

[72]) Das Verlagsrecht T. I стр. 168.
[73]) Die Lehre vom Nachdruck, стр. 152.

чужаго произведенія, то конкретныя обстоятлельства, при коихъ переводъ сдѣланъ, не могутъ имѣть значенія...» Такого же мнѣнія держится *Бланъ*[74]), *Ренуаръ*[75]), ссылающіеся въ доказательство самостоятельнаго значенія переводовъ на судебную практику, а также *Фридлендеръ*[76]). Еще рѣшительнѣе выражается въ этомъ смыслѣ *Крамеръ*[77]) «Переводъ, говоритъ онъ, есть не механическая, а умственная дѣятельность, потому что она простирается не на самую внѣшнюю форму сочиненія, а на его истинную форму, на слова, чрезъ которыя оно перестаетъ быть мыслью, а становится опредѣленною рѣчью, а также потому, что чрезъ посредство словъ переводъ касается и мыслей и захватываетъ все внутреннее содержаніе сочиненія».

Но переводчикъ, передавшій чужія мысли на своемъ языкѣ, не пріобрѣтаетъ тѣмъ самымъ привилегіи запрещать другимъ дѣлать то же самое; право его простирается только на его переводъ и лишь полная или частичная перепечатка этого послѣдняго можетъ составить нарушеніе его права. На этомъ основаніи не можетъ быть возбранено дѣлать съ того же оригинала новые переводы, какъ бы это убыточно ни было для переводчика. Эта свобода настолько безусловна, что даже самъ авторъ оригинала въ сущности не можетъ полагать ей никакого предѣла. И въ самомъ дѣлѣ, издавая свое сочиненіе въ свѣтъ, онъ тѣмъ самымъ открываетъ всякому читателю дѣйствительную возможность пользоваться его мыслями, на сколько онѣ проявились въ его твореніи; за нимъ остается только право на ихъ внѣшнюю оболочку, на ихъ форму, и ее-то онъ одинъ только можетъ имущественно эксплуатировать въ любомъ видѣ.

---

[74]) Traité de la contrefaçon стр. 50 и сл. Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 177) онъ утверждаетъ, что переводъ есть тоже контрафакція и въ противность прямому смыслу закона полагаетъ, что переводы французскимъ закономъ безусловно запрещены.

[75]) Traité des droits d'auteurs т. II, стр. 99 и сл.

[76]) Der einheim. etc. Rechtsschutz gegen Nachdruck стр. 42.

[77]) Die Rechte der Schriftsteller und Verleger стр. 102.

Выше было показано, что переводъ есть лишь пользованіе мыслями оригинала, а не его формою, что онъ передаетъ содержаніе оригинала, хотя въ той же системѣ и послѣдовательности, въ какихъ оно изложено въ оригиналѣ, но совершенно инымъ языкомъ и иными литературными оборотами рѣчи; а потому его отнюдь нельзя причислить къ механическому воспроизведенію чужаго сочиненія. А если такъ, то переводчику нѣтъ никакой надобности испрашивать предварительнаго согласія автора оригинала на переводъ послѣдняго, и запрещеніе свободы перевода было бы равносильно запрещенію одного изъ видовъ пользованія чужими мыслями. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ пололожительныхъ законодательствъ, исходя изъ невѣрнаго начала, что авторское право есть льгота, дарованная государствомъ авторамъ въ возмездіе за ихъ труды и въ поощреніе ихъ къ дальнѣйшимъ работамъ, сочли возможнымъ поставить свободу перевода въ извѣстныя рамки, переступленіе которыхъ, въ силу предписанія закона, имѣетъ значеніе нарушенія авторскаго права и разсматривается какъ контрафакція. Подобныя постановленія ведутъ лишь къ отрицательнымъ результатамъ и вовсе не достигаютъ предначертанной для нихъ цѣли. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ писатели вовсе не пользуются этою дарованною имъ льготой, и вслѣдствіе того для иностранной публики на нѣсколько лѣтъ отодвигается возможность ознакомиться съ новыми произведеніями въ области знанія. Сущность дѣла нисколько не измѣнится и въ томъ случаѣ, когда авторъ вмѣстѣ или непосредственно за изданіемъ своего оригинала издастъ и переводъ съ него; въ этомъ случаѣ онъ является творцомъ двухъ оригиналовъ одного и того же содержанія; онъ издаетъ какъ бы два самостоятельныхъ сочиненія, изъ коихъ каждое принадлежитъ ему на правѣ собственности, и самовольная перепечатка того или другаго изъ нихъ явится безспорнымъ посягательствомъ на его авторское право. Тѣмъ не менѣе и тутъ за каждымъ сохраняется безусловное право передавать оба эти оригинала на иныхъ языкахъ, лишь бы эта пере-

дача не имѣла видъ тожественнаго воспроизведенія оригинала, въ каковомъ случаѣ явится законная презумція въ пользу контрафакціи. Пояснимъ это примѣромъ. Данный писатель, предположимъ, издалъ свое сочиненіе на русскомъ и французскомъ языкахъ; въ этомъ случаѣ каждый имѣетъ право переводить его книгу не только на нѣмецкій, англійскій и другіе языки, но и на французскій и русскій, лишь бы только такой переводъ не имѣлъ полнаго наружнаго сходства съ французскимъ или русскимъ оригиналомъ или не представлялъ собою только незначительныхъ уклоненій отъ послѣдняго, маскирующихъ контрафакцію. Это правило имѣетъ даже весьма важныя практическія выгоды. Уже выше даже Вехтеръ указывалъ, что переводъ, сдѣланный самимъ авторомъ, можетъ оказаться не только посредственнымъ, но и совершенно неудовлетворительнымъ, такъ что по немъ нельзя будетъ составить себѣ объ оригиналѣ даже приблизительно вѣрнаго представленія, и вслѣдствіе того иностранная публика надолго лишится возможности пользоваться его, быть можетъ, прекраснымъ сочиненіемъ. При полной же свободѣ перевода это неудобство устраняется само собою: французскій оригиналъ можетъ быть передаваемъ каждымъ желающимъ на русскій языкъ, и наоборотъ, русскій на французскій языкъ; въ томъ и другомъ случаѣ авторское право останется неприкосновеннымъ, если только будетъ сдѣланъ дѣйствительный переводъ, а не копія съ одного изъ оригиналовъ.

Разсмотрѣвъ переводы со стороны теоретической, переходимъ къ постановленіямъ объ нихъ положительныхъ законодательствъ. По принятой нами системѣ мы начнемъ съ законодательства *съверо-германскаго*. Спеціально переводамъ посвященъ весь шестой параграфъ закона 11 іюня 1870 г. Вотъ его содержаніе: «Переводы безъ согласія автора оригинальнаго сочиненія считаются контрафакціею: a) когда съ сочиненія, впервые появившагося на одномъ изъ мертвыхъ языковъ, будетъ изданъ переводъ на одномъ изъ живыхъ языковъ; b) когда съ сочиненія, одновременно

изданнаго на различныхъ языкахъ, будетъ сдѣланъ переводъ на одномъ изъ этихъ языковъ; c) когда авторъ оставилъ за собою право перевода, обозначивъ это на заглавномъ листѣ или въ началѣ сочиненія, причемъ предполагается, что изданіе удержаннаго такимъ образомъ за собою перевода будетъ начато въ теченіе одного года по появленіи оригинальнаго сочиненія и окончено въ теченіе трехъ лѣтъ. Календарный годъ, въ который появилось оригинальное сочиненіе, не принимается въ разсчетъ. При оригинальныхъ произведеніяхъ, появляющихся въ нѣсколькихъ томахъ или раздѣлахъ, всякій томъ или всякій раздѣлъ разсматривается по смыслу этого параграфа какъ особое сочиненіе, и удержаніе за собою права перевода должно быть повторено на каждомъ томѣ или раздѣлѣ. При драматическихъ произведеніяхъ переводъ долженъ появиться вполнѣ въ теченіи шести мѣсяцевъ, считая со дня изданія оригинала. Начало или конецъ перевода должны быть заявлены въ означенные сроки для внесенія въ списки (Eintragsrolle § 39 и сл.), въ противномъ случаѣ защита противъ новыхъ переводовъ погашается. Переводъ еще неотпечатаннаго, защищаемаго отъ контрафакціи сочиненія (§ 5 lit. a. b.) считается контрафакціею. Переводы подобно оригинальнымъ произведеніямъ пользуются защитою этого закона отъ контрафакціи».

Въ поясненіе къ пункту *a* этого параграфа, Дамбахъ[78]) приводитъ выдержку мотивовъ къ проекту этого закона. «Такъ называемые мертвые языки, сказано тамъ, не имѣютъ географической области. Сочиненіе, появившееся на одномъ изъ нихъ, предназначается для тѣхъ классовъ лицъ всѣхъ странъ, кои по своимъ познаніямъ способны понять его. Переводы такихъ сочиненій обращаются къ тѣмъ же классамъ лицъ, но лишь по устраненіи нѣкоторыхъ неудобствъ, и потому конкурируютъ съ составленнымъ на мертвомъ языкѣ оригиналомъ въ продажѣ. Такъ какъ переводы

[78]) Цитированное выше сочиненіе стр. 64 и сл.

съ мертваго языка на живой наносятъ всегда ущербъ оригиналу, то они должны быть запрещены».

Того же мнѣнія держится и *Вехтеръ*[79]), выражаясь на этотъ счетъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ дѣйствительности здѣсь имѣется ничто иное, какъ размноженіе безъ всякаго собственнаго авторства переводчика; ибо изданное на мертвомъ языкѣ сочиненіе нѣмца по большей части задумано на нѣмецкомъ языкѣ и разсчитано на нѣмецкихъ читателей. Въ послѣднемъ отношеніи переводъ непосредственно конкурируетъ съ оригиналомъ... Такой переводъ есть та же контрафакція, авторъ же очевидно имѣлъ въ виду здѣсь правовую область только своего государства, такъ какъ таковой для мертвыхъ языковъ не существуетъ.

«Подъ мертвыми языками, объясняетъ далѣе Дамбахъ, слѣдуетъ разумѣть тѣ языки, кои нѣкогда были природными языками нынѣ исчезнувшихъ или вымершихъ народовъ и на коихъ въ настоящее время ни одинъ народъ не говоритъ уже какъ на своемъ родномъ или мѣстномъ языкѣ, хотя бы ими пользовались еще ученые или отдѣльные классы народа. Таковы суть языки: халдейскій, еврейскій, древнегреческій и латинскій».

Примѣненіе географіи къ сочиненіямъ на древнихъ языкахъ должно быть названо вполнѣ неудачнымъ; придерживаясь его, слѣдовало бы запретить всякіе переводы на какой бы то ни было языкъ, такъ какъ произведенія литературы, въ особенности научныя, тоже не имѣютъ никакихъ географическихъ границъ. Науки и ихъ произведенія принадлежатъ не отдѣльнымъ народамъ, а всему человѣчеству, и только благодаря его общимъ усиліямъ онѣ зарождаются, ростутъ, развиваются и совершенствуются. Народы, не знающіе другой литературы и другихъ ученыхъ, кромѣ своихъ отечественныхъ, обыкновенно обрекаютъ себя на неподвижность и застой и служатъ лишь сырымъ мате-

---

[79]) Das Verlagsrecht т. II стр. 570 прим. 39.

ріаломъ для народовъ болѣе цивилизованныхъ. Давая вѣсъ приведенному мнѣнію редакторовъ сѣверогерманскаго закона, а равно доводамъ Вехтера, пришлось бы прійдти къ заключенію, что переводы всѣхъ сочиненій, написанныхъ, напримѣръ, русскими учеными на иностранныхъ языкахъ, должны быть запрещены, ибо и относительно этихъ ученыхъ можно съ полнымъ основаніямъ сказать, что они задумали свои сочиненія на своемъ родномъ языкѣ и разсчитывали между прочимъ на русскихъ читателей. Но положительному праву нѣтъ никакого дѣла до того, на какомъ языкѣ задумано и обдумано сочиненіе и на какихъ читателей оно разчитано; оно знаетъ лишь внѣшній фактъ появленія сочиненія въ свѣтъ и принадлежность этого сочиненія опредѣленному лицу; на немъ лежитъ потому обязанность постановить, что изъ этого факта вытекаетъ право собственности автора на это именно сочиненіе и что самовольная перепечатка только этого сочиненія есть посягательство на чужое право; а такъ какъ переводъ есть не перепечатка, а передѣлка сочиненія, предполагающая умственный трудъ, то на него право автора оригинальнаго сочиненія вовсе не простирается, если переводъ сдѣланъ не имъ самимъ, а другимъ лицомъ [80]).

Что же касается того, на какомъ языкѣ написано сочиненіе, на древнемъ или новомъ, то это для положительнаго права есть дѣло совершенно постороннее. Неосновательность названнаго постановленія ясна уже изъ того, что переводъ съ одного мертваго языка на другой мертвый же, по смыслу закона, разрѣшается [81]). Но вѣдь и къ этому случаю до-

---

[80]) Столь же рѣшительно высказывается противъ этого постановленія *Іолли* (dieLehehre vom Nachdruck стр. 152 и 153), называя его прямо противнымъ принципу, „не потому говоритъ онъ, что обыкновенно переводъ причиняетъ автору относительно небольшой имущественный вредъ и не потому, что авторъ вѣроятно не сдѣлаетъ перевода и обыкновенно его не дѣлаетъ, но потому, что переводъ есть дѣйствительно самостоятельное новое творчество“.

[81]) См. *Dambach* тамъ же стр. 66. Ср. также *Вехтера* das Autorrecht стр. 208.

воды, изложенные въ указанныхъ мотивахъ, имѣютъ полное примѣненіе. Относительно такого перевода можно тоже сказать, что онъ конкурируетъ въ продажѣ съ оригиналомъ и всегда наноситъ ущербъ авторскому праву сочинителя оригинала. На какомъ же основаніи изымать этотъ случай отъ запрещенія перевода? Ужъ не потому ли, что переводъ на мертвый языкъ дается гораздо труднѣе, чѣмъ переводъ на одинъ изъ живыхъ языковъ? Едва ли однако подобное соображеніе должно руководить законодателемъ, регулирующимъ взаимныя гражданскія отношенія по ихъ внѣшнему составу, а не по внутреннимъ качествамъ.

Переходя затѣмъ къ пункту *b*, мы должны повторить, что если авторъ издаетъ свое сочиненіе на нѣсколькихъ языкахъ одновременно, причемъ онъ на каждомъ изъ этихъ языковъ воспроизводитъ одно и тоже сочиненіе, то онъ становится авторомъ нѣсколькихъ оригиналовъ. Переводъ одного изъ этихъ оригиналовъ, въ силу сказаннаго выше о переводахъ вообще, можетъ быть сочтенъ нарушеніемъ авторскаго права только тогда, когда онъ вполнѣ воспроизводитъ другой оригиналъ на томъ же языкѣ, на какомъ сдѣланъ переводъ. Въ противномъ случаѣ, т. е. когда переводъ представляется работою вполнѣ самостоятельною, о конрафакціи и рѣчи быть не можетъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя одобрить приведеннаго постановленія подъ буквою *b*, запрещающаго подобные переводы вообще. Впрочемъ Дамбахъ [82]) объясняетъ, что въ такихъ случаяхъ на основаніи пункта *c* за авторомъ сохраняется исключительное право перевода каждаго изъ такихъ оригиналовъ только тогда, когда авторъ удовлетворитъ означеннымъ тамъ условіямъ, такъ какъ сочиненіе, одновременно изданное авторомъ на разныхъ языкахъ, представляется оригинальнымъ на каждомъ изъ этихъ языковъ. Хотя, по свидѣтельству Дамбаха, таково именно было намѣреніе редакторовъ закона, но слѣдуетъ

---

[82]) Тамъ же стр. 67 и сл. См. также Вехтера в. п. с., стр, 208 и сл.

однако замѣтить, что оно недостаточно ясно выражено въ немъ, а внѣшняя форма его даетъ право на противоположное заключеніе.

Что касается остальныхъ пунктовъ приведеннаго параграфа, то они отчасти относятся къ формальной сторонѣ дѣла и представляютъ потому чисто мѣстный интересъ, отчасти же содержатъ въ себѣ общія начала, противъ которыхъ и спорить трудно. А потому подробное разсмотрѣніе ихъ здѣсь было бы совершенно излишне. Замѣтимъ только мимоходомъ, что требованіе внесенія въ списки, въ опредѣленные сроки, начала и конца перевода почти парализуетъ для иностраннаго автора возможность воспользоваться предоставляемою этимъ закономъ защитою отъ конкуренціи постороннихъ переводовъ. Авторъ, живущій внѣ Германіи, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ въ состояніи будетъ выполнить установленныя § 6-мъ формальности, вслѣдствіе чего намѣреніе закона оказать защиту всѣмъ вообще авторамъ, безъ различія національности и подданства, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не получитъ никакого осуществленія. Такимъ образомъ исключительное право перевода въ дѣйствительности явится только льготою для немногихъ счастливцевъ, которымъ случай дастъ возможность совершить требуемое закономъ внесеніе въ списки.

Въ нѣсколько лучшемъ видѣ представляются постановленія *австрійскаго закона* отъ 19 октября 1846 года, въ которомъ переводамъ посвященъ пунктъ с. § 5. «Не считается контрафакціею... переводъ появившагося литературнаго произведенія, сказано тамъ, и притомъ безъ различія языка; за исключеніемъ однако того случая, когда управомоченный (§ 1) выразилъ на заглавномъ листѣ или въ предисловіи къ оригинальному сочиненію, что удерживаетъ за собою право сдѣлать переводъ вообще или на извѣстный только языкъ; въ таковомъ случаѣ всякій переводъ, изданный въ теченіи года по появленіи оригинальнаго сочиненія безъ согласія самого автора оригинала или его юридическихъ преемни-

ковъ, разсматривается какъ запрещенная перепечатка. Если авторъ издалъ свое сочиненіе на нѣсколькихъ языкахъ одновременно, то каждое изъ этихъ изданій считается оригиналомъ.—Каждый правомѣрно появившійся переводъ защищается отъ контрафакціи, а изъ нѣсколькихъ переводовъ позже появившійся разсматриваются какъ контрафакція, если онъ вовсе не отличается отъ прежнихъ или отличается отъ нихъ только незначительными измѣненіями».

Въ этомъ законѣ не можетъ быть одобрено только то распоряженіе, по коему автору предоставляется оставлять за собою исключительное право перевода и притомъ на неопредѣленное время. Оно не только противорѣчитъ принципу полной свободы перевода, основанія коего объяснены уже выше, но на практикѣ можетъ препятствовать распространенію общеполезныхъ книгъ, доступныхъ массѣ читателей только на ихъ родномъ языкѣ. Къ тому же и самому автору оригинала оно лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ принести какую-либо имущественную пользу. Живя въ другой странѣ, разсчитывая на туземныхъ читателей и стараясь удовлетворить интересамъ и потребностямъ только своего отечества, онъ обыкновенно ограничивается своимъ роднымъ языкомъ. Ему, по большей части, неизвѣстны потребности, взгляды, вкусы и убѣжденія жителей другихъ странъ, а потому онъ считаетъ рискованнымъ для своихъ личныхъ интересовъ предлагать свое сочиненіе на ихъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что переводъ на иностранномъ языкѣ требуетъ отличнаго знакомства съ этимъ языкомъ и умѣнія владѣть имъ практически и сопряженъ съ довольно значительными расходами, въ возвращеніи коихъ авторъ ничѣмъ не обезпеченъ. Правда, онъ рискуетъ и въ своемъ отечествѣ; но тутъ у него есть возможность контролировать сбытъ и преслѣдовать контрафакцію, между тѣмъ, какъ для такого же контроля и преслѣдованія въ заграничныхъ государствахъ ему необходимо было бы совершать частыя поѣздки туда или имѣть тамъ своихъ агентовъ.

Во *Франціи* никакихъ спеціальныхъ постановленій от-

носительно переводовъ не имѣется, но судебная практика, по свидѣтельству Блана [83]) и Ренуара [84]), считаетъ переводъ самостоятельнымъ произведеніемъ, самовольная перепечатка коего запрещается на общемъ основаніи.

Что касается исключительнаго права дѣлать переводы съ оригинала, то оно въ силу конвенціи 3 ноября 1851 года, заключенной между Франціею и Англіей, взаимно гарантировано за французскими и англійскими оригинальными авторами подъ нижеслѣдующими условіями [85]). «Ст. 2. Защита, которою пользуются сочиненія оригинальныя, распространяется на переводы.— Само собою разумѣется, что настоящая статья имѣетъ своимъ предметомъ только защиту переводчика относительно его собственнаго перевода, а не предоставленіе исключительнаго права перевода первому переводчику какого-либо сочиненія, кромѣ случая и предѣловъ, предусмотрѣнныхъ нижеслѣдующею статьею.

«Ст. 3. Авторъ всякаго изданнаго въ Англіи или Франціи сочиненія, который пожелаетъ сохранить за собою свое право перевода, пользуется въ теченіе 5 лѣтъ, считая со дня перваго изданія разрѣшеннаго имъ перевода его сочиненія, привилегіею защиты отъ изданія въ другой изъ договаривающихся странъ всякаго неразрѣшеннаго имъ перевода того же сочиненія, и притомъ подъ слѣдующими условіями: 1) Оригинальное сочиненіе должно быть занесено въ одной изъ этихъ странъ въ списки съ представленіемъ, куда слѣдуетъ, предписаннаго количества экземпляровъ въ трехмѣсячный срокъ, со дня перваго изданія въ *другой странѣ*; 2) авторъ долженъ обозначить въ началѣ своего сочиненія намѣреніе сохранить за собою право перевода; 3) названный переводъ или, по крайней мѣрѣ, часть его должны быть изданы въ годичный срокъ, считая

---

[83]) *Блан* в. п. с., стр. 50.

[84]) *Ренуаръ* в. п. с., т. II, стр. 99 и сл.

[85]) *Laboulaye* Etudes sur la propriété littéraire. Appendice, стр. 184 и сл. *Blan* в. п. с., стр. 22 и сл.

со дня внесенія въ списки и предетавленія, куда слѣдуетъ, положеннаго количества экземпляровъ, а весь переводъ въ теченіе трехъ лѣтъ отъ того же дня; 4) переводъ долженъ быть изданъ въ одномъ изъ указанныхъ двухъ государствъ и внесенъ въ списки съ представленіемъ сказанныхъ экземпляровъ, согласно предписаніямъ статьи 8 [86]). Относительно сочиненій, изданныхъ выпусками, достаточно, чтобы заявленіе автора о намѣреніи его сохранить за собою право перевода, было выражено въ первомъ выпускѣ. — Во всякомъ случаѣ, что касается пятилѣтняго срока, назначае-

---

[86]) Ст. 8. Авторы и переводчики, а равно ихъ представители и юридическіе преемники, законно обозначенные, имѣютъ въ томъ или другомъ изъ договоривающихся государствъ право на выговоренную въ предыдущихъ статьяхъ защиту, и ихъ авторское право не можетъ быть тамъ оспорено только послѣ того, какъ сочиненіе будетъ внесено въ списки слѣдующимъ порядкомъ. 1-е Если сочиненіе появилось впервые во Франціи, то оно должно быть занесено въ списки въ камерѣ корпораціи книгопродавцевъ (stationer's hall) въ Лондонѣ; 2-е Если же оно впервые появилось въ государствахъ Е. В. королевы Великобританской, то оно должно быть занесено въ бюро книжной торговли, состоящее при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ Парижѣ.

Вышеназванную защиту пріобрѣтаетъ только тотъ, кто неукоснительно соблюдаетъ дѣйствующіе въ томъ или другомъ изъ договаривающихся государствъ законы и регламенты, относящіеся къ сочиненію, для котораго защита будетъ требоваться.

Для книгъ, картъ, эстамповъ или музыкальныхъ произведеній вышесказанная защита пріобрѣтается лишь тогда, когда безвозмездно будетъ доставлено въ одно изъ вышеозначенныхъ депо по одному экземпляру лучшаго изданія или въ лучшемъ видѣ; экземпляры эти предназначаются для храненія въ каждомъ изъ обоихъ государствъ, въ указанныхъ для того мѣстахъ, т. е. во Франціи въ Парижской Національной библіотекѣ, а въ Великобританіи въ Лондонскомъ Британскомъ музеѣ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ формальности представленія экземпляровъ сочиненія въ другой странѣ и внесенія въ списки должны быть выполнены въ три мѣсяца, слѣдующіе за первымъ изданіемъ. По отношенію къ сочиненіямъ, издаваемымъ выпусками, теченіе этого трехмѣсячнаго срока начинается только съ изданія послѣдняго выпуска и т. д.

Въ протоколѣ ратификаціи этой конвенціи, составленномъ 8 января 1852 года, между прочимъ сказано, что обозначенное въ 5-й статьѣ конвенціи запрещеніе перепечатки и перевода статей, помѣщаемыхъ въ журналахъ и періодическихъ сборникахъ, не распространяется на статьи политическаго содержанія.

маго этою статьею для осуществленія привилегированнаго права перевода то всякій выпускъ долженъ разсматриваться, какъ отдѣльное сочиненіе; каждый изъ нихъ указаннымъ порядкомъ долженъ быть внесенъ въ списки одного изъ обоихъ государствъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со времени перваго изданія въ другомъ государствѣ.

«Ст. 4. Чтобъ получить право законной защиты для перевода драматическаго сочиненія, авторъ долженъ издать свой переводъ чрезъ три мѣсяца послѣ вышеозначеннаго внесенія въ списки и представленія экземпляровъ...

«Ст. 5. Не взирая на статьи 1 и 2 настоящей конвенціи, статьи, извлеченныя изъ журналовъ или періодическихъ сборниковъ, издаваемыхъ въ одномъ изъ обоихъ государствъ, могутъ быть воспроизводимы или переводимы въ журналахъ или періодическихъ сборникахъ другаго государства, если въ нихъ будетъ указанъ источникъ заимствованія. Дозволеніе это не распространяется на воспроизведеніе, въ одномъ изъ обоихъ государствъ, статей, помѣщенныхъ въ издаваемыхъ въ другомъ изъ этихъ государствъ журналовъ или періодическихъ сборниковъ, когда авторы статей очевиднымъ образомъ обозначатъ въ самихъ этихъ журналахъ или сборникахъ, что они запрещаютъ переводить эти статьи».

Такимъ образомъ авторъ для того, чтобы получить исключительное право въ теченіе какихъ-нибудь пяти лѣтъ продавать свой переводъ въ Англіи или Франціи, обязанъ не только обозначить на самомъ своемъ сочиненіи намѣреніе воспользоваться этимъ правомъ, но долженъ еще пройдти чрезъ дефилеи стѣснительныхъ формальностей и выпустить начало своего перевода въ свѣтъ не позже одного года со дня выполненія ихъ. По нашему мнѣнію, было бы несравненно цѣлесообразнѣе, отбросивъ всѣ эти тормазы, могущіе отбить всякую охоту воспользоваться предоставляемою этою конвенціею краткосрочною льготой, объявить переводъ съ иностранныхъ сочиненій дозволеннымъ и тѣмъ самымъ отказаться отъ компромиссовъ, обязанныхъ своимъ

происхожденіемъ невѣрному пониманію истиннаго существа переводнаго труда. Требуемыя конвенціею формальности такого свойства, что въ окончательномъ результатѣ онѣ точно также приводятъ къ свободѣ перевода. Въ самомъ дѣлѣ, какой, напримѣръ, французскій авторъ оригинальнаго сочиненія рѣшится ѣхать въ Англію, непосредственно за изданіемъ своего сочиненія во Франціи, и подвергнуть себя тамъ прохожденію различныхъ очистительныхъ формальностей, когда онъ еще не знаетъ, какъ будетъ принято его сочиненіе не только въ Англіи, но и въ самой Франціи? Вѣдь въ теченіе трехъ мѣсяцевъ оно не всегда даже становится извѣстнымъ публикѣ. Интересъ къ нему возрастаетъ въ обществѣ по мѣрѣ надлежащей оцѣнки его со стороны критики, а въ такой короткій срокъ критика едва ли можетъ успѣть высказаться.

Переходя затѣмъ къ *Англіи*, слѣдуетъ сказать, что въ общемъ законѣ о литературной собственности, неоднократно цитированномъ выше, о переводахъ вовсе не упомянуто. Зато о нихъ довольно опредѣленно говорится, кромѣ только что приведенной конвенціи съ Франціею, въ актѣ отъ седьмаго и восьмаго годовъ царствованія королевы Викторіи, гл. 12, изданномъ 10 мая 1844 года, а равно въ актѣ отъ пятнадцатаго и шестнадцатаго годовъ ея же царствованія [87]), гл. 12. Въ первомъ изъ названныхъ актовъ переводамъ посвящено лишь нѣсколько словъ (ст. XVIII). «Ни одна изъ оговорокъ настоящаго акта, сказано тамъ, не должна быть толкуема въ смыслѣ воспрепятствованія напечатанію, изданію или продажѣ перевода такой книги, авторъ или издатель которой можетъ быть призванъ къ пользованію выгодами настоящаго акта». Во второмъ актѣ о переводахъ говорится въ ст. XI слѣдующее: «Принимая во вниманіе, что указомъ Совѣта и въ силу акта о международномъ правѣ собственности на произведенія литературы и искуства, ея величество повелѣла уже привести въ исполненіе нѣкоторыя

[87]) См. *Laboulaye*, „Etudes“, стр. 181 и сл.; 197 и сл.

постановленія, содержащіяся въ сказанной конвенціи съ французскою республикою и что крайне необходимо, чтобы касающіяся ея величества постановленія означенной конвенціи были исполнены по изданіи этого акта безъ всякаго указа Совѣта: симъ постановлено, что во все продолженіе сказанной конвенціи и во все время дѣйствія указа Совѣта, изданнаго уже вслѣдствіе означеннаго акта о международномъ правѣ литературной собственности, вышепомянутыя постановленія должны примѣняться къ сказанной конвенціи и къ переводамъ книгъ и драматическихъ произведеній, кои по изданіи настоящаго акта будутъ изданы и поставлены на сцену во Франціи... и вмѣстѣ повелѣвается, чтобы такіе переводы были защищаемы... въ теченіе пяти лѣтъ со дня перваго изданія или перваго представленія на сценѣ», съ условіемъ внесенія ихъ въ списки въ трехмѣсячный срокъ, какъ это было объяснено выше, и представленія одной копіи въ Британскій Музей. Въ ст. XII того же акта королевѣ дается право путемъ указа Сената постановить, что авторы изданныхъ за границею сочиненій могутъ въ теченіи извѣстнаго срока, не превышающаго однако пяти лѣтъ, воспрепятствовать всякому изданію перевода ихъ сочиненій, сдѣланному безъ ихъ согласія. Статья VII этого акта касается также перевода журнальныхъ статей и выражается на этотъ счетъ слѣдующимъ образомъ: «Не взирая на распоряженія, содержащіяся въ актѣ о международномъ правѣ литературной собственности или въ настоящемъ актѣ, всякая политическая статья, изданная за границею въ журналѣ или періодическомъ обозрѣніи, можетъ быть перепечатываема или переводима въ Англіи во всякомъ журналѣ или періодическомъ обозрѣніи, подъ условіемъ указанія источника; а равно всякая статья, трактующая о другомъ предметѣ и изданная сказаннымъ образомъ, можетъ быть перепечатываема и переводима съ указаніемъ источника, если авторъ формально не заявилъ, что удерживаетъ за собою право собственности, равно какъ и право перевода, и притомъ не заявилъ объ этомъ на видномъ мѣ-

стѣ журнала или періодическаго обозрѣнія, гдѣ статья впервые напечатана; при наличности такого заявленія подобная статья, не подвергаясь формальностямъ, установленнымъ въ предыдущемъ отдѣлѣ, получаетъ такую же защиту, какъ и авторы книгъ, въ силу акта о международномъ правѣ литературной собственности или въ силу настоящихъ актовъ».

Что касается *Россіи*, то нашъ цензурный уставъ въ цѣломъ рядѣ статей (282—284, 286—288, 290, 292, 295 и 296) признаетъ за переводами значеніе самостоятельнаго литературнаго произведенія и защищаетъ ихъ отъ контрафакціи наравнѣ съ оригинальными сочиненіями. Но придавая имъ такое значеніе вообще, уставъ посвящаетъ имъ спеціально двѣ статьи, въ коихъ содержатся нѣкоторыя ограниченія права перевода, равно какъ и дается внѣшнее мѣрило для опредѣленія наличности самовольной перепечатки чужаго перевода; это именно статьи 302 и 300. Первая изъ нихъ дословно выражается такимъ образомъ: «Книга, перепечатанная въ Россіи, можетъ быть издана въ переводѣ на какой-либо другой языкъ, только безъ приложенія оригинальнаго текста. Сочинители такихъ книгъ, для которыхъ были необходимы особенныя ученыя изысканія, имѣютъ исключительное право на изданіе оныхъ въ Россіи и на другихъ языкахъ; но о намѣреніи своемъ воспользоваться симъ правомъ они должны объявить при изданіи оригинальной книги и выдать свой переводъ до истеченія двухъ лѣтъ со времени полученія позволительнаго изъ цензуры билета на выпускъ подлинника. При несоблюденіи сихъ условій, изданіе оной книги въ переводѣ оставляется на волю каждаго».

Статья эта можетъ быть разбита на двѣ части, изъ коихъ въ первой содержится правило, а во второй исключеніе изъ него. По правилу, всякая книга, перепечатанная въ Россіи, можетъ быть свободно издаваема въ переводѣ на другой языкъ всякимъ желающимъ. Употребленное въ законѣ слово *перепечатанная* прямо указываетъ, что авторы тѣхъ книгъ, кои впервые изданы въ Россіи, въ правѣ за-

претить изданіе ихъ сочиненій въ нашемъ отечествѣ даже въ переводѣ на другой языкъ. Это право признается за ними безусловно и безъ особеннаго ограниченія во времени; за то у тѣхъ авторовъ, кои впервые издали свои произведенія за границей, право это отнимается, не взирая на происхожденіе и подданство автора. Исключеніе отсюда допущено лишь для ученыхъ произведеній; но чтобы воспользоваться этимъ исключеніемъ, авторамъ подобныхъ книгъ необходимо соблюсти слѣдующія условія: 1) имъ необходимо заявить о намѣреніи своемъ издать переводъ своей книги на иной языкъ; 2) заявленіе это должно быть сдѣлано при самомъ изданіи (конечно перепечатанной) оригинальной книги. Какимъ способомъ авторъ долженъ заявить объ этомъ намѣреніи, законъ не указываетъ; но соображаясь съ статьею 349, слѣдуетъ заключить, что намѣреніе это должно быть обозначено на перепечатанныхъ экземплярахъ; что касается мѣста книги, на которомъ должно послѣдовать это обозначеніе, то на этотъс четъ въ законѣ нѣтъ никакихъ указаній [88]). Между тѣмъ обстоятельство это вовсе немаловажно и можетъ породить кляузные иски; чтобы неблаговиднымъ образомъ воспользоваться выгодами означеннаго права, автору достаточно будетъ помѣстить свое заявленіе гдѣ нибудь въ срединѣ книги и этимъ способомъ ввести въ заблужденіе не вполнѣ осмотрительныхъ издателей. Случаи подобнаго рода тѣмъ болѣе возможны, что ученые не всегда издаютъ свои сочиненія сами, а уступаютъ это дѣло другимъ, для которыхъ оно лишь въ рѣдкихъ случаяхъ не играетъ роли коммерческаго предпріятія. Издатель-аферистъ, не брезгающій никакими средствами для наживы, не задумается обратить самый законъ въ орудіе для достиженія этой цѣли и тѣмъ заставить судъ постановить рѣшеніе, хотя и согласное съ закономъ, но противорѣчащее справедливости. 3) Авторы должны выдать собственный переводъ до истеченія двухъ лѣтъ со времени полученія позволитель-

[88]) См. также *Спасовича*, „Права авторскія и контрафакція“, стр. 63.

наго изъ цензуры билета на выпускъ подлинника. Такимъ образомъ соблюденіе этихъ условій абсолютно необходимо, такъ что одно изданіе перевода до истеченія означенныхъ двухъ лѣтъ, но безъ соблюденія первыхъ двухъ требованій, не даетъ автору никакого права преслѣдовать другихъ неуполномоченныхъ имъ переводчиковъ

Выводъ, что неуправомоченный переводъ изданныхъ впервые въ Россіи книгъ нашимъ цензурнымъ уставомъ воспрещенъ, можетъ показаться сомнительнымъ; но мы имѣемъ при этомъ въ виду, что законодателю не было бы надобности спеціально разрѣшать переводъ перепечатанныхъ книгъ, еслибъ онъ допускалъ переводъ книгъ вообще; въ этомъ послѣднемъ случаѣ ему достаточно было бы ограничиться второю частью приведенной статьи, начиная съ словъ: «Сочинители такихъ книгъ...» Мы конечно далеки отъ намѣренія одобрить подобное запрещеніе и уже выше по поводу аналогичныхъ постановленій другихъ законодательствъ указали, что считаемъ его нецѣлесообразнымъ, противорѣчащимъ принципу авторскаго права и даже вреднымъ для умственныхъ интересовъ общества. Мы полагаемъ, напротивъ того, что приведенная статья въ цѣломъ своемъ составѣ можетъ быть вычеркнута изъ устава не только безъ ущерба для самого дѣла, но даже съ пользою для него.

Смыслъ 300-й статьи совершенно ясенъ и не требуетъ никакихъ комментарій. Содержаніе ея слѣдующее: «Переводъ книги, уже переведенной, въ такомъ токмо случаѣ считается самовольнымъ изданіемъ, когда въ оном двѣ трети сряду выписано слово въ слово изъ прежнихъ переводовъ, на которые кто-либо еще имѣетъ право исключительной собственности». Само собою разумѣется, что тутъ подразумѣваются какъ переводы съ такихъ книгъ, кои обозначены въ предыдущей статьѣ, такъ и переводы, сдѣланные съ согласія автора оригинала. Переводы же книгъ, изданныхъ за границею, регулируются особыми трактатами, заключенными нашимъ правительствомъ съ правительствомъ иностранныхъ державъ. Такіе трактаты доселѣ змключаны

съ Франціею въ 1861 г. и съ Бельгіею въ 1862 г. (см. Приложеніе въ концѣ книги). За отсутствіемъ же таковыхъ эти книги могутъ быть свободно переводимы въ Россіи всякимъ желающимъ.

9. *Офиціальные акты и законы* [89]). Произведенія этого рода ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ выше разсмотрѣнныхъ объектовъ литературной собственности. Подобно имъ законы и иные офиціальные акты обязаны своимъ происхожденіемъ интеллектуальной дѣятельности одного или нѣсколькихъ лицъ, подобно имъ они имѣютъ внѣшнюю форму и могутъ быть предметомъ издательской эксплуатаціи. Тѣмъ не менѣе по намѣренію и цѣли ихъ составленія они не должны пользоваться никакою защитою отъ контрафакціи. Всѣ они предназначаются для полной гласности, разсчитаны на весь народъ, и если издаются въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ или публикуются въ опредѣленныхъ только журналахъ или газетахъ, то единственно для того, чтобы сдѣлать этой гласности починъ, вступить въ первый фазисъ ихъ распространенія среди народа, на который они исключительно разсчитаны. Изданіе ихъ вызывается не какою либо имущественною цѣлью или личнымъ интересомъ, а есть дѣло государственной необходимости. Правительство и его органы суть представители народа; они дѣйствуютъ отъ его имени и въ его интересахъ, и все, что они совершаютъ въ этомъ качествѣ, принадлежитъ не имъ, а всему народу. Справедливо говоритъ Вехтеръ, что законы и указы «суть воля государства, выраженная предъ обществомъ», и что воля эта «чрезъ обнародованіе должна стать общественнымъ достояніемъ, и потому не можетъ быть предметомъ индивидуально-исключительнаго права». Таково именно значеніе всевозможныхъ законодательныхъ актовъ, не исклю-

---

[89]) См. о нихъ *Клостермана*, das geistige Eigenthum стр. 151, его же das Urheberrecht стр. 48—51, *Іолли* в. п. с. стр. 116—121, *Вехтера*, das Verlagsrecht т. 1 стр. 142—150, *его же* das Autorrecht стр. 54—57. *Дамбаха* в. п. с. стр. 91—95, *Гарума* в. п. с. стр. 86 и сл., *Фридлендера* в. п. с. стр. 32 *Блана* в. п. с. стр. 83 и сл., *Спасовича* в. п. с. стр. 38.

чая и международныхъ трактатовъ, таково же значеніе всѣхъ указовъ, административныхъ распоряженій, инструкцій, циркуляровъ, приказовъ по войскамъ, протоколовъ и официальныхъ объявленій, публикуемыхъ во всеобщее свѣдѣніе; такой же характеръ имѣютъ судебныя рѣшенія и другіе правительственные акты, если обнародованіе ихъ не воспрещено законами государства. Ни судьи, постановившіе рѣшеніе, ни административныя лица, составившія свои циркуляры, ноты, инструкціи и т. п. отнюдь не могутъ и не должны претендовать на авторское право по отношенію къ послѣднимъ. На этомъ основаніи всѣ подобные акты могутъ быть свободно перепечатываемы всякимъ желающимъ и распространяемы въ публикѣ любымъ способомъ, если при этомъ они воспроизводятся въ своемъ первоначальномъ видѣ и не подвергаются никакимъ искаженіямъ.

Запрещеніе свободной перепечатки законовъ и иныхъ официальныхъ актовъ было бы равносильно уничтоженію ихъ официальной природы и низведенію на степень частныхъ литературныхъ произведеній; оно имѣло бы также и вредныя практическія послѣдствія, лишая весьма многихъ ближайшей возможности ознакомиться съ государственною волею и сообразоваться съ нею въ сферѣ своихъ индивидуальныхъ дѣйствій. Афоризмъ: «никто не вправѣ отговариваться незнаніемъ закона» превратился бы въ истинный бичъ для огромнаго большинства населенія, неимѣющаго ни возможности, ни непосредственнаго побужденія пріобрѣтать официальныя изданія или тѣ газеты и журналы, въ которыхъ правительство обнародываетъ свою волю. Требуя безусловнаго исполненія послѣдней, само правительство запрещеніемъ перепечатки своихъ актовъ отнимало бы возможность къ такому исполненію и парализовало бы тѣмъ свою волю. Вотъ почему нельзя одобрить постановленія нѣкоторыхъ иностранныхъ законодательствъ, каковы австрійское, гессенское и баденское [90]), кои запрещаютъ безъ раз-

[90]) См. *Вехтера* das Verlagsrecht т. I, стр. 144 и сл. прим. 34 и 35.

рѣшенія правительства всякую перепечатку законовъ и офиціальныхъ актовъ.

Вопросъ нѣсколько усложняется, когда дѣло идетъ о различныхъ проектахъ, предложеніяхъ, мнѣніяхъ и отзывахъ, составленныхъ офиціальными или частными лицами и адресованныхъ правительству. Въ этихъ случаяхъ авторское право уничтожается не безусловно. Если такіе проекты, мнѣнія и т. д. войдутъ въ офиціальные акты въ качествѣ ихъ составныхъ частей, то самовольная перепечатка первыхъ не можетъ быть сочтена нарушеніемъ чужаго авторского права только тогда, когда вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ перепечатаны въ цѣломъ составѣ и сами офиціальные акты. Наоборотъ отдѣльная перепечатка ихъ для издательской эксплуатаціи явится несомнѣннымъ вторженіемъ въ чужое право и должно влечь за собою всѣ невыгодныя послѣдствія, сопряженныя съ такимъ вторженіемъ. Авторы подобныхъ произведеній предъявленіемъ ихъ правительству отнюдь не отказываются отъ своего авторскаго права на нихъ и отнюдь не выражаютъ намѣренія сдѣлать ихъ общественнымъ достояніемъ. Они или желаютъ оказать свое содѣйствіе правительству при преслѣдованіи имъ общеполезныхъ цѣлей, или удовлетворяютъ своему личному стремленію къ осуществленію той или другой изъ своихъ завѣтныхъ мыслей или желаній, или же наконецъ соединяютъ то и другое вмѣстѣ. Но ни то, ни другое, ни третье не могутъ служить достаточною презумціею въ пользу отказа ихъ отъ авторскаго права. Съ другой стороны правительство, дѣйствующее отъ имени общества и въ общественныхъ интересахъ, обязано обнародывать результаты своей дѣятельности во всемъ ихъ объемѣ, со всѣми деталями и потому не можетъ игнорировать различныя мнѣнія, отзывы, проекты и т. п., полученные имъ вслѣдствіе спеціальнаго приглашенія къ доставленію таковыхъ, или независимо отъ такого приглашенія. А такъ какъ всѣ правительственные акты во всемъ ихъ составѣ суть акты общественные, то и дословная перепечатка ихъ не должна подлежать никакимъ

ограниченіямъ. Авторы означенныхъ произведеній не могутъ поэтому требовать, чтобы въ ихъ пользу сдѣлано было отступленіе отъ основнаго принципа государственнаго управленія. Представляя свои произведенія общественной власти, авторы впередъ знали, или по крайней мѣрѣ, должны были знать, что произведенія эти будутъ опубликованы въ качествѣ составныхъ частей офиціальныхъ актовъ, а такъ какъ преспектива этого изданія все-таки не удержала ихъ отъ такого предъявленія, то отсюда логически вытекаетъ заключеніе, что они добровольно покорились предстоящему обнародованію ихъ сочиненій. Повторяемъ, перепечатка эта можетъ быть допущена только тогда, когда она простирается на весь офиціальный актъ, а не на отдѣльныя его части. Тоже должно сказать о проектахъ, представляемыхъ правительству офиціальными лицами, обязанными къ тому долгомъ своей службы. Къ нимъ примѣняется то, что было сказано выше относительно лекцій состоящихъ на жалованьи профессоровъ. Коль скоро проекты были ими доставлены, то лежащая на нихъ обязанность выполнена; правительство узнало и приняло въ соображеніе то, что ему необходимо было знать, но больше оно отъ нихъ въ этомъ отношеніи и требовать не можетъ; авторы ихъ являются здѣсь не въ качествѣ правительственныхъ органовъ, а въ качествѣ экспертовъ; слѣдовательно они не обязаны уступать свои часто весьма основательно и научно мотивированные проекты въ общее пользованіе. За ними такимъ образомъ остается безспорное право эксплуатировать составленныя этимъ способомъ произведенія на основаніяхъ авторскаго права. Сказанное о проектахъ можетъ быть распространено на мнѣнія и отзывы офиціальныхъ лицъ. Таковы въ главныхъ чертахъ воззрѣнія всѣхъ цитированныхъ выше писателей. Но не такъ думаетъ экономистъ Шефле [91]).

«Обыкновенно, говоритъ онъ, одной, приводимой въ пользу беззащитности этихъ продуктовъ, необходимости въ

---

[91]) См. *Клостермана*, das Urhebertrecht стр. 50.

ихъ распространеніи было бы недостаточно для оправданія этой беззащитности. Напротивъ того относительно ихъ нѣтъ никакого основанія къ вознагражденію авторскаго труда, а слѣдовательно и къ вознагражденію его чрезъ монопольную защиту; ибо авторами этихъ произведеній были официальныя, либо инымъ образомъ оплаченныя и не подлежащія болѣе оплатѣ со стороны издателя, либо дѣйствующія безъ разсчета на вознагражденіе продуктивныя силы: чиновники, судьи, адвокаты, народные депутаты, народные ораторы и т. д.; эти авторы, каковы, напримѣръ, парламентскіе ораторы, отчасти даже страстно желали контрафакціи. Поводомъ къ запрещенію контрафакціи служитъ не механическое распространеніе само по себѣ, но лишеніе справедливаго соціально-экономическаго вознагражденія, лишеніе, къ которому привело бы чисто механическое воспроизведеніе. Гдѣ къ такому вознагражденію нѣтъ основанія, тамъ не имѣетъ мѣста и защита противъ механическаго размноженія; по нашей теоріи беззащитность законовъ, указовъ и рѣчей есть чистѣйшее послѣдствіе правильно понимаемаго принципа защиты; къ чему же сюда искуственно приплетать путемъ монополіи премію вознагражденія или ренты».

Эта экономическая теорія, возражаетъ Вехтеръ [92]), «внесла бы въ обсужденіе данныхъ объектовъ воззрѣніе, чуждое праву и способное лишь спутать юридическое обсужденіе. Слѣдуя ей, было бы несправедливо лишать защиты служебную записку, если ея авторъ не получаетъ жалованья, а служитъ лишь изъ чести; но было бы также несправедливо преслѣдовать перепечатку университетскихъ записокъ (Kollegienhefte) и такихъ рѣчей, относительно коихъ имѣетъ мѣсто какой-либо гонораръ. Означенная экономическая теорія не только противорѣчитъ воззрѣніямъ нашего положительнаго права, но и по своимъ послѣдствіямъ совершенно неосновательна». Не станемъ останавливаться на мнѣніи Шефле, будто основаніе запрещенія контрафакціи заклю-

[92]) Das Autorrecht стр. 55 прим. 8.

чается въ стремленіи сохранить за авторомъ причитающееся ему вознагражденіе; уже выше достаточно было доказано, что вознагражденіе при этомъ запрещеніи не играетъ никакой роли, а что вся суть тутъ въ неприкосновенности частной собственности, которую авторъ пріобрѣтаетъ на свое произведеніе путемъ акта собственнаго творчества.

Но если законы, указы, циркуляры и т. п. офиціальные акты сами по себѣ не могутъ подлежать ничьей частной собственности, если свободная перепечатка ихъ прямо вытекаетъ изъ акта ихъ происхожденія, то это еще не исключаетъ возможности превращать ихъ въ матеріалъ для частнаго авторскаго права. Разработка офиціальныхъ актовъ, снабженіе ихъ примѣчаніями и комментаріями, извлеченіе изъ нихъ общихъ началъ и правилъ, коими слѣдуетъ руководиться въ практической дѣятельности, сопоставленіе и сличеніе различныхъ законовъ между собою, самостоятельная систематизація и группировка ихъ, все это предполагаетъ интеллектуальный трудъ, который имѣетъ такое же право на защиту отъ контрафакціи, какъ и всякій иной литературный трудъ. А потому всякаго рода частные сборники офиціальныхъ актовъ, если только они представляютъ не одну голую перепечатку, имѣютъ право на юридическую защиту, и самовольное механическое воспроизведеніе ихъ безъ всякихъ измѣненій представляется безспорнымъ нарушеніемъ чужаго авторскаго права. Само собою разумѣется, что авторское право простирается тутъ только на то, что обязано своимъ происхожденіемъ интеллектуальному труду составителя сборника или иной разработки одного или нѣсколько офиціальныхъ актовъ. Самый же матеріалъ остается по прежнему общественнымъ достояніемъ и можетъ быть свободно перепечатываемъ всякимъ желающимъ. Такъ, наши систематическіе сборники кассаціонныхъ и другихъ судебныхъ рѣшеній суть самостоятельныя произведенія, подлежащія защитѣ отъ контрафакціи; но помѣщенныя въ нихъ подлинныя рѣшенія могутъ быть безнаказанно перепечатываемы въ другихъ сборникахъ; тоже должно сказать объ

извлеченныхъ изъ этихъ рѣшеній тезисахъ, если они представляютъ собою только дословное повтореніе положеній, содержащихся въ означенныхъ рѣшеніяхъ; такъ какъ они составляютъ лишь часть этихъ рѣшеній, то и не могутъ быть изъяты отъ означенной свободы въ силу юридической аксіомы: кому дозволено большее, тому дозволено и меньшее.

Изъ пяти законодательствъ, на коихъ мы спеціально останавливаемся въ настоящемъ изслѣдованіи, о всеобщемъ правѣ перепечатки законовъ и официальныхъ актовъ вообще прямо говорится только въ *сѣверогерманскомъ*, *австрійскомъ* и *русскомъ*. Французское и англійское законодательства объ этомъ вопросѣ умалчиваютъ, хотя изъ этого молчанія отнюдь нельзя выводить, что такая перепечатка тамъ запрещается, тѣмъ болѣе что она свободно и въ широкихъ размѣрахъ практикуется въ дѣйствительной жизни.

Сѣверогерманскій законъ отъ 11 іюня 1870 года содержитъ на этотъ счетъ коротенькое постановленіе въ § 7 lit c. «Перепечатка, сказано тамъ, кодексовъ, законовъ, административныхъ указовъ и публичныхъ актовъ и постановленій» не считается контрафакціею. — Мотивы этого закона объясняютъ приведенное постановленіе слѣдующими соображеніями: [93]) Едва ли нужно еще упоминать, что кодексы, законы и административные указы не могутъ претендовать на защиту отъ контрафакціи. Цѣль государства и связанной съ нимъ политической жизни противится тому, чтобъ обстоятельства, наибольшая общеизвѣстность коихъ желательна, сдѣлались предметомъ частнаго права, препятствующаго быстрому и дешевому распространенію, благодаря принадлежащей автору власти на исключительное обнародованіе. Хотя въ юридическомъ отношеніи мыслимо и во многихъ государствахъ вошло даже въ обычай уступать частнымъ лицамъ изданіе законовъ и т. д., но ни въ какомъ отношеніи нельзя рекомендовать установленіе исклю-

---

[93]) См. *Вехтера* тамъ же стр. 54 прим. 2 *Дамбаха* тамъ же стр. 91 и сл.

чительнаго права ихъ изданія. Впрочемъ такъ какъ съ теоретической точки зрѣнія законы, административные указы и т. п., независимо отъ ихъ практической цѣли, могутъ разсматриваться какъ литературныя произведенія, то понадобилось особое опредѣленіе о томъ, что перепечатки или иное сообщеніе ихъ разрѣшается».

Что касается публичныхъ актовъ и постановленій, то, по объясненію Дамбаха (стр. 93), подъ ними слѣдуетъ разумѣть «всякое письменное произведеніе о должностномъ предметѣ, которое составлено официальною властью или официальнымъ чиновникомъ по поводу должности». Сюда онъ относитъ судебныя рѣшенія, должностныя бумаги, *проекты*, *заключенія*, отчеты, протоколы, опредѣленія и т. п. Противъ этого перечисленія Вехтеръ (ib. стр. 56 прим. 11) замѣчаетъ, что можно представить себѣ случай, когда чиновникъ получилъ официальное порученіе выработать заключеніе и т. п., но это заключеніе не вошло въ составъ официальныхъ актовъ потому, напримѣръ, что чиновникъ еще прежде вышелъ въ отставку. «Если авторъ напечатаетъ эту свою работу въ какомъ нибудь журналѣ, то почему же онъ не можетъ претендовать на авторское право по отношенію къ ней?» Но сочиненія, изданныя отдѣльными чиновниками по поводу своей должности или съ помощью официальныхъ источниковъ, и Дамбахъ считаетъ частными литературными произведеніями. Относительно произведеній, составленныхъ по официальному порученію, Дамбахъ утверждаетъ, что тутъ слѣдуетъ сообразоваться съ конкретными обстоятельствами отдѣльнаго случая. «Если сочиненіе представляется дѣйствительнымъ официальнымъ произведеніемъ, то перепечатка разрѣшается; если же оно по существу своему есть частное литературное произведеніе чиновника, обязанное официальному порученію только своимъ происхожденіемъ, то оно подлежитъ какъ и всякое иное сочиненіе, защитѣ закона.» Намъ кажется, что гораздо безошибочнѣе было бы тутъ обращать вниманіе на характеръ дѣятельности чиновника: когда онъ дѣйствуетъ

какъ представитель правительственной власти, то его произведеніе принадлежитъ государству; когда же онъ является только въ качествѣ эксперта, то произведеніе его есть частное литературное произведеніе. По объясненію Дамбаха, подтверждаемому обстоятельствами, сопровождавшими обсужденіе этого закона, къ официальнымъ актамъ относятся и окружныя пастырскія посланія, противъ чего едва-ли возможно спорить.

Австрійскій законъ отъ 19 октября 1846 года § 18 постановляетъ, что «непосредственно отъ государственной власти исходящіе акты пользуются по обнародованію ихъ защитою отъ контрафакціи дотолѣ, пока это не будетъ отмѣнено государственною властью.—Подобное же продолженіе защиты за предѣлы узаконеннаго срока примѣняется и къ тѣмъ произведеніямъ, изъ коихъ непосредственно усматривается, что они появились по распоряженію правительства и съ оговоркою этой продолженной защиты.» — Объясняя этотъ законъ, Гарумъ [24]) говоритъ: «Такъ какъ отъ усмотрѣнія правительства зависитъ опредѣленіе условій обнародованія законовъ, то оно конечно можетъ или удержать за собою путемъ особаго распоряженія напечатаніе законовъ въ качествѣ исключительнаго права или предоставить это всякому желающему въ качествѣ спеціальной привилегіи. Но въ этомъ случаѣ перепечатка законовъ неуправомоченнымъ представляется не контрафакціею, а нарушеніемъ особой привилегіи, и это запрещеніе, какъ и его основанія, т. е. привилегія или удержаніе означенной перепечатки за собою, имѣетъ силу только для данной страны, между тѣмъ какъ въ другихъ государствахъ, не взирая на существующее взаимное международное запрещеніе контрафакціи, перепечатка ихъ свободно разрѣшается всякому.» Такого ограниченія, говоритъ онъ, въ Австріи однако не существуетъ, что и практически подтверждается существованіемъ большаго количества комментарій, обыкно-

[24]) См. его в. п. с. стр. 86 и сл.

венно цѣликомъ и безпрепятственно перепечатывающихъ тексты законовъ. Хотя въ законѣ, объясняетъ Гарумъ въ примѣчаніи, употреблено выраженіе *акты*, подъ которыми можно разумѣть также законы и указы, но такъ какъ тамъ дѣло идетъ о защитѣ противъ контрафакціи, защитѣ, имѣющей мѣсто только по отношенію къ литературнымъ произведеніямъ, то отсюда слѣдуетъ, что она принадлежитъ и означеннымъ актамъ лишь настолько, на сколько они сами по себѣ представляются литературными произведеніями. Въ пользу такого толкованія, по его мнѣнію, говоритъ и то, что приведенное постановленіе помѣщено въ ряду опредѣленій о срокѣ защиты, а не объ объектѣ авторскаго права. Это объясненіе однако вовсе не согласно съ словеснымъ смысломъ разсматриваемаго законоположенія и должно быть названо очевидною натяжкою. Если въ практикѣ и перепечатываются безпрепятственно всякаго рода офиціальные акты, то это обстоятельство отнюдь не можетъ измѣнять смыслъ закона, который прежде всего выражается въ употребленныхъ имъ словахъ и ихъ этимологической связи. Австрійское правительство не препятствуетъ означеннымъ перепечаткамъ, вѣроятно, потому, что находитъ подобное стѣсненіе свободы перепечатки неудобнымъ и противнымъ назначенію офиціальныхъ актовъ. Но руководствуясь приведеннымъ законоположеніемъ, оно имѣло бы полнѣйшее право сдѣлать перепечатку законовъ вообще и офиціальныхъ актовъ въ особенности своею монополіею. Само собою разумѣется, что подобная монополія противорѣчитъ существу и назначенію законодательныхъ и другихъ офиціальныхъ актовъ, что она въ сильнѣйшей степени можетъ препятствовать распространенію въ маассѣ знакомства съ дѣйствующимъ законодательствомъ и распоряженіями правительства и что тѣмъ самымъ она можетъ причинить даже не мало бѣдствій частнымъ лицамъ; съ этой точки зрѣнія существованіе въ австрійскомъ законодательствѣ приведеннаго законоположенія слѣдуетъ назвать чрезвычайно вреднымъ анахронизмомъ и юридическимъ

абсурдомъ. Стараясь измѣнить смыслъ указа наго законоположенія сообразно требованіямъ науки и общественныхъ интересовъ, Гарумъ однако заходитъ слишкомъ далеко, утверждая, что къ офиціальнымъ актамъ слѣдуетъ отнести процессуальныя бумаги тяжущихся сторонъ, а равно мнѣнія и заключенія, данныя по приглашенію правительства. Относительно первыхъ онъ говоритъ, что они имѣютъ только цѣлью вызвать и подготовить судебное рѣшеніе, т. е. актъ публичнаго судопроизводства. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, можно было бы прійдти къ заключенію, что свободному изданію подлежатъ и предъявленные суду какіе нибудь старинные драгоцѣнные манускрипты, такъ какъ цѣль ихъ предъявленія таже; но выше уже было доказано, что обнародованіе подобныхъ бумагъ можетъ быть допущено лишь тогда, когда они будутъ изданы въ связи съ остальными актами по данному вопросу или дѣлу, но что внѣ этой связи авторское право на нихъ не терпитъ никакого ограниченія, если только самъ авторъ заранѣе явно или подразумѣваемо не отказался отъ своего права въ пользу государства. Тоже слѣдуетъ сказать о мнѣніяхъ и заключеніяхъ, даваемыхъ по приглашенію правительственныхъ властей.

Что касается *Россіи*, то свободная перепечатка законовъ и правительственныхъ распоряженій, подлежащихъ опубликованію чрезъ сенатъ, ограничена только тѣмъ, что они не могутъ быть перепечатаны ранѣе напечатанія оныхъ въ сенатскихъ изданіяхъ (Выс. повелѣніе 22 марта 1868 г., вошедшее въ цензурный уставъ въ качествѣ дополненія къ 22 статьѣ); относительно судебныхъ рѣшеній и всего происходившаго въ засѣданіяхъ суда эта свобода печатанія и перепечатки прямо разрѣшена Высочайше утвержденными 20 ноября 1864 года правилами для печатанія рѣшеній судебныхъ установленій, статьи 1 и 2. Впрочемъ, судебныя рѣшенія, согласно 1 статьѣ, могутъ быть «напачатаны въ повременныхъ изданіяхъ какъ самимъ судебнымъ установленіемъ, такъ и частными лицами, *въ томъ именно видѣ*,

въ которомъ они изложены въ приговорѣ или рѣшеніи». Правило это, однако, не всегда соблюдается въ практикѣ, и отступленія отъ него, насколько намъ извѣстно, доселѣ еще не подвергались преслѣдованію; тѣмъ не менѣе, одно существованіе его наноситъ не малый вредъ нашей юридической практикѣ. Точное соблюденіе его во многихъ случаяхъ равняется запрещенію свободы перепечатки; такъ, напримѣръ, сенатскія опредѣленія нерѣдко обнимаютъ собою нѣсколько печатныхъ листовъ, изъ коихъ самой резолюціи сената посвящается отъ одной до трехъ страницъ. Какъ бы интересны ни были въ юридическомъ отношеніи эти рѣшенія, но въ виду ихъ громаднаго объема и запрещенія сокращенія рѣдкая газета рѣшается печатать ихъ на своихъ столбцахъ. Тоже слѣдуетъ сказать о многихъ рѣшеніяхъ новыхъ судебныхъ учрежденій; и у нихъ нерѣдко фактическая сторона дѣла, могущая быть выражена въ немногихъ словахъ, занимаетъ двѣ трети и болѣе всего рѣшенія, требуя такимъ образомъ большаго терпѣнія при чтеніи и довольно обширнаго мѣста при напечатаніи. Можно, не отступая отъ правды, сказать, что это обстоятельство служитъ одною изъ важнѣйшихъ причинъ, почему большая часть интересныхъ и важныхъ въ томъ или другомъ отношеніи рѣшеній ускользаютъ отъ вниманія публики и юридичечкой критики. При такомъ положеніи дѣлъ неудивительно, что наша судебная практика обнаруживаетъ такъ мало устойчивости даже относительно главнѣйшихъ началъ права и судопроизводства. Равнодушіе общества и безмолвіе критики лишаютъ наши суды главнаго освѣжающаго элемента въ ихъ практической дѣятельности, предоставляя ихъ собственнымъ силамъ и собственному умѣнью и упрочивая рутинное отношеніе къ своимъ обязанностямъ; это же молчаніе критики задерживаетъ и парализуетъ юридическое развитіе нашего общества на мнодіе годы, не давая интеллигентной части его населенія никакого толчка къ размышленіямъ и обдумыванію повседневныхъ явленій нашей юридической жизни. Въ виду этого желательна была

бы отмѣна приведеннаго правила и предоставленіе большей свободы перепечатки рѣшеній въ смыслѣ сокращенія нѣкоторыхъ ихъ частей.

10. *Словари* [95]). Этого рода произведенія относятся собственно къ сборникамъ и компиляціямъ, разсмотрѣннымъ уже выше. Если мы останавливаемся на словаряхъ въ частности, то только потому, что въ отличіе отъ прочихъ законодательствъ нашъ цензурный уставъ упоминаетъ о нихъ особо, въ первой половинѣ ст. 301, вполнѣ исчерпывающей тѣ признаки словарей, по которымъ ихъ слѣдуетъ считать самостоятельными произведеніями. «Самовольнымъ изданіемъ, сказано тамъ, считается также изданіе словаря, въ коемъ большая часть опредѣленій, толкованій и примѣровъ взята безъ перемѣны изъ другаго подобнаго, когда исключительное право на собственность онаго обезпечено за кѣмъ либо правилами сей главы или особенными привилегіями». Такимъ образомъ признаки, отличающіе одинъ словарь отъ другаго, заключаются именно въ примѣрахъ и толкованіяхъ. Не всякое представленіе, чувство или ощущеніе имѣетъ соотвѣтствующее выраженіе въ человѣческой рѣчи; нерѣдко различныя понятія выражаются посредствомъ однихъ и тѣхъ же словъ, причемъ слова эти получаютъ различное значеніе, смотря по интонаціи, жестамъ или связи съ другими словами. Кромѣ того народъ выработываетъ цѣлый рядъ типичныхъ выраженій, которыя сами по себѣ означнютъ вовсе не то, что подъ ними разумѣетъ населеніе страны; случается также, что одно и тоже понятіе въ различныхъ мѣстностяхъ одной и той же страны выражается различными словами. Подмѣтить и собрать всѣ эти особенности, въ коихъ именно выражается духъ языка или нарѣчія, составляетъ обыкновенно громадный трудъ, требующій напряженнаго вниманія, большой памяти и богатыхъ познаній, а потому имѣющій полное право на юри-

---

[95]) См. о нихъ *Blanc* в. п. с., стр. 74, *Бехтера* das Verlagsrecht, т. I, стр. 172; *его-же* das Autorrecht, стр. 60 и 69; *Dambach* в. п. с., стр. 28.

дическую защиту. Что же касается до словъ самихъ по себѣ и ихъ расположенія въ алфавитномъ порядкѣ, то это не требуетъ никакого интеллектуальнаго труда, а производится чисто механически и притомъ всѣми одинаково, а потому не можетъ претендовать на особую защиту. Есть однако словари, въ коихъ сочиненія различныхъ лицъ расположены въ алфавитномъ порядкѣ; таковы словари энциклопедическіе; они суть такіе же сборники различныхъ произведеній, какъ и тѣ, кои уже были разсмотрѣны выше; а потому къ нимъ примѣняется все то, что было сказано о сихъ послѣднихъ.

11. Къ этой же катеріи относятся *календари*, т. е. сборники разнообразныхъ свѣдѣній, полезныхъ и необходимыхъ въ общежитіи. По совершенно правильному толкованію кассаціоннаго сената (дѣло Гатцука съ Абрамовымъ въ сборникѣ кассац. рѣшеній за 1871 г., № 149), они подходятъ подъ опредѣленіе второй половины 301 статьи, защищающей отъ контрафакціи «изданіе географическихъ картъ, историческихъ таблицъ, таблицъ логариѳмовъ, *указателей* и другихъ сего рода книгъ, составленныхъ изъ чиселъ и собственныхъ именъ». Въ иностранныхъ законодательствахъ календари не занимаютъ никакого особаго положенія и даже вовсе не упоминаются; практика же примѣняетъ къ нимъ постановленія о сборникахъ и компиляціяхъ вообще, что несомнѣнно вполнѣ правильно.

12. *Заглавія литературныхъ произведеній и имя автора.* Слѣдуетъ ли считать заглавіе литературнымъ произденіемъ? На этотъ вопросъ различные писатели отвѣчаютъ различно. Одни изъ нихъ утверждаютъ, что заглавіе, если оно только не банально, а создано самимъ авторомъ или служитъ внѣшнимъ отличіемъ одного сочиненія отъ другаго однороднаго, есть литературный продуктъ и имѣетъ полнѣйшее право на защиту; а слѣдовательно, не можетъ быть безнаказанно употребляемо другимъ лицомъ, помимо его автора. Этого взгляда держится Бланъ, Ренуаръ и Фридлендеръ. Другіе же, напротивъ того, не придаютъ заглавію

значенія литературнаго произведенія, а потому по отношенію къ нему не допускаютъ возможности контрафакціи; тѣмъ не менѣе они находятъ, что неуправомоченное употребленіе его можетъ причинить автору матеріальный ущербъ, который долженъ быть возмѣщенъ виновникомъ; таково мнѣніе Гарума, Спасовича, Вехтера, Клостермана и Дамбаха. Обратимся сначала къ доводамъ первой группы писателей.

Заглавіе, утверждаетъ Бланъ [96]), имѣетъ безспорную цѣну и часто серіозное значеніе. А потому суды,... руководимые здравымъ смысломъ и просвѣщеннымъ чувствомъ прямодушія, всегда преслѣдовали присвоеніе заглавій... Заглавіе сочиненія принадлежитъ тому, кто первый употребилъ его. Во всякомъ случаѣ этотъ принципъ, формулированный такимъ образомъ въ общихъ выраженіяхъ, приведетъ къ страннымъ злоупотребленіямъ, если не включить его въ границы, естественно отведенныя для него здравымъ смысломъ и справедливостью. А потому необходимо хорошенько опредѣлить эпоху, съ которой считается, что авторъ завладѣлъ извѣстнымъ заглавіемъ.

«Завладѣніе заглавіемъ прежде всего и весьма естественно проявляется при изданіи сочиненія. Оно можетъ обнаружиться еще до изданія, напримѣръ, при заявленіи книгопродавцамъ или просто при объявленіи въ журналахъ. Во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы изданіе слѣдовало за этимъ завладѣніемъ въ теченіе извѣстнаго срока. Было бы несправедливо, если бы одно лишь заявленіе или объявленіе, не сопровождаемое изданіемъ, дѣлало заглавіе запретнымъ для третьихъ лицъ.

«Слѣдовательно, если послѣ срока, остающагося отъ большаго пространства времени, необходимаго для напечатанія, объявленное сочиненіе не издано, то заглавіе становится общественнымъ достояніемъ. Такимъ образомъ право перваго заимщика должно начинаться не съ того дня, когда

---

[96]) *Blanc* в. п. с., стр. 373 и сл.

заглавіе было выбрано авторомъ, но съ той эпохи, когда этотъ выборъ проявился и притомъ безспорно и серьезно».

Для точнаго опредѣленія пространства права на пользованіе извѣстнымъ заглавіемъ Бланъ (стр. 375 и сл.) предлагаетъ различать между заглавіями *необходимыми* и *произвольными*. Подъ первыми онъ разумѣетъ такія, которыя обыкновенно обозначаютъ извѣстный родъ, не имѣютъ эквивалента въ обыденной рѣчи и даже не могутъ быть измѣнены, не утративъ части своего значенія. Такія заглавія не могутъ состоять въ частномъ обладаніи. Возможности смѣшенія такихъ заглавій можно избѣгнуть лишь съ помощью одного средства, а именно присоединеніемъ къ нимъ какихъ-нибудь отличительныхъ эпитетовъ. Такъ, заглавіе: *біографія* не можетъ состоять въ частномъ обладаніи, но заглавіе: *всеобщая біографія* можетъ принадлежать тому, кто первый его придумалъ; послѣднее должно сказать также о заглавіяхъ: *католическая энциклопедія*, смѣхотворный или *предвѣщательный алманахъ* и т. д. Къ заглавіямъ произвольнымъ онъ относитъ такіе, кои созданы фантазіею автора. «Произвольнымъ, продолжаетъ онъ, должно быть сочтено всякое заглавіе, которое можетъ быть замѣнено эквивалентомъ, не нанося никакого ущерба точности обозначенія сочиненія. Обозначенія этого рода рождаютъ право исключительнаго пользованія, даже тогда, когда они вытекаютъ изъ природы даннаго предмета»... Слова: курсъ, трактатъ, лекціи должны разсматриваться какъ заглавія произвольныя въ томъ смыслѣ, что одно изъ нихъ можетъ быть замѣнено другимъ, если первое уже употреблено. Произвольное заглавіе, думаетъ онъ, должно оставаться въ частной собственности въ теченіе того же срока какъ и само сочиненіе. Что касается до журналовъ, то по мнѣнію Блана, обычаемъ установлено, что заглавіе журнала выходитъ изъ частнаго обладанія, когда онъ перестаетъ выходить періодически или въ качествѣ листка или когда онъ измѣняетъ свое первоначальное заглавіе. Всѣ эти мысли

подтверждаются Блапомъ примѣрами изъ судебной практики.

Другой французскій писатель, Ренуаръ [97]), тоже отправляется отъ мысли, что заглавіе можетъ состоять въ частной собственности. Въ подтвержденіе этого онъ приводитъ рядъ рѣшеній французскихъ судовъ, откуда дѣлаетъ слѣдующіе выводы: «Заглавіе сочиненія, предназначенное для обезпеченія индивидуальности этого сочиненія и для возвѣщенія о немъ публикѣ, не должно быть присвоиваемо, даже когда оно будетъ дано другому сочиненію съ новымъ содержаніемъ; присвоеніе имѣетъ мѣсто и тогда, когда въ заглавіи сдѣланы незначительныя измѣненія, не уничтожающія шансовъ къ смѣшенію и ошибкѣ.

«Гражданскіе и коммерческіе суды всегда въ правѣ наказывать такое присвоеніе взысканіемъ убытковъ; въ извѣстныхъ случаяхъ въ немъ можетъ быть найденъ элементъ контрафакціи, но это уже зависитъ отъ усмотрѣнія суда.

«Не отмѣченное печатью индивидуальности заглавіе, заимствованіе котораго не можетъ ввести въ заблужденіе публику и причинить ущербъ сочиненію, коему оно впервые было присвоено, не даетъ права на исключительное обладаніе имъ.

«Заглавіе журнала принадлежитъ ему во все время существованія послѣдняго, какъ бы долго оно ни продолжалось. Можно даже сказать, что чѣмъ продолжительнѣе было это время, тѣмъ важнѣе стало заглавіе, и тѣмъ болѣе оно превратилось въ выдающуюся часть этого рода собственности».

Наконецъ *Максъ Фридлендеръ* [98]) не вдается ни въ какія разсужденія о существѣ или видахъ заглавій, а указываетъ только, что законодательная практика запрещаетъ употребленіе заглавій, уже употребленныхъ до того другими писателями.

---

[97]) *Renouard*, в. п. с., т. II. стр. 118—128.

[98]) *Max Freidländer*, „Der einheim. und ausländ. Rechtsschutz gegen Nachdruck“, стр. 45 и сл.

Переходя ко второй группѣ писателей, приведемъ прежде мнѣніе Гарума [99]). «Заглавіе сочиненія, думаетъ онъ, само по себѣ отнюдь не можетъ считаться литературнымъ произведеніемъ, слѣдовательно, оно не можетъ быть и объектомъ авторскаго права, и въ неизмѣненномъ примѣненіи заглавія прежняго сочиненія къ новому самостоятельному сочиненію нельзя усматривать нарушеніе авторскаго права, контрафакцію». Но въ употребленіи чужаго заглавія можетъ заключаться злой умыселъ, обманъ, который подлежитъ преслѣдованію на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ. «Если же такого преступнаго намѣренія нѣтъ, то все таки авторъ позднѣйшаго сочиненія можетъ быть законно принужденъ не сообщать чужаго заглавія своему сочиненію и это присвоеніе чужаго заглавія можетъ быть вмѣнено ему, по меньшей мѣрѣ, въ небрежность, влекущую за собою обязанность возмѣстить убытки». Почти тоже высказываетъ г. Спасовичъ [100])... «Заглавіе и имя, полагаетъ онъ, не составляютъ предметовъ авторскаго права, и если присвоеніе ихъ можетъ быть преслѣдуемо, то на совершенно иномъ основаніи. Авторъ тогда только можетъ претендовать на исключительное употребленіе изобрѣтеннаго имъ заглавія, когда это заглавіе не только обозначаетъ предметъ сочиненія, но и запечатлѣно субъективностью автора, то есть выражаетъ его индивидуальные взгляды, его направленіе... При несуществованіи уголовнаго закона, наказывающаго за подобныя присвоенія, за авторомъ и журналистомъ слѣдуетъ признать, по крайней мѣрѣ, право искать судомъ того, чтобы лицу, присвоившему названіе, запечатлѣнное его субъективностью, ... воспрещено было употреблять это названіе». О правѣ на вознагражденіе за вредъ и убытки г. Спасовичъ умалчиваетъ, хотя изъ его приведенныхъ словъ не трудно вывести, что, по его мнѣнію, слѣдовало бы дать и это право.

---

[99]) *Harum*, в. н. с., стр. 201 и сл.
[100]) „Права авторскія“ и т. д., стр. 69.

Но всѣ эти писатели вовсе не останавливаются на юридическомъ анализѣ природы заглавія, а предлагаютъ лишь свои мѣры и соображенія для законодательнаго регулированія этой необходимой части всякаго сочиненія. Пробѣлъ этотъ восполняется однимъ изъ лучшихъ писателей по нашему институту Вехтеромъ [101]), къ изложенію мнѣнія котораго мы и переходимъ. Заглавіе сочиненія, находитъ онъ, не есть объектъ, имѣющій право на защиту. «Его нельзя назвать умственнымъ продуктомъ, отпечаткомъ умственнаго состава и содержанія, отпечаткомъ, цѣна коего заключалась бы въ немъ самомъ; оно служитъ только для *обозначенія* сочиненія. Примѣненіе къ заглавіямъ началъ авторскаго права повлекло бы за собою затрудненія; конечно могутъ существовать законодательныя основанія въ пользу того, чтобъ автору предоставлено было исключительное пользованіе даннымъ заглавіемъ». (Verlagsrecht стр. 169—170). «Кто присвоиваетъ себѣ обозначеніе чужаго сочиненія, тотъ въ этомъ дѣйствіи можетъ проявить намѣреніе, чтобы его книга была смѣшиваема съ книгою даннаго автора и покупалась бы вмѣсто послѣдней; не подлежитъ сомнѣнію, что подобное присвоеніе можетъ причинить ущербъ имущественнымъ интересамъ эксплуатируемаго автора. Но по нашему праву такое дѣяніе не соотвѣтствуетъ составу контрафакціи. Прежде всего конечно слѣдуетъ исключить тѣ случаи, когда невозможно доказать, что изъ двухъ авторовъ, употребившихъ одинаковыя заглавія для своихъ сочиненій, одинъ дѣйствительно заимствовалъ это заглавіе у другаго. Когда два писателя независимо другъ отъ друга вздумаютъ употребить для своихъ книгъ одно и тоже названіе, то само собою разумѣется о контрафакціи и рѣчи быть не можетъ, хотя бы эта одинаковость заглавій и вліяла на сбытъ книги. Пользованіе чужимъ заглавіемъ не можетъ быть доказано именно тогда, когда послѣднее есть лишь обычное названіе

---

[101]) *Вехтеръ*, „Das Verlagsrecht“, т. I, стр. 169, т. II, 491 и сл., *его же*. „Das Autorrecht“, стр 53.

даннаго предмета, напр. поваренная книга, пандектное право и т. п. Но если это пользованіе и можетъ быть доказано, каковъ случай, когда данное заглавіе отличается своеобразностью, то въ немъ все таки нельзя видѣть контрафакціи. Заглавіе не есть само литературное или артистическое произведеніе... а только обозначеніе сочиненія, его вывѣска, и въ этомъ качествѣ является какъ бы общественнымъ достояніемъ. Подъ этимъ названіемъ сочиненіе должно быть цитируемо въ другихъ книгахъ или объявленіяхъ, и подобно тому какъ книгопродавецъ, помѣщающій въ своемъ каталогѣ заглавія чужихъ сочиненій, или писатель, перепечатывающій такое заглавіе въ своей рецензіи или въ своей книгѣ, гдѣ онъ полемизируетъ съ другимъ писателемъ, не совершаютъ тѣмъ контрафакціи, такъ и тотъ, кто даетъ своей книгѣ чужое названіе, не можетъ совершить контрафакціи». Хотя при этомъ цѣль можетъ быть не такова, какъ при цитированіи послѣдняго, но въ такомъ случаѣ можетъ имѣть мѣсто обманъ, а отнюдь не контрафакція (ibid стр. 491—495).

То же мнѣніе высказано Клостерманомъ [102]) и *Дамбахомъ* [103]).

Въ области литературы, думаемъ мы, заглавіе не играетъ никакой роли; центръ тяжести всякаго сочиненія лежитъ не въ его внѣшнемъ обозначеніи, а въ его содержаніи и имени автора. Самое геніальное произведеніе можетъ носить глупѣйшее заглавіе, нисколько не утрачивая оттого своей цѣны, и наоборотъ, нерѣдко бездарнѣйшія сочиненія носятъ весьма громкія, заманчивыя, замысловатыя, а иногда даже весьма умныя заглавія, ничего не выигрывая оттого въ своемъ литературномъ значеніи. Поэтому сочиненія въ литературѣ и въ обыденной жизни принято различать не по однимъ заглавіямъ, но преимущественно по именамъ авторовъ. При такомъ положеніи вещей трудно даже предста-

---

[102]) *Клостерманъ* das geistigd Eigenthum стр. 147 Anhang стр. 12 и сл.
[103]) *Dambach* в. п. с. стр. 23 и сл.

вить себѣ случай, когда употребленіе чужаго заглавія могло бы причинить какому нибудь автору имущественный ущербъ. Наоборотъ сколько нибудь благоразумный авторъ всегда избѣгаетъ и будетъ избѣгать чужаго заглавія, дабы въ случаѣ неуспѣха своего сочиненія не навлечь на себя лишнихъ насмѣшекъ и сравненія съ вороною въ павлиныхъ перьяхъ. Обманъ, о которомъ толкуютъ всѣ приведенные выше писатели, можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда вмѣстѣ съ заглавіемъ чужой книги будетъ выставлено и имя автора этой книги; въ противномъ случаѣ заглавіе есть не болѣе какъ названіе, кличка сочиненія, и подобно тому, какъ никому не можетъ быть возбранено называться Иваномъ, Петромъ и т. д. только потому, что есть другія личности, носящія тѣ же имена, такъ и никому не можетъ быть возбранено называть свою вещь любымъ именемъ только потому, что тѣмъ же именемъ угодно было назвать свою вещь другому лицу. Только въ одной отрасли литературы названіе произведенія имѣетъ очень важное значеніе, а именно въ изданіяхъ періодическихъ, но и то лишь потому, что имена издателя или редактора, служащихъ обыкновенно лишь посредниками между публикою и отдѣльными авторами помѣщаемыхъ въ этихъ изданіяхъ сочиненій, обыкновенно играютъ второстепенную роль и остаются въ тѣни; названіе газеты или журнала есть фирма того и другаго, такъ какъ и самое изданіе періодическихъ произведеній является по преимуществу коммерческимъ предпріятіемъ. Отсюда выясняется, что когда названіе одной газеты или журнала присвоивается другому періодическому изданію, то подобное дѣйствіе должно обсуживаться также, какъ и присвоеніе чужой фирмы.

Изъ разсматриваемыхъ въ настоящемъ изслѣдованіи положительныхъ законодательствъ только *австрійское* содержитъ въ себѣ постановленіе, спеціально относящееся къ заглавіямъ § 5 lit. d. выше цитированнаго закона постановляетъ: «Не считается контрафакціею употребленіе въ неизмѣненномъ видѣ заглавія изданнаго прежде сочиненія

для сочиненія изданнаго позднѣе другимъ авторомъ. Однако выборъ одинаковаго заглавія въ томъ случаѣ, когда оно не неизбѣжно необходимо для обозначенія излагаемаго предмета и когда оно сверхъ того можетъ ввести публику въ заблужденіе относительно тожества сочиненія, можетъ служить для потерпѣвшаго отъ этого основаніемъ къ притязанію на возмѣщеніе убытковъ. При отсутствіи противузаконнаго намѣренія, дѣла этого рода должны рѣшаться гражданскимъ судьею». Въ виду однако того, что публика можетъ быть введена въ заблужденіе не одинаковымъ заглавіемъ, а лишь одинаковымъ именемъ автора, приведенное законоположеніе оказывается мертвою буквой и могло бы быть безъ всякаго ущерба для дѣла вычеркнуто.

Что касается до употребленія чужаго имени, то и тутъ не можетъ идти рѣчь о нарушеніи чужаго авторскаго права, такъ какъ имя не есть продуктъ умственнаго творчества въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, т. е. не есть литературное произведеніе, а служитъ лишь однимъ изъ признаковъ, отличающихъ одно лицо отъ другаго. Присвоеніе чужаго имени для корыстныхъ цѣлей есть обыкновенное уголовное преступленіе, которое потому должно быть разсматриваемо въ области не гражданскаго, а уголовнаго права. Слѣдуетъ однако замѣтить, что преступленіемъ должно быть сочтено присвоеніе не только дѣйствительнаго имени автора, но и его псевдонима, играющаго въ литературномъ мірѣ ту же роль, что и настоящее имя.

Глава V.

Б. СУБЪЕКТЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

1. Авторъ, теоретическія соображенія и постановленія о немъ положительныхъ законодательствъ; соавторство и сотрудничество. 2. Юридическіе преемники автора: а. заказчикъ, б. издатель и редакторъ, в. наслѣдники и г. юридическія лица; теоретическія соображенія по поводу этихъ преемниковъ и постановленія о сихъ послѣднихъ въ положительныхъ законодательствахъ.

Субъектомъ авторскаго права является прежде всего то лицо, творчеству коего обязано данное литературное про-

изведеніе своимъ возникновеніемъ. Такъ какъ всякое такое произведеніе есть вещь, никогда прежде не существовавшая и призванная къ жизни лишь умственною дѣятельностью даннаго автора, то въ первой стадіи своего существованія она не можетъ принадлежать никому иному, кромѣ самого ея творца, ея автора. Вещь эта не только обязана ему своею жизнью, но и въ моментъ своего возникновенія она поступаетъ въ его фактическое обладаніе; слѣдовательно онъ получаетъ надъ нею власть и какъ ея творецъ, и какъ ея фактическій обладатель; другими словами, въ его лицѣ совмѣщаются всѣ условія, требуемыя отъ добросовѣстнаго владѣнія, а именно: justus titulus, animus sibi habendi и corpus sibi habendi. Однако въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи она, какъ и всякая иная вещь in commercio, можетъ мѣнять своихъ хозяевъ, разрывая тѣсную связь съ первоначальнымъ своимъ творцомъ и переходя во власть другихъ лицъ, лишь отчасти или вовсе не виновныхъ въ ея появленіи на свѣтъ. Лица эти могутъ пріобрѣтать на нея право не сами по себѣ, а лишь чрезъ посредство ея первоначальнаго хозяина, вступая съ нимъ по поводу ея въ тѣ или другія юридическія отношенія или являясь продолжателями его личности путемъ естественнаго родства или путемъ его явно выраженной частной воли, завѣщанія. Сообразно этому мы скажемъ сначала объ авторѣ, какъ субъектѣ литературной собственности, а затѣмъ о тѣхъ лицахъ, кои являются такими субъектами въ силу юридической ихъ связи съ авторомъ, въ силу юридическаго преемства послѣ него.

1. *Авторъ.* Авторомъ можетъ быть названо только то лицо, которое создало произведеніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно появилось на литературномъ рынкѣ. При этомъ, въ юридическомъ отношеніи, совершенно безразлично, принадлежитъ ли основная мысль и содержаніе даннаго сочиненія самому автору или другому лицу; гражданское право знаетъ и защищаетъ лишь внѣшній предметъ и фактъ появленія его въ гражданскомъ оборотѣ; по этому моменту оно судитъ о принадлежности сочиненія тому или другому

гражданину, предоставляя всякому, считающему себя хозяиномъ сочиненія, доказывать свои права на него особо. Въ оборотѣ же литературное произведеніе появляется и обращается подъ именемъ того, кто объявилъ себя авторомъ на самомъ произведеніи; а потому только этому лицу принадлежитъ вся полнота правъ на такой объектъ. Съ этимъ лицомъ тѣсно связаны не только возникновеніе послѣдняго, но и прекращеніе его и притомъ такъ, что къ кому бы сочиненіе не перешло въ собственность, моментъ прекращенія его, какъ объекта частнаго обладанія, не перестаетъ зависѣть отъ жизни автора [1]). Слѣдуетъ однако замѣтить, что эта тѣсная связь съ лицомъ автора есть особенность литературной собственности, вытекающая не изъ природы литературнаго произведенія, а изъ установившейся повсемѣстно законодательной практики. По природѣ же своей литературное произведеніе, какъ объектъ авторскаго права, можетъ существовать безконечно, и авторское право на него можетъ продолжаться дотолѣ, пока существуетъ сама вещь, преемственно переходя изъ рукъ въ руки признанными законами способами. Выше было сказано, что авторомъ считается только тотъ, кто сообщилъ произведенію внѣшнюю форму. Съ этимъ однако не всѣ писатели согласны. Такъ Вехтеръ (das Autorr. стр. 89 и сл.) отрицаетъ подобный выводъ, придавая главнѣйшій вѣсъ не формѣ, а содержанію и концепціи сочиненія. «Въ вопросѣ о существенномъ составѣ литературнаго произведенія, говоритъ онъ, можетъ проявиться по отношенію къ авторской дѣятельности стремленіе различать между формою и содержаніемъ для рѣшенія того, основано ли авторство на умственномъ содержаніи или на словесной формѣ. Такъ какъ мысль какъ таковая не поддается исключительности, то можетъ обнаружиться же-

---

[1]) См. *Вехтера* das Autorrecht стр. 89 и сл., его же das Verlagsrecht т. I, стр. 183 и сл. *Harum* в. п. с. стр. 114 и сл. *Blanc* в. п. с. стр. 87 и сл. *Iolly* в. п. с. стр. 194 и сл. *Ренуара* в. п. с. т. II стр. 204 и сл. *Dambach* в. п. с. стр. 13. *Клостермана* das geist. Eig. стр. 219 и сл.

ланіе полагать авторство въ *сообщеніи формы*. Однако противъ такого пониманія тотчасъ же рождается практическое сомнѣніе, что, руководствуясь этимъ, пришлось бы разсматривать каждое измѣненіе формы даннаго содержанія какъ дозволенное пересозданіе (Neugestaltung) и тѣмъ самымъ предоставить обширное поле возможности обходить запрещеніе контрафакціи. Но мысль, что авторство состоитъ въ сообщеніи формы, и сама по себѣ невѣрна. Литературное произведеніе есть созданіе умственнаго содержанія, запечатлѣннаго словами. Хотя содержаніе не можетъ быть понимаемо безъ словеснаго изложенія, но и это послѣднее не можетъ считаться литературнымъ произведеніемъ безъ умственнаго содержанія».

Сколь ни вѣренъ выводъ этотъ въ литературномъ отношеніи, но онъ отнюдь не можетъ служить отправною точкой юридическаго обсужденія сочиненія. Гражданское право регулируетъ взаимныя отношенія лишь настолько, насколько они проявляются во внѣ. Усвоивъ себѣ такую задачу, оно не можетъ и не должно проникать во внутренній міръ этихъ отношеній и руководствоваться внутренними мотивами ихъ возникновенія. Въ частности по отношенію къ литературнымъ произведеніямъ право занимается только тѣмъ, что очевидно и осязательно для всѣхъ и что именно составляетъ предметъ оборота среди гражданъ. Такимъ предметомъ конечно можетъ служить не содержаніе, не мысли, по природѣ своей уходящія отъ частнаго обладанія, а только одна внѣшняя форма, выразившаяся въ цѣлой совокупности, въ цѣлой системѣ словъ. Она-то именно продается, покупается, переходитъ по наслѣдству, даренію и т. д., и только ее право можетъ, должно и дѣйствительно беретъ подъ свою защиту. А потому для опредѣленія принадлежности ея тому или другому гражданину судъ не долженъ вдаваться въ разсмотрѣніе заключенныхъ въ данной формѣ мыслей и опредѣленіе ихъ хозяина. Мысли возникаютъ и развиваются въ головѣ человѣка незримо для постороннихъ глазъ; самое проявленіе ихъ во внѣ, исходящее отъ даннаго лица, отнюдь не ука-

зываетъ на принадлежность ихъ только этому лицу; тѣ же мысли могутъ одновременно зародиться и развиваться и у другихъ людей и даже могли существовать задолго до этого частнаго проявленія. Гдѣ же критерій для опредѣленія ихъ юридическаго вліянія? Можетъ ли судъ съ увѣренностью сказать, что данныя мысли принадлежатъ именно такому-то лицу только потому, что оно ихъ проявило? Да вѣдь въ такомъ случаѣ онъ узаконилъ бы длинный рядъ явныхъ несправедливостей, онъ узаконилъ бы явные захваты чужаго достоянія. Этого нельзя сказать о словесной формѣ. Она проявляется во внѣ вполнѣ опредѣленно, конкретно; она можетъ быть сравнена съ другими существующими словесными формами; она можетъ состоять въ исключительномъ обладаніи и всегда есть возможность безошибочно опредѣлить то лицо, которое произвело ее на свѣтъ. А потому право только ее и можетъ считать вещью, подлежащею его регламентаціи, независимо отъ принадлежности заключающихся въ ней мыслей.

Но и помимо этихъ соображеній мнѣніе Вехтера не можетъ быть принято еще потому, что оно нанесло бы смертельный ударъ длинной фалангѣ литературныхъ произведеній, самостоятельность коихъ выражается только во внѣшней формѣ; таковы всѣ компилятивные труды, обращающіеся на книжномъ рынкѣ наравнѣ съ оригинальными произведеніями и пользующіеся юридическою защитой, которой, какъ мы это выше видѣли, не рѣшается отнять у нихъ и самъ Вехтеръ. Если бы положительныя законодательства рѣшились отказать передѣлкамъ чужихъ произведеній въ юридической защитѣ и даже признали ихъ, какъ того желаетъ Вехтеръ, контрафакціею, то они въ сильной степени затормозили бы распространеніе знаній и просвѣщенія въ массѣ и тѣмъ самымъ уничтожили бы одно изъ существенныхъ условій прогрессивнаго движенія наукъ и искусствъ. Такой тормазъ принесъ бы только вредъ не только обществу, но и самимъ оригинальнымъ авторамъ, нравственный интересъ коихъ требуетъ возможно большаго распространенія ихъ идей въ

массѣ народа. На этомъ зиждутся ихъ слава и ихъ дальнѣйшіе литературные успѣхи. Чувствительнаго матеріальнаго вреда они отъ передѣлки ихъ сочиненія точно также не могутъ понести. Передѣлки эти, ознакомливая читателей съ существеннымъ содержаніемъ оригинальныхъ произведеній, не только не дѣлаютъ безполезнымъ чтеніе самихъ оригиналовъ, но совершенно наоборотъ, возбуждаютъ къ нимъ интересъ и вызываютъ побужденіе къ пріобрѣтенію ихъ даже въ такихъ лицахъ, которыя дотолѣ вовсе ими не интересовались и не подумали бы пріобрѣтать ихъ.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ литературное произведеніе, съ внѣшней стороны, является плодомъ творчества одного человѣка, одного индивидуальнаго ума, проявляющаго себя во внѣшнемъ конкретномъ созданіи. Но бываютъ случаи, когда созданіе это обязано своимъ существованіемъ усиліямъ не одного, а двухъ и болѣе лицъ и притомъ такъ, что трудъ каждаго изъ нихъ не можетъ быть разграниченъ одинъ отъ другаго. Въ этихъ случаяхъ возникаетъ рѣчь о *соавторствѣ* и *сотрудничествѣ*.

Соавторами могутъ быть названы только тѣ соучастники въ созданіи даннаго литературнаго произведенія, кои дали ему окончательную внѣшнюю форму. При этомъ конечно совершенно безразлично, принадлежитъ ли основная мысль и общій планъ его ему самому или другимъ лицамъ. Въ юридическомъ отношеніи, какъ уже замѣчено выше, важное значеніе имѣетъ не концепція, не отдѣльныя идеи и ихъ логическое сцѣпленіе, а лишь одна внѣшняя форма, въ которую идеи эти воплощены, ихъ такъ-сказать видимое и ощущаемое всѣми тѣло. Праву нѣтъ никакого дѣла до того, что авторъ былъ вдохновленъ къ своему произведенію другимъ лицомъ или другимъ произведеніемъ, что ему въ осуществленіи его плановъ и намѣреній помогали другія лица, что вся духовная сторона его труда принадлежитъ не ему, а другимъ, что вслѣдствіе того его творчество можетъ сократиться до весьма малой величины, право знаетъ лишь моментъ воплощенія идей въ литературную форму и съ этого

момента беретъ сочиненіе подъ свою защиту. Поэтому и всѣ лица, непосредственно участвовавшія въ этомъ воплощеніи, имѣютъ одинаковое право на покровительство закона. Такъ какъ литературное произведеніе, съ точки зрѣнія гражданскаго права, есть вещь, находящаяся in commercio, то къ нему должны быть примѣняемы и дѣйствующія относительно вещей вообще общія правила. Отсюда само собою вытекаетъ, что сочиненіе, имѣющее нѣсколькихъ авторовъ, принадлежитъ имъ всѣмъ совмѣстно, находится въ ихъ общей собственности и притомъ *pro indiviso*, когда результаты ихъ труда слились во внѣшнемъ проявленіи настолько, что между ними не можетъ быть проведено рѣзкой грани, или когда грань эта хотя и существуетъ, но само сочиненіе не можетъ быть разбито на отдѣльныя самостоятельныя части безъ измѣненія его природы и значенія. Такъ, напримѣръ, романъ, водевиль, комедія, трагедія или драма, написанные двумя или болѣе авторами совмѣстно, представляютъ собою одно тѣсно сплоченное цѣлое, и изданіе ихъ отдѣльными частями въ качествѣ самостоятельныхъ произведеній лишило бы каждую такую часть всякой стоимости. Вслѣдствіе того каждый изъ соавторовъ имѣетъ право на отдѣльную причитающуюся ему часть не самого сочиненія, а лишь его стоимости, его матеріальной цѣны. Что же касается до самого сочиненія, то оно составляетъ ихъ общее достояніе; а потому всякія измѣненія въ немъ могутъ быть произведены не иначе, какъ съ ихъ общаго согласія. Каждый изъ сотрудниковъ можетъ, правда, издать его въ другомъ видѣ, но въ такомъ случаѣ онъ не вправѣ воспользоваться именемъ другаго соавтора безъ его воли; да и само по себѣ подобное изданіе будетъ уже не прежнимъ, а новымъ произведеніемъ.

Переходя затѣмъ къ *сотрудничеству*, замѣтимъ прежде всего, что оно по существу своему не даетъ никакихъ правъ на само сочиненіе, если оно не есть въ тоже время авторство. Сотрудникъ или лучше сказать пособникъ работаетъ не для самого сочиненія, а для автора, которому онъ сво-

имъ трудомъ оказываетъ извѣстную услугу; отсюда выясняется, что онъ не можетъ имѣть никакого юридическаго вліянія на авторское право само по себѣ, а можетъ лишь въ той или другой степени ограничить осуществленіе этого права. Если услуга его оказана была подъ условіемъ матеріальнаго вознагражденія и если это вознагражденіе вовсе не было ему выдано или выдано было не въ установленномъ въ договорѣ видѣ, то онъ конечно вправѣ потребовать, чтобы причитающееся ему вознагражденіе обезпечено было предоставленіемъ ему между прочимъ права осуществить авторское право его контрагента. Но это не болѣе какъ вопросъ процессуальнаго свойства и на существо конкретнаго авторскаго права вліянія имѣть не можетъ [2]).

2. *Субъекты авторскаго права на основаніи юридическаго преемства.*

а) Заказчикъ. Бываютъ случаи, когда одно лицо поручаетъ другому составить извѣстное сочиненіе; такой заказчикъ можетъ ограничиваться указаніемъ лишь самыхъ общихъ чертъ заказываемаго сочиненія, предоставляя выполненіе подробностей послѣдняго свободному усмотрѣнію исполнителя заказа; такъ, напримѣръ, данному лицу можетъ быть поручено составить романъ изъ бытовой жизни народа, извѣстный учебникъ и т. п., причемъ ему не даютъ никакого плана и никакихъ рамокъ; или же наоборотъ заказчикъ можетъ впередъ выработать подробный планъ будущаго произведенія и снабдить исполнителя даже всѣмъ необходимымъ матеріаломъ по собственному выбору; напримѣръ, данный заказчикъ поручаетъ написать біографію даннаго лица, историческій очеркъ даннаго учрежденія и т. п. Въ томъ и другомъ случаѣ исполнитель заказа не лишается своего первоначальнаго авторскаго права на созданное имъ

---

[2]) О соавторствѣ и сотрудничествѣ см. *Рехтера* das Verlagsrecht т. I. стр. 183 и 184, *его же* das Autorrecht стр. 91—94, *Клостермана* das geist. Eig. стр. 234—237, *его же* das Urreberrecht стр. 110—117, *Рендуара* в. п. с., II, стр. 218—220, *Iolly* в. п. с., стр. 194—197, *Blanc* в. п. с. стр. 27—32.

такимъ образомъ произведеніе; исполненіемъ заказа онъ лишь заранѣе уступаетъ это право другому, который вслѣдствіе этой уступки является юридическимъ преемникомъ автора. Отъ этихъ случаевъ нужно отличать тотъ случай, когда исполнитель обработываетъ или вырабатываетъ какую нибудь составную часть произведенія, въ цѣломъ своемъ объемѣ принадлежащаго другому. Здѣсь исполнитель представляется несамостоятельнымъ авторомъ, а лишь пособникомъ другаго автора, а потому и отношенія его къ послѣднему должны обсуживаться на основаніи сказаннаго выше о сотрудничествѣ [3]). Исполнитель не создаетъ тутъ ничего самостоятельнаго не только по основной идеѣ, общему плану и частностямъ, но и по формѣ сочиненія, на которое онъ никакого непосредственнаго вліянія не оказываетъ, такъ какъ онъ является лишь простымъ орудіемъ чужаго труда.

б) *Издатель и редакторъ.* Говоря объ издателѣ, слѣдовало бы войдти въ подробное разсмотрѣніе правилъ и началъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія издателя и автора; необходимо было бы остановиться на опредѣленіи юридической природы и послѣдствій договора изданія и указать его мѣсто въ системѣ гражданскаго права. Но не желая прерывать послѣдовательной нити изложенія, усвоеннаго нами въ настоящемъ изслѣдованіи, мы ограничимся здѣсь лишь нѣсколькими словами объ издателѣ, какъ о субъектѣ авторскаго права, предоставляя себѣ изложеніе такъ называемаго издательскаго права въ слѣдующемъ томѣ.

Подъ словомъ издатель не всегда разумѣется преемственный субъектъ авторскаго права; издателемъ можетъ быть и самъ авторъ книги, сохраняя при этомъ свое первоначальное право на послѣднюю во всей своей цѣлости; издателемъ можетъ быть также лицо, которое, не пріобрѣтая самого авторскаго права, является лишь посредникомъ обнародова-

---

3) См. *Клостермана* das Geist. Eigen. стр. 296 и сл. и *Вехтера* das Verlagsrecht т. I, стр. 187 и сл. das Autorrecht стр. 94—97.

нія даннаго сочиненія и учавствуетъ въ изданіи своимъ капиталомъ; такое лицо отнюдь не можетъ быть названо юридическимъ преемникомъ автора и отношеніе его къ послѣднему опредѣляется не на основаніи юридическихъ нормъ о литературной собственности, а на основаніи частныхъ соглашеній. Дѣйствительнымъ пріобрѣтателемъ авторскаго права по преемству является лишь тотъ издатель, которому авторъ уступаетъ свое право имущественной эксплуатаціи даннаго сочиненія. Уступка эта бываетъ полная и безсрочная, или же простирается только на извѣстный срокъ и на извѣстое количество изданій и экземпляровъ. То и другое зависитъ отъ обоюднаго договора автора съ издателемъ, договора, въ коемъ контрагенты въ правѣ безпрепятственно регулировать свои взаимныя отношенія по поводу изданія, не выходя изъ предѣловъ возможности и законности. Положительное право вмѣшивается въ эти отношенія своими нормами лишь въ томъ случаѣ, когда контрагенты сами не позаботились опредѣлить и формулировать свои взаимныя права и обязанности. Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, а теперь скажемъ объ издателѣ анонимныхъ и псевдонимныхъ сочиненій.

Обыкновенно каждая выходящая въ свѣтъ книга указываетъ и автора и издателя и служитъ какъ бы суррогатомъ договора изданія. Контрагенты, предварительно не заключившіе формальнаго договора, тѣмъ самымъ отнюдь не отказываются отъ своихъ правъ и обязанностей, а лишь заявляютъ, что они готовы подчиниться или дѣйствующимъ объ изданіи нормамъ, или установившимся въ данной странѣ литературнымъ обычаямъ, или наконецъ началамъ, прямо вытекающимъ изъ природы договора изданія. Но бываютъ случаи, когда книга указываетъ лишь одного издателя, не называя въ тоже время автора. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно даютъ мѣсто презумціи, что издатель есть въ тоже время авторъ книги и что ему слѣдовательно принадлежитъ и первоначальное право на нея. Само собою разумѣется, что презумція эта не можетъ уничтожить или

уменьшить права дѣйствительно управомоченныхъ лицъ. А потому какъ самъ авторъ, такъ и его наслѣдники и другіе преемники могутъ оспорить пользованіе даннымъ сочиненіемъ со стороны издателя и даже обвинить его въ контрафакціи. Выгода издателя при этой презумціи заключается лишь въ томъ, что onus probandi падаетъ не на него, а на противостоящихъ ему заинтересованныхъ лицъ. Нечего и прибавлять, что ему могутъ противостоять не всякія третьи лица, а лишь тѣ, кои имѣютъ въ томъ непосредственный интересъ.

Издатель посмертныхъ сочиненій въ сущности ничѣмъ не отличается отъ издателя другихъ сочиненій: подобно сему послѣднему, онъ, если желаетъ считаться юридическимъ преемникомъ автора, долженъ основывать свое право изданія на пріобрѣтеніи его отъ самого автора или его законныхъ представителей. Но при этомъ приведенная выше презумція уже не можетъ имѣть мѣсто; издатель ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сочтенъ самимъ авторомъ, такъ какъ это противорѣчило бы природѣ вещей.

Что касается сочиненій, вышедшихъ изъ частнаго обладанія, то изданіе ихъ не даетъ никому никакого исключительнаго права; они по прежнему остаются общественнымъ достояніемъ и никому не можетъ быть возбранено вновь издавать ихъ столько разъ и въ такомъ количествѣ экземпляровъ, сколько и какое кому заблагоразсудится.

Нѣсколько сложнѣе на первый взглядъ вопросъ объ изданіи сборниковъ, журналовъ, газетъ и вообще чисто компилятивныхъ произведеній, каковы энциклопедіи, хрестоматіи и т. п. Уже выше было указано, что первоначальное право на этого рода произведенія принадлежитъ ихъ издателю, но право это принадлежитъ ему лишь на цѣлый составъ произведенія, а не на отдѣльныя его части. Авторы помѣщенныхъ въ такихъ компиляціяхъ сочиненій обыкновенно уступаютъ свое авторское право издателю не безусловно, а лишь на одно изданіе; а потому всякая новая перепечатка этихъ сочиненій, послѣдовавшая безъ согласія

автора, должна разсматриваться какъ нарушеніе частнаго авторскаго права. Но такъ какъ компиляція въ цѣломъ своемъ составѣ принадлежитъ издателю, какъ ея автору, то возникаетъ вопросъ: въ правѣ ли онъ предпринимать изданіе ея свыше одного раза? — Казалось бы съ перваго взгляда, что утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣло представляется въ иномъ видѣ. Авторы составныхъ частей компиляціи уступили свое право на нихъ не безусловно, а лишь на одно изданіе; противное должно быть доказано издателемъ. Отсюда выясняется, что всякое новое воспроизведеніе этихъ частей, въ какомъ бы видѣ оно ни послѣдовало, есть вторженіе въ чужое авторское право, если только это воспроизведеніе сдѣлано помимо воли авторовъ. На этомъ основаніи нельзя назвать правильнымъ образъ дѣйствія тѣхъ, впрочемъ, весьма рѣдкихъ журналовъ (у насъ, напримѣръ, *Русская Старина*), которые, распродавши все изданіе, предпринимаютъ новыя перепечатки. Эти перепечатки могли бы быть оправданы лишь въ томъ случаѣ, еслибъ онѣ являлись слѣдствіемъ новыхъ или прежнихъ соглашеній на этотъ счетъ. Въ противномъ случаѣ онѣ даютъ авторамъ отдѣльныхъ, помѣщенныхъ въ этихъ журналахъ статей не только право на новый гонораръ, замѣняющій цѣну уступленнаго авторскаго права, но и на преслѣдованіе за контрафакцію.[4]) Впрочемъ, насколько намъ извѣстно, этимъ правомъ, по крайней мѣрѣ въ Россіи, доселѣ еще никто не воспользовался.

Положеніе редактора совершенно иное чѣмъ положеніе издателя. Если на послѣднемъ лежитъ чисто хозяйственная, имущественная часть изданія, то редакторъ наоборотъ заботится исключительно о его литературной сторонѣ. На редакторѣ лежитъ какъ просмотръ рукописей и отдѣльныхъ сочиненій, такъ и ихъ комбинація; онъ сообщаетъ данному

---

[4]) См. объ этомъ *Вехтера* das Verlagsrecht т. I стр. 196—201, *его же* das Autorrecht стр. 97—99.

компилятивному произведенію общій тонъ, преобладающій колоритъ, извѣстное направленіе и внѣшній распорядокъ. Эта руководящая дѣятельность превращается въ авторство, когда редакторъ вполнѣ переработываетъ предложенный ему или вообще чужой матеріалъ, создавая изъ него нѣчто новое, если не по содержанію, то по формѣ. Такъ хрестоматія, сборники пересмотрѣнныхъ, исправленныхъ и поясненныхъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ и т. п. суть въ цѣломъ своемъ составѣ, но не въ частяхъ, продукты редакторской дѣятельности, и редакторъ имѣлъ бы на нихъ авторское право, еслибъ заранѣе не уступилъ послѣдняго издателю. Но независимо отъ этой своей дѣятельности редакторъ можетъ фигурировать въ данномъ изданіи и какъ оригинальный авторъ, составляя самостоятельныя статьи и иныя сочиненія. Въ этомъ случаѣ онъ ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ писателей, произведенія коихъ входятъ въ составъ компиляціи, и отношенія его къ издателю по поводу этихъ его оригинальныхъ произведеній должны обсуживаться точно также, какъ и такія же отношенія названныхъ писателей. Впрочемъ редакторская дѣятельнность не всегда отдѣляется отъ издательской; довольно часто обѣ эти дѣятельности сливаются въ одномъ лицѣ, которое въ такихъ случаяхъ является и первоначальнымъ и преемственнымъ субъектомъ авторскаго права.

Обращаясь къ взаимнымъ отношеніямъ редактора и издателя, слѣдуетъ замѣтить, что принятіе на себя редакторскихъ обязанностей служитъ презумціею въ пользу уступки редакторомъ своихъ авторскихъ правъ издателю; эта презумція вполнѣ соотвѣтствуетъ природѣ редакторской дѣятельности, которая обыкновенно совершается въ чужихъ интересахъ и есть не болѣе какъ результатъ договора найма личныхъ услугъ. Само собою разумѣется, что такимъ результатомъ можетъ почитаться лишь то, что представляется прямымъ послѣдствіемъ редакторской дѣятельности, таковы: просмотръ, переработка, группировка и т. д. чужаго матеріала. Но самостоятельныя статьи редактора къ этой

категоріи не относятся, а потому на нихъ означенная презумція не можетъ распространяться. Впрочемъ она есть praesumtio iuris, но не iuris et de iure, а потому редактору не закрыта возможность оспаривать авторское право издателя даже на результаты редакторской дѣятельности [5]).

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію постановленій положительныхъ законодательствъ объ авторѣ и его юридическомъ преемникѣ, издателѣ, и начнемъ съ *сѣверо-германскаго закона* отъ 11 іюня 1870 года. Статья 1 этого закона постановляетъ: «Право механическимъ путемъ размножать сочиненіе принадлежитъ исключительно автору».

Статья не опредѣляетъ, кого собственно слѣдуетъ считать авторомъ; пробѣлъ этотъ былъ замѣченъ еще при обсужденіи закона въ Берлинѣ, но остался не восполненнымъ. Дамбахъ [6]) находитъ впрочемъ подобное восполненіе излишнимъ, такъ какъ «не можетъ подлежать сомнѣнію, что авторомъ долженъ считаться тотъ, изъ умственной производительной дѣятельности коего сочиненіе родилось.»

Соавторству и въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ въ обыденной жизни, сотрудничеству, посвященъ § 9, постановляющій слѣдующее: «При сочиненіи, составленномъ нѣсколькими лицами въ качествѣ соавторовъ, срокъ защиты обнимаетъ собою тридцать лѣтъ, считая со дня смерти соавтора, пережившаго остальныхъ. — При сочиненіяхъ, составленныхъ изъ статей нѣсколькихъ сотрудниковъ, срокъ защиты отдѣльныхъ статей опредѣляется по тому обстоятельству, названы ли ихъ авторы или нѣтъ (§§ 8 и 11)».

Параграфъ этотъ направленъ только на опредѣленіе срока защиты въ случаѣ принадлежности сочиненія нѣсколькимъ авторамъ in solido или по частямъ; но онъ оставляетъ безъ всякаго опредѣленія взаимныя отношенія соавторовъ и сотрудниковъ между собою и къ третьимъ ли-

---

[5]) Ср. *Вехтера* das Verlagsrecht т. I стр. 201 — 206, das Autorr. стр. 99—102.

[6]) Вышеприведенное сочиненіе стр. 14.

цамъ и даже не даетъ никакого указанія на ту точку зрѣнія, при помощи которой слѣдуетъ обсуждать эти отношенія. Этотъ пробѣлъ можно восполнить положеніями *Вектера* (das Autorrecht стр. 92 и сл.), различающаго три случая, въ коихъ взаимныя отношенія соавторовъ ведутъ къ неодинаковымъ послѣдствіямъ. Первый случай, когда произведенія соавторовъ настолько слились, что не могутъ быть разграничены внѣшнимъ образомъ. Здѣсь каждому изъ соавторовъ авторское право принадлежитъ по соразмѣрности, а при сомнѣніи оно раздѣляется поголовно. Къ этому случаю примѣняются юридическіи начала communio. «Каждый соавторъ можетъ распоряжаться цѣлымъ и вообще вторгаться въ части другихъ соавторовъ только съ согласія остальныхъ соучастниковъ. Но своею частью онъ можетъ располагать свободно, насколько это возможно безъ вторженія въ чужую юридическую сферу; онъ можетъ, напримѣръ, продать ее, причемъ его юридическій преемникъ пріобрѣтаетъ его частичное право со всѣми вытекающими изъ общности ограниченіями».

Второй случай, когда работа каждаго соавтора внѣшне распознается, но неразрывно связана съ цѣлымъ и не способна потому стать отдѣльнымъ юридическимъ объектомъ. Юридически этотъ случай вполнѣ сходенъ съ первымъ, но части соавторовъ опредѣляются по объему работъ послѣднихъ.

Наконецъ третій случай, когда работы каждаго изъ нихъ составляютъ самостоятельныя части; такъ напримѣръ, когда каждый изъ нихъ пишетъ повѣсть, которая должна быть издана вмѣстѣ съ другими подъ однимъ заглавіемъ. Здѣсь каждому изъ нихъ принадлежитъ самостоятельное право.

Точно такого же воззрѣнія держится и *Клостерманъ* (das Urheberrecht стр. 111 и сл.), но присовокупляетъ, что созданіе такого совокупнаго произведенія необходимо предполагаетъ договоръ объ общемъ дѣлежѣ цѣнности произведенія. «Поэтому должно быть принято за правило, что нѣсколько соавторовъ состоятъ въ товариществѣ, при коемъ ихъ взаимныя права

получаютъ существенно иной видъ, чѣмъ при случайномъ простомъ юридическомъ общеніи. Содержаніе такого договора, при отсутствіи явно выраженныхъ соглашеній, можетъ быть усмотрѣно изъ такихъ обстоятельствъ, которыя дозволяютъ сдѣлать несомнѣнное заключеніе о намѣреніи соавторовъ.» Обращаясь отъ этихъ соображеній къ разсмотрѣнію вышеприведеннаго параграфа, Клостерманъ справедливо упрекаетъ его въ томъ, что онъ не даетъ никакого отвѣта на вопросы: можетъ-ли соавторъ совершить контрафакцію противъ другаго соавтора, имѣетъ ли мѣсто искъ о раздѣлѣ и принадлежитъ ли по истеченіи тридцати лѣтъ со смерти одного изъ соавторовъ пользованіе авторскимъ правомъ на общее сочиненіе одному лишь пережившему или и наслѣдникамъ прежде умершихъ? На первый изъ этихъ вопросовъ Клостерманъ отвѣчаетъ утвердительно, основываясь на аналогическихъ постановленіяхъ о драматической собственности (§ 51). Но это положеніе можетъ измѣниться вслѣдствіе цѣли договора товарищества. Если договоръ этотъ направленъ на размноженіе общаго сочиненія, то каждый изъ соавторовъ обязанъ содѣйствовать осуществленію этой цѣли, и уклоняясь, напримѣръ, отъ заключенія выгоднаго договора объ изданіи общаго сочиненія, онъ парализуетъ достиженіе этой цѣли и обязанъ возмѣстить происшедшій оттого ущербъ сотоварища.

На второй вопросъ онъ также отвѣчаетъ утвердительно, но опять принимаетъ въ соображеніе конкретный договоръ товарищества, такъ что, по его мнѣнію, путемъ иска о раздѣлѣ возможна adjudicatio, если для удовлетворенія кредиторовъ невозможно совершить принудительной продажи. Если авторы не могутъ между собою согласиться насчетъ способа реализаціи своей общей собственности, то каждому изъ нихъ должно быть предоставлено право путемъ иска о раздѣлѣ требовать принудительной продажи авторскаго права. Уклоненіе отъ этого отвѣтчика можетъ быть уважево лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ въ правѣ отказаться отъ заключеннаго договора изданія.

Что касается третьяго вопроса, то и на него Клостерманъ отвѣчаетъ утвердительно, справедливо не усматривая никакого юридическаго основанія для перехода права наслѣдниковъ прежде умершаго соавтора къ пережившему его соавтору, да къ тому же частичное погашеніе авторскаго права на недѣлимый объектъ немыслимо.

По отношенію къ заказчику сѣверогерманскій законъ не содержитъ никакихъ постановленій. Дѣйствовавшіе до него законы уравнивали заказчика съ авторомъ, но новый законъ отвергъ это уравненіе, такъ какъ «оно, по замѣчанію самихъ же книгопродавцевъ, могло бы придать книжной торговлѣ такой видъ, будто она желаетъ обезпечить за собою особое право на авторовъ, и такъ какъ нѣтъ уже практической необходимости къ его сохраненію». [7])

Что касается издателя, то постановленія о немъ содержатся въ §§ 2 и 28. Въ первомъ изъ нихъ дословно говорится слѣдующее: «По отношенію къ предоставляемой настоящимъ закономъ защитѣ одинаковое положеніе съ авторомъ занимаетъ издатель сочиненія, состоящаго изъ статей нѣсколькихъ лицъ, если оно образуетъ одно цѣлое. Авторское право на отдѣльныя статьи принадлежитъ ихъ авторамъ». Въ § 28 объ издателяхъ говорится лишь въ третьемъ пунктѣ, гдѣ имѣются въ виду не издатели вообще, а издатели анонимныхъ и псевдонимныхъ сочиненій. «При анонимныхъ и псевдонимныхъ сочиненіяхъ, сказано тамъ, издатель, а если таковой не указанъ, то продавецъ изданія (Verleger) властенъ блюсти принадлежащее автору право. Обозначенный на сочиненіи продавецъ изданія считается безъ дальнѣйшихъ доказательствъ юридическимъ преемникомъ анонимнаго или псевдомимнаго автора».

Параграфы эти имѣютъ въ виду только издателей истинныхъ компиляцій, а не издателей древнихъ рукописей, журналовъ и газетъ, такъ какъ эти произведенія, согласно мотивамъ къ § 28, не могутъ быть причислены къ защищае-

---

[7]) См. *Dambach* в. п. с. стр. 33, *Вехтера* das Autorrecht стр. 96 пр. 3.

мымъ сборникамъ [8]). Приведенныя слова 28 § какъ бы даютъ право заключить, что въ анонимныхъ и псевдонимныхъ сочиненіяхъ авторъ безусловно устраненъ отъ всякаго вліянія на свое сочиненіе, а вся полнота его правъ переносится на издателя или продавца изданія. Но заглянувши въ мотивы не трудно убѣдиться, что только редакція приведеннаго пункта весьма несовершенна и вовсе не выражаетъ намѣренія законодателя. Сей послѣдній, по объясненію Дамбаха (ibid., стр. 179 и сл.), имѣлъ въ виду лишь доставить автору возможность сохранить свои права, не будучи вынужденнымъ открывать для того свое настоящее имя. «Эта потребность, говоритъ онъ, признана была еще въ прежнемъ законодательствѣ; но сдѣланныя въ этомъ отношеніи опредѣленія не вполнѣ соотвѣтствовали практическимъ потребностямъ, такъ какъ они рѣзко не разграничивали встрѣчающіеся отдѣльные случаи». Потребность въ предъявленіи иска относительно анонимныхъ и псевдонимныхъ сочиненій можетъ, думаетъ Дамбахъ, проявиться въ двухъ направленіяхъ: a) когда авторъ желаетъ осуществить принадлежащія ему права, и b) когда продавецъ изданія, въ качествѣ юридическаго преемника автора, желаетъ судебнымъ порядкомъ преслѣдовать свои нарушенныя издательскія права. Относительно перваго случая законъ предписываетъ, что представителемъ автора служитъ издатель, а если его нѣтъ, то продавецъ изданія. Но это отнюдь не можетъ воспрепятствовать автору предъявить искъ и съ своей стороны. «Ибо 3 пунктъ § 28 разсчитанъ лишь на то, чтобы дать автору возможность преслѣдовать свои права, не называя себя; а потому когда онъ желаетъ выйдти изъ анонимности, называя свое истинное имя и доказывая, что онъ именно составилъ данное сочиненіе, то онъ, безъ всякаго сомнѣнія, самъ можетъ требовать наказанія контрафактора и возмѣщенія ущерба».

Что касается втораго случая подъ литерою b), то изда-

---

[8]) См. *Клостермана,* „Das Urheberrecht“, стр. 119.

тель, желающій судебнымъ порядкомъ преслѣдовать свое нарушенное право изданія, долженъ въ обыкновенномъ порядкѣ вещей доказать происхожденіе этого права отъ даннаго автора, слѣдовательно долженъ назвать послѣдняго. Щадя желаніе автора скрыть свое имя, законъ опредѣляетъ, что обозначенный на анонимномъ или псевдонимномъ сочиненіи издатель (Verleger) не долженъ доказывать, что онъ юридическій преемникъ автора. Но это не исключаетъ права доказывать, что этотъ издатель не управомоченъ къ изданію. Вотъ очень вразумительныя объясненія приведеннаго постановленія; но какъ мы уже замѣтили, въ самомъ текстѣ закона означенная цѣль не находитъ себѣ никакого выраженія. Впрочемъ противъ разумности самой цѣли и спорить невозможно, такъ какъ иначе пришлось бы отказать анонимнымъ и псевдонимнымъ авторамъ во всякой юридической защитѣ и тѣмъ косвеннымъ образомъ принуждать ихъ открывать свое настоящее имя.

Переходя затѣмъ къ *австрійскому законодательству*, приведемъ дословно касающійся разсматриваемаго въ данную минуту предмета § 1 закона 19 октября 1846 г. «Литературныя произведенія, сказано тамъ, и произведенія искусствъ образуютъ собственность ихъ автора, т. е. того, кто ихъ первоначально составилъ или приготовилъ. По отношенію къ доставляемой настоящимъ закономъ защитѣ равное положеніе съ авторомъ, если тому не противорѣчатъ особые договоры, занимаютъ: a) заказчикъ сочиненія, поручившій другому лицу разработать и выполнить таковое по данному плану и на своемъ (заказчика) иждивеніи; b) издатель или предприниматель сочиненія, образующагося изъ самостоятельныхъ вкладовъ (Beiträge) нѣсколькихъ сотрудниковъ; c) издатель анонимнаго или псевдонимиаго сочиненія (см. § 14 a и b)».

Такимъ образомъ австрійскій законъ безъ всякаго основанія распространяетъ понятіе авторства на лицъ, которыя могутъ быть названы преемниками автора, но отнюдь не самими авторами. Начнемъ съ того, что заказчикъ, хотя бы

сочиненіе было написано по его даже самымъ подробнымъ указаніямъ и хотя бы онъ издалъ его на свой счетъ, все таки не есть авторъ; ему могутъ принадлежать мысли, планъ и вообще вся духовная сторона сочиненія; но тѣло послѣдняго, т. е. то именно, что служитъ объектомъ авторскаго права, принадлежитъ другому, который одинъ и есть авторъ сочиненія. Отъ этого-то автора заказчикъ пріобрѣтаетъ его произведеніе въ силу спеціальнаго, заключеннаго съ нимъ договора, который по природѣ своей ближе всего подходитъ къ договору подряда. Авторъ обязуется къ извѣстному сроку и подъ извѣстными условіями доставить данному контрагенту опредѣленную, имъ самимъ созданную вещь съ тѣмъ, чтобъ этотъ контрагентъ пользовался ею какъ собственникъ, неограниченно или ограниченно, смотря по соглашенію. Авторъ слѣдовательно вступаетъ съ заказчикомъ въ договоръ купли продажи, осуществленіе коего должно послѣдовать не немедленно, а по истеченіи установленнаго договоромъ срока, другими словами здѣсь совершается сдѣлка подъ суспензивнымъ срокомъ.

Какъ бы сознавая несообразность приведеннаго постановленія, Гарумъ (ibid. стр. 115 и сл.), даетъ ему такое толкованіе, которое совершенно измѣняетъ его дѣйствительный смыслъ и низводитъ его до безконечно малой величины. «Для пріобрѣтенія первоначальнаго авторскаго права, говоритъ онъ, заказчику недостаточно обозначить заказопринимателю предметъ заказа въ общихъ чертахъ; ибо законъ требуетъ, чтобъ онъ изложилъ исполнителю заказа *извѣстный планъ*, по которому должно послѣдовать исполненіе. Дабы по отношенію къ исполненію получить значеніе чего-то существеннаго, главнаго, планъ этотъ очевидно не только долженъ обозначить предметъ въ общихъ чертахъ, но и опредѣлить *цѣль*, *направленіе*, *форму* и вообще наиболѣе существенные моменты этого исполненія. Въ противномъ случаѣ заключенный договоръ слѣдовало бы разсматривать какъ договоръ изданія и первоначальное авторское право пришлось бы признать принадлежащимъ исполнителю за

каза, что имѣетъ практическую важность въ особенности относительно срока этого права, зависящаго отъ продолжительности жизни автора».

Но если заказчику принадлежитъ планъ сочиненія, цѣль, направленіе и форма его исполненія, то слѣдовательно творцомъ его является не исполнитель заказа, а самъ заказчикъ, который потому и долженъ быть названъ авторомъ сочиненія. Но въ такомъ случаѣ отношенія между контрагентами существенно измѣняются: заказчикъ превращается въ автора, такъ какъ именно онъ и есть создатель вещи, а исполнитель заказа представляется не болѣе какъ простымъ пособникомъ, другими словами при этомъ является то отношеніе, которое мы выше назвали сотрудничествомъ или пособничествомъ. Приведенное постановленіе очевидно имѣло въ виду не это отношеніе, что подтверждается и словеснымъ смысломъ, которому Гарумъ произвольно даетъ чрезмѣрно широкое распространеніе. Вмѣсто того, чтобы гнуть законъ подъ извѣстное начало и тѣмъ извращать его первоначальный смыслъ, Гарумъ поступилъ бы гораздо лучше, еслибы прямо указалъ на его несостоятельность и съ теоретической и съ практической точки зрѣнія. Далѣе Гарумъ разрѣшаетъ нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ, изъ коихъ укажемъ лишь одинъ.

Такъ онъ спрашиваетъ, что слѣдуетъ сказать, когда заказопріниматель издаетъ заказанное ему сочиненіе въ качествѣ своего собственнаго? можно ли его обвинять въ контрафакціи? «Къ этому вопросу, говоритъ онъ, слѣдуетъ главнымъ образомъ относиться какъ къ quaestio facti. Если заказопріниматель, принявшій на себя выполненіе сочиненія по данному плану, выполнилъ его по собственному плану или вообще самостоятельно, то хотя онъ при этомъ дѣйствовалъ противно договору и подлежитъ за это отвѣтственности; но само сочиненіе, безъ сомнѣнія, принадлежитъ ему, и авторское право на него не можетъ принадлежать никому иному кромѣ исполнителя. Точно также слѣдуетъ рѣшать и въ томъ случаѣ, когда заказопріниматель, хотя

и придерживался даннаго ему плана, но самое исполненіе до того самостоятельно, что оно не можетъ разсматриваться какъ простая вспомогательная работа, какъ простое наполненіе предложенной схемы, а является какъ главная вещь, какъ дѣйствительное творчество». Это, говоритъ онъ, въ каждомъ данномъ случаѣ можетъ быть констатировано допросомъ экспертовъ. Приведенный примѣръ еще нагляднѣе доказываетъ, что, по мнѣнію Гарума, законъ подъ заказчикомъ разумѣетъ дѣйствительнаго автора, а подъ заказопринимателемъ его пособника; но еслибъ этотъ законъ имѣлъ именно тотъ смыслъ, какой даетъ ему Гарумъ, то онъ представлялся бы совершенно излишнимъ: законодателю незачѣмъ было бы вновь повторять, что сочиненіе принадлежитъ автору, въ то время, какъ это уже категорически высказано въ первой части § 1. Очевидно отсюда, что онъ имѣлъ въ виду именно заказчика, т. е. такое лицо, которое не принимаетъ никакого непосредственнаго участія въ созданіи сочиненія, а намѣчаетъ лишь общій планъ исполненія.

Столь же несостоятельно другое постановленіе приведеннаго параграфа, по которому одинаковое положеніе съ авторомъ занимаетъ издатель или предприниматель сочиненія, состоящаго изъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ статей. Уже выше было показано, что при отсутствіи спеціальнаго договора статьи эти считаются уступленными издателю лишь на одно изданіе, а потому какъ только послѣднее разошлось, то авторы ихъ ipso facto вновь вступаютъ въ свои авторскія права, и перепечатка состоящаго изъ такихъ статей сочиненія является нарушеніемъ права не издателя его, а исключительно отдѣльныхъ авторовъ. Издатель только тогда могъ бы претендовать на авторское право, когда самая комбинація означенныхъ статей въ одно цѣлое представлялась бы результатомъ самостоятельной умственной работы; но и въ этомъ случаѣ его авторское право простиралось бы только на этотъ результатъ, т. е. на самую комбинацію, но отнюдь не на отдѣльныя статьи. Такъ относятся къ этому вопросу

остальныя законодательства. Съ своей стороны Гарумъ (ib. стр. 117—122) силится придать именно такой смыслъ означенному постановленію; но его усилія могутъ быть конечно оправданы съ теоретической точки зрѣнія; самого же смысла закона они нисколько не измѣняютъ, ибо всякій вправѣ понимать законъ не такъ, какъ его толкуетъ тотъ или другой ученый, а какъ онъ написанъ, т. е. выраженъ во внѣ, а въ этомъ отношеніи законъ очень ясно говоритъ, что издатель указанной въ немъ компиляціи пользуется авторскими правами, при чемъ не сдѣлано никакихъ указаній относительно авторовъ отдѣльныхъ статей и ихъ правъ. Изъ буквальнаго смысла закона можно вывести заключеніе, обратное тому, какое дѣлаетъ Гарумъ, а именно можно съ полнымъ основаніемъ сказать, что такой издатель вправѣ преслѣдовать за контрафакцію даже и помянутыхъ авторовъ, если они не заключили съ нимъ спеціальнаго договора, гдѣ бы они выговорили себѣ право отдѣльной перепечатки своихъ статей.

Не менѣе несостоятельно наконецъ и постановленіе приведеннаго параграфа, по которому авторскимъ правомъ пользуется издатель анонимнаго или псевдонимнаго сочиненія. Въ своей безусловности постановленіе это есть извращеніе естественной справедливости, ибо навсегда лишаетъ истиннаго автора возможности воспользоваться естественно принадлежащимъ ему правомъ. Если онъ разъ имѣлъ несчастіе скрыть при изданіи своего сочиненія свое имя, то сколько бы онъ потомъ ни разоблачалъ себя и сколько бы ни доказывалъ, что сочиненіе принадлежитъ ему, онъ вынужденъ будетъ ретироваться предъ своимъ издателемъ, котораго закону угодно третировать какъ истиннаго автора. Несообразность такого порядка вещей нѣтъ надобности особенно доказывать, ибо она понятна сама собой.

Правильнѣе поставленъ вопросъ объ авторѣ во *Франціи*. Французское законодательство не содержитъ никакого спеціальнаго опредѣленія о томъ, кто долженъ считаться авторомъ сочиненія, предоставляя такимъ образомъ разрѣшеніе

этого вопроса юридической практикѣ; эта же послѣдняя разрѣшила его въ томъ смыслѣ, что авторомъ долженъ быть признанъ тотъ, кто задумалъ и выполнилъ сочиненіе, а также и тотъ, кто задумалъ сочиненіе, но выполнилъ его не самъ, а чрезъ посредство другихъ; при этомъ не дѣлается никакого различія между авторами извѣстными и анонимными или псевдонимными [9]).

Относительно же издателя декретъ отъ 5-го февраля 1810 г. въ статьѣ 40 выражается очень опредѣленно. «Авторы, сказано тамъ, національные или иностранные, могутъ уступать свое право типографщику, книгопродавцу и всякому иному лицу, которое въ такомъ случаѣ заступаетъ мѣсто авторовъ какъ само, такъ и въ лицѣ своихъ юридическихъ преемниковъ».

Говоря о положеніи и правахъ издателя по французскому праву, Планъ (ib. стр. 97 и сл.) впадаетъ въ нѣкоторую крайность, противъ которой необходимо предупредить. «...Безусловная продажа авторомъ своихъ правъ, говоритъ онъ, не даетъ еще покупателю права располагать ими согласно своимъ интересамъ и своему капризу, увеличивать или уменьшать ихъ, раздроблять или, и того менѣе, уничтожать ихъ. Причина проста и почерпается изъ самаго предмета договора. Положительно отчуждается не право автора, а скорѣе пользованіе этимъ правомъ, т. е. власть эксплуатировать его посредствомъ изданія сочиненія; цессіонарій получаетъ только право собирать плоды вещи, сохраняя ея существо: это родъ узуфрукта или аренднаго договора. Слѣдовательно самое незначительное измѣненіе въ сочиненіи есть нарушеніе договора, ибо это уже не простое пользованіе, а отчужденіе существа. Это нарушеніе договора будетъ тѣмъ важнѣе, что уплаченная цессіонаріемъ сумма не составляетъ единственнаго результа, котораго авторъ вправѣ ожидать. Эта цѣна есть только представительница, экви-

---

[9]) См. объ этомъ *Blanc* в. п. с. стр. 27—34, *Renouard* в. п. с. т. II, стр. 230, № 106 и 107.

валентъ той выгоды, которую сочиненіе принесло бы ему, если бы онъ издалъ его самъ и на свой счетъ. Есть другая выгода, болѣе драгоцѣнная для автора, болѣе достойно вознаграждающая его за тяжкіе труды, за его долгія и добросовѣстныя занятія; это репутація, слава его имени. Но при неограниченномъ правѣ располагать проданнымъ сочиненіемъ, что станется съ этою несоизмѣримою цѣной, съ этимъ столь необходимымъ автору результатомъ? Безъ сомнѣнія, авторъ самъ можетъ пожертвовать плодомъ своего ума, можетъ согласиться, чтобы плодъ этотъ былъ отчужденъ; но это должно быть формально оговорено въ договорѣ.

«Право автора до того безусловно, что издатель не долженъ издавать какую либо часть сочиненія, даже не принадлежащія автору таковаго объявленіе или предисловіе, безъ его согласія. Эта доктрина, съ виду суровая, тѣмъ не менѣе вѣрна. Отвѣтственность за предисловіе, въ глазахъ публики и въ извѣстной мѣрѣ, всегда раздѣляется и авторомъ».

Съ этими доводами Блана можно согласиться лишь отчасти. Право автора безусловно только въ томъ случаѣ, когда онъ сохраняетъ его за собою, предоставляя издателю лишь временное и ограниченное осуществленіе его. Но и въ этомъ случаѣ у издателя не можетъ быть отнята возможность дѣлать къ сочиненію добавленія, объявленія и предисловія, какія ему заблагоразсудятся, лишь бы только они настолько отдѣлялись отъ самого сочиненія, чтобы для всякаго читателя не было никакого сомнѣнія въ ихъ принадлежности издателю, а не автору. Отчуждая свое сочиненіе издателю временнно или навсегда, авторъ отнюдь не долженъ лишать его права предпринимать тѣ именно мѣры, какія по его соображенію наиболѣе способствуютъ сбыту книги. Что же касается до добавленій и примѣчаній, то издатель можетъ дѣлать ихъ на томъ же основаніи, какъ и всякое иное частное лицо, и если авторъ не желаетъ видѣть ихъ во внѣшней связи съ своею книгой, то долженъ оговорить это въ самомъ договорѣ отчужденія. Такимъ обра-

зомъ практика французскихъ судовъ, придерживающаяся приведенныхъ Блаиомъ началъ, погрѣшаетъ противъ юридическаго существа авторскаго права и не находитъ себѣ никакой опоры даже въ самомъ положительномъ законодательствѣ, которое ничего подобнаго не предусматриваетъ.

Англійское законодательство, подобно остальнымъ европейскимъ, объявляетъ издателей компиляцій субъектами авторскаго права, но содержитъ въ себѣ особенности, не встрѣчающіяся въ законодательствахъ континентальной Европы. Въ законѣ отъ 6 іюля 1842 года въ статьѣ XVIII постановлено, что подобный издатель считается собственникомъ отдѣльныхъ, помѣщенныхъ въ компиляціи статей или вообще сочиненій въ теченіе двадцати восьми лѣтъ, если онъ уплатилъ за нихъ ихъ авторамъ. Отдѣльное изданіе этихъ статей или сочиненій компиляторъ можетъ предпринять лишь въ томъ случаѣ, когда это прямо или подразумѣваемо будетъ разрѣшено ему ихъ авторами. Равнымъ образомъ и эти авторы пользуются правомъ такого изданія лишь тогда, когда они при отчужденіи своихъ произведеній прямо или подразумѣваемо выговорили его себѣ. На остальные четырнадцать лѣтъ узаконеннаго срока ихъ авторское право возвращается къ нимъ въ своемъ первоначальномъ видѣ. Отсюда выясняется, что издатель только тогда можетъ считаться собственникомъ своей компиляціи, когда пріобрѣтетъ право собственности на отдѣльныя ея статьи у авторовъ сихъ послѣднихъ. Законъ установляетъ, что всякое подобное отчужденіе имѣетъ силу лишь въ теченіе 28 лѣтъ, что въ этотъ срокъ компиляторъ сохраняетъ исключительное право изданія компиляціи лишь въ цѣломъ ея составѣ и что вступившіе съ нимъ въ соглашеніе отдѣльные авторы считаются отказавшимися отъ права отдѣльной перепечатки ихъ сочиненія, если они такъ или иначе не выговорили себѣ этого права при самомъ соглашеніи.

Въ этомъ законоположеніи спорнымъ представляется назначеніе двадцати восьми лѣтняго срока и предполаемое полное отчужденіе отдѣльныхъ статей компиляціи. При

отсутствіи спеціальнаго договора всего естественнѣе предположить, что отдѣльные авторы уступили свое авторское право компилятору только на одно изданіе и что за тѣмъ право ихъ возстановляется само собою. Что же касается срока, то величина его должна зависѣть отъ обоюднаго соглашенія и не превышать срока узаконеннаго. Вмѣшательство же законодательства является здѣсь совершенно неумѣстнымъ и тормозитъ свободное осуществленіе своихъ естественныхъ правъ.

Относительно авторовъ сочиненій анонимныхъ или псевдонимныхъ въ приведенномъ законѣ не содержится никакихъ постановленій, но въ законѣ отъ 10 мая 1844 года есть статья, именно VII, гдѣ упоминается о внесеніи анонимныхъ сочиненій въ списки. «...Симъ постановляется, сказано тамъ, что въ случаѣ анонимной книги... достаточно записки имени и мѣстожительства перваго издателя вмѣсто имени и мѣстожительства автора, и кромѣ того должно быть заявлено, что внесеніе въ списки дѣлается въ пользу автора или въ пользу перваго издателя, смотря потому, какъ покажетъ случай». [10]) Изъ этихъ словъ видно, что авторскія права самого автора анонимнаго сочиненія вполнѣ ограждены, ибо внесеніемъ ихъ въ списки онъ навсегда закрѣпляетъ ихъ за собою.

Нашъ цензурный уставъ выражается относительно субъектовъ авторскаго права весьма ясно и категорически. Постановленія его на этотъ счетъ почти вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ справедливости и науки права, и лишь немногое нуждается въ нихъ въ передѣлкѣ. «Каждый сочинитель или переводчикъ книги, говоритъ статья 282, имѣетъ исключительное право пользоваться во всю жизнь свою изданіемъ и продажею оной по своему усмотрѣнію, какъ имуществомъ благопріобрѣтеннымъ.» «Права на второе изданіе книги, продолжаетъ ст. 287, должны быть слѣд-

---

[10]) См. *Лабулэ* Etudes и т. д. стр. 179.

ствіемъ предварительныхъ соглашеній между сочинителемъ, переводчикомъ, или издателемъ и книгопродавцемъ. Если между ними нѣтъ никакого письменнаго условія, то сочинитель, переводчикъ или издатель, или же, въ случаѣ ихъ смерти, наслѣдники ихъ могутъ печатать книгу вторымъ изданіемъ по прошествіи пяти лѣтъ со дня выдачи изъ цензуры позволительнаго на выпускъ оной билета.» Вообще же неограниченное право отчуждать свои сочиненія предоставляется статьею 286-ю.

Нельзя однако признать вполнѣ справедливымъ законоположенія, выраженнаго въ 291 статьѣ, по которой компиляторамъ предоставляется исключительное право перепечатки ихъ компиляцій помимо воли авторовъ помѣщенныхъ въ нихъ статей. Хотя сама компиляція и есть продуктъ умственной дѣятельности ея составителя, но этотъ фактъ самъ по себѣ не можетъ превратить ея составныхъ частей въ собственность компилятора. Отдѣльныя статьи ея не перестанутъ принадлежать своимъ авторамъ только потому, что онѣ внесены въ компиляцію; а потому перепечатка ихъ въ какомъ бы то ни было видѣ, т. е. отдѣльно или въ связи съ другими статьями, будетъ все-таки нарушеніемъ чужаго права, если она совершена помимо воли означенныхъ авторовъ.

Съ другой стороны статья 292, разрѣшающая этимъ авторамъ отдѣльную перепечатку ихъ произведеній, вполнѣ согласна съ существомъ взаимныхъ отношеній авторовъ и издателей компиляцій, а потому не можетъ не быть одобренною.

в) *Наслѣдники.*[11]) Въ силу правилъ объ универсальномъ преемствѣ къ наслѣдникамъ переходятъ всѣ имущественныя права наслѣдодателя во всемъ ихъ объемѣ, а такъ

---

[11]) См. *Вехтера* das Verlagsrecht т. I стр. 214—217, *его же* das Autorrecht стр. 126—128, *Eisenlohr* das liter. art. Eigenth. стр. 72, *Клостермана* das Urheberrecht стр. 127 и 151 и сл., *Дамбаха* в. п. с. стр. 34 и сл., *Гаума* в. п. с. стр. 123—125, *Ренуара* в. п. с. т. II стр. 234—276, *Blanc* в. п. с. стр. 116—126.

какъ авторское право принадлежитъ къ разряду вещныхъ правъ, то и оно переходитъ къ нимъ въ томъ же видѣ, въ какомъ оно было въ рукахъ самого автора. Но дѣйствующія законодательства видоизмѣняютъ это положеніе въ томъ смыслѣ, что ограничиваютъ въ рукахъ наслѣдниковъ не объемъ авторскаго права, а срокъ его выполненія, установляя опредѣленный промежутокъ времени, въ теченіе коего наслѣдники, а также и другіе преемники автора въ правѣ пользоваться своими полномочіями. Впрочемъ объ этомъ будетъ сказано особо въ главѣ о возникновеніи и прекращеніи литературной собственности.

Само собою разумѣется, что авторъ въ правѣ распорядиться своею литературною собственностью путемъ завѣщанія и возложить на своихъ наслѣдниковъ различныя обязательства, соблюденіе и выполненіе коихъ подчиняются общимъ правиламъ о наслѣдованіи по завѣщанію; онъ не въ правѣ только предоставить имъ пользованіе, которое продолжалось бы за предѣлами закономъ установленнаго срока, такъ какъ послѣдній введенъ въ интересахъ общества, хотя и мнимыхъ. За отсутствіемъ завѣщанія авторское право переходитъ къ наслѣдникамъ по закону, подчиняясь дѣйствующимъ на этотъ счетъ общимъ законоположеніямъ.

Но спрашивается, обязанъ ли наслѣдникъ по завѣщанію или по закону пользоваться доставшимся ему по наслѣдству сочиненіемъ въ томъ именно видѣ, въ какомъ оно ему досталось, или онъ можетъ сдѣлать въ немъ измѣненія, дополненія и сокращенія? Послѣднее не подлежитъ никакому сомнѣнію. Самому автору право это принадлежитъ безусловно, если только путемъ частныхъ сдѣлокъ онъ самъ себя не ограничилъ въ пользованіи имъ. А такъ какъ авторское право всецѣло переходитъ къ наслѣдникамъ, то имъ, какъ уже сказано, оно принадлежитъ въ томъ же объемѣ, какъ и автору. А потому ихъ право дѣлать измѣненія и дополненія въ сочиненіи не можетъ подлежать спору, если только они сами себя не ограничили въ немъ или не унаслѣдовали такое ограниченіе отъ автора. Но измѣ-

пенія могутъ быть такого свойства, что они сами по себѣ обусловливаютъ новое авторское право, представляясь новымъ созданіемъ интеллектуальной дѣятельности самого наслѣдника. Въ такихъ случаяхъ онъ изъ преемника превращается въ автора, и установленное закономъ ограниченіе въ срокѣ по отношенію къ нему тутъ отпадаетъ. Само собою разумѣется, что сказанное можетъ относиться не къ самому сочиненію, а лишь къ тѣмъ измѣненіямъ, кои обязаны своимъ появленіемъ авторской дѣятельности наслѣдника. Само же унаслѣдованное сочиненіе по истеченіи узаконеннаго срока становится общественнымъ достояніемъ. Словомъ здѣсь повторяется тоже явленіе, какое мы видѣли при анализѣ юридическаго значенія коментарій и добавленій къ сочиненіямъ, вышедшимъ изъ частнаго обладанія.

Въ правѣ ли далѣе наслѣдникъ при новыхъ изданіяхъ унаслѣдованнаго имъ сочиненія слить свои добавленія и измѣненія съ текстомъ первоначальнаго сочиненія такимъ образомъ, чтобъ они считались произведеніемъ самого умершаго автора? Съ перваго взгляда можетъ показаться, что это право наслѣдника есть несомнѣнное слѣдствіе факта наслѣдованія. Но ближайшее разсмотрѣніе убѣждаетъ въ противномъ. Наслѣдникъ есть представитель имущественной личности наслѣдодателя; на этомъ основаніи онъ получаетъ на все наслѣдственное имущество тѣ же права и обязанности, какія принадлежатъ ихъ умершему хозяину; такъ какъ сочиненіе есть также имущество, то наслѣдникъ можетъ распорядиться имъ съ тою же свободой, какъ и самъ авторъ; онъ можетъ издать унаслѣдованное сочиненіе сколько ему угодно разъ, можетъ изъять его изъ обращенія или вовсе не издавать, можетъ уступить его другому лицу всецѣло или на время, издать его во всемъ объемѣ, по частямъ или въ одной части и т. п.; но онъ не можетъ сдѣлать, чтобы видоизмѣненное имъ сочиненіе считалось произведеніемъ умершаго автора, такъ какъ всякое литературное произведеніе есть продуктъ авторской дѣятельно-

сти, а всякая такая дѣятельность неразрывно связана съ личностью, есть прямое ея выраженіе; наслѣдникъ есть только представитель умершаго наслѣдодателя, а не самъ наслѣдодатель; еслибъ онъ измѣненное имъ сочиненіе приписалъ умершему автору, то онъ отожествилъ бы свою личность и свою дѣятельность съ личностью и дѣятельностью автора, а это совершенно противоестественно; наличность своекорыстныхъ цѣлей давала бы даже право считать такое дѣйствіе преступнымъ обманомъ.

Выше было сказано, что наслѣдникъ въ предѣлахъ узаконеннаго срока можетъ вполнѣ свободно располагать судьбою унаслѣдованнаго имъ сочиненія. Отсюда слѣдовало бы заключить, что эта свобода не можетъ быть стѣснена и самимъ наслѣдодателемъ путемъ завѣщанія. Въ дѣйствительности однако такой выводъ былъ бы поспѣшнымъ. Сочиненіе принадлежитъ автору на правѣ собственности; слѣдовательно онъ можетъ распоряжаться имъ какъ при жизни, такъ и на случай смерти, ибо завѣщаніе есть только одинъ изъ видовъ осуществленія права собственности. Наслѣдникъ, хотя и является продолжателемъ имущественной личности наслѣдодателя, но само имущество онъ принимаетъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось въ рукахъ наслѣдодателя въ моментъ его смерти. А въ этотъ именно моментъ оно имѣло уже спеціальное предназначеніе, съ которымъ оно и должно перейдти въ руки наслѣдника. Подобно тому, какъ послѣдній не въ правѣ произвольно разрывать договоры, заключенные наслѣдодателемъ по поводу своего имущества, а обязанъ выполнить ихъ точно также, какъ выполнилъ бы ихъ самъ наслѣдодатель, подобно тому какъ онъ не въ правѣ снять съ наслѣдственнаго имущества всѣ обязательства и повинности, наложенныя на него волею умершаго собственника, такъ онъ не въ правѣ произвольно измѣнить завѣщательное распоряженіе послѣдняго, ибо основаніе его тоже самое, какъ и остальныхъ пожизненныхъ распоряженій наслѣдодателя, а именно право собственности. Въ моментъ смерти наслѣдодателя на имуществѣ еще тяготѣетъ

его воля, хотя она и высказана только на случай смерти; она проявилась во внѣ и должна быть исполнена, потому что того, кто могъ бы отмѣнить ее, уже нѣтъ въ живыхъ. Наслѣдникъ же не въ правѣ дѣлать это именно потому, что онъ принимаетъ на себя обязанность продолжать только имущественную личность умершаго, а отнюдь не психическое существо его, его волю, дальнѣйшее существованіе которой прекращается съ существованіемъ самого ея носителя и вмѣстилища.

То обстоятельство, что воля эта выражена односторонне, еще не даетъ наслѣднику никакого права отмѣнять ее, ибо существо такой воли таково же, какъ и при двусторонних сдѣлкахъ, отмѣна коихъ отъ его произвола вовсе не зависитъ. Принимая наслѣдственное имущество, наслѣдникъ тѣмъ самымъ выражаетъ свою волю выполнить всѣ распоряженія и обязательства, лежащія на этомъ имуществѣ. Вслѣдствіе того односторонняя до этого момента воля наслѣдодателя превращается въ двустороннюю, встрѣчая соотвѣтствующую ей волю наслѣдника. А такъ какъ изъ двусторонних сдѣлокъ вытекаетъ обязанность выполнить всѣ установленныя въ нихъ дѣйствія, то изъ принятія наслѣдства, какъ двусторонней сдѣлки, вытекаетъ обязанность исполнить всѣ дѣйствія, указанныя завѣщаніемъ какъ внѣшнимъ проявленіемъ такой сдѣлки.

Полная свобода располагать судьбою унаслѣдованнаго сочиненія имѣетъ мѣсто для наслѣдника лишь тогда, когда авторское право досталось ему вполнѣ свободнымъ отъ всякихъ ограниченій, прямо или косвенно установленныхъ для него волею автора или вообще наслѣдодателя. Въ противномъ случаѣ она можетъ наступить только въ то время, когда ограниченія эти отпадутъ вслѣдствіе истеченія ихъ срока, выполненія условія, ради котораго они были наложены, физической или юридической невозможности этого выполненія и т. д. Такимъ образомъ если наслѣдодатель путемъ завѣщанія распорядится, напримѣръ, что часть или весь доходъ отъ изданій его сочиненія долженъ идти въ

пользу извѣстнаго лица въ теченіе всей жизни послѣдняго или въ теченіе извѣстнаго промежутка времени, то наслѣдникъ, принявшій наслѣдство на основаніи такого завѣщанія, не въ правѣ уже безнаказанно уклоняться отъ выполненія этого распоряженія или парализовать его посредствомъ такихъ дѣйствій и соглашеній, которыя несовмѣстимы съ нимъ. Равнымъ образомъ если завѣщатель обяжетъ наслѣдника сдѣлать не болѣе двухъ или трехъ послѣдовательныхъ изданій, не привышающихъ каждое извѣстнаго количества экземпляровъ, то въ силу сказаннаго и такое распоряженіе должно быть выполненно наслѣдникомъ, ибо, если оно для него невыгодно, то онъ долженъ былъ воздержаться отъ принятія наслѣдства. На этомъ же основаніи для него обязательны и всякія иныя завѣщательныя распоряженія его наслѣдодателя, если только выполненіе ихъ физически и юридически возможно.

Что касается наслѣдниковъ по закону, то и для нихъ обязательны всѣ законныя сдѣлки, заключенныя наслѣдодателемъ по поводу его сочиненія, такъ какъ и принятіемъ имущества въ силу законнаго порядка наслѣдованія наслѣдникъ выражаетъ согласіе принять его въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось въ моментъ смерти наслѣдодателя. И здѣсь имѣется двусторонняя сдѣлка, отличающаяся отъ предыдущей только тѣмъ, что при наслѣдованіи по закону воля наслѣдодателя подразумѣвается и притомъ безусловно, т. е. законъ считаетъ, что умершій безъ завѣщанія собственникъ безмолвно выразилъ желаніе, чтобы продолжателями его имущественной личности были тѣ именно лица, на коихъ указываетъ законъ; это такъ называемая praesumtio iuris et de iure.

Постановленія положительныхъ законодательствъ о наслѣдникахъ послѣ авторовъ содержатъ лишь самыя общія положенія и не даютъ никакихъ правилъ или указаній для разрѣшенія частныхъ случаевъ, могущихъ имѣть мѣсто при такомъ наслѣдованіи. Такъ цитированный выше *сѣверогерманскій законъ* посвящаетъ въ § 3 этому предмету

только одно самое общее положеніе слѣдующаго содержанія: «Право автора переходитъ къ его наслѣдникамъ». Развивая это положеніе, *Дамбахъ* (ibid) говоритъ: «само собою разумѣется, что путемъ наслѣдства право это можетъ переходить далѣе отъ наслѣдниковъ автора къ ихъ ближайшимъ наслѣдникамъ. Нѣсколько сонаслѣдниковъ пользуются имъ соразмѣрно ихъ наслѣдственнымъ долямъ, а при раздѣлѣ наслѣдства оно можетъ достаться одному или нѣсколькимъ сонаслѣдникамъ взамѣнъ ихъ долей, при чемъ оно оцѣнивается на деньги по его приблизительной стоимости.

«Не подлежитъ сомнѣнію, что авторское право можетъ быть завѣщано и въ качествѣ легата; въ такомъ случаѣ легатарій получаетъ всѣ вытекающія изъ него полномочія; но онъ не обязанъ осуществлять авторское право и не можетъ быть принужденъ дѣлать новыя изданія, если наслѣдодатель не распорядился иначе». Тоже говоритъ *Вехтеръ* (das Autorecht стр. 127), но онъ задается еще вопросомъ: «можетъ ли авторъ посредствомъ предсмертнаго распоряженія ограничить право обнародованія? — По отношенію къ авторскому праву, отвѣчаетъ онъ, возникаетъ лишь вопросъ, можетъ ли такое распоряженіе превратить изданіе сочиненія въ контрафакцію? На этотъ вопросъ слѣдуетъ однако отвѣчать безусловно отрицательно. Ибо наслѣдникъ, если авторское право не отнято у него совершенно и не отказано другому, является юридическимъ преемникомъ автора по отношенію къ полному авторскому праву; изданіемъ онъ не нарушаетъ авторскаго права, хотя бы изданіе это было предпринято и противъ желанія завѣщателя; слѣдовательно онъ не можетъ быть преслѣдуемъ за контрафакцію».

Съ этимъ мнѣніемъ невозможно однако согласиться и именно потому, что оно идетъ въ разрѣзъ съ существомъ завѣщательныхъ распоряженій, исполненіе коихъ обязательно для наслѣдниковъ, если только оно юридически и физически возможно. Завѣщаніе, какъ уже было сказано выше, есть не болѣе какъ актъ осуществленія права собственности; актъ этотъ не имѣлъ бы никакого смысла,

еслибы тѣ лица, на обязанности коихъ должно лежать исполненіе его, пользовались правомъ исполнять или не исполнять его по собственному усмотрѣнію; завѣщаніе превратилось бы въ такомъ случаѣ въ пустой звукъ. Вопросъ нисколько не измѣнится въ томъ случаѣ, когда предметомъ завѣщательныхъ распоряженій будетъ авторское право, такъ какъ и оно допускаетъ различнаго рода ограниченія, зависящія между прочимъ отъ произвола лица управомоченнаго.

Столь же неполно постановленіе *австрійскаго закона* 1846 года 19 октября.—§ 13 этого закона говоритъ по поводу наслѣдованія въ авторскомъ правѣ слѣдующее: «Предоставляемое настоящимъ закономъ автору литературнаго или художественнаго произведенія исключительное право обнародованія, копировки и размноженія такого произведенія обыкновенно простирается не только на всю жизнь автора, но и на тридцатилѣтній срокъ со смерти послѣдняго переходитъ къ тому, кому оно имъ передано, или, если онъ на этотъ счетъ не распорядился иначе, къ его наслѣдникамъ либо къ ихъ юридическимъ преемникамъ. При этомъ годъ его смерти въ счетъ не принимается. — Выморочное право казны или другихъ лицъ не допускается».

Цитируя это законоположеніе, Гарумъ (см. у него стр. 123 § 32) говоритъ: «Перечисленныя лица обладаютъ авторскимъ правомъ въ теченіе тридцати лѣтъ не чрезъ посредство перехода его отъ автора, а непосредственно въ силу предписанія закона; оно есть первоначальное авторское право, которое переходитъ къ нимъ послѣ смерти автора, какъ составная часть его наслѣдства, какъ имущественное право, и какъ бы продолжается въ ихъ лицѣ. При этомъ безразлично, будутъ ли они наслѣдниками по завѣщанію или по закону...»

Подобное воззрѣніе противорѣчитъ не только существу дѣла, но и словамъ закона. Первоначальнымъ авторское право бываетъ только въ лицѣ автора; къ кому бы оно отъ него ни перешло и какимъ бы законнымъ способомъ оно ни

перешло, оно уже утрачиваетъ характеръ первоначальности и становится производнымъ. Наслѣдникъ, какъ и иной юридическій преемникъ автора, отнюдь не можетъ быть названъ первоначальнымъ пріобрѣтателемъ авторскаго права, такъ какъ оно возникаетъ впервые не въ его лицѣ, а въ лицѣ автора. Если согласиться съ положеніемъ Гарума, то пришлось бы признать, что наслѣдникъ вправѣ игнорировать всѣ обязательства и договоры, заключенные авторомъ по отношенію къ его авторскому праву. Но Гарумъ очевидно самъ себѣ не даетъ отчета въ своихъ выраженіяхъ; называя авторское право наслѣдника первоначальнымъ, онъ тутъ же прибавляетъ, что оно *переходитъ* къ нему въ качествѣ составной части наслѣдственнаго имущества и только продолжается въ его лицѣ. Одно изъ двухъ: если оно право первоначальное, то должно впервые возникать въ лицѣ наслѣдника; если-же оно переходитъ къ нему уже готовымъ, то оно не первоначально, а производно, слѣдовательно можетъ перейдти къ нему лишь въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось у автора въ моментъ его смерти. Столь же несправедливо увѣреніе Гарума, будто переходъ здѣсь совершается въ силу закона, а не по волѣ собственника. Уже выше было показано, что законъ тутъ дѣйствуетъ не прямо отъ себя, а отъ имени собственника, констатируя его предполагаемую волю; онъ является какъ бы истолкователемъ послѣдней, установляя тотъ порядокъ наслѣдованія, который всего ближе подходитъ къ природѣ вещей и относительно котораго естественнѣе всего предположить, что наслѣдодатель разсчитывалъ именно на него, но не успѣлъ этого выразить. Допуская противное, пришлось бы допустить, что государство въ правѣ располагать частнымъ имуществомъ помимо воли его хозяина. Такимъ образомъ и при наслѣдованіи по закону осуществляется воля наслѣдодателя, а отнюдь не закона.

Цитированныя выше слова закона не только не противорѣчатъ этому выводу, но прямо подтверждаютъ его. Законъ говоритъ, что авторское право переходитъ къ тѣмъ

лицамъ, коихъ укажетъ самъ авторъ: если же онъ такого указанія не сдѣлаетъ, то къ тѣмъ, коихъ въ такихъ случаяхъ указываетъ самъ законъ. Далѣе Гарумъ совершенно вѣрно предоставляетъ наслѣдникамъ дѣлать «исправленныя и дополненныя» изданія наслѣдственнаго сочиненія и присоединять къ нему свои примѣчанія и дополненія; но этимъ правомъ они обладаютъ не на томъ, какъ полагаетъ Гарумъ, основаніи, что «оно принадлежитъ имъ въ силу закона и безъ всякихъ обязанностей», а только потому, что оно разумѣется само собою, какъ естественное послѣдствіе правомѣрнаго примѣненія личныхъ интеллектуальныхъ силъ и способностей. Уже выше было сказано, что авторъ, будучи собственникомъ, можетъ указать наслѣдникамъ и способъ пользованія его сочиненіемъ; мало того, онъ въ правѣ запретить имъ въ завѣщаніи даже всякое пользованіе послѣднимъ и заявить, что онъ желаетъ совершенно разрушить свое право, предоставивъ сочиненіе въ общее пользованіе. При такомъ положеніи вещей наслѣдники могутъ издавать его не какъ ихъ собственное, а какъ общественное, никому въ особенности не принадлежащее, и слѣдовательно юридически не могутъ воспрепятствовать конкуренціи съ ними. Что касается примѣчаній и дополненій, то относительно ихъ авторъ никакъ не можетъ ограничивать ни наслѣдниковъ, ни иныхъ своихъ преемниковъ, ибо не имѣетъ на эти примѣчанія и дополненія ни первоначальнаго, ни производнаго права; не онъ ихъ создалъ, не онъ и можетъ располагать ихъ судьбою; запрещеніе же дѣлать ихъ было бы равносильно запрещенію создавать новыя произведенія, т. е. пользоваться своими естественными способностями; но на это авторъ не имѣетъ никакого права. Съ этой точки зрѣнія Гарумъ вполнѣ вѣрно предоставляетъ наслѣдникамъ на сдѣланныя ими добавленія и примѣчанія первоначальное авторское право, продолжительность коего опредѣляется на томъ же основаніи, какъ и продолжительность такого именно права.

Французскій декретъ отъ 5 февраля 1810 года въ статьѣ

39 гарантируетъ наслѣдникамъ тоже право, какъ и автору, но ограничиваетъ его двадцатилѣтнимъ срокомъ, увеличеннымъ на десять лѣтъ закономъ отъ 8 апрѣля 1854 г. Помянутая статья выражается на этотъ счетъ слѣдующимъ образомъ: «Право собственности гарантировано автору и его вдовѣ на всю ихъ жизнь, если условія брачнаго договора съ послѣднею даютъ ей это право, и ихъ дѣтямъ въ теченіе двадцати лѣтъ», а вторая половина закона 8 апрѣля 1854 года въ поясненіе и измѣненіе этого постановленія прибавляетъ: «Срокъ пользованія, предоставляемаго дѣтямъ прежними законами и декретами, увеличенъ до 30 лѣтъ, считая со смерти либо автора, композитора или артиста, либо съ прекращенія правъ вдовы». На эти законоположенія французскіе юристы приводятъ многоразличные комментаріи, которые позволительно обойдти молчаніемъ, такъ какъ они имѣютъ чисто мѣстный интересъ и нисколько не служатъ для уясненія существа разсматриваемаго вопроса. Замѣтимъ только, что приведенное постановленіе о правахъ вдовы на сочиненіе ея умершаго мужа введено во французское законодательство лишь съ 1810 года и обусловливается особенностями брачнаго права въ этой странѣ. По объясненію Блана (ibid. стр. 116), не требуется, чтобъ это право вдовы было спеціально оговорено въ брачномъ договорѣ, а достаточно, чтобы въ договорѣ ей предоставлено было право получить принадлежащую ей по закону собственность. Хотя въ законѣ говорится только о вдовѣ, но Бланъ считаетъ совершенно естественнымъ распространеніе его предписаній и на вдовца. Такимъ образомъ наличность вдовы или вдовца отсрочиваетъ осуществленіе наслѣдственныхъ правъ на все время жизни одного изъ пережившихъ супруговъ, другими словами супругамъ дается взаимное пожизненное владѣніе авторскимъ правомъ другаго супруга. Впрочемъ гораздо любопытнѣе вопросъ, предоставляетъ ли или не предоставляетъ французское законодательство автору свободное право распоряжаться судьбою своего сочиненія на случай своей смерти? При разрѣшеніи этого вопроса слѣ-

дуетъ отправляться отъ того, что цитированныя выше законоположенія, хотя прямо установляютъ переходъ сочиненія по смерти автора и его вдовы во временную собственность дѣтей авторовъ, но такъ какъ въ нихъ ничего не говорится относительно отмѣны на этотъ случай дѣйствія общихъ законовъ о завѣщаніяхъ, то едва ли основательно будетъ заключить, что по французскому законодательству авторъ лишенъ права опредѣлять судьбу своего сочиненія путемъ завѣщательныхъ распоряженій; несравненно вѣрнѣе будетъ принять, что приведенные законы имѣли въ виду лишь случай смерти автора безъ завѣщанія, и что, если они упоминаютъ тутъ о наслѣдованіи дѣтей, то только въ виду вводимаго ими ограниченія этого наслѣдованія опредѣленнымъ срокомъ, а все остальное очевидно предоставляется дѣйствію общихъ законовъ. Само собою разумѣется, что означенный срокъ долженъ примѣняться не только къ наслѣдникамъ по закону, но и къ наслѣдникамъ по завѣщанію, такъ какъ онъ введенъ въ общихъ интересахъ и не можетъ быть видоизмѣненъ частнымъ произволомъ.

Что касается до *англійскаго законодательства*, то о наслѣдникахъ оно не содержитъ въ себѣ никакихъ спеціальныхъ постановленій, оставляя такимъ образомъ полный просторъ дѣйствію общихъ законовъ о наслѣдованіи и въ примѣненіи къ литературной собственности. Единственное ограниченіе въ этомъ отношеніи заключается лишь въ опредѣленіи срока пользованія наслѣдниками доставшимся имъ авторскимъ правомъ. Этотъ срокъ опредѣляется не неподвижнымъ числомъ лѣтъ, какъ во всѣхъ континентальныхъ европейскихъ государствахъ, а максимумомъ и минимумомъ. Максимумъ его равняется 42 годамъ, а минимумъ — семи годамъ. Такъ что, по англійскому закону, если авторъ сочиненія умеръ въ годъ изданія послѣдняго, то его преемники по авторскому праву получаютъ это сочиненіе въ свое исключительное пользованіе на 42 года; если же пользованіе автора продолжалось столько времени, что количество его лѣтъ, будучи сложено съ цифрою семь, даетъ въ резуль-

татѣ болѣе 42, то пользованіе преемниковъ продолжается лишь въ теченіе семи лѣтъ. Таковы крайніе пункты пользованія наслѣдниковъ; что же касается до остальныхъ срединныхъ сроковъ, то они опредѣляются разностью между 42 и количествомъ лѣтъ пользованія самого автора; такъ, если авторъ издалъ свое сочиненіе за 10 лѣтъ до своей смерти, то наслѣдникамъ останется 32 два года для пользованія, и т. д.

Нашъ цензурный уставъ въ статьѣ 283 точно также не дѣлаетъ никакого изъятія для наслѣдниковъ автора, а прямо опредѣляетъ, что авторское право можетъ быть отчуждаемо всѣми законными способами, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что послѣ смерти сочинителя или переводчика оно не можетъ продолжаться долѣе пятидесяти лѣтъ. Такимъ образомъ по цензурному уставу авторское право можетъ переходить по наслѣдству какъ путемъ завѣщанія, такъ и путемъ закона и при этомъ подлежитъ всѣмъ установленнымъ общими гражданскими законами правиламъ и ограниченіямъ, насколько они не противорѣчатъ юридическому существу авторскаго права.

г. *Юридическія лица* [12]). Литературное произведеніе, какъ продуктъ ума, можетъ происходить только отъ даннаго человѣка или данныхъ единчныхъ людей, давшихъ ему жизнь своею непосредственною дѣятельностью, слѣдовательно непосредственнымъ, первоначальнымъ субъектомъ его могутъ быть только единичные авторы, т. е. лица, различаемыя индивидуально. Но юридическое лицо, какъ фикція, не способно къ авторской дѣятельности; оно существуетъ не само по себѣ, а лишь по волѣ государственной власти, вслѣдствіе чего сфера его дѣятельности замыкается въ опре-

[12]) См. *Harum* в. п. с. стр. 138 — 142, *Wächter*, das Verlagsrecht т. I. стр. 209—212, 437—443, *его же* das Autorrecht стр. 103—107, 146—148, *Jolly* die Lehre vom Nachdruck стр. 231—234, *Dambach* в. п. с. стр. 115—118, *Klostermann* das Urheberrecht стр. 105—107, *его же*, das geistige Eigenthum стр. 224 и сл., *Eisenlohr* das liter,—art. Eigenthum стр. 57, *Blanc* Traité de la contref. стр. 35.

дѣленный кругъ отношеній, выходъ изъ котораго для него немыслимъ. Создавая такое искусственное лицо, государство напередъ объявляетъ, что дѣйствія извѣстныхъ индивидовъ, составляющихъ подкладку этого лица, оно будетъ признавать за дѣйствіе самого юридическаго лица и тѣмъ самымъ искуственно придаетъ ему дѣеспособность, которой у него отъ природы нѣтъ. Разъ такая дѣеспособность за нимъ признана, то уже не можетъ имѣть мѣсто сомнѣніе, что такое лицо можетъ пріобрѣтать различныя права и быть субъектомъ различныхъ обязательствъ, если только тѣ и другіе не требуютъ чисто личныхъ дѣйствій, т. е. такихъ дѣяній, которыя могутъ быть совершаемы только данными индивидами. Отсюда само собою вытекаетъ, что юридическому лицу могутъ принадлежать и авторскія права. Вопросъ о пріобрѣтательномъ титулѣ не имѣлъ бы здѣсь никакого особеннаго значенія, еслибы нынѣшнія законодательства не третировали совершенно различно первоначальныя и производныя авторскія права. Такъ какъ срокъ пользованія тѣми и другими не одинаковъ, то отсюда рождается вопросъ, можетъ ли государство признать за юридическимъ лицомъ первоначальное авторское право? Выше мы уже замѣтили, что, принимая въ соображеніе природу литературнаго произведенія, такое право немыслимо; но если обратиться къ существу каждаго правоотношенія, то столь же немыслимо будетъ всякое со стороны самого юридическаго лица пріобрѣтеніе, совершаемое чрезъ посредство договора; такъ купля продажа, мѣна, подрядъ и поставка, ссуда, заемъ и т. п. требуютъ непремѣнно двухъ или болѣе соотвѣтственныхъ волеизъявленій, а юридическое лицо, какъ нѣчто существующее лишь въ представленіи, а не въ дѣйствительности, физически неспособно изъявлять свою волю, такъ какъ таковой у него не имѣется. Точно также и на томъ же основаніи оно неспособно къ одностороннему волеизъявленію, которое требуется при первоначальныхъ способахъ пріобрѣтенія, каковы владѣніе, оккупація и спецификація, гдѣ непремѣнно должно проявиться animus sibi habendi.

Тѣмъ не менѣе государство для восполненія этого естественнаго недостатка построило искусственную комбинацію, объявивъ, что такое лицо въ означенныхъ случаяхъ изъявляетъ свою волю чрезъ своихъ органовъ, дѣйствія коихъ, въ предѣлахъ правомочія юридическаго лица, должны приниматься за дѣйствія этого послѣдняго. Разъ всѣми какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ признается, что государство можетъ третировать фикцію, какъ реальныя явленія, разъ существованіе юридическаго лица допускается и государству предоставляется отмежовывать ему опредѣленную сферу дѣятельности, правъ и обязанностей, то мы уже не видимъ никакого основанія, почему государство не можетъ признать за юридическимъ лицомъ и первоначальное авторское право. Въ этомъ отношеніи мы расходимся съ мнѣніемъ Вехтера, Клостермана и Іолли, отказывающихъ государству въ такой возможности именно относительно литературной собственности. По ихъ совершенно вѣрному воззрѣнію, создавать сочиненія могутъ лишь отдѣльные, дѣйствительно существующіе индивиды, а не идеи, воплощаемыя законодателемъ въ совокупность извѣстныхъ лицъ и вещей. Но вѣдь такія идеи точно также не могутъ вступать въ какіе бы то ни было договоры или обязательства; а между тѣмъ теорія и юридическая практика допускаютъ это повсемѣстно.

Но такъ или иначе положительныя законодательства лишь въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ признаютъ за юридическими лицами первоначальное авторское право; обыкновенно же они третируются какъ юридическіе преемники автора и къ нимъ примѣняются постановленія объ опредѣленномъ срокѣ пользованія этихъ послѣднихъ, при чемъ изъятіе отъ него допускается только для нѣкоторыхъ юридическихъ лицъ. Сообразно этому юридическое лицо можетъ явиться въ качествѣ издателя сочиненія извѣстнаго или неизвѣстнаго писателя и соотвѣтственно тому пользоваться въ первомъ случаѣ срокомъ болѣе длиннымъ чѣмъ въ послѣднемъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что не всякая ассоціація или учрежденіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ юридическое лицо; права и обя-

занности послѣдняго могутъ принадлежать только тѣмъ изъ такихъ ассоціацій или учрежденій, кои признаны въ качествѣ юридическихъ лицъ самимъ государствомъ. Всякія же иныя ассоціаціи, хотя бы въ нихъ и имѣлись всѣ элементы такого лица, не могутъ претендовать на названіе и права послѣдняго и могутъ пріобрѣтать и пользоваться авторскими правами лишь на общемъ основаніи и въ качествѣ обыкновенныхъ, т. е. физическихъ лицъ. Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію правилъ, установленныхъ положительными законами относительно авторскаго права, принадлежащаго лицамъ юридическимъ, и по принятой нами системѣ начнемъ съ *съверо-германскаго закона* 11-го іюня 1870 года.

О юридическихъ лицахъ въ немъ говорится въ § 13 и лишь по поводу срока исключительнаго пользованія: «Академіи, сказано тамъ, университеты и другія юридическія лица и публичныя учебныя заведенія, равно какъ и ученыя и другія общества, когда они въ качествѣ издателей должны обсуживаться, какъ авторы (§ 2), пользуются по отношенію къ изданнымъ ими произведеніямъ тридцатилѣтнею защитою со времени появленія послѣднихъ въ свѣтъ».

Комментируя этотъ §, Дамбахъ (ibid. стр. 116 и сл.) разбиваетъ такого рода изданія на три группы: a) произведенія, имѣющія лишь одного автора и трактующія только объ одномъ предметѣ, напримѣръ: поздравительный адресъ университету (Gratulationsshrift), описаніе города X, изданное обществомъ историческихъ изысканій; и т. п.; b) произведенія, состоящія изъ статей нѣсколькихъ сотрудниковъ и въ тоже время составляющія одно цѣлое, напримѣръ академическій лексиконъ и т. п.; c) произведенія, состоящія изъ неимѣющихъ между собою связи статей нѣсколькихъ сотрудниковъ и не образующихъ въ совокупности одного цѣлаго, напримѣръ, труды академіи наукъ.

Сообразно этому, находитъ Дамбахъ, университеты и т. д. на произведенія перваго рода (a) не имѣютъ никакого авторскаго права, если авторы ихъ извѣстны; въ этомъ

случаѣ авторскія права принадлежатъ самому автору на общемъ основаніи. Если же имя автора не выставлено, то произведеніе считается анонимнымъ, и университетъ можетъ въ теченіе тридцати лѣтъ оберегать права анонимнаго автора. Въ произведеніяхъ втораго рода (b) университеты и т. д. пользуются авторскимъ правомъ въ теченіе 30-ти лѣтъ лишь на цѣлое; авторское же право на составныя части этого цѣлаго принадлежатъ ихъ авторамъ на общемъ основаніи. Что касается произведеній третьяго рода (c), то относительно ихъ не существуетъ вообще никакого авторскаго права на цѣлое, а каждая отдѣльная статья разсматривается какъ особое, самостоятельное сочиненіе и подлежитъ дѣйствію общихъ законовъ.

Такимъ образомъ сѣверо-германское законодательство, согласно мнѣнію Клостермана и Вехтера (см. прим. 12), признаетъ за юридическими лицами только производное авторское право и разсматриваетъ ихъ какъ простыхъ издателей. Такой взглядъ съ естественной точки зрѣнія вполнѣ справедливъ, и нельзя не согласиться съ Клостерманомъ (ib. стр. 107), что «редактировать сборникъ могутъ лишь люди, одаренные мозгами, тѣломъ и кровью, а не безплотныя академіи». Но въ юридическомъ отношеніи академіи тоже разсматриваются какъ живыя существа, и если за ними признается способность пріобрѣтать и отчуждать, а равно и вступать въ многоразличныя другія сдѣлки, то нѣтъ основанія отказывать имъ въ возможности пріобрѣтать и первоначальное авторское право, ибо, не признавая за ними этой возможности, необходимо было бы отказать имъ и въ возможности пріобрѣтать производное авторское право. Впрочемъ, такъ какъ университеты, академіи и т. д. суть юридическія лица, а объемъ правоспособности и дѣеспособности такихъ лицъ зависитъ отъ воли государства, то противъ цитированнаго законоположенія могутъ быть приводимы не юридическія, а лишь тѣ или другія практическія соображенія, а именно можетъ быть выражено желаніе, чтобы изданія юридическихъ лицъ въ виду ихъ спеціальности и полезно-

сти пользовались гораздо болѣе продолжительнымъ срокомъ защиты, чѣмъ какой даетъ имъ названный законъ и т. п.; но на этомъ мы здѣсь останавливаться не станемъ. Замѣтимъ только, что по защищаемому нами принципу нѣтъ никакого основанія отказывать и юридическимъ лицамъ въ правѣ пріобрѣтать безсрочную литературную собственность.

Австрійскій законъ 19 октября 1846 года посвящаетъ разсматриваемому вопросу два параграфа, а именно 15 и 18. Первый изъ нихъ увеличиваетъ срокъ защиты авторскаго права до пятидесяти лѣтъ, «когда сочиненія изданы академіями, университетами и другими учеными или артистическими учрежденіями и ассоціаціями (Vereinen), состоящими подъ особою защитой государства. Произведенія другихъ обществъ и ассоціацій подлежатъ защитѣ обозначенной въ предыдущемъ параграфѣ (т. е. тридцатилѣтней) Если авторъ доставленной для такого сочиненія статьи сдѣлаетъ самостоятельное увеличенное или исправленное изданіе этой своей работы, то оно подлежитъ защитѣ на основаніи § 13» (т. е. въ теченіи жизни автора и 30 лѣтъ послѣ его смерти).

Комментируя это постановленіе, Гарумъ (стр. 138 и сл.) утверждаетъ, что австрійское законодательство признаетъ за юридическимъ лицомъ возможность авторской дѣятельности; при этомъ Гарумъ опирается на § 1 приведеннаго закона, гдѣ съ авторомъ поставленъ на одну линію между прочимъ издатель или предприниматель сочиненія, состоящаго изъ произведеній нѣсколькихъ сотрудниковъ. Въ этихъ случаяхъ, говоритъ онъ, юридическому лицу принадлежитъ авторство не на отдѣльныя статьи, а на ихъ совокупность, ихъ связь и планъ. Совсѣмъ другое, полагаетъ онъ, слѣдуетъ сказать, когда юридическое лицо принимаетъ на себя изданіе чужаго сочиненія съ цѣлью поощренія его автора рекомендаціей сочиненія и т. п. Въ этомъ случаѣ юридическое лицо не можетъ считаться авторомъ и всѣ его права на такое сочиненіе зависятъ отъ договорныхъ соглашеній его съ истиннымъ авторомъ.

Эти выводы вѣрны, хотя они недостаточно отчетливо и очевидно проводятся въ самомъ текстѣ закона. Удлиненный срокъ, которымъ пользуется по австрійскому закону юридическое лицо, доказываетъ, что законодатель, признавшій въ принципѣ срочность авторскаго права, не желалъ допустить его вѣчность для юридическаго лица, а потому ограничилъ его приблизительно такимъ срокомъ, какой предоставленъ автору и его юридическимъ преемникамъ вмѣстѣ взятымъ.

Что касается § 18, то онъ предоставляетъ исходящимъ непосредственно отъ государственной власти актамъ защиту отъ контрафакціи дотолѣ, «пока это не будетъ отмѣнено правительствомъ.—Такая же защита, продолжающаяся за предѣлы узаконеннаго срока, примѣняется и къ тѣмъ сочиненіямъ, изъ коихъ непосредственно усматривается, что они изданы по распоряженію правительства и съ оговоркою этого продолженнаго срока».

Признавая, что параграфъ этотъ страдаетъ отсутствіемъ опредѣленности и ясности, Гарумъ (стр. 140 и сл.) однако считаетъ возможнымъ установить его несомнѣнный смыслъ съ помощью сравненія его съ остальными параграфами. Это сравненіе приводитъ его къ слѣдующему результату: законъ различаетъ два вида государственныхъ произведеній: одни изъ нихъ исходятъ непосредственно отъ правительства и слѣдовательно ему же принадлежитъ и авторство на нихъ; другіе пишутся по порученію правительства и слѣдовательно имѣютъ своего индивидуальнаго автора. Что касается первыхъ, то къ нимъ, по мнѣнію Гарума, отнюдь нельзя отнести законы, судебныя рѣшенія, указы, уставы, административныя распоряженія и т. п., ибо ихъ нельзя считать литературными и художественными произведеніями, на которыя собственно разсчитанъ цитированный выше законъ. Но это толкованіе не находитъ себѣ никакого подтвержденія въ буквальномъ смыслѣ закона, гдѣ говорится объ *актахъ, непосредственно исходящихъ отъ государственной власти.* Очевидно, что такими актами слѣдуетъ назвать

между прочимъ и различныя законодательныя, судебныя и административныя распоряженія, ибо они исходятъ непосредственно отъ государственной власти и облечены въ письменную форму. Безпристрастное отношеніе къ дѣлу приводитъ къ тому заключенію, что австрійское правительство желало присвоить себѣ исключительное право изданія на этого рода акты и притомъ на вѣчныя времена. Считая себя ихъ авторомъ, оно выдѣляетъ государство изъ другихъ юридическихъ лицъ и признаетъ по отношенію къ нему вѣчность авторскаго права, въ чемъ отказываетъ всѣмъ остальнымъ.

Сочиненія, написанныя по повелѣнію и порученію государства, принадлежатъ, по мнѣнію Гарума, ихъ авторамъ, и государство можетъ получить на нихъ авторское право только въ качествѣ цессіонарія. Слѣдовательно безсрочность этого права на такія сочиненія можетъ быть истолкована лишь какъ *привилегія*, дарованная государствомъ ихъ авторамъ. Но при этомъ государство не можетъ отмѣнить эту привилегію ранѣе истеченія узаконеннаго срока авторскаго права, такъ какъ въ этотъ періодъ времени авторъ находится подъ защитою общаго закона о литературныхъ произведеніяхъ. Привилегія распространяется только на тотъ періодъ времени, который послѣдуетъ по истеченіи этого узаконеннаго срока.

Но и это толкованіе не находитъ себѣ никакой опоры въ точномъ смыслѣ закона, который очевидно разумѣетъ произведенія, составляемыя хотя опредѣленными лицами, но ex officio, въ силу своего служебнаго положенія и своихъ служебныхъ обязанностей, и потому принадлежащія не ихъ авторамъ, а государству. Само собою разумѣется, что присвоеніе правительству исключительнаго права изданія различныхъ офиціальныхъ актовъ противорѣчитъ, какъ уже сказано было выше, юридическому существу этихъ актовъ, а потому приведенный параграфъ представляется явленіемъ аномальнымъ и практически вреднымъ.

Французское законодательство не содержитъ никакихъ

опредѣленій о правахъ юридическихъ лицъ на ихъ произведенія; но по мнѣнію Блана (в. п. с. стр. 35), они считаются авторами такихъ произведеній, что онъ выводитъ изъ декрета отъ 6 термидора втораго года республики, по которому собственность на манускрипты закрытыхъ въ 1793 году ученыхъ корпорацій передана была государству. Отсюда онъ заключаетъ, что по возстановленіи этихъ корпорацій они получили, по меньшей мѣрѣ на будущее время, полную собственность на свои труды.

Что касается *англійскаго закона* отъ 1 іюля 1842 года, то онъ точно также не даетъ никакихъ общихъ опредѣленій объ авторскомъ правѣ юридическихъ лицъ, но въ статьѣ XXVII онъ установляетъ, что законъ этотъ оставляетъ неприкосновенными всѣ авторскія права, принадлежащія университетамъ Оксфорда и Кембриджа и зависящимъ отъ нихъ коллегіямъ, а равно такія же права четырехъ шотландскихъ университетовъ, коллегіи святой и нераздѣльной Троицы королевы Елисаветы и различныхъ коллегій Итона, Вестминстера и Винчестера. Изъ этого постановленія не трудно видѣть, что англійское законодательство признаетъ за этими юридическими лицами первоначальное авторское право на ихъ произведенія, ибо, не ограничивая ихъ авторскаго права никакимъ срокомъ, оно тѣмъ самымъ уравниваетъ ихъ съ обыкновенными физическими авторами, пользующимися этимъ правомъ въ теченіе всей своей жизни, какъ бы долго она ни продолжалась. Эти перечисленныя учрежденія Англіи слѣдовательно поставлены въ гораздо лучшее положеніе, чѣмъ всѣ остальные авторы, ибо за ними законъ признаетъ вѣчное и неограниченное право собственности на принадлежащія имъ произведенія, при чемъ не дѣлаетъ никакого различія между первоначальнымъ и производнымъ авторскимъ правомъ. Такое положеніе этихъ юридическихъ лицъ есть результатъ историческихъ обстоятельствъ, указанныхъ уже въ главѣ III настоящаго изслѣдованія.

Нашъ цензурный уставъ посвящаетъ разсматриваемому вопросу пять статей, а именно отъ 308 до 312 включи-

тельно. Изъ нихъ не трудно видѣть, что цензурный уставъ неясно различаетъ между юридическими лицами въ собственномъ смыслѣ и частными обществами или товариществами; хотя въ началѣ этихъ статей и помѣщено заглавіе, изъ коего должно слѣдовать, что въ нихъ говорится «о правахъ академій, университетовъ училищъ, ученыхъ и другихъ обществъ на издаваемыя ими произведенія наукъ и словесности», но въ дѣйствительности въ нихъ рѣчь идетъ только о различныхъ обществахъ, или состоящихъ при ученыхъ учрежденіяхъ, или составляющихся частнымъ образомъ съ спеціальною цѣлью изданія книгъ. Въ силу этихъ статей всѣ эти общества могутъ имѣть только производныя авторскія права и могутъ пользоваться этими правами не свыше пятидесяти лѣтъ, при чемъ, въ случаѣ прекращенія ихъ до истеченія этого срока, принадлежащія имъ авторскія права становятся достояніемъ публики. Исключеніе сдѣлано только для обществъ, состоящихъ при академіяхъ, университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ: по прекращеніи такихъ обществъ ранѣе 50 лѣтъ права ихъ переходятъ къ тѣмъ учрежденіямъ, при коихъ они состоятъ (ст. 310).

Такимъ образомъ объ авторскихъ правахъ самихъ этихъ учрежденій уставъ совершенно умалчиваетъ, и приходится лишь догадываться, что ихъ изданія подлежатъ тѣмъ же правиламъ, какъ и изданія состоящихъ при нихъ обществъ. Это аналогическое распространеніе находитъ свое оправданіе во-первыхъ въ томъ, что къ нимъ переходитъ право изданія состоящихъ при нихъ обществъ, а если они могутъ обладать чужимъ правомъ изданія, то слѣдовательно могутъ имѣть и свое собственное, во-вторыхъ, въ томъ, что указанныя общества должны быть разсматриваемы какъ юридическія лица, ибо существованіе ихъ санкціонируется высшею государственною властью, при чемъ имъ отводится опредѣленная сфера правоспособности и дѣеспособности, выражаемая въ ихъ уставахъ. Если законодатель предоставляетъ имъ исключительное право изданія, не указывая на свое желаніе поставить ихъ тѣмъ самымъ въ исключитель-

ное положеніе, то само собою разумѣется, что онъ точно также выразился бы о другихъ юридическихъ лицахъ, еслибъ ему пришлось опредѣлять сферу ихъ правъ на издаваемыя ими сочиненія. Слѣдовательно университеты, академіи и т. д. должны пользоваться пятидесятилѣтнимъ исключительнымъ правомъ на свои изданія. Затрудненіе возникаетъ лишь въ случаѣ прекращенія этихъ учрежденій до истеченія означенныхъ 50 лѣтъ. Тутъ рождается вопросъ: становятся ли такія изданія въ этомъ случаѣ общественнымъ достояніемъ или они поступаютъ въ разрядъ государственныхъ имуществъ? Уставъ не даетъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ, но изъ примѣчанія къ ст. 698 т. X. ч. I усматривается, что разрѣшенія его слѣдуетъ искать въ отдѣльномъ уставѣ каждаго учрежденія порознь.

Конвенція между Россіею и Франціею о литературной и художественной собственности, подписанная въ С.-Петербургѣ 6 апрѣля 1861 года (ратификовапа въ С.-Петербургѣ 9 мая 1861 г.).

Во имя пресвятыя и нераздѣльныя Троицы.

Его Величество Императоръ Всероссійскій и Его Величество Императоръ Французовъ, побуждаемые равнымъ желаніемъ привести въ исполненіе постановленіе 23 статьи трактата о торговлѣ и мореплаваніи, подписаннаго въ С.-Петербургѣ $^{2}/_{14}$ іюня 1857, которымъ обѣ Высокія договаривающіяся Стороны предоставили себѣ опредѣлить особенною конвенціею способы къ обезпеченію литературной и художественной собственности въ ихъ обоюдныхъ государствахъ, снабдили съ этою цѣлью своими полномочіями, именно:

Его Величество Императоръ Всероссійскій, царь Польскій, — Князя Александра Горчакова, своего Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Министра Иностранныхъ Дѣлъ и т. д.

Его Величество Императоръ Французовъ—Г-на Наполеона Ланна, Герцога Монтебелло и т. д.

Каковые Уполномоченные, по размѣнѣ своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежащей формѣ, постановили и подписали нижеслѣдующія статьи:

Статья 1-я. Съ того времени, съ котораго, согласно постановленному въ слѣдующей ниже 10-й статьѣ, настоящая конвенція будетъ подлежать исполненію авторамъ произведеній ума или художествъ, которымъ, законами одного изъ обоихъ Государствъ нынѣ обезпечивается или впредь будетъ обезпечено право собственности или авторства, будетъ присвоено, подъ опредѣленными ниже сего условіями, пользованіе тѣмъ же правомъ во владѣніяхъ другого Государства точно такъ и въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ присвоено въ семъ послѣднемъ пользованіе этимъ правомъ подобнаго же рода произведеній издаваемыхъ въ семъ Государствѣ.

Незаконныя перепечатыванія и воспроизведеніе или контрафакція твореній, изданныхъ первоначально въ одномъ изъ обоихъ договаривающихся Государствъ, будутъ уподоблены въ другомъ незаконному перепечатыванію и воспроизведенію тѣхъ твореній, коихъ авторы принадлежатъ къ сему послѣднему Государству. Всѣ законы, предписанія, постановленія и условія, какъ нынѣ существующіе, такъ и тѣ, которые могутъ быть впредь обнаро-

дованы, относительно исключительнаго права изданія литературныхъ и художественныхъ произведеній, будутъ примѣняемы къ таковой контрафакціи во всемъ, въ чемъ только не постановлено изъ оныхъ изъятій въ настоящей конвенціи.

При семъ однако же подразумѣвается, что права, взаимно предоставляемыя въ томъ или другомъ Государствѣ относительно вышеозначенныхъ произведеній, не могутъ быть обширнѣе тѣхъ правъ, какія предоставляетъ законодательство того Государства, къ которому принадлежатъ авторы или лица, заступающія ихъ мѣсто въ качествѣ повѣренныхъ, наслѣдниковъ или пріобрѣтшихъ право изданія уступкою, дареніемъ или иначе

Статья 2. Подъ названіемъ произведеній ума или искусства разумѣются: книги, брошюры, драматическія творенія, музыкальныя сочиненія, картины, гравюры, планы, географическія карты, литографіи и рисунки, скульптурныя работы и другія произведенія науки, литературы или художествъ, кѣмъ бы эти творенія ни были изданы, частными лицами или какимъ-либо общественнымъ учрежденіемъ, академіею, университетомъ, общественнымъ училищемъ, ученымъ или инымъ обществомъ.

Съ оригинальными твореніями положительно уравниваются переводы, сдѣланные въ одномъ изъ Государствъ съ отечественныхъ или иностранныхъ сочиненій.

Само собою разумѣется, что настоящее постановленіе имѣетъ цѣлью единственно оказать защиту переводчику относительно сдѣланнаго имъ перевода, а отнюдь не присвоеніе исключительнаго права перев да тому, кто первый перевелъ какое-либо сочиненіе.

Повѣренные, наслѣдники или представители правъ вышеисчисленныхъ произведеній ума или художествъ будутъ во всѣхъ отношеніяхъ пользоваться тѣми же правами, какія настоящею конвенціею предоставляются симъ авторамъ.

Статья 3. Для обезпеченія за каждымъ умственнымъ или художественнымъ произведеніемъ права собственности, опредѣленнаго въ предъидущихъ статьяхъ, авторы или переводчики обязаны будутъ, въ случаѣ надобности, доказать предъявленіемъ свидѣтельства, выданнаго какою-либо общественною властью, что такое-то произведеніе есть оригинальное и что въ той странѣ, гдѣ оно было издано, пользуется оно законною защитою противъ контрафакціи или недозволеннаго воспроизведенія.

Высокія договаривающіяся Стороны сверхъ того соглашаются въ томъ, что за неоспоримое доказательство права собственности на всякое произведеніе ума или художества будетъ всегда признаваться, для произведеній изданныхъ во Франціи, свидѣтельство, выданное отдѣленіемъ книжной торговли при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ въ Парижѣ или Секретаріятомъ Префектуры въ Департаментахъ; для произведеній же, изданныхъ во владѣніяхъ *Его Величества Императора* Всероссійскаго, за неоспоримое доказательство права собственности будетъ признаваться, для произведеній литературныхъ, ученыхъ или драматическихъ, свидѣтельство, выданное тѣмъ вѣдомствомъ, на которое возложена цензура книгъ, а для художественныхъ произведеній, если они изданы въ Имперіи, свидѣтельство отъ Императорской Академіи Художествъ въ С.-Петербургѣ, если же

въ Царствѣ Польскомъ, то свидѣтельство отъ Варшавской Художественной Школы.

Постановляется, что для признанія въ томъ или другомъ Государствѣ дѣйствительности свидѣтельствъ, о которыхъ упоминается въ настоящей статьѣ, оныя должны быть удостовѣряемы безвозмездно обоюдными дипломатическими или консульскими агентами.

Статья 4. Право литературной или художественной собственности французовъ въ Россійской Имперіи и Россійскихъ подданныхъ во Франціи будетъ продолжаться для авторовъ всю жизнь и переходить къ ихъ прямымъ наслѣдникамъ или къ наслѣдникамъ по завѣщанію на двадцать лѣтъ, а къ боковымъ наслѣдникамъ на десять лѣтъ.

Двадцати и десятилѣтніе сроки будутъ считаться со времени кончины автора.

Статья 5. Не взирая на постановленія, заключающіяся въ ст. 1-й и 2-й настоящей конвенціи, статьи, извлеченныя изъ журналовъ или періодическихъ сборниковъ, издаваемыхъ въ одномъ изъ обоихъ Государствъ, могутъ быть воспроизводимы въ журналахъ или періодическихъ сборникахъ другаго Государства, но съ тѣмъ, чтобы указывался источникъ, изъ котораго они заимствованы.

Это дозволеніе не распространяется на воспроизведеніе, въ одномъ изъ обоихъ Государствъ, статей изъ журналовъ или періодическихъ сборниковъ, издаваемыхъ въ другомъ Государствѣ, когда авторы этихъ статей формально объявятъ въ томъ же журналѣ или сборникѣ, въ которомъ оныя напечатаны, что воспроизведеніе ихъ запрещается. Это запрещеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ касаться статей, относящихся къ политикѣ (articles de discussion politique).

Статья 6. Въ случаѣ нарушенія вышеизложенныхъ статей и исковъ о вознагражденіи убытковъ, будетъ поступаемо въ томъ или другомъ Государствѣ сообразно съ тѣмъ, что нынѣ предписано или впредь предписано будетъ законодательствомъ каждаго Государства, и подлежащія судебныя мѣста обязаны примѣнять наказанія, опредѣленныя дѣйствующими законами, точно также, какъ бы нарушеніе было учинено во вредъ сочиненію или произведенію отечественному.

Статья 7. Продажа всякаго произведенія, признаннаго въ томъ или другомъ изъ обоихъ Государствъ за незаконное воспроизведеніе или контрафакцію творенія, пользующагося правомъ защиты по силѣ 1-й и 2-й статей настоящей конвенціи, будетъ воспрещена безъ всякаго различія, сдѣлана ли такая контрафакція въ одномъ изъ обоихъ Государствъ, или въ какой-либо другой странѣ.

Однако настоящая конвенція не можетъ служить препятствіемъ продажѣ тѣхъ перепечатокъ или воспроизведеній, которыя будутъ изданы въ томъ или другомъ изъ обоихъ договаривающихся Государствъ или въ оныя привезены въ теченіе перваго года со дня подписанія настоящей конвенціи.

Что касается до недозволенныхъ воспроизведеній, къ изданію которыхъ уже приступлено и которыхъ часть появится до истеченія года со дня подписанія настоящей конвенціи, то издателямъ оныхъ въ Россійской Имперіи и во Франціи дозволено будетъ издать томы и выпуски, необхо-

димыя либо для окончанія помянутыхъ сочиненій, или для удовлетворенія полными экземплярами подписчиковъ, или для пополненія непроданныхъ еще коллекцій, находящихся въ магазинѣ. Напротивъ того не дозволяется дѣлать въ одномъ изъ обоихъ Государствъ никакихъ новыхъ изданій тѣхъ же сочиненій, ниже пускать въ продажу другихъ экземпляровъ, кромѣ предназначенныхъ для удовлетворенія заказовъ и подписокъ уже прежде предпринятыхъ.

Статья 8. Дабы облегчить полное исполненіе настоящей конвенціи, обѣ Высокія договаривающіяся Стороны обѣщаютъ сообщать взаимно другъ другу законы и правила, какъ нынѣ существующіе, такъ и тѣ, которые могутъ быть впредь постановлены въ обоихъ Государствахъ, по предмету обезпеченія литературной и художественной собственности.

Статья 9. Распоряженія настоящей конвенціи не должны ни въ чемъ нарушать право, которое каждая изъ Высокихъ договаривающихся Сторонъ положительно себѣ предоставляетъ: дозволять, подчинять своему надзору или запрещать, законодательными или административными мѣрами, обращеніе или выставку всякаго сочиненія или произведенія, относительно котораго то или другое изъ Государствъ признаетъ приличнымъ воспользоваться этимъ правомъ

Равнымъ образомъ ни одному изъ постановленій настоящей конвенціи не должно давать такого истолкованія, которымъ оспаривалось бы право Высокихъ договаривающихся Сторонъ запрещать ввозъ въ свои владѣнія такихъ книгъ, которыя на основаніи ихъ внутренняго законодательства или трактатовъ, заключенныхъ съ другими державами, принадлежатъ къ разряду противозаконныхъ воспроизведеній.

Статья 10. Настоящая конвенція будетъ оставаться въ силѣ, за изъятіемъ, постановленнымъ въ статьѣ 7, впродолженіе шести лѣтъ, считая отъ $^{2}/_{14}$ Іюля текущаго года.

Если по истеченіи вышеозначенныхъ шести лѣтъ не будетъ сдѣлано о настоящей конвенціи никакого объявленія за годъ впередъ, въ такомъ случаѣ она будетъ оставаться обязательною отъ одного до другаго года, до тѣхъ поръ, пока одна изъ Высокихъ договаривающихся Сторонъ не объявитъ другой, но за годъ впередъ, о намѣреніи своемъ прекратить дѣйствіе оной.

Высокія договаривающіяся Стороны предоставляютъ себѣ однако же право дѣлать въ конвенціи по взаимному соглашенію всякія измѣненія, какія окажутся приличными на опытѣ, если они не будутъ противорѣчить духу и началамъ, служащимъ ей основаніемъ.

Статья 11. Настоящая конвенція будетъ ратификована и ратификаціи будутъ размѣнены въ С.-Петербургѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, считая со дня ея подписанія, или, если возможно, и ранѣе.

Въ удостовѣреніе чего обоюдные Полномочные подписали оную и приложили къ оной печати гербовъ своихъ.

Учинено въ С.-Петербургѣ, (Апрѣля шестого) Марта двадцать пятаго дня, лѣта отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ перваго.

(Подписали) Герцогъ Монтебелло.

Горчаковъ.

Дополнительная статья. Между обѣими договаривающимися сторонами постановляется, что во все время, пока книги, издаваемыя во Франціи, будутъ допущены ко ввозу во владѣніе Его Величества Императора Всероссійскаго безъ платежа таможенныхъ пошлинъ, всѣ безъ различія сочиненія, издаваемыя въ Россіи, а также музыкальныя ноты, гравюры, литографіи и географическія карты будутъ равнымъ образомъ дозволены ко ввозу во владѣнія Французской имперіи, безъ платежа какихъ-либо таможенныхъ пошлинъ.

Настоящая дополнительная статья должна имѣть ту же силу и тоже дѣйствіе, какъ еслибъ она была включена отъ слова до слова въ конвенцію, заключенную сегодня для взаимнаго обезпеченія литературной и художественной собственности. Она будетъ ратифицована и возымѣетъ свое дѣйствіе въ тоже время, какъ и помянутая конвенція.

Въ удостовѣреніе чего и т. д.

КОНВЕНЦІЯ МЕЖДУ РОССІЕЮ И БЕЛЬГІЕЮ О ЛИТЕРАТУРНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ЗАКЛЮЧЕННАЯ $^{18}/_{30}$ ІЮЛЯ 1862 ГОДА.

Его Величество Императоръ Всероссійскій и Его Величество Король Бельгійцевъ, побуждаемые равнымъ желаніемъ опредѣлить особою Конвенціею способы къ обезпеченію авторскихъ правъ на ученыя, литературныя и художественныя произведенія въ обоюдныхъ Ихъ Государствахъ, назначили съ этою цѣлью Своими уполномоченными, именно:

Его Величество Императоръ Всероссійскій, Царь Польскій,—Князя Александра Горчакова, Своего Вице-Канцлера, Члена Государственнаго Совѣта, Кавалера орденовъ Россійскихъ: Св. Андрея Первозваннаго, Св. Владиміра 1-й степени, Св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, Св. Анны 1-й степени и Св. Станислава 1-й степени; Большаго Креста Бельгійскаго ордена Леопольда; Французскаго Почетнаго Легіона; Испанскаго Золотаго Руна; Сардинскаго Св. Аннунціаты; Австрійскаго Св. Стефана; Прусскихъ: Чернаго Орла, украшеннаго брилліантами, и Краснаго Орла; Шведскаго Серафимовъ; Португальскаго Башни и Меча; Неаполитанскихъ: Фердинанда и за Достоинство; Виртембергскаго Короны; Датскихъ: Слона и Данеброга; Баварскаго Св. Губерта; Баденскихъ: Вѣрности и Льва Цеpингенскаго; Гановерскаго Гвельфовъ; Гессенъ-Дармштадтскаго Людвига; Саксонскаго Короны; Саксенъ-Альтенбургскаго Эрнеста; Саксенъ-Веймарскаго Бѣлаго Сокола; Ольденбургскаго Петра-Фридриха-Людвига; Греческаго Спасителя; Папскаго Пія IX; Тосканскаго Св. Іосифа; Турецкаго Меджидіе; имѣющаго портретъ Шаха Персидскаго 1-го класса съ брилліантами;

а Его Величество Король Бельгійцевъ Виконта Людовика де-Іонге-д'Ардуа, Офицера Бельгійскаго ордена Леопольда; Кавалера ордена Св. Анны 1-й степени; Командора ордена Св. Маврикія и Лазаря, Португальскаго ордена Христа; Пармскаго Константиновскаго ордена Св. Георгія; Своего Чрезвычайнаго Посланника и Полномочнаго Министра при Дворѣ Его Величества Императора Всероссійскаго;

каковые Уполномоченные, по взаимномъ сообщеніи своихъ полномочій, найденыхъ въ надлежащей формѣ, постановили и подписали нижеслѣдующія статьи:

Статья I.

Съ того времени, съ котораго, согласно постановленному ниже въ статьѣ XI настоящая Конвенція будетъ подлежать исполненію, авторамъ произведеній ума или художествъ, которымъ законами одного изъ обоихъ Государствъ нынѣ присвоено или впредь будетъ присвоено право собственности или авторское право, будетъ предоставлено, подъ опредѣленными ниже сего условіями, пользованіе тѣмъ же правомъ во владѣніяхъ другаго Государства точно такъ и въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ присвоено въ семъ послѣднемъ пользованіе этимъ правомъ авторамъ подобныхъ же произведеній, издаваемыхъ въ семъ Государствѣ.

Незаконныя перепечатываніе и воспроизведеніе, или контрафакція твореній, изданныхъ первоначально въ одномъ изъ обоихъ договаривающихся Государствъ, будутъ уподоблены въ другомъ незаконному перепечатыванію и воспроизведенію тѣхъ твореній, коихъ авторы принадлежатъ къ сему послѣднему Государству. Всѣ законы, предписанія, постановленія и условія, какъ нынѣ существующія, такъ и тѣ, которыя могутъ быть впредь обнародованы, относительно исключительнаго права изданія литературныхъ и художественныхъ произведеній, будутъ примѣняемы къ таковой контрафакціи во всемъ, въ чемъ только не постановлено изъ оныхъ изъятія въ настоящей Конвеціи.

При семъ однако разумѣется, что права, взаимно предоставляемыя въ томъ или другомъ Государствѣ, относительно вышеозначенныхъ произведеній, не могутъ быть обширнѣе тѣхъ правъ, какія предоставляетъ законодательство того Государства, къ которому принадлежатъ авторы или лица, заступающія ихъ мѣсто въ качествѣ повѣренныхъ, наслѣдниковъ или пріобрѣтшихъ право изданія уступкою, дареніемъ или иначе.

Статья II.

Подъ названіемъ произведеній ума или искусства разумѣются: книги, брошюры, драматическія творенія, музыкальныя сочиненія, картины, планы, географическія карты, литографіи и рисунки, скульптурныя работы и другія произведенія науки, литературы или художествъ, кѣмъ бы эти творенія ни были изданы, частными лицами или какимъ либо публичнымъ учрежденіемъ, академіею, университетомъ, общественнымъ учебнымъ заведеніемъ, ученымъ или инымъ обществомъ.

Съ оригинальными произведеніями положительно уравниваются пере-

воды, сдѣланные въ одномъ изъ Государствъ съ отечественныхъ или иностранныхъ сочиненій. Само собою разумѣется, что настоящее постановленіе имѣетъ цѣлью единственно оказать защиту переводчику, относительно сдѣланнаго имъ перевода, а отнюдь не присвоеніе исключительнаго права перевода тому, кто первый перевелъ какое либо сочиненіе.

Повѣренные, наслѣдники или представители правъ авторовъ вышеисчисленныхъ произведеній ума или художества будутъ во всѣхъ отношеніяхъ пользоваться тѣми же правами, какія настоящею Конвенціею предоставляются самимъ авторамъ.

Статья III.

Для обезпеченія за каждымъ произведеніемъ ума или художества права собственности, опредѣленнаго въ предъидущихъ статьяхъ, авторы или переводчики обязаны будутъ, въ случаѣ надобности, доказать предъявленіемъ свидѣтельства, выданнаго какою либо общественною властію, что такое-то произведеніе есть оригинальное и что въ той странѣ, гдѣ оно было издано, пользуется оно законною защитою противъ контрафакціи или недозволеннаго воспроизведенія.

Высокія договаривающіяся Стороны при семъ постановляютъ, что за неоспоримое доказательство права собственности на всякое произведеніе ума или художества будетъ всегда признаваться, для произведеній, изданныхъ въ Бельгіи, свидѣтельство, выданное отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ Брюсселѣ; для произведеній же, изданныхъ во владѣніяхъ Его Величества Императора Всероссійскаго, за неоспоримое доказательство права собственности будетъ признаваться, для произведеній литературныхъ, ученыхъ или драматическихъ, свидѣтельство, выданное тѣмъ вѣдомствомъ, на которое возложена цензура книгъ, а для произведеній художественныхъ, если они изданы въ Имперіи, свидѣтельство отъ Императорской Академіи Художествъ въ С.-Петербургѣ; для произведеній же, какъ литературныхъ, ученыхъ или драматическихъ, такъ и художественныхъ, изданныхъ въ Царствѣ Польскомъ, свидѣтельство, выданное Комиссіею Народнаго Просвѣщенія.

Постановляется, что для признанія въ томъ или другомъ Государствѣ дѣйствительности свидѣтельствъ, о которыхъ упоминается въ настоящей статьѣ, оныя должны быть удостовѣряемы безвозмездно обоюдными дипломатическими или консульскими Агентами.

Статья IV.

Право литературной или художественной собственности Россійскихъ подданыхъ въ Бельгіи и Бельгійцевъ въ Россійской Имперіи будетъ продолжаться для авторовъ всю жизнь и переходить къ ихъ прямымъ наслѣдникамъ или къ наслѣдникамъ по завѣщанію на двадцать, а къ боковымъ наслѣдникамъ на десять лѣтъ.

Двадцати и десяти-лѣтніе сроки будутъ считаться со времени кончины автора.

Статья V.

Не взирая на постановленія, заключающіяся въ статьяхъ I и II настоящей Конвенціи, статьи, извлеченныя изъ журналовъ или изъ періодическихъ сборниковъ, могутъ быть воспроизводимы въ журналахъ или въ періодическихъ сборникахъ другаго Государства, но съ тѣмъ, чтобы указывался источникъ, изъ котораго они заимствованы.

Это дозволеніе однако не распространяется на воспроизведеніе въ одномъ изъ обоихъ Государствъ статей изъ журналовъ или изъ періодическихъ сборниковъ, издаваемыхъ въ другомъ Государствѣ, когда авторы этихъ статей формально объявятъ, въ томъ же журналѣ или сборникѣ, въ которомъ оныя напечатаны, что воспроизведеніе ихъ запрещается. Это запрещеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ касаться статей, относящихся къ политикѣ (articles de discussion politique).

Статья VI.

Въ случаѣ нарушенія вышеизложенныхъ статей и исковъ о вознагражденіи убытковъ, будетъ поступаемо въ томъ или другомъ Государствѣ сообразно съ тѣмъ, что нынѣ предписано или впредь предписано будетъ законодательствомъ каждаго Государства, и подлежащія судебныя мѣста будутъ примѣнять наказанія, опредѣленныя дѣйствующими законами, точно такъ же, какъ бы нарушеніе было учинено во вредъ сочиненію или произведенію отечественному.

Статья VII.

Продажа всякаго произведенія, признаннаго въ томъ или другомъ изъ обоихъ Государствъ за незаконное воспроизведеніе или контрафакцію творенія, пользующагося правомъ защиты по силѣ I-й и II-й статей настоящей Конвенціи, будетъ воспрещена, безъ различія, сдѣлана ли такая контрафакція въ одномъ изъ обоихъ Государствъ, или въ какой либо другой странѣ.

Однако настоящая Конвенція не можетъ служить препятствіемъ продажѣ тѣхъ перепечатокъ или воспроизведеній, которыя будутъ изданы въ томъ или другомъ изъ обоихъ договаривающихся Государствъ или въ оныя привезены въ теченіе перваго года со дня подписанія настоящей Конвенціи.

Что касается недозволенныхъ воспроизведеній, къ изданію которыхъ уже приступлено и которыхъ часть появится до истеченія года со дня подписанія настоящей Конвенціи, то издателямъ оныхъ въ Россійской Имперіи и въ Бельгіи дозволено будетъ издать томы и выпуски, необходимые для окончанія помянутыхъ сочиненій, или для удовлетворенія полными экземплярами подписчиковъ, или для пополненія непроданныхъ еще коллекцій, находящихся въ магазинахъ. Напротивъ того, не дозволяется дѣлать въ одномъ изъ обоихъ Государствъ никакихъ новыхъ изданій тѣхъ же сочиненій, ниже пускать въ продажу другихъ экземпляровъ, кромѣ предназначенныхъ для удовлетворенія заказовъ и подписокъ, уже прежде предпринятыхъ.

Статья VIII.

Дабы облегчить полное исполненіе настоящей Конвенціи, обѣ Высокія договаривающіяся Стороны обѣщаютъ сообщать взаимно другъ другу законы и правила, какъ нынѣ существующіе, такъ и тѣ, которые могутъ быть впредь постановлены, по предмету обезпеченія литературной и художественной собственности.

Статья IX.

Распоряженія настоящей Конвенціи не должны ни въ чемъ нарушать право, которое каждая изъ Высокихъ договаривающихся Сторонъ положительно предоставляетъ себѣ: дозволять, подчинять своему надзору или запрещать, законодательными или административными мѣрами, обращеніе или выставку всякаго сочиненія или произведенія, относительно котораго то или другое Государство признаетъ приличнымъ воспользоваться этимъ правомъ.

Равнымъ образомъ, ни одному изъ постановленій настоящей Конвенціи не должно давать такого истолкованія, которымъ оспаривалось бы право Высокихъ договаривающихся Сторонъ запрещать ввозъ въ свои владѣнія такихъ книгъ, которыя, на основаніи ихъ внутренняго законодательства или трактатовъ, заключенныхъ съ другими державами, принадлежатъ къ разряду противозаконныхъ воспроизведеній.

Статья X.

Во все время, пока книги, издаваемыя въ Бельгіи, равно какъ картины, скульптурныя произведенія, музыкальныя ноты, гравюры, литографіи и географическія карты будутъ допускаемы ко ввозу во владѣнія Его Величества Императора Всероссійскаго безъ платежа таможенныхъ пошлинъ, всѣ безъ различія сочиненія, издаваемыя въ Россіи, а также картины, скульптурныя произведенія, музыкальныя ноты, гравюры, литографіи и географическія карты, будутъ равнымъ образомъ дозволены ко ввозу въ Бельгійскія владѣнія, безъ платежа какихъ бы то ни было таможенныхъ пошлинъ.

Статья XI.

Настоящая Конвенція будетъ оставаться въ силѣ, за изъятіемъ, постановленнымъ въ статьѣ VII, въ продолженіе шести лѣтъ, считая съ $^{2}/_{14}$ Января 1863.

Если, при истеченіи вышеозначенныхъ шести лѣтъ, не будетъ сдѣлано за годъ впередъ объявленія о прекращеніи ея дѣйствія, въ такомъ случаѣ она будетъ оставаться обязательною отъ одного года до другаго, до тѣхъ поръ, пока одна изъ Высокихъ договаривающихся Сторонъ не объявитъ другой, за годъ впередъ, о намѣреніи своемъ прекратить дѣйствіе оной.

Высокія договаривающіяся Стороны предоставляютъ себѣ однако же право дѣлать въ Конвенціи, по взаимному соглашенію, всякія измѣненія,

какія окажутся приличными на опытѣ, если только они не будутъ противорѣчить духу и началамъ, служащимъ ей основаніемъ.

Статья XII.

Настоящая Конвенція будетъ ратификована и ратификаціи будутъ размѣнены въ С.-Петербургѣ, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, считая со дня подписанія, или ранѣе, буде возможно.

Въ удостовѣреніе чего обоюдные Полномочные подписали оную и приложили къ оной печати своихъ гербовъ.

Учинено въ С.-Петербургѣ, Іюля 18/30 дня, лѣта отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ втораго.

(Подп.) Горчаковъ. (Подп.) Де Іонге д'Ардуа.
(М. П.) (М. П.)

Того ради, по довольномъ разсмотрѣніи сей Конвенціи, Мы приняли оную за благо, подтвердили и ратификовали, яко же симъ за благо пріемлемъ, подтверждаемъ и ратификуемъ во всемъ ея содержаніи, обѣщая Императорскимъ Нашимъ Словомъ за Насъ, Наслѣдниковъ и Преемниковъ Нашихъ, что все, въ помянутой Конвенціи постановленное, соблюдаемо и исполняемо будетъ ненарушимо. Во удостовѣреніе чего Мы, сію Нашу Императорскую Ратификацію Собственноручно подписавъ, Государственною Нашею печатью утвердить повелѣли. Дана въ С.-Петербургѣ, Декабря двадцать третьяго дня въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ второе, Царствованія же Нашего въ восьмое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако:

„*АЛЕКСАНДРЪ*".

(М. П.)

Контрасигнировалъ: Вице-Канцлеръ Князь *А. Горчаковъ*.

С.С.С.Р. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса Ц. И. К.

Цѣна 3 руб. сер.